

О. Б. БУБЕНОК

АЛАНЫ-АСЫ В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ (XIII–XV вв.)

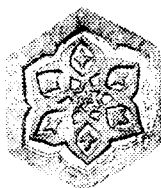

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ

Институт востоковедения им. А. Крымского

О. Б. Бубенок

**Аланы-асы
в Золотой Орде
(XIII–XV вв.)**

“Истина”

Киев 2004

ББК 63.3(0)4

Б 90

Монография подготовлена и издана при финансовой поддержке
Американского Совета Научных Обществ
(The American Council of Learned Societies)

Бубенок О. Б.

Б 90 Аланы-асы в Золотой Орде (XIII—XV вв.). — Киев: “Истина”, 2004. — 324 с.

— Рез. англ.— Библиогр.: с. 295—317.

ISBN 966-7613-53-4

Монография посвящена позднему ираноязычному населению степей Евразии — аланам-асам, входившим в XIII—XV вв. в состав Золотой Орды. На основе сопоставительного анализа данных письменных, археологических, этнографических и других источников в работе исследуется не только характер взаимоотношений монголов-завоевателей и попавших под их власть аланов Северного Кавказа, Средней Азии и Восточной Европы, но и предпринимается попытка соотнести события золотоордынского периода с особенностями этнического развития позднейших аланов-асов и их участия в этногенезе современных народов Евразии. На примере аланов-асов автор монографии стремится определить место оседлого населения в социальной структуре золотоордынского государства.

Предназначена для историков, этнологов, археологов и всех тех, кто интересуется прошлым народов Евразии.

ББК 63.3(0)4

Печатается по решению Ученого совета
Института востоковедения им. А. Крымского
Национальной Академии наук Украины
Протокол № 5 от 18 сентября 2003 г.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *Л. В. Матвеева*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *Я. Р. Дашкевич* (г. Львов)

доктор исторических наук, профессор *В. К. Михеев* (г. Харьков)

доктор исторических наук *О. В. Сухобоков* (г. Киев)

ISBN 966-7613-53-4

© Бубенок О. Б., 2004

© Институт востоковедения

им. А. Крымского НАНУ, 2004

© Издательство “Истина”, 2004

Введение

В середине XIII в. в степях Евразии образовался самый западный в Монгольской империи улус — Улус Джучи, более известный как Золотая Орда. В результате, под властью ханов Золотой Орды оказались многие кочевые и земледельческие народы Восточной Европы и Азии. Среди них следует особо отметить кыпчаков-половцев, хорезмийцев, волжских булгар, черкесов, мордву и т. п. Однако до сих пор лишь немногие исследователи обращали внимание на то, что к числу наиболее многочисленных этнических групп Золотой Орды следует также отнести аланов, известных еще как асы, которые представляли позднейшее ираноязычное население зоны Великой Евразийской степи. Данные письменных источников золотоордынского времени позволяют локализовать аланов-асов в XIII—XV вв. не только в традиционных местах их обитания — на Северном Кавказе, но и в Грузии, Хорезме, городах Нижней и Средней Волги, в степях Северного Причерноморья, в степном и горном Крыму, в Северо-Западном Причерноморье, на Балканах, и даже на территории Венгрии. Кроме того, данные китайских и монгольских хроник позволяют локализовать народ “асу” (асы) в XIII—XIV вв. как в Китае, так и в Монголии. Такое широкое расселение аланов на территории Золотой Орды и за ее пределами могло быть непосредственно связано с событиями, происходившими во время монгольских завоеваний в первой половине XIII в., а также могло стать следствием политики, проводимой в мирное время золотоордынскими ханами и монгольскими императорами по отношению к покоренным народам.

Однако проблема позднейших аланов, входивших в XIII—XV вв. в состав Золотой Орды, до сих пор остается малоразработанной. Причин этого несколько. Во-первых, среди подавляющего большинства восточноевропейских исследователей получило распространение резко негативное отношение к роли и месту Золотой Орды и монголов в истории народов Европы и Азии. Традиции этого направления в историографии уходят корнями, пожалуй, еще в период русского летописания времен Батыевых походов и Куликовского сражения и получили оформление уже в XVIII в. в российской великодержавной исторической науке. Это в значительной степени затрудняет решение вопросов, связанных с определением характера взаимоотношений между кочевниками-монголами и оседлыми народами, где к числу последних следует отнести аланов.

Во-вторых, несмотря на происшедшие за последнее десятилетие изменения, подавляющее большинство историков бывшего СССР до сих пор находятся под влиянием идей марксизма. В соответствии с этим, золотоордынское общество с его улусной системой они продолжают рассматривать как “монгольский кочевой феодализм”, а политическое объединение аланов на Северном Кавказе также объявляют “феодальным государством”. И это при том, что уже давно были высказаны сомнения в целесообразности перенесения терминологии и понятий, совместимых с историческими процессами в Западной Европе, на кочевников Евразии и на цивилизации Востока, где к числу последних можно отнести северокавказскую Аланию.

В-третьих, еще сильны в современной историографии идеи регионализма. Наиболее распространенной оказалась тенденция, в соответствии с которой восточнославянские историки, игнорируя историю десятков покоренных монголами народов, сводили практически всю историю Золотой Орды к ее взаимоотношениям с Русью. При этом осетинские исследователи рассматривали историю аланов в золотоордынский период в основном как часть истории северокавказской Алании, забывая, что в XIII—XV вв. значительные группы аланов уже были сосредоточены за пределами Северного Кавказа — в различных местах Восточной и Центральной Европы, а также в Средней Азии.

В-четвертых, ограниченность источниковедческой базы не позволяла в обобщающем аспекте рассматривать историю золотоордынских аланов. Обычно

наши представления по этой проблеме базировались на данных письменных источников, количество которых за истекшие сто лет существенно не увеличилось. Переводы этих источников на европейские языки были выполнены несколько десятилетий назад и поэтому в ряде случаев требуют уточнения и корректировки. При этом, за исключением Северного Кавказа, практически не использовался археологический материал для изучения истории позднейших аланов. К сожалению, золотоордынская археология, в силу препятствий идеологического характера, вплоть до настоящего времени оставалась слабо развитой отраслью исследований, по сравнению, например, с археологией Руси и т. п. Кроме того, специалисты по истории народов позднего средневековья вплоть до недавнего времени практически не привлекали данные филологических наук для своих исследований. Это же можно сказать об использовании историками-медиевистами данных этнологических исследований. Этнологические исследования в данном направлении проводились в региональном направлении и не носили обобщающего характера. Большую сложность представляет также то, что палеоантропологические материалы из могильников золотоордынского времени доступны для интерпретации лишь специалистам-антропологам и потому историками для освещения вопросов этнической и социальной истории Золотой Орды привлекались лишь в незначительной степени.

Однако нельзя сказать, что проблема аланов Золотой Орды не получила существенного освещения в работах предыдущих исследователей. Так, одним из первых вопросов истории позднейшего ираноязычного населения степей Восточной Европы коснулся во второй половине XIX в. Ф. Брун в своей монографии “Черноморье”. Исследователь отметил, что в XIII—XV вв. отдельные группы аланов проживали не только на Северном Кавказе, но и обитали в степях Северного Причерноморья, в Крыму, в Северо-Западном Причерноморье и в Венгрии. К этим выводам Ф. Брун пришел в результате анализа малоизвестных нам европейских источников. Такое широкое расселение аланов в западной части Золотой Орды Ф. Брун объяснял результатами политики золотоордынских ханов по отношению к покоренным народам как в период Батыевых походов, так и в мирное время. При этом исследователь придерживался мнения об автохтонном происхождении некоторых групп аланов за пределами Северного Кавказа [Брун 1879; 1880].

В дальнейшем данная проблема нашла освещение в тех работах исследователей, которые были посвящены либо истории аланов, либо Золотой Орде. Из числа первых исследований, в первую очередь, следует назвать работы Ю. А. Кулаковского, многие из которых специально были посвящены истории аланов. Как отметила исследователь жизненного и научного пути Ю. А. Кулаковского — Л. В. Матвеева, “Ю. Кулаковский собрал и критически оценил почти все опубликованные материалы, письменные документы, где содержалась информация об аланах” [Матвеева, 2002, с. 218]. Уже первые статьи Ю. А. Кулаковского об аланах — “Христианство у алан”, “Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата?” — были посвящены распространению христианства у аланов в период средневековья, особенно в золотоордынский период [Кулаковский, 1997б, 1998б]. Значительным событием стала публикация Ю. А. Кулаковским перевода с греческого оригинала на русский язык “Аланского послания” епископа Феодора, в котором было отмечено существование аланского христианского населения в начале XIII в. не только на Северном Кавказе, но и в Юго-Западном Крыму, а также в степях Северного Причерноморья [Кулаковский, 1898а]. Наиболее же значительной работой Ю. А. Кулаковского по аланской проблематике стала его книга “Аланы по сведениям классических и византийских писателей”, последние разделы которой специально посвящены позднейшим аланам Северного Кавказа, Крыма, северопричерноморских степей, Северо-Западного Причерноморья и Венгрии. По наблюдениям Ю. А. Кулаковского, положение этого населения зависело от политики ханов и правителей Золотой Орды, в первую очередь темника Ногая [Кулаковский, 1899, с. 57—72].

Кроме того, в монографии “Прошлое Тавриды” Ю. А. Кулаковский отметил, что в XIII—XIV вв. поселения аланов получили распространение по всей территории Южного Крыма и это население, несмотря на присутствие монголо-татар на полуострове, продолжало придерживаться православного христианства [Кулаковский, 2002, с. 164—208]. Необходимо отметить, что история аланов XIII—XV вв. отражена и в других работах Ю. А. Кулаковского. Несмотря на то, что исследования Ю. А. Кулаковского были выполнены около ста лет назад, они до сих пор остаются одними из лучших по аланской проблематике. Причина этого не только в том, что историк прекрасно умел работать с источниками, выполненными на многих языках, и привлекал данные из многих смежных гуманитарных дисциплин, но и стремился быть объективным при освещении многих событий прошлого.

В советское время история алано-монгольских взаимоотношений освещалась не только с точки зрения традиционно негативного отношения к роли монголов в истории народов Азии и Европы, но и с позиций марксистской науки. К числу таких исследований можно отнести монографию З. Н. Ванеева “Средневековая Алания”, в которой одна из глав посвящена монгольскому вторжению на Северный Кавказ. По мнению З. Н. Ванеева, это имело катастрофические последствия для аланов. Кроме того, аланское население в монгольский период З. Н. Ванеевым было отмечено также в Крыму, в Подонье и в других районах Восточной Европы [Ванеев, 1959, с. 173—183]. В таком же духе выдержаны монографии археолога и историка В. А. Кузнецова “Алания в X—XIII вв.” и “Очерки истории алан”, где отмечается высокий уровень развития производительных сил в северокавказской Алании до прихода монголов и их якобы полный упадок в золотоордынский период. Кроме того, для этого периода исследователь отметил присутствие аланов-асов не только на Северном Кавказе, но и на Дальнем Востоке при дворе монгольских императоров, а также в причерноморских степях, в прибалканских странах и в Венгрии. Последний фактор исследователь объясняет бегством аланов с Северного Кавказа непосредственно после военной кампании монголов в 1238—1239 гг. [Кузнецов, 1971, с. 41—45; 1984, с. 253—278].

Особо следует также выделить диссертацию М. К. Джиева “Алания в XIII—XIV вв.” и ряд его статей по данной проблеме. В своей диссертационной работе осетинский исследователь коснулся вопросов истории аланов золотоордынского времени, проживавших не только на Северном Кавказе, но и за пределами региона, например, на Волге. В отличие от В. А. Кузнецова, М. К. Джиев считал, что монгольское нашествие в 1238—1239 гг. на Северный Кавказ имело для аланов не такие уж катастрофические последствия. Большей катастрофой для аланов Северного Кавказа осетинский историк считал вторжение Тимура в конце XIV в. [Джиев, 1982]. Из работ по истории позднейших аланов следует также отметить отдельные статьи А. Н. Карсанова, посвященные аланам Крыма, Северо-Западного Причерноморья и других регионов. Его публикации в основном основывались на сопоставительном анализе текстов древнерусских летописей с переводами некоторых сочинений западноевропейских и восточных авторов [Карсанов, 1989; 1992]. Необходимо отметить, что на этом спектр алановедческих исследований по золотоордынскому периоду отнюдь не является исчерпанным. Анализ их приведен в тексте представленной на суд читателей книги.

Несмотря на обилие работ по аланской проблеме, подавляющее их большинство было написано в советское время. Поэтому основное внимание в этих исследованиях сосредоточено на особенностях социально-экономического развития средневековых аланов. В соответствии с идеями марксизма, аланское общество, как и общественное устройство Золотой Орды, было признано феодальным. При этом исследователи стремились доказать, что монгольское вторжение прервало бурное социально-экономическое развитие северокавказской Алании в XIII в. Однако в этих работах не были освещены такие вопросы: а) почему в золотоордынское время аланы оказались в различных частях Монгольской империи; б) как аланы интегрировались

в золотоордынское общество; в) какова судьба аланов за пределами Северного Кавказа после распада Золотой Орды?

В этом отношении несколько отличным выглядит подход авторов некоторых монографических исследований, посвященных непосредственно истории Золотой Орды. Прежде всего, следует отметить монографию Г. В. Вернадского “Монголы и Русь”, написанную в начале XX в. за пределами СССР и поэтому не имеющую прямого отношения к марксистской исторической науке. Этот фактор не помешал Г. В. Вернадскому считать общество Золотой Орды феодальным, а сам режим в этом монгольском государстве — деспотическим по отношению к покоренным народам. Несмотря на то, что в монографии основное внимание было уделено взаимоотношениям золотоордынских ханов с князьями Руси, немало места Г. В. Вернадский также уделил роли аланов в истории Золотой Орды. Историк считал, что аланы успешно интегрировались в военную организацию монголов и активно использовались последними в военных кампаниях. В это же время, Г. В. Вернадский отметил, что аланы как некоевой народ, в соответствии с установлениями Чингис-хана, содержащимися в Ясе, не относились к самым привилегированным слоям общества Золотой Орды [Вернадский, 1997, с. 59, 141, 179, 185, 187, 195].

Иной аспект проблемы затронули в своей монографии “Золотая Орда и ее падение” Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский. Авторы работы, в свойственной для советской науки направленности, не только освещали характер взаимоотношений Золотой Орды и Руси, но и акцентировали внимание на особенностях социально-экономического развития золотоордынского государства. Они отвели аланам ведущую роль в развитии торговли в Золотой Орде, мотивируя это тем, что через земли Улуса Джучи проходили в различных направлениях трансконтинентальные торговые пути. По их наблюдениям, в Золотой Орде аланы проживали не только на Северном Кавказе, но и на Средней и Нижней Волге, в городах Крыма и т. д. [Греков, Якубовский, 1950, с. 12, 21, 50, 59, 67, 101, 117, 143, 201, 241, 290, 290, 291, 298, 338].

Нельзя обойти вниманием также исследования Г. А. Федорова-Давыдова, посвященные истории Золотой Орды. Следует обратить особое внимание на его книгу “Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов”, где отдельный раздел был посвящен алано-болгарским племенам степей Восточной Европы в X—XIV вв. Специфика данной монографии предполагала, в первую очередь, интерпретацию археологических материалов золотоордынского времени. Поэтому Г. А. Федоров-Давыдов акцентировал внимание на попытке С. А. Плетневой и Л. П. Зяблина связать некоторые черты в погребальных памятниках кочевников X—XIII вв. с влиянием потомков позднейших сармато-аланов и носителей салтовской культуры. При этом Г. А. Федоров-Давыдов отметил, что эти особенности в XI—XIII вв. получили распространение среди кочевников на обширной территории восточноевропейских степей и проявились в погребальных традициях поздних кочевников со значительным хронологическим разрывом от сарматского времени. В результате был сделан весьма пессимистический вывод: “если позднесарматские и болгаро-аланские племена I тыс. н. э. и оказали какое-то влияние на антропологический тип, культуру и обычаи тюркских кочевников первой половины II тыс. н. э., то это воздействие было очень незначительным и в археологических материалах не оставило следа”. Таким образом, Г. А. Федоров-Давыдов оставил открытым вопрос об археологической атрибуции присутствия аланов в степях Восточной Европы в предмонгольский и золотоордынский периоды [Федоров-Давыдов, 1966, с. 163—165]. Но это не означает, что пребывание позднейших аланов в степях Восточной Европы вовсе невозможно атрибутировать археологически.

Если исследования большинства советских историков и археологов историю Золотой Орды и населявших ее народов сводили к антагонистическому противостоянию кочевого и земледельческого миров, где классовые отношения играли ведущую роль, то в исследованиях Л. Н. Гумилева наметился диаметрально

противоположный подход в освещении истории золотоордынского государства. Прежде всего, в отличие от большинства своих соотечественников, Л. Н. Гумилев наоборот стремился идеализировать золотоордынское общество и отводил золотоордынцам роль посредников в обмене культурными традициями между Востоком и Западом. Краеугольным камнем исследований этого ученого стала разработанная им теория о пассионарности этносов. По мнению Л. Н. Гумилева, в XIII—XIV вв. монголы, а впоследствии и золотоордынцы, как-раз и являлись носителями пассионарности. Аланы же, на его взгляд, к этому времени пассионарность утратили. Так, в своей книге “Древняя Русь и Великая степь” Л. Н. Гумилев описал аланов XIII в. в несколько неожиданном ракурсе: “...аланы утратили пассионарность предков настолько, что не могли удержать бывшую у них культуру и государственность, сохранив почитание креста не как символа, а как амулет. Потому они не могли быть угрозой для соседей, ни организовать оборону при вражеском вторжении... Аланы не имели никакой государственной организации и потому не были способны к сопротивлению” [Гумилев, 1989, с. 499—500]. Однако, насколько обоснованы такие утверждения?

На этом перечень исследований по Золотой Орде, где было уделено внимание аланам, отнюдь не исчерпан. Таким образом, позднейшие аланы, находившиеся в XIII—XV вв. в составе Золотой Орды, до сих пор не являлись объектом специального монографического обобщающего исследования. Обычно внимание исследователей по этой теме было сосредоточено на отдельных аспектах аланской проблематики или на изучении аланов, проживавших на определенных территориях, в первую очередь на Северном Кавказе. Поэтому представленная на суд читателей монография призвана осветить не только историю позднейших аланов, но и показать их место в военно-административной и социально-экономической системах Золотой Орды. Для этого необходимо было решить следующие задачи:

- дать точную локализацию отдельных групп аланов в Средней Азии, на Северном Кавказе и в Восточной Европе накануне и во время монгольского вторжения, а также в период существования золотоордынского государства;

- определить происхождение отдельных групп аланов, проживавших в золотоордынское время за пределами Северного Кавказа, и в соответствии с этим определить особенности использования этнонимов *алан* и *ас*;

- показать на примере аланов, какие последствия имели в первой половине XIII в. походы монголов для народов Средней Азии, Северного Кавказа и Восточной Европы;

- определить на примере аланов характер внутренней политики монголов по отношению к покоренным оседлым народам;

- показать степень участия позднесредневековых аланов в этногенезе народов зоны Великой Евразийской степи и в соответствии с этим — масштабы воздействия традиций аланов на культуру народов Средней Азии и Восточной Европы.

Таким образом, предложенная книга призвана осветить ряд вопросов не только военно-политической, но и этнической, социально-экономической истории Золотой Орды. Поэтому исследование носит междисциплинарный характер, что предполагает использование различных источников и методов исследований.

Использованные для написания монографии источники по данной теме можно условно разделить на традиционные и нетрадиционные, т. е. на те, которые до этого уже были использованы предыдущими исследователями, и те, которые были привлечены впервые. В первую очередь, это касается источников, посвященных истории аланов в XIII—XV вв. вне пределов Северного Кавказа.

К традиционным источникам, прежде всего, следует отнести письменные документы на восточных и европейских языках, как переведенные, так и не переведенные на русский язык. Несмотря на существование большого количества письменных источников по истории Монгольской империи и Золотой Орды, основная их масса представляла собой изложение истории монголов со стороны и

позиций представителей других культурных традиций. Поэтому особый интерес может представлять история создания Монгольской империи, изложенная самими монголами. Особо следует выделить написанный во второй половине XIII в. на монгольском языке источник “Тайная история монголов”, известный иначе в китайском варианте названия, как “Юань чао би ши” или, в интерпретации переводчика на русский язык этого текста С. А. Козина, — “Сокровенное сказание”. Ценность сочинения в том, что эта хроника составлялась исключительно для представителей монгольской верхушки и содержала описание событий XIII в. в совершенно своеобразной интерпретации [Козин, 1941]. К числу других монгольских источников можно также отнести позднесредневековое сочинение “Алтан Тобчи”, отражающее взгляд монголов на свою историю уже после крушения Монгольской империи [Лубсан Данзан, 1973].

Также следует выделить два тома “Сборника материалов, относящихся к истории Золотой орды”, которые были переведены и подготовлены к В. Г. Тизенгаузену к изданию в 1884 и 1941 гг. Из первого тома, в котором содержались извлечения из текстов арабоязычных авторов, при подготовке настоящей книги были использованы фрагменты из сочинений ал-Омари, ал-Айни, Ибн Хальдуна, Ибн Абд аз-Захыра и других авторов. Из второго тома, содержащего извлечения из хроник персоязычных историков, были использованы фрагменты из сочинений Джувейни, Низам ад-Дина Шами, Шереф ад-Дина Йезди, Рашид ад-Дина и т. п. [Тизенгаузен, 1884; 1941]. Особый интерес представляет текст “Сборника летописей” Рашид ад-Дина, известный также как “Джами’ ат-Таварих”. При подготовке настоящей монографии были использованы издания переводов на русский язык “Сборника летописей” Рашид ад-Дина, осуществленные во второй половине XX в. академией наук СССР. [Рашид-ад-дин, 1952; 1960]. Немаловажное значение имело использование второго тома критического текста “Джами’ ат-Таварих”, изданного также АН СССР. Именно во втором томе восточноевропейского издания содержится детальная информация о походах хана Батыя на Восточную Европу и описаны боевые действия его войска в это время [Рашид ад-Дин, 1980]. Немаловажное значение имело сопоставление фрагмента из издания критического текста с соответствующим отрывком из изданного в Тегеране в 1379/1995 г. 1-го тома “Джами’ ат-Таварих” под редакцией доктора Бахшана Керими. Данный вариант сочинения Рашид ад-Дина был опубликован также под вторым названием — “История монголов” — и содержал фрагменты, посвященные походам Батыя, существенно отличающиеся от вариантов из изданного в СССР критического текста. Как отметил в предисловии к тегеранскому изданию Бахшан Керими, жизнеописание хана Джучи и его сына Бату было взято из варианта сочинения Рашид ад-Дина, опубликованного в 1901 г. директором Национальной библиотеки Франции Эдгаром Блоше [Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 3—5, 515—614].

Кроме этого, немаловажное значение имело исследование фрагментов текста “Географии” арабоязычного автора XIV в. Абу-л-Фиды, в котором содержалась информация о ситуации на Северном Кавказе и в Крыму в период после монгольских походов. Для работы был использован арабский текст парижского издания Абу-л-Фиды [Aboulféda, 1840, p. 203—204; 1848, Т. II, p. 286—288, 319]. Для анализа этнической ситуации на Северном Кавказе в домонгольский период удалось привлечь извлечения из сочинений таких арабоязычных авторов, как ат-Табари, Ибн ал-Асир и др. [Tabari, Vol. VII, с. 649; Ibn al-Asir, 1978, с. 22]. Так как фрагменты текстов из использованных сочинений ат-Табари, Ибн ал-Асира, Абу-л-Фиды до сих пор не были переведены на русский язык, то специальную помощь оказал Д. А. Радивил в переводе данных отрывков с арабского на русский язык и подготовке комментариев к ним. В связи с этим хочется выразить ему благодарность. Из использованных сочинений мусульманских авторов по данной теме следует также отметить выполненный на русском языке А. Н. Кононовым перевод сочинения хивинского автора Абу-л-Гази “Родословная туркмен”, который относится к числу тюркоязычных

источников [Кононов, 1958]. На этом круг использованных сочинений мусульманских авторов не исчерпан.

Немаловажное значение имело также обращение к текстам сочинений католических миссионеров середины XIII в. Плано Карпини “История монголов” и Гильома Рубрука “Путешествие в восточные страны”. Для работы был использован текст издания их сочинений на русском языке, опубликованный в 1957 г. под редакцией и с комментариями Н. В. Шастиной. Сведения, содержащиеся в данных трактатах, до сих пор представляют для историков особую ценность, ибо они написаны непосредственными участниками путешествий вглубь Монгольской империи [Карпини, 1957; Рубрук, 1957]. Важное место в изучении истории народов Золотой Орды занимают также сочинения более поздних западноевропейских путешественников. К ним следует отнести “Путешествие” Ивана Шильтбергера, который в конце XIV — начале XV вв. посетил земли Золотой Орды и оставил довольно интересные сведения о местных народах. Еще в конце XIX в. Ф. Брун перевел с немецкого текст данного сочинения на русский язык и опубликовал его с соответствующими комментариями [Шильтбергер, 1867]. Для написания монографии был использован также текст сочинения “Путешествие в Тану”, написанного на итальянском языке венецианским путешественником Иосафатом Барбаро, который в середине XV в. побывал в Восточной Европе и одним из последних оставил сведения об аланах Северного Причерноморья, как о реально существующей этнической группе. Для работы был использован текст издания с переводом и комментариями Е. Ч. Скржинской [Барбаро, 1971]. Из числа поздних западноевропейских источников следует особо выделить сочинение “Записки о Московии”, написанное Сигизмундом Герберштейном, который уже в XVI в. посетил степи Восточной Европы. И хотя в этом сочинении присутствие аланов уже не было отмечено, оставленные автором сведения об изменениях этнополитической ситуации после распада Золотой Орды до сих пор представляют особую ценность [Герберштейн, 1988]. Современник Сигизмунда Герберштейна польский историк Матвей Меховский также в XVI в. констатировал полное исчезновение аланов из степей Восточной Европы. Несмотря на это, его сочинение на латинском языке “Трактат о двух Сарматиях” содержит очень интересные сведения не только по истории аланов, но и других народов Золотой Орды [Меховский, 1936]. Именно это имело важное значение для написания монографии.

Если большинство этих текстов христианских католических авторов написаны либо на латинском, либо на других западноевропейских языках, то использованные сочинения православных христианских авторов написаны либо на греческом, либо на древнерусском языках. Так, особый интерес представляет переведенное с греческого на русский язык Ю. А. Кулаковским и опубликованное им еще в XIX в. “Аланское послание” епископа Феодора, которое содержит ценные сведения об аланах первой половины XIII в. [Кулаковский, 1898а]. Немаловажное значение в освещении религиозной истории аланов имело обращение к Актам Константинопольского патриархата, которые уже во второй половине XIX в. были переведены с греческого на русский языки и опубликованы [Древние акты..., 1867; Acta Patriarchatus Constantinopolitani, 1863]. К числу использованных сочинений византийских авторов следует отнести “Римскую историю” Никифора Григоры и “Историю о Михаиле и Андронике Палеологах” Георгия Пахимера, переведенные с греческого на латинский и русский языки и изданные еще в XVIII и XIX вв. [Никифор Григора, 1862; Georgii Pachymeris, 1729; Георгий Пахимер 1862].

Что же касается текстов на древнерусском языке, то особый интерес представляют летописи, составленные в позднее средневековье и отражающие события золотоордынского периода в истории Руси. К ним следует отнести Воскресенскую, Софиевскую, Никаноровскую летописи, Сокращенные летописные своды 1493 г. и 1495 г., Московский летописный свод конца XV в., Новгородскую Четвертую, Патриаршую Десятую, а также другие позднесредневековые русские летописи

[Софиевская л., 1853, с. 90; Воскресенская л., 1854, с. 34; Никаноровская л., 1962, с. 71; Сокращенный летописный свод 1493 г., 1962, с. 252; Сокращенный летописный свод 1495 г., 1962, с. 331; Московский летописный свод конца XV в., 1949, с. 201; Новгород. IV л., 1917, с. 231; Патриаршая X л., 1885, с. 155—156]. Большую помощь в анализе содержания этих источников оказал А. Б. Головкин, в связи с чем хочется выразить ему благодарность. Немаловажное значение также имело использование такого памятника древнерусской литературы, как “Слово о погибели Русской земли”, составленного во второй половине XIII в., но отразившего события времен Батыева нашествия [Бегунов, 1965].

Естественно, перечень использованных письменных источников по истории монгольских завоеваний и Золотой Орды можно было бы продолжить и поэтому были упомянуты лишь наиболее важные из них.

Еще во второй половине XIX в. Ф. Брун и Ю. А. Кулаковский для доказательства пребывания аланов в золотоордынский период в Северном Причерноморье начали успешно использовать данные топонимии. В своих работах они обратили особое внимание на некоторые топонимы и гидронимы, содержащиеся как в средневековых текстах, так и на географических картах. При этом уже тогда исследователи стали применять данные иранского языкознания для объяснения этих названий на местности [Брун, 1880, с. 356; Кулаковский, 1899, с. 68]. В данной работе была продолжена эта традиция и поэтому одним из основных источников по локализации позднейших аланов в Восточной и Центральной Европе, а также в Средней Азии стали географические карты, составленные как в XIX в., так и в XX в. Среди них следует особо выделить Военную топографическую карту Крыма, составленную в 1817 г. генерал-майором Мухиным. Поэтому хочется выразить особую благодарность В. А. Бушакову за оказанную помощь в локализации и интерпретации названий многих географических объектов на этих картах. Немаловажное значение для работы в данном направлении имело также обращение к результатам исследований, содержащихся в монографии В. Л. Егорова “Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. [Егоров, 1985].

Что же касается использования археологических материалов домонгольского и золотоордынского времени, то их можно считать традиционными только для освещения истории северокавказских аланов. В археологическом изучении северокавказской Алании больших успехов добился В. А. Кузнецов и другие исследователи [Кузнецов, 1971; 1973; 1974; 1984]. Поэтому результаты раскопок на Северном Кавказе в данном исследовании привлекались для сравнительного анализа с другими археологическими памятниками в Восточной и Центральной Европе. Относительно же археологической атрибуции позднейших аланов Золотой Орды за пределами Северного Кавказа можно сказать, что в данном исследовании такая работа проделана впервые. Для этого были привлечены публикации и архивные материалы, хранящиеся в фондах Научного архива Института археологии НАН Украины, а также в личном архиве А. А. Козловского, в связи с чем хочется выразить ему благодарность. Для сравнительного анализа были привлечены опубликованные и неопубликованные результаты раскопок могильников и поселений XIII—XIV вв. в Нижнем Поднепровье, в бассейне Северского Донца, Днестровско-Прутском междуречье, а также Венгрии [Козловский, 1992; Махно, 1961; Хынку, 1976; Ельников, 2000; 2001а; 2001б; Selmeczi, 1981]. В работах с археологическим материалом особое значение имела корректность хронологии, что в значительной степени помогло установить время функционирования некоторых объектов и соотнести их с событиями, описанными в письменных источниках. Необходимо исходить из того, что в XIII—XV вв. на территории Золотой Орды получила распространение единая археологическая культура, с общими чертами для различных этнических групп. Поэтому особое значение имело изучение христианских могильников, если исходить из данных письменных источников о христианстве аланов.

В неразрывной связи с археологическими изысканиями находятся антропологические исследования краниологических серий из могильников золотоордынского времени на юге Восточной Европы. Для решения проблемы позднейших аланов Восточной Европы такие материалы до сих пор не привлекались, что и позволяет их отнести к числу нетрадиционных. В работе над книгой были привлечены опубликованные результаты исследований В. П. Алексеева, Т. С. Кондукторовой; Г. П. Зиневич, М. С. Великановой и других исследователей [Алексеев, 1969; Кондукторова, 1957; Зиневич, 1960; Великанова, 1975], использование которых в совокупности с археологическим материалом и данными средневековых письменных источников помогло пролить свет на происхождение отдельных групп оседлого населения в степном Поднепровье и Северо-Западном Причерноморье.

К числу нетрадиционных источников по данной теме следует отнести результаты этнографических исследований населения Северного Кавказа, Средней Азии, Восточной и Центральной Европы, многие из которых к настоящему времени оказались опубликованными. В данном случае важное значение имеет сравнительный анализ культуры осетин с традициями народов степей Средней Азии, Поволжья, Северного Причерноморья, прибалканских стран и Венгрии. Необходимо отметить, что Б. А. Калоевым и Г. П. Васильевой уже были отмечены этнографические параллели в культуре осетин и народов степей Средней Азии и Казахстана [Калоев, 1999б; Васильева, 1964а; 1964б; 1977]. Кроме того, объектом сравнительного анализа со стороны Б. А. Калоева, А. Х. Магометова, В. А. Кузнецова и Л. Сабо стала традиционная культура осетин и ясов Венгрии [Калоев, 1959; 1996; Магометов, 1981; Кузнецов, 1985; Szabó, 1979; 1982]. Однако не было специального исследования, посвященного реликтам средневековой аланской культуры в традициях молдаван, украинцев, русских, крымских татар, крымских греков и других этнических групп зоны Великой Евразийской степи. В данном исследовании впервые предпринят сравнительный анализ традиционной культуры осетин и народов Северного Причерноморья, для чего использованы как материалы из собственного архива автора монографии, так и опубликованные результаты полевых этнографических исследований Б. А. Калоева, В. Ф. Миллера, А. Х. Магометова, В. П. Кобычева, А. Г. Данилюка, Г. П. Васильевой и других ученых [Калоев, 1971; 1984б; 1993; 1999б; Миллер, 1882; 1887; Магометов, 1962; Кобычев, 1973; 1982; Данилюк, 2002; Васильева, 1964а; 1964б; 1977].

Немаловажное значение имело также обращение к опубликованным результатам фольклористических исследований, проведенных В. Ф. Миллером, В. И. Абаевым, Б. А. Калоевым, Л. С. Толстовой и другими исследователями на Северном Кавказе, в Средней Азии и Восточной Европе [Миллер, 1892; Абаев, 1982б; Калоев, 1959; Толстова, 1977; 1984]. Это помогло определить уровень воздействия позднесредневековых аланов не только на материальную, но и на духовную культуру народов зоны Великой Евразийской степи.

Кроме того, были использованы результаты специальных лингвистических исследований В. И. Абаева, В. Ф. Миллера, И. Г. Добродомова, Е. С. Отина, О. Н. Трубачева, В. А. Бушакова и других ученых-филологов [Миллер, 1887; Абаев, 1958; 1964; 1965б; 1989; Добродомов, 1980а; 1990; Трубачев, 1967; Отін, 1977; Отін, 1979; Бушаков 1993б; 1994б; 1996; 2003]. Это помогло объяснить происхождение многих терминов в языках Восточной Европы и Средней Азии, а также определить масштабы взаимодействия аланского (осетинского) языка с языками народов степной части Евразии.

Таким образом, источниковедческая база предложенного исследования разнообразна, что также предполагает применение различных методов исследования. Из их числа следует выделить методы историко-критического, сравнительного, типологического, корреляционного, историко-филологического, структурного, ретроспективного анализа и т. п. Однако более существенные сложности представляют вопросы, касающиеся методологической основы исследования. При

освещении истории Золотой Орды и ее народов автор монографии, в отличие от сторонников концепции стадийного развития общества кочевых обществ, стремился придерживаться концепции циклического развития кочевых обществ, в соответствии с которой для всех общественных и политических структур, созданных кочевниками, были характерны одни и те же закономерности, вне зависимости от места и времени.

Кроме того, автор стремился, во-первых, не освещать историю определенной этнической группы и одного государства в соответствии с позициями марксистской исторической науки, где ведущей доминантой является определение характера способа производства и “классового” состава общества. Во-вторых, было стремление не освещать историю Золотой Орды с точки зрения негативного отношения к роли монголов в истории, что характерно для российской историографии, и в-третьих — с точки зрения идеализированного отношения к золотоордынскому обществу, что получило распространение в последние десятилетия. Автор монографии не принадлежит ни к одному из перечисленных идеологических течений. Насколько же удалось быть нейтральным и объективным в освещении предложенной темы, пусть судят читатели.

Глава I. Аланы и монголы во времена Чингис-хана (конец XII — начало XIII вв.)

Широкое расселение аланов в XIII—XIV вв. на просторах Евразии несомненно явилось следствием драматических событий, имевших место на Северном Кавказе, в Восточной Европе и Средней Азии в период монгольской экспансии. Однако нельзя вести разговор о масштабах этих миграций не имея четкого представления об этнополитической ситуации, сложившейся в указанных регионах в начале XIII в. Разгром аланов монголами был не случаен, ибо вытекал из хода развития самого аланского общества.

В современной исторической науке существует мнение, что контакты между номадами восточноиранкой ветви и протомонголами установились довольно рано. По мнению Г. В. Вернадского, это должно было произойти где-то на рубеже новой эры. В качестве доказательства широкого расселения ранних аланов в Центральной Азии исследователь приводит изображения всадников, выбитые на камнях по реке Енисей, которые, на его взгляд, “поразительно схожи с образами аланских всадников на настенных изображениях в Крыму”. Что же касается территории Монголии, то В. Г. Вернадский приводит надпись начала VIII в., обнаруженную там, где “упоминаются войны между тюрками и асами (аланами)”. Исследователь считает, что во времена Монгольской империи в XIII—XIV вв. аланы, известные под названием *асуд* (*ас*), были включены в правое крыло “монгольской нации” [Вернадский, 1997, с. 19].

Однако Г. В. Вернадский склонен считать, что в более раннее время среди монголов был также распространен этнический термин *алан*. Доказательством этого, по его мнению, является имя прародительницы монголов — Алан-Коа (Алан-гоа), что в конечном итоге должно означать — “Прекрасная Аланка”. На основании этого был сделан вывод, что “кланы аланского происхождения существовали среди монгольских племен” и у рода Чингис-хана — Борджигинов “была примесь аланской крови” [Вернадский, 1997, с. 25]. Однако, насколько основательно такое предположение? Чтобы разобраться в данной проблеме, необходимо обратиться к первоисточникам — “Сокровенному сказанию” монголов, известному также как “Юань чао би ши” [Козин, 1941], и “Истории монголов” Рашид ад-Дина, известной как “Джами” ат-Таварих” (Сборник летописей) [Рашид-ад-дин, 1952].

Алан-гоа была супругой легендарного предка Чингис-хана — Добун-Мергана (Добун-Баяна). Необходимо отметить, что монголам было свойственно выводить происхождение отдельных племен и родов от определенных предков. В связи с этим особый интерес представляет происхождение Алан-гоа. “Сокровенное сказание” об этом сообщает: “А по поводу той племенной группы выяснилось так: Баргучжин-гоа, дочь Бирхудай-Мергана, владельца Кол-баргучжин-догумского, была выдана замуж за Холоралтай-Мергана, нойона Хори-Туматского. Названная же Алан-гоа и была дочерью, которая родилась у Хорилартай-Мергана от Баргучжин-гоа в Хори-Туматской земле, в местности Арих-усун” [Козин, 1941, с. 79]. В “Истории монголов” Рашид ад-Дина родным племенем (родом) Алан-гоа названо не Хори-Тумат, а куралас [Рашид-ад-дин, 1952, с. 10]. Быть может у персоязычного автора не случайно упомянут этноним *курал-ас*, во второй части которого можно гипотетически видеть одно из обозначений аланов — *ас*. Дальнейший ход повествования, содержащийся как в “Юань чао би ши”, так и в “Джами” ат-Таварих”, позволяет сделать определенные предположения на этот счет.

По данным указанных источников, Алан-гоа, став женой Добун-Мергана (Добун-Баяна), родила двух сыновей — Бургунотая и Бельгунотая. Вскоре после этого Добун-Мерган (Добун-Баян) скончался [Козин, 1941, с. 80; Рашид-ад-дин, 1952, с. 10]. Легенда повествует, что после смерти мужа Алан-гоа родила трех сыновей — Букун-Катаки (Бугу-Хадаги), Бухату-Салджи и Бодончара. Последний и стал прямым предком Чингис-хана [Козин, 1941, с. 80; Рашид-ад-дин, 1952, с. 14]. Поэтому само зачатие предка Темучжина (Чингис-хана) было представлено как нечто

сверхестественное: “Алан-гоа, спустя некоторое время после того, как лишилась мужа, однажды спала дома. И вот через [дымовое] отверстие шатра проник луч света и погрузился в ее чрево” [Рашид-ад-дин, 1952, с. 14]. По мнению Г. В. Вернадского, эта “легенда со всей очевидностью была направлена на возвеличивание не только рода Борджигинов (т. е. клана Темучина) но и всей группы, к которой принадлежал он и связанные с ним роды” [Вернадский, 1997, с. 27]. Недаром Алан-гоа заявила своим близким в связи с рождением трех сыновей: “Эти сыновья, которых я принесла, принадлежат к особому разряду [существ]. Когда они вырастут и сделаются государями и ханами всех народов...” [Козин, 1941, с. 81; Рашид-ад-дин, 1952, с. 14].

В данном сюжете имеется одна немаловажная деталь. В “Сокровенном сказании” об отце этих трех братьев Алан-гоа рассказывает: “Но каждую ночь, бывало, через дымник юрты, в час, когда светило внутри (погасло), входит бывало, ко мне светлорусый человек; он поглаживает мне чрево, и свет его проникает мне в чрево” [Козин, 1941, с. 81]. В “Истории монголов” Рашид ад-Дина также присутствует данный персонаж, о котором Алан-гоа говорит: “Да, я каждую ночь вижу во сне, что какой-то рыжеволосый и синеокий человек медленно-медленно приближается ко мне и потихоньку возвращается назад” [Рашид-ад-дин, 1952, с. 14]. По данным китайских историков и Рашид ад-Дина, сам Чингис-хан и его родственники имели высокий рост, светлое лицо, длинную бороду, светлые волосы и серые глаза. Анализируя эти данные Г. Е. Грум-Гржимайло высказал предположение: «Все это делает вероятной монгольскую легенду, вводящую в родословную Чингиса белокурого и голубоглазого юношу, отца Бодуаньчара, предка Чингиса в девятом колене. Самое родовое имя Борджигин, присвоенное потомками Бодуаньчара, означает, по словам Рашид эд-Дина, “имеющий серые глаза”, что свидетельствует о значительной примеси в этом роду к монгольской крови или даже более того, что Борджигин был динлинским по происхождению» [Грум-Гржимайло, 1926, с. 402—403].

Китайские хроники действительно несут в себе довольно обширную информацию о белокуром и голубоглазом народе *ди-ли* (динлины), который в раннее средневековье проживал в Центральной Азии. По мнению Г. Е. Грум-Гржимайло, в глубокой древности динлины занимали обширную территорию Китая, откуда в V в. были окончательно вытеснены на север — “в Маньжурию, к озеру Байкалу и в Алтайско-Саянский горный район”. Исследователь считает, что белокурая раса динлинов приняла участие в этногенезе многих народов Центральной Азии и Южной Сибири, о чем могут свидетельствовать антропологические данные. Г. Е. Грум-Гржимайло не дает этнолингвистического определения динлинов, хотя считает их автохтонами на Дальнем Востоке. По мнению исследователя, “приближаясь по языку к народам индо-китайской группы, динлины по своим физическим признакам и психологическим особенностям принадлежали к той же белокурой расе, которая некоторыми антропологами считается первобытной в Европе” [Грум-Гржимайло, 1926, с. 5—34, 88]. Г. В. Вернадский на этот счет придерживается другого мнения, считая, что “в более отдаленном этническом фоне была сильная примесь иранской крови как у тюрок, так и у монголов” [Вернадский, 1997, с. 19]. В данном случае можно говорить о существовании динлинов в Центральной Азии как о результате миграций сармато-аланских племен с запада в не таком уж и отдаленном прошлом.

В сложившейся ситуации возникает вопрос: не явилась ли легенда о прародительнице монголов Алан-гоа отражением процессов смешения прото-монгольских и североиранских племен? Единственное, что смущает в данном предположении, то это факт использования монголами этнического термина *алан* вместо традиционного *асум* (*асуд*). В “Сокровенном сказании” при описании событий начала XIII в. фигурирует только этноним *асум* (асы) [Козин, 1941, с. 188—189, 191—192, 194]. Но не следует забывать, что “Юань чао би ши” была составлена после смерти Чингис-хана в 1240 г. Поэтому вполне возможно, что именно тогда этническое название аланов — *ас* (*асум*) могло проникнуть к монголам во время их завоевательных походов посредством других народов. В связи с этим не стоит

искорректировать предположение, что в этногенезе некоторых монгольских и тюркских этнических групп могли взять участие отдельные племена северных иранцев.

С особым скептицизмом нужно относиться к подходу некоторых исследователей, которые без особого сомнения принимают на веру сообщение Мариньолы: “У Чингис-хана, первого царя татар, состояло на службе семьдесят два аланских князя, когда этот бич Божий отправился карать мир” [Бретшнейдер, 1894, с. 70]. Насколько обоснована такая информация? Если исходить из данных сведений, то получается, что еще до своих походов на запад, которые начались в 1218 г., Чингис-хан покорил значительную часть аланов, традиционными местами расселения которых являлись равнины и степи Хорезма, Предкавказья и Северного Причерноморья. До начала походов в 1218 г. монголы не могли зайти так далеко на запад. В связи с этим необходимо иметь в виду, что Мариньола составил данное сообщение в XIV в., а описываемые события происходили в начале XIII в. Нарративные же документы иного происхождения содержат об этом совершенно противоположную информацию.

Первые десятилетия XIII в. явились для монголов периодом их экспансии. С 1205 по 1218 гг. войска Чингис-хана были заняты покорением племен и народов Центральной Азии и Северного Китая. В результате этих походов были приведены в покорность племена к северу от Селенги и в долине Енисея, а также ойраты, урсуты, тубасы. Зависимыми от монголов стали также уйгуры, тангуты и другие народы Центральной Азии. В 1211 г. началась военная кампания монголов против северокайского государства Цзинь, которая в основном завершилась в 1215 г. взятием столицы — Пекина. После этого в Восточном Туркестане было покорено государство Кара-Кидань. В 1218 г. монголы оказались на границе огромного государства Хорезмшахов, которое включало не только значительную часть Средней Азии, но и земли Ирана, Афганистана. Нападение на Хорезм началось в 1219 г., что в конечном итоге привело к падению важнейших центров этого государства — Отрара, Бухары, Самарканда и других городов. Непосредственное участие в покорении Средней Азии принимал сам Чингис-хан. К концу 1220 г. непокоренной монголами оставалась столица Хорезма — Гургандж (Ургенч) [Греков, Якубовский, 1950, с. 35—56; Вернадский, 1997, с. 40—52; Бартольд, 1963]. Именно здесь-то и могло произойти первое столкновение монголов с аланами Хорезма.

У Плано Карпини, побывавшего в Империи монголов в 1245—1247 гг., содержится довольно интересная информация о штурме монголами одного из крупных городов Хорезма — Орнас, среди жителей которого были упомянуты аланы [Карпини, 1957, с. 46]. По мнению ряда исследователей, упомянутый город Орнас представлял собой столицу Хорезма — Ургенч [Толстов 1948, с. 15; Бартольд 1963, с. 503, прим. 3]. Однако данный вопрос требует специального рассмотрения.

Монголы, покорив значительную часть Средней Азии, решили идти дальше на запад. По их мнению, следующими объектами для нападения должны были стать Иран, Кавказ и Восточная Европа. Потому в “Сокровенном сказании” монголов сказано, что в 1220 г. Чингис-хан направил туда в разведывательный рейд тридцатитысячное войско под командованием опытных полководцев Джебе и Субедея: “А Субеетай-Баатура он [Чингис-хан. — О. Б.] отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как то: Каплин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжараг, Асум, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лилат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивашен Кермен” [Козин, 1941, с. 188—189]. Таким образом, среди народов, которые первоначально собирался покорить Чингис-хан, был и народ “Асум” — аланы.

Монголы, пройдя Северный Иран, достигли Закавказья. В том месте, где Кура сливается с Алазанью, в 1221 г. произошло столкновение передовых отрядов Чингис-хана с объединенным армяно-грузинским войском, принесшее успех монголам [Галстян, 1970, с. 159—160]. Это позволило монголам двинуться к Дербенту, но взять его штурмом они не смогли. Как сообщает Ибн ал-Асир (1160—1233 гг.), монголы пошли на хитрость, оставив в стороне Дербент, через Ширванское устье прошли на Северный Кавказ и уничтожили множество народа [Тизенгаузен, 1884, с. 23].

В конечном итоге отряды Джебе-нойона и Субедей-багатура достигли в 1222 г. пределов Алании (рис. 1), что и привело к первому сражению между ними и объединенными силами северокавказских аланов и кипчаков. Как свидетельствуют летописи, во время сражения ни одна из сторон не смогла одержать победу. Поэтому татаро-монголы, верные своей тактике, пошли на хитрость. Как сообщает Ибн ал-Асир, они отправили к кипчакам посланца со словами: “Мы и вы одного рода, а эти аланы не из ваших, так что вам нечего помогать им; вера ваша не похожа на их веру, и мы обещаем вам, что не нападём на вас, а принесем вам денег и одежду сколько хотите; оставьте нас с ними”. Кипчаки ушли с поля сражения, а монголы, верные своим обещаниям, заплатили кипчакам, после чего напали на аланов, которые остались в одиночестве. Вследствие вероломства монголов и предательства кипчаков, аланы потерпели поражение. Но кипчакам их измена не прошла даром, ибо татары стали “нападать на них раз за разом, и отобрали у них вдвое против того, что [сами] им принесли” [Тизенгаузен, 1884, с. 25]. Подобный рассказ содержится и у Рашид ад-Дина [Рашид-ад-дин, 1952, с. 229].

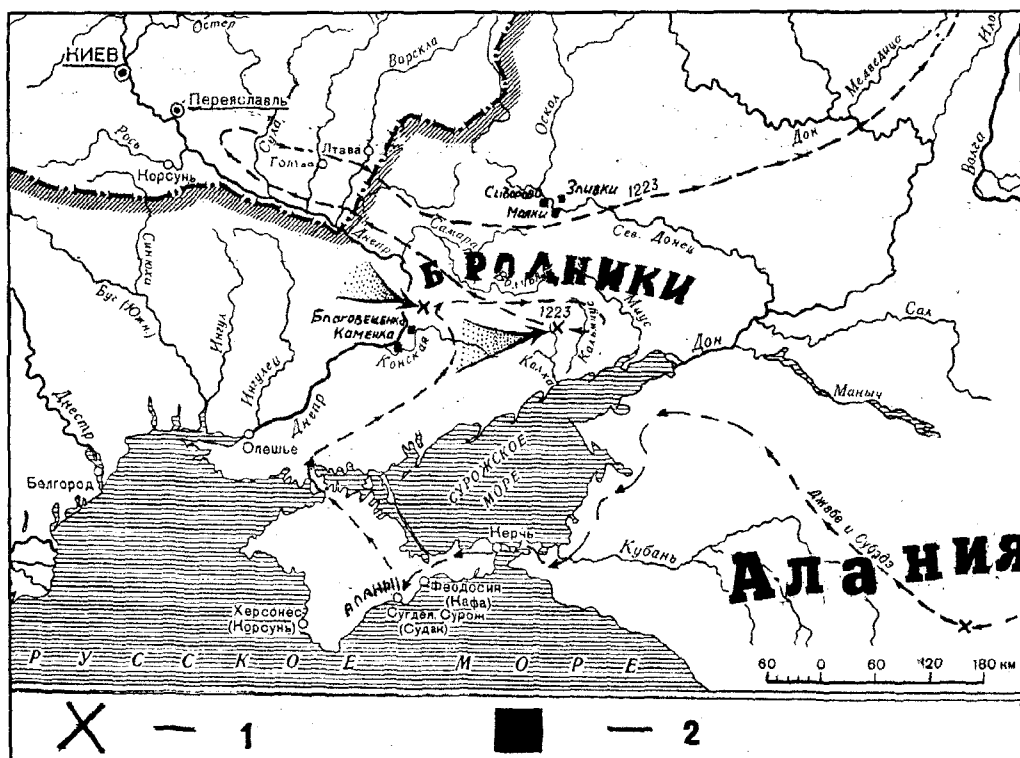

Рис. 1. Предполагаемый маршрут похода монголов в Восточную Европу в 1222—1223 гг.:
1 — места сражений;
2 — могильники

В данном случае можно вполне согласиться с тем мнением, что описываемые события происходили на территории Восточной Алании (рис. 1) [Джигоев, 1982, с. 11]. Относительно продвижения монголов А. В. Гадло высказал предположение: “Их путь шел, вероятнее всего, вначале вдоль р. Гюльгерычай, а затем по маршруту Касумкент—Кумух—Хунзах, откуда они попадали либо в низовья Сунджи (район Грозного), либо к Акташу (вблизи Хасавюрта). Двигаясь только этой дорогой, они могли повстречать на своем пути лезгин (вероятнее всего, лезгов, т. е. вообще дагестанских горцев) и алан. К аланам они, видимо, вышли в тыл и сразились с ними в горах до выхода на равнину. После столкновения с кыпчаками, которое, судя

по тексту Ибн ал-Асира, было продолжительной серией стычек, монголы полностью овладели степью” [Гадло, 1994, с. 147].

После этого похода северокавказская Алания не была покорена монголами, о чем свидетельствует информация епископа Феодора и доминиканца Юлиана. Епископ Феодор, вскоре после этого посетивший Северный Кавказ, ничего не сообщает о монголах [Кулаковский, 1898, с. 11—26]. Зато Юлиан, побывавший в северокавказской Алании накануне 1235 г., сообщает, что там он и его товарищи “не нашли попутчиков, чтобы идти дальше, из-за боязни татар, которые по слухам были близко” [Аннинский, 1940, с. 79]. В сложившейся ситуации очень важно знать, почему первое сражение с монголами северокавказские аланы проиграли. В связи с этим необходимо иметь представление относительно того, что собой представляла северокавказская Алания накануне монгольского вторжения.

До X в. Алания находилась в политической зависимости от хазар. Поэтому сведения об этом периоде в истории аланов не нашли достаточного освещения в письменных источниках. Лишь только после падения в 965 г. Хазарского каганата началось укрепление Алании, которая в сложившейся ситуации смогла значительно расширить свою территорию. Сведения о границах Алании в X — начале XIII вв. ограничены, но не отличаются противоречивостью.

Одним из таких информаторов является Масуди, арабоязычный автор начала X в., который помещает народ *al-lan* между Сариром [Дагестаном. — *О. Б.*] на востоке и кашаками-адыгами на западе [Минорский, 1963, с. 221]. С информацией Масуди перекликаются сведения Ибн Русте (X в.). О нахождении Алании он пишет: “Ты выходишь налево [на запад] от царства Сарир и пройдя три дня пути среди гор и лугов, прибываешь в царство *ал-Лан* [Алан. — *О. Б.*]” [Минорский, 1963, с. 221].

В сообщении Константина Багрянородного (середина X в.) не содержится четких сведений о территории Алании, ибо он сообщает, что Алания граничит с девятью “климатами” Хазарии и властитель Алании может преграждать хазарам путь к Саркелу, в “климаты” и в Херсон [Константин, 1991, с. 51—53]. В данном случае указывается, что территория Алании в X в. выступала далеко на запад и на север от нынешней Осетии, в направлении к Черному морю и к Дону. Далее Константин Багрянородный сообщает, что расстояние от печенегов, обитавших в междуречье Днепра и Дона, до Алании равно 6 дням пути [Константин, 1991, с. 156—157]. В заключение он отмечает: “Выше [севернее. — *О. Б.*] Зихии лежит страна, именуемая Папагия, выше страны Папагии — страна по названию Касахия, выше Касахии находятся Кавказские горы [Кавказский хребет. — *О. Б.*], а выше этих гор — страна Алания” [Константин, 1991, с. 173—174]. И если в данном случае под “Касахией” можно подразумевать страну касогов-адыгов, то в “Алании” следует видеть территорию, находившуюся в Предкавказье к востоку от Кубани.

В XII в. границы северокавказской Алании сильно не изменились. Побывавший в 1131 г. на каспийском побережье, в Дербенте и на Волге арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати в своем сочинении “Турфхат ал-Баб” указывает, что от Ширвана [Северного Азербайджана. — *О. Б.*] до страны алан 100 фарсахов” [Fertand, 1925, p. 218]. Если принять, что один фарсах равен 5—6 км, то получаем, что от Северо-Восточного Закавказья до Алании в XII в. было 500—600 км. По мнению В. А. Кузнецова, в данном случае под Аланией следует подразумевать территорию современной Владикавказской равнины, что соответствует “области Ардоз Кавказских гор” нового списка “Армянской географии” VII в. [Кузнецов, 1974, с. 13]. В то же время информация Ибн ал-Асира позволяет считать, что в 1222 г. аланы встретились с монголами в непосредственной близости от Дагестана [Тизенгаузен, 1884, с. 25].

В конечном итоге мы видим, что в X—XII вв. восточная граница северокавказской Алании могла проходить вблизи территории современного Дагестана (царства Сарир), а западная — по р. Кубани, вблизи владений предков современных адыгоязычных народов. Южной границей Алании, естественно, могли являться горы и предгорья главного Кавказского хребта. Северные же рубежи Алании были

неустойчивы, ибо проходили по степи, этнополитическая ситуация в которой не отличалась стабильностью. Таким образом, есть основания предполагать, что в состав Алании входили земли Центрального Предкавказья и соседние с ними территории, т. е. то пространство, на котором находятся современные Северная Осетия, Кабардино-Балкария, а также часть Карачаево-Черкессии, Ингушетии и Чечни. Ясно, что население такой обширной территории в X — начале XIII вв. отличалось этнической неоднородностью и было представлено не только аланами.

Уже в раннем средневековье на территории северокавказской Алании даже в среде местных ираноязычных обитателей были отмечены существенные различия. Анализ “Армянской географии”, написанной еще VII в., показывает, что уже тогда началось формирование двух этнических общностей аланов: асов и собственно аланов-ардозцев [Патканов, 1883, с. 30]. Письменные источники X в. также не позволяют в населении Алании видеть единый этнический массив. Так, Ибн Русте сообщает, что “аланы состоят из четырех племен, но почет и царство принадлежит у них племени, называемому *Д.хсас*” [Минорский, 1963, с. 221]. В письме неизвестного хазарского еврея, которое датируется серединой X в. и известно как “Кембриджский документ”, говорится, что царь Асии воевал против хазар, на стороне которых был царь аланов [Коковцов, 1932, с. 117; Голб, Прицак, 1997, с. 136—137, 140—141]. Еврейскому автору вторит Константин Багрянородный, который в своем сочинении “Церемонии византийского двора” наряду с чисто официально-государственным титулом “эксупократора Алании” упоминает и “архонта Асии” [Constantinus, 1829, p. 680].

Сообщения автора Кембриджского документа и Константина Багрянородного позволяют говорить об Алании и Асии как об общем и частном. Исходя из этого можно полностью согласиться с мнением В. А. Кузнецова, что в эпоху средневековья на Северном Кавказе существовало два больших племенных союза, составлявших историческую Аланию. По его мнению, западный племенной союз был связан с этническим наименованием “асы”, а восточный — с собственно этнонимом “аланы” [Кузнецов, 1962, с. 131]. Кроме того, В. А. Кузнецов высказывал уверенность, что северокавказская Алания с X по XIII вв. представляла собой единое политическое объединение. Однако данное утверждение еще требует подтверждения фактами. Исходя из этого, все же нельзя согласиться с мнением В. А. Кузнецова, что до X в. доминирующее положение в Алании занимал восточный племенной союз аланов, а с X в. значительно усилился западный племенной союз асов. Свои выводы исследователь основывает на том предположении, что выделенные этнонимы занимали равнозначное положение в письменных источниках X—XIV в. [Кузнецов, 1962, с. 131].

Однако следует отметить, что данный подход к решению выделенного аспекта алано-асской проблемы выглядит упрощенным. В. А. Кузнецов не отличает информацию письменных источников домонгольского периода от сообщений авторов монгольского времени. Именно лишь с середины XIII в. параллельно с этническим термином *алан* стал употребляться этноним *ас*. В данном случае имеются основания считать, что причиной широкого распространения на просторах Евразии этнического термина *ас* явились события XIII в.

Выводы В. А. Кузнецова базируются преимущественно на данных письменных источников и археологии. Именно этому ученому удалось выделить среди памятников Северного Кавказа два (три) локальных варианта археологической культуры, территориально и хронологически связанных с Аланией. Основой для такого выделения послужили могильные сооружения, выполненные из камня. На территории исторической Алании были распространены как катакомбные могильники и скальные захоронения, так и каменные ящики, подземные и полуподземные склепы, грунтовые захоронения [Кузнецов, 1962, с. 63; 1973, с. 60—74]. И хотя в письменных источниках население Алании известно под общим наименованием “аланы”, у нас есть все основания считать, что под данным этническим термином скрывалось не только ираноязычное население Северного Кавказа, но и представители других этнических групп.

Данные археологии также свидетельствуют, что во второй половине I тыс. н. э. на территории Алании были широко распространены катакомбные захоронения, которые традиционно связывают с аланами. Некоторые отличия в погребальном обряде носителей катакомбной традиции заставляют вспомнить о предположении относительно существования западного и восточного племенных союзов северокавказских аланов. Остальные же памятники можно уверенно связать с местным кавказским населением, с которым на протяжении длительного времени находились во взаимодействии сармато-аланы [Кузнецов, 1984, с. 148—149]. Следует также иметь в виду, что в хазарскую эпоху могли иметь место контакты местного ирано-кавказского населения с пришлым хазаро-болгарским [Кузнецов, 1974, с. 76—94].

На территории западного варианта аланской культуры в период раннего средневековья для местных погребальных сооружений было характерно преобладание скальных катакомб над грунтовыми. В предмонгольский же период катакомбы там почти не встречаются, а уступают место захоронениям в каменных ящиках. В этом отношении особо примечателен могильник Мошвая Балка на р. Большой Лабе. Можно полностью согласиться с мнением В. А. Кузнецова, что “эволюция связанного со скальными катакомбами обряда привела в конечном счете к его качественной трансформации и слиянию с традиционным местным погребальным обрядом”. Аналогичные процессы происходили также и в среде восточного варианта аланской культуры. Там в предмонгольский период катакомбные могильники также уступают место каменным ящикам и подземным склепам. По мнению В. А. Кузнецова, каменные ящики и склепы представляют собой исконно кавказские погребальные сооружения, история которых уходит своими корнями в эпоху бронзы [Кузнецов, 1973, с. 60—74]. Характерно, что погребения в каменных ящиках продолжали совершаться в горной части Северной Осетии и Балкарии вплоть до начала XIX в. [Калоев, 1971, с. 226; Мизиев, 1981, с. 42—55].

А. В. Гадло относительно данных этнокультурных процессов высказал следующее предположение: “Аланский политический союз VI—VII вв., по всей вероятности, формировался на полиэтнической основе, и, таким образом, продвижение собственно алан-овсов, носителей катакомбной культуры, в горы представляло не внешнее вторжение, а постепенную внутреннюю миграцию, в ходе которой одни группы мигрантов устойчиво сохраняли свою этническую чистоту, а другие растворились в среде аборигенов или, напротив, ассимилировали последних. Соответственно и обратный процесс, связанный с отходом аланских групп в предгорья, представлял не вытеснение аборигенами иноплеменников, а захват аланской верхушкой союза наиболее удобных для поселения и хозяйственной деятельности земель, расположенных в предгорьях”. Отражением взаимной ассимиляции “алан и аборигенов в горах”, по мнению исследователя, является появление в IX—X вв. на территории как Восточной, так и Западной Алании новой формы погребального сооружения — наземных или полуподземных склепов склепов-камер с входными отверстиями в фасадной стене. Вывод А. В. Гадло не вызывает возражений: “Одновременное появление в разных частях Центрального Кавказа однотипных погребальных памятников является свидетельством единой культурной (культурно-этнической) общности, возникшей в течение VIII—X вв. в границах аланского объединения” [Гадло, 1994, с. 49—50].

Погребальный обряд населения Алании со временем стал принимать единообразные черты, что было связано с распространением христианства в X в. [Кулаковский, 1898б, с. 1—18]. В связи с этим особый интерес представляют исследованные В. А. Кузнецовым в Карачаево-Черкессии христианские могильники у Нижне-Архызского городища. Преобладающим типом погребальных сооружений там были каменные ящики, что, безусловно, являлось пережитком языческой эпохи. С дохристианскими верованиями следует связывать также наличие в погребениях древесного угля, мела, редкого инвентаря. А в остальном погребальный обряд наследует чисто христианские черты: все погребенные лежали на спине с вытянутыми конечностями, головой на запад [Кузнецов, 1971, с. 182—185; 1993].

Анализ могильников у Нижнего Архыза лишний раз свидетельствует о том, что, несмотря на распространение христианства, значительная часть населения Западной Алании в предмонгольский период в некоторых особенностях погребального обряда сохранила старые языческие традиции.

Этого не скажешь о жителях городища Верхний Джулат на территории Северной Осетии, возникшего в XII в. На местном могильнике, который располагался вокруг церкви, все захоронения были совершены в соответствии с христианскими канонами. Погребенные лежали там на спине, головой на запад, в деревянных гробах, от которых во многих могилах сохранились следы. Заупокойная пища и инвентарь в могилах, как правило, отсутствовали [Милорадович, 1963, с. 87—106].

В предмонгольский период христианство в северокавказской Алании лишь внешне коснулось отдельных групп населения, что нашло свое отображение в местных памятниках материальной культуры. Особо показателен в этом отношении *Змейский катакомбный могильник, функционирование которого относится к X—XII вв.* В результате исследования данного памятника было установлено, что часть местного населения продолжала придерживаться при погребении умершего старых языческих традиций. Это сказалось, прежде всего, на наличии семейных склепов-катакомб, инвентаря, конских захоронений на территории могильника и т. п. Хотя в отдельных захоронениях встречались нательные крестики [АРПСЗО, 1961]. А. В. Гадло данный факт объяснял следующим образом: "...в X—XII вв. потомки сарматов — аланы, та господствующая социальная общность, которая создала и возглавила объединение этнически разнородных обитателей центральной части Северного Кавказа, превратилась в обособленную и относительно замкнутую касту, которая была расселена дисперсно вблизи наиболее важных торговых путей и стягивающих их внутрисеверокавказских городов, формирование которых началось именно в X—XI вв. Судя по погребальному обряду, эту группу сравнительно слабо затронула христианизация. Ее сила основывалась на традиционализме" [Гадло, 1994, с. 169—170].

Таким образом, на основе анализа только археологических памятников X — начала XIII вв. невозможно дать какое-либо четкое определение этнической принадлежности населения, оставившего тот или иной памятник на территории исторической Алании. В связи с этим определенный интерес представляют антропологические изыскания, проводившиеся на Северном Кавказе. Анализ черепов Змейского могильника и Верхнего Джулата свидетельствует в пользу того, что среди населения Алании в XI — начале XIII в. преобладал местный кавказионский тип, который к тому времени уже полностью вытеснил долихокранный, традиционно связываемый с аланами [Алексеев, Беслексева, 1963, с. 105—121]. Исходя из этого можно согласиться с мнением В. А. Кузнецова, что в предмонгольский период на территории Алании имел место процесс "синтеза кавказского субстрата и ираноязычного суперстрата" [Кузнецов, 1973, с. 73]. Возможно, уже тогда началось формирование современных народов Северного Кавказа, культурно и исторически связанных с исторической Аланией. Тем не менее, результаты, полученные при исследовании других могильников Северного Кавказа, вносят некоторые коррективы в анализ данных процессов.

В более позднее время В. П. Алексеев высказал мнение о том, что на протяжении всего средневековья Северный Кавказ являлся зоной распространения двух антропологических вариантов — "массивного, относительно широколицего, с тенденцией к круглоголовости, и грацильного, узколицего, длинноголового". Круглоголовый антропологический вариант, по наблюдениям В. П. Алексеева, был распространен в пределах современной Северной Осетии — могильники у ст. Змейской, Верхнего Джулата, Харха. Что же касается узколицых грацильных европеоидов, то могильники, содержащие серии данного типа, были распространены в западной части Северного Кавказа, т. е. в Прикубанье — Теберда, Адиох и т. д. Лишь могильник "Мошечая Балка", находящийся в указанном районе, по мнению

В. П. Алексеева, составляет исключение, так как из него “получена массивная и сравнительно широколикая серия” [Алексеев, 1993, с. 281].

М. М. Герасимова не согласна полностью с мнением В. П. Алексеева относительно того, что широколицый брахикранный антропологический тип — кавкасионский вариант — являлся на Северном Кавказе автохтонным, а долихокранный узколицый был привнесен извне. По ее мнению, “нет оснований говорить о привязанности широколицых и матуризованных форм именно к горной зоне”. Тем не менее, В. П. Алексеев, как и другие антропологи, считал, что средневековые аланы Северного Кавказа “были носителями совсем иного, нежели современные осетины, антропологического типа” [Герасимова, 1994, с. 52—62].

Необходимо отметить, что доминирующим языком северокавказской Алании оставалась речь ираноязычных аланов. Наглядным подтверждением этого является надпись, выполненная греческими буквами на аланском (осетинском) языке. Она была обнаружена в 1883 г. в верховьях Большого Зеленчука на территории нынешней Карачаево-Черкессии [Миллер, 1893, с. 110—118; Абаев, 1949; Турчанинов, 1958, с. 48—51]. Кроме того, на землях, сопредельных с нынешней Северной Осетией, удалось выявить следы аланской (осетинской) топонимии [Абаев, 1960, с. 128—129]. Все это говорит в пользу того, что диалекты ираноязычных аланов были широко распространены на территории Северного Кавказа. Поэтому необходимо отметить, что аланы по отношению к другим северокавказским народам должны были занимать доминирующее в регионе положение. В данном случае уместно говорить о полиэтничном характере населения северокавказской Алании, где аланы должны были занимать только господствующие в политическом отношении позиции. Естественно, что этот фактор в значительной степени мог способствовать распространению языка аланов на Северном Кавказе.

В заключение уместно поставить вопрос: что же собой представляла в социально-политическом отношении северокавказская Алания накануне монголо-татарского нашествия? Имея четкое представление об этом, можно в определенной мере предугадать развитие событий, разыгравшихся на Северном Кавказе в первые десятилетия XIII в.

Анализ письменных источников показывает, что в X в. завершилось объединение аланских племен в единый союз. И если анонимный еврейский автор середины X в. упоминает отдельно царей Асии и аланов, то в сообщениях других информаторов такого разделения нет. Так, Масуди упоминает царя аланов, который называется “*Кр.ндадж*”, что является общим именем для всех царей”. По словам Масуди, этот “царь владеет замками и местами отдохновения и [время от времени] переезжает туда на жительство” [Минорский, 1963, с. 205]. Масуди также сообщает: “...царь аланов выставляет 30 000 всадников. Этот царь могущественный, сильный и пользующийся большим влиянием, чем остальные цари” [Караулов, 1908, с. 54]. О царе аланов также упоминает Ибн Русте, который сообщает, что “царь аланов называется *Б.гаир*, каковое [имя] прилагается к каждому из их царей” [Минорский, 1963, с. 221].

Константин Багрянородный упоминает “эксусиократора Алании”, который был настолько могущественным, что мог угрожать Хазарии и преграждать путь хазарам в их продвижении к Саркелу и так называемым “климатам” [Константин, 1991, с. 51—53]. По мнению А. В. Гадло, “изменение титулатуры правителя Алании означало не только усиление аланского объединения по сравнению с другими связанными с каганатом политическими образованиями Северного Кавказа, но являлось также отражением социальных процессов, происходившими внутри этого объединения, прежде всего отрыва аристократии господствующего племени (общности) от основного массива своих соплеменников и превращение ее в единственную политическую надстройку, стоящую над федерацией в целом” [Гадло, 1994, с. 19].

Константин Багрянородный говорит также об “архонте Асии”, который находился в подчиненном положении к аланскому самодержцу [Constantinus, 1829, p. 688].

Вполне возможно, что “архонт Асии”, упоминаемый Константином Багрянородным, мог соответствовать “царям” арабских авторов, ибо все они занимали подчиненное положение по отношению к верховному правителю аланов. Информация о царе аланов содержится и в персидском анонимном документе “Худуд ал-‘Алам”, в котором сообщается, что царь аланов христианин и владеет 1000 больших поселений [Minorsky, 1937, p. 161].

Таким образом, имеющиеся сведения позволяют предполагать, что в X в. территория Алании была объединена под единым началом. В связи с этим особый интерес представляет мнение А. В. Гадло, что в этот период “Алания представляла образование, полностью соответствовавшее всем признанным стандартам раннесредневековой (раннефеодальной) монархии” [Гадло, 1994, с. 165].

У нас нет подробной информации о политическом устройстве Алании в период с XI по XIII вв. Однако сведения авторов начала XIII в. свидетельствуют в пользу того, что к этому времени северокавказская Алания уже была раздроблена на удельные владения. В начале XIII в. епископ Феодор писал о вверенных ему северокавказских аланах следующее: “Отличия моих пасомых убийства прежде всего и прочие виды смертей”. Состояние анархии определялся и тем, что какой-то “видный и многим известный человек, по-видимому, купец, из страны Лазов, воспользовался отсутствием епископа в Алании и объехав всю страну, поставил священников” [Кулаковский, 1898, с. 11—27]. Будь в северокавказской Алании сильная централизованная власть, этого просто не могло бы произойти!

Побывавший накануне 1235 г. в Предкавказье доминиканский монах Юлиан писал о ситуации в северокавказской Алании: “Сколько [там] селений, столько и вождей, и ни один из них не имеет подчиненного отношения к другому. Там постоянно идет война вождя против вождя, села против села” [Аннинский, 1940, с. 78—79]. По наблюдениям А. В. Гадло, “в это время городища низменной Алании пустеют, жизнь сохраняется только в единичных пунктах, ставших центрами разноплеменных торговых объединений и находившихся под покровительством сильных или горных правителей”. По мнению А. В. Гадло, причина этого — упадок центральной политической власти в Алании на рубеже XII—XIII вв. и как следствие этого — развитие работорговли [Гадло, 1994, с. 177].

Анализируя ситуацию, сложившуюся в северокавказской Алании со второй половины XI в., Ф. Х. Гутнов отметил: “С этого же времени в истории начинается период децентрализации. Совпадение это, очевидно, не случайно. Распад единого государства и возникновение княжеств связано, видимо, с возросшей политической и экономической самостоятельностью князей. Оформившаяся на этапе утверждения раннеклассовых обществ военная аристократия на следующем этапе уже не выполняла никаких существенных экономических функций, но всецело занята в военно-административной сфере” [Гутнов, 1993, с. 56].

В конечном итоге с определенной долей уверенности можно утверждать, что возникшее в X в. на Северном Кавказе политическое объединение “Алания” с самого начала не представляло собой сильное централизованное государство. Вполне возможно, что это был союз племен, возглавляемый “царями” (вождями), что было особенно характерно для общества, где наметился переход от родового строя к раннеклассовым отношениям. Естественно, что данное объединение носило временный характер. И нет ничего удивительного в том, что к началу XIII в. политическое объединение северокавказских аланов распалось. Утратившая свою целостность северокавказская Алания в первой половине XIII в. представляла желаемый объект для нападения, чем и не замедлили воспользоваться монголы.

В предмонгольский период аланы обитали не только на Северном Кавказе, но и в южнорусских степях. Нами уже не раз указывалось на существование алано-яского населения в бассейне Северского Донца [Бубенок, 1997]. Аланское население существовало и в южной части Крымского полуострова, где оно могло сохраниться после гуннского нашествия [Баранов, 1990, с. 105]. Именно об этих аланах писал в начале XIII в. епископ Феодор в своем “Аланском послании”. Он также сообщает,

что северокавказские аланы “возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию [южнорусские степи. — *О. Б.*]” [Кулаковский, 1898а, с. 17, 26]. Об аланском населении, которое существовало в г. Суммеркенте на Волге в домонгольский период, поведал нам Гильом Рубрук [Рубрук, 1957, с. 185]. Перед нашествием монголов обитали аланы и в устье Дона в г. Тана, о чем мы узнаем из сообщения Иосафата Барбаро [Барбаро, 1971, с. 139—140]. Однако имеются основания утверждать, что в начале XIII в. основной массив аланского населения еще был сосредоточен не в Восточной Европе, а на Северном Кавказе. Именно оттуда после битвы с местными аланами монголы в 1222 г., преследуя побежденных кипчаков, направились в южнорусские степи и Крым.

Естественно, первое появление монголов в южнорусских степях нашло отражение в древнерусских летописях. Относительно походов монголов в 1222—1223 гг. летописцы сообщали: “...слышахом бо, яко многы страны поплениша — ясы, обозы, касоги и половч безбожных множество избиша” [Новгор. I л., 1888, с. 214—215; Лавр. л., 1897, с. 423—424].

О дальнейшем продвижении монголов Ибн ал-Асир писал: “Татары остановились в Кипчаке. Это земля обильная пастбищами зимою и летом; есть в ней места прохладные летом, со множеством пастбищ; и (есть в ней) места теплые зимою (также) со множеством пастбищ, т. е. низменных мест на берегу моря”. После этого, по данным Ибн ал-Асира, монголы продвинулись к Судак: “Прибыли они к городу Судак; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому, что он (лежит) на берегу Хазарского [Черного. — *О. Б.*] моря... Придя к Судак, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семействами и своим имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую [Конийский султанат. — *О. Б.*], которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана” [Тизенгаузен, 1884, с. 26].

По мнению некоторых исследователей, монголы могли захватить Судак уже в январе 1223 г. [Романов, 1983, с. 20]. Весьма логичным может выглядеть предположение, что в Судак монголы должны были находиться до весны 1223 г., а оттуда они могли пойти через Перекоп в приазовские степи. Как свидетельствуют письменные источники, дальнейшие события привели монголов к победе над объединенными силами половецких ханов и древнерусских князей на р. Калке в Северном Приазовье.

В сложившейся ситуации до сих пор неясно, как могли монголы попасть с Северного Кавказа в Крым. Среди некоторых современных исследователей получило распространение мнение, согласно которому разбитые монголами северокавказские половцы, спасаясь от преследований Джебе-нойона и Субедей-багатура, оказались на территории своих сородичей-половцев, кочевавших в степях Днепровско-Донского междуречья. По мнению этих историков, именно преследуя половцев монголы могли достичь Крыма и перезимовать остаток зимы в начале 1223 г. в Судак (Суроже) [Греков, Якубовский, 1950, с. 50, 201—202; Толочко, 1987, с. 167; Феннел, 1989, с. 101—102].

Наиболее оптимальным в данном случае представляется продвижение половцев и преследовавших их монголов вдоль северного побережья Азовского моря по направлению к Перекопу в Крым, где можно было отсидеться в суровое зимнее время. Поэтому П. П. Толочко [Толочко, 1987, прил.], Дж. Феннел [Феннел, 1989, с. 218—219] и другие исследователи на предложенных ими картах продвижение войск Джебе-нойона и Субедей-багатура именно так и обозначили — вдоль северного побережья Азовского моря через Перекоп в Судак.

Тем не менее, наиболее коротким представляется продвижение войск Джебе и Субедея со стороны Северо-Западного Кавказа через Керченский пролив, как это сделали в IV в. гунны, не решившиеся перейти такую естественную преграду как р. Дон. В настоящее время данной версии придерживается С. А. Плетнева, по мнению которой “татары через Таманский полуостров и пролив прошли уже в Крым и разграбили один из самых богатых его городов” [Плетнева, 1990, с. 172]. В этом

случае речь идет о возможном преследовании монголами бежавших с Северного Кавказа половцев, первоначально искавших убежища не в степях Северного Приазовья, а на территории Северо-Западного Кавказа.

Если это предположение соответствует действительности, то тогда не ясно, как могли монголы зимой 1222—1223 гг. форсировать Керченский пролив? Поэтому можно вспомнить легенду о гуннах, которые в IV в. перешли пролив благодаря броду, который якобы существовал в то время. Однако данные письменных источников исключают существование такой возможности в период средневековья. Кроме того, использование плавсредств для переправы многотысячной группы отступавших половцев и тридцатитысячного монгольского войска также исключают и эту возможность. Если исходить из того, что такая переправа могла быть осуществлена в зимний период, то более логичным является предположение о переходе половцев и монголов из Тамани на Керчь именно благодаря тому, что зимой 1222—1223 гг. Керченский пролив мог быть покрыт льдом и таким образом стал естественным мостом для беглецов и их преследователей.

О том, что Керченский пролив иногда замерзал в зимний период, благодаря чему были возможны переходы из одного полуострова на другой, свидетельствуют данные некоторых письменных источников времен античности и средневековья. Так, Геродот сообщал, что в V в. до н. э. “Киммерийский Босфор” покрывался льдом, благодаря чему скифы, жившие в Тавриде, имели возможность ездить по льду на повозках до земли синдов [Геродот, IV, 28]. Исходя из этого, можно предположить, что в середине I тыс. до н. э. климат Северного Причерноморья был более суровым, чем сейчас. Однако при этом не стоит игнорировать то, что Геродот со свойственным южанину восприятием явно преувеличивал суровость природных условий Крыма и всего Северного Причерноморья.

О том, что даже во времена позднего средневековья иногда зимой Керченский пролив мог быть покрыт слоем льда, свидетельствует турецкий автор Эвлия Челеби, побывавший в Крыму и на Тамани в 1666—1667 гг. Им подробно описана переправа из Тамани на Керченский полуостров по льду, осуществляемая не только пешком, но также верхом на лошадях и даже на саниах. Тем не менее, по данным Эвлии Челеби, такая переправа являлась рискованной и была возможна лишь тогда, когда не было “воздействия солнечного света”, ибо в последнем случае лед таял и ломался [Челеби, 1999, с. 107—110].

В связи с этим возникает закономерный вопрос: если в V в. до н. э. и XVII в. в зимний период была возможна переправа по льду через Керченский пролив, то не могло ли это иметь место также зимой 1222—1223 гг.? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо привлечь данные геологических наук, касающиеся анализа климатической ситуации в прошлом на Крымском полуострове и соседнем с ним Северо-Западном Кавказе. Если это сделать будет невозможно, то и тогда не следует игнорировать предположение, согласно которому зимой 1222—1223 гг. монголы, преследовавшие половцев, могли попасть в Крым не через Перекоп, а через покрывшийся льдом Керченский пролив.

Необходимо отметить, что уже в начале 1223 г. могло состояться первое столкновение монголов с аланами Крыма, которые проживали в районе Судака не одно столетие до появления монголов. Об этом может свидетельствовать само название города, которое, по мнению некоторых исследователей, является производным от осетинского термина *sygdæg / sugdæg* — “святой, чистый” [Абаев, 1979, с. 188—189]. Ф. Брун [Брун, 1880, с. 122], В. Г. Василевский [Василевский, 1915, CLVI—CLIX], В. В. Бартольд [Бартольд, 1963, с. 815], И. Г. Добродомов [Добродомов, 1981, с. 41]. Однако данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Дальнейшие события нашли подробное отображение не только у мусульманских авторов XIII—XIV вв., но и в различных списках древнерусских летописей. Так, древнерусские летописцы сообщали о действиях монголов: “Приидоша на землю Половецкую и половцем ставшим, а Юрьи Кончаковичь боле всех половец не може

стали противу их, но бегающе ему, а половци побегоша, и мнози избиени быша. И гониша их до реки Днепра, а иных загнаша по Дону, убиваемы гневом Божиим...” [Холмог. л., 1977, с. 62].

Появление монголов на территории степей причерноморских половцев в конечном счете должно было привести к столкновению с третьей силой — с раздробленной на удельные владения Русью. Тогда же половецкий хан Котян обратился за помощью к своему тестю, галицкому князю Мстиславу Удалому. В результате образовалась антимонгольская коалиция, куда кроме половцев и мелких князей вошли наиболее влиятельные князья Руси: Мстислав Мстиславич Удалой из Галича, Мстислав Романович Киевский, Мстислав Святославич Черниговский. Узнав об этом, татары выслали посольство к русам с требованием, чтобы те оставили половцев. В ответ на это, послы монголов были перебиты [Новгор. 1 л., 1888, с. 217]. По-видимому, князья Руси были хорошо осведомлены от половцев о монгольском принципе: “Разделяй и властвуй!”. Данное событие, по мнению многих исследователей, должно было произойти на западном берегу Днепра, напротив Переяславля [Феннел, 1989, с. 103]. После этого войско русов, усиленное подкреплениями из Смоленска, Чернигова и Галицкой земли, двинулось дальше на юг, к Зарубу (Протолочам), — к переправе в самой восточной излучине Днепра, где дружину встретило второе посольство татар. На этот раз послы были отпущены, хотя князья русов не отказались от своих намерений поддержать половцев в их борьбе с монголами [Новгор. 1 л., 1848, с. 62, 266; Романов, 1983, с. 21]. Преодолев переправу, объединенное войско русов и половцев по левому берегу Днепра должно было подойти к о. Хортице, к которому должны были продвигаться плывшие по Днестру, Черному морю и далее поднимавшиеся по Днепру галицко-волынские силы [Романов, 1983, с. 21].

Последовавшие затем периодические стычки с татарами в степи и их девятидневное мнимое бегство на восток в конечном итоге привели к главному столкновению на р. Калке. По данным Лаврентьевской летописи, исход сражения был решен 31 мая 1223 г. [Лавр. л., 1926—1928, стб. 508], а согласно Ипатьевской — 16 июня 1223 г. [Ипат. л., 1871, с. 497]. Некоторые исследователи склонны доверять данным Ипатьевского списка, к их числу следует отнести Б. Д. Грекова [Греков, Якубовский, 1950, с. 204]. Однако большинство современных исследователей придерживаются второй даты — 31 мая 1223 г., приведенной в Лаврентьевской летописи. Среди них В. Т. Пашуто [Пашуто, 1968, с. 283], Дж. Феннел [Феннел, 1989, с. 104], В. К. Романов [Романов, 1983, с. 22] и другие исследователи.

От о. Хортицы объединенные силы союзников, преследуя якобы отступающих татар, достигли р. Калки, название которой не сохранилось на современной карте. Однако наименования современных рек с основой *Кал-* — *Кальмиус*, *Кальчик* и *Калец* — позволяют предполагать, что сражение проходило именно здесь — в 210 км на восток от о. Хортицы. Как отметил В. К. Романов, “...Сопоставление соображений о месте Калкской битвы, приведенных И. Шмаковым, В. Саханевым, К. Кудряшовым и В. Отиным, с данными картографических материалов XVIII—XIX вв. позволило считать, что наиболее вероятным местом сражения является район села Мало-Янисоль (совр. пос. Куйбышево Донецкой обл.) в среднем течении реки Кальчик” [Романов, 1983, с. 22].

В контексте аланской проблемы особый интерес для нас представляет этимология названия *Калка*, предложенная Е. С. Отиным. Исследователем было высказано предположение: «...название Калка (или Кала) возникло на основе славяно-скифских, или славяно-иранских (если придерживаться традиционного взгляда на иранское происхождение скифского языка) языковых контактов как результат “воображаемого перевода” какого-то гидронима с индоевропейским корнем *kel//kal* — “черный”. Наслоение славянского гидронима на среднеиранское речное название имело место в районе предполагаемого славяно-сарматского (или аланского) пограничья, которое распространялось, как считают археологи, в междуречье Днепра и Северского Донца, т. е. там, где протекал доисторический пра-Кальмиус. Восточные славяне, знакомые

с топонимическими структурами типа Калки, могли воспринять как “свой”, тождественное в морфемно-семантическом отношении образование иранского происхождения» [Отін, 1977, с. 12]. Сравнительный анализ индоиранских терминов, содержащих корень *kel//kal*, позволил Е. С. Отину прийти к следующему выводу: «Калка (или Кала) — это одна из древнейших “черных” рек на юге Восточной Европы, название которой позднее было переосмыслено как “грязная, засоренная, мутная”, что соответствует ее гидрографическим особенностям и исходило из значения славянского апелятива» [Отін, 1977, с. 13]. Что же касается форманты *-k (a)*, содержащейся во второй части гидронима, то она, по мнению Е. С. Отина, также имеет дославянское, т. е. иранское происхождение. Исходя из того, что иногда в древнерусских летописях встречаются варианты *Калакъ* и *Калъкъ*, исследователь сделал вывод, что это “результат отражения на славянской основе аланских суффиксов — *-ak(-ag)* и *ak(-ag)*”, которые служат для усиления значения [Отін, 1977, с. 14—15]. Связь названия реки — *Калка* с аланами выглядит весьма не случайной ввиду того, что в сражении на этой реке принимала участие группа населения, которая, по-нашему мнению, имеет непосредственное отношение к аланам-ясам южнорусских степей.

О событиях на Калке писали не только древнерусские летописи, но и мусульманский автор Ибн ал-Асир, который отметил: “Татары не переставали отступать, а те [русы и половцы. — *О. Б.*] гнались по следам их 12 дней, (но) потом Татары обратились на Русских и Кипчаков, которые их заметили тогда, когда уже они наткнулись на них; (для последних это было) совершенно неожиданно, потому что они считали себя безопасными от Татар, будучи уверены в своем превосходстве над ними. Не успели они собраться к бою, как на них напали Татары с значительно превосходящими силами” [Тизенгаузен, 1884, с. 27]. Более подробные сведения о дальнейшем ходе сражения содержатся в древнерусских летописях.

Как свидетельствуют наши летописи, татаро-монголы переправились на левый берег Калки и стали поджидать там войска противника. Мстислав Удалой, Даниил Романович, Мстислав Черниговский, совершив переправу вслед за противником, заняли удобные позиции как на левом берегу Калки, так и на правом вдоль переправы. Мстислав Киевский встал за переправой на каменистом кряже и обнес лагерь частоколом, огораживая его повозками. Но татаро-монголы приготовили своему противнику ловушку. Поэтому во время битвы половцы, дружины Даниила Романовича и Мстислава Удалого оказались зажатыми между правым и левым крыльями монгольского войска. В стане русов и половцев началась паника, что привело их к бегству. Сражение было проиграно [Ипат. л., 1871, с. 217—218; Лавр. л., 1926—1928, стб. 508; Воскр. л., 1856, с. 122; Новгор. л., 1888, с. 217—218].

Однако укрепленный лагерь киевского князя Мстислава Романовича татаро-монголы не могли взять в течение трех дней. Тогда они прибегли к хитрой тактике и призвали на помощь бродников: “Быша же с татари Бронници (Бродници), а воевода у них Плоския, и той окоянный целова крест к великому князю Мстиславу Романовичу и сущим с ним, яко предашася ему. Он же окоянный предаде их татарам...” [Патр. л., 1825, с. 91—92; Лавр. л., 1926—1928, стб. 508]. В древнерусских летописях это было не первое упоминание о бродниках.

Первое свидетельство о пребывании этой группы населения на границах Руси относится к 1147 г. Именно в это время на Вятической земле имели место междоусобные столкновения, во время которых на помощь Черниговскому князю Святославу Ольговичу из южнорусских степей “Бродници и Половци приишоша к нему мнози” [Ипат. л., 1843, стб. 342; Воскр. л., 1856, с. 39]. Во второй раз в древнерусских летописях бродники фигурируют под 1216 г., когда во время битвы между владими́ро-суздальскими князьями Юрием и Ярославом Всеволодовичами и новгородским князем Мстиславом Мстиславичем Удалым на помощь первым двум пришли “Муромци, и Бродници, и Городчане, и вся сила Суздальской земли” [Лавр. л., 1926—1928, стб. 294; Воскр. л., 1856, с. 122]. И в третий уже раз бродники упоминаются в 1223 г. в битве на р. Калке. Группа населения с аналогичным названием

зафиксирована и в Северо-Западном Причерноморье византийскими, венгерскими и ватиканскими документами [Успенский, 1879, прил. №5, с. 35—36; Голубовский, 1884, с. 199—200; Мавродин, 1940, с. 284; Шушарин, 1972, с. 169—171; 1978, с. 40—41]. Однако данный аспект проблемы заслуживает отдельного рассмотрения.

В современной науке сложилось несколько подходов относительно этнической атрибуции носителей этнонима *бродники*. К сожалению, большинство современных исследователей не пытаются изменить устоявшиеся взгляды на этот счет, которые сформировались буквально несколько столетий тому назад. Традиционный подход к решению данной проблемы не позволяет учитывать более новые данные, накопившиеся за последние несколько десятилетий. К числу таких исследователей следует отнести Б. Д. Грекова, который бродникам дал такую характеристику: «К татарам присоединились “бродники” (по всем признакам славяне, жившие на берегах Азовского моря и по Дону). Это воинственное население, прототип позднейшего казачества, находилось во враждебных отношениях к князьям черниговским и киевским. Совместное их выступление с татарами против русских княжеских дружин может быть объяснено желанием “бродников” нанести удар соседним черниговским князьям и боярам, успешно осваивавшим на своей территории землю и энергично подчинявших своей сеньйориальной власти непосредственных производителей — земледельцев» [Греков, Якубовский, 1950, с. 203].

Данный подход к решению проблемы отражает, с одной стороны, панславистские тенденции доказывать давность пребывания славян в степи, а с другой — демонстрирует стремление отыскать истоки такого явления, как институт казачества в восточноевропейских степях. Что же касается происхождения самого термина *бродники*, то уже никто сейчас не поддерживает мнение С. М. Соловьева, М. Н. Тихомирова и некоторых других историков, считавших, что данный термин якобы происходит от слова “сброд”, ввиду пестрого состава участников этого объединения [Соловьев, 1959, с. 663; Тихомиров, 1975, с. 181]. Не актуально также предположение Н. М. Карамзина и некоторых историков о происхождении данного слова от названия “бродяга, волочь” [Карамзин, 1991, с. 134, 313; Забелин, 1876, с. 19—20].

Особый интерес для нас представляет предположение Е. Лозована, который считает, что в основе данного термина лежит славянское *брод*. По его мнению, суффикс *-ник* указывает не на место проживания, а на профессию. Отсюда следует, что термин *бродники* в древнерусском языке должен был означать — “те, кто переправляет через броды”, “паромщики” и т. п. Вполне возможно, что в данном названии содержится указание на профессию определенной группы людей [Lozovan, 1965, p. 58—59].

Естественно, никто не будет возражать относительно того, что сам термин *бродники* имеет отношение к славянам. На связь бродников со славянами может указывать также славянское имя предводителя бродников — *Плоския*, их принадлежность к православной конфессии, а также указание Никиты Хониата на то, что бродники являются ветвью “русских” [Успенский, 1879, прил. №5, с. 35—36]. Именно поэтому до сих пор многие исследователи безапелляционно считают их частью восточных славян, поселившихся в степи. Кроме Б. Д. Грекова данного мнения придерживались П. Голубовский [Голубовский, 1881, с. 201], В. Ляско-ронский [Ляско-ронский, 1907, с. 81—123], М. Грушевский [Грушевский, 1992, с. 525—526], Н. Ф. Котляр [Котляр, 1966, 18—20; 1969, с. 95—101], М. Н. Тихомиров [Тихомиров, 1975, с. 81—82], Б. А. Рыбаков [Рыбаков, 1982, с. 75] и другие исследователи.

Несмотря на это, для некоторых ученых упомянутые черты бродников отнюдь не являются теми аргументами, которые позволяют видеть в бродниках исключительно славян. Исследователи обратили внимание на то, что в 1223 г. во время сражения на р. Калке бродники выступили на стороне монголов против славян и половцев. Это может свидетельствовать об этническом отличии общности бродников от последних. По мнению этих ученых, бродники представляли собою

полиэтническую общность южнорусских степей, в функцию которых входило обслуживание переправ. На полиэтнический характер бродников указали В. В. Мавродин [Мавродин, 1940, с. 285], В. Г. Пашуто [Пашуто, 1968, с. 115—116, 202], С. А. Плетнева [Плетнева, 1964, с. 31—32; 1975, с. 191, 201, 214], А. А. Козловский [Козловский, 1992, с. 169] и другие исследователи.

В сложившейся ситуации, с одной стороны, можно предположить, что термин **бродники** мог являться славянским эквивалентом самоназвания данной группы населения степей. Достаточно напомнить распространенное мнение о том, что древнерусское название кипчаков-куманов — **половцы** могло представлять собой перевод их самоназвания **куба/кыба** (белый, бледный) [Ураксин, 1987, с. 129, 130—131]. С другой стороны, славянское имя предводителя бродников — **Плоския** могло представлять собой лишь результат контактов бродников Северного Приазовья со славянами. В связи с этим, достаточно напомнить сообщение Плано Карпини относительно того, что во время своих завоеваний в Восточной Европе монголы поступили как с заложником с сыном “Ярослава, неким вождем Аланов” [Карпини, 1957, с. 56]. В тоже время, указание летописей на то, что Плоския целовал крест и, следовательно, являлся христианином, не может быть доказательством того, что бродники — это славяне. Достаточно напомнить, что в южнорусских степях в XII — начале XIII вв. проживали аланы-ясы, которые, как и восточные славяне, исповедовали византийское христианство [Кулаковский, 1898, с. 17—18].

Особого внимания заслуживают предположения О. И. Прицака и В. А. Бушакова, которые считают, что основу общности бродников составляло население восточноиранского происхождения. По мнению О. И. Прицака, бродники изначально являлись согдийцами и были известны в “Слове о полку Игореве” под названием **Деремела**, что в основе своей восходит к согдийскому термину **tar-band** — “переправа, брод” [Прицак, 1965, с. 82—96]. Но, как отметил Н. Ф. Котляр, “этимология О. Прицака не учитывает исторических реалий, ученый рассматривает данную проблему вне понятий пространства и времени, интересуясь лишь ее языковой стороной” [Котляр, 1969, с. 96, 98]. Более убедительной выглядит гипотеза В. А. Бушакова, по мнению которого, бродники являлись аланами-ясами, известными в IX—X вв. в восточных источниках под названием **буртас** [Бушаков, 1995—1996, с. 94—103]. Тем не менее, она также страдает излишней загруженностью построениями этимологического характера, что не всегда соответствует историческим реалиям.

И все же предположение В. А. Бушакова вызывает особый интерес в связи с тем, что аланы Днепровско-Волжского междуречья со второй половины X в. по вторую половину XII в. были известны в древнерусских летописях как **ясы** [Ипат. л., 1843, стб. 246, 291; Лавр. л., 1846, стб. 27; Воскр. л., 1856, с. 24, 287]. На этой же территории, судя по данным арабо-персидских авторов, в IX—X вв. обитали буртасы [Гаркави, 1870, с. 133; Минорский, 1963, с. 200; Алихова, 1949, с. 51—53; Туманский, 1914, с. 96; Заходер, 1962, с. 232], в которых все больше исследователей склонно видеть восточноевропейских аланов-асов [Lewicki, 1961, s. 1—14; Pritsak, 1978, p. 264; Добродомов, 1980, с. 40; Афанасьев, 1984, с. 28—41]. В середине XII в. древнерусские летописцы почему-то перестали использовать термин **ясы** по отношению к неславянскому христианскому населению южнорусских степей. И тогда же в летописях с 1147 г. начал использоваться новый термин — **бродники** [Ипат. л., 1843, стб. 342; Воскр. л., 1856, с. 39]. Однако аланы не исчезли из степей Восточной Европы, так как в хрониках персидских авторов, касающихся походов монголов в Восточную Европу в первой половине XIII в., довольно часто упоминается народ **ас** [Тизенгаузен, 1941, с. 22, 24, 90, 219, 144—145, 248]. Об этом также может свидетельствовать фрагмент выполненного на рубеже XII—XIII вв. древнерусского перевода “Истории иудейской войны” Иосифа Флавия. В данном тексте нашли отражение знания славянского переводчика о современных ему народах. Об аланах-ясах там сказано: “Язык же ясеский [народ ясы. — О. Б.] ведомо

есть, яко от печенеженька рода родился, живущие подле Таны [Дона. — О. Б.] и Меотского [Азовского. — О. Б.] моря” [Мещерский, 1958, с. 454].

Нами уже было высказано мнение, что термин *бродник* мог представлять собой перевод на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов-асов — *f.rd-as* (*бурмас*) — “асы, которые обслуживают переправы” [Бубенок, 1997, с. 123—137]. К этому следует добавить, что, по мнению В. И. Абаева, в языке средневековых аланов существовал термин для обозначения брода, переправы — *fard*, который являлся производным от древнеиранского *p.rtu*, с тем же значением [Абаев, 1958, с. 485—486]. Отсюда логично предположить, что термин “асы, которые обслуживают переправы” в среде восточноевропейских аланов мог иметь вид *fard-as*, т. е. *бурмасы* арабо-персидских источников, в чем следует видеть посредство тюркских языков, где отсутствует согласный *ф*. Однако не исключено, что восточноевропейские аланы могли использовать для обозначения переправы, брода иной вариант термина — *farad*, так как этноним *бурмас* был известен в “Худуд ал-‘Алам” как *барадас* [Туманский, 1914, с. 96]. Следовательно, термины *fard-as* или *farad-as* могли являться самоназванием восточноевропейских аланов и указывать на то, что их носители занимались обслуживанием переправ через реки, бродов и т. п. Сам же термин *бродник* мог представлять собой перевод на древнерусский язык самоназвания восточноевропейских аланов и указывать на связь бродников не только с ираноязычными аланами-ясами, но и со славянами, чьи поселения существовали в степи в предмонгольский период.

В связи с упоминанием бродников в 1223 г. на р. Калке в Северном Приазовье, возникает естественный вопрос: откуда они пришли туда? На этот счет существует несколько предположений. Одно из них было выдвинуто Н. Ф. Котляром и на нынешний момент выглядит не до конца убедительным. Исходя из данных византийских документов, подкрепленных материалами переписки венгерских королей с Папой Римским, Н. Ф. Котляр выдвинул гипотезу, что первоначальным местом проживания бродников были берега Нижнего Дуная, откуда “они могли распространиться по другим украинским и русским землям” [Котляр, 1969, с. 100]. Кроме того, исследователь считает, что на р. Калку бродники попали именно с Северо-Западного Причерноморья. Подтверждение этого, по его мнению, следует искать в сообщениях летописей о движении галицкого войска накануне битвы. Среди них и были некие “галицкие выгонцы”, о которых в Ипатьевской летописи сказано: “выгонци Галичкая...воидоша в море, бе бо людей тысяща, и воидоша во Днепр и возведоша пороги и стаща у реки Хортице на броду” [Ипат. л., 1843, стб. 742]. Н. Ф. Котляр считает, что именно эти выходцы из Северо-Западного Причерноморья и были известны во время битвы на р. Калке под названием “Бродници” [Котляр, 1966, с. 20].

В связи с вышеизложенным возникает вопрос: если территория придунайских бродников в 1223 г. не была оккупирована монголами, то какой же был смысл жителям Северо-Западного Причерноморья выступать на стороне пришельцев? Такое решение могло бы быть принято, если бы татаро-монголы заняли коренные земли “выгонцев” в Днестровско-Дунайском междуречье. Монголы, как известно, в 1223 г. дальше Днепра на запад не пошли. К тому же два других сообщения древнерусских летописей, датированных 1147 г. и 1216 г., также указывают на значительно удаленный от устья Дуная район проживания бродников. Именно наиболее раннее упоминание бродников под 1147 г. в Днепровско-Волжском междуречье позволяет считать данный регион местом возникновения этнонима *бродники*. В связи с этим следует обратить внимание на то, что древнерусскими летописями никогда не упоминаются бродники в Северо-Западном Причерноморье. О пребывании их там сообщают только иностранные христианские источники, написанные на рубеже XII—XIII вв. Это может свидетельствовать лишь о более позднем заимствовании термина.

Исходя из сказанного, можно предположить, что этноним *бродники* возник в степях Днепровско-Волжского междуречья вследствие связей местных аланов-асов

с восточными славянами. В. В. Мавродин считает, что еще во время своего пребывания на Северном Кавказе в 1222 г. монгольские полководцы Джэбе и Субедей могли уже покорить якобы проживавших там бродников [Мавродин, 1940, с. 283]. Однако анализ древнерусских летописей свидетельствует в пользу того, что бродники не могли находиться так далеко от южных рубежей Руси. Наиболее вероятным районом, где монголы в 1223 г. могли встретить бродников, являются степи между Доном и Днепром.

Данный регион весьма интересен тем, что именно здесь вплоть до монгольского времени непрерывно функционировали могильники и стационарные поселения, связанные своим происхождением с носителями салтовской культуры, которая большинством исследователей определяется как алаано-болгарская. Такими памятниками, например являются открытые в 1982 г. и исследованные М. Л. Швецовым поселение и синхронный ему могильник возле знаменитого памятника хазарского времени у х. Зливки на левом берегу Северского Донца, в среднем его течении (рис. 1). Редкий инвентарь, обнаруженный там, позволяет предполагать, что в XII—XIII вв. в донецких степях продолжало обитать прежнее салтовское поселение. Погребальный обряд позднего Зливкинского могильника отличается однообразием и имеет аналогии в других синхронных ему некрополях Северного Причерноморья. Погребения совершались там в неглубоких грунтовых ямах вытянуто на спине, головой на запад или на юго-запад, руки обычно были согнуты и лежали на тазе. Для большинства погребений было характерно отсутствие инвентаря. В двух случаях возле погребений были обнаружены следы тризны — скопление камня и нога лошади, а также “остатки салтоидного сосуда с угольками” (возле погребения 32/71). Несмотря на эти нетипичные языческие элементы в погребальном обряде позднего Зливкинского могильника, исследователь памятника М. Л. Швецов в целом назвал погребения XII—XIII вв. “могильником христиан” [Швецов, 1981; 1983].

Аналогичные позднему Зливкинскому поселению и некрополю памятники располагались рядом на противоположном правом берегу Северского Донца возле современных сел Сидорово и Маяки (рис. 1). По наблюдениям В. К. Михеева, эти салтовские поселения и могильники продолжали функционировать не только в половецкий, но и в более поздний периоды. Так, относительно существования Сидоровского городища исследователь отмечает: “Период его расцвета приходится на VIII—IX вв., хотя и в XI—XII вв. городище функционировало. На нем выявлены отдельные культурные остатки в виде амфор с рифленой поверхностью, высоким горлом и плоскими в разрезе ручками, возвышающимися над краем венчика, аналогичные амфорам из Саркела и городов Северного Причерноморья” [Михеев, 1985, с. 24]. Относительно более исследованного городища у с. Маяки В. К. Михеев высказал предположение: “В конце IX в. городище разгромили печенеги, но, судя по немногочисленным находкам обломков горлышек амфор, аналогичным саркельским IX—XII вв., жизнь на нем не прекратилась. Тем не менее как крупный экономический центр салтовской культуры поселение перестает существовать” [Михеев, 1985, с. 23—24].

Более исследованным в этом отношении оказался расположенный на левом берегу Днепра Каменский могильник (рис. 1). Антропологические материалы Каменского могильника, по заключению Т. С. Кондукторовой, находят аналогии в более раннем Зливкинском могильнике хазарского времени, а также в погребениях Саркела и относятся к большой европеоидной расе. Для них характерна брахикrania черепа, среднеширокое лицо [Кондукторова, 1957]. По мнению В. П. Алексеева, “умеренное выступание носовых костей по отношению к плоскости лицевого скелета и некоторая тенденция к его уплощенности в горизонтальной плоскости говорят о наличии в составе этой серии монголоидной примеси” [Алексеев, 1969, с. 193]. По наблюдениям Т. С. Кондукторовой, монголоидность наиболее ярко представлена среди женских серий Каменского могильника [Кондукторова, 1957, с. 56—57].

К сожалению, в настоящее время большинство исследователей склонны связывать зливкинский антропологический тип исключительно с болгарами, забывая при этом,

что после X в. болгары вовсе перестают фигурировать как жители причерноморских степей. В XI — начале XIII вв. в южнорусских степях кочевали племена печенегов, торков, половцев, а среди оседлого населения были известны ясы (аланы), бродники, славяне. В связи с этим особого внимания заслуживают выводы, к которым еще несколько десятилетий назад пришли Г. Ф. Дебец и В. В. Гинзбург. Упомянутые исследователи высказались в пользу того, что брахикранные серии зливкинского типа были широко распространены в степях Восточной Европы в предыдущую сарматскую эпоху, т. е. задолго до появления болгар на исторической арене [Дебец, 1948, с. 252—256; Гинзбург, 1963, с. 262—263]. Поэтому вполне можно согласиться с предположением исследователя Каменского могильника Э. А. Сымоновича, что в Каменке “антропологический тип погребенных восходит к европеоидному сармато-аланскому населению степей” [Сымонович, 1956, с. 106]. Интерес вызывает также и другое предположение исследователя относительно населения Каменского могильника: “В степи, по-видимому, сменялись только основные племена кочевников... Поколения потомков древнего населения степей при этом оставались, подвергаясь ассимиляции пришлыми племенами и постепенно меняя свой культурный облик” [Сымонович, 1956, с. 106].

Относительно этнической ассимиляции потомков сармато-аланов уместно вспомнить предположение И. И. Ляпушкина: “судьба их могла быть двояка: те части, которые были ассимилированы тюркскими племенами, перестали быть сарматами, остальные сохранили свое этническое лицо” [Ляпушкин, 1958, с. 138]. К числу последних можно отнести и средневековых обитателей Каменки. Поэтому вполне можно согласиться с мнением С. А. Плетневой, что Каменский могильник оставила часть ясов (аланов), которая “продвинулась под давлением занявших их земли кочевников с Донца в Приднепровские земли” [Плетнева, 1958, с. 185].

Данный могильник находился на левом берегу Днепра возле с. Каменка-Днепровская Запорожской обл. на обрывистом берегу р. Конки (рис. 1). Погребения там располагались неправильными рядами, расстояния между захоронениями не превышали от 1 до 2,5 м. Случаи повреждения или перекрытия одного погребения другим встречались исключительно редко. Над некоторыми могилами встречались выкладки из крупных камней до 1 м длиной [Сымонович, 1952, с. 19; 1956, с. 99; Козловский, 1992, с. 26—27]. По мнению Э. А. Сымоновича, “они когда-то, видимо лежали на уровне древней дневной поверхности, обозначая могилы” [Сымонович, 1956, с. 99]. Всего было вскрыто 83 погребения. Все погребенные, за исключением трех (в могильных ямах №№ 9, 65, 82) лежали головой на запад с сезонными отклонениями к югу и к северу. Все они находились на спине; ноги были обычно вытянуты; положение рук было различным: иногда они вытянуты вдоль боков, иногда положены на живот или таз или же скрещены на груди. Большинство захоронений находилось на глубине 1,2—1,6 м. Детские захоронения находились на глубине 0,8—1 м. В 60% погребений отсутствовал инвентарь [Сымонович, 1952, с. 19; 1956, с. 99—100; Козловский, 1992, с. 26—27].

По определению А. А. Козловского, только восемь погребальных комплексов содержали материал, который позволил датировать Каменский могильник XII—XIV вв. Особый интерес представляет инвентарь из погребений №№ 16, 27, где содержались овальные кресала (рис. 2, 1), которые позволили датировать эти погребения XII—XIII вв. Погребение № 92 также содержало кресало, по определению А. А. Козловского, “близкое к калачевидным, которые можно отнести к XII—XIII вв.” [Козловский, 1992, с. 120]. Э. А. Сымонович и А. А. Козловский считают, что инвентарь Каменского могильника во многих чертах имеет аналогии в вещевых комплексах кочевников того времени [Сымонович, 1956, с. 106; Козловский, 1992, с. 160]. Погребальный же обряд захоронений у Каменки находит соответствия в христианских могильниках Южной Руси. Поэтому можно согласиться с таким предположением С. А. Плетневой: “Вполне возможно, что изменения погребального обряда произошли в связи с принятием этой группой населения христианства. Бескуранные могилы, западная ориентировка и находки крестиков

в некоторых из погребений говорят в защиту этого предположения” [Плетнева, 1958, с. 185]. В связи с этим необходимо обратить внимание на металлический крестик (рис. 2, 2), найденный в погребении № 58 Каменского могильника, инвентарь которого не поддается точному хронологическому определению.

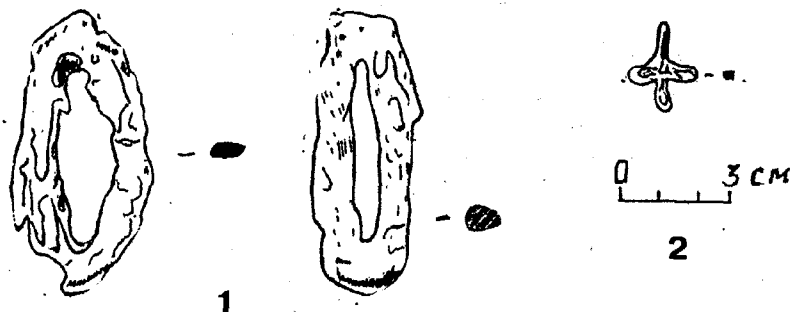

Рис. 2. Инвентарь предмонгольского времени (XII—XIII вв.) из погребений Каменского могильника (по Э. А. Сымоновичу):
1 — кресала из погребений №№ 16 и 27;
2 — металлический крестик из погребения № 58

Аналогичный Каменскому могильник и связанное с ним поселение были исследованы А. А. Козловским на левом берегу Днепра возле с. Благовещенка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. (рис. 1). По данным С. И. Круц, черепа этого могильника были близки краниологическим сериям из Каменского могильника [Козловский, 1992, с. 160], т. е. относились к зливкинскому типу. Благовещенский могильник находился на обрывистом берегу Каховского водохранилища. Здесь было исследовано 41 грунтовое погребение. Расстояние между рядами могил составляло от 1 до 2 м, а между отдельными захоронениями — от 0,5 до 2 м. В девяти могилах были обнаружены следы от гробов. 13 погребений были детскими. Все погребенные были уложены на спине головой на запад с сезонными отклонениями. Ноги почти у всех были вытянуты. Исключение составляло погребение № 7, где ноги покойника были подогнуты (рис. 3, 1). Разнообразным было положение рук погребенных (рис. 3, 1): согнуты в локтях, так что кисти покоятся на животе или тазе; иногда кисть одной руки находилась возле подбородка, а другой — в области живота или таза; в ряде случаев обе руки были сложены на груди или вытянуты вдоль тела; в отдельных случаях положение рук представляло самые разнообразные комбинации [Козловский, 1992, с. 22—25].

В 19-ти погребениях Благовещенского могильника был обнаружен инвентарь, который позволил А. А. Козловскому датировать памятник XII—XIV вв. По мнению исследователя могильника, вещевой комплекс из погребений №№ 5, 8, 15, 16 позволяет их датировать XII—XIII вв., т. е. предмонгольским временем [Козловский, 1992, с. 120]. Основой для такой датировки стали аналогии для некоторых предметов: в погребении № 5 — пластинчатый браслет с загнутыми концами (рис. 3, 2); в погребении № 8 — синяя бусина, изготовленная на Руси в XII в. (рис. 3, 3); в погребении № 15 — синие и зеленые зонные бусы с ожерелий, датируемые соответственно X—XI вв. и XII—XIII вв.; в погребении № 16 — одна зеленая бусина XII—XIII вв. [Козловский, 1992, с. 119]. При исследовании связанного с могильником поселения были обнаружены два жилища, в одном из которых был обнаружен датирующий материал — фрагменты керамики среднеднепровского и местного типов, а также обломки амфор, относящиеся к XII—XIII вв. [Козловский, 1992, с. 114].

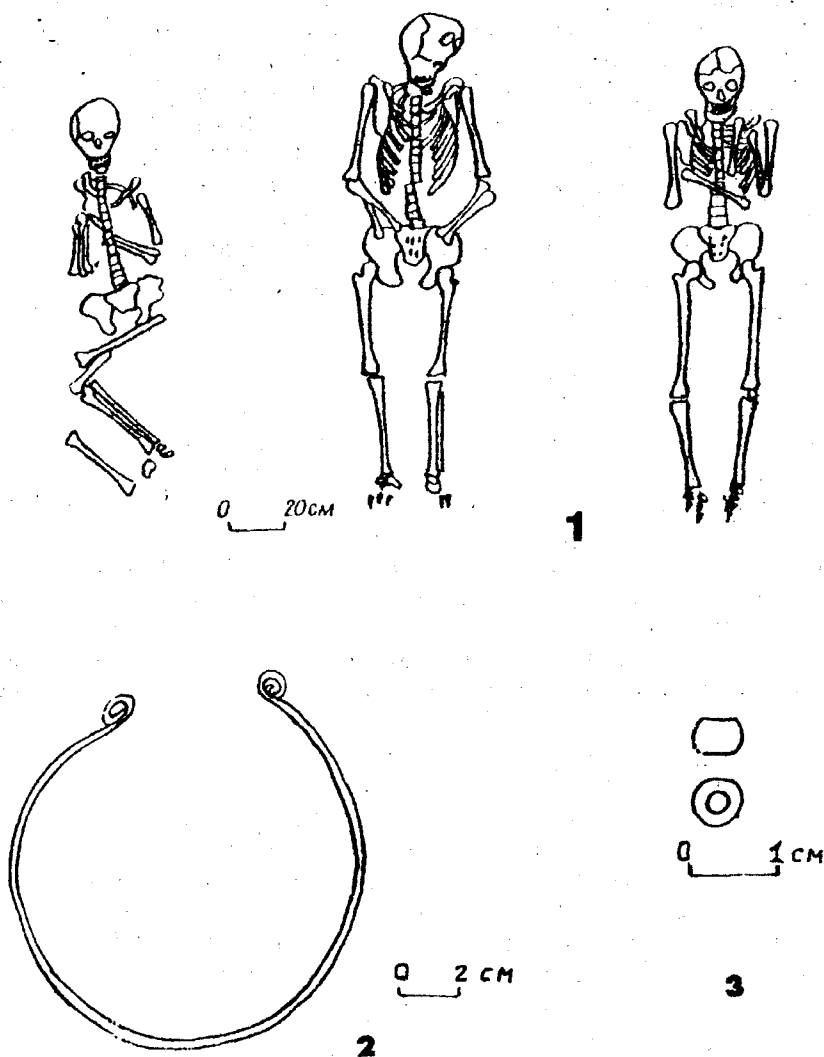

Рис. 3. Особенности погребального обряда и инвентарь из погребений
предмонгольского времени Благовещенского могильника
(по А. А. Козловскому):

- 1 — погребения №№ 7, 8, 6;
- 2 — пластинчатый браслет из погребения № 5;
- 3 — синяя бусина из погребения № 8

Несмотря на то, что на Благовещенском могильнике более чем в 40% погребений (в 19 из 41) содержался инвентарь, можно провести определенные аналогии с Каменским, поздним Зливкинским могильниками и некрополями Южной Руси предмонгольского и монгольского времен. Обряд погребения, западная ориентация, отсутствие курганных насыпей позволяют считать Благовещенский могильник, как и синхронные ему Каменский и поздний Зливкинский, христианским.

Однако Каменский и Благовещенский могильники не являются единственными памятниками оседлого населения предмонгольского времени в степном Поднепровье. В XII — начале XIII вв. значительное распространение там получили поселения и христианские могильники иного типа. Относительно этого

А. А. Козловский сделал следующие выводы: "...материальная культура, конструкция и планирование жилищ, погребальный обряд имеют много общего с памятниками того же времени на основной территории Древней Руси. Однако рядом с этим имеется ряд элементов материальной культуры, которые не имеют аналогий в древнерусских памятниках: наличие на памятниках Южного Поднепровья сабель — типичного вооружения кочевников; стрел, которые имеют аналогии среди кочевнических древностей; находки некоторых кочевнических украшений" [Козловский, 1992, с. 157]. Исследователь также отметил, что на некоторых поселениях того времени в материальной культуре прослеживались черты предыдущего периода: керамика, по форме близкая к изделиям IX—XI вв., пряслицы из стенок сосудов, что не характерно для изделий древнерусского периода. Отсюда был сделан вывод: "...на основе материальной культуры можно говорить о смешанном населении, которое оставило эту культуру" [Козловский, 1992, с. 157]. А. Т. Смиленко исходя из того, что много вещей не имело местной подосновы (керамика, характерная для Среднего Поднепровья, большое количество украшений), высказала, и не без оснований, предположение, что эти вещи появились в Южном Поднепровье вместе с их носителями — переселенцами из Среднего Поднепровья [Смиленко, 1975, с. 189].

Взяв во внимание то, что в Нижнем Поднепровье в предмонгольский период сосуществовало славянское и позднее салтовское население, можно предположить, что район степного Поднепровья мог являться тем местом, где появился термин *бродник*, аланский по происхождению, но славянский по форме. С аланами, которые в древнерусских летописях были известны как обитатели Половецкой степи до середины XII в. под именем *ясы*, следует связывать Каменский, Благовещенский и другие аналогичные им могильники. Главное их отличие от других памятников предмонгольского времени — это то, что они были оставлены оседлым аборигенным населением степи. Об этом может свидетельствовать их зливкинский антропологический тип, широко представленный в сарматскую эпоху. В настоящий момент, в среде многих исследователей сформировалось не до конца обоснованное мнение, что с аланами следует связывать только носителей долихокранного средиземноморского антропологического типа, который в хазарскую эпоху был распространен на катакомбных могильниках в лесостепном Подонье и на Северном Кавказе. Однако долихокранные серии такого типа в XI—начале XIII вв. не имели распространения в Северном Причерноморье. Тем не менее, письменные документы часто упоминают аланов как жителей Половецкой степи. Следовательно, определенная часть салтовского населения (носители так называемого зливкинского типа) вплоть до нашествия монголов могла сохраняться в причерноморских степях как отдельная этническая группа.

Что же касается использования древнерусскими летописцами термина *бродники*, то на примере Южного Поднепровья мы можем предполагать, что данный этноним мог использоваться в первую очередь для обозначения смешанного аланославянского населения, которое действительно проживало на берегах рек и занималось обслуживанием переправ. Монголоидная примесь среди краниологических серий некоторых могильников может свидетельствовать об оседании определенной части кочевников в среде бродников. Славянская обработка этнического термина *fard-as* заставляет говорить о славяно-иранском симбиозе в степи в предмонгольское время вследствие общности религии (по данным летописей, кроме славян, православными христианами являлись и ясы, и бродники), принадлежности к одному хозяйственно-культурному типу, политическому подчинению то половцам, то князьям Южной Руси. Исходя из того, что древнерусские летописи свидетельствуют о неоднократном продвижении монголов к Днепру в начале 1223 г., можно предположить, что, возможно, там монголы могли завербовать бродников, в результате чего последние выступили в сражении на Калке против объединенных сил Руси и половцев. Не следует упускать из вида, что в Половецкой степи эта группа оседлого населения могла находиться в приниженом

подчиненом положении по отношению к половецким ханам и занимать низшую ступень в социальной иерархии кочевого общества.

Не исключено, что после сражения на Калке определенная часть бродников могла пристать к монголам и уйти с ними на восток. Одержав победу, войска Джэбе и Субедея двинулись на Среднюю Волгу и подвергли нападению Волжскую Булгарию. Однако ослабленные предварительным походом войска монголов были разбиты у города Булгар и спустились вниз по Волге к городу Саксину и к степям у северных берегов Каспийского моря, а затем вернулись в Монголию. По образному выражению А. Ю. Якубовского, “не став, однако, хозяевами всего Дешт-и-Кыпчак, татары нанесли временно большой удар не только половецким кочевьям, но и той хорошо налаженной торговле, которую вела юго-восточная Европа” [Греков, Якубовский, 1950, с. 51].

В 1226 г. неожиданно умирает Чингис-хан. После борьбы за власть среди его преемников Великим ханом монголов в 1229 г. курултай избирает третьего сына Чингис-хана — Угедея [Вернадский, 1997, с. 55]. Ведя борьбу на востоке за расширение своей империи, Угедей не отказался и от походов на запад. “Сокровенное сказание” монголов о действиях Угедея в 1228 г. (т. е. в год Мыши) сообщает: “Точно также он отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеетая, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингис-хане, а именно — народов Каплин, Кибчаут, Багжигит, Орусут, Асум, Сесут, Мачжар, Кешимир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжиях, как то: Мекстмен, Кермен-кепбе и прочих” [Козин, 1941, с. 191—192]. Однако завоевание этих стран и народов произошло через несколько лет. В результате похода 1229 г. монголами был нанесен сокрушительный удар Волжской Булгарии, хотя само государство поволжских булгар не прекратило свое существование. Эти события нашли свое отображение не только в восточных хрониках, но и в древнерусских летописях. Таким образом монголы отомстили за свое поражение в 1223 г. Б. Д. Греков относительно этих событий высказал мнение: “Это — предварительный, разведывательного характера поход. Монголы успели собрать необходимые им сведения о Восточной Европе” [Греков, Якубовский, 1950, с. 207]. Как видим, монголы придавали большое значение не только завоеванию волжских булгар, но и других народов, расположенных на запад от монгольского государства. Часть из них выступила против монголов в 1222—1223 гг. Как отметил Г. В. Вернадский, “с точки зрения Ясы, каждая нация, отказывающаяся признать высший авторитет великого хана, рассматривается как восставшая” [Вернадский, 1997, с. 109]. В разряд таких мятежников попали и аланы Северного Кавказа, оказавшие упорное сопротивление монголам в 1222 г. Естественно, монголы стремились им отомстить за это.

Глава II. Экспансия монголов в Восточной Европе и на Северном Кавказе после 1235 г. и ее последствия для аланов-асов

В восточноевропейской историографии походы монголов в Восточную Европу и на Северный Кавказ, возглавляемые Бату (Батыем), традиционно изображали преимущественно как события, имевшие для народов этих регионов трагические последствия. Однако пример аланов, оказавшихся в первой половине XIII в. на пути монгольских войск, позволяет несколько усомниться в этом устоявшемся мнении.

Данная проблема вот уже более ста лет вызывает интерес у многих исследователей. Еще в конце XIX в. историю алано-монгольских взаимоотношений обстоятельно осветил Ю. А. Кулаковский в своей монографии “Аланы по сведениям классических и византийских писателей”. В его работе целая глава посвящена вторжению монголо-татар на Северный Кавказ и Восточную Европу. Исследователь подверг анализу информацию об аланах, содержащуюся у христианских авторов XIII в., таких как доминиканец Юлиан, аланский епископ Феодор, Плано Карпини, Гильом Рубрук и др. В результате, говоря о первом нападении монголо-татар на северокавказских аланов в 1222 г., Ю. А. Кулаковский отметил, что “оно не повело за собою немедленного установления их владычества на пространстве опустошенных ими земель, и они стали утверждаться на них только после второго своего появления”. Анализ же сообщения о путешествии Юлиана, совершенном до 1235 г., позволил сделать такие выводы: “во-первых, что Аланы сохранили свою самостоятельность и не были в зависимости от Татар; во-вторых, что они занимали Прикавказские степи и не были еще оттеснены в горы”. Продатировав послание епископа Феодора не ранее 1240 г., Ю. А. Кулаковский высказал мнение, что “...полное умолчание о Татарах позволяет предполагать, что Аланы сохраняли в ту пору свою национальную самостоятельность”. Анализ сообщений Плано Карпини и Гильома Рубрука, посетивших степи Восточной Европы в середине XIII в., позволил ученому-историку сделать вывод, что тогда “равнина была уже во власти Татар, и непокорные Аланы жили уже только в горах”. Сообщение древнерусской летописи о походе вассалов Золотой Орды — князей Руси на аланов в 1277 г. дало основание Ю. А. Кулаковскому считать, что “свою независимость в родных горах удерживали Аланы и позднее” [Кулаковский, 1899а, с. 57—60].

Необходимо отметить, что алано-монгольские отношения XIII—XIV вв. в советское время стали объектом изучения исследователей, которые занимались историей северокавказской Алании. В качестве примера можно привести монографию З. Н. Ванеева “Средневековая Алания”, где в отдельной главе речь идет о “катастрофических последствиях” монгольского вторжения на Северный Кавказ в XIII в. По мнению автора книги, это привело к полному упадку Западной Алании и тогда “политические центры Алании передвинулись на восток”. В XIV в., по наблюдениям З. Н. Ванеева, “на равнине аланов осталось не так уж и много” [Ванеев, 1959, с. 173—183]. В таком же духе выдержана статья Л. И. Лаврова “Нашествие монголов на Северный Кавказ”, посвященная последствиям походов монголов в регион в 1237—1240 гг. Тем не менее, в данном исследовании речь идет об упорном сопротивлении аланов и других народов Северного Кавказа монголам и ничего не сказано о том, что именно тогда часть аланов начала переходить на службу к монголам и стала помогать пришельцам завоевывать своих же соплеменников [Лавров, 1965, с. 98—101].

Проблемы этнической истории Центрального Кавказа того драматического периода рассматриваются в монографии Б. А. Калоева “Осетины”. По мнению исследователя, “опустошительные походы монгольских завоевателей привели к значительному сокращению территории расселения алан-осетин”. Б. А. Калоев считает, что в результате этих событий одна часть северокавказских аланов была уничтожена или уведена в плен, другая часть ушла в горы, в том числе и на южные склоны Главного Кавказского хребта, “где жили родственные им аланские племена”. В Дигорском же ущелье, по предположениям ученого, тогда укрывались не только

“асы-дигорцы”, но и отдельные группы кыпчаков-половцев. Доказательством этого, по мнению Б. А. Калоева, является тот факт, что “в составе кыпчаков (половцев), ушедших на Запад, было немало асов-дигорцев, поселившихся затем в Венгрии” [Калоев, 1971, с. 33—34].

События на Северном Кавказе, в том числе и в Алании, в 1237—1240 гг. стали также объектом внимания А. В. Гадло. В своей монографии “Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв.” он пришел к невызывающему возражений выводу: “Вторжение монголо-татар принесло на Северный Кавказ не только прямое разорение страны, о котором говорят современники. Оно имело и косвенные последствия, которые выразились в изменении устоявшихся этнических и политических границ”. По мнению исследователя, даже во времена Г. Рубрика в 1254 г. «не только аланы... еще оказывали сопротивление татарам: не было завершено покорение “лесгов” (Дагестан) и “Зикии” (вариант — “черкисы”), т. е. адыгов» [Гадло, 1994, с. 178—182]. Однако данная работа посвящена преимущественно анализу событий X—XII вв.

Наиболее разработанной оказалась данная проблема в тех работах В. А. Кузнецова, где затрагивались вопросы, посвященные историческому и культурному развитию северокавказской Алании в монгольский период. Основной вывод, к которому пришел исследователь, состоит в том, что следствием монгольского нашествия на Северный Кавказ в 1237—1240 гг. явился полный упадок западной части Алании и почти полное исчезновение ее населения [Кузнецов, 1971, с. 41—45]. Насколько В. А. Кузнецов негативно относился к появлению монголов на Северном Кавказе в Алании, может свидетельствовать даже название главы одной из его монографий — “Катастрофа” [Кузнецов, 1984, с. 253—278].

Специальным же исследованием по истории северокавказских аланов монгольского периода является кандидатская диссертация М. К. Джигоева “Алания в XIII—XIV веках”. В рассматриваемой работе дан анализ ситуации на Северном Кавказе не только во времена экспансии монголов, но и накануне первого появления там монголов в 1222 г., которое, по мнению исследователя, являлось “стратегической разведкой”. Исследователь считает, что причиной поражения аланов в войнах с монголами стала феодальная раздробленность Алании. Вопреки общепринятому мнению, М. К. Джигоев относит второе появление монголов на Северном Кавказе не к концу 1238 г., а к августу-сентябрю этого же года. Автор диссертации не связывает с северокавказскими аланами асов, во главе которых стоял тогда предводитель Качир-укулэ, который вместе с половецким эмиром Бачманом оказал монголам упорное сопротивление. Как отметил М. К. Джигоев, осенью 1238 г. основные силы монголов покинули Северный Кавказ и власть над страной оказалась в руках зависимой от монголов “местной феодальной верхушки”. “В дальнейшем, — по словам исследователя, — монголам понадобилось много лет упорной борьбы и непрерывных походов, чтобы закрепить в Алании свое господство”. К этому же времени, считает М. К. Джигоев, относится отток значительной части аланского населения на Восток и Запад с территории западной части северокавказской Алании. Однако, в отличие от некоторых исследователей, М. К. Джигоев считает, что вплоть до конца XIV в. определенная часть ираноязычного населения сохранилась как в горах Западной Алании, так и на равнине в Предкавказье [Джигоев, 1982, с. 10—17].

Вопросам этносоциальной истории аланов Кавказа в период монгольского нашествия и Золотой Орды посвящена отдельная глава монографии Ф. Х. Гутнова “Средневековая Осетия”. Исследователь считает: “Татаро-монгольское нашествие нанесло страшный удар по народам Кавказа. Но особенно тяжелыми его последствия оказались для алан. Значительная часть этноса переселилась в Европу, Византию, Грузию, на Дальний Восток. Аланы потеряли равнинные земли — мощную производственную базу. Надолго приостановился процесс развития некоторых сфер жизни общества” [Гутнов, 1993, с. 63—64]. Однако эти события, по мнению исследователя, не остановили процессы социального развития аланов в условиях высокогорья, ибо “социальные верхи равнинных алан, оттесненные в горы

кочевниками, сыграли существенную роль в развитии феодализма и в других осетинских обществах” [Гутнов, 1993, с. 98]. В горной Осетии во второй половине XIII—XIV вв., отмечает Ф. Х. Гутнов, продолжался процесс становления феодальных отношений, с одной стороны, “на основе взаимодействия общинных и феодальных структур с преобладающим, вероятно, значением первых”, и, с другой стороны, в результате того, что в этом участвовали в одинаковой степени “местные аланские (протокласовые) и равнинные аланские (феодальные) элементы” [Гутнов, 1993, с. 100].

Что же касается аланов-асов южнорусских степей в период монгольского вторжения, то данный вопрос нашел обстоятельное освещение в работе С. А. Плетневой “Половцы”. Сопоставляя сведения Джувейни и Рашид ад-Дина об аланах и асах, которые вместе с половцами оказали сопротивление монголам в степях Волжско-Днепровского междуречья, исследователь сделала вывод, что “асами” восточные авторы называли народ, проживавший не только на Северном Кавказе, но и в степях Восточной Европы. Относительно того, уцелели ли в южнорусских степях асы после монгольских погромов, С. А. Плетнева не высказывает никаких предположений [Плетнева, 1990, с. 175—179]. На этом круг исследований по данной проблеме отнюдь не является исчерпанным.

Несмотря на то, что различные аспекты данной проблемы неоднократно затрагивались в работах многих исследователей, мы не имеем ясного представления о последовательности событий в Восточной Европе и на Северном Кавказе, в которых принимали непосредственное участие местные аланы-асы. А также не ясно, какие обстоятельства в наибольшей степени повлияли на поражение аланов-асов Восточной Европы и Северного Кавказа от монголов и насколько губительным оказалось монгольское нашествие для данной этнической группы. Поэтому возникает необходимость анализа различных источников, где речь идет о вторжении монголов в Восточную Европу и на Северный Кавказ в 1236—1240 гг.

Как известно, 1235 г. явился переломным для народов Северного Кавказа и Восточной Европы. Именно тогда, как свидетельствует Абдаллах ибн Фаздаллах, в столице империи монголов Каракоруме было принято решение о новом походе на Русь и Кавказ, “чтобы обратить победоносный меч на голову вождей русских и асских за то, что они поставили ногу состязания на черту сопротивления”. По сообщению того же автора, “на это дело были назначены из царевичей: Менгу-каан, Гуюк, Кадакан, Кулькан, Бури, Байдар и Хорду с Тангутом, которые оба отличались стойкостью на поле битвы, да Субатай-бахадур” [Тизенгаузен, 1941, с. 85]. В связи с этим интересно упоминание имени Субатай, который являлся одним из тех, кто еще в 1222 г. возглавил монголов в первом походе на Северный Кавказ. Как явствует из письменных источников, во главе монголов в 1235 г. был поставлен Бату (Батый) — внук Чингис-хана [Козин, 1941, с. 194; Вернадский, 1997, с. 57; Греков, Якубовский, 1950, с. 208—209].

Вторжение началось в 1236 г. с разгрома Волжской Булгарии. В Лаврентьевской летописи об этом сказано: “Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожнии татары и взяша славный Великий город болгарский и избиша оружием от старца и до уного и до сущего младенца и взяша товара множество, а город их пожегоша огнем и всю землю их плениша” [Лавр. л., 1897, с. 437]. Более подробные сведения об этих событиях содержатся у восточных авторов.

Так, современник событий персидский историк Джувейни (1226—1283 гг.) в своей “Истории завоевания мира” о походе на Волжскую Булгарию сообщает следующее: “Когда каан [Угетай] во второй раз устроил большой курилтай и назначил совещание относительно уничтожения и истребления остальных непокорных, то состоялось решение завладеть странами Булгара, асов и Руси, которые находились по соседству становища Бату, не были еще окончательно покорены и гордились своей многочисленностью. Поэтому в помощь и подкрепление Бату он [Угетай] назначил [следующих] царевичей: [сыновей Тулуя] Менгу-хана и брата его Бучека, из своих сыновей Гуюк-хана и Кадагана и других царевичей: Кулькана, Бури, Байдара, братьев

Бату — Хорду и Тангута — и несколько других царевичей, а из знатных эмиров [там] был Субатай-бахадур. Царевичи для устройства своих войск и ратей отправились каждый в свое становище и местопребывание, а весной выступили из своих местопребываний и поспешили опередить друг друга. В пределах Булгара царевичи соединились; от множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные. Сначала они [царевичи] силою и штурмом взяли город Булгар, который был известен в мире недоступностью местности и большою населенностью. Для примера подобным им, жителей его [частью] убили, а [частью] пленили. Оттуда они [царевичи] отправились в земли Руси...” [Тизенгаузен, 1941, с. 22—23].

Весьма примечательно, что в данном фрагменте Джувейни поместил страну асов по соседству с Русью и Волжской Булгарией. Такая же локализация земель асов присутствует и в другом фрагменте его сочинения “История завоевания мира”: “Когда каан [Угетай] отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других...” [Тизенгаузен, 1941, с. 24]. Примечательно, что асы и аланы представлены здесь как два различных народа и локализованы относительно друг друга не по соседству. Очевидно, в данном случае, в аланах следует видеть жителей Северного Кавказа, а в асах — Восточной Европы. Необходимо отметить, что Джувейни еще в одном месте своего сочинения помещает аланов и асов рядом: “Когда каан [Угетай] воссел на престол [монгольского] царства, он [Бату] подчинил и покориł сплошь все те края, которые были по соседству его: остальную часть [земли] кипчаков, аланов, асов, русских и другие страны, как то: Булгар, М.к.с и другие” [Тизенгаузен, 1941, с. 21]. В данном случае локализация асов относительно аланов иная и позволяет в них также видеть обитателей как южнорусских степей, так и Северо-Западного Кавказа. Именно там на Кавказе находилась страна Асия, известная из Кембриджского документа и сочинения Константина Багрянородного “Церемонии византийского двора” [Коковцов, 1932, с. 117; Голб, Прицак, 1997, с. 136—137, 140—141; Constantinus, 1829, p. 680].

Более обстоятельный рассказ о событиях 1236—1237 гг. содержится в “Сборнике летописей” Рашид ад-Дина. Однако анализ текстов сочинений Рашид ад-дина и Джувейни показывает, что они использовали практически одни и те же источники информации. Вначале своего рассказа Рашид ад-Дин перечисляет тех царевичей, которым было поручено завоевание Кипчакской степи: “из детей Тулуй-хана — старший сын, Менгу-хан, и брат его Бучек; из рода Угедей-каана — старший сын, Гуюк-хан, и брат его Кадан; из детей Чагатая — Бури и Байдар и брат каана, Кулкан; сыновья Джучи: Бату, Орда, Шайбан и Тангут; из почтенных эмиров: Субэдай-бахадур и несколько других эмиров” [Тизенгаузен, 1941, с. 34; Рашид-ад-дин, 1960, с. 37; Рашид ад-Дин, 1980, с. 123—124; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 474]. По данным Рашид ад-Дина, поход начался в месяц джумад 633 г. х. (11 февраля — 11 марта 1236 г.). Все войска соединились в районе Булгара. А далее Рашид ад-Дин повествует о войне с буларами и башкирами, которые были соседями “франков” (западно-европейцев. — О. Б.), что позволяет видеть в них не булгар и башкир левобережья Средней Волги, а поляков и венгров Центральной Европы [Тизенгаузен, 1941, с. 34—35; Рашид ад-Дин, 1960, 37; Рашид ад-Дин, 1980, с. 124—126; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 474—475]. Точно такой же рассказ о войне Бату с келарами и башкирами содержится в “Истории завоевания мира” Джувейни, который составил свою хронику раньше сочинения Рашид ад-Дина. У Джувейни сказано: “Когда Русь, кипчаки и аланы также были уничтожены, то Бату решил истребить келаров и башкирдов, многочисленный народ христианского исповедания, который, говорят, живет рядом с франками” [Тизенгаузен, 1941, с. 23]. Таким образом, Рашид ад-Дин ошибочно поместил сведения о буларах и башкирах раньше завоевания Руси. В данном случае речь не идет о завоевании Волжской Булгарии.

Ошибочность такой вставки подтверждает и другая фраза Рашид ад-Дина: “После этого, в ту зиму, царевичи и эмиры собрались в [долинах] рек Хабан [Джабан, Чапан,

Чаман, Хаман] и отправили эмира Субэдая с войском в страну *асов* и пределы *Булгара*. Они дошли до города Великого и до других областей его...”²¹ [Тизенгаузен, 1941, с. 34—35; Рашид ад-Дин, 1960, 37—18; Рашид ад-Дин, 1980, с. 127; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 475]. Далее Рашид ад-Дин сообщает, что со знаком покорности к монголам пришли местные вожди Баян и Джику, а затем снова восстали. На подавление восстания был послан Субэдай-бахадур (Субетай). Дальнейший фрагмент отличается неопределенностью локализации описываемых событий и в соответствии с этим вызывает весьма диаметрально противоположные версии и толкования. Так, Рашид ад-Дин сообщает: “Затем царевици, составив совет, пошли каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшие им по пути области. Менгу-каан с левого фланга шел берегом большой реки”²² [Рашид ад-Дин, 1980, с. 129; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 475]. Последнее предложение переводчики Рашид ад-Дина В. Г. Тизенгаузен, Ю. П. Верховский и Б. И. Панкратов обычно представляли в таком виде: “Менгу-каан с левого крыла шел облавой по берегу моря [Каспийского]” [Тизенгаузен, 1941, с. 38; Рашид ад-Дин, 1960, с. 38]. Поводом для такого отождествления стало использование термина *дарйа* (دریا), который в современном персидском языке служит для обозначения моря. При этом не стоит забывать, что в классическом фарси слово *дарйа* использовалось преимущественно для обозначения большой реки [Steingass, 1998, p. 516]. В связи с этим достаточно вспомнить название рек в Средней Азии: *Амударья*, *Сырдарья* и т. п. Таким образом, в данном случае можно предположить, что основные монгольские силы пошли на запад, а так как Менгу-каан составлял левый фланг войска, то естественно предположить, что он двигался в юго-западном направлении вдоль берега Волги, а не Каспийского моря. Монголы не смогли бы за достаточно короткий промежуток времени достичь Северного Прикаспия.

Особый интерес представляет информация Рашид ад-Дина о результате рейда Менгу-каана вдоль Волги: “Бачмана, одного из бесстыднейших эмиров тамошних, из народа кипчаков, из племени ольбурлик, и Качир-укулэ, из племени асов, обоих забрали (в плен)”²³ [Тизенгаузен, 1941, с. 35; Рашид ад-дин, 1960, с. 38; Рашид ад-Дин, 1980, с. 129; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 475]. В связи с тем, что в данном фрагменте упоминается половецкое племя (народность) *ольбурик* (*ольбурлик*), в среде исследователей возникли различные версии относительно локализации упомянутых асов.

По мнению С. А. Плетневой, название этого племени “следует читать как *эльбури*, т. е. объединение Бурчевичей, известных в восточных источниках под наименованием *бурджоглы*”. В данном случае речь может идти о приднепровских половцах [Плетнева, 1990, с. 178]. Что же касается упомянутых асов, то исследователь совершенно справедливо считает, что речь идет о восточно-европейском народе, а не о кавказском. Продолжая дальше свое предположение С. А. Плетнева отметила: «Видимо, эти асы — те самые ясы, о которых писал русский летописец под 1116 г., размещая их на берегах Северского Донца. Вероятно, они так и остались там — на “нейтральных” русско-половецких территориях, никогда, естественно, не принимая никакого участия во враждебных действиях против русских княжеств и потому ни разу после начала XII в. и не упомянутые летописью. Однако этнически и территориально это была вполне реальная общность, которую надо было брать силой, о чем хорошо были осведомлены завоеватели. Если эта гипотеза верна, то тогда естественна и связь бурчевича Бачмана с аским (яским) князем, который жил не более чем в 200 км от кочевий приднепровского “эмира”» [Плетнева, 1990, с. 178]. Относительно того, как два эмира из междуречья Донца и Днепра попали на берега Волги, С. А. Плетнева дала свое предположение: “Очевидно, здесь следует помнить слова Джувейни о том, как метался Бачман по степям. Если бы он действовал в пределах нижневолжского региона, его смогли бы окружить очень быстро” [Плетнева, 1990, с. 178—179].

Существуют по этому поводу и другие мнения. Так, Дж. Феннел считает, что монголы под руководством Мунке (Менгу-каана) перед началом вторжения на Русь

в 1237 г. захватили и уничтожили на территории Средней Волги города Биляр, Булгар, Кернек, Жукотин и Сувар, а затем покорили местные племена черемисов, башкир, мордвы, бургасов и саксинцев на Нижней Волге. И лишь после этого “к западу и юго-западу от Саксина войска Мунке обезвредили осетин [асов. — О. Б.] на Северо-Кавказской равнине и тех половцев, которые кочевали в Дешт-и-Кипчаке” [Феннел, 1989, с. 116—117].

Иных взглядов относительно этих событий придерживается П. П. Толочко, который считает, что до осени 1237 г., т. е. накануне похода на Северо-Восточную Русь, монголы нанесли поражение Волжской Булгарии и прошли по землям местных кипчаков и аланов и завоевали земли бургасов, мокши, мордвы [Толочко, 1987, с. 168; 1999, с. 167]. По мнению известного историка, этот рейд позволил монголам оттеснить “половецкие кочевья на запад, за Дон” [Толочко, 1987, с. 168]. Таким образом, аланы-асы Качир-Укуле и половцы Бачмана должны были находиться недалеко от Волжской Булгарии в междуречье Дона и Волги.

Подобного мнения придерживался также А. Ю. Якубовский. Он считал, что в сообщении Рашид ад-Дина и других авторов о предводителе половцев Бачмане и асском эмире Качир-Укуле содержится информация об обитателях Поволжья. Говоря о сопротивлении, оказанном на Волге булгарами, половцами и асами, исследователь, в частности, отметил: “Это было в полном смысле слова восстание в тылу татарского войска во время похода Бату на Запад”. Восстание, по мнению А. Ю. Якубовского, было совместным и во главе его “встали болгарские вожди Баян и Джикю, половецкий предводитель Бачман из племени Алирлик (ал-Бурли) и асский (аланский) предводитель Качир-Укуле”. Таким образом, А. Ю. Якубовский склонен локализовать владения асского эмира Качир-Укуле по соседству с волжскими булгарами, т. е. на Средней Волге [Греков, Якубовский, 1950, с. 58—59].

С локализацией на Волге асов, упомянутых Рашид ад-Дином, согласен также М. К. Джигоев, который, в частности, отметил: «С северокавказскими аланами не связывается нами “страна асов”, куда ходил Субудай-бахадур в начале 1237 г. Речь идет об аланах, живших в то время на Волге. Из этих приволжских аланов был и Качир-укуле, который соединившись с половецким эмиром Бачманом, долго сопротивлялся монголам». По мнению исследователя, “разгром Бачмана и Качир-укуле произошел не позднее лета 1237 г.” [Джигоев, 1982, с. 13].

Таким образом, относительно первоначального местонахождения асов, с которыми монголам пришлось воевать в 1236—1237 гг., сложилось три версии. Одна из них, предложенная С. А. Плетневой, позволяет видеть в асах и в половцах из племени ольбурик выходцев из степей Днепровско-Донецкого междуречья [Плетнева, 1990, с. 178—179].

В связи с этим весьма заманчиво видеть в половецком племени *ольбурик* представителей клана *Ölberli*, из которого, по мнению О. Прицака, происходила правящая династия придонских половцев *Шаруканиды* [Pritsak, 1982, p. 368—369]. Однако следует отметить, что в отдельных вариантах сочинения Рашид ад-Дина “Джами ат-таварих” приводится и иной вариант этнонима — *олирлик* (اوليرليک) [Рашид ад-Дин, с. 475—476]. В данном случае весьма проблематично видеть в этнониме *олирлик* вариант названия клана *Ölberli*. Кроме того, маловероятно, чтобы в районе Волги в 1237 г. появились придонские половцы и аланы, которых преследовали монголы. В степи Днепровско-Донецкого междуречья, судя по данным летописей и исторических хроник, монголы должны были прийти несколько позже, лишь после похода на Северо-Восточную Русь.

Маловероятно также, чтобы в 1237 г. монголы оказались в районе степей Северного Кавказа, как считает Дж. Феннел [Феннел, 1989, с. 116—117]. Как свидетельствуют письменные документы, покорение Северного Кавказа монголами могло начаться в следующем году, лишь после завоевания степей между Волгой и Доном. Что же касается третьей версии о нахождении асов и половцев, возглавляемых эмирами Качир-укуле и Бачманом, в районе Волги, то относительно данной локализации трудно найти определенные возражения. Подробное описание

последовательности событий и ландшафта местности, представленное в сочинении Рашид ад-Дина, может свидетельствовать в пользу этого предположения.

Рашид ад-Дин сообщает: "...этот Бачман с группой других воров спасся от меча; к нему присоединилось скопище других беглецов. Он бросался из стороны в сторону и что-нибудь да уносил; бесчинство его увеличивалось со дня на день"²⁴ [Тизенгаузен, 1941, с. 35; Рашид-ад-дин, 1960, с. 38; Рашид ад-Дин, 1980, с. 129; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 475]. Из данного сообщения весьма трудно сделать выводы относительно того, являлись ли половцы, возглавляемые Бачманом, пришлым населением. Описание местности, поданное далее, позволяет предположить, что описываемые события могли происходить не только в степи, но и в лесостепи, в лесах Поволжья: "Постоянного местопребывания он [Бачман. — *О. Б.*] не имел, и потому войско монгольское не могло схватить его; он скрывался днем в лесах [рощах — *О. Б.*] на берегу Итиля"²⁵ [Тизенгаузен, 1941, с. 35; Рашид-ад-дин, 1960, с. 38; Рашид ад-Дин, 1980, с. 129; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 475—476]. Представленный в данном фрагменте термин *бише* (بيشه) может означать как лес, так и рощу или небольшие заросли [Steingass, 1998, p. 221]. Таким образом, весьма затруднительно говорить о ландшафте местности, где происходили описываемые события.

Присутствие леса или рощи отмечено и в дальнейшей части повествования: "Менгу-каан приказал изготовить 200 судов и на каждое из них посадить по 100 человек монголов в полном вооружении. Он же [сам] с братом своим Бучеком шел облавой по обеим берегам реки. В одном из итильских лесов они нашли свежий навоз и прочее, [оставшееся] от спешно откочевавшего лагеря, а среди этого застали больную старуху. От нее узнали, что Бачман перебрался на один остров и что все, попавшее за это время к нему в руки в результате [его] злодеяний и бесчинств, находится на том острове. За отсутствием судна нельзя было переправиться через Итиль. Вдруг поднялся сильный ветер, вода забушевала и ушла в другую сторону от того места, где была переправа на остров. Благодаря счастью Менгу-каана, показалось дно, и он приказал пустить в ход войска и захватить [Бачмана]" [Тизенгаузен, 1941, с. 35—36; Рашид-ад-дин, 1960, с. 38; Рашид ад-Дин, 1980, с. 131—132; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 476].

Вполне мифический по подробностям рассказ, по мнению С. А. Плетневой, мог иметь реальные корни. Несмотря на то, что такой же сюжет содержится в Библии, где речь идет о море, расступившемся перед бежавшими из Египта евреями, С. А. Плетнева склонна считать, что такой "остров, находившейся в дельте Волги, становился им только во время приливов, в отливы вода уходила" [Плетнева, 1990, с. 177]. Насколько реально такое предположение, очень сложно сказать. Смущает также мнение, что описываемые события могли происходить в дельте Волги. Это фактически бы означало значительное отклонение войска Менгу-каана от первоначального юго-западного направления.

О том, что вместе с половцами Бачмана спасались на Волге асы, возглавляемые Качир-Укулэ, свидетельствует следующий фрагмент сочинения Рашид ад-Дина: "Его [Бачмана. — *О. Б.*] сообщников истребили — кого мечом, кого [утопили] в реке — и вывезли оттуда много имущества. Бачман умолял, чтобы Менгу-каан [сам] своею благословенною рукою довел его дело до конца; он [Менгу-каан] дал указание, чтобы его брат Бучек разрубил Бачмана надвое. Качир-укулэ, [одного] из эмиров асов также убили"²⁶ [Тизенгаузен, 1941, с. 35—36; Рашид-ад-дин, 1960, с. 38; Рашид ад-Дин, 1980, с. 131—132; Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 476].

Вполне возможно, что об этих событиях говорил Бату, когда стоял вопрос об избрании Менгу-каана Великим ханом монголов. Существует несколько версий этого рассказа, которые содержатся в различных вариантах "Сборника летописей" Рашид ад-Дина. По одной из них: "Каан [Угетай] его [Менгу-каана] с братом его [Угетай] Кульканом, с Гуюком, со мною, Бату, и с уругом Джучи разом отправил в землю Кипчакскую и находящиеся в тех краях владения, для завоевания их, и он [Менгу-каан], покорив и усмирив племена ольбурик и кипчаков и племена Уркасакана [вар.: Вазукинакан, Вазуфикан] и черкесов, захватил предводителя кипчакского Бачмана,

предводителя черкесского Тукбаша, предводителя асского Иджиса. Город Маркерман взял [также] Менгу-каан, произвел избиение и грабеж и подчинил” [Тизенгаузен, 1941, с. 36]. Как видим, в более поздней интерпретации имя предводителя асов *Качир-Укулэ* почему-то было заменено антропонимом *Иджис*.

В другом варианте “Джами‘ ат-таварих” Рашид ад-Дина в этом же месте сочинения имя асского предводителя вовсе не упоминается: “Каан послал однажды его, его брата Кулкана и Гуюк-хана со мной, Бату, и с Ордой и Джучи в края Кипчака и в государства, кои находятся в тех пределах, дабы мы их покорили. [Менгу-каан] привел в покорность и подданство племена ольбурлик [олирлик], кипчаков, Урсакана [Вазукинакана] и черкесов; предводителя кипчаков Бачмана, предводителя племен асов и город Маркерман [Керман] Менгу-каан захватил и, произведя казни и разграбление, привел в покорность” [Рашид-ад-дин, 1960, с. 129]. Таким образом, мы видим, что существует несколько вариантов “Истории монголов” Рашид ад-Дина и освещение событий в них несколько отличное. В этом можно убедиться, анализируя варианты описания дальнейшего хода событий.

В распространенном варианте сочинения Рашид ад-Дина сказано: “Он [Менгу-каан] провел там лето, а после того, в такику-ил, в год курицы, соответствующий 634 г. х. [4 сентября 1236 — 23 августа 1237 г. н. э.], сыновья Джучи — Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каана — Кадан, внук Чагатая — Бури и сын Чингиз-хана — Кулкан занялись войною с мокшей [вар.: букши, юкши], бургасами и арджанами и в короткое время завладели ими. Осенью упомянутого года все находившиеся там царевичи сообща устроили курултай и, по общему соглашению, пошли войною на русских. Бату, Орда, Гуюк-хан, Менгу-каан, Кулкан, Кадан и Бури вместе осадили город Арпан [Рязань. — *О. Б.*] и в три дня взяли [его]. После этого они овладели также городом Ике [Коломной. — *О. Б.*]. Кулкану была нанесена рана и он умер” [Тизенгаузен, 1941, с. 36; Рашид-ад-дин, 1960, с. 38; Рашид ад-Дин, 1980, с. 133—134].

В известном только в Иране списке “Истории монголов” Рашид ад-Дина события поданы в более сжатом виде: “Он [Менгу-каан. — *О. Б.*] то лето там провел. После того настал такику-ил, т. е. год курицы, соответствующий месяцам 634 г. х. Сыновья Джучи-хана (вар. Джуджи) — Бату, Ордэ, Берке, сыновья каана [Угетая. — *О. Б.*] — Кадан, Гуюк-хан, Мункэ-каан, Кулкан, Кадан, Бури совместно город Рязань осадили и за три дня овладели [им. — *О. Б.*]. После этого был ликвидирован также город Ике. Кулкан там был ранен и умер” [Рашид ад-Дин, 1379/1995, с. 486]. В данном варианте сочинения Рашид ад-Дина отсутствуют сведения о походе монголов на мокшу, бургасов и арджан, что должно было предшествовать вторжению на Северо-Восточную Русь осенью 1237 г.

Еще более сжатая информация об этих событиях содержится в “Истории завоевания мира” Джувейни. Повествование Джувейни в большинстве деталей совпадает с текстом сочинения Рашид ад-Дина: «Когда каан [Угетай] отправил Менгу-каана, Бату и других царевичей для овладения пределами и областями Булгара, асов, Руси и племен кипчакских, аланских и других, [когда] все эти земли были очищены от смутьянов и все, что уцелело от меча, преклонило голову перед начертанием (высшего) повеления, то между кипчакскими негодями оказался один, по имени Бачман, который с несколькими кипчакскими удалцами успел спастись; к нему присоединилась группа беглецов. Так как у него не было [постоянного] местопребывания и убежища, где бы он мог остановиться, то он каждый день (оказывался) на новом месте, [был] как говорить в стихе: “днем на одном месте, ночью на другом”, и из-за своего собачьего нрава бросался, как волк, в какую-нибудь сторону и уносил что-нибудь с собою. Мало-помалу зло от него усиливалось, смута и беспорядки умножались. Где бы войска [монгольские] ни искали следов [его], нигде не находили его, потому что он уходил в другое место и оставался невредимым» [Тизенгаузен, 1941, с. 24].

Описание преследования Бачмана монголами в сочинении Джувейни идентично рассказу Рашид ад-Дина: “Так как убежищем и притоном ему большею частью служили берега Итиля, он укрывался и прятался в лесах их, наподобие шакала,

выходил, забирал что-нибудь и опять скрывался, то повелитель Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов. Он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки. Прибыв в один из лесов Итиля, они нашли следы откочевавшего утром стана: сломанные телеги и куски свежего конского навоза и помета, а посреди всего этого добра увидели больную старуху. Спросили, что это значит, чей это был стан, куда он ушел и где искать [его]. Когда узнали наверняка, что Бачман только что откочевал и укрылся на остров, находящийся посреди реки, и что забранные и награбленные во время беспорядков скот и имущество находятся на том острове, то вследствие того, что не было судна, а река волновалась подобно морю, никому нельзя было переплыть [туда], не говоря уже о том, чтобы погнать туда лошадь. Вдруг поднялся ветер, воду от места переправы на остров отбросил в другую сторону и обнаружилась земля. Менгу-каан приказал войску немедленно поскакать [на остров]. Раньше чем он [Бачман] узнал, его схватили и уничтожили его войско. Некоторых бросили в воду, некоторых убили, угнали в плен жен и детей, забрали с собою множество добра и имущества и [затем] решили вернуться. Вода опять заколыхалась и, когда войско перешло там, все снова пришло в прежний порядок. Никому из воинов от реки беды не приключилось” [Тизенгаузен, 1941, с. 24].

Особенно поражает приведенная Джувеини сцена расправы монголов над повстанцами, которая лишь в одной детали отличается от версии Рашид ад-Дина: “Когда Бачмана привели к Менгу-каану, то он стал просить, чтобы тот удостоил убить его собственноручно. Тот приказал брату своему Бучеку разрубить его [Бачмана] на две части” [Тизенгаузен, 1941, с. 24].

Таким образом, можно предположить: либо Рашид ад-Дин позаимствовал сюжет о половецком предводителе Бачмане у Джувеини, либо и Джувеини и Рашид ад-Дин пользовались одним источником информации. Но в сочинении Джувеини в рассказе о половецком эмире Бачмане отсутствуют сведения о том, что вместе с ним монголам в районе Волги оказал сопротивление и предводитель асов Качир-Укулэ. С. А. Плетнева относительно этого высказала следующее предположение: “Что касается Рашид-ад-Дина, то этот историк со свойственной ему добросовестностью дотошно включил в повествование о Бачмане сведения, которые не попали в сочинение Джувайни. По-видимому, он узнал о них из других источников или, возможно, сохранившихся в степях устных рассказов” [Плетнева, 1990, с. 177—178]. Поэтому можно высказать предположение, что приведенный в сочинении Джувеини рассказ о половецком эмире Бачмане представлял первоначальную версию. Живший несколько позже Рашид ад-Дин добавил к этому еще сведения о предводителе асов Качир-Укуле. При этом первоначально могла появиться версия, где не содержатся сведения о походе монголов против мокши, бургасов и арджан в 1237 г. (634 г.х). Возможно, более полный вариант рассказа является наиболее поздним. Это предположение подтверждает также правильная транслитерация названия города Рязань — *Riazan* (ريازان), вместо *Arpan* (ارپان) в пространной редакции сочинения Рашид ад-Дина.

Упоминание половцев и асов на Волге после захвата монголами Волжской Булгарии, ландшафт местности, где всегда присутствует лес, заставляют согласиться с мнением тех историков, которые считают, что описываемые события происходили в районе Средней Волги [Греков, Якубовский, 1950, с. 58—59; Джигоев, 1982, с. 13; Толочко, 1987, с. 168; 1999, с. 167]. В связи с этим необходимо вспомнить предположение некоторых исследователей, которые считают, что жившие на правобережье Средней Волги в эпоху средневековья бургасы имели прямое отношение к аланам [Lewicki, 1961, s. 1—14; Pritsak, 1978, p. 264; Добродомов, 1980, с. 40; Афанасьев, 1984, с. 28—41; Бушаков, 1995—1996, с. 94—103]. Археологические исследования, проведенные на правобережье Средней Волги М. Р. Полесских, В. И. Вихляевым и А. Е. Алиховой, свидетельствуют о переселении аланского населения из лесостепного Подонья на Среднюю Волгу. Особенно этот процесс усилился в X в., что было связано с упадком Хазарского

каганата [Полесских, 1968, с. 198—207; Вихляев, 1974, с. 57—69; 1988, с. 20—21; Алихова, 1959, с. 13—54; 1969, с. 3—13].

В данной ситуации возникает естественный вопрос: не случайно ли у Рашид ад-Дина в первоначальном варианте его “Сборника летописей” только асы фигурируют как жители Поволжья, хотя известно, что буртасы в XIII в. обитали также там? Не являются ли сведения о буртасах в другом варианте сочинения Рашид ад-Дина поздней, не до конца осмысленной, вставкой? Таким образом возникает предположение, что поволжские асы, возглавляемые эмиром Качир-Укулэ, и буртасы правобережья Средней Волги — это один и тот же народ.

Само предположение, что буртасы Среднего Поволжья в определенный период средних веков были известны в письменных источниках под названием асов, отнюдь не является оригинальным. Одним из первых данное предположение высказал О. Прицак. По его мнению, в упомянутой Кембриджским анонимным документом X в. стране *Asya* (*‘SY*) следует видеть “одно из государств, созданных древними аорсами в Поволжье”. “Они обозначаются, — считает ученый, — в исламских источниках как буртасы. Константин Багрянородный называет их *Mordia*. Они являлись северными соседями хазар. В соответствии с Константином, десять дней пути разделяют Мордию от державы печенегов” [Голб, Прицак, 1997, с. 160].

Основанием для отождествления поволжских буртасов и асов послужила предложенная самим О. Прицаком этимология этнонима *бурмас*. Известный востоковед видит в данном этнониме первоначальную форму *furt-as*, что на восточноиранских языках, в том числе и на осетинском, должно означать “речные асы” [Pritsak, 1978, p. 264]. Что же касается связи средневековых асов с древними аорсами, то О. Прицак поддерживает тех исследователей, которые считают, что этническое наименование *as* через промежуточную форму *ars* было связано с сарматским этнонимом *аорсы* [Минорский, 1963, с. 193—194; Pulleyblank, 1963, p. 220]. Очевидно, основанием для отождествления местонахождения ираноязычных племен со страной *Mordia* послужило распространенное мнение о том, что в этнических терминах *мордва*, *мари* и *удмурт* содержится древнеиранский термин *mard* — “человек, мужчина”, который в древности предки финно-угорских народов могли заимствовать у древних иранцев [Лыткин, 1975, с. 84—97; Клима, 1989, с. 47; Бушаков, 1995—1996, с. 98].

Относительно локализации О. Прицаком страны *Asya* (*‘SY*) Кембриджского документа на Средней Волге найдутся возражения. Так, определенная группа исследователей поддерживает мнение М. И. Артамонова, что в этих асиях следует видеть носителей салтовской культуры, обосновавшихся в хазарское время в лесостепном Подонье. М. И. Артамонов также допускал “и другое предположение относительно асиев Кембриджского анонима, а именно отождествление их не с донецкими ясами, а с северо-кавказскими асами-осами” [Артамонов, 1962, с. 358]. Примечательно, что в настоящее время многие исследователи придерживаются северокавказской локализации Асии Кембриджского документа [Гаглойти, 1966, с. 176—177; 1967, с. 82—83; Кузнецов, 1962, с. 125; Плетнева, 1963]. Что же касается отождествления средневековых асов с древними аорсами, то относительно происхождения этнонима *as* существуют и другие точки зрения [Миллер, 1887, с. 38; Гаглойти, 1967, с. 78; Kälman, 1977, old. 8—10], что заслуживает отдельного рассмотрения.

На возможное отождествление ясов, проживавших в XII в. в Северо-Восточной Руси, с буртасами Средней Волги указал также И. Г. Добродомов. Во-первых, основанием для этого ему послужила информация древнерусских летописей о том, что в 1175 г. был убит владими́ро-сузда́льский князь Андрей Боголюбский и среди его убийц был Амбал (Анбал) Ясин. Еще в XIX в. В. Ф. Миллер указал на аланское происхождение этого антропонима и перевел его с осетинского как “Товарищ”. При этом оказалось, что форма *Амбал* соответствует нормам иронского диалекта, а *Анбал* — дигорского [Миллер, 1887, с. 68]. Амбал, по мнению И. Г. Добродомова, мог появиться при Владимиро-Суздальском дворе после похода Андрея Боголюбского

на Волжскую Булгарию в 1164 г. Во-вторых, И. Г. Добродомов выделил среди надписей на надмогильных памятниках волжско-камских булгар XIV в. осетинское имя *Амбал (Анбал)*, причем в двух вариантах, как это дано в различных списках древнерусских летописей. В третьих, аргументом в пользу нахождения аланов-ясов на Средней Волге И. Г. Добродомов считает указание летописи, что среди убийц Андрея Боголюбского была и его жена-болгарка, а также замечание В. Н. Татищева, что она также являлась ясыней (аланкой). Это заставило И. Г. Добродомова сделать вывод: “Логичней думать, что ясы Владимиро-Суздальского княжества связаны с Волжской Булгарией и отождествляются с жившими на этой территории аланоязычными буртасами” [Добродомов, 1993, с. 130—136].

Наибольшие споры вызывает происхождение второй жены Андрея Боголюбского. Многие исследователи до сих пор безапелляционно считают ее яской (аланкой), ссылаясь в первую очередь на примечание В. Н. Татищева: “Княгиня Андреева сия была вторая, ясыня, но когда первая умерла и когда с нею он женился, того историки не показали” [Татищев, 1964а, с. 250]. В родословной древнерусских князей, также поданной В. Н. Татищевым, о второй жене Андрея Боголюбского сказано: “ясыня, кажнена 1177 г.” [Татищев, 1964б, с. 105]. Весьма характерно, что ни в одном из списков древнерусских летописей, дошедших до наших дней, сведений о ее яском происхождении нет. В. Н. Татищев отметил, что информации о второй жене Андрея Боголюбского он “точно из манускрипта Еропкина взяв, яко обстоятельнеше, внес” [Татищев, 1964а, с. 250]. К сожалению, эта летопись не дошла до наших дней и проверить достоверность данных сведений уже невозможно.

Несмотря на это, относительно происхождения второй жены Андрея Боголюбского и приближенного к владими́ро-суздальскому двору Амбала (Анбала) Ясина некоторые историки делали далеко идущие выводы. Так, П. Бутков считал, что вторая жена Андрея Боголюбского происходила из кавказских или донских ясов. Основанием для этого, по его мнению, служит тот факт, что сын Андрея Боголюбского от второго брака — Георгий (Юрий) после смерти родителей “удалился к сродникам матери на Дон, или к Кавказу, и явился на р. Сунже или Севенге, во владениях ханов Хазарии, подлежавшей к обширному Дашт-Кипчаку” [Бутков, 1825, с. 327]. Таких же взглядов придерживается Ю. А. Лимонов. Кроме того, со второй женой Андрея Боголюбского — яской исследователь связывает и появление Амбала Ясина при владими́ро-суздальском дворе: «Нищий осетин через несколько лет превращается в “ближайшего” слугу князя, заведовавшего всем его хозяйством. Метаморфоза, пожалуй, непонятная, если не предположить каких-то связей княгини с этим персонажем трагедии, связей родственных, национальных, или каких-либо иных» [Лимонов, 1987, с. 95]. Такой же мотив звучит и у А. П. Новосельцева, который, следуя традиции, связал происхождение Амбала Ясина с Северным Кавказом [Новосельцев, 1968, с. 216].

Тем не менее, древнерусские летописи свидетельствуют о средневолжском происхождении второй жены Андрея Боголюбского. В Тверской летописи сказано, что она “бе бо Болгарка родом” [Твер. л., 1863, с. 250]. Можно вполне согласиться с мнением Е. Г. Пчелиной, что брак с этой женщиной Андрей Боголюбский мог заключить после похода “на Каму в 1164 г.” [Пчелина, 1963, с. 160—161]. Действительно, об этом походе в 1164 (6672) г. сообщают древнерусские летописи: “Того ж лета иде князь великий Андрей на Болгары, а с ним брат его Ярослав, и сын Андреев Изяслав и князь Юрий Муромский... одва в мале дружине князь Болгарский утече до Великого города. Князь же великий взя их городы, възратися с победою великою, видя поганья избиты, а свою дружину целу... и възратися, и повоеви землю их, и пожже, и шед взяша город их славный Брахимов в Каме, и сътвори землю их пусту” [Твер. л., 1863, с. 235—236].

Исходя из этой информации, И. Г. Добродомов высказал предположение: “*Болгаркой* жена Андрея Боголюбского именовалась, поскольку она происходила из Волжско-Камской Булгарии, в связи с этим термин *болгарка* указывает не на ее этническую принадлежность, а на территориальное и государственное проис-

хождение” [Добродомов, 1993, с. 135]. Уже указывалось на сомнительность того, что вторая жена Андрея Боголюбского могла являться яской. Зато не вызывает возражений предположение исследователя об аланском происхождении ключника князя — Амбала (Анбала) Ясина. Аргументы И. Г. Добродомова в пользу того, что Амбал попал ко Владимиро-Суздальскому двору после похода Андрея Боголюбского на Волжскую Болгарию в 1164 г. и происходил из числа средневолжских аланов-буртасов, выглядят убедительными. Это подтверждается рядом обстоятельств. Во-первых, территория средневолжских буртасов находилась недалеко от Владимиро-Суздальского княжества. Во-вторых, вплоть до XIII в. в древнерусских текстах не упоминаются буртасы, а значит по отношению к ним восточные славяне могли использовать термин *ясы* [Добродомов, 1993, с. 136].

Сведения о других ясах при Владимиро-Суздальском дворе позволяют считать, что ключник Андрей Боголюбского был связан именно с ними, а не со второй женой князя. Это подкрепляют наблюдения, сделанные также А. Н. Карсановым. Хотя автор статей о восточноевропейских ясах, как и некоторые исследователи, верит в яское (аланское) происхождение второй жены Андрея Боголюбского, но он в то же время считает, что она вышла замуж за владими́ро-суздальского князя после успешного похода на Волжскую Булгарию в 1164 г. Это позволило А. Н. Карсанову сделать несколько отличный от гипотезы И. Г. Добродомова вывод: “Будучи по государственной принадлежности из Волжской Болгарии, эта жена князя Андрея по этнической принадлежности была ясыней (аланкой), как указали В. Н. Татищев и П. Г. Бутков” [Карсанов, 1994, с. 388—391]. В связи с этим было сделано предположение, что “жена-ясыня князя Андрея и Ам(н)бал были родственники”, потому что “этим объясняется его успешная карьера и высокое положение при владимирском дворе” [Карсанов, 1994, с. 393]. Однако последний фактор может объясняться не только родственными связями или этнической близостью, но и происхождением с одной территории, т. е. земляческими взаимоотношениями.

Для обоснования своей гипотезы А. Н. Карсанов попытался привлечь литературу по археологии и антропологии, которая подтверждала бы пребывание в средние века на левобережье Средней Волги аланов. Однако, к сожалению, приведенные публикации в большинстве своем в методологическом отношении выглядят значительно устаревшими [Карсанов, 1994, с. 392—393]. И все же, очень важным является обращение А. Н. Карсанова к монографии М. М. Герасимовой, Н. М. Рудь и Л. Т. Яблонской “Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы”, где, в частности, о средневековом населении Волжской Булгарии сказано: “Некоторые группы населения, жившие относительно обособленно, являют собой долихокранный узколиций резко европеоидный вариант, имеющий аналог в Верхне-Салтовском могильнике и средневековых могильниках Северного Кавказа”. Появление данного фактора авторы исследования объясняют следующим образом: “В своем движении на север, в Поволжье, болгары могли вовлечь в него какие-то группы аланского происхождения, что и объясняет появление длинноголового резко европеоидного населения на Волге” [Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 239]. Однако могут возникнуть сомнения относительно появления северокавказских аланов на левобережье Средней Волги в столь ранний период. Что же касается более позднего времени, то это вполне возможно. Основанием для этого может являться существование в XII—XIV вв. особого могильника Бабий Бугор в Болгарах, на что также указал А. Н. Карсанов.

Исследование могильника Бабий Бугор на территории Болгарского городища в Татарстане проводилось в 1947—1948 гг. (раскоп 14) А. М. Ефимовой, Н. Ф. Калининым, А. П. Смирновым и О. С. Хованской. В результате было вскрыто более 200 захоронений как домонгольского, так и золотоордынского времени. Авторы раскопок рассматривали могильник как некрополь, оставленный рядовым населением города [Ефимова, Калинин, Смирнов, 1947; Ефимова, Хованская, Калинин, Смирнов, 1947; Акчурина, Ефимова, Смирнов, Хованская, 1949; 1950; Ефимова, 1960; 1974;

Яблонский, 1987, с. 125, 140—141]. Этническая же принадлежность жителей Бабьего Бугра была определена Е. А. Халиковой.

По наблюдениям Е. А. Халиковой, погребения на могильнике Бабий Бугор были как групповые (в некоторых могильных ямах находились кости мужчин, женщин и детей, похороненных в разное время), так и одиночные. Для этих захоронений было характерно то, что покойники находились на левом боку или на спине головой на запад, лицом на север (56%), на юг (37%) или вверх. Руки погребенных — две (36%) или одна (25%) — были сложены на груди или в верхней части живота. В некоторых могильных ямах были зафиксированы остатки деревянных гробов, но не было обнаружено ни одного гвоздя. Е. А. Халикова отмечает существование на кладбище двух рядов погребений, при том, что одни могильные ямы перекрывали другие. Это может свидетельствовать о том, что могильник функционировал на протяжении довольно длительного времени. Как считает Е. А. Халикова, это кладбище возникло в XII в. на месте небольшого болгарского поселения X—XI вв. и продолжало существовать в XIII—XIV вв. Для могильника Бабий Бугор были характерны черты, которые выделяют данный некрополь из среды средневековых кладбищ Волжской Булгарии. Прежде всего необходимо отметить, что в семи случаях было зафиксировано присутствие каменных конструкций внутри могильных ям: вдоль стен и на дне могил, иногда над скелетами были расположены большие и малые плиты из песчаника. Эта черта, по мнению Е. А. Халиковой, находит прямые аналогии на синхронных христианских могильниках Верхнего Прикубанья на Северном Кавказе и в Белой Веже на Дону. Аналогии с захоронениями на Северном Кавказе имеют также впускные погребения в семейные усыпальницы, которые иногда встречаются на Бабьем Бугре. Инвентарь из могильника Бабий Бугор имеет определенные соответствия на Северном Кавказе. Прежде всего это касается сережек со вставками из сердолика [Халикова, 1978, с. 205—211].

Данные антропологии также не противоречат предложенной версии. Т. А. Трофимова отметила близкое сходство краниологических серий из Бабьего Бугра с антропологическими материалами из Верхнесалтовского катакомбного могильника хазарского времени на Северском Донце, а также известную близость с черепами так называемого понтийского типа из средневековых курганных могильников Северного Кавказа [Трофимова, 1956, с. 97—98]. К этому необходимо добавить наблюдения В. П. Алексеева относительно распространения в средние века на западе Северного Кавказа в Прикубанье грацильного долихокранного антропологического типа, весьма близкого к верхнесалтовскому [Алексеев, 1993, с. 281]. На основании того, что на Бабьем Бугре антропологический тип, особенности погребального обряда и инвентарь находят прямые аналогии на христианских могильниках северокавказской Алании, Е. А. Халикова сделала вывод, что данный некрополь Волжской Булгарии был оставлен аланами, которые переселились сюда с Северного Кавказа в XII в. [Халикова, 1950, с. 210]. Вполне возможно, что это была торговая колония аланов, которая возникла на Среднем Поволжье как следствие экономического и политического подъема северокавказской Алании в X—XII вв. Исходя из этого, наиболее ранними могилами на христианском кладбище Бабий Бугор следует считать те, которые имели каменные обкладки, а могилами XIII—XIV вв. — захоронения без этой типично северокавказской черты в погребальном обряде.

Как видим, весьма проблематично определить, каких асов имел в виду Рашид ад-Дин, повествуя о восстании в тылу монгольских войск в 1236—1237 гг. — с левобережья Средней Волги или с правого берега. Однако рассказ персидского историка о расправе монголов над асами, которые проявили непокорность, позволяет вычеркнуть их из числа аланов собственно Волжской Булгарии, потому что христианский могильник Бабий Бугор продолжал функционировать в XIII—XIV вв. и здесь местное аланское население не могло быть значительным. Что же касается части буртасов правобережья Средней Волги, то существует больше оснований видеть в них асов, возглавляемых эмиром Качир-укулэ. Карательные меры монголов

не смогли бы уничтожить всех представителей этого довольно многочисленного народа — буртасы упоминаются до XVII в. как соседи болгар и мордвы. В данном случае речь может идти об одном из племен буртасов, которое приняло участие в антимонгольском восстании, возглавляемом кипчакским эмиром Бачманом. Недаром персидские историки рядом с Волжской Булгарией и Русью упоминают страну *Ас* — аланское население одного города или отдельное племя не могли быть упомянуты рядом с крупными странами.

После похода на Среднюю Волгу в декабре 1237 г. монголо-татары обложили Рязань и в течении семи дней город пал. Рязанское княжество подверглось разорению. Отсюда войска монголов двинулись в пределы Владимирского княжества, но не прямым путем на Владимир, а окружным, через Коломну и Москву (рис. 4) [Греков, Якубовский, 1950, с. 211—212]. Джувейни сообщает, о действиях монголов после покорения Булгара: “Оттуда они [царевичи] отправились в земли Руси и покорили области ее до города М.к.с., жители которого, по многочисленности своей были (точно) муравьи и саранча, а окрестности были покрыты болотами и лесом до того густым, что [в нем] нельзя было проползти змее. Царевичи сообща окружили [город] с разных сторон и сперва с каждого бока устроили такую широкую

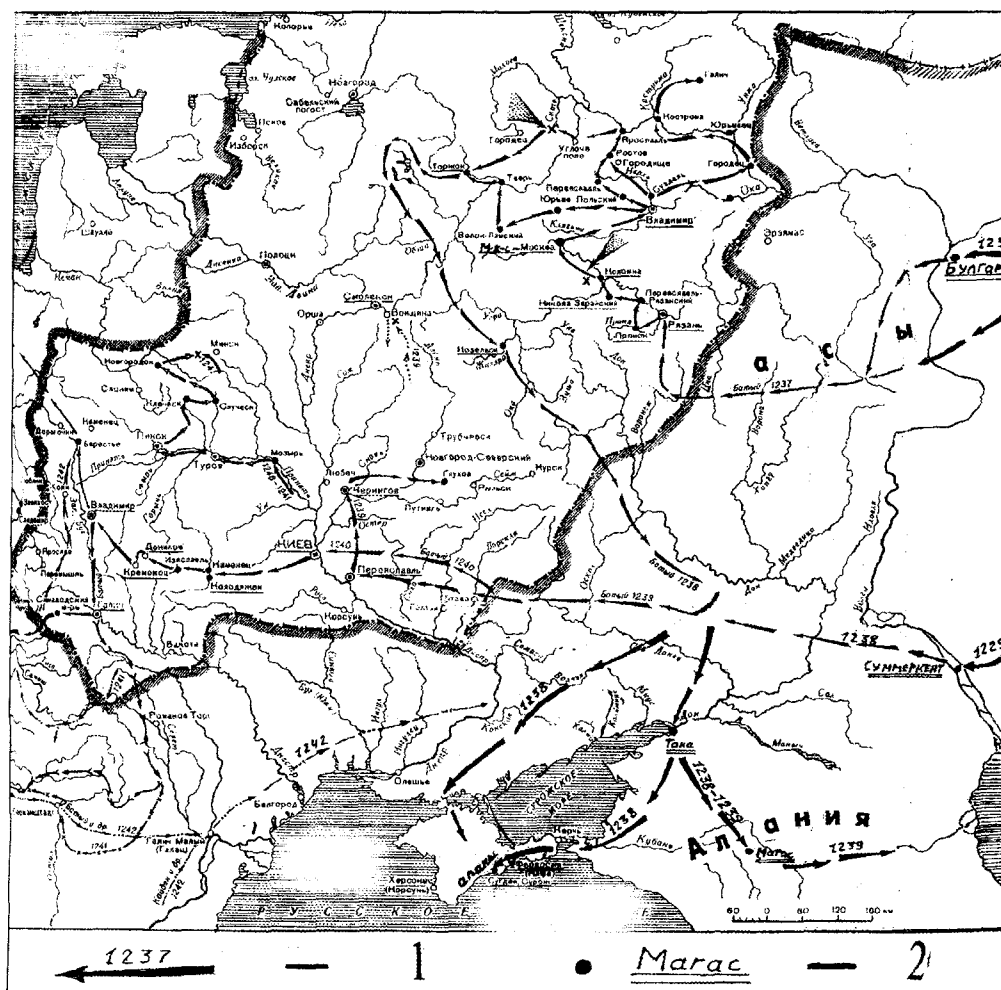

Рис. 4. Походы войск Батыя в Восточную Европу и на Северный Кавказ в 1236—1242 гг.:

- 1 — время и направление походов;
- 2 — захваченные монголами города с аланским населением

дорогу, что (по ней) могли проехать рядом три-четыре повозки, а потом, против стен его выставили метательные орудия. Через несколько дней они оставили от этого города только имя его, и нашли [там] много добычи. Они отдали приказание отрезать людям правое ухо. Сосчитано было 270 000 ушей. Оттуда царевичи решились вернуться” [Тизенгаузен, 1941, с. 23]. Весьма примечательно, что такое же описание местности и штурма города **М.к.с.** содержится в “Книге побед” персоязычного автора XV в. Шереф ад-Дина Йезди [Тизенгаузен, 1941, с. 144—145, 248]. А это позволяет считать, что данный сюжет был заимствован им у Джувейни либо у его информатора.

С. Л. Волин и П. П. Толочко считали, что загадочный город **М.к.с.** Джувейни соответствует Москве или Мокше [Тизенгаузен, 1941, с. 21, прим. 6, с. 296; с. 187; Толочко, 1996, с. 145—146]. Около ста лет назад Э. Бретшнейдер высказал предположение, что город **М.к.с.** Джувейни может соответствовать городу северокавказских асов **Ме-ццо-сы**, упоминаемому в “Юань-ши” [Bretshneider, 1910, р. 316—317]. В. Ф. Минорский также считал, что сообщение Джувейни об осаде монголами города **М.к.с.** не имеет отношения к Москве или Мокше и случайно попало в его рассказ о походе Бату на Русь. Исследователь также полагал, что город **М.к.с.** находился на Северном Кавказе и был идентичен столице аланов **Магас**, о котором писал ал-Масуди [Minorsky, 1952, р. 221—233].

В. А. Кузнецов принимает версию Э. Бретшнейдера и В. Ф. Минорского о нахождении города **М.к.с.**, упоминаемого Джувейни, на Северном Кавказе, но вместе с тем высказывает определенные сомнения относительно такого отождествления: “Имеем в виду природное окружение города М.к.с. — окрестности его покрыты болотами и очень густым лесом, сквозь который монголы вынуждены прокладывать просеки. Если северокавказская предгорная равнина раньше облесена гораздо больше, чем сейчас, и густые леса могли реально существовать во многих ее местах, то наличие болот с естественно-географической средой Центрального Предкавказья вяжется плохо” [Кузнецов, 1984, с. 259]. Исходя из этого, есть основания предположить, что Джувейни действительно под названием **М.к.с.** подразумевал Москву. Об этом может свидетельствовать последовательность событий, изложенных у Джувейни, ландшафт местности и даже само начертание названия города — **М.к.с.** (مکس). Вполне возможно, что первоначально название этого города могло иметь вид — **М.с.к.** (مسک), т. е. “Москва”. Переписчик сочинения Джувейни или сам историк могли перепутать расположение двух букв в названии данного города, что в дальнейшем могло стать причиной споров и дискуссий историков.

3 февраля 1238 г. войска монголов подошли к Владимиру. Великого князя Юрия Всеволодовича здесь уже не было — он отправился собирать войска между Угличем и Бежецком. 7 февраля пал Владимир, а впоследствии и Суздаль (рис. 4). Практически до начала марта вся Владимиро-Суздальская земля оказалась в руках монголов. Великий князь Юрий Всеволодович погиб 4 марта 1238 г. во время сражения с татаро-монголами на р. Сити. После этого в середине марта монгольское войско двинулось по направлению к Новгороду, но не дойдя двухсот километров до этого города, в конце марта или начале апреля повернуло назад на юго-восток. На обратном пути монголы заняли Козельск и после этого оказались в Половецкой земле во владениях хана Котяна (рис. 4). Половецкий хан Котян был разбит и, как считают некоторые исследователи, мог уйти в Венгрию. Так, весной 1238 г. закончился первый поход моголо-татар на Русь [Треков, Якубовский, 1950, с. 211—213; Толочко, 1996, с. 146—147].

Сведения древнерусских летописей позволяют считать, что накануне этого вторжения монголов на Северо-Восточную Русь, в пределах Владимиро-Суздальского княжества продолжали сохраняться отдельные группы аланов-ясов и они как военные наемники весной 1238 г. могли принять участие в сражениях с монголами. Так, древнерусские летописи под 1182 г. сообщают, что суздальский князь Всеволод Юрьевич и сын киевского князя Святослава Всеволодовича — Мстислав были женаты на двух сестрах-ясках “из Володимира Суждальского” [Ипат. л., 1843, стб. 135]. Кроме того, Лаврентьевская летопись под 1201 г. сообщает: “На

утрия преставися княгыни Ярославля, свесть великого князя Всеволода... и положена бы в церкви стое... в монастыре сестрине” [Лаврент. л., 1928, стб. 416—417]. Отсюда следует, что упомянутая женщина могла являться не только сестрой жены Всеволода Юрьевича, но и быть супругой одного из князей Руси, которого звали Ярослав. Таким образом, с владими́ро-суздальской землей во второй половине XII в. были связаны три сестры-яски, которые были замужем за князьями Руси. Имена двух сестер не известны, но зато мы знаем имя жены Всеволода Юрьевича. Лаврентьевская летопись сообщает, что в 1206 г. “преставися благоверная великая княгиня Всеволожая именем Мария, бывши во мнишеском чину... и положена бы в монастыри своем в церкви...” [Лаврент. л., 1926—1928, стб. 424]. О том, что первую жену Всеволода Большое Гнездо звали Мария, мы также узнаем из Воскресенской, Новгородской Первой, Тверской и других летописей. Мазурский летописец (XVII в.) называет ее Марфой [Мазурский л., 1968, с. 67].

Как уже отмечалось выше, в начале XIII в. на Руси термин *ясы* уже не использовался для обозначения аланов Восточной Европы. По нашему мнению, тогда получил распространение новый термин *бродники*, который мог применяться для обозначения смешанного алано-славянского населения Восточной Европы [Бубенок, 1997, с. 125—137]. В связи с этим особый интерес представляет информация Лаврентьевской и Воскресенской летописей о событиях 1216 г. Тогда во время битвы между владими́ро-суздальскими князьями Юрием и Ярославом Всеволодовичами и новгородским князем Мстиславом Мстиславичем Удалым на помощь первым двум пришли “Муромъци, и Бродници, и Городчане, и вся сила Суздальской земли” [Лаврент. л., 1928, стб. 294; Воскрес. л., 1856, с. 122]. Данная информация позволяет видеть в бродниках именно тех ясов, которых упоминают при описании событий конца XII в. древнерусские летописи, а это значит, что они могли оставаться на службе у владими́ро-суздальских князей вплоть до монгольских походов на Русь.

Существует мнение, что полномасштабное наступление монголов на Половецкую степь началось накануне их вторжения на Русь в 1237 г. Этому мнению придерживаются И. Б. Греков и Ф. Ф. Шахмагонов. Ими представляется последовательность событий следующим образом: “Весной 1237 года монгольские войска под предводительством Субэдея двинулись в прикаспийские степи и развернулись широкой облавой на половцев. Левый фланг облавы прошел по берегу Каспийского моря, по степям Северного Кавказа к устью Дона. Правый фланг очищал от половцев степи. Оба фланга соединились в нижнем течении Дона. К осени 1237 года монгольские войска приблизились к русским границам, разгромив мордву и другие народы на юго-востоке от русских земель” [Греков, Шахмагонов, 1988, с. 58].

Однако последовательность событий, изложенная мусульманскими и христианскими авторами, позволяет считать, что монголы появились на Нижнем Поволжье раньше их первого похода на Русь. Поход на юг основных монгольских войск мог означать значительное отклонение от основного направления на запад. Поэтому имеются основания считать, что рейд монголов на Нижнюю Волгу с самого начала проходил независимо от продвижения основных монгольских войск. По-видимому, задолго до похода на Нижний Дон и Северный Кавказ монголы начали форсировать Волгу в нижнем ее течении. Основанием для этого служит сообщение посетившего в середине XIII в. Поволжье Г. Рубрука о городе Суммеркент: “...Этилия [Волга. — О. Б.] образует еще четыре меньших рукава, так что мы переправлялись через эту реку в 7 местах. При среднем рукаве находится город по имени Суммеркент, не имеющий стен; но когда река разливается, город окружается водой. Раньше чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем Аланы и Саррацины...” [Рубрук, 1957, с. 185]. По мнению Н. П. Шастиной, комментатора Г. Рубрука, Суммеркент Рубрука мог представлять собой город Сакассин, упоминаемый в XV в. мусульманским географом Абд ар-Рашидом и затопленный впоследствии Волгой [Рубрук, 1957, прим. 283]. В данном случае большой интерес представляет происхождение названия *Суммеркент*, вторая часть которого — *кент* может иметь

восточноиранское происхождение и означать “город”. Необходимо вспомнить названия ряда городов Средней Азии того же происхождения — *Чимкент, Ташкент* и т. п. Очевидно, Суммеркент был основан купцами из Средней Азии хорезмийского или согдийского происхождения, о чем свидетельствует упоминание “саррацин”-мусульман. Следовательно, аланы Суммеркента могли иметь как местное, так и среднеазиатское происхождение. Если Суммеркент Г. Рубрука действительно являлся загадочным городом Саксином (Сакассином), то особый интерес должна представлять его локализация на Волге. По-мнению А. Ю. Якубовского, Саксин находился вблизи устья Волги (рис. 4) [Треков, Якубовский, 1950, с. 23].

В сложившейся ситуации возникает естественный вопрос: когда монголы начали покорять Нижнее Поволжье и когда этот рейд мог завершиться? Как уже отмечалось, в “Сокровенном сказании” сказано, что в 1228 г. властитель монголов Огадай (Угедей. — *О. Ё.*) “отправил в поход Бату, Бури, Мунке и многих других царевичей на помощь Субеятаю, так как Субеетай-Баатур встречал сильное сопротивление со стороны тех народов и городов, завоевание которых ему было поручено еще при Чингисхане, а именно — народов Каплин, Кибчаут, Бачжигит, Орусут, *Асум*, Сесут, Мачжар, Кешемир, Сергесут, Булар, Келет, а также и городов за многоводными реками Адил и Чжаях...” [Козин, 1940, с. 191]. Особый интерес также представляет информация Лаврентьевской летописи о событиях 1229 г.: “...саксины и половцы взбегоша из низу к болгаром перед татары, и сторожеве болгарскийи прибегоша, бьена от татар близь реки, ей ж имя Яик” [Лавр. л., 1897, с. 430]. Комментируя данное сообщение, Б. Д. Греков отметил: “После похода Джебе и Субэдея в 1223 г. монголы посылали еще новые войска в 1229 г. на Волгу.” [Треков, Якубовский, 1950, с. 207]. Исходя из этого, можно предположить, что монголы могли начать осаду города Суммеркента на Волге в 1228—1229 гг. Взять город они смогли бы в 1237—1238 г. во время первого похода монгольских войск на Русь, что вполне согласуется с информацией Г. Рубрука о восьмилетней осаде Суммеркента [Рубрук, 1957, с. 185].

Только завершив покорение Северо-Восточной Руси и Нижнего Поволжья, во второй половине 1238 г. монголы смогли бы направиться в степи Северного Кавказа и Нижнего Подонья. Именно тогда они могли обрушиться на г. Тана в нижнем течении Дона. Венецианский купец Иосафат Барбаро, живший в Тане в XV в., упомянул в своих записях о местных аланах, которые там ранее обитали. Так, И. Барбаро сообщает: “...предводитель аланов... Индиабу услышал, что татарский хан идет на него войной, он решил захоронить сокровище, но так, чтобы никто этого не заметил; поэтому он сделал вид, что приготавливает для себя могилу по местному обычаю, и приказал потайно положить туда сначала то, что он считал нужным, и потом насыпать этот курган” [Барбаро, 1971, с. 139—140]. И. Барбаро высказал даже предположение, что курганы в стране аланов, которая “лежит на горах, на побережьях, на равнинах”, были оставлены именно аланами и дал нам их описание: “Там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений. Каждый имеет на вершине большой камень с отверстием, куда втыкают крест, сделанный из другого цельного камня. Эти курганы бесчисленны... слышал от какой-то женщины-татарки, что в одном из подобных курганов, называемом Контебе, Аланы спрятали большое сокровище” [Барбаро, 1971, с. 137—138]. И если сведения о курганах как вместилищах сокровищ аланов следует считать легендой, возникшей, возможно, еще во времена античности, то сведения о нахождении аланов в г. Тане накануне прихода монголов выглядят как историческая реальность.

Поэтому, комментируя сообщение И. Барбаро об аланском вожде Индиабу, З. Н. Ванеев отметил: “Представляется возможным, что Индиабу был владельцем придонских алан и, быть может, г. Тана был его резиденцией... Известие И. Барбаро служит веским доказательством присутствия в средние века аланского населения в Подонье. В то же время известие об Индиабу свидетельствует о том, что в ту эпоху отдельные аланские племена возглавлялись своими владельцами” [Ванеев, 1959, с. 48—49]. Дальнейшая судьба Индиабу и его соплеменников нам неизвестна. Одно

несомненно: они, как и другие народы южнорусских степей, оказались один на один с очень грозным соперником — монголо-татарами. Однако нападение монголов на аланов Нижнего Подонья не привело к полному исчезновению данного этноса из субрегиона. В XIV в. Тана была включена в состав Аланской митрополии, а это дало основания Ю. А. Кулаковскому считать, что и тогда христиане этого города были представлены аланами [Кулаковский, 1898, с. 16].

Последовательность данных событий и дальнейшее их развитие отражены в сообщении Рашид ад-Дина: “Тогда они [монголы. — *О. Б.*] расположились в домах и отдохнули. После того, в нокай-ил, год собаки, соответствующий 635 г. х. [24 августа 1237 — 13 августа 1238 г. н. э.], осенью Менгу-каан и Кадан выступили в поход против черкесов и зимою убили тамошнего государя по имени Тукара; Шибан, Бучек и Бури, выступили в поход в страну Крым и у племени чинчакан захватили Таткару. Берке отправился в поход на кипчаков и взял [в плен] Арджумака, Куранбаса и Капарана, военачальников Беркути” [Тизенгаузен, 1941, с. 37; Рашид-ад-дин, 1960, с. 39]. По мнению Л. И. Лаврова, “поход в Адыгею обеспечил монголам вторжение в Крым через Керченский полуостров” [Лавров, 1965, с. 98]. Данное предположение может быть принято при том условии, если учесть, что монголы двигались с востока на запад по уже знакомому им пути, так как в 1222—1223 гг. Субедей побывал на Северном Кавказе и, как мы уже отмечали, тогда монголы могли в зимний период форсировать Керченский пролив (рис. 1; 4). Необходимо также обратить внимание на наблюдения Г. В. Вернадского, согласно которым монголы, в отличие от других народов, предпочитали совершать боевые действия в зимний период [Вернадский, 1997, с. 116—126]. Византийские источники также подтверждают появление татар возле Сугдеи (Судака) и на южном побережье в 1238 г. [Кулаковский, 2002, с. 172]. Следовательно, второе появление монголов в Крыму можно отнести к зимнему периоду 1238 г., а захват Нижнего Дона — к первой половине 1238 г. (рис. 4).

На этот раз основные силы монголов перезимовать в Крыму не решились, а наоборот, как следует из сообщения Рашид ад-Дина, стали совершать набеги на половцев, очевидно предкавказских. По-видимому, монголы стремились начать военную кампанию на Северном Кавказе именно в зимний период 1238—1239 гг. Однако новый стремительный рейд монголам не удался. Исходя из этого можно, предположить, что первыми удар монголов на этот раз приняли народы не Восточного, а Северо-Западного Кавказа. Война пришла на земли Западной Алании, известной прежде всего как Асия.

Монголам был дан более решительный отпор, чем в 1222 г. В “Сокровенном сказании” монголов сообщается, что в этот период “посланные в помощь Субеетаю царевици Бату, Бури, Гуюк, Мунке и все другие царевици, покорив народы Каплин, Кипчаут и Багжигит, разрушили города Эгчжил, Чжаях и Мегет...” [Козин, 1940, с. 91—194]. Если сопоставить данное сообщение с информацией Рашид ад-Дина, то можно считать, что в конце 1238 г. поход на Северный Кавказ могли возглавлять Мункэ и Кадан и это было связано с окончанием первого похода против Руси. Таким образом, монгольское вторжение на Северный Кавказ могло быть дальнейшим продолжением военной кампании, предпринятой основными монгольскими силами.

В связи с этим походом особый интерес представляет упоминание в “Сокровенном сказании” города *Мегет*. Северокавказский город с подобным названием встречается в ряде источников, где речь идет о походе монголов в страну аланов-асов. Так, в китайской хронике “Юань-ши” мы находим рассказ о штурме монголами города асов — *Ме-цзо-сы*: «В год... свиньи (1239 г.) зимою в 11 месяце, дошли до города асов Ме-цзо-сы. Город, благодаря своей неприступности, долго не сдавался. В 1240 г. в 1 месяце Си-ли-цзянь-бу с 11 готовыми умереть храбрецами взобрался по осадным лестницам; вперед же поставили 11 пленников. Они громко закричали: “Город пал”. За ними полезли, как муравьи, один за другим все остальные воины и город взяли» [Иванов, 1913, с. 283, 299]. Это сообщение интересно прежде всего тем, что название города *Ме-цзо-сы* вполне созвучно с наименованием

аланской столицы *Магас*, упоминаемой Масуди в X в. [Минорский, 1963, с. 205]. Кроме того, оно может свидетельствовать о том, что уже в 1239 г. многие знатные аланы уже были включены в состав монгольского войска для борьбы со своими же соплеменниками. Поэтому имеются основания полагать, что в “Юань-ши” речь идет о штурме крупного аланского центра — бывшей столице северокавказской Алании. Быть может Рашид-ад-Дину данный центр аланов был известен под названием *М.н.к.с.* Персидский автор сообщает о дальнейших событиях, последующих за захватом Крыма: “Потом в каком-то году свиньи, соответствующий 636 г. х. (14 августа 1238 — 2 августа 1239 г.) Гуюкхан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу М.н.к.с. и зимой, после осады, продолжавшейся один месяц и пятнадцать дней, взяли его. Они были еще заняты тем походом, когда наступил год мыши, 637 г. х. (3 августа 1239 — 22 июля 1240 гг.). Весною, назначив войско для похода, они поручили его Букдаю и послали его к Тимур-кахалка с тем, чтобы он занял и область Авир” [Рашид-ад-Дин, 1960, с. 39].

Согласиться с тем, что в упомянутых источниках речь идет об одном и том же центре северокавказских аланов, не позволяет несовпадение в датах относительно захвата крепости: “Юань ши” сообщает о падении *Ме-цзо-сы* в начале 1240 г., а Рашид ад-Дин относит это событие к началу 1239 г. Поэтому исследователи пытались прокомментировать данную информацию по-разному, в соответствии с последовательностью описанных событий. Так, З. Н. Ванеев был более склонен доверять китайской хронике, т. е. относил описанные события к 1239—1240 гг. [Ванеев, 1959, с. 175—176]. Л. И. Лавров же считал, что “поход на северокавказских алан начался в конце 1238 г. и продолжался, по крайней мере, до сентября 1239 г.”, т. е. более придерживался хронологии, предложенной Рашид ад-Дином [Лавров, 1965, с. 99]. А. В. Гадло считал, что данный поход начался, когда “в 1238 г. монголы разбили в степи половецкого хана Котяна”, и “растянулся до 1240 г.” При этом исследователь полагал, что уже весной 1239 г. монголы начали боевые действия в “области Авир” в Дагестане, завоевание ряда областей которого закончилось в 1240 г. [Гадло, 1994, с. 179—180]. В. А. Кузнецов основные боевые действия монголов в Алании относит к концу 1238 — началу 1239 гг. Дальнейший ход событий историк представляет следующим образом: “... разгромив аланский город Магас, татаро-монголы дали своим войскам отдых до весны, затем перегруппировали их и какую-то часть войск под командованием Букдая послали в Дагестан к Тимур-кахалку (видимо, находившемуся там ранее), чтобы он с этим подкреплением захватил и горную Аварю” [Кузнецов, 1984, с. 258].

Сравнительный анализ сведений Рашид ад-Дина с данными других источников о последовательности монгольской военной кампании на Северном Кавказе позволяет согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что боевые действия в северокавказской Алании происходили в конце 1238 — начале 1239 гг. Исходя из приведенной информации можно предположить, что до 1239 г. основные события разворачивались на равнинах и в предгорьях Северо-Западного и Центрального Кавказа. Вполне возможно, что после начала 1239 г. эпицентр событий переместился на восток Алании и война между монголо-татарами и аланами высокогорья приняла затяжной характер. И хотя в “Тайной хронике” монголов сказано, что они во время этого похода “полностью покорили Асутов и Сесутов” [Козин, 1941, с. 194], сообщения некоторых европейских путешественников не позволяют делать подобные выводы.

П. Карпини, побывавший в 1246 г. на Северном Кавказе, упоминал среди подданных татар “Аланов, или Асов”. Он также писал об одной горе в земле аланов, которую татары осаждали “двенадцать лет” [Карпини, 1957, с. 72]. Из этого следует, что упомянутые события могли начаться до 1235 г., т. е. до второго похода монголов на Северный Кавказ в 1237 г. Вполне возможно, что западноевропейский путешественник перепутал дату. Как далее следует из сообщения П. Карпини, аланы оказали татарам “мужественное сопротивление и убили многих татар и притом вельмож” [Карпини, 1957, с. 72]. П. Карпини попал в ставку монголов — Каракорум,

к Великому Хану монголов Гуюку, избранному в 1245 г. Однако Гуюк умер в 1248 г. и только в 1251 г. курултай избрал Великим Ханом Мунке — внука Чингис-хана, который находился во главе монголов до 1259 г. Именно во времена правления Мунке в 1253—1254 г. совершил свое путешествие в монгольскую столицу посол французского короля Гильом де Рубрук. Во время своего путешествия туда и обратно он дважды посетил земли аланов. По пути в Центральную Азию западноевропейский путешественник побывал в 1253 г. в Восточной Европе и упомянул об “Аланах или Аас, которые исповедовали христианскую веру и все еще боролись против татар” [Рубрук, 1957, с. 111]. Соппротивление монголам в числе других пострадавших народов продолжать оказывать также аланы, проживавшие за пределами гор в восточноевропейских степях, что находит подтверждение в другом сообщении Г. Рубрука: “... Русские, Венгры и *Аланы*, рабы их [Татар], число которых у них весьма велико, собираются зараз по 20 или 30 человек, выбегают ночью с колчанами и луками и убивают всякого, кого только застают ночью. Днем они скрываются, а когда лошади их утомляются, они подбираются ночью к табунам лошадей на пастбищах, обменивают лошадей, а одну или двух уводят с собою, чтобы в случае нужды съесть” [Рубрук, 1957, с. 117].

В 1254 г. на обратном пути Г. Рубрук побывал на Северном Кавказе и отметил: “Аланы на этих горах все еще не покорены, так что из каждого десятка людей Сартах двои́м надлежало караулить горные ущелья, чтобы эти Аланы не выходили из гор для похищения их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартах, Аланами и Железными Воротами, отстоящими отсюда на два дневных перехода, где начинается равнина Аркакка [степи Предкавказья. — *О. Б.*]. Между морем и горами живут некие Саррацины, по имени Лезги, горцы, которые также не покорены, так что Татарам, жившим у подошвы гор Аланов, надлежало дать нам 20 человек, чтобы проводить нас за Железные Ворота... И когда мы добрались до описанного перехода, то из 20 у двоих оказались латы. Я спросил, откуда они к ним попали. Они сказали, что приобрели латы от вышеупомянутых Аланов, которые умеют хорошо изготавливать их и являются отличными кузнецами... Прежде чем добраться до Железных Ворот, мы нашли один замок Аланов, принадлежавший самому Мангу-хану, ибо он покорил ту землю” [Рубрук, 1957, с. 186]. Таким образом, сообщение Г. Рубрука позволяет говорить о том, что в 1254 г. монголы контролировали Дарьяльский проход (Железные Ворота), но при этом часть высокогорных аланов еще не была окончательно покорена монголами.

Сообщение Г. Рубрука дополняет английский автор XIII в. Роджер Бэкон. В своем “Великом сочинении”, написанном между 1266 и 1268 гг., этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе он характеризует следующим образом: “Затем далее к востоку находятся горы аланов или аасов. Они — христиане и принимают всех христиан, равно как латинских, так и греческих, то есть они — не схизматики. И они борются против татар; также и аланы. За ними на восток живут сарацины, которые называются лелги [лезгины. — *О. Б.*], ведущие войну с татарами из-за плодородной земли. За ними к востоку находятся Каспийские ворота на Каспийском море...” [Матузова, 1979, с. 200, 214].

Вполне возможно, что покорение северокавказской Алании длилось вплоть до конца 70-х гг. XIII в. Основания для такого предположения дают древнерусские летописи, в которых под 1277 (6785) г. помещено сообщение о походе русских князей, вассалов Золотой Орды, на яский город Деяков (Титяков—Тетяков—Дадиков): “Княжи же вси со царем Менгу Темирем поидоша на войну на ясы. И приступиши руситии князи ко ясскому городу, ко славному Деякову и взяши его месяца февраля восьмого, и много корысть и полон взяша, противных избиша безчиленно. Град же огнем пожегоша” [Воскр. л., 1856, с. 173; Москов. л., 1949, с. 152; Приселков, 1950, с. 101—106; Новгород. IV л., 1917, с. 231]. Под 1278 г. (6786) в летописях отмечается возвращение русских войск из похода [Приселков, 1950, с. 101—106; Новгород. IV л., 1917, с. 231; Патриаршая X, 1885, с. 155—156]. Последнее упоминание Титякова (Деякова) относится к 1319 (6827) г. в связи с убийством в

городе князя Михаила Ярославича Тверского золотоордынским ханом Узбеком [Воскр. л., 1856, с. 194; Московск. л., 1949, с. 164; Приселков, 1950, с. 229; Новгород. л., 1848, с. 72]. В связи с этим интересны причины похода золотоордынских войск против Дедякова в 1277 г. В. А. Кузнецов считает, что этот город уже входил в состав Золотой Орды и аланы восстали против налоговой политики монголов [Кузнецов, 1984, с. 262—263].

Однако опыт воен на Кавказе показывает, что сначала завоевателями покоряются равнина и предгорья, а завоевание высокогорных районов растягивается на десятилетия. Поэтому большое значение в этом случае могут иметь данные о локализации аланского города Дедякова. Наиболее полные сведения об этом содержатся в Патриаршей или Никоновой летописи под 1319 (6827) г., что может свидетельствовать об описании этих событий современником: “За рекою Теркою, под великими горами Ясскими и Черкасскими, у града Титякова, на реке Сивинце, близ врат железных, у болвана медного златыя главы, у Темирева богатыревой могилы” [Патриарш. X л., 1897, с. 184]. Данное сообщение стало основанием для дискуссий среди исследователей относительно отождествления этого аланского города с каким либо известным археологическим объектом. Однако продолжающийся уже больше столетия спор породил так много гипотез, что Е. Г. Пчелина провела историографический анализ существующих на этот счет мнений в отдельном специальном исследовании. В результате был сделан вывод: “Нет сомнения, что дальнейшие изыскания советских археологов на территории Чечено-Ингушской АССР, позволят выделить памятники хазаро-аланской и золотоордынской эпох, опознать стоявший в бассейне Сунжи ясский славный город Дедяков русских летописей” [Пчелина, 1963, с. 159]. И если удастся доказать, что аланский город Дедяков находился в труднодоступных местах горной части Северного Кавказа, то только тогда можно будет полагать, что Дедяков представлял собой последний крупный центр Восточной Алании, покоренный монголами только лишь в 1277 г.

Особый интерес представляет судьба аланов-ясов, проживавших в этот драматический период в Половецкой степи. Исследователи единодушны во мнении, что весной 1238 г. после первого похода на Русь основные силы монголов, возглавляемые Батыем, вышли в половецкие степи в Подонье, где и совершили до окончания лета этого года передышку (рис. 4). Это предположение находит подтверждение в сообщении Рашид ад-Дина [Тизенгаузен, 1941, с. 37; Рашид-ад-дин, 1960, с. 39]. Именно поэтому часть из этих войск могла принять участие в походах на Северный Кавказ и Крым. В течение нескольких месяцев 1238 г. монголы могли предпринять не только походы против северокавказских черкесов и аланов, но и разгромить донских и предкавказских половцев, в том числе орду хана Котяна, кочевавшую в степях между Волгой и Днепром. С. А. Плетнева относит данное событие к 1237 г., т. е. к началу походов монголов против народов Восточной Европы. Основанием для этого, на ее взгляд, стало то, что, согласно венгерским источникам, уже в 1237 г. хан Котян обратился к венгерскому королю Беле с просьбой о предоставлении убежища для его орды. Дальнейшее переселение половцев в Венгрию в конечном итоге привело к конфликту между Батыем и венгерским королем [Плетнева, 1990, с. 179—180]. А. В. Гадло относил данное событие к 1238 г. и считал, что тогда “монголы разбили в степи половецкого хана Котяна, собравшего, по-видимому, остатки куманов и кипчаков” [Гадло, 1994, с. 179]. Относительно первоначального расположения орды Котяна и времени его столкновения с монголами существуют и другие точки зрения. Несмотря на некоторые отличия в интерпретации данных событий, можно предположить, что первоначальное столкновение половцев волго-донских степей с монголами могло быть связано не с походом основных монгольских сил против Руси в 1237—1238 гг., а с рейдом монголов на Нижнюю Волгу, где был захвачен город Суммеркент с аланским населением, что нашло отражение в сообщении Г. Рубрука [Рубрук, 1957, с. 185]. Вполне возможно, что одновременно с разгромом войск прикавказских половцев

монголы захватили г. Тана с аланским населением в Нижнем Подонье (рис. 4), что нашло отражение в сообщении И. Барбаро [Барбаро, 1971, с. 137—138].

После разгрома монголами основных центров северокавказской Алании в первой половине 1239 г. основной эпицентр событий переместился в Половецкую степь и на земли Южной Руси. Новый поход против Руси начался весной 1239 г. с разгрома Переяславля на южных рубежах Руси. После этого осенью 1239 г. были захвачены земли Черниговского княжества, а сам Чернигов пал 18 октября 1239 г. Однако эти действия стали предверием главного события этого похода — захвата Киева. Вскоре Мунке появился у стен города, на противоположном берегу Днепра, но захватить Киев не решился. Лишь в ноябре 1240 г. сам Батый (Бату) начал осаду Киева, которая завершилась в начале декабря 1240 г. взятием города. После падения Киева монголами были захвачены земли Галицкого и Волынского княжеств, откуда в 1241 г. они направились в Польшу, Венгрию и Чехию (рис. 4) [Греков, Якубовский, 1950, с. 214—217; Феннел, 1989, с. 121—123; Толочко, 1987, с. 172—178; 1999, с. 172—180]. Однако не совсем ясно, когда Батый мог завершить завоевание земель причерноморских половцев.

Судя по тому, что весной 1239 г. монголы совершили поход на Переяславль, можно предположить, что до того они могли продвинуться через земли бассейна Северского Донца и захватить половецкие крепости на Донце, где должны были сохраняться аланы-ясы. (рис. 4). К большому сожалению, сведений письменных источников об этом событии у нас нет. Вполне возможно, что до взятия Переяславля в октябре 1239 г. войска Батыя могли захватить степи в междуречьи Дона и Днепра, а оттуда продвинуться в степи Крыма (рис. 4). Что же касается захвата половецких владений в Северо-Западном Причерноморье, то у нас имеются основания относить эти события к более позднему периоду. В связи с этим особый интерес могут представлять предположения В. Л. Егорова относительно движения войск Батыя 1242—1243 гг. Исследователь считает, что известие о смерти Великого хана монголов Угедея дошло до Батыя на побережье Адриатики лишь в марте 1242 г. и уход монгольских войск с территории Центральной Европы растянулся до полугода. “Лишь только зимой 1242 г., — продолжает далее В. Л. Егоров, — монгольские отряды сосредоточились в низовьях Дуная и отсюда ушли в причерноморские степи... В конце 1242 г. и в самом начале 1243 г. вернувшиеся из Западной Европы монголы во главе с Бату расположились в причерноморских и прикаспийских степях” [Егоров, 1985, с. 27]. Весьма примечательно, что данное событие было отмечено в Ипатьевской летописи короткой фразой: “воротился есть из Оугорь” [Ипат. л., 1962, стб. 794]. Таким образом, монголы могли завоевать степи Северо-Западного Причерноморья в конце 1242 г. (рис. 4). Вполне возможно, что именно в это время монгольские войска могли перейти Перекоп и окончательно включить степные владения Крыма в состав Улуса Джучи.

Относительно уничтожения оседлого аланского населения причерноморских степей письменные источники не дают никакой информации. П. Карпини сообщает, что монголы взяли в качестве заложника “сына Ярослава, некоего вождя аланов” [Карпини, 1957, с. 55—56]. В данном случае упоминание славянского имени одного из предводителей аланов может свидетельствовать о подчиненном положении по отношению к монголам аланов-ясов, которые должны были являться непосредственными соседями Руси, т. е. продолжали проживать после монгольских походов в южнорусских степях. По данным В. К. Михеева, в среднем течении Северского Донца возле современных сел Сидорово и Маяки стационарные поселения и могильники, берущие начало от салтовского населения хазарской эпохи, продолжали функционировать не только в половецкий, но и в золотоордынский периоды [Михеев, 1985, с. 24]. Археологические исследования, проведенные А. А. Козловским в Нижнем Поднепровье, позволили ему прийти к выводу, что в данном регионе во время монгольских походов “более всего пострадали крупные поселения”, а “небольшие поселения” монголы не трогали [Козловский, 1992, с. 159]. Таким образом, есть основания считать, что в

золотоордынский период в Дешт-и Кипчак продолжала сохраняться часть местного оседлого аланского населения.

В итоге можно отметить, что в результате грандиозной военной кампании, предпринятой монголами 1236—1243 гг., монгольскими войсками были покорены аланы, проживавшие в различных частях Восточной Европы и Северного Кавказа. Это подтверждается письменными источниками XIII в. Так, в “Сокровенном сказании” о результатах монгольских походов под руководством Бату сказано: “Они полностью покорили *Асутов* и *Сесутов*, а также население городов *Бесерман*, *Керман-кива* и прочих городов, поставили даругачинов и таймачинов и возвратились на родину” [Козин, 1941, с. 194]. Среди покоренных монголами народов П. Карпини также отметил аланов-асов: “... Баскарт, то есть Великая Венгрия, Кергис, Касмир, Саррацины, Бисермины, Тукоманы, Билеры, то есть великая Булгария, Корола, Комуки, Буритабет, Паросситы, Кассы, Якобиты, *Аланы*, или *Ассы*, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Капчиты, Команы, Брутахии, которые суть Иудеи, Мордвы, Турки, Хозары, Самоеды, Персы, Тарки, малая Индия, или Эфиопия, Чиркасы...” [Карпини, 1957, с. 57]. Более красочно военные успехи монголов описаны у Рашид ад-Дина: “Когда же пришла очередь ханствования и господствования над миром Чингиз-хану, его знаменитому роду и его великим преемникам, то они замирили и сделали покорными себе все государства населенной части мира, [состоящей] из Северного Китая и Южного, из Индии и Синди, Мавераннахра и Туркестана, Сирии и Византии, стран *асов* и урусов, черкесов и кипчаков, келаров и башкир, — короче говоря, все то, что простирается от востока на запад и севера на юг” [Рашид-ад-дин, 1952а, с. 66]. Кроме того, асы были непосредственно упомянуты и среди народов, покоренных преемником Чингис-хана — Угедеем: “После него [Чингиз-хана] Угедей-каан, совместно со своим братом Тулуй-ханом, захватил непосредственно страну Хитай. Совместно с племянниками по брату они захватили области келаров, башкиров, булар, Дешт-и Кипчак, урусов, черкесов и *асов* до крайнего севера, а южной стороны, до пределов Хабеша [Абиссинии]” [Рашид-ад-дин, 1952б, с. 67—68].

Весьма примечательно то, что в письменных источниках XIII—XIV вв. аланы-асы очень часто упоминаются не как жители Северного Кавказа, а как обитатели южнорусских степей. В связи с этим особый интерес может представлять их происхождение. Ю. А. Кулаковский более склонен видеть в этих аланах остатки прежнего аборигенного населения степей, сохранившихся на прежних местах своего обитания после монгольских походов [Кулаковский, 1899, с. 57—60]. В. А. Кузнецов считает более вероятной возможность миграции аланов-асов из Северного Кавказа на запад в причерноморские степи как следствие давления монголов [Кузнецов, 1984, с. 267—268]. На наш взгляд, решить данный вопрос можно лишь используя данные, полученные при археологических раскопках средневековых поселений и могильников Северного Причерноморья.

Относительно же судьбы аланов Северного Кавказа среди исследователей до сих пор существуют диаметрально противоположные точки зрения. Почти все исследователи единодушны во мнении, что в 1238 г. Западная Алания (Асия) первой подверглась нападению монголо-татар и поэтому испытала всю мощь татаро-монгольского нашествия. По мнению В. А. Кузнецова, Западная Алания в X—XII вв. имела многочисленное население, которое с середины XIII в. “куда-то почти полностью исчезло”. Исследователь видит в этом три причины: 1) та часть населения, которая выступила против монголо-татар, была уничтожена или угнана в плен; 2) другая часть со своими феодальными владетелями покорилась монголам и со временем была переселена ими в глубины Монгольской империи; 3) третья часть вместе с половцами сбежала на запад. Только незначительная часть аланов могла сохраниться в горах Осетии. По мнению В. А. Кузнецова, именно переселенческая политика монголов имела для населения Алании катастрофические последствия, так как навсегда была утрачена наиболее дееспособная часть аланского общества. Исследователь считает, что монголы,

переселив значительную часть северокавказских аланов на Дальний Восток, решили для себя очень важные задачи: во-первых, ослабили силы аланов на западе; во-вторых, усилили при этом авангард своего войска в Китае [Кузнецов, 1971, с. 41—45]. С мнением В. А. Кузнецова, что Западная Алания лишилась большей части своего населения именно после походов монголов в 1238—1239 гг., не согласен М. К. Джигоев, который полагает, что это случилось в конце XIV в. вследствие похода Тимура в Приэльбрусье. При этом исследователь ссылается на археологические материалы, полученные самим В. А. Кузнецовым при обследовании Нижне-Архызского городища, и на сообщения некоторых восточных и западноевропейских авторов [Джигоев, 1982, с. 16—17].

В соответствии с этим не ясным остается время окончательного покорения монголами восточной части северокавказской Алании. Как уже отмечалось, Ю. А. Кулаковский полагал, что окончательно аланы могли сохранять свою независимость в условиях высокогорья и после 1277 г. [Кулаковский, 1899, с. 60]. Подобного мнения придерживается также М. К. Джигоев, который считает, что только лишь к концу XIII в. “Алания окончательно попала под власть Золотой Орды” [Джигоев, 1982, с. 15—17]. З. Н. Ванеев считал, что “решительный удар” по аланам был нанесен именно в 1277 г., когда был взят ясский город Дедаков [Ванеев, 1959, с. 176]. В. А. Кузнецов и А. В. Гадло полагали, что к 1254 г. почти вся Алания была покорена монголами, свидетельством чего, по их мнению, являются данные армянских и грузинских источников о проведенной тогда монголами переписи “во всех подчиненных им землях”, включая и “Овсетию” [Кузнецов, 1984, с. 262; Гадло, 1994, с. 183]. Мы же считаем, что данный вопрос еще далек от своего окончательного разрешения.

Дискуссионным остается также вопрос о времени заселения аланами-овсами территории Двалетии — современной Южной Осетии. Как отмечалось, Б. А. Калоев считает, что уже задолго до монгольских походов на Северный Кавказ на южных склонах Главного Кавказского хребта уже проживали аланы — предки южных осетин, а монгольское нашествие привело лишь к новым миграциям северокавказских аланов на территорию Двалетии [Калоев, 1971, с. 33—34]. В. А. Кузнецов же, на основании данных грузинских летописей, высказал предположение, что в результате боевых действий монголов аланы переселились в горы, где значительно возросла плотность населения, что привело к миграции отдельных групп аланов на юг на территорию нынешней Южной Осетии — исторической Двалетии [Кузнецов, 1984, с. 263—264]. Однако В. Н. Гамрекели, З. Н. Ванеев и другие исследователи относят данное событие только лишь к началу XV в., т. е. к периоду, последовавшему за нашествием Тимура [Гамрекели, 1961, с. 15—40, 114—145; Ванеев, 1959, с. 182]. По нашему мнению, разрешение данного вопроса возможно на основе не только привлечения данных письменных источников, но и археологии, фольклора, лингвистики и этнографии.

В связи с этим до сих пор дискуссионным остается вопрос о времени переселения аланов-асов с Предкавказской равнины в условия высокогорья. Никто из исследователей не сомневается в том, что к середине XIII в. равнинная часть северокавказской Алании была покорена монголами. Однако ведутся споры относительно того, остались ли после монгольских походов аланы в равнинной части Алании или же они переселились сразу в горы. По мнению Ю. А. Кулаковского, Н. А. Шафиева, В. А. Кузнецова, А. В. Гадло и некоторых других исследователей, именно в результате монгольских походов 1238—1239 гг. аланы покинули равнину и переселились в горы [Кулаковский, 1899, с. 57—60; Шафиев, 1968, с. 25, 38—40; Кузнецов, 1984, с. 263—264; Гадло, 1994, с. 180—182]. В. Б. Пфаф, З. Н. Ванеев, Б. А. Калоев, М. К. Джигоев и некоторые другие осетинские исследователи считали, что это могло произойти только после походов Тимура против Золотой Орды в конце XIV в. [Пфаф, 1871, с. 79; История СО АССР, 1959, с. 84; Ванеев, 1959, с. 180—182; Калоев, 1971, с. 30—31; Джигоев, 1982, с. 19—21].

Таким образом, определить масштабы этнополитических изменений, происшедших на Центральном Кавказе после монгольских походов 1238—1239 гг., невозможно без учета последствий походов Тимура на Северный Кавказ в конце XIV в.

در آن رستم‌ان شهزادگان و امرا برودخانها حابان جمع شدند و امیر سوبادای را^۱ با لشکری بولایت آس و حدود بلغار فرستادند و تا شهر کویک و دیگر ولایت آن برفتند

و بعد از آن شهزادگان کینکاج کرده هر یک با لشکر خود بجیرگه روان شدند^۲ و ولایاتی که بر ممراتار مضاف کرده بستند و منکوکاآن از دست چپ برکنار دریا بجیرگه می‌رفت

بجمنان کی از متهمکان امرا آنجا بود از جماعت قیجاقان از قوم^۳ اولبرلیک و قاجیراوکوله از قوم آس هردو را بگرفت

این بجمنان با قومی دیگر از دزدان از شمشیر بسته بود و از گریخانان^۴ دیگر جمعی بود متصل شدند و بر هر طرفی می‌زد و چیزی می‌برد و روز بروز فتنه او زیادت می‌شد

و مستقری نداشت بدان سبب لشکر مغول او را بدست نمی‌توانستند آورد و در^۵ میان بیشها ظمیشه ها یط کنار اتیلر پنهان می‌بود

و اتباع او را هضمی، بتیغ و بعضی بآب هلاک گردانیدند و اموال بسیار^۶ از آنجا بیرون آوردند و بجمنان التماس کرد تا منکوکاآن بدست مبارک خود کار او بکفایت رساند اشارت کرد تا برادرش بوجک بجمنان را بدو نیم زد و قاجیراوکوله را از امرا آس هم بگشتند

و آن تابستان آنجا مقام کرد بعد از آن در تاقیقوییل کی سال مرغ باشد^۷ موافق شهر سنة اربع و ثلاثین و ستمائه پسران جوجی باتو و اورده و برکه و پسر اوکتای قان قدان و پسر زاده جغتای بوری و پسر منکوکاآن کولکان بجنگ بوقشی و برطاس و ارجان برنشستند و بندک مدت بگرفتند و پانیز سال مذکور تمامت شهزادگان کی آنجا بودند بجمعیت قوریلتای ساختند و باتفاق بجنگ او روس بر نشستند باتو و اورده و کیوک خان و منککا قان و کولکان و قدان و بوری باتفاق شهر اریان را محاصره کردند و بسه روز بستند و بعد از آن شهر ایکه را نیز بستند و کولکان را آنجا زخم رسید

و آن تابستان آنجا مقام کرد بعد از آن در تاقیقوییل کی سال مرغ باشد^۸ واقع در شهر سنة اربع و ثلاثین و ستمائه، پسران جوجی جوجخان باتو و اورده و برکه پسران قان، و کیوک خان و منککا قان و کولکان و قدان و بوری باتفاق، شهر ریازان را محاصره کردند و بسه روز بستند و بعد از آن شهر ایکه را نیز بستند و کولکان را آنجا زخم زدند

Глава III. Походы Тимура против Золотой Орды в конце XIV в. и изменение этнополитической ситуации на Северном Кавказе

События конца XIV в. ознаменовались для народов юга Восточной Европы, Северного Кавказа и Средней Азии борьбой за расширение границ своих государств, которую вели хан Золотой Орды Тохтамыш и один из наиболее могущественных завоевателей позднего средневековья — среднеазиатский правитель Амир Тимур. Происходившие в то время войны приняли затяжной характер и отличались особой ожесточенностью, что в конечном итоге привело к коренному изменению ситуации в Золотой Орде и империи Тимура. Не остались безучастными в этом процессе и народы Кавказа, ибо известно, что Тимур для достижения своих политических целей неоднократно совершал походы вглубь предгорий и гор Северного Кавказа.

Необходимо отметить, что эта тема всегда вызывала большой интерес у специалистов по истории и этнографии Кавказа. В первую очередь, следует отметить, что данные события нашли должное освещение в работах дагестанских исследователей. В связи с этим необходимо выделить первый том “Истории Дагестана”, изданный в 1967 г. [История Дагестана, 1967, с. 207—209], статью В. Г. Алиева и Р. С. Шихсаидовой, посвященную маршруту похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан [Алиев, Шихсаидова, 1970], и книгу Г. Х. Ичалова “В глубь столетий. Народы Дагестана в борьбе за независимость в XIII—XV вв.” [Ичалов, 1988, с. 104—128]. О событиях конца XIV в. на Центральном Кавказе писали осетинские, кабардинские, карачаево-балкарские и грузинские исследователи. В частности, проблеме пребывания предков осетин — аланов на Северном Кавказе во времена Тимура и их переселению на юг, за Кавказский хребет в Двалетию отводилось немало внимания в первом томе коллективного исследования “История Северо-Осетинской АССР” [История СО АССР, 1959, с. 84—86], а также в работах З. Н. Ванеева [Ванеев, 1959, с. 180—183], Б. А. Калоева [Калоев, 1971, с. 33—34], В. А. Кузнецова [Кузнецов, 1962, с. 73; 1984, с. 273], Ю. С. Гаглойти [Гаглойти, 1966, с. 205—209] и В. Н. Гамрекели [Гамрекели, 1961, с. 18—40, 114—145]. Вопросы, посвященные этнической истории тюркоязычных предков карачаевцев и балкарцев, а также адыгоязычных предков кабардинцев — черкесов в XIII—XV вв., нашли освещение в работах И. М. Мизиева, Н. А. Шафиева [Мизиев, 1986, с. 75—77; Шафиев, 1968, с. 25—26, 38—40] и других авторов. Обстоятельный анализ боевых действий на Северном Кавказе дан А. Ю. Якубовским в тех разделах монографии “Золотая Орда и ее падение”, где речь идет о борьбе Тимура и Тохтамыша в конце XIV в. [Греков, Якубовский, 1950, с. 363—373]. Однако следует признать, что до сих пор не было обобщающего исследования, которое бы осветило вопросы, посвященные анализу этнополитической ситуации на Северном Кавказе накануне, во-время и после походов Тимура. Поэтому в данном исследовании попытаемся также затронуть и эти дискуссионные вопросы.

Говоря об истории народов Северного Кавказа конца XIV — начала XV вв., в первую очередь, необходимо акцентировать внимание на анализе письменных источников, где говорится о предпосылках походов Тимура на Северный Кавказ, ходе боевых действий между Тимуром и Тохтамышем в указанном регионе, а также о расселении народов в горах и предгорьях Северного Кавказа до и после прихода Тимура на их территории.

В связи с этим значительный интерес представляет “География” арабоязычного автора Абу-л-Фиды, написанная в первой половине XIV в., но до сих пор не переведенная на русский язык. По определению И. Ю. Крачковского, Абу-л-Фиды был “книжным географом” [Крачковский, 1957, с. 389], так как его главными источниками стали более ранние авторы: ал-Истахри, Ибн Хаукал, ал-Мухаллаби (X в.), ал-Идриси (XII в.), Йакут и Ибн Саид (XIII в.), а также устные информаторы — купцы и путешественники. Однако, несмотря на в общем-то компилятивный

характер “Таквим ал-булдан”, географическое сочинение Абу-л-Фида не лишено оригинальности — к сведениям своих предшественников Абу-л-Фида “прибавил... немало нового о немусульманских странах” [Крачковский, 1957, с. 389]. Поэтому его данные о Северном Кавказе представляют особый интерес.

Говоря об этнической ситуации на Северном Кавказе, Абу-л-Фида отмечает: «Ибн Саид сказал: на восток от Аркашии (Азкашийя) у моря [находится] город ал-Анджаз (ал-Абхаз). Он одна из гаваней [народа] ал-к-р-х (ал-курдж¹), они христиане. Его долгота — 68° 30', широта 46°.

Он сказал: в ал-Азизи² [говорится]: самый крупный город ал-Анджаз известен как Артнудж.

Ибн Саид сказал: на восток от ал-Анджаза у моря [находится] один аланский город. Это город, который населяют люди из числа ал-аллан. Они тюрки, принявшие христианство. Его долгота 69°, широта 46°. Ал-аллан многочисленный народ, [живущий] в той стороне и за Баб ал-Абваб. По-соседству с ними [проживает] народ из числа тюрков, который называют ал-ас и который того же происхождения и той же веры, [что и ал-аллан]. Крепость ал-аллан, которая [является] одной из крепостей мира, покрыта облаками. Она [расположена] на долготе 78° 24' и широте 45° 40'. Она [крепость] [находится] на вершине горы, которая [идет] в сторону Баб ал-Хадид. Говорят, что татары натерпелись от нее [крепости] бед и взяли ее лишь хитростью спустя некоторое время. То, что [расположено] на север от Стены, в которой проделаны сегодня проходы, [находится] во владении Берке султана татар из мусульман, а то, что к югу от нее, [принадлежит] сыну Х-лауна (Хулагу). К востоку от Алании в заливе моря в крайней оконечности моря Синуб [расположен] город Хазарийя. Он называется так в связи с хазарами, которых истребили русы, и это море [также] может называться морем Хазарии по названию города. Он [расположен] на долготе 71° и широте 45°30'. Он (город Хазарийя) [стоит] на реке, которая впадает в море с севера от него.

Самая большая река, которая впадает в озеро Тума, это большая и протяженная река Танабрис, на которой много поселений булгар и тюрков. На [берегах] этого озера много городов и крупных поселений. Большинство их жителей это булгары, большая часть которых — мусульмане, но среди них есть и христиане. Известная столица в этой местности это город Тума, в связи с которым называется озеро. Он [расположен] на долготе 69° и широте 58° 27'. От него на юг к морю Ниташ (Бунтус) находится [местность] “Поросшая самшитом”. Отсюда самшит доставляют во все концы мира. Он [самшит] быстро растет и дает отростки. К востоку от [местности] “Поросшей самшитом” у моря [находится] город Матарха³. При нем есть страна и правитель, отделенный сам по себе. Этот город [Матарха] [расположен] в северо-восточном углу моря на долготе 71° 42' и широте 51°. К востоку от Матархи [течет] река ал-Ганам, на которой [находится] страна ас-Сарир. Столица [страны] ас-Сарир находится на горе, которая примыкает к горе ал-А-л-с-н. Эта река [ал-Ганам] большая. Зимой она замерзает, и по ней переходят вьючные животные. Она впадает в Море хазар. На юг от нее [в Море хазар] впадает река Малый Итиль. Она идет со стороны Большого Итиля и пересекает на юге реку ал-Ганам так, что между ними остается остров, ширина которого около трех переходов. Армия Х-лауна (Хулагу) перешла эти две реки, [направляясь] на битву с армией Берке. Армия Берке разбила их [армию Хулагу], и они утонули на обратном пути в реке ал-Ганам. Затем те, кто уцелел, утонули во второй реке. Они переходили реку по льду, и он провалился под ними. Говорят, что панцири и кольчуги выносит из этих двух рек до сего дня. К востоку от города ас-Сарир [расположен] город Буртас столица этого племени из числа тюрков. Он [находится] на долготе 76° и на широте 50° 52'. Он [город Буртас] стоит на склоне большой горы К-рманийя, которая идет вокруг него с севера [на расстояние] около 38 дней в сторону реки Танабрис. С нее к озеру Тума спускается много рек. У буртасов есть много мест на реке Итиль, которая к востоку и к югу от них. К востоку от буртасов [расположен] большой залив моря Табаристана. К востоку от него есть озеро Мазга, окружность которого [составляет] около восьми дней [пути]. В него

впадает и из него вытекает река, которая впадает в реку Длинный Итиль. На горе Крманийа есть крепость Д-р-му. В ней правитель [народа] ал-г-р-ба (ал-г-зийа⁴) хранит свои сокровища, и из нее он переходит в страну буртасов и страны других народов. Она [стоит] на долготе 90° и на широте 50° 52'. К северу от этой местности течение большой реки Танабрис» [Aboulféda, 1840, p. 203—204; 1848, Т. II, p. 286—288].

Исходя из того, что в тексте Абу-л-Фиды был упомянут золотоордынский хан Берке (1257—1266 гг.), описанная ситуация могла относиться к событиям до его смерти в 1266 г. В то же время, весьма примечательно, что Абу-л-Фида постоянно ссылается на своих предшественников — ал-Мухаллаби и Ибн Саида. Поэтому особый интерес представляет сравнительный анализ текста Абу-л-Фиды и “Географии” Ибн Саида, который жил в 1214—1286 гг. Эту работу провела И. Г. Коновалова, сделавшая следующий вывод: «Сообщения Ибн Саида о народах Восточной Европы, в том числе и о буртасах, как известно, процитировал Абу-л-Фида... Сравнение цитаты о буртасах, имеющейся у Абу-л-Фиды, и соответствующего текста из “Географии” Ибн Саида, показало, что между ними имеются некоторые различия... Прежде всего, это относится к упоминанию Ибн Саидом правителя буртасов, имеющего свою крепость-резиденцию, в которой хранятся его сокровища» [Коновалова, 1990, с. 43—46].

Особый интерес также представляет географическая номенклатура, содержащаяся в рассматриваемом отрывке сочинения Абу-л-Фиды. Так, Каспийское море арабский географ один раз назвал “Черным”, а второй раз — “Хазарским”. Что же касается собственно Черного моря, то оно в сочинении Абу-л-Фиды названо, в соответствии с традициями предшественников, как *Найташ (Найтас)* или *Бунтус*, а Азовское море — “озеро Тума”. Под названием реки *Танабрис*, которая впадает в озеро *Тума*, следует видеть не Днепр или Дунай, а Дон. В местности “Поросшей самшитом” логичней видеть Восточный Крым, а в реке *ал-Г-н-м* — Терек. Основанием для последнего отождествления может служить информация Рашид ад-Дина, согласно которой 13 января 1263 г. на берегу Терека произошла битва между войсками Хулагу и золотоордынскими войсками, возглавляемыми самим ханом Берке. В результате, войска Хулагу потерпели сокрушительное поражение и разгромленные воины, отступая, проваливались сквозь тонкий лед на реке и погибали [Рашид ад-Дин, 1946, с. 60]. Примечательно, что В. В. Бартольд отождествлял реку *ал-Г-н-м*, упомянутую в тексте информатора Абу-л-Фиды — Ибн Саида, с Кумой [Бартольд, 1973, с. 109]. Что же касается реки “Малый Итиль”, расположенной южнее реки *ал-Г-н-м*, то в данном случае весьма сложно ее идентифицировать с какой-либо известной ныне рекой. Однако В. В. Бартольдом “Малый Итиль” в тексте Ибн Саида был отождествлен с Терекком [Бартольд, 1973, с. 109], с чем нельзя согласиться. В данном случае “Малый Итиль” можно связать с Курой, на которой в 1263—1264 гг. войска Берке разбили армию Хулагу [Греков, Якубовский, 1950, с. 76—77]. Это сражение подробно описал арабоязычный автор Ибн Василь [Тизенгаузен, 1884, с. 75].

До конца не ясно также, что подразумевал Абу-л-Фида под “Стеной”, на север от которой находились владения Золотой Орды. Либо в данном случае речь идет о Главном Кавказском хребте, либо о системе фортификационных укреплений, построенных ильханами Персии. Основание для данного предположения дают сведения Рашид ад-Дина, о том, что после смерти Хулагу новый ильхан Персии Абака решил обезопасить границы своего государства от неожиданных вторжений золотоордынских войск с севера и возвел укрепленные линии вдоль левобережья Куры. В результате на защиту рвов “назначили отряд монголов и мусульман, и с обеих сторон стали ходить туда и обратно караваны” [Рашид ад-Дин, 1946, с. 60]. По мнению В. Л. Егорова, эта оборонительная линия тянулась “в восточной части современного Азербайджана, пересекая р. Пирсагат”, от “берега Каспия до района современного города Кюрдамир” [Егоров, 1985, с. 197—198].

Кроме того, сведения Абу-л-Фиды о том, что аланы живут на восток от Баб ал-Абваб, позволяют считать, что в данном случае речь идет не о Дербентском проходе, а о Дарьяльском, который в сочинении Абу-л-Фиды был назван также как *Баб ал-*

Хадид — “Железные ворота”. Такие противоречия в тексте могут свидетельствовать о том, что Абу-л-Фида мог использовать как сочинения предшествовавших географов, так и сообщения своих современников. Отсюда понятно, почему в его тексте одни и те же географические объекты имеют различные названия.

Что же касается других сведений Абу-л-Фиды о Северном Кавказе, то следует отметить их определенную новизну и нетрадиционность. Прежде всего, это касается информации об аланах и асах, которых он назвал не только христианами, но и тюрками, что не отмечали его предшественники. Однако данный пассаж требует отдельного рассмотрения.

Особого внимания заслуживает также информация Абу-л-Фиды об области *Аркашийя—Азкашийя*. Необходимо отметить, что подобный топоним *Аскасийя*, служащий для обозначения горы и прибрежного города аланов на Кавказе, был отмечен в XII в. в географическом трактате ал-Идриси. В результате анализа близких по форме наименований, содержащихся в сочинениях античных и средневековых географов, И. Г. Коновалова пришла к несколько пессимистическому выводу: “Подводя итог рассмотрению топонимов Аскасийя, Лшкала и Астабрийя, отметим, что хотя начальный слог этих наименований *ас-* можно в принципе трактовать как отражение племенного названия алан, представляется все-таки маловероятным, чтобы приводимые ал-Идриси названия городов имели местное, северокавказское происхождение” [Коновалова, 1999, с. 88—90, 172, 176—178]. Естественно, нет сомнений в том, что Абу-л-Фида мог заимствовать сведения о городе и горе *Азкашийя* у своих предшественников. Однако не следует категорически отрицать связь данного топонима с Северным Кавказом именно потому, что топоним *Азкашийя* можно объяснить как “область или город азов (асов) и кашаков (касогов)”.

Таким образом, сведения Абу-л-Фиды позволяют полагать, что в конце XIII в., а может быть и в начале XIV в., аланы и асы проживали как на Северо-Западном, так и на Центральном Кавказе. Причем, живших на Центральном Кавказе аланов Абу-л-Фида охарактеризовал, прежде всего, как жителей гор, а не равнины. При этом у Абу-л-Фиды не указывается на то, что черкесы-касоги проживали на Предкавказской равнине. Следовательно, переселение адыгов-черкесов в степи Северного Кавказа могло произойти не во второй половине XIII в., а несколько позже.

К нарративным документам, в которых подробно описаны события эпохи Тимура и походы этого завоевателя относятся сочинения персоязычных авторов XIV—XV вв. Следует выделить те разделы работы продолжателя сочинения своего отца Хамдуллаха Казвини “Тарих-и-Гузиде” — Зейд-ад-дина, где повествуется о походе полководца Тимура Мираншаха в Дагестан в 1387 г. [Тизенгаузен, 1941, с. 94—98]. Об этой же военной кампании и о походах Тимура против Золотой Орды через Северный Кавказ в 1395—1396 гг. подробно сообщает автор “Книги побед” Низам-ад-дин Шами [Тизенгаузен, 1941, с. 104—105]. Вполне возможно, что сочинением этого историка пользовался и другой персоязычный автор Шереф-ад-дин Йезди. Подтверждение тому — сравнительный анализ текстов этих информаторов [Тизенгаузен, 1941, с. 179—186]. Однако сочинение Йезди изобилует множеством подробностей, которых нет у Шами, а это заставляет думать, что он использовал и другие источники информации. О походах Тимура в 1395—1396 гг., 1400 г. на Северный Кавказ отрывочно говорится также в некоторых грузинских летописях, перевод которых подготовлен М. Джанашвили [Джанашвили, 1897, с. 32—54]. Говоря об эпохе Тимура, конечно же нельзя оставить без внимания “Географию Грузии”, написанную Вахушти, который жил в XVIII в. и поэтому смог использовать данные недошедших до наших дней грузинских летописей. У Вахушти содержатся довольно интересные сведения об этнической ситуации, сложившейся на Северном Кавказе и близлежащих территориях после походов Тимура в конце XIV — начале XV вв. [Вахушти, 1904, с. 138, 153, 182—183, 237]. Кроме того, отрывочные сведения о расселении народов на Северном Кавказе после походов Тимура мы черпаем из работ таких европейских путешественников XVII—XVIII вв., как Н. Витсен, Э. Кемпфер и др. [Адыги, балкарцы и карачаевцы..., 1974, с. 91, 152, 188].

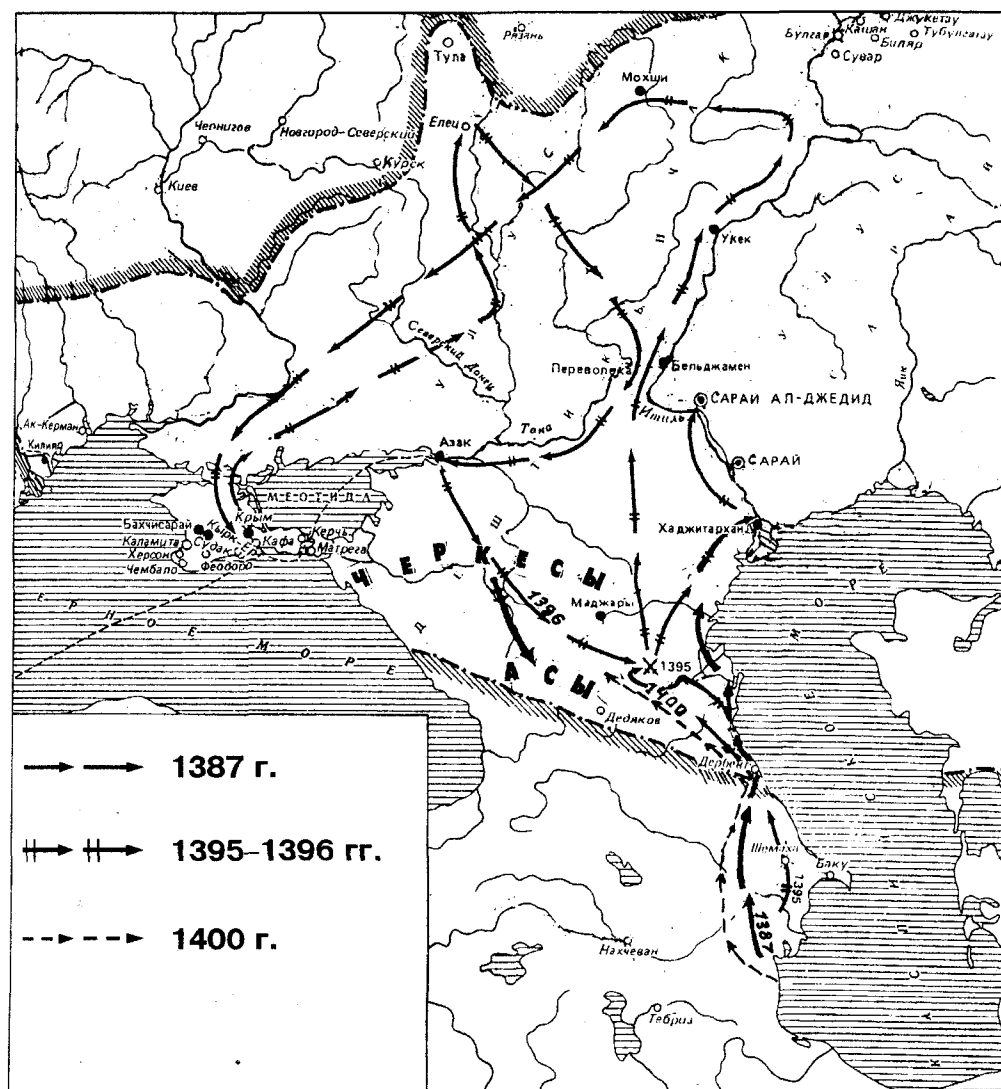

Рис. 5 Направление и время походов войск Тимура на Северный Кавказ и в Восточную Европу в конце XIV в.

Таким образом, имеет смысл рассматривать события, разыгравшиеся на Северном Кавказе на рубеже XIV—XV вв., в хронологической последовательности, с целью определить последствия военно-политической деятельности Тимура на Северном Кавказе, а также изменения в этнополитической ситуации данного региона.

Если верить Зейд-ад-дину, Низам-ад-дину Шами и грузинским летописям, то первое столкновение войск Тимура с силами Тохтамыша на Северном Кавказе состоялось в 1387 г. В это время Тимур, покорив области Северо-Восточного Ирана и Южного Азербайджана, решил направить усилия для утверждения своей власти на Кавказе. Тохтамыш также стремился расширить территорию Золотой Орды за счет кавказских владений. С этой целью он в 1386 г. выступил походом через Дагестан на Тебриз. По предположению Г. Х. Ичалова, путь похода Тохтамыша проходил вдоль Приморского Дагестана [Ичалов, 1988, с. 104]. О дальнейших событиях Низам-ад-дин Шами сообщает: «В это время сообщили, что царь Тохтамыш открыто проявив вражду, послал войско со стороны Дербента до реки Самур. Тимур приказал, чтобы Шейх-Али-бахадур, Ику-Тимур и Осман-и-Аббас с туманами войска перешли через

Куру и отправились против врага. Он сказал им: “Так как у нас с царем Тохтамышем есть договор и соглашение и мы соблюдаем этот договор, то если вы узнаете, что его войско, воздержитесь от боя и возвращайтесь обратно”. Вслед за ними он послал великого мирзу Мираншаха» [Тизенгаузен, 1941, с. 110]. Далее этот персоязычный автор пишет, что передовые отряды Тимура, повинувшись приказу своего повелителя, не стремились первыми завязывать бой и повернули обратно. Но золотоордынцы, приписав их отступление слабости, напали на них [Тизенгаузен, 1941, с. 110]. Далее Низам ад-Дин продолжает: “В это время подошел мирза Мираншах, одной атакой прогнал врагов, многих из них предал смерти и окружил их с краев и сторон” [Тизенгаузен, 1941, с. 110]. Зейд ад-Дин пишет об этой битве следующее: “Битва шла явно в пользу Мираншаха, поэтому Тохтамыш повернул назад и ушел к Дербенту” [Тизенгаузен, 1941, с. 97]. По мнению А. К. Бакиханова, Мираншах — сын Тимура, посланный отцом преследовать Тохтамыша, прошел за Дербент и, опустошив земли Приморского Дагестана (рис. 5), возвратился с богатой добычей [Бакиханов, 1926, с. 63]. Примечательно, что Тимур обошелся весьма гуманно с побежденными. Низам-ад-дин Шами сообщает: “... многих из них взяли живыми и послали к его величеству. Последний не причинил им вреда” [Тизенгаузен, 1941, с. 110].

Такая информация свидетельствует о том, что в 1387 г. Тимур не стремился к обострению отношений с Золотой Ордой. Вполне возможно, что об этих событиях содержится известие в одной из грузинских летописей: “В 1386 г. Тимур двинулся в Дагестан, где произвел опустошение и грабеж” [Джанашвили, 1897, с. 52]. Несмотря на это поражение, хан Тохтамыш впоследствии сумел укрепиться в Приморском Дагестане. В дальнейшем это позволило ему, продвигаясь через Дербент, опустошать подвластные Тимуру земли Ширвана и Южного Дагестана. По мнению Г. Х. Ичалова, это явилось одной из причин походов Тимура на Северный Кавказ в 1395—1396 гг. [Ичалов, 1988, с. 109].

Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди сообщают, что весной 1395 г. Тимур подошел к границам Дагестана и отсюда направил свои войска против хана Золотой Орды Тохтамыша. Подойдя к реке Самур, Тимур произвел осмотр своих войск и дальше пошел через Дербент [Тизенгаузен, 1941, с. 119, 173]. Исходя из данных Низам ад-Дина Шами, после этого Тимур дошел до Кайтага, жители которого были сторонниками Тохтамыша. Это явилось причиной их истребления. Персидский историк сообщает: “... он так напал на их стороны и края, что из множества не спаслись [даже] немногие из тысячи одни; все те области были разграблены” [Тизенгаузен, 1941, с. 119].

По сведениям Шами, Тимур из Кайтага, со своим войском двинулся по направлению к местности Тарка. Прибыв в Тарку Тимур узнал, что передовые силы Тохтамыша под руководством Казангия остановились на реке Хой. Выйдя из Тарков, Тимур дошел до этой реки, которую форсировал ночью. Это было большой неожиданностью для неприятеля, и Тимур “утром настиг Казангия и погнав его войско, омочил степь и равнину кровью их” [Тизенгаузен, 1941, с. 119]. После этого Тимур достиг реки Терек, где впоследствии ему пришлось встретиться с Тохтамышем. В то время Тохтамыш с главными силами поджидал Тимура у реки Куры. А Тимур направился сначала к Дзулату для пополнения провианта [Тизенгаузен, 1941, с. 119]. Потом он повернул обратно, навстречу Тохтамышу, и решающее сражение произошло у Нижнего Дзулата [Тизенгаузен, 1941, с. 110]. По мнению авторов первого тома “Истории Северо-Осетинской АССР”, эта битва происходила близ современной станции Котляревской на территории Осетии [История СО АССР, 1959, с. 85]. Низам ад-Дин Шами сообщает: “Мир наполнился криком и смятением, и вселенная стала полна тревогой. Сколько вражеское войско ни производило атак, оно не могло сдвинуть с места победоносное войско Тимура” [Тизенгаузен 1941, с. 120]. После этого сражения Тимур направился к реке Куре и стал лагерем. Далее Низам ад-Дин Шами отмечает: “Оставив там обоз и выделив отборное войско, он преследовал Тохтамыша до Волги... взял Сарай и разрушил

его. После этого он отправился в русские владения, дошел до г. Ельца, разрушил его, он не пошел дальше, а возвратился назад. На обратном пути он разграбил Азов, взял всю ту область и сжег дома” [Тизенгаузен, 1941, с. 121—122].

Осуществив рейд в Восточную Европу, в том числе и в Крым, Тимур решил идти на Кубань (рис. 5). Так начался новый поход на Северный Кавказ, но уже с северо-запада. Судя по хронологии текстов Шами и Йезди, дальнейшие события происходили в зимний период 1395—1396 гг. Из данных персидских хроник известно, что покинув Азов войско Тимура попало в земли черкесов — предков кабардинцев, которые все сожгли на их пути, дабы лишить лошадей противника корма. Однако завоеватели успешно преодолели степь, дошли до реки Кубань и “властною рукою ограбили весь улус черкесский, захватили большую добычу” [Тизенгаузен, 1941, с. 180—181].

В дальнейшем события переместились из Прикубанья на Центральный Кавказ (рис. 5), к горе “Эльбурз” (Эльбрус. — *О. Б.*). “В намерении покорить неверных, — сообщает Йезди, — зная мир завоевывающее, направилось на Бураберди и Буракана, который был правителем народа асов” [Тизенгаузен, 1941, с. 181]. В данном случае вспоминается территория современной Балкарии, жителей которой современные осетины называют асами, а саму страну — не иначе как Асия [Волкова, 1973, с. 94, 97, 107]. Описание местности также говорит в пользу этого: “На этом пути находились леса. Вырубив деревья и продолжив дорогу, [Тимур. — *О. Б.*] оставил эмира Хаджи-Сей ад-Дина при обозе, а сам с целью джихада взошел на гору Эльбурз”. В дальнейшем войско Тимура имело столкновения с местными жителями и “одержало победу, многих из тех неверных, предав мечу джихада, отправили в огонь геены, разорили их крепости” [Тизенгаузен, 1941, с. 181].

После этого Тимур отправился к труднодоступным крепостям Кулы и Тауса, которые “также принадлежали к племенам обитателей Эльбурза”. Одну из этих крепостей Тимуру удалось взять благодаря тактическому маневру: и сверху — с близлежащей скалы, и снизу его воины одновременно напали на защитников этого укрепления. В результате, по сообщению Йезди, “храбрецы победоносного войска овладели таким образом этой крепостью и умертвили множество людей из племени Иркувун, которые были в ней” [Тизенгаузен, 1941, с. 182]. В связи с этим у Шами говорится следующее: “Многие из области Иркувун были убиты, Кулу и Тауса взяли в плен” [Тизенгаузен 1941, с. 122]. Как уже отмечалось, Йезди пользовался текстом Шами, и в данном случае указание на то, что Иркувун — это название местности, а не племени, выглядит более правдоподобно. В подтверждение этого хочется привести мнение Ю. С. Гаглойти, который считает, что название *Иркувун* следует переводить с осетинского как “святилище иров” [Гаглойти, 1966, с. 206].

Преследуя Удурку — одного из эмиров Джучиева улуса, Тимур захватил крепость Пулада и подверг разорению область этого предводителя асов. Далее Тимур “прошел через гору Эльбурз и стал лагерем в местности Абаса (Аяса)” [Тизенгаузен 1941, с. 123, 182—183]. В. А. Кузнецов и Ю. С. Гаглойти склонны видеть в этом этнопониме видоизмененное название *Асия*. Основанием для этого послужило то, что вариант *Аяса*, встречающийся у Йезди в рукописи, датированной 1615 г., отсутствует у его информатора Низам-ад-Дина Шами, который ясно говорит “о местности Абаса” [Кузнецов, 1962, с. 123; Гаглойти, 1966, с. 208]. Эта территория была также подвержена Тимуром разорению.

После опустошения Центрального Кавказа Тимур покорил жителей Симеима и “сделал набег на подножие горы Аухар, и воинам досталась большая добыча” [Тизенгаузен, 1941, с. 123, 183]. В этом названии угадывается топоним *Авария*. В связи с этим Г. Х. Ичалов считает, что Тимур совершал опустошительные набеги в предгорные районы Аварии, расположенные у подножия Салаватского хребта. По его мнению, отдельные отряды завоевателей могли также проникать и в высокогорные районы, где жили аварцы [Ичалов, 1988, с. 110]. Йезди и Шами сообщают: “... жители этой местности, пришедшие уже перед тем и заявившие свою покорность, получили пожалованье [суюргал] и, удостоившись милостивого взора,

освободились от страха и ужаса. Было издано неуклонное повеление, чтобы воины совершенно не трогали и не причиняли им ни малого, ни большого вреда” [Тизенгаузен, 1941, с. 123, 183].

Из сообщений этих же историков известно также, что войска Тимура напали на область Чутур-казак, “предав всех заблудших живших в этих великих горах сожигающему зло мечу” [Тизенгаузен, 1941, с. 183—184]. Весьма проблематично определить, какой народ имелся ввиду в данном случае. Возможно, что речь шла о племенах вейнахов, предков чеченцев и ингушей. Дальнейшее упоминание местностей Бугаз-кум, Мамукту и Бази-кумук [Тизенгаузен, 1941, с. 123, 183—184] позволяет говорить об обитавших на севере Дагестана кумыках, владения которых должны были находиться недалеко от Каспийского моря. Упоминание о живших поблизости людях “балыкчиям” (ловцов рыбы) позволяет также придерживаться этого мнения. Тимур покорил их также оружием и посредством тактической хитрости [Тизенгаузен, 1941, с. 123, 184].

Тимур выбрал предгорья Северного Дагестана местом своего зимовья в начале 1396 г. И это не случайно, ибо оттуда можно было совершать набеги на Золотую Орду в целях пополнения запасов продовольствия. Во время одного из таких рейдов были разрушены и ограблены золотоордынские города Хаджи-тархан и Сарай. “Царственное милосердие, — сообщает Йезди, — пожаловало воинам добычу Хаджи-тархана и Сарая, хлеб, деньги и прочие виды добычи, которую привезли и тавачии распределили это между ними; некоторые пешие сделались конными” [Тизенгаузен, 1941, с. 185].

Вследствие военных действий 1395 — начала 1396 гг. со стороны Тимура, по словам Йезди, “все области Дешт-и-Хазара, правое и левое крыло улуса Джучиева и прочие северные страны были покорены”. В итоге войска Тимура совершили также набеги на земли “Укека, Маджара, русских, черкесов, башкирдов, Микес, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и аланов со всем к ним принадлежащим и относящимся” [Тизенгаузен, 1941, с. 185]. Интересно, что из северокавказских народов здесь названы только черкесы и аланы. Ввиду того, что асы в данном фрагменте текста не фигурируют, имеются основания предполагать, что они здесь заменены термином *алань*.

Перезимовав на севере Дагестана, Тимур решил направиться “в сторону Дербенда и Азербайджана”. В итоге пришлось окружить стоявшую на пути крепость Ушкудже и заняться грабежом окрестных земель [Тизенгаузен, 1941, с. 185]. По мнению Г. Х. Ичалова, остатками летописного города Ушкудже является современное селение Акуша в Даргинии [Ичалов, 1988, с. 122]. Однако ситуация для Тимура осложнилась тем, — сообщает Йезди, — что “Шаукал Казикумухский и Аухарский с 3000 человек шел на подмогу жителям Ушкудже, несмотря на то, что у них прежде было обыкновенно вести газават против неверных этой местности” [Тизенгаузен, 1941, с. 183]. Известие о том, что аварцы и кумыки были мусульманами находим и у Шами: “У области Гази Кумуклук и войска Аухара был обычай, что они [каждый — О. Б.] год и месяц сражались с неверными” [Тизенгаузен, 1941, с. 124]. Тимур сумел умело использовать этот фактор. Разбив дагестанских мусульман, завоеватель заставил их покаяться в содеянном. Он обратился к ним с тем расчетом, чтобы уменьшить число сопротивлявшихся: “Возвращайтесь и скажите своим вельможам и эмирам, что если они, подобно вам, признают свою вину, придут к нам и расскаются в своих злодеяниях, то мы их обласкаем и утвердим за ними область” [Тизенгаузен, 1941, с. 124]. Расчет Тимура оправдался: защитники Ушкудже, лишившись поддержки извне, проиграли сражение.

Создается впечатление, что война Тимура с жителями Северного Кавказа имела религиозный характер. Однако, если северокавказские мусульмане оказывали ему сопротивление, то он силой и хитростью подавлял их выступления. Иным было отношение Тимура к христианам и язычникам Северного Кавказа: “... он разорил и уничтожил все церкви и капища их” [Тизенгаузен, 1941, с. 183]. Распространению ислама на Северном Кавказе Тимур придавал огромное значение, так как именно

религия, по замыслу Тимура, должна была укрепить его позиции в регионе. Поэтому завоеватель, где огнем и мечом, а где и посредством слова стремился утвердить мусульманство.

Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди перечисляют и другие населенные пункты, взятые Тимуром после разрушения Ушкудже: Нергес, Маки, Балу, Деркелу [Тизенгаузен, 1941, с. 129, 187]. Г. Х. Ичалов считает, что на настоящий момент весьма проблематично соотнести эти средневековые поселения с современными селениями Дагестана. Однако он уверен в том, что эти населенные пункты находились во внутреннем Дагестане [Ичалов, 1988, с. 125]. По мнению этого же исследователя, Тимур мог возвращаться из Ушкудже в Тарки через современные Акушинский, Сергокалинский и Ленинский районы с тем, чтобы покорив население этих мест, выйти в Приморский Дагестан, где предстояло соединиться с основными силами. В качестве доказательства этого Г. Х. Ичалов приводит предания о борьбе жителей этих мест с войсками Тимура [Ичалов, 1988, с. 126].

Впоследствии Тимур снова прошелся по областям Зирихгеран, Килаи и Кайтаг и дошел до Дербента (рис. 5). Согласно сообщениям Шами и Йезди, границей своей империи на Кавказе Тимур сделал Дербент и близлежащие земли [Тизенгаузен, 1941, с. 124, 187]. Таким образом завершилась военная кампания Тимура на Северном Кавказе в 1395—1396 гг.

В грузинских летописях содержатся также сведения о последнем походе Тимура на Северный Кавказ, которые не подтверждаются данными других источников: “В 1400 г. Тамерлан двинулся в Мтиулетию, опустошил Арагвское ущелье и вступил в Дарьяльские теснины, где войска его понесли большой урон от летучих отрядов горцев. Тамерлан вынужден был вернуться в Барду, откуда он выслал свои отряды для покорения Овсетии [Алании. — *О. Б.*]. Тамерланово войско, прошедши через врата Дербентские и пройдя земли леков [лезгин. — *О. Б.*], вступило в Овсетию, опустошило сию страну, полонило население и вернулось обратно к повелителю своему. Покорение Овсетии Тамерлан предпринял только потому, что царь Грузии подкреплял себя войсками из страны Овсов” [Джанашвили, 1897, с. 54].

Таким образом, войска Тимура четырежды вторгались на Северный Кавказ. Первый раз — в 1387 г. с юга, в результате чего были разорены земли Дагестана. Во время второго похода, который начался весной 1395 г., Тимур, выйдя с территории Азербайджана, опустошил земли Дагестана и Осетии. Вернувшись из походов против Золотой Орды и Руси, Тимур со стороны Дона вторгся на территорию Северо-Западного и Центрального Кавказа и впоследствии вновь разорил Дагестан. Эти события имели место зимой-весной 1395—1396 гг. Во время четвертого похода в 1400 г. Тимур вновь продвинулся с юга через Дербентский проход и опустошил земли Дагестана и Алании—Овсетии (рис. 5).

Весьма примечательно, что отголоски о походах Тимура сохранились в записках некоторых европейских авторов XVII—XVIII вв. Так, Н. Витсен, ссылаясь на труд Альхасена, описавшего жизнь Тимура (Тамерлана), сообщает: “... когда Тамерлан отправился против Баязида, чтобы защитить Константинополь и помочь христианскому царству, он прошел через землю черкесов и грузин, которые отдались под его власть” [Адыги, балкарцы и карачаевцы..., 1974, с. 91].

Говоря о последствиях нашествий монголо-татар и Тимура на Северный Кавказ, нельзя обойти вниманием сообщение Вахушти, который в XVIII в. писал об этом следующее: “во время походов Чингизовых ханов, особенно же Батыя и Орхана, разорились и опустошились города и строения их и царство овсов превратилось в мтаварство-княжество и овсы стали убегать внутрь Кавказа, а большая часть их страны превратилась в пустыню, какова и ныне Черкесия. И кроме того, после прибытия Тамерлана и взятия Константинополя [турками — *О. Б.*] стали теснить овсов — с той стороны крымские ханы, а с этой [со стороны Грузии — *О. Б.*] татарские кочевники -магометане, и они [овсы — *О. Б.*] вступили в Кавказ и покорили племена кавказцев, кои суть двальцы и с тех пор Овсетия стала называться Черкесией или Кабарда, и потому-то она извратилась и раздробилась на множество мтаварств.

Также во время распада Грузии на три царства Хеви и Двалети достались царям Карталинии и местности эти и доныне платят дань царям [Карталинии — *О. Б.*] и мтаварам их" [Вахушти, 1904, с. 153].

Такие противоречивые сведения вызвали в среде исследователей дискуссию относительно того, когда предки осетин — аланы покинули предгорья Северного Кавказа и поселились в горах, а их место заняли предки кабардинцев — черкесы.

По мнению В. Б. Пфафа [Пфаф, 1871, с. 79], авторов первого тома "Истории Северо-Осетинской АССР" [История СО АССР, 1959, с. 84], З. Н. Ванеева [Ванеев, 1959, с. 180—182], Б. А. Калоева [Калоев, 1971, с. 30—31], М. К. Джioева [Джioев, 1982, с. 19—21] и других исследователей, это могло произойти только после походов Тимура. В подтверждение этому они приводят информацию жившего в XV в. Иосафата Барбаро, который писал о современных ему причерноморских аланах-асах следующее: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются "Ас". Они христиане и были изгнаны и разорены татарами» [Барбаро, 1971, с. 138]. Под татарами упомянутые историки склонны видеть, прежде всего, войска Тимура. Весьма примечательно, что И. Барбаро не указывает, откуда были изгнаны аланы-асы — с гор или предгорий. Однако такие исследователи, как Н. А. Шафиев и В. А. Кузнецов по этому поводу придерживаются другой точки зрения. Они считают, что переселение аланов с плоскости в горы Северного Кавказа произошло непосредственно после вторжения монголо-татар в XIII в. Для обоснования этого тезиса исследователи использовали не только данные нарративных документов, но и топонимические и археологические источники. В частности, Н. А. Шафиев склонен связывать с пребыванием предков кабардинцев — черкесов многочисленные курганы и бескурганные могильники XIV—XVI вв., ареал распространения которых — это территории от Черного моря до с. Ачхой Мартиновского р-на бывшей Чечено-Ингушетии [Шафиев, 1968, с. 25, 38—40].

Как уже отмечалось, В. А. Кузнецов фиксирует исчезновение населения Алании из предгорий Северного Кавказа где-то в середине XIII в., т. е. непосредственно после вторжения монголо-татар. Именно в это время, по наблюдениям исследователя, аланов-асов начинают фиксировать письменные источники на Дальнем Востоке — в Китае и на Западе — в степях Северного Причерноморья. Исходя из этого В. А. Кузнецов склонен полагать, что задолго до прихода войск Тимура на Северный Кавказ аланы покинули предгорья и переселились в высокогорные районы, а также мигрировали за пределы северокавказского региона вследствие нападения монголо-татар [Кузнецов, 1971, с. 45]. Исследователь считает, что с остатками аланов-асов Тимур столкнулся не на равнинах, а в глубине горных ущелий [Кузнецов, 1984, с. 273].

Версия В. А. Кузнецова выглядит довольно-таки обоснованной. Достаточно также вспомнить, что археологически этот исследователь фиксирует сохранение прежнего населения Алании именно в той части гор, на которую обрушился Тимур после завершения захватнического рейда на Золотую Орду, Русь, Крым и Дон. Речь идет о верховьях Кубани. Именно там В. А. Кузнецовым было исследовано Нижне-Архызское городище, которое, по мнению исследователя, продолжало действовать как религиозный центр аланской епархии вплоть до конца XIV в. В. А. Кузнецов считает, что Нижне-Архызское городище могло прекратить свое существование в результате нашествия Тамерлана (Тимура) [Кузнецов, 1971, с. 189—191].

Характерно, что Низам ад-Дин Шами и Шериф ад-Дин Йезди, описывая боевые действия Тимура против аланов-асов, прежде всего имели в виду высокогорные районы, а не Предкавказскую низменность. Маловероятной выглядит сама идея соотнесения сведений И. Барбаро о переселении аланов-асов на запад с походами Тимура. Анализ текстов персидских историков позволяет предполагать, что в 1395—1396 гг. основной удар на Северный Кавказ Тимур направил с северо-запада. А это указывает на то, что бегство аланов-асов должно было осуществляться в обратном направлении — на юг, а не на территорию, занятую неприятелем.

В связи с этим весьма проблематично ответить также на вопрос: когда предки осетин-туальцев переселились с Северного Кавказа на территорию нынешней Южной Осетии — до походов Тимура или после? Как уже отмечалось, Б. А. Калоев [Калоев, 1971, с. 34], В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1971, с. 41] и некоторые другие исследователи считают, что предки южных осетин начали переселяться с севера на южные склоны Кавказского хребта на земли Двалетии непосредственно после погромов, учиненных монголами на Северном Кавказе в 1238—1239 гг. В качестве доказательства исследователи приводят данные грузинских летописей о появлении овсов (аланов — *О. Ы.*) на территории Грузии во второй половине XIII в. [Джанашвили, 1897, с. 45]. Однако В. Н. Гамрекели и другие грузинские историки считают, что эти миграции аланов-овсов на территорию Грузии не следует связывать с этногенезом осетин-туальцев, так как отмеченные переселения не осуществлялись на территорию исторической Двалетии — нынешней Южной Осетии. Этногенез южных осетин грузинские исследователи представляют как результат взаимодействия вейнахоязычных двалов и ираноязычных аланов-овсов. Последний элемент в данном процессе оказался доминирующим. Опираясь на данные грузинских летописей и Вахушти, они отнесли появление осетин на территории нынешней Южной Осетии лишь к началу XV в. [Гамрекели, 1961, с. 15—40, 114—145; Бердзенишвили, Дондуа, Думбадзе, Меликишвили и др., 1962, с. 257—259]. Таким образом, если следовать мнению грузинских исследователей, то можно предположить, что компактно заселить земли двалов, т. е. Южную Осетию, ираноязычные аланы-овсы могли лишь после походов Тимура на Северный Кавказ в 1395—1396 и 1400 гг. Несмотря на то, что конце XIII в., в соответствии данным грузинских летописей, овсы появились на территории Грузинского царства [Джанишвили, 1897, с. 44], мы должны считаться с тем, что в письменных источниках ничего не сказано о заселении овсами именно земель Двалетии.

Ни у кого из исследователей нет сомнения на тот счет, что осетины-иронцы и туальцы, в отличие от дигорцев, в культурном и языковом отношении представляют собой единый этнический массив. Как уже отмечалось, Шами сообщал, что во время своего похода в 1395—1396 гг. Тимур подверг нападению жителей “области Иркувун” [Тизенгаузен, 1941, с. 22], название которой, по мнению Ю. С. Гаглойти, следует объяснять, исходя из данных осетинского языка, как “святилище иров, т. е. иронцев” [Гаглойти, 1966, с. 206]. Все это заставляет думать, что после разгрома, учиненного Тимуром на Северном Кавказе, часть ираноязычных аланов — соседей иров могла продвинуться на юг — за Кавказский хребет на территорию Двалетии.

Таким образом, этнополитическая ситуация в центральной части Северного Кавказа накануне походов Тимура представляется таким образом. В западной и центральной частях Предкавказской равнины должны были находиться владения предков кабардинцев — черкесов. В горах нынешней Северной Осетии в то время должен был сохраняться значительный массив ираноязычного населения. Нашествие Тимура не привело к тотальному уничтожению черкесов и потере ими своих территорий на равнинах и предгорьях Северного Кавказа. В значительной степени должны были пострадать жившие в горах иры и их соседи-аланы — предки восточных осетин. Возможно, что в результате походов Тимура на северные склоны Кавказского хребта часть ираноязычных аланов из области иров могла продвинуться на юг на территорию нынешней Южной Осетии, способствуя формированию субэтнуса осетин-туальцев.

Весьма спорным вопросом является и проблема взаимоотношений ираноязычного населения и тюрок на территории современных Карачая и Балкарии накануне и после походов Тимура. Причина этого — противоречивые сведения письменных источников об этническом составе населения Центрального Кавказа накануне и во время походов Тимура в северокавказский регион. Доказательством этого может служить сообщение арабского географа XIV в. Абу-л-Фиды, где говорится, что на восток от абхазов живут аланы и асы, которые являются тюрками и исповедуют христианскую религию [Aboulféda, 1840, p. 203; 1848, Т. II, p. 287—288]. Однако

весьма традиционным является мнение, согласно которому во времена средневековья аланы и асы являлись близкородственными ираноязычными этническими группами. Низам ад-Дин Шами и Шереф ад-Дин Йезди в Приэльбрусье, т. е. на территории современной Балкарии и западной части Северной Осетии, упоминают асов и один раз аланов, но не указывают на их этническую принадлежность.

Поэтому возникает естественный вопрос: если тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев во времена позднего средневековья назывались аланами и асами, то как же тогда именовали ираноязычных предков осетин? Если же считать аланов и асов предками осетин — иронцев и дигорцев, то тогда не ясно, как назывались этнические предки карачаевцев и балкарцев.

В связи с этим возникает предположение, что тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев могли какое-то время быть сокрыты, как и многие народы Северного Кавказа, под термином *черкесы*. В качестве подтверждения этого можно привести замечание европейского автора XVII—XVIII вв. Э. Кемпфера: “К черкесам причисляются также аланы или жители Кавказа, а равным образом и сваны и карачеркесы. Эти последние относятся к северным черкесам, называемым турками карачеркесами, т. е. черными черкесами” [Адыги, балкарцы и карачаевцы..., 1974, с. 188] Вполне возможно, что “карачеркесами” или просто “черкесами” могли быть названы карачаевцы и балкарцы.

Однако данная информация относится к тому времени, когда завершался процесс формирования карачаевского, балкарского и осетинского этносов. Этническая же ситуация на Центральном Кавказе в XIV в. до сих пор остается неясной. Возможно, Тимур на территории современных Карачая и Балкарии (Асии) застал полиэтническое население, состоящее из тюрок и иранцев. Так ли это?

В этой связи очень важно определить, когда на Северном Кавказе и на других территориях начали функционировать этнонимы *алан* и *ас*, и насколько они получили широкое распространение после событий XIII—XIV вв.

---

¹ Ал-курдж – грузины.

² Ал-Азизи – вариант названия сочинения ал-Мухаллаби Китаб ал-масалик ва-л-мамалик (“Книга путей и стран”), написанного для фатимидского халифа ал-Азиза (975—996 гг.) [Крачковский, 1957, с. 234].

³ Тмутаракань.

⁴ Ал-г-зийа – гузы.

Глава IV. Термины *алан* и *ас* в этнической номенклатуре народов Евразии и вопросы этногенеза населения Центрального Кавказа

В современной этнонимии народов Кавказа существует довольно парадоксальная ситуация. Речь идет о распространении этнонимов *алан* и *ас*. Как известно, их традиционно связывают с аланами — этническими предками осетин, в ираноязычности которых не приходится сомневаться. И тем не менее ныне наименование *ас* не используется для обозначения ни одной из групп современного осетинского этноса.

“Асами”, как это ни парадоксально, осетины-дигорцы называют своих западных соседей — балкарцев. На языке осетин-дигорцев название балкарцев звучит как *асиаг* или *асон*. Балкарию же дигорцы именуют не иначе, как *Аси* (Асия). Осетины-иронцы именуют балкарцев *балхъайраг* [Волкова, 1973, с. 94, 97, 107]. Кроме того, известно, что близкородственных балкарцев и карачаевцев мегрелы называют “аланами”. Для обозначения балкарцев и карачаевцев ближайшие их соседи пользуются такими наименованиями: сваны — *савиар*, грузины — *басиани* [Волкова, 1973, с. 94].

Кроме того, у карачаевцев и балкарцев сохранилась форма обращения “Алан” [Джуртубаев, 1989, с. 57; Калоев, 1999, с. 82—83; Малкондуев, 2001, с. 110]. Как заметил Х. Х. Малкондуев, “так могут обратиться и к человеку иной национальности, если разговор ведется на карачаево-балкарском языке и если сам собеседник владеет этим языком” [Малкондуев, 2001, с. 110]. Однако все исследователи отмечают, что в настоящий момент термин *Алан* не является самоназванием карачаевцев и балкарцев так же, как и осетин.

В настоящее время в качестве общего самоназвания среди карачаевцев и балкарцев употребляется термин *таули*, что означает “горцы” [Малкондуев, 2001, с. 110—136]. Помимо *таули*, карачаево-балкарцы используют в качестве автоэтнонимов и другие этнические термины, которые выступают как самоназвания отдельных групп этих близкородственных этнических групп. К ним следует отнести: *къарачайлыла*, *малкъарлыла*, *бызынгылыла*, *холаллыла*, *чегемлыла*, *урусналыла*. По мнению Н. Г. Волковой, в основе большинства этих терминов лежат топонимы — кавказские названия ущелий рек Малка, Бизинги, Холал, Чегем [Волкова, 1973, с. 87]. Распространенное же в литературе обозначение для западных соседей осетин-дигорцев — *балкар* происходит от кабардинского термина *бэлкър*, что явно указывает на его генетическую связь с тюркским термином *малкъарлыла*, т. е. “жители ущелья Малка”. Термин же *карачай* бесспорно тюркского происхождения [Волкова, 1973, с. 87, 97].

Современные же осетины, как известно, делятся на две этноязыковые группы, представители которых называют себя *ирон* и *дигорон*. С иронцами в языковом и культурном отношении представляют одно целое туалыцы (двалы), которые живут в Южной Осетии. Все осетины (как иронцы, так дигорцы и туалыцы) осознают общность своего происхождения, хотя для общего самоназвания у них нет единого термина. В разговоре же осетины называют себя тем именем, под которым они известны среди представителей других народов [Волкова, 1973, с. 100—121; Калоев, 1971, с. 31; Абаев, 1949, с. 79; Абаев, 1965, с. 380, 546]. При этом современные осетины, как и карачаево-балкарцы, также не используют для самоназвания термин *ас*. Что же касается использования осетинами этнического термина *алан*, то в форме *allon* он сохранился только в осетинских сказках. По словам В. И. Абаева, «термин *allon* представляет безупречное с фонетической стороны осетинское оформление древнеиранского *āryana* — “арийский”» [Абаев, 1958, с. 47].

В этой связи особого внимания заслуживает информация о распространении на Кавказе этнонимов *балкар*, *карачай*, *ирон*, *дигор*, а также *алан* и *ас*. Известно, что

только с первой половины XVII в. **балкар** как этноним начинает упоминаться в русских документах [Кабардино-русские отношения, 1957, с. 120, 125]. Название же **карачай** впервые фигурирует в русском документе, датированным 1743 г. В нем говорится, что карачаевцы живут на Кубанских вершинах и имеют “татарский язык” [Материалы по истории Осетии, 1934, с. 31].

Имена же дигорцев и асов впервые упоминаются в VII в. в “Армянской географии” в виде термина **дигор** и составного этнонима **аштигор** [Патканов, 1887, с. 39]. Это, пожалуй, единственное упоминание о дигорцах в домонгольский период. И начиная только с XVIII в. в письменных источниках снова фигурирует этноним **дигор** [Материалы по истории Осетии, 1934, с. 32; Кабардино-русские отношения, 1957, с. 134]. Последняя же информация об асах на Кавказе содержится в тех текстах персидских историков, где речь идет о походе Тимура на Кавказ в конце XIV в. [Тизенгаузен, 1941, с. 122, 181].

С этими же событиями следует связывать упоминание иронцев на Кавказе. Как уже упоминалось, в 1395 г. Тимур совершил поход на гору “Эльбурз” (Эльбрус. — О. Б.), в страну “асов”, где и повстречал “племя Иркувун” [Тизенгаузен, 1941, с. 132]. Кроме того, А. В. Гадло считал, что со страной иронцев была связана область **Ихран/Ирхан**, упоминаемая в хронике “Дербенд-наме”. По мнению исследователя, во времена раннего средневековья страна Ихран занимала восточную часть Алании “и ближайшие к ней предгорья Дагестана и современных Чечни и Ингушетии” [Гадло, 1994, с. 20]. С конца XIV в., вплоть до конца XVIII в. имя иронцев не фигурирует в письменных источниках. Паллас воскресил в своих записях этот старинный этноним. У него сказано, что “осетины называют себя ир, или ироны, а свою страну Иронистан” [Калоев, 19676, с. 89].

Сведения же об аланах наиболее древние. Первое достоверное известие об их пребывании на Кавказе относится к III в. н. э. и содержится в надписи Картира на “Каабе Зороастра”, в котором при описании границ Ираншахра, доходивших на севере до Кавказского хребта и Аланских ворот, названы аланы [Луконин, 1969, с. 9, 13]. С тех пор имя аланов в письменных источниках фигурирует на протяжении длительного времени. Наиболее поздние упоминания об аланах, как о реально существовавшей на Кавказе этнической группе, относятся к рубежу XVIII—XIX вв. Одним из последних в 1797 г. писал об аланах Я. Рейнегс, который сообщал, что к северо-востоку от лазов, в долинах главного хребта находятся “жилища немногочисленного бедного народа, называемого аланами; татары называют его **етей** или **едеки-алани**” [Калоев, 19676, с. 103]. В начале же XIX в. “аланетами” уже называли часть абазин (басхег), которые занимали горные долины южных склонов Кавказского хребта. Об этом поведал А. Коленати [Kolenati, 1859, s. 26].

Как уже отмечалось, впервые в VII в. в “Армянской географии” упоминаются этнонимы **аштигор** и **дигор** [Патканов, 1887, с. 39]. Можно полностью согласиться с мнением В. Минорского, что термин **аштигор** является армянской передачей этнического названия **ас-дигор** [Minorsky, 1937, p. 445]. Хорошо видно, что термин **ас-дигор** составной. Поэтому неубедительно утверждение Ю. С. Гаглойти, что “этноним **аштигор (ас-дигор)** покрывал собой исключительно осетин-дигорцев, а частица **ас** является лишь эквивалентом имени **аланы**” [Гаглойти, 1966, с. 162]. Наиболее приемлемо по этому поводу мнение же В. Ф. Миллера и З. Н. Ванеева, так как они считают, что асы, название которых зафиксировано в первой части слова **аштигор (асдигор)**, жили к западу от дигорцев, в нынешней Балкарии (Асии) и вместе с дигорцами составляли одно племенное объединение [Миллер, 1887, с. 107; Ванеев, 1959, с. 12]. Поэтому есть основания видеть в асах и дигорцах изначально два различных народа, проживавших на соседних территориях.

Имя дигорцев сохранилось до наших дней в виде самоназвания одного из этнических подразделений осетин. В этой связи вспоминается следующее замечание В. И. Абаева “Племенные названия **digor, iron, tual** не объясняются из иранского, а восходят к этническим самоназваниям доосетинского населения, удержавшимся и

после иранизации” [Абаев, 1958, с. 380, 546]. Относительно кавказского происхождения самоназвания *ir, iron* можно поспорить с В. И. Абаевым, ибо подобные этнонимы имеют широкое распространение за пределами Кавказа, в местах повсеместного расселения индоевропейцев [Миллер, 1882, с. 55; Агеева, 1990, с. 196]. Этнические же названия *digor* и *tual*, несомненно, являются исконно местными, ибо нигде за пределами Кавказа более не встречаются. Следовательно, имеются основания видеть в дигорцах изначально местный кавказский этнос.

С VII по XVIII вв. название дигорцев не фигурирует в письменных источниках, и это свидетельствует лишь в пользу того, что дигорцы долгое время находились в политической зависимости от аланов-асов и были сокрыты в письменных источниках под покровом их этнического наименования. Поэтому есть основания предполагать, что этническое развитие дигорцев долгое время находилось в непосредственной связи с историей асов, в ираноязычности которых большинство исследователей не сомневается.

Название асов в письменных источниках отсутствует вплоть до XII в., а возможно, и до XIII в. Однако в текстах X в. впервые начинает фигурировать название страны *Асия*, что, несомненно, говорит в пользу перехода этнического наименования в территориальное. Асия первоначально упоминается в письме неизвестного хазарского еврея и у Константина Багрянородного в его “Церemonиях византийского двора” [Коковцов, 1932, с. 117; Constantinus, 1829, s. 680]. А. В. Гадло, учитывая данные “Кембриджского документа” о войнах хазар в начале X в., а также гипотезу М. И. Артамонова об отождествлении области донских аланов-асов с областью *Асия*, предположил следующее: “разгромленные хазарами и аланами в 913 г. асы были переселены в верховья Кубани, откуда их предки были в VIII в. выведены хазарами для расселения вдоль своих западных границ” [Гадло, 1994, с. 22]. В свою очередь Г. Е. Афанасьев и З. Х.-М. Албегова на основе факта исчезновения катакомб в Кисловодской котловине в начале VIII в. и появления их здесь во второй половине X в. сделали вывод о первоначальном переселении местных аланов-асов в Среднее Подонье и последующем их возвращении обратно после разгрома Хазарского каганата [Афанасьев, Рунич, 2001, с. 236—239; Албегова, 2002, с. 11—14]. С этим можно связать тот факт, что с середины X в. в западной части Центрального Предкавказья усилилась группировка аланов-асов.

Что же касается распространения этнонимов *алан* и *ас* в эпоху средневековья, то среди тюркоязычных народов этнический термин *алан* не получил распространение, зато был хорошо известен этноним *ас* [Радлов, 1893а, стб. 359, 535; Немет, 1960, с. 4]. Исключение составляют туркмены, в состав которых входило родовое подразделение *Аса (Ас)* [Васильева, 1977, с. 98], а также родовое подразделение *Олам* и племя *Улам*, которые “раньше назывались алан” [Карпов, Арбеков, 1930, с. 28]. Данный факт можно объяснить тем, что территория Средней Азии являлась прародиной двух близкородственных этнических групп — аланов и асов, которые впоследствии были ассимилированы тюркоязычными предками туркмен. Вполне возможно, что первой этнической группой, с которой могли познакомиться тюркоязычные пришельцы в Средней Азии, являлись асы. Впоследствии это могло способствовать перенесению тюрками данного наименования также на близкородственных асам аланов.

По-видимому, уже раньше XII в. этноним *ас* в форме *яс* начинает фигурировать на Руси. По мнению Ю. Немета, в славянские языки термин *ас* проник из тюркских языков и принял форму *яс* [Немет, 1960, с. 4]. И. Г. Добродомов считал: «в этнониме “ас” “а” был под ударением (и поэтому долгий), он отразился на славянской почве как “а”, перед которым закономерно ставился протетический “й”. Из этого следовало, что этноним “ас” произносился как “яс”, “ясин”» [Добродомов, 1988, с. 88]. По мнению же О. Прицака, термин *яс* своим происхождением связан с этнонимом *ас* и попал в древнерусский язык из гунно-булгарского языка, где «древнее начальное “а-” переходит в “йа-”» [Прицак, 1997, с. 4—5]. Если исходить из того,

что восточноевропейские аланы находились в постоянных контактах как с тюркоязычными этносами, так и с восточными славянами, посредничество тюркских языков в данной ситуации вполне приемлемо.

По наблюдениям Е. Г. Пчелиной, ясы упомянуты в древнерусских летописях под 965 г., 1029 г., 1116 г., 1174 г., 1176—1125 гг., 1223 г., 1277—1278 гг., 1319 г., 1390 г. На основании этого был сделан следующий вывод: "... из одиннадцати упоминаний русской летописи о ясах, только в трех случаях (1277—1278 и 1319 гг.) можно видеть ясов, живших на земле современных Северо-Осетинской и Чечено-Ингушской АССР. Все остальные свидетельства или не имеют к ним никакого отношения, или же упоминают их вместе с ясами других территориальных и языковых групп алан-асов-осов-ясов" [Пчелина, 1963, с. 160—161]. В Венгрии с самого начала ясы были известны как *lassones*, *lassini* (в латинской транскрипции) или как *Jász* в единственном числе и *Jászok* во множественном числе (в венгерской транскрипции). [Ламанский, 1902, с. 119]. Именно это дает основания считать, что данный термин мог попасть к венграм либо из языка восточных славян, либо из языков хазар или болгар.

С середины XIII в. название *ас* известно у западноевропейских путешественников, но в качестве приложения к этнониму *алан*. Так, у П. Карпини находим "аланы или ассы", а у Г. Рубрука — "аланы или аас". При этом западноевропейские и византийские авторы старались чаще употреблять традиционный термин *алан*. [Карпини, 1957, с. 574; Рубрук, 1957, с. 106, 111]. У монголов и китайцев в письменных источниках XIII—XIV вв. аланы не известны, зато фигурируют асы в формах *асум* и *асу* [Козин, 1941, с. 191—192; Иванов, 1914, с. 280—296].

Что же касается мусульманских источников, то ираноязычные аланы могли быть известны в сочинениях мусульманских авторов в XIII—XIV вв. под двумя наименованиями: *алан* и *ас*. Особый интерес представляют этнонимы, которыми называли аланов арабоязычные авторы. Для арабской традиции раннего средневековья было характерно использовать при обозначении этого народа термин *al-Lan*. В XIII в. у арабских авторов данный этноним приобрел вид *Alan* или *al-'Alan*. Именно этот термин присутствует в том фрагменте сочинения Ибн ал-Асира, в котором повествуется о столкновении монгольского и объединенного алано-кипчакского войска на Северном Кавказе в 1222 г. [Тизенгаузен, 1884, с. 116—117], а также в тех местах труда Ибн Абд аз-Захира, где повествуется о населении Крыма [Тизенгаузен, 1884, с. 149]. Живший на рубеже XIII—XIV вв. ал-Муфаддал также упоминает народ *al-'Alan* в Крыму [Тизенгаузен, 1884, с. 116—117, 149, 160, 231, 306]. В сочинении Ибн Халдуна начала XIV в. упоминается в Северо-Западном Причерноморье страна *Alan* [Тизенгаузен, 1884, с. 116—117, 149, 160, 231, 306]. Однако уже в тексте сочинения ан-Нувайри, жившего на рубеже XIII—XIV вв., отмечено использование двух этнонимов: для времен походов Батыея — *al-'Alan* и *al-As*; для обозначения ираноязычного населения Северо-Западного Причерноморья при описании событий рубежа XIII—XIV вв. — *As* [Тизенгаузен, 1884, с. 116—117, 149, 160, 231, 306].

Остальные арабоязычные авторы XIV в. использовали только новый для них этнический термин *As*. Так, Рукн ад-Дин Бейбарс, повествуя о событиях конца XIII — начала XIV вв. в Северо-Западном Причерноморье, упомянул страну *As* [Тизенгаузен, 1884, с. 116—117, 149, 160, 231, 306]. Это относится также к ал-Умари, который упоминает народ *al-As* на Северном Кавказе [Тизенгаузен, 1884, с. 116—117, 149, 160, 231, 306]. Ибн Баттута, посетивший столицу Золотой Орды — Сарай, отметил, что там проживают представители народа *al-As*, являвшиеся мусульманами [Тизенгаузен, 1884, с. 306].

Как уже отмечалось, несколько необычная информация по этому поводу содержится у арабоязычного географа XIV в. Абу-л-Фиды, который в своем географическом трактате сообщает, что на Северном Кавказе, на восток от абхазов, живут аланы и асы, которые являются тюрками и исповедуют христианство.

О населении южнокрымского города Кирк-иер (Чуфут-кале), Абу-л-Фида отмечает, что данная крепость находилась в области народа *As* [Aboulféda, 1848, p. 288].

Живший уже в конце XIV — начале XV вв. арабоязычный автор ал-Айни, повествуя о походе монголов на Северный Кавказ в 1222 г., использовал этнический термин *Alan* для обозначения северокавказских аланов. Упоминая же вторжение Батые в Восточную Европу и на Северный Кавказ в 1236—1238 гг., этот автор применил два этнонима *al-'Alan* и *al-As* [Тизенгаузен, 1884, с. 116—117, 149, 160, 231, 306]. Это позволяет говорить о существовании двух подразделений аланов, по-видимому, различных между собой как в территориальном, так и в этническом отношениях.

Анализ сочинений арабоязычных авторов XIII — начала XV вв. позволяет предполагать, что при описании событий первой половины XIII в. они использовали этнонимы *Alan* и *al-'Alan* для обозначения ираноязычного населения Центрального Кавказа и этнический термин *al-As* — применительно к аланам Северо-Западного Кавказа и Восточной Европы. По-видимому, это было связано с тем, что все упомянутые арабоязычные авторы пользовались одними и теми же источниками. В XIV — начале XV вв. для обозначения современного им ираноязычного населения Восточной Европы и Кавказа арабоязычные писатели использовали преимущественно этноним *al-As*. Это дает основание считать, что в XIV в. этнический термин *al-As* вытеснил этноним *al-'Alan*. Аналогичная ситуация наблюдается и при анализе сочинений персоязычных авторов XIII—XV вв.

Как уже отмечалось, живший в XIII в. персидский историк Джувейни, описывая поход монголов на Волжскую Булгарию в 1236 г., между страной болгар и Русью поместил страну асов. Такая же локализация земель асов присутствует и в другом фрагменте его “Истории завоевания мира”, где повествуется о тех же событиях. Там асы и аланы представлены как два различных народа и локализованы относительно друг друга не по соседству — асы между Волжской Булгарией и Русью, а аланы — рядом с кипчаками. Очевидно, в данном случае, в аланах следует видеть жителей Северного Кавказа, а в асах — обитателей Восточной Европы. Заметим, что в другом месте своего сочинения Джувейни поместил аланов и асов рядом — по соседству с кипчаками и Русью. В данном случае локализация асов относительно аланов иная и позволяет в них также видеть как обитателей Восточной Европы, так и Северо-Западного Кавказа [Тизенгаузен, 1941, с. 10—11, 15]. Именно на Северо-Западном Кавказе находилась страна Асия, известная из Кембриджского документа и сочинения Константина Багрянородного “Церемонии византийского двора”.

Как уже отмечалось, более обстоятельный рассказ о событиях 1236—1237 гг. содержится в “Сборнике летописей” Рашид ад-Дина, где для обозначения аланов Среднего Поволжья Рашид ад-Дин мог использовать этнические термины *As* и **B.rtas*, которые могли иметь эквивалентные значения. Вообще для Рашид ад-Дина было характерно часто заменять этнонимом *As* этнический термин *Alan*. Аланы упоминаются персидским автором при описании похода хорезмшаха Джелал ад-Дина в Грузию в 615 г. х. (30 марта 1218 — 18 марта 1219 г.). Говоря о событиях 1222—1223 гг. на Кавказе и в Восточной Европе, Рашид ад-Дин упоминает аланов и страну Аланию. Что же касается этнического термина *As*, то он уже присутствует в самом начале его “Джами ат-Таварих” при перечислении земель, завоеванных монголами во времена Чингис-хана и его преемников, — страна асов там предшествует землям урусов (русских. — *О.Б.*), черкесов и кипчаков. Относительно времен Угетей-каана Рашид ад-Дин перечислил покоренные монголами народы в соответствии с последовательностью их завоевания: башкиры, болгары, Дешт-и Кипчак, урусы, черкесы и асы. В данном случае в асах следует видеть соседний с черкесами народ Северного Кавказа. Почти такой же порядок соблюдается при перечислении государей стран, которые были современниками Чингис-хана: “башкиры, кипчаки, русы, черкесы и асы.” Название *As* встречается и в других местах сочинения Рашид ад-Дина “Джами ат-Таварих”, а это позволяет считать,

что персоязычный автор “Истории монголов” для обозначения аланов Северного Кавказа и Восточной Европы отдавал предпочтение именно этому этнониму. Что же касается этнического термина **B.rtas*, то употребление его в XIII—XIV вв. только Рашид ад-Дином может свидетельствовать лишь об узколокальном значении этого термина — так могло быть названо ираноязычное население правобережья Средней Волги, в чем следует видеть проявление более ранней традиции мусульманских авторов [Тизенгаузен, 1941, с. 21—22, 24, 34—36].

Такая же традиция употребления этнонимов *Alan* и *As* наблюдается у персоязычных авторов первой половины XV в. — Низам ад-Дина Шами и Шериф ад-Дина Йезди. Так, последний, ведя разговор о походах монголов времен Чингис-хана, перечисляет народы, завоеванные монголами после покорения Хорезма: саксины, хазары, булгары, *аланы*, башкиры, урусы и черкесы. Говоря о Джучи, Йезди дважды сообщает, что ему по приказу Чингис-хана были вверены области: Хорезм, Дешт-и Хазар, Булгар, *Алан*. Что же касается времен правления сына Джучи Бату, то Йезди сообщает, что при нем из повиновения монголам вышли страны: *аланов*, русов, булгар, черкесов, Крым и Аздак. В сообщении о походах Тимура в конце XIV в. против Золотой Орды Шериф ад-Дин Йезди перечисляет области Маджара, русских, черкесов, башкирдов, М.к.с, Бальчимкина, Крыма, Азака, Кубани и *аланов*. Вообще данное упоминание аланов в сочинениях персоязычных авторов XV в., где речь идет о походах Тимура на Северный Кавказ и Восточную Европу, единственное. Как правило, Низам ад-Дин Шами и Шериф ад-Дин Йезди, говоря о походе Тимура в Приэльбрусье в 1395—1396 гг., употребляют этнический термин *As* [Тизенгаузен, 1941, с. 84, 91, 143, 181].

Таким образом, анализ сочинений персоязычных авторов XIII—XV вв., показывает, что при описании событий XIII в., они, как и арабоязычные историки, для обозначения ираноязычного населения Центрального Кавказа употребляли обычно этнический термин *Alan*, а этноним *As* — для западной группировки аланов Северного Кавказа и Восточной Европы. Это можно объяснить использованием более ранних источников, где присутствуют оба термина. В XIV—XV вв. современное им ираноязычное население Северного Кавказа персоязычные авторы обычно называли *As*. Складывается впечатление, что и в данном случае этноним *As* вытеснил этнический термин *Alan*.

Весьма примечательно, что уже в более поздний османский период — в XV—XVI вв. ираноязычное население Крыма в османо-турецких документах именовалось не иначе как *As*. А поздний турецкий автор Али-эфенди отметил, что город Кырк-Иер (Чуфут-кале) “есть крепость из городов ассских” [Смирнов, 1887, с. 104]. В данном случае весьма проблематично сказать, является ли такое широкое использование этнонима *As* отражением сложившейся к тому времени традиции, или это можно объяснить тем, что практически все тюркоязычные народы называли аланов преимущественно асами.

В сложившейся ситуации исследователи по-разному объясняли, почему в XIV в. у мусульманских авторов термин *As* начал быстро вытеснять этническое название *Alan*. Так, З. Н. Ванеев видел в асах и аланах представителей одного народа, западная часть которого выступала под своим самоназванием — *as* [Ванеев, 1959, с. 8—22]. Ю. С. Гаглойти ставил знак равенства между аланами и асами, исходя из существования отдельных самоназваний аланских племен, что и отразилось, по его мнению, на использовании этих терминов соседями [Гаглойти, 1966, с. 155—221]. По мнению Т. М. Минаевой, в XIII—XV вв. восточные авторы продолжали называть аланами жителей Центрального Кавказа, а асами — западную группу северокавказских аланов и ираноязычных обитателей восточноевропейских степей [Минаева, 1971, с. 191—209].

Ответ на поставленные вопросы может дать сообщение И. Барбаро, который в XV в. написал об аланах следующее: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются “Ас”. Они

христиане и были изгнаны и разорены татарами» [Барбаро, 1971, с. 138]. В связи с этим следует обратить внимание на мнение В. А. Кузнецова, который считал, что северокавказскую Аланию населяли два крупных этнополитических объединения аланов: западные — асы и восточные — собственно аланы. По имени асов Западная Алания и могла получить название Азии. Вследствие походов монголов, как считает исследователь, к середине XIII в. Западная Алания почти полностью обезлюдела. Монголы многих асов истребили. Часть аланов-асов вынуждена была подчиниться монголам и была переселена ими на Дальний Восток. Остальные же асы, спасаясь от монголо-татар, продвинулись на запад, заселив при этом степи Северного Причерноморья и достигнув в конечном итоге Венгрии и Балканского полуострова [Кузнецов, 1962, с. 123—131; 1984, с. 256—273]. В данном случае широкое расселение аланов-асов на просторах Евразии могло способствовать тому, что к XIV в. их самоназвание *As* могло вытеснить традиционное наименование *Alan*, даже если речь шла об ираноязычном населении восточной части Центрального Кавказа. Именно данный процесс мог найти свое отражение в текстах мусульманских авторов XIII—XV вв.

Возможно и другое объяснение. Необходимо исходить из того, что монголы называли всех аланов *asud (асы)*, по-видимому, заимствовав данный этноним у тюрков. Следовательно, в Золотой Орде официальным названием аланов могло быть *асы*. Логично предположить, что именно поэтому данное этническое наименование в XIV—XV вв. должно было получить распространение у арабоязычных и персоязычных авторов стран Ближнего и Среднего Востока.

Некоторые исследователи склонны связывать с этнонимом *ас* происхождение этнического термина *ос—овс*, существующего в грузинских летописях для обозначения осетин и их предков-аланов [Гаглойти, 1966, с. 167—173; Гадло, 1994, с. 21]. Однако пока преждевременно делать подобные выводы только лишь на созвучии данных этнических наименований.

В связи с этим особый интерес представляет проблема происхождения этнонимов *алан* и *ас*. Среди иранистов уже давно получило распространение мнение, согласно которому в основе этнического названия *allan* лежал древнеиранский термин *aryana*, т. е. “ариец”, “житель Арии” [Стрижак, 1991, с. 167]. Что же касается происхождения этнического термина *ас*, то до сих пор данный вопрос остается предметом острой дискуссии. Так, некоторые современные тюркоязычные исследователи, на основе одного лишь созвучия этнонимов *ас—яс* с некоторыми словами в современных тюркских языках пытаются доказать тюркскую основу этнического термина *ас*, а следовательно и тюркское происхождение средневековых асов. При этом не учитываются ни исторические реалии, ни законы лингвистики [Мизиев, 1986; Байчоров, 1987, с. 59; Закиев, 1990, с. 27; Бахтиев, 1990, с. 10]. Данное направление “исследований” появилось в последние десятилетия и его представители полностью игнорируют изыскания лингвистов и историков по данному вопросу, проведенные в предшествующие десятилетия. Примечательно, что даже среди сторонников иранского происхождения этнонима *ас* до сих пор существуют разногласия относительно обстоятельств появления и распространения данного этнического термина.

Так, М. И. Артамонов, О. Прицак и другие исследователи полагали, что этнический термин *ас* через промежуточную форму *арс* был связан своим происхождением с названием сарматского племени *аорсы* [Артамонов, 1962, с. 407; Голб, Прицак, 1997, с. 160]. В качестве доказательства этого они приводят данные об этнической группе *ал-арсийа*, сведения о которой мы черпаем, в первую очередь, из сочинения ал-Масуди “Мурудж ад-Дзахаб”, написанного в первой половине X в. Ал-Масуди сообщает, что *ал-арсийа* находились на военной службе у хазарского царя и являлись “переселенцами из окрестностей Хорезма”. При этом эти наемники выговорили у хазарского царя право не сражаться против своих единоверцев-мусульман [Минорский, 1963, с. 193—194; Голб, Прицак, 1997, с. 72—73].

Наиболее обоснованный вид данной гипотеза приняла у В. Ф. Минорского, который полагал, что следы раннего *p* в этнониме *ас* можно найти с перестановкой в титуле хазарского полководца — *Рас-тархан*, упоминаемым арабским автором второй половины VIII в. ал-Йакуби, и *Раж-тархан* в сочинении армянского историка того же времени Гевонда. Поэтому ат-Табари, живший уже позже, на рубеже IX—X вв., по мнению В. Ф. Минорского, не случайно назвал начальника хазарской гвардии *Ас-тархан* [Минорский, 1963, с. 193—194].

Т. Левицкий и И. Добродомов также склонны видеть в народе *ал-арсийа* потомков античных аорсов, но они совершенно не согласны с распространенным мнением, согласно которому арсии и асы времен раннего средневековья представляли один и тот же народ [Lewicki 1976, s. 31—33; Добродомов 1989, с. 17—18]. В настоящий момент данный вопрос остается нерешенным. Поэтому имеет смысл обратиться к аргументам сторонников двух точек зрения.

Обычно в пользу тождественности арсиев и асов приводят также сообщение хорезмийца ал-Бируни, который жил в XI в. Хорезмский ученый сообщает об изменении русла Аму-дарьи, в результате чего были затоплены земли печенегов между Хорезмом и Джурджаном (Восточным Каспием. — *О. Б.*) и “жители их переселились на побережье Хазарского [Каспийского. — *О. Б.*] моря”. “Это род аланов и асов, — продолжает далее хорезмский автор, — и язык их теперь смешанный [составленный. — *О. Б.*] из хорезмийского и печенежского.” [Волин, 1941, с. 194]. Комментируя данный фрагмент сочинения ал-Бируни, М. И. Артамонов без определенных на то оснований отметил: “в этом известии говорится о переселении в Хазарию ал-арсиев, язык которых действительно мог быть смешанным из иранских и тюркских элементов” [Артамонов, 1962, с. 407].

Однако даже сторонники отождествления арсиев и асов обратили внимание на ряд несоответствий, которые существуют в данной гипотезе. Прежде всего это касается прямого отождествления Ас-тархана и Рас-тархана (Раж-тархана). Исследователи уже давно обратили внимание на титулы, которыми был наделен Раж-тархан как полководец хазарского царя “из поколения Хатирлитбер” (у Гевонда), Рас-тархан как “царь хазар” (у ал-Йакуби) и Ас-тархан как предводитель войска тюрков родом из Хорезма (у ат-Табари и Ибн ал-Асира). Несколько десятилетий назад А. Крымский попытался дать этому свое объяснение, видя в этих трех персонажах одного человека: «Ще Табарієвому тексті суцїй для Ас-тархана епїтет “харизмієць” з’явивсь для цього хазарського воєводи виключно через незручний арабський алфавіт, попросту як покалічення отого самого епїтета “Хат-Ирлитбер”, що ми знаходимо в тодішнього історика вірменського» [Крымский, с. 198—200].

К. Цегледи, в связи с отмеченными событиями 758—765 гг., считает, что упомянутые ат-Табари тюрки и отмеченные ал-Йакуби и Гевондом хазары представляли собой отдельные народы. По его мнению, тогда тюрки проживали на нижней Волге, а хазары — между ними и дагестанскими гуннами. Отсюда вывод: Ас-тархан являлся хорезмским наемником, стоявшим во главе дагестанских гуннов, потому что у Гевонда сказано о принадлежности Раж-тархана к роду Хатирлитбер, упоминание о котором имеются в имени царя дагестанских гуннов Алпилитвер [Zegledi, 1960, s. 75—88].

С последним предположением категорически был не согласен М. И. Артамонов, который, сопоставив сведения упомянутых средневековых авторов и отметив явные несоответствия в титулатуре Рас-тархана и Ас-тархана, объяснил это так: «Во главе хазар, вторгшихся в Закавказье в 764 г., стоял Рас-тархан или Ас-тархан — фигура весьма загадочная при сопоставлении относящихся к нему различных указаний. С одной стороны, он был хорезмийцем, а с другой, “принадлежал к роду Хатирлитбер”. В последнем обозначении заключается термин, уже встреченный в наименовании гуннского князя Алп-Илитвера (эльтебера), а именно, древнетюркский титул “йылтывар”, которым обозначались вассальные князья. В форме “балатвар” он известен у волжских болгар. Судя по этому титулу, род Хатир был одним из

знатнейших у хазар. Но так как Астархан был хорезмийцем, то он сам и его род нельзя считать собственно хазарским, хотя название Хатир и напрашивается на сближение с именем хазар — хазир. Титул “тархан” мог носить любой из приближенных кагана независимо от своего происхождения, тарханом мог быть и хорезмиец. Мог он быть и тарханом асов или арсов (рас), с которыми можно отождествить ларисиев — ал-арсиев — наемную гвардию хазарского царя, сведения о которой появляются у арабских писателей IX—X вв. Это тем более вероятно, что ларисии были среднеазиатского происхождения” [Артамонов, 1962, с. 244—246]. В данном случае запутанная ситуация с именами, титулами и даже датами интересующих нас событий дает основания вновь обратиться к данным письменных источников.

История о хазарской царевне, которая стала женой правителя арабской провинции Арминия — Йазид, содержится в сочинениях ал-Куфи, ал-Балазури, Михаила Сирийского, Агапия Манбиджского и других историков. Они сообщают, что именно ее смерть стала причиной вторжения хазар в период 762—765 гг. Однако сведения о предводителе хазар содержатся только лишь у ал-Йакуби, Гевонда (Левонда), ат-Табари и Ибн ал-Асира [Артамонов, 1962, с. 241—247; Новосельцев, 1990, с. 189—191].

У армянского историка второй половины VIII в. Гевонда дано описание событий, но без указания года: “Во времена своего управления (Армении) Езид отправил депутацию к царю северян, которого звали Хаганом, с целью породниться с ним, чтобы чрез то соблюсти мир с ним и с войсками хазарскими. Царь хазарский согласился выдать за него дочь свою, Хатун, и вместе с ней отправил большое число слуг, служанок и рабынь. Но Хатун чрез несколько времени умерла, и этим нарушилось мирное согласие между ними; потому что смерть ее приписали коварству. Собрав сильное войско, Хаган поручил его полководцу своему, **Раж-Тархану**, из поколения Хатирлитбера и отправил на страну нашу, находившуюся под управлением Езида. Рассыпавшись по северной стороне большой реки Куры, Хазары овладели многими областями: Хеджар, Кага, Остани, Марзнаньян, Габану, Гегаву, Шане, Биес, Хени, Кашбехчан, Хозмас — все области агванские; взяли и прелестное поле багасанское и увели бесчисленное множество стад и табунов. Также покорили семь областей царства Грузинского: Шучк, Квег-Ганор, Челдт, Цукет, Велисихе, Тиапет и Ерк. И набрав много добычи и пленных, возвратились в жилища свои. Хвастливый подагрик, управлявший между тем Арменией, не смел даже поднять головы своей, погрузясь в себя, равнодушно смотрел на разрушение страны нашей. Но чрез несколько времени тот же злодей [Езид. — *О. Б.*], который покрыл тенью землю агванскую, соединился с властителем Исмаильтян и отправил сына своего заложником в Сирию, а сам кончил жизнь свою от меча, недалеко от ворот агванских” [Гевонд, 1862, с. 92—93].

Современник Гевонда мусульманский автор второй половины VIII в. ал-Йакуби также сообщает о том, что в 758/759 г. “царь хазар” Рас-тархан совершил нападение на Армению (Арминию?). Наместник Армении Йазид бежал от хазар вместе с Джибраилом — командующим войском, которое направил аббасидский халиф ал-Мансур в Закавказье для борьбы с хазарами. В связи с этим халиф принял меры для укрепления закавказских городов. Поэтому он собрал по тюрьмам 7 тысяч пленных и отправил их в Закавказье, где они укрепили несколько пунктов, том числе Баб (Дербент) [Артамонов, 1962, с. 244].

У жившего несколько позже, на рубеже IX—X вв., мусульманского автора ат-Табари говорится уже не об одном походе хазар в Закавказье, а о двух. Так, первый поход состоялся не в 758/759 г., а на три года позже — в 762/763 г.: “В этом году (145 г. х.¹) тюрки и хазары выступили через Дербент и истребили в Арминии² множество мусульман” [Tabari, Vol. VII, с. 649]. Упоминание же об Ас-тархане у ат-Табари относится к 764—765 г.: “Затем наступил 147³ год. Рассказ о событиях, которые произошли в этом году. Из того, что случилось в этом году, набег Астархана ал-Хваризми с отрядом тюрков на мусульман в области Арминия, пленение им

многих людей из числа мусульман и *зиммиев*⁴, вступление [Ас-тархана и тюрок] в Тифлис, а также убийство ими Харба б. Абдаллаха ар-Раванди, с именем которого связывают [название квартала] ал-Харбийя в Багдаде. Как уже сообщалось, этот Харб находился в Мосуле с двумя тысячами воинов *джунда*⁵, из-за положения с хариджитами⁶ в ал-Джазире⁷. Как только Абу Джафару⁸ стало известно о перемещениях тюрок, он направил для сражения с ними Джабраила б. Йахью, а Харбу написал приказ выступить вместе с ним. Харб выступил вместе с ним. Харб был убит, Джабраил потерпел поражение, и мусульмане, о [числе] которых я упоминал, пострадали.” [Tabari, Vol. VIII, с. 7].

В “Истории” жившего на рубеже XII—XIII вв. арабского историка Ибн ал-Асира упомянуты только события 764/765 г.: “Затем наступил 147 год. Рассказ об убийстве Харба б. Абдаллаха. В этом году Ас-тархан ал-Хваризми с отрядом тюрок совершил набег на мусульман в области Арминийа и взял в плен людей из числа мусульман и *зиммиев*. Они (тюрки) вступили в Тифлис. [В это время] Харб находился в Мосуле с двумя тысячами воинов *джунда* из-за положения с хариджитами в ал-Джазире. Для сражения с тюрками ал-Мансур направил Джабраила б. Йахью и Харба б. Абдаллаха. Они сразились с тюрками. Джабраил потерпел поражение, Харб был убит, а также было убито множество людей Джабраила.” [Ibn al-Asir, 1978, с. 22].

Сравнительный анализ приведенных текстов позволяет нам согласиться с мнением А. П. Новосельцева, согласно которому хазары вторгались в Закавказье дважды — в 763 г. (145 г. х.) и 764 г. (147 г. х.), что нашло отражение в тексте ат-Табари. Поэтому убедительным может являться вывод А. П. Новосельцева о том, что “некоторые источники (в частности Левонд, а возможно, и Ибн ал-Асир), очевидно, смешивают эти два вторжения хазар” [Новосельцев, 1990, с. 189—190]. Это же предположение подтверждают данные Феофана о двух походах хазар в Закавказье, соответственно, в 763 и 764/765 гг. [Чичуров, 1980, с. 68—69]. Логичнее предположить, что ал-Йакуби и Гевонд упомянули Рас-тархана (Раж-Тархана) в связи с первым походом. Исходя из того, что он был назван в одном случае предводителем хазар, а во втором даже “царем хазар”, имеет смысл попытаться объяснить его титул **Рас-тархан**. Не исключено, что первая часть термина — **Рас-** может представлять собой арабский термин со значением “голова, главный”. Следовательно, термин **Рас-тархан** может являться не личным именем, а частично переведенным на арабский язык титулом тюркского происхождения — “Главный тархан”, которому вполне могут соответствовать титулы “царь хазар” в тексте ал-Йакуби или **Хатирилтибер** у Гевонда. Это дает основание предполагать, что Гевонд для написания своей “Истории халифов” мог использовать сочинения мусульманских авторов, в результате чего термин **Рас-тархан** должен был у него трансформироваться в **Раж-тархан**. Упоминание же под 765 г. Ас-тархана — выходца из Хорезма, написание имени которого было подобным, могло заставить Гевонда и Ибн ал-Асира посчитать близкие по времени походы хазарских войск в Закавказье в период с 759 по 764 гг. одним событием.

Поэтому вполне можно поддержать мнение А. П. Новосельцева, согласно которому Рас-тархан не мог иметь алано-асское происхождение [Новосельцев, 1990, с. 119]. Следовательно, если Рас-тархан и Ас-тархан представляли собой двух различных хазарских полководцев, то гипотеза В. Ф. Минорского о связи титула хазарского полководца **Рас-тархан** с арсиями ал-Масуди и асами Хорезма [Минорский, 1963, с. 193—194] не имеет под собой оснований. Кроме того, необходимо учитывать, что в конце VIII в. мусульмане-арсии не могли воевать против своих единоверцев-арабов, подтверждением чего является информация того же ал-Масуди [Минорский, 1963, с. 194]. На это еще обратил внимание М. И. Артамонов [Артамонов, 1962, с. 246].

Было бы совсем нелогично говорить о трансформации этнонима **арс** в **ас**, если сначала в письменных источниках упоминается термин **ас**, и лишь в начале X в. появляются сведения о народе “ал-арсийа”. Еще историки античности Помпей Трог

и Страбон, сообщают что в I в. до н. э. жившие в Средней Азии кочевники-асии (азияны) захватили Бактрию и Согд [Юстин, 1955, с. 223, 242—243; Страбон, 1964, с. 483—484]. Во II в. н. э. Птолемей упоминал племя *осии (асии)*, которое жило тогда в нижнем течении р. Танаиса (Дона). [Кулаковский, 1899б, с. 21—22]. Как уже отмечалось, в VII в. в “Армянской географии” упоминается племенной союз *аш-тигор* на Северо-Западном Кавказе [Патканов, 1883, с. 30], в котором исследователи видят составной этноним *ас-дигор*, [Minorsky, 1937, p. 445]. В начале X в. об асах на Северном Кавказе сообщают Ибн Русте [Минорский, 1963, с. 222], а об области *Асия* — неизвестный хазарский автор “Кембриджского документа” [Голб, Прицак, 1997, с. 138—142] и Константин Багрянородный [Constantinus, 1829, с. 680].

Вполне возможно, что близкородственный аланам ираноязычный народ *асы* до II в. н. э. обитал в Средней Азии по соседству с аланами, в районе Хорезма. В первые века н. э. произошла миграция части народа асов в низовья Дона. После II в. н. э. асы, как и другие сармато-аланские племена, могли быть оттеснены новыми пришельцами-кочевниками в район Центрального и Северо-Западного Кавказа. До VII в. племя *асы* не играло заметной политической роли на Северном Кавказе. И лишь по мере усиления его политического могущества письменные источники времен средневековья снова стали упоминать этот ираноязычный этнос.

Необходимо исходить из того, что ал-Бируни локализовал переселившихся из Хорезма аланов и асов на восточном берегу Каспийского моря, а ал-Масуди упоминал об арсиях как о жителях Хазарии. Однако не стоит игнорировать то, что в VIII в. на службу к хазарам мог поступить предводитель хорезмских аланов-асов, известный в мусульманских источниках как *Ас-тархан*. Одно лишь совпадение, согласно которому Ас-тархан и этническая группа *ал-арсийа* происходили из Хорезма, не дает оснований видеть в Ас-тархане предводителя хазарских наемников *ал-арсийа*.

Против прямого отождествления хорезмских асов и арсиев может свидетельствовать также то, что этнические наименования типа *арс* параллельно с этнонимом *ас* упоминались по отношению к жителям Средней Азии не только во времена средневековья и в новое время, но также в период античности. Так, среди многих исследователей получила распространение гипотеза, согласно которой этнические наименования с основой *арс* были генетически связаны с названием сарматского племени *аорсы*. Традиционно мнение, согласно которому этот народ издавна находился на территории Средней Азии и был известен на рубеже новой эры в китайских документах как *юэчжи* или как обитатели страны *Яньцай* [Мацулевич, 1947, с. 133; Минорский, 1963, с. 193—194, прим. 23; Добродомов, 1989, с. 17—18; Lewicki, 1976, s. 31—33]. Во времена поздней античности Плиний упоминал народ “арсы” на территории современного Гиляна, а Птолемей назвал “арсийской” местность в Гиркании [Мацулевич, 1947, с. 133]. Известно, что в кушанское время в горах Копет-Дага проживало племя *Арс* [Добродомов, 1989, с. 17—18]. В более позднее время (в XIV в.) мусульманский автор Шамс ад-Дин Димашки зафиксировал среди кипчаков племя *ал-Арс* [Добродомов, 1989, с. 17—18]. Кроме того, со времен позднего средневековья в письменных источниках начало фиксироваться крупное туркменское племя *Арсари* [Кононов, 1958]. Г. И. Карпов и П. Б. Арбеков одними из первых указали на возможную связь племенного названия арсаринцев с этническим наименованием *Арси* [Карпов, Арбеков, 1930, с. 28].

Таким образом, имеются основания считать народ *ал-арсийа* и этнические группы асов и аланов близкородственными, но отдельными этносами, проживавшими во времена античности и средневековья не только в Хазарии, но и в районе Хорезма. Поэтому мы можем поддерживать гипотезу В. Ф. Миллера, согласно которой этнический термин *ас* был генетически связан с термином “Авесты” *асу*, что означает “быстрый, проворный” [Миллер, 1887, с. 38]. В данном случае имеются основания трактовать этот этноним как слово, используемое ираноязычным населением для характеристики кочевых жителей степей. В качестве примера того, что многие этнические термины в среде ираноязычного населения указывали на занятия и образ

жизни их носителей, можно привести сведения Геродота о скифах-кочевниках, скифах-пахарях, скифах-земледельцах, либо сведения других античных авторов о гамаксобиях (“тележниках” — кочевниках) [Стрижак, 1991, с. 27] и т. п. Сообщение И. Барбаро об использовании древнего термина *ас* частью средневековых аланов в качестве самоназвания [Барбаро, 1971, с. 138] позволяет считать, что данное этническое наименование имело прямое отношение к ираноязычному населению степей Евразии и Северного Кавказа. Однако, если термин *ас* изначально действительно нес в себе семантическое значение “кочевники”, то где гарантия того, что он мог использоваться для обозначения одной, а не нескольких близких по происхождению и образу жизни этнических групп?

У большинства современных ученых не вызывает сомнения мнение, согласно которому северокавказские асы, как и их ветвь — венгерские ясы, находились в ближайшем родстве с осетинами-дигорцами. Доказательством этого является существование Зеленчукской надписи в Карачаево-Черкессии и глоссария ясских слов в Венгрии. Эти письменные памятники доказывают особую близость языка асов (ясов) к дигорскому диалекту современного осетинского языка [Миллер, 1893, с. 110—118; Немец, 1960, с. 13]. Наличие Зеленчукской надписи, как и данные топонимики, наводят на мысль, что в домонгольское время иранская речь звучала далеко за пределами Дигорского ущелья, на той территории, которая была известна в средневековых источниках как *Асия*. Однако сообщение арабского географа Абул-Фиды об аланах и асах как о тюрках, проживавших в XIV в. на территории современных Карачая и Балкарии [Aboulféda, 1848, p. 288], вносит только лишь путаницу в решение проблемы.

Такая разнообразная и противоречивая информация породила диаметрально противоположные мнения относительно этнической принадлежности северокавказских аланов и асов. Как уже отмечалось, у некоторых исследователей даже возникли сомнения относительно ираноязычности части аланов и асов, что в конечном итоге дало основание им видеть в аланах и асах Северного Кавказа тюркоязычных предков карачаевцев и балкарцев.

Вопросы происхождения карачаевцев и балкарцев интересовали исследователей как в досоветское, так и в советское время. Свидетельством этого стала состоявшаяся 22—26 июля 1959 года в Нальчике специальная научная сессия, посвященная именно данной проблеме. Как отметил в своем докладе Т. Х. Кумыков, к тому времени сложилось несколько предположений относительно происхождения тюркоязычного населения центральной части Северного Кавказа: а) версия о гуннском происхождении карачаевцев, предложенная А. Ламберти и Ж. Шарденом; б) гипотеза П. Буткова и И. А. Гильденштедта о славянском происхождении балкарцев, как потомков болгар, в которых некоторые исследователи дореволюционной России видели славян; в) гипотеза о монголо-татарском и ногайском происхождении карачаевцев и балкарцев, которую выдвинул Леонтович; г) версия о турецком или крымском происхождении карачаевцев, базирующаяся на легенде о Карчи, который бежал то ли из Анатолии, то ли из Крыма; д) версия о ногайском происхождении карачаевцев, выдвинутая В. М. Сысоевым; е) выдвинутая В. Миллером теория о болгарском происхождении балкарцев, базирующаяся на созвучии названий народов; ж) не имеющая серьезных возражений лингвистическая теория о кипчакском происхождении карачаевцев и балкарцев, отстаиваемая А. Самойловичем и Н. А. Баскаковым; з) гипотеза об участии хазарского элемента в этногенезе карачаевцев и балкарцев, которую поддерживали Чобан-заде и И. Тамбиев; и) теория о кавказском происхождении карачаевцев и балкарцев, впервые предложенная А. Самойловичем и А. И. Дьячковым-Тарасовым; к) гипотеза об аланском происхождении балкарцев и карачаевцев, выдвинутая Г. Кокиевым [О происхождении балкарцев и карачаевцев..., 1960, с. 9—37].

Проведенная сессия показала, что в решении данной проблемы в конце 50-х гг. XX в. сложилось четыре направления, согласно которым балкарцы и карачаевцы:

1) тюркизированные кавказцы (Х. О. Лайпанов, Е. П. Алексеева, А. И. Робакидзе, Р. Л. Харадзе, Г. К. Джанберидзе, М. М. Цораев, В. П. Алексеев); 2) кипчаки (Н. А. Баскаков); 3) потомки болгар (С. И. Бабаев, А. Х. Соттаев, Х. Г. Гимади); 4) потомки аланов (Л. И. Лавров, В. И. Абаев). В соответствии с предложенными диаметрально противоположными мнениями относительно происхождения карачаевцев и балкарцев, было принято решение сессии, которое, наоборот, еще больше отодвинуло решение проблемы: «Карачаевский и балкарский народы образовались в результате смешения северокавказских племен с ираноязычными и тюркоязычными племенами, из которых наибольшее значение в этом процессе имели, видимо “черные болгары” и, особенно, одно из западнокипчакских племен. Таким образом, карачаевцы и балкарцы являются древними обитателями Северного Кавказа и на протяжении многих столетий прошли общие с другими горцами исторические пути развития, что и обусловило близость их психологии, быта и культуры» [О происхождении балкарцев и карачаевцев..., 1960, с. 310].

В последние годы среди историков и этнологов получила распространение теория об участии в этногенезе карачаевцев и балкарцев аланов и асов, которые для осетинских исследователей являются ираноязычными предками осетин и других народов, а для карачаево-балкарских ученых — тюркоязычным населением — этническими предками карачаевцев и балкарцев.

То, что осетины-дигорцы и балкарцы своим происхождением были связаны с аланами-асами, исследователи отметили давно. Еще в прошлом веке М. М. Ковалевский обратил внимание на большое сходство юридического быта осетин и балкарцев, что, по его мнению, должно было указывать на глубокие осетино-балкарские взаимосвязи [Иванюков, Ковалевский, 1886, с. 100—112].

Современник М. М. Ковалевского В. Ф. Миллер обратил внимание также на то, что существует немало общего в фольклоре, музыке, материальной культуре, одежде, архитектуре карачаево-балкарцев и осетин. Кроме того, В. Ф. Миллеру удалось отметить аланский слой в названиях рек, ушей, селений, местностей, где отчетливо выступают аланские термины. Все это, по мнению В. Ф. Миллера, являлось результатом заимствований тюркоязычных предков карачаевцев и балкарцев от осетин, которые до этого проживали на территории Карачая и Балкарии. Однако В. Ф. Миллеру удалось собрать незначительное количество материала по лексике карачаево-балкарцев. Им было отмечено лишь 10 осетино-балкарских лексических параллелей [Миллер, 1888, с. 93].

Восполнить этот пробел удалось уже в наше время В. И. Абаеву, который выявил около двухсот параллелей в лексике осетинского и балкаро-карачаевского языков. Кроме этого, он зафиксировал в языке балкарцев и карачаевцев более старые аланские формы, чем те, которые встречаются в современном осетинском языке. Исследователь также отметил, что в Балкарии также сохранился древнеиранский десятичный счет, который у осетин почти исчез. Его удалось зафиксировать только в некоторых дигорских районах у пастухов, которые называют его *ассонимайма* (балкарский счет). Все это позволило В. И. Абаеву сделать вывод, что до прихода тюркоязычных племен на территории Балкарии и Карачая жили аланы. Затем произошло смешение двух племен. В результате тюркский язык победил. Но кое-какие следы старого населения остались в топонимии и лексике. В конечном итоге, речь должна идти об аланском субстрате в этногенезе карачаевцев и балкарцев. Комментируя сообщения Абу-л-Фиды, В. И. Абаев подчеркнул, что арабский географ в XIV в. знал карачаевцев и балкарцев под названием аланов и асов и правильно назвал их тюрками. Исходя из этого, В. И. Абаев пришел к выводу, что тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев пришли на Кавказ в период с X по XIV вв. [Абаев, 1949, с. 283; Абаев, 1960, с. 127—136].

С мнением В. И. Абаева полностью согласны А. Х. Магомедов, Б. А. Калоев, В. А. Кузнецов и А. И. Попов. В частности, А. Х. Магомедов обратил внимание на аналогии в архитектуре осетин и балкарцев. Он вспомнил, что войскам Тимура в

конце XIV в. приходилось неоднократно брать приступом башни аланов-асов на территории нынешней Балкарии. Отсюда последовал вывод, что вполне закономерным следствием этого являлось усвоение балкарцами традиций башенной культуры осетин здесь же на месте. По мнению этого исследователя, подавляющая часть осетинских влияний относится как раз к тому периоду, когда культура старых насельников-аланов усваивалась непосредственно балкарцами и карачаевцами в совместном проживании с ними [Магомедов, 1968, с. 33—34].

Для подтверждения общности многих элементов культуры осетин и балкарцев Б. А. Калоеву удалось привлечь обширный этнографический материал. Он также отметил, что у балкарцев и карачаевцев были распространены некоторые древние осетинские верования. Все эти сходства в культуре осетин-дигорцев и карачаево-балкарцев Б. А. Калоев объясняет фактом переселения части аланов-дигорцев с территории современных Балкарии и Карачая в Дигорское ущелье. Причем это длилось в течение многих веков, во времена, последовавшие за монгольским нашествием. Это подтверждается тем фактом, что многие дигорские семьи считают родиной своих предков соседнее Балкарское ущелье, где живет много их однофамильцев [Калоев, 1971, с. 33—34; 1999а, с. 79—90].

Подобного мнения относительно этногенеза балкарцев и осетин-дигорцев придерживаются В. А. Кузнецов и А. И. Попов. Они считают, что тюрки, которые переселились в горские ущелья, встретили там аланское население, язык которого был очень близок к дигорскому диалекту осетинского языка. В результате этого алано-асское население современных Балкарии и Карачая было ассимилировано тюрками, но оставило заметный след в культуре и быту карачаевцев и балкарцев. В. А. Кузнецов и А. И. Попов полагают, что осетины называют балкарцев асами потому, что они таким образом сохраняют за балкарцами название того народа, который обитал здесь до появления балкарцев [Кузнецов, 1984, с. 284; Попов, 1973, с. 134—135].

Несколько необычны в этом отношении высказывания Б. А. Алборова. С одной стороны он считает, что этноним *ас* следует связывать с аланами — ираноязычными предками осетин. С другой стороны, он допускает, что это племенное название могли принести с собой на Кавказ тюркоязычные кочевники-половцы, которые долго жили в местах нынешнего поселения балкарцев и карачаевцев по соседству с аланами-асами [Алборов, 1960, с. 103—109].

Неожиданные выводы Б. А. Алборова нашли поддержку у К. Е. Лайпанова и И. М. Мизиева. Так, К. Е. Лайпанов, опираясь на наличие тюркской топонимии в местах прежнего обитания аланов и на созвучие некоторых аланских имен с тюркскими антропонимами, пришел к выводу, что часть аланов на Кавказе с самого начала представляла собой тюркоязычную общность. По его мнению, именно эти тюркоязычные аланы и были предками карачаевцев и балкарцев [Лайпанов, 1967, с. 207—214]. В свою очередь И. М. Мизиев считал, что предками балкарцев и осетин-дигорцев были тюркоязычные асы. Этногенез современных дигорцев он представляет таким образом: в результате продвижения осетин-иронцев часть тюркоязычных асов была иранизирована и получила впоследствии имя осетин-дигорцев. Исходя из этого, И. М. Мизиев полагал, что в культурном отношении дигорцы ближе к балкарцам, чем к иронцам [Мизиев, 1986; Мизиев, 1991].

Подводя итог анализу интересующих нас мнений, необходимо отметить ту тенденциозность, которая присуща некоторым осетинским и карачаево-балкарским исследователям в разрешении данной проблемы. Основная ошибка осетинских ученых в том, что они путают понятия о современных осетинах и об их этнических предках — аланах и асах и ставят между осетинами и аланами (асами) знак равенства. В этой связи следует сослаться на мнение В. И. Абаева, который считает, что современный осетинский этнос — это не продукт самостоятельного развития ираноязычных аланов, а прежде всего результат смешения пришлых ираноязычных племен с местным кавказским населением [Абаев, 1967, с. 9—21]. Карачаево-

балкарские исследователи со своей стороны стремятся доказать, что тюркоязычные этносы на территории Кавказа — это такое же древнее население, как и иранцы. В результате этого появляется тенденция чрезмерно вольного трактования письменных источников. Кроме того, практически все исследователи данной проблемы склонны полностью доверять сообщению Абу-л-Фиды, согласно которому северокавказские аланы и асы в XIV в. являлись тюрками [Aboulféda, 1840, p. 203; 1848, Т. II, p. 287—288], забывая при этом, что Абу-л-Фида являлся представителем мусульманской географической школы, где “тюрками” традиционно называли все народы, жившие на север от Кавказского хребта, вне зависимости от их этнической принадлежности.

Именно поэтому ни осетинские, ни карачаево-балкарские исследователи так и не смогли окончательно ответить на вопросы: когда на территориях Карачая и Балкарии тюркоязычное население ассимилировало ираноязычное, и почему ни один современный этнос на Кавказе не использует этнические термины *алан* и *ас* в качестве самоназвания? Ответ на этот вопрос может дать только подход, заключающийся в определении соотношения таких понятий, как “этногенез” и “самоназвание этноса”.

Разрешить проблему аланов и асов невозможно, не имея четкого представления об этапах развития данных этнических общностей на Кавказе и вне пределов данного региона. В современной науке по этому поводу возобладало мнение, согласно которому аланы и асы изначально принадлежали к кругу ираноязычных народов. Это не вызывает возражений, несмотря на то, что в данной проблеме имеется ряд спорных аспектов, о которых уже говорилось выше.

Как уже отмечалось, кавказские аланы были этнически неоднородны. По мнению В. А. Кузнецова, историческую Аланию населяли два крупных этнополитических объединения аланов: западные — асы и восточные — собственно аланы. По имени асов Западная Алания и могла получить название Асии [Кузнецов, 1962, с. 131]. В конце XIII в. в Западной Алании значительно сократился процент алано-асского населения, что могло являться следствием политики монголов на Северном Кавказе. Так, часть аланов-асов вынуждена была подчиниться монголам и была переселена ими на Дальний Восток. Остальные же асы переселились на запад, заселив при этом степи Северного Причерноморья и достигнув в конечном итоге Венгрии и Балканского полуострова [Кузнецов, 1971, с. 45].

Благодаря сообщению Мариньолы нам известно общее количество аланов-асов на Дальнем Востоке. Мариньола пишет, что в начале XIV в. аланов в Китае было 30 тысяч [Калоев, 1967, с. 22]. Известно также, что в Венгрии в области Ясшаг в 1572 г. во время войн, которые вела Турция против Венгрии, проживало 1049 семей ясов [Szabó, 1979, old.28]. Именно это позволяет предполагать, что до XVI в. ясов в Ясшаге было значительно больше и их общее количество достигало не одну тысячу человек. К этому следует добавить сообщения византийских авторов о переселении в пределы Византийской империи с севера из-за Дуная 10 (16) тысяч аланов со своими семьями [Никифор Григора, 1862, с. 197—201; Georgii Pachymeris, 1729, s. 186—188], что позволяет говорить об их общей численности 30 тысяч человек, если не больше. Количество их соплеменников в Днестровско-Прутском междуречье в период с XIV по XV вв. неизвестно. Однако эти аланы часто фигурируют в письменных источниках рядом с такими народами, как болгары, черные татары, сербы [Кулаковский, 1899, с. 68-69]. Вполне возможно, что общее количество аланов-асов в районе Северо-Западного Причерноморья могло достигать нескольких десятков тысяч человек.

Таким образом, имеются основания говорить о том, что в результате экспансии монголо-татар в середине XIII в. значительная часть аланов-асов покинула пределы Центрального Предкавказья и расселилась на обширном пространстве Евразии от Китая и Монголии на востоке, до Венгрии и Византии на западе. А это значит, что десятки тысяч ираноязычных асов оказались за пределами северокавказской Западной Алании (Асии). Именно после этих событий новый этноним *ас* в письменных источниках начинает вытеснять традиционное наименование *аланы*.

В данном случае речь идет о соотношении самоназвания мигрировавших аланов-асов с тем названием, которое им давали другие народы.

Возникает естественный вопрос: какой современный этнос продолжает называть себя асами? В связи с этим следует вспомнить, что обитатели Ясшага в Венгрии, хотя и считают себя частью венгерской нации, до сих пор продолжают именовать себя ясами, сохраняя таким образом память о своем северокавказском происхождении [Калоев, 1984, с. 98; Кузнецов, 1985, с. 43]. И это при том, что ныне ни один из кавказских народов не использует в качестве самоназвания этнонимы *ас* и *алан*.

В связи с вышеизложенным, особый интерес представляет судьба тех асов, которые сохранились на Кавказе после монгольского нашествия. Самое последнее упоминание об асах на Кавказе содержится в описании событий, где речь идет о походе Тимура в Приэльбрусье в 1395 г. против “народа асов”. Как сообщают персидские информаторы Низам ад-Дин Шами и Йезди, Тимуром были захвачены многие асские крепости в районе Эльбруса, в результате чего его войско “одержало победу, многих из тех неверных, предав мечу джихада” [Тизенгаузен, 1941, с. 122—123, 184]. Именно после этих событий асы на Кавказе больше не упоминаются, а из этого следует, что после конца XIV в. они могли прекратить свое существование в этом районе как самостоятельный этнос.

Информация же Абу-л-Фиды о том, что в XIV в. на восток от абхазов жили аланы и асы, которые являлись христианами и тюрками, позволяет предположить, что в первой половине XIV в. на территории современных Карачая и Балкарии в высокогорье и предгорьях сосуществовали ираноязычные аланы-асы и тюркоязычные предки карачаевцев и балкарцев. После событий конца XIV в. тюркоязычное население Азии должно было продвинуться в Приэльбрусье и со временем ассимилировать остатки местных асов, значительно пострадавших от нашествия Тимура. В это же время часть аланов, проживавшая по соседству с местностью “Иркувун” и также пострадавшая от вторжения войск Тимура, могла переселиться на территорию Двалетии, т. е. на юг от Кавказского хребта, и со временем ассимилировать местных двалов. Но это вовсе не означает, что до этого аланов в Закавказье не было. Что же касается аланов, упоминаемых на рубеже XVIII—XIX вв., то есть основания полагать, что к тому времени данная группа населения уже не могла представлять собой отдельный ираноязычный этнос.

Многие исследователи, занимающиеся проблемами этногенеза и этнической истории, иногда игнорируют такой немаловажный фактор как самоназвание этноса. В большинстве случаев оно является отражением этнического самосознания, без которого нет этноса в современном его понимании. Конечно, в качестве контраргумента можно привести сведения о готах, гуннах, монголо-татарах и других суперэтносах, существовавших в прошлом. Они исчезли, не успев появиться на страницах истории. И это не вызывает удивления. Ведь с самого начала они не представляли собой единый этнос, который в современном понимании определяется рядом условий. Одним из них является осознание общности своего происхождения, что в конечном итоге должно привести к существованию единого для всех представителей этноса самоназвания. У разноязычного населения, втянутого в ту или иную грандиозную военную кампанию, не было ничего, кроме имени, данного им соседями, и то, чаще всего по названию главенствующего племени или клана. Иначе обстоит дело с некоторыми средневековыми этносами, к числу которых следует отнести аланов-асов.

Из источников позднего средневековья известно, что выходцы из Западной Алании называли себя асами. Ясами (асами) до сих пор называют себя их прямые потомки в Венгрии. Асами и аланами именуют своих соседей — балкарцев и карачаевцев осетины-дигорцы и мегрелы, и это при том, что речь средневековых асов была особенно близка дигорскому диалекту современного осетинского языка. Очевидна связь карачаевцев, балкарцев и осетин-дигорцев со средневековыми асами.

Установлено, что карачаевцы и балкарцы проживают на территории исторической Азии, ранее принадлежавшей ираноязычным асам. Что же касается материальной и духовной культуры карачаево-балкарцев и осетин-дигорцев, то у них очень много общего, что в конечном итоге может свидетельствовать не только об их широких связях в прошлом, но и об общности происхождения. Среди предков карачаево-балкарцев и осетин-дигорцев, конечно же, должны были быть аланы-асы, но не только они.

Самоназвание осетин-дигорцев — *дигорон*, а их соседей — карачаевцев и балкарцев — *таули*, что означает “горцы”. Характерно, что горцами называют своих соседей-осетин балкарцы. Аналогично “горцами” именуют осетин карачаевцы — *тегей* и кабардинцы — *къуццхъ* [Алборов, 1960, с. 108]. Все это говорит в пользу того, что истоки дигорского и карачаево-балкарского этносов следует искать не в иранском или тюркоязычном обществах, а на Кавказе, среди племен, которые вели свое происхождение от носителей кобанской культуры. Аланы-асы, а затем и тюрки-половцы могли только прийти в среду горцев и передать последним свой язык и многие элементы культуры.

На фоне вышеизложенного этногенез карачаево-балкарцев и осетин-дигорцев представляется следующим образом. До XIII в. Западная Алания (Асия) и Дигория были населены племенами различного происхождения, господствующее положение среди которых занимали пришлые ираноязычные асы. Политическое господство последних способствовало тому, что в среде местных кавказских горцев — туалыцев и дигорцев начали распространяться иранский язык и многие элементы пришлой кочевой культуры. Данный процесс был прерван в первой половине XIII в. нашествием монголо-татар, в результате которого определенная часть аланов-асов была уничтожена, а значительное их большинство вынуждено навсегда покинуть пределы северокавказской Азии, поселившись в конечном итоге в Китае и в степях Восточной Европы. Незначительное количество аланов-асов заселило высокогорный район Приэльбрусья, где в конце XIV в. значительная их часть была уничтожена Тимуром, а уцелевшие ираноязычные асы должны были принять участие в формировании карачаево-балкарского и дигорского этносов. Поэтому можно согласиться с мнением Б. А. Калоева в том, что после этих событий имело место переселение отдельных групп асов с территории Балкарии и Карачая в Дигорское ущелье. Свидетельством этого является предание дигорцев о том, что родиной их предков было соседнее Балкарское ущелье. Поэтому неудивительно, что многие дигорские семьи имеют однофамильцев в Балкарии [Калоев, 1971, с. 34].

Исходя из данных письменных источников, можно предположить, что в XIV в. часть кавказо-аланского населения Карачая и Балкарии уже была ассимилирована продвинувшимися туда кипчаками. Этот процесс на территории прежней Азии особенно усилился после 1395 г., когда асы высокогорья современной Балкарии значительно пострадали от вторжения Тимура, в результате чего ассский этнос на Кавказе мог прекратить свое существование. Таким образом, этногенез карачаевцев и балкарцев более сложен, чем их соседей осетин. Ведь в формировании первых двух этносов приняли участие три основных компонента: кавказский, иранский и тюркский.

По-другому могло происходить развитие предков осетин после событий XIII в. Прежде всего, следует подчеркнуть, что горцы-дигорцы, принимали в свою среду асов, как и их соседи-туалыцы — аланов. Однако дигорцы, благодаря своей географической обособленности смогли избежать процесса тюркизации. В этом их основное отличие от карачаевцев и балкарцев. Дигорцы, вследствие присутствия в их среде ираноязычных асов, усвоили от последних иранский язык, что в конечном итоге привело к тому, что они стали одним из подразделений современного осетинского этноса. Однако при этом дигорцы сохранили память о своем кавказском происхождении, свидетельством чего является их самоназвание.

В ином аспекте следует рассматривать происхождение осетин-иронцев. Ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что восточные аланы послужили основой для

сложения современного иронского субэтноса. Ираноязычные обитатели сохранились в Восточной Алании и после татарских погромов, о чем свидетельствуют письменные источники. Бесспорно, что в формировании иронцев приняли участие не только аланские, но и местные кавказские племена. Однако этот процесс, в ряде случаев, мог происходить и в обратном направлении: ираноязычные аланы могли принимать в свою среду местных кавказских горцев. Свидетельством этого может являться, сохранившийся в осетинских сказках этнический термин *allon* [Абаев, 1958, с. 47].

Интересно, что приведенные предположения подтверждаются данными антропологии. По мнению В. П. Алексеева, осетины, как и их соседи — карачаевцы и балкарцы, относятся к местному кавказскому антропологическому типу. А это, на его взгляд, означает, что данные этносы представляют собой потомков горцев, перешедших на иранский и тюркский языки [Алексеев, 1967, с. 142—173; 1989, с. 199, 272—277]. Кроме этого М. Г. Абдушелишвили допускает, что существуют некоторые антропологические различия между дигорцами и иронцами. Он считает, что наиболее ярко выраженный кавказский тип сохранился у дигорцев, которых можно рассматривать как аборигенное население Кавказа, тогда как иронцы должны представлять собой потомков прежнего широко распространенного этнического объединения, которое подверглось трансформации путем ассимиляции древнего аборигенного населения [Абдушелишвили, 1967, с. 141]. Особый интерес также представляют выводы М. М. Герасимовой, которая считает, что средневековые аланы Северного Кавказа “были носителями совсем иного, нежели современные осетины, антропологического типа”, т. е. понтийского. При этом, по ее данным, эти физические особенности этнические предки осетин сохраняли вплоть до конца XVIII в. Только в XIX в. произошло достаточно значительное изменение физического облика осетин. По мнению М. М. Герасимовой, этому способствовали следующие факторы: “разрушение патриархально-родовых отношений у осетин в связи с обратным переселением на равнину и демографическая катастрофа конца XVIII — начала XIX вв.” Исследователь считает, что именно демографическая катастрофа “обусловила более интенсивное вовлечение в интеграционные процессы горского населения” [Герасимова, 1994, с. 52—62]. На основании этого можно предположить, что только лишь в XVIII—XIX вв. предки осетин могли окончательно усвоить местные кавказские термины *дигор* и *ирон* в качестве самоназвания.

Если исходить из того тезиса, что балкарцы и дигорцы — это ассимилированные кипчаками и аланами-асами горцы, то можно объяснить и появление у них древнеиранского десятичного счета. У балкарцев он сохранился лучше, чем у дигорцев. А это означает, что балкарцы не могли заимствовать его у дигорцев. Вполне возможно, что древнеиранский десятичный счет кавказские предки балкарцев и дигорцев могли воспринять непосредственно от ираноязычных асов. Только у балкарцев данный процесс прошел более интенсивно, чем у дигорцев. Ведь недаром дигорцы называют называют десятичный счет *ассон нымад* — “асский счет”, т. е. балкарский счет.

Таким образом, данные этнонимии и антропологии говорят в пользу местного кавказского происхождения карачаево-балкарцев и осетин-дигорцев. Поэтому понятно, почему осетины-дигорцы называют балкарцев асами. Ведь последние проживают на территории Азии, ранее населенной ираноязычными асами. Если исходить из того, что после событий XIII—XIV вв. асский этнос на Кавказе прекратил свое существование, то именно этим можно объяснить, почему ни один народ на Кавказе не использует в качестве самоназвания этноним *ас*.

Что же касается термина *алан*, используемого карачаевцами и балкарцами в качестве обращения к собеседнику, то существует несколько возможных вариантов объяснения причин этого явления. Так, Х. Х. Малкондуев считает, что в данном случае “связь самого термина *алан* с историческими аланами не подлежит сомнению, но в данном случае важнее помнить о том, что, по крайней мере, в

последние столетия он уже не является этнонимом” [Малкондуев, 2001, с. 110]. По мнению М. О. Джуртубаева, «название древнего народа — алан (асов) стало в речи их потомков термином обращения, смысл которого может быть объяснен как “соплеменник, соплеменница, соплеменники”» [Джуртубаев, 1989, с. 57]. Несколько отлично объяснение Б. А. Калоева: “В языке балкарцев и карачаевцев есть слово *алан*: в значении *товарищ, друг*. Такого толкования нет у других тюркских народов. Можно полагать, что несмотря на сохранение ряда этнических особенностей аланы, оказавшиеся среди пришлых тюркоязычных племен, сотрудничали с ними в мирное время и совместно отражали набеги врага” [Калоев, 1999а, с. 82—83]. Однако возможны и другие варианты объяснения происхождения этого обращения.

Необходимо исходить из того, что до расселения тюрков в Приэльбрусье на данной территории сосуществовало как местное аборигенное кавказское население, так и пришельцы-аланы, занимавшие по отношению к первым господствующее положение. Исходя из этого, можно предположить, что первоначально в термин *алан* горцы уже вкладывали не только этнический, но и социальный оттенок. Вполне возможно, что накануне прихода тюркоязычных племен в Приэльбрусье термин *алан* мог нести в себе следующие семантические значения: “господин”, “благородный”, “уважаемый”. Вполне возможно, что в процессе ассимиляции тюрками горцев данный термин перешел в карачаево-балкарский язык и стал использоваться при обращении в значении “уважаемый” и т. п. Аналогичную ситуацию можем наблюдать с термином *казак*, часто используемым в качестве уважительного обращения среди украинцев и русских: “Гей, козаче!” (“Эй, казак!”). Большинство исследователей не отрицают тот факт, что данное слово имеет тюркское происхождение и первоначально использовалось для обозначения неславянского населения степей. Со временем данным термином стали называть славяноязычное население восточноевропейских степей, которое получило высокий социальный статус в Речи Посполитой и Российском государстве [Бушаков, 1997, с. 21—26]. Таким образом, могла измениться семантика слова, которое стали использовать при обращении уже в значениях: “уважаемый”, “благородный”, “молодец” и т. п.

---

¹ 762–763 г. н. э.

² Арминия – часть Северного наместничества Арабского халифата, объединявшая Арран и прикаспийские области, Картли и собственно Армению.

³ 764–765 г. н. э.

⁴ Зимии – иноверцы, признавшие власть мусульман и находящиеся под покровительством мусульманского государства.

⁵ Джунд – регулярное войско.

⁶ Хариджиты – представители самой ранней религиозно-политической группировки в исламе, выступившей сначала против Али, а затем – против Умайядов и Аббасидов.

⁷ Ал-Джазира – часть Северного наместничества Арабского халифата, занимавшая территорию Верхней Месопотамии.

⁸ Абу Джа‘фар – Абу Джафар Абдаллах б. Мухаммад ал-Мансур, второй аббасидский халиф (754–775 гг.).

Глава V. Интеграция аланов-асов в военно-административную и социально-экономическую системы империи Юань и Улуса Джучи

Вплоть до настоящего времени среди многих представителей восточно-европейской историографии получил распространение подход, согласно которому Монгольская империя была создана вследствие особо жестоких завоеваний монголов и имела для судеб покоренных народов негативные необратимые последствия. В связи с этим был даже придуман термин “монголо-татарское иго”. Весьма примечательно, что начало данному подходу в оценке роли монголов в истории дали уже первые западноевропейские миссионеры, которые в середине XIII в. посетили Монгольскую империю.

Так, особо показательно в этом отношении сообщение П. Карпини о политике монголов в отношении “государей земель”, подвергшихся нападению монголов: “Их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей и братьев, которых больше никогда не отпускают, как было это сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов, и весьма многими другими” [Карпини, 1957, с. 55—56]. Однако настолько ли тяжелым было при монголах положение аланов, впрочем, как и других завоеванных народов?

Необходимо учитывать то, чем руководствовались монголы, совершая в ряде случаев жестокие действия по отношению к одним группам населения, и проявляя определенную снисходительность и лояльность по отношению к другим. Исследователи уже давно пришли к выводу, что правители государственно-территориальных образований на территории обширной Монгольской империи пользовались предписаниями Великой Ясы Чингис-хана, не сохранившейся полностью до наших дней, но дошедшей в виде фрагментов в сочинениях ряда средневековых авторов. Г. В. Вернадский дал следующее определение этого собрания законов и предписаний: “С моей точки зрения, Яса как целое ни в коем случае не может быть охарактеризована как обычное законодательство. Она была монгольским императорским законом, сформулированным Чингис-ханом; и сами монголы рассматривали ее именно в этом свете. Для них она была обобщающей мудростью основателя империи; и мы знаем, что они считали Чингис-хана боговдохновенным Сыном Неба” [Вернадский, 1997, с. 106—107]. С точки зрения Ясы, “каждая нация, отказывающаяся признать высший авторитет великого хана, рассматривается как восставшая”, что противоречит современным представлениям о международном праве [Вернадский, 1997, с. 108—109]. Поэтому нации, или части наций, оказавшие сопротивление монголам рассматривались как мятежники и подлежали уничтожению. Что же касается тех групп населения на занятых монголами территориях, которые не препятствовали монголам в совершении священного дела — создания мировой империи, то они признавались монголами как союзники, что предполагало их включение в военно-административную систему формирующейся Монгольской империи и обязательное сотрудничество с завоевателями. Третий вариант — нейтралитет местного населения не был предусмотрен в Ясе Чингис-хана.

Это подтверждает сообщение католического миссионера Юлиана, посетившего Восточную Европу после 1236 г., т. е. во время походов Батыя: “Во всех завоеванных странах они убивают князей и вельмож, которые внушают им опасения. Годных для битвы воинов и поселян они, вооруживши, посылают против воли в бой вперед себя. Других... оставляют для обработки земли... и обязывают тех людей впредь именоваться татарами” [Аннинский, 1940, с. 87]. В результате в Монгольской империи сложилась особая система социальных отношений завоевателей и побежденных, которую Г. В. Вернадский охарактеризовал следующим образом: “Все

подданные великого хана — монголы или вновь завоеванные народы — должны были служить государству и подчиняться воле хана. И все же существовало, по крайней мере, психологическое различие в степени подчинения. Монголы были правящей нацией, и подданные великого хана также были избранным народом, сюзереном которого он являлся. Их родовые вожди избрали Чингис-хана на трон. Им принадлежали плоды завоевания и из них избирались армейские командиры и чиновники администрации... Тюрки Центральной Азии и Южной Руси, равно как и аланы, принимались в братство наций степей под монгольским покровительством. Оседлое население, завоеванное монголами, находилось внизу политической иерархии” [Вернадский, 1997, с. 127]. Таким образом, социальная структура монгольского общества определялась как этнической принадлежностью, так и характером занятий подданных Великого хана. Характерно, что такая система взаимоотношений являлась традиционной для кочевых обществ вне зависимости от времени и места, т. е. представляла собой природную черту политических объединений кочевников. Однако благодаря деятельности Чингис-хана общественно-политическая организация Монгольской империи приобрела новые черты, которые не наблюдались в аналогичных кочевых системах предшествовавшего времени. Это и привело к тому, что на просторах Евразии за несколько десятилетий была создана империя монголов, размеры которой оказались впоследствии никем непревзойденными.

Исследователи уже давно обратили внимание на то, что монголы не смогли бы достичь могущества, не использовав военный потенциал покоренных народов. Еще в XIX в. относительно этого М. И. Иванин отметил: “Например, нужна-ли была для какой-либо цели армия, для этого делался наряд с каждого десятка кибиток или юрт по одному, по два человека и проч., чрез что войсковые сотни, тысячи, десятитысячные отряды составлялись из разных народностей. Октай [Угедей. — (Д. Б.)] простер эту политику перемешивать в составе войск племени до того, что предполагалось для завоевания запада послать китайские войска, а для завоевания южного Китая монгольские” [Иванин, 1875, с. 46]. Комментируя данное предположение Г. В. Вернадский, со своей стороны, сделал одно немаловажное дополнение: “Тюркские и иные кочевые или полукочевые племена, ранее подчиненные враждебным властителям, принимались в монгольское братство по оружию. Из них формировались подразделения регулярной армии под командованием монгольских офицеров. В результате, чаще всего монгольская армия была численно сильнее в конце, нежели накануне кампании... Только лишь рекрутируя войска из покоренных ими стран, монголы могли подчинить и контролировать такие огромные территории. Ресурсы каждой страны, в свою очередь, использовались для покорения следующей” [Вернадский, 1997, с. 124—125].

Весьма характерно, что и в конце XX в. Л. Н. Гумилев придерживался также подобных взглядов: «Действительно, монголы мобилизовали венгров, мордву, куманов и даже “измаильтан” (мусульман), но составляли из них ударные части, обреченные на гибель в авангардном бою, и ставили сзади заградительные отряды из верных воинов. Собственные силы монголов преувеличены историками» [Гумилев, 1989, с. 518].

Несмотря на публикацию многих источников и существование различных исследований по данной теме, анализ работ по истории Восточной Европы и Северного Кавказа, посвященных событиям периода монгольской экспансии и написанных советскими историками с позиций учения о классовой борьбе, с одной стороны демонстрирует тенденцию рассматривать события того времени как борьбу противоборствующих группировок “феодалов”, а с другой — мы видим, что наследуются традиции российской исторической науки изображать присутствие монголов в Восточной Европе и на Северном Кавказе как иго завоевателей.

Однако такое резко негативное отношение к монгольскому присутствию на Северном Кавказе и Восточной Европе на сегодняшний день представляет лишь отражение идеологических концепций, а не научный подход. К сожалению, даже

многие выдающиеся историки, анализируя сложную и драматическую историю периода экспансии монголов, больше руководствовались собственными эмоциями, чем реалиями и представлениями главных действующих лиц того времени. Однако монголы не всегда отличались жестокостью на оккупированных территориях, а наоборот довольно часто даже вызвали изумление у католических миссионеров своей лояльностью к покоренным народам. Однако мало кто из исследователей задавался вопросом: почему так происходило?

С точки зрения анализа Ясы Чингис-хана, необходимо учитывать, что сами обстоятельства требовали лояльности со стороны монголов относительно тех, кто изъявлял покорность и добровольно переходил на службу в армию монголов. Аланам-асам в XIII в. нашествие монголов давало лишь два возможных исхода: или оказать монголо-татарам упорное сопротивление и быть в конечном итоге физически уничтоженными, или откровенно перейти на сторону завоевателей и занять весомые позиции в Монгольской империи. Естественно, что переход части аланов на сторону монголов был вынужденной необходимостью, а не предательством. В связи с этим, нельзя полностью согласиться с мнением Л. Н. Гумилева, согласно которому “монгольская армия нуждалась в пополнении, поэтому монголы предлагали захваченным в плен купить свободу ценой вступления в их армию” [Гумилев, 1989, с. 520]. Однако, с точки зрения Ясы, это было невозможно, ибо те, кто попадал в плен в бою уже не могли стать союзниками, потому что подняв один раз оружие против монголов они становились врагами, которые должны были быть уничтожены. Следовательно, было бы более правильным утверждение, согласно которому монгольская армия пополнялась союзниками из числа населения, не оказавшего сопротивление на землях, занятых монгольскими войсками.

Еще при жизни Чингис-хана наметился принцип организации будущей Монгольской империи, в дальнейшем получивший название у историков как “улусная система”. В результате, уже в середине XIII в. на завоеванных монголами территориях Азии и Восточной Европы образовались четыре крупных государства-улуса — Улус потомков Джучи, Улус потомков Чагатай, Улус Хулагуидов и Улус Великого хана монголов, где позиции лидера принадлежали последнему улусу, включавшему коренные земли монголов и впоследствии получившего от китайцев название “империя Юань”.

Б. Я. Владимирцов следующим образом охарактеризовал улусную систему монгольского государства: «Выделение уделов основывалось на том принципе, что “государство” (ulus irgen) является достоянием всего рода того лица, которое создало державу и стало ханом. Так же, как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены-urux’и, и владеет людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (upagan bogol), совершенно так же род является владельцем народа-государства (ulus), проживающего на определенной территории (nuntux~nutung). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область народа-государства. С этой точки зрения все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингис-хана, все делаются upagan bogol’ами его и его рода... Власть рода Чингис-хана над его улусом, т. е. народом-государством, выражается в том, что один из родичей, altan urug (urux)’а становится императором, ханом (хан, хаган), повелевающим всей империей избираемым на совете всех родовичей (xuriltai ~ xurultai); другие же члены рода, главным образом, мужские его отпрыски, признаются царевичами..., имеющими право на то, чтобы получить в наследственное пользование удел-улус» [Владимирцов, 1934, с. 98—99].

Такую систему Б. Я. Владимирцов, Г. В. Вернадский, А. Ю. Якубовский, Г. А. Федоров-Давыдов и некоторые другие исследователи называли “феодализмом” [Владимирцов, 1934, с. 110; Вернадский, 1997, с. 128; Греков, Якубовский, 1950, с. 95—121; Федоров-Давыдов, 1973, с. 43—67]. Однако с позиций современной науки употребление термина “феодализм” по отношению к государству кочевников

выглядит, по крайней мере, анахронизмом и отражает не только эволюционистско-марксистский подход в освещении истории средневековых кочевых обществ, но и европоцентристское направление в освещении истории восточных обществ. Поэтому для обозначения характера общества Монгольской империи более удачным может выглядеть термин *quazi-feudalism*, предложенный С. Джагчидом и П. Хайером [Jagchid, Hyer, 1979, p. 263—269].

Исследователи давно отметили, что в непосредственной связи с улусной системой Монгольской империи находилась военно-административная организация общества. Эту особенность В. Г. Вернадский охарактеризовал следующим образом: “Все сыновья Чингис-хана получили подобные наделы. В дополнение каждый сын имел определенное количество сотен или тысяч регулярной армии. Это означает, что он был не только феодальным властителем, но и наместником хана в своем улусе; его должность была должностью заместителя императора, которому вменялось в обязанность управление частью империи” [Вернадский, 1997, с. 128]. Говоря же об организации монгольского войска, Г. В. Вернадский отметил: “Монгольские вооруженные силы делились на три группы — центра, правой и левой руки. Поскольку монголы всегда разбивали свои палатки лицом к югу, левая рука означала восточную группу, а правая — западную” [Вернадский, 1997, с. 128]. В соответствии с этим, исследователь сделал вывод, что в Монгольской империи аланы, известные под названием “асуд”, были включены в “правое крыло монгольской нации”, как народ западного происхождения [Вернадский, 1997, с. 19].

Действительно, исследования О. Прицака и других историков доказывают, что на протяжении всего средневековья среди кочевников Евразийской степи менялось направление главной ориентации и цветовая символика менялась также в соответствии к тому, где было главное направление, тыл, правый и левый фланги. По версии О. Прицака, сначала главные группировки кочевников пребывали на севере и в соответствии с этим Север обозначался черным цветом, Юг — красным, Восток (правый фланг) — синим, а Запад (левый фланг) — белым. Однако со временем у тюркютов ориентация стала восточной и в соответствии этому Восток стал обозначаться черным цветом, Юг — синим, Запад — красным, а Север — белым. Во времена Чингис-хана, в соответствии с монгольской традицией, получила распространение южная ориентация. Тогда черный цвет стал использоваться для обозначения Юга, синий — Запада, красный — Севера, а белый — Востока [Pritsak, 1981, I, p. 376—383]. Кроме того, Г. А. Федоров-Давыдов, Н. Л. Жуковская и некоторые другие исследователи также считали, что монголы придерживались южной ориентации, но цветовую символику для обозначения сторон света они восприняли от своих предшественников-тюрков. Таким образом, эти исследователи были уверены, что монголы обозначали Юг красным цветом, Север — черным, Запад — белым Восток — синим (голубым). В соответствии с этим на территории Улуса Джучи Кок (Синюю) Орду они локализовали на востоке, а Ак (Белую) Орду — на западе [Федоров-Давыдов, 1966, с. 55—60; Жуковская, 1988, с. 154]. Поэтому Н. Л. Жуковская, которая придерживалась такой геосимволики, была очень удивлена, когда обнаружила, что монголы, проживавшие в Центральной Азии, для обозначения собственной территории использовали синий цвет, для обозначения страны своих южных соседей тибетцев — черный, а для земель корейцев, находящихся к востоку от них — белый [Жуковская, 1988, с. 154]. Если же исходить из предложенной О. Прицаком южной ориентации и системы цветового обозначения сторон света, то можно вполне принять предложение А. Ю. Якубовского, согласно которому на территории Улуса Джучи Ак Орда находилась на востоке, а Кок Орда — на западе. По мнению исследователя, недоразумение по этому поводу возникло через то, что в русских летописях термин “Синяя Орда” использовался для обозначения Ак Орды, которая находилась на востоке золотоордынского государства [Греков, Якубовский, 1950, с. 261—262]. Таким образом, Кок Орда представляла западную часть Золотой Орды и сформированные на ее территории войска составляли правое крыло

золотоордынской армии, а Ак Орда охватывала восточные территории и ее боевые отряды входили в левое крыло войск Золотой Орды. Что же касается происхождения термина Золотая Орда, то можно согласиться с тем предположением, что упомянутая цветовая геосимволика была воспринята монголами от китайцев, где желтый цвет обозначал центр и считался императорским цветом [Вернадский, 1997, с. 127].

Таким образом, правое крыло монгольской армии представляло собой западную группировку войск, для обозначения которой монголы могли использовать синий цвет. Вопрос в том: действительно ли монголы всегда включали аланов в правый фланг своего войска? То, что народ *асут* (*асы*) входил в западное крыло войска Чингис-хана подтверждает монгольский источник “Алтан Тобчи” (Золотое сказание): “У августейшего Чингис-хагана было шесть тумэнов: один тумэн Ордос, один тумэн составляли Двенадцать тумэтов, еще тумэн, [в который входили] йцнсийэбэ, *Асут* и Харагин. Это были три западных тумэна” [Лубсан Данзан, 1973, с. 244]. Однако данный источник был составлен уже в позднее средневековье и поэтому отражал представления монголов не времен Чингис-хана, а значительно более позднего времени.

По наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, деление войска на два крыла соответствовало традициям тюрков и монголов. Однако во времена Чингис-хана при формировании флангов монгольского войска наметилось отступление от традиций кочевников. В связи с этим исследователь отмечает: “Однако, если раньше у тюрков (например, у печенегов) деление на два крыла соответствовало родо-племенному делению, то в феодальном государстве монголов одно племя могло быть расчленено между правым и левым крылом”. В результате, такое деление привело к образованию новой военно-административной системы Монгольской империи, весьма отличной от организации предшественников: “В эпоху улусной системы Чингис-хана и его преемников совпадение улусов, данных в держание, и военных подразделений также было весьма полным, что и нашло выражение в делении всего народа на военные единицы, соответствовавшие той или иной градации улуса. Но теперь (тумен или тысяча) не было просто делением племени или родом, или другой патриархальной первобытной социальной группой. Это был конгломерат различных групп и осколков старых групп” [Федоров-Давыдов, 1973, с. 49—51].

В непосредственной связи с военной улусной системой находилось также введенное Чингис-ханом нетрадиционное для кочевников деление монгольской армии на десятки, сотни, тысячи, туманы. «Сообразно этому, — отметил Б. Я. Владимирцов, — все монгольские племена, все поколения, роды, кланы были поделены на “десятки” (*arban*), “сотни” (*ja'un ~ jagun*), “тысячи” (*mingan*) и “тьмы” — десятки тысяч (*tümen*), т. е. на группы айлов, которые могли выставить десяток, сотню, тысячу и т. д. воинов» [Владимирцов, 1934, с. 103—104]. Кроме того, при новой системе «ноян-“тысячник” оказывался принадлежащим совсем другому роду, чем “люди” его “тысячи”» [Владимирцов, 1934, с. 109]. В соответствии с этим можно вполне согласиться со следующим выводом Б. Я. Владимирцова: «Подобное смешение родов, поколений и племен монгольских при образовании “тысяч”, этих основных единиц в здании империи Чингис-хана, имело очень важные последствия для родового строя, который неминуемо должен был сильно измениться и угаснуть» [Владимирцов, 1934, с. 109].

По мере того, как монголы подчиняли новые территории и в монгольскую армию стали включать представителей покоренных народов, данный способ организации боевых подразделений, в соответствии с территориальным и десятичными принципами, распространялся и на эти новые единицы в составе вооруженных сил монголов. Если исходить из того, что аланы после походов Чингис-хана и Батыя были отмечены далеко за пределами Северного Кавказа, то можно предположить, что они относились к различным военно-территориальным подразделениям и, следовательно, вопреки мнению Г. В. Вернадского, могли входить не только в правое крыло монгольской армии [Вернадский, 1997, с. 19].

Кроме обычной монгольской армии еще при Чингис-хане была создана императорская гвардия. Относительно этого инструмента императорской власти Г. В. Вернадский высказался следующим образом: “Весьма вероятно, что высокое положение гвардии было зафиксировано Ясой, хотя об этом нет упоминания в существующих фрагментах” [Вернадский, 1997, с. 111]. Действительно, данные других источников подтверждают высокий общественный статус императорской гвардии на Дальнем Востоке в период существования империи Юань. Формирование частей императорской гвардии было возложено не только на непосредственно подвластных Великому хану владетелей империи Юань, но и на вассальных ханов наиболее крупных улусов, включая Золотую Орду. Эта была одна из основных повинностей золотоордынских ханов по отношению к Великому хану всех монголов. В данном случае уместно привести наблюдения современного китайского историка Чхао Чху-чанга, согласно которым “императоры Юаньской династии, Великие ханы центральной монгольской империи всегда считали правителей Улуса Джучи своими наместниками (вассалами)” [Чхао Чху-чанг, 2002, с. 191].

По мнению Е. И. Кычанова, проанализировавшего сведения “Юань-ши” об императорской гвардии на Дальнем Востоке, “набор на службу в императорскую гвардию кипчаков, осетин, русских не мог обходиться без участия властей Золотой Орды” [Кычанов, 2002, с. 42]. Проблема пребывания русских на Дальнем Востоке всегда интересовала восточноевропейских историков, что нашло отражение в значительном количестве публикаций. В то же время нахождение аланов-асов на Дальнем Востоке в составе императорской гвардии также не было обойдено вниманием в восточноевропейской историографии.

Одну из первых попыток в освещении данного вопроса предпринял в конце XIX в. Бретшнейдер в своей статье “Русь и Асы на военной службе в Китае”. Исследователь обратил внимание на присутствие при монгольском дворе в Пекине народа А-су и высказал предположение, что это были аланы-асы христианских и мусульманских авторов. К таким выводам его привел сравнительный анализ текста китайской хроники “Юань-ши” (Истории династии Юань) и сообщений Марко Поло и Дж. Мариньолы [Бретшнейдер, 1894, с. 70—73].

Однако наиболее детальным исследованием данной проблемы явилась статья А. Иванова “История монголов (Юань-ши) об асах-аланах”, которая увидела свет в начале XX столетия. Само название свидетельствует о том, что исследователь пользовался в первую очередь китайскими источниками, иногда сопоставляя их с информацией христианских путешественников и мусульманских авторов. А. Иванов показал, что аланы-асы занимали при дворе потомков Хубилая в Пекине достаточно значительное общественное положение. И это не удивительно, ибо они, по мнению исследователя, в значительной степени способствовали тому, что монголы сумели покорить южную часть многомиллионного Китая. Особого внимания заслуживает тезис А. Иванова, согласно которому со временем асы слились в Китае с монгольской верхушкой и вошли в состав правящего класса монгольской империи Юань. И это при том, что почти до второй половины XIV в. аланы-асы оставались христианами и монгольский император способствовал сохранению их религии [Иванов, 1913, с. 280—300].

Ю. Н. Рерих в своей статье “Войска аланов в эпоху монголов”, впервые вышедшей во Франции в 20-е гг. XX в., также отметил весомую роль аланов в монгольских завоеваниях в Азии. По мнению ученого, аланы оказались в императорской гвардии в результате походов Батыя (1236—1241 гг.), т. е. во времена правления Угедая — Великого императора монголов и их первоначальная численность составляла 1000 конных воинов. По данным Ю. Н. Рериха, монгольский император Хубилай (1260—1294 гг.) активно использовал 30-ти тысячное подразделение конных аланов для завоевания Южного Китая и в результате этого многие знатные аланы заняли весомые позиции при дворе монгольских императоров. Кроме того, в статье было обращено особое внимание на переписку Великого хана

монголов и Папы Римского в первой половине XIV в. относительно христианства дальневосточных аланов. Свое мнение, согласно которому многие аланы занимали почетное положение при монгольском императоре, Ю. Н. Рерих подтверждает анализом биографий наиболее известных из них. В результате, исследователь сделал вывод, что аланы сыграли заметную роль в истории монгольской династии, которая правила Китаем в XIII—XIV вв. [Рерих, 1967, с. 242—246].

В более позднее время данной проблеме было также уделено немало места в статьях и монографиях советских исследователей. Так, Ю. С. Гаглойти считал, что находившиеся на Дальнем Востоке при монголах аланы и асы представляли собой одну и ту же этническую группу. В качестве доказательства этого им были сопоставлены сведения “Юань-ши” (Истории династии Юань) о народе *асу* со сведениями западноевропейских авторов об аланах-христианах при пекинском дворе монгольских императоров. Это позволило прийти к выводу, что в империи Юань аланы продолжали сохранять свое самоназвание *Ас*. Это, по мнению Ю. С. Гаглойти, может свидетельствовать о том, “что аланы-асы, которые находились на службе у монголов в Китае, достаточно длительное время сохраняли свою этническую самобытность” [Гаглойти, 1966, с. 212—214].

Достаточно показательно, что, несмотря на свое негативное отношение к политике монголов на завоеванных территориях, В. А. Кузнецов вынужден был признать, что положение аланов-асов, которые перешли на службу к монголам, резко отличалось от того, в котором находились оказавшие сопротивление монголам их соплеменники, оставшиеся на Северном Кавказе. По мнению исследователя, “в 1268—1279 гг. аланские войска сыграли важную роль в завоевании Китая ханом Хубилаем”. Однако В. А. Кузнецов стремился объяснить с позиций марксистской исторической науки причины перехода части аланов-асов на службу к монголам: “стремление во чтобы то ни стало сохранить свои классовые позиции и при монголах заставляло крупных феодалов отдавать захватчикам без боя целые области” [Кузнецов, 1971, с. 42].

Особо стоит также выделить монографию А. Ш. Кадырбаева “Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII—XIV вв.”, где анализируются данные не только “Юань-ши”, но и других китайских источников. Целый раздел монографии посвящен асам, где также отмечается привилегированное положение асов при Пекинском дворе монголов в Китае и указывается на то, что аланы-асы были среди числа тех рекрутов иранского и тюркского происхождения, которые помогли монголам завоевать южнокитайскую империю Сун во второй половине XIII в. [Кадырбаев, 1990, с. 104—111].

Таким образом, благодаря исследованиям Бретшнейдера [Бретшнейдер, 1894, с. 67—73], А. И. Иванова [Иванов, 1913, с. 280—296], Ю. Н. Рериха [Рерих, 1967, с. 242—246], А. Ш. Кадырбаева [Кадырбаев, 1990, с. 84—88] и других ученых мы знаем, что при покорении Китая во второй половине XIII в. монголы использовали передовые отряды асов, которые, по-видимому, до этого были переселены с Северного Кавказа в Центральную Азию, а впоследствии — в Китай. Пример с аланами-асами показывает, что части императорской гвардии на Дальнем Востоке формировались по этническому признаку, в отличие от принципа формирования частей монгольской армии, где возобладавал территориальный принцип комплектования войск.

По данным китайской хроники “Юань-ши”, переход аланов-асов на службу к монголам начался еще с походов последних на земли Западной Алании. “Юань-ши” сообщает, что среди этих асов был Хан-ху-сы: “...когда войско Угедая достигли границ его владений, Хан-ху-сы с народом покорился Угедая”. За это монголы дали ему звание “бадура”, выдали золотую пайцзу и оставили его царствовать над своей землей и народом [Иванов, 1913, с. 281]. Если исходить из того, что Угедей с 1229 по 1241 гг. был Великим ханом монголов, а Восточная Алания тогда еще не была покорена монголами, то можно предположить, что все эти события происходили в

Западной Алании между 1238 и 1240 гг. По данным “Юань-ши”, во времена Угедая на службу к монголам попали другие переводчики асов — Илья, Арслан, Бадур, У-цзор-бу-хань и Матарша. Матарша даже ходил с будущим Великим ханом Мунке на город “Май-ге-сы”, где, как известно, обитали его соплеменники-асы [Иванов, 1913, с. 288, 292, 299]. Однако необходимо отметить, что во времена Угедая, т. е. до 1241 г., переход аланов-асов на службу к монголам не носил такого массового характера, как считают некоторые исследователи. По данным “Юань-ши”, известно, что во времена царствования Великого хана Мунке, т. е. с 1251 по 1259 гг., монголам покорились и были приняты на службу аланы-асы Не-гу-лай, Илья, Юэ-лу-да-моу и многие другие [Иванов, 1913, с. 293, 296]. Исходя из этого, можно предположить, что последние происходили из восточной части северокавказской Алании.

Как уже отмечалось, в советской историографии утвердилось мнение, согласно которому одной из основных причин падения северокавказской Алании явилось “предательство местных аланских феодалов” [Кузнецов, 1971, с. 37, 45]. Однако данное утверждение не учитывает ту политическую обстановку, которая сложилась в Алании накануне монгольского нашествия. Как уже отмечалось, северокавказская Алания представляла в начале XIII в. раздробленную на отдельные владения страну. Поэтому открытое сопротивление превосходящим силам монголов могло означать для аланов лишь полное физическое уничтожение. В сложившейся ситуации переход на сторону монголов мог гарантировать аланским князьям и их подданным безопасность и определенные привелегии. К тому же не стоит забывать, что система вассалитета, существовавшая в средневековом обществе, предполагала переход от слабого покровителя к более сильному. Понятия об этике того времени значительно отличались от современных. Монголы умело использовали данный фактор, что в конечном итоге принесло им большие успехи при ведении боевых действий. В этом нас убеждает анализ текста “Юань-ши” (Истории династии Юань).

В 1209—1211 гг., накануне своих завоевательных походов на западе, Чингис-хан покорил отдельные территории на севере Китая. При одном из его преемников Угедее к 1234 г. весь Северный Китай был покорен монголами. В конце 50-х годов XIII в. Монгольская империя распалась на ряд практически самостоятельных владений, одним из которых стало государство Хубилая, вступившего на Великий ханский престол в 1260 г. Держава Хубилая первоначально включала собственно территорию Монголии и Северный Китай. Хубилай, следуя местным китайским традициям, дал в 1271 г. своей династии имя *Юань* и перенес столицу из Каракорума в Пекин. А в 1279 г. войска Хубилая завоевали Южный Китай, уничтожив китайскую империю Южный Сун. Именно тогда монголами были использованы передовые отряды асов, которые, по-видимому, до этого были переселены с Северного Кавказа в Центральную Азию. “Юань-ши” сообщает, что в этих походах участвовали знатные асы Атачи, братья Матарша, Бадур и Уцзоэрбукань (Азорбука), а также Ели-бадур, Елия (Илья), Нигэла (Николай) со своими сыновьями и другие. Хубилай высоко оценил заслуги асов и не скупился на награды, не жалел для асов никаких средств из своей казны, дабы воздать должное за их усердие [Кадырбаев, 1990, с. 84—88].

Некоторые исследователи, без веских на то оснований, доказывают, что дальневосточные асы, упоминаемые в китайских и монгольских текстах, и аланы, фигурировавшие в записях европейских путешественников, — это два различных народа [Мизиев, 1986, с. 119—121]. В качестве опровержения этого хочется привести отрывки из книги Марко Поло и из “Юань-ши”, где речь об одних и тех же событиях. У Марко Поло содержится рассказ о захвате аланами в Китае города и области Манчи: “Когда войска великого хана взяли область Манчи (Манзи), стал там начальником Баян, и послал он часть своей рати — алан-христиан в этот самый город. Взяли аланы город и заняли его; попалося им тут хорошее вино; напились они его, да и заснули до бесчувствия. Увидел народ, что победители лежат замертво и, нимало не медля, в одну ночь всех их перебили; никто жив не остался.” [Марко Поло, 1956, с. 158]. В “Юань-ши” об этом говорится в тех местах, где речь идет о гибели двух

знатных асов Атачи и Ильи. “Юань-ши” сообщает, что в 1274 г. эти асы участвовали в покорении городов на р. Сунь-цзянь. В частности, об Атачи сказано: “Когда он стоял гарнизоном в Чжэнь-чао, жители не в силах были исполнить его требования; поэтому подчинившийся монголам сунский военачальник Хунь Фу, воспользовавшись опьянением Атачи (на пиру, на который были приглашены асы), убил его”. Точно также погиб и Илья [Иванов, 1913, с. 284, 288]. Вызывает определенные сомнения расхождение в названии городов, где происходили описываемые события: *Манчи (Манзи)* — у Марко Поло, *Чжэнь-чао* — в “Юань-ши”. Однако не стоит забывать, что отчет о своих путешествиях Марко Поло стал составлять через несколько лет спустя после отбытия из Китая, руководствуясь не путевыми записями, а своей памятью. Естественно, как это свойственно европейцу, многие китайские названия он мог неправильно запомнить. Кроме того, не стоит упускать из вида, что “Юань-ши” была составлена уже после падения династии Юань в 1379 г. [Кычанов, 2002, с. 30]. Именно разрыв в несколько десятков лет между составлением китайского источника и описываемыми событиями также предполагает существование неточностей в передаче названий городов. Несмотря на это, отпадают сомнения относительно того, что в XIII—XIV вв. на Дальнем Востоке под именем аланов и асов фигурировал один и тот же народ.

А. Ш. Кадырбаев, на основе анализа текста “Юань-ши”, установил, что в 1286 г. была официально учреждена гвардия асов в количестве 10 тысяч человек из числа остатков аланов, находившихся в составе монгольских войск, которые завершили покорение государства Южный Сун и понесли тяжелые потери. Кроме службы при дворе императора на аланов-асов была возложена и другая миссия: “В двух округах империи Юань — Чаохэ и Сугу были организованы поселения асов, в обязанности которых входило снабжение воинских частей оружием и другими военными принадлежностями” [Кадырбаев, 1990, с. 88]. Аналогичные военные поселения, по наблюдениям Е. И. Кычанова, в это время были созданы из числа русских и кипчаков, которые получили статус военных поселенцев и в соответствии с этим получили участки пахотных земель. Анализ текста “Юань-ши” позволил Е. И. Кычанову сделать следующий вывод: “Русские военные поселения находились к северу от столицы Юань г. Даду (Пекина), в районе современного поселка Цзюйюнгуань... Караулы из кипчаков и осетин-асу несли патрульную службу в областях к северо-западу от Пекина, в районе Цзюйюнгуань — Наньбэйкоу”. Кроме нахождения в этих военных поселениях, часть императорских гвардейцев должна была нести службу при дворе монгольского императора и поэтому “кипчаки, осетины-асу и русские постоянно входили в гвардейскую стражу при императорах Юань” [Кычанов, 2002, с. 42]. Таким образом, императорская гвардия была сформирована после завоевания Южного Китая из входивших в монгольскую армию подразделений асов, русских и кипчаков и ее части формировались в соответствии с этническим принципом, т. е. употребление, например, термина “гвардия асов” должно было означать не самостоятельную структуру, а подразделение структуры.

По данным А. Иванова, “при Хубилае было учреждено 5 гвардейских отрядов и должности их командиров... сообразно роду службы”. При чем эти отряды носили различные названия и число и состав их менялись. В соответствии с этим, в эти отряды назначались из асов особые подразделения. Ведал делами асов даругачи из числа асов, должность которого была учреждена в 1272 г. [Иванов, 1914, с. 286]. В тех разделах “Юань-ши”, где содержится биография аса Арслана, отмечено, что в 1308 г. он получил должность “помощника командира левого гвардейского отряда асов”. А в биографии Чэ-ли отмечено, что “в 1309 г. было учреждено Управление левого отряда асов и Чэ-ли получил в нем должность секретаря” [Иванов, 1914, с. 293, 298]. Поэтому можно вполне согласиться с мнением А. Ш. Кадырбаева, согласно которому “гвардия асов также организационно подразделялась на два крыла и в 1309 г. была реорганизована и усилена” [Кадырбаев, 1990, с. 111]. Аналогично на два крыла были поделены гвардии русских и кипчаков [Кычанов, 2002, с. 42].

Известно, что структура монгольского войска предполагала наследование должностей, чем и воспользовались представители второго поколения дальневосточных асов. В начале XIV в. при дворе династии Юань появилось уже третье поколение асов, которое, как и их предшественники, продолжало играть заметную роль в монгольском государстве. Именно третье поколение асов стало частью правящей монгольской верхушки во враждебном монголам-завоевателям китайском окружении. Необходимо отметить, что данный аспект проблемы нашел довольно содержательное отображение в работах Бретшнейдера, А. Иванова, Ю. Н. Рериха и А. Ш. Кадырбаева [Бретшнейдер, 1894, с. 67—73; Иванов, 1913, с. 281—300 Рерих, 1967, р. 244—246; Кадырбаев, 1990, с. 84—88, 111]. Поэтому нет смысла специально акцентировать на этом внимание.

Для монголов, как на Дальнем Востоке, так и в Восточной Европе, была характерна особая веротерпимость. Это подтверждает анализ ситуации с аланами-асами при Пекинском дворе монголов. Как известно, аланы-асы на Северном Кавказе являлись православными христианами. Ими же они оставались и на Дальнем Востоке. Великий Хан монголов этому не препятствовал, а наоборот способствовал сохранению христианских традиций среди своих подданных аланов-асов. Ярким свидетельством этого является переписка главы католической церкви папы Бенедикта XII с монгольским императором Токалмут-ханом, а также связанная с этими событиями поездка в Пекин францисканского монаха Джовани Мариньолы.

Монголы с самого начала способствовали тому, чтобы католический миссионер Джовани Монтекорвино создал в Китае свою миссию. Однако после его смерти в 20—30 гг. XIV в. христианская община в Китае довольно-таки длительный период оставалась без духовного лидера. Когда известия об этом дошли до Европы, то папа Иоанн XXII проявил обеспокоенность и направил в Китай францисканца Николая. Однако тот не попал на место назначения, потому что умер в дороге. Это очень обеспокоило и Великого Хана монголов, и его подданных и потому они в 1336 г. посылают Папе Римскому письма. Там монгольский император Токалмут-хан в частности отметил: “Мы посылаем нашего посла франка Андрея с 15 спутниками через 7 морей к папе, христианскому повелителю, в Страну франков, где заходит солнце, для продолжения пути, по которому Мы папе и папа Нам могли бы чаще направлять посольства, чтобы выпросить Нам благословение папы, чтобы он молился за Нас и Наших верных слуг, аланов, его христианских сыновей.” [Хеннинг, 1962, с. 224]. Аланы со своей стороны просили папу Римского прислать легата и отметили при этом: “...в этих частях земли христианам оказывается большое уважение, хотя кое-где о них [монголах. — О. Б.] распространяется также клевета” [Хеннинг, 1962, с. 225].

И в то время, когда посольство монголов двинулось из Пекина в Рим в 1334 г. умирает папа Иоанн XXII и его преемником становится Бенедикт XII (1334—1342 гг.). Судя по всему, новый глава католической церкви получил послание, адресованное его предшественнику, и потому в июле 1338 г. посольство монголов из Рима отправляется в обратный путь в Китай. В его составе находился францисканский патер Джовани Мариньола, который получил от Бенедикта XII приказ вернуться назад, т. е. пока не назначался епископом Китая. Папа передал с посольством письма правителю монгольского государства Чагатаидов в Средней Азии, Великому Хану монголов и аланским князьям в Китае. Посольство успешно добралось до Китая. Однако Дж. Мариньола не достиг больших успехов на Дальнем Востоке. Поэтому он стал просить монгольского императора, чтобы тот отпустил его назад в Европу. Токалмут-хан вынужден был пойти на это, но при условии, что со временем в Пекин вернется сам Дж. Мариньола или другой кардинал с соответствующими полномочиями и станет в его стране епископом, “перед которым благовеют все жители Востока, христиане они или нет”. В связи с этим Дж. Мариньола также отметил в своих записях, что видел в Китае в Зайтуне и Ханчжоу три христианские церкви. Католический легат покинул Китай в 1346 г. и

оказался в Европе лишь в 1353 г. [Хеннинг, 1962, с. 227—228]. После этого контакты между главой католической церкви и монгольским императором не возобновлялись, чему в немалой степени способствовали политические события.

В связи с вышеизложенным, возникает вопрос: почему монгольский император, заботясь о своих подданных аланах-христианах, обратился в первой половине XIV в. к Папе Римскому, а не к Константинопольскому патриарху? Исследователями уже давно доказано, что аланы до своего переселения на Дальний Восток официально придерживались православного христианства, но, как отмечали средневековые авторы, очень плохо разбирались в догматах христианской религии [Кулаковский, 1898б]. Очевидно также, что монгольские императоры в отношении к христианам не видели особой разницы между православными и католиками и поэтому относительно своих подданных христиан-аланов, обратились к Папе, с которым до этого имели контакты. Необходимо отметить, что римско-католическая церковь еще в 40—50-е гг. XIII в. проявляла большой интерес к монголам, надеясь еще тогда сделать из монгольских ханов-язычников христиан-католиков. Об этом могут свидетельствовать путешествия Дж. П. Карпини и Г. Рубрука в центр Монгольской империи — Каракорум. Однако, когда монгольские ханы на Дальнем Востоке склонились к буддизму, Римский двор стремился поддерживать контакты с Пекинским двором скорее всего уже из чисто политических и экономических соображений. Очевидно Папа Римский в лице Великого хана, который являлся буддистом, стремился иметь союзника в борьбе с блоком мусульманских государств. И этому в значительной степени могло способствовать наличие христиан при дворе монгольского императора в Пекине, среди которых было много аланов-асов. То, что после отбытия Дж. Мариньолы из Пекина в 1346 г. Папа Римский уже не стремился продолжать контакты с Пекинским двором, может лишний раз свидетельствовать о потере Ватиканом надежды укрепить свои позиции на Дальнем Востоке.

В конечном итоге получается, что аланы-асы, переселенные монголами с Северного Кавказа на Дальний Восток, долгое время сохраняли свою национальную, религиозную и культурную самобытность и, несомненно, представляли отдельный этнос. Этому во многом способствовала политика монгольской династии Юань. Однако, несмотря на это, уже в начале XIV в. наметилась обратная тенденция. Аланы-асы постепенно стали занимать в монгольском обществе все более весомые позиции, так как монголы, чувствуя свое одиночество среди покоренного враждебного китайского населения, стремились максимально приблизить к себе своих союзников-асов. И это им удалось!

В XIV в. среди дальневосточных аланов-асов старые христианские имена стали вытесняться монгольскими: Бадур, Худу Тимур, Бец-зеба и т. п. Высокое положение асов в монгольском обществе, смешанные браки между асами и монголами привели в конечном итоге к тому, что наиболее влиятельные из асов стали представлять часть правящего класса империи Юань [Иванов, 1914, с. 298—300].

В 1368 г. в результате долгой многолетней борьбы в Китае пала династия Юань. Последний монгольский император Китая Тогон-Тимур покинул Пекин и ушел в старую монгольскую столицу г. Каракорум. В результате, к власти пришел один из руководителей восстания Чжу Юань-чжан, основавший династию Минь (1368—1644 гг.). Вместе с монголами в степи Монголии последовали и их союзники-асы. Китайские документы об этом сообщают: “Когда основатель Миньского дома овладел Пекином; из четырех миллионов монголов 600 000 спаслось бегством в свои степи; десять тысяч из них поселилось в Ордосте; десять тысяч в Тумате; десять тысяч в аймаках: *Асум*, Ионсибу и Кардин; все они образовали отдельные владения и живут по своим законам” [Горский, 1852, с. 102—103]. В связи с этим можно согласиться с мнением В. Я. Владимирцова, что за период существования Монгольской империи асы в конечном итоге успели “омонголиться” и поэтому “происхождение монгольского племени *Асум* следует связывать с аланами-асами, которые когда-то составляли правое крыло монгольского войска” [Владимирцев, 1934, с. 131, прим. 8].

Уместно задать вопрос: сколько же аланов-асов находилось на службе у монгольского императора на Дальнем Востоке? Письменные источники по этому поводу дают несколько противоречивую информацию. В “Юань-ши” сказано, что для предводителя гвардии асов высшей наградой являлась золотая тигровая пайца, которую, по мнению А. Иванова, мог носить только десяти тысячник [Иванов, 1913, с. 285, прим. 1]. Отсюда следует вывод, что гвардия асов в Китае могла достигать 10 тысяч человек. Однако некоторые исследователи, опираясь на сообщение Мариньолы, называют и другую цифру — 30 тысяч [Калоев, 1967, с. 22; Ламанский, 1899, с. 118; Рерих, 1967, с. 244]. Исходя из этого, В. А. Кузнецов высказал предположение, согласно которому общее количество аланов, переселенных с Северного Кавказа на Дальний Восток, могло достигать 100 тысяч. Основанием для этого послужило предположение, что с мужчинами-воинами могли быть переселены и их семьи [Кузнецов, 1984, с. 267]. Однако логичней предположить, что монголы стремились переселить на Дальний Восток, прежде всего, воинов, а не их семьи. И поэтому цифра 100 тысяч в данном случае выглядит несколько завышенной.

Таким образом анализ ситуации с аланами показывает, что когда успех монгольского оружия становился все более значительным на Северном Кавказе, то в середине XIII в. значительная часть аланских князей как с Западной, так и с Восточной Алании со своими войсками стали переходить в состав монгольской армии. И именно это в значительной степени стало способствовать тому, что аланы-асы помогли монголам успешно завершить их завоевания, особенно на Дальнем Востоке. В конце-концов, в Китае оторванные от своего основного массива аланы-асы становились во враждебном китайском окружении частью правящего класса монгольской династии Юань. Необходимо обратить внимание на то, что в сложившейся в империи Юань социальной иерархии общества — а) монголы; б) выходцы из западных стран; в) китайцы, кидани; г) жители бывшей Южной Сун — аланы-асы занимали следующую за монголами ступень и соответственно имели высокий социальный статус. Поэтому монголы в Китае относились к данной этнической группе очень лояльно и проявили большое уважение к религии своих союзников. Оторванность аланов от своей родины и враждебное отношение к ним, как и к монголам, со стороны местного китайского окружения способствовали ассимиляции на Дальнем Востоке аланов-асов численно преобладавшими над ними монголами. При этом взаимоотношения аланов и монголов на Северном Кавказе и в Восточной Европе носили несколько иной характер.

В случае с аланами видим, что монголы придерживались древней традиции завоевателей, в соответствии с которой часть наиболее беспокойных подданных переселялась во враждебное окружение в другие части империи, а на их территорию присылались воинские гарнизоны из иных территорий государства, совершенно отличные от местного населения в этническом и культурном отношении. Поэтому мы вправе считать, что монголы придерживались принципа: “Разделяй и властвуй!”. Следовательно, в факте переселения аланов-асов с Северного Кавказа на Дальний Восток можно видеть четко спланированную и хорошо организованную акцию. Переселяя аланов в Монголию и Китай, монгольские ханы ослабляли силы не до конца покоренной северокавказской Алании, а также усиливали свои вооруженные силы, необходимые для покорения Южного Китая.

Случай с аланами на Дальнем Востоке также свидетельствует об особой веротерпимости монгольского императора по отношению к своим подданным-христианам. Однако религиозную толерантность монголы проявляли не только на Дальнем Востоке, но и в Золотой Орде. В этом отношении весьма показательно относящееся к началу XIV в. сообщение венгерского католического миссионера Иоганки о положении христиан в Восточной Европе: “... татары военной мощью подчинили себе разные племена из народов христианских, но позволяют им по-прежнему сохранять свой закон и веру, не заботясь или мало заботясь о том, кто

какой веры держится — с тем, чтобы в мирской службе, в уплате податей и сборов и в военных походах они [подданные] делали для господ своих то, что обязаны по изданному закону. Они даже сохраняют такую свободу христианам, что многие женись и содержат большую семью, становятся иногда богаче своих господ, причем господа те не решаются коснуться имущества рабов и даже зовут их товарищами, а не рабами; но когда господа идут в бой, те вооружившись следуют за ними честно служа против сарацинов, сражаясь с ними и соблюдая верность договору” [Аннинский, 1940, с. 91]. Среди этих золотоордынских христиан были аланы, проживавшие не только на Северном Кавказе, но и во многих местах Восточной Европы. Ярким доказательством того, что аланы в Золотой Орде продолжали беспрепятственно исповедовать христианство, могут являться акты Константинопольского патриархата, где упоминается Аланская митрополия, в сферу влияния которой в XIV в. входил не только Северный Кавказ, но и Нижний Дон [Древние акты..., 1867, с. 449—455; Кулаковский, 1898б, с. 13—15].

В данном случае веротерпимость монголов отражала предписания, нашедшие свое отображение в “Ясе” Чингис-хана. Сохранившиеся в средневековых текстах фрагменты этого кодекса законов свидетельствуют о том, что сам Чингис-хан не принадлежал к какой-либо религии и не превозносил одну религию над другими. Наоборот он “приказал уважать все религии и не высказывать предпочтения какой-либо из них” [Вернадский, 1997, с. 108]. Именно эта толерантность привела к поликонфессиональности не только внутри самого монгольского этноса, но даже среди правящего клана потомков Чингис-хана. Захватившие Дальний Восток монголы стали придерживаться одного из направлений буддизма, создатели государств Джучидов, Чагатидов и Хулагуидов приняли ислам. Естественно, что принятие монголами-завоевателями местных религий диктовалось чисто политическими соображениями.

Однако с данных позиций нельзя идеализировать внутреннюю политику монголов как в Золотой Орде, так и во всей Монгольской империи. Известная веротерпимость монголов являлась отличительной чертой не только монгольских государств. Исследователи уже давно отметили особую веротерпимость принявших иудаизм хазар по отношению к мусульманам, христианам и язычникам [Григорьев, 1834; Артамонов, 1962, с. 266, 325, 327, 329—331, 334, 412, 414—415; Pritsak, 1978; Заходер, 1962, с. 146—166; Новосельцев, 1990, с. 153]. По наблюдениям А. Е. Крымского веротерпимость особенно была присуща арабам-бедуинам как в предисламский период, так и во времена создания Арабского халифата” [Крымский, 1912, с. 87—92, 126—127]. И таких примеров религиозной толерантности и связанной с ней поликонфессиональности кочевых этносов можно привести немало.

В соответствии с этим можно сделать вывод, что поликонфессиональность и веротерпимость были присущи не только монголам, но и другимномадам. В этом следует видеть одну из закономерностей в развитии кочевого общества, где даже в период создания государств и империй с постоянными границами продолжали доминировать прежние родо-племенные отношения. На примере монголов мы видим, что создатели огромной империи оставались разделенными на отдельные кланы и племена, которые были рассеяны на обширных территориях. В результате этого устанавливались контакты с различными земледельческими цивилизациями, что приводило к поликонфессиональности не только в среде господствовавшего монгольского этноса, но даже среди самих Чингизидов. Поэтому преследование за религиозные убеждения могло быстро привести к нарушению целостности не только самой Монгольской империи и ее составных частей, но и самого господствовавшего над многими народами монгольского этноса.

Кроме того, на Дальнем Востоке аланы-асы вместе с монголами представляли часть завоевателей Китая, а на Северном Кавказе, в Хорезме и Восточной Европе аланы, наоборот, являлись частью покоренных монголами народов. Поэтому положение аланов, как и других народов в Золотой Орде, резко отличалось от

положения их соплеменников в Китае. Необходимо также учитывать, что вопреки представлениям некоторых историков в средние века подавляющая часть аланов уже не относились к кочевому населению Евразийской степи, а они представляли собой преимущественно оседлое население предгорий и гор Северного Кавказа, Крыма, степей Восточной Европы и Хорезмского оазиса. В соответствии с этим фактором и строились отношения между кочевниками-монголами и покоренными ими аланами.

Поэтому особый интерес могут представлять наблюдения Б. Я. Владимирцова о характере взаимоотношений между монголами и оседлым населением в западных частях Монгольской империи: “Культурные области с оседлым населением, входившие в уделы царевичей, были первоначально подчинены хану-императору, который правил ими через особо-назначенных губернаторов (*darugacin*); царевичи же пользовались только доходами с этих земель, причем не имели права сами производить сбора податей. Царевичи, следовательно, являлись в своих уделах военными феодалами, и власть их распространялась только на *nutug-yurt*, на котором кочевали выделенные им монголы (*ulus*), а с земель с культурным оседлым населением они могли получать только часть доходов, которыми непосредственно распоряжались *darugacin*’ы, поставленные великими ханами. Надо отметить, что подобное положение не могло продолжаться долго и царевичи очень скоро превратились в полунезависимых, а потом и совсем независимых государей — правителей самостоятельных царств в западной части Монгольской империи” [Владимирцов, 1934, с. 100].

К тому же, положение немонгольского кочевого населения и земледельцев Золотой Орды было различным. После походов Батыя в степной части Золотой Орды продолжал сохраняться значительный процент кипчаков-половцев. На основе анализа данных ряда письменных источников и результатов археологических исследований С. А. Плетнева пришла к выводу, что в начале золотоордынского периода монголы уничтожили половецкую знать. Археологическим подтверждением этого, по мнению исследователя, является “полное исчезновение каменных изваяний в европейских степях во второй половине XIII в.” Причину такой жестокости монголов С. А. Плетнева видит в экономических факторах: “Непрекращавшиеся волнения в степях, мешавшие монголам наладить собственную экономическую базу (планомерное кочевание) и создававшие постоянную опасность в уже как будто бы завоеванном тылу, привели к тому, что монголы решили просто уничтожить всю половецкую аристократию” [Плетнева, 1990, с. 179]. Следовательно, репрессии монголов против половецкой аристократии являлись не неоправданной жестокостью, а представляли собой вынужденную необходимость. В данном случае необходимо исходить из того, что завоеватели-монголы, как и кипчаки-половцы, относились к носителям одного и того же хозяйственно-культурного типа — кочевого скотоводческого хозяйства. Следовательно, монголы, в первую очередь, были заинтересованы в контроле над пастбищами для своего скота в Дешт-и Кипчак. Поэтому в таких ситуациях первыми удар принимают проживавшие здесь до завоевания кочевники. Однако монгольское вторжение не привело к тотальному уничтожению половецкого населения в степи и этому есть свои объяснения.

Л. Н. Гумилев объяснял это тем, что в Золотой Орде “монголы в этом улусе составляли незначительное меньшинство” [Гумилев, 1989, с. 616]. Именно данный фактор привел к той ситуации в Золотой Орде, которую ал-Умари охарактеризовал следующим образом: “В древности это государство было страной кыпчаков, но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом они [татары] смешались и породнились с ними [кыпчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [татар], и все они стали точно кыпчаки, как будто они одного [с ними] рода, оттого, что монголы [и татары] поселились на земле кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их [кыпчаков]” [Тизенгаузен, 1884, с. 213—214, 235]. Таким образом, немногочисленность монголов

могла привести к тому, что эти завоеватели не были заинтересованы в значительном уничтожении прежнего населения степей, ибо это диктовалась чисто экономическими соображениями — монголы получили только необходимое им количество пастбищ, оставив остальную их часть кыпчакам. Сам процесс тюркизации монголов, которые составляли верхушку золотоордынского общества, лишний раз может свидетельствовать, что кочевники-кыпчаки в Золотой Орде заняли следующую после монголов ступень в социальной иерархии золотоордынского общества, т. е. они занимали более высокое социальное положение в Улусе Джучи, чем то оседлое население государства, к которому относились аланы. В этом следует видеть одну из закономерностей многих кочевых обществ. То, что в Золотой Орде кочевники имели более высокий социальный статус, чем земледельцы, может свидетельствовать та разница в налогах и повинностях, которая возлагалась на различные слои населения золотоордынскими ханами.

Как уже отмечалось, в древнерусских летописях под 1277—1278 гг. помещено сообщение о походе русских князей, вассалов Золотой Орды, на яский город Дедаков [Воскр. л., 1856, с. 194; Приселков, 1950, с. 229; Новгород. I л., 1848, с. 72]. В связи с этим вызывает интерес предположение В. А. Кузнецова и А. В. Гадло о причинах этого похода. Исследователи считают, что предпосылкой штурма Дедакова золотоордынскими войсками стало восстание аланов против жестокого налогового режима, который установила монгольская администрация на завоеванных землях аланов. Данное предположение базировалось на том, что, согласно данным армянских и грузинских источников, в 1254 г. монголы произвели перепись населения в Золотой Орде, что, по мнению В. А. Кузнецова и А. В. Гадло, привело к установлению тяжелого налогового гнета в различных частях Улуса Джучи, в том числе и на Северном Кавказе [Кузнецов, 1984, с. 262—263; Гадло, 1994, с. 180—181]. Однако данное предположение требует подтверждения со стороны других источников. К тому же, не стоит игнорировать мнение Ю. А. Кулаковского, что поход монголов на Дедаков в 1277 г. мог представлять собой завершающий процесс покорения горной части Алании, а не карательную акцию против восставших аланов — подданных хана Золотой Орды [Кулаковский, 1899а, с. 57—60].

По наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, в Золотой Орде в XIII в. оседлое население несло следующие повинности: а) дань — “подать, которая взыскивалась, на основании переписи”; б) “тамга” и “десятина” — сбор в пользу монголов; в) взыскивалось “ордынское серебро”; г) “разного рода повинности по обеспечению монгольских властей подводами, кормом, лошадьми”, включая “ям”; д) “поплужная подать” — “поземельный налог, взимающийся с плуга, рала”; е) повинность выставять воинов”; ж) дань в размере 1 головы скота с 10 голов [Федоров-Давыдов, 1973, с. 34—35; 39]. Однако это количество налогов и повинностей не распространялась на христианских священников и монахов [Федоров-Давыдов, 1973, с. 35].

Что же касается повинностей немонгольского кочевого населения, преимущественно половцев, то они уже отличались от обязанностей оседложивущих земледельцев, а именно: а) дань в размере 1 головы скота со 100 голов; б) натуральная рента продуктами животноводства; в) “повинность выделять лошадей, подводы и людей для послов общеимперской почты”; г) вменялось выделять “надсмотрщиков стадами и пастбищами и стражей имперских складов”; д) кормление послов; е) “необходимость выставять большое количество людей для облавы во время охоты хана”; ж) повинность выставять воинов [Федоров-Давыдов, 1973, с. 40—41].

Повинности же незнатного населения из числа монголов-завоевателей были незначительны: а) “из каждого стада овец один годовалый баран должен был поставляться ежегодно к ханскому двору и одна годовалая овца из сотни овец в фонд поддержки нуждающихся”; б) воинская повинность; в) “дополнительные налоги, введенные в более поздний период” [Вернадский, 1997, с. 134]. Г. В. Вернадский отметил изменения в положении монголов в Улусе Джучи после

XIII в.: “Однако не государственные налоги, а сборы различного рода, возложенные на население владений князей, являлись тяжелой ношей для монголов в XIV и XV веках, в особенности потому, что владения князей разрослись в этот период” [Вернадский, 1997, с. 134].

Таким образом, анализ содержания налогов и повинностей, возложенных на население Золотой Орды, показывает, что наиболее привилегированное положение занимали кочевники-монголы, при этом кочевники-половцы находились на более низкой ступени в этой иерархии, и в наибольшей степени отягощенными повинностями оказались оседлые народы. К числу последних следует отнести аланов. Здесь мы отчетливо видим проявление характерного для многих кочевых обществ принципа, согласно которому в обществе кочевники-скотоводы занимали более высокое социальное положение, чем оседложивущие земледельческие народы. Однако в данном случае весьма проблематично говорить о чрезвычайно тяжелом положении оседлых народов в Золотой Орде, учитывая то, что они составляли значительный процент населения этого монгольского государства. Следовательно, если бы их положение было настолько тяжелым, то Золотая Орда не смогла бы просуществовать более двухсот лет, учитывая возможность периодических восстаний покоренных народов. Однако письменные источники молчат на этот счет. Кроме того, завершив завоевания, монголы были заинтересованы в восстановлении экономики на территории Улуса Джучи, где традиционно на протяжении веков мирно сосуществовали связанные между собой кочевой скотоводческий и оседлый земледельческий типы хозяйства. Поэтому можно вполне согласиться с мнением Л. Н. Гумилева, что “будучи в абсолютном меньшинстве золотоордынские монголы не имели возможности создать деспотический режим” [Гумилев, 1989, с. 536].

В сложившейся ситуации особый интерес может представлять сообщение арабоязычного автора XIV в. ал-Умари о системе взаимоотношений между золотоордынским ханом и зависимыми оседлыми народами в Золотой Орде: “У султана этого государства рати Черкесов, Русских и Асов. Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодovitых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя [водится скот], текут реки и добываются плоды. Они [Черкесы, Русские и Асы] не в силах сопротивляться султану этих стран и поэтому обходятся с ним, как подданные его, хотя у них и есть [свой] цари” [Тизенгаузен, 1884, с. 210, 231]. На основании этого Л. Н. Гумилев сделал предположение, согласно которому “Орда возглавляла конфедерации местных этносов, удерживаемых в составе государства угрозой нападения” [Гумилев, 1989, с. 536]. Однако данное определение выглядит не совсем правильным и подходит для характеристики только взаимоотношений между князьями Руси и золотоордынскими ханами. По определению В. Л. Егорова, Русь “никогда не интересовала Золотую Орду с точки зрения приращения территории” [Егоров, 1985, с. 230]. Аналогичное мнение высказал также Б. Д. Греков: “завоеванные татарским войском русские земли не вошли непосредственно в состав Золотой Орды” [Греков, Якубовский, 1950, с. 220]. В данном случае сообщение ал-Умари о вассальной зависимости правителей народов восточноевропейских стран от золотоордынских ханов приемливо только для характеристики отношений князей Руси и ханов Золотой Орды. Б. Д. Греков охарактеризовал это следующим образом: «Золотоордынские ханы рассматривали русские земли как политически автономные, имеющие свою собственную власть, но находящиеся в зависимости от ханов и обязанные платить им дань... Русские феодальные княжества стали в вассальные отношения к хану. Зависимость от ханов выражалась в том, что русский великий князь садился на своем столе “пожалованием царевым”, т. е. ханским... Посаженный на стол от имени хана князь ставился в то же время под контроль ханской власти. Это относится уже не только к великому князю, а и к другим князьям» [Греков, Якубовский, 1950, с. 220]. Что же касается аланов, черкесов и других оседлых

народов, проживавших непосредственно на территории Золотой Орды, то зависимость их от золотордынских ханов носила уже иной характер.

Говоря о внутреннем устройстве Золотой Орды Л. Н. Гумилев считал, что “Улус Джучиев был химерной целостностью в еще большей степени, чем Иран и Средняя Азия” [Гумилев, 1989, с. 616]. Однако насколько данное представление согласуется с нашими знаниями об улусном устройстве Золотой Орды? По определению В. Л. Егорова, Золотая Орда представляла огромные территории, в XIII—XIV вв. раскинувшиеся на востоке от тайги и степей Западной Сибири до Балкан на западе. При чем, с течением времени территория Золотой Орды постепенно сокращалась. Значительную часть территории Улуса Джучи составляли степи. Оседлое же население было сосредоточено в районе Хорезмского оазиса, в городах и поселениях Нижней и Средней Волги, Подонья, Северного Кавказа, Нижнего Поднепровья, Восточного Крыма, Днестровско-Прутского междуречья [Егоров, 1985, с. 26—74]. Весьма характерно, что именно в этих районах Золотой Орды письменные источники зафиксировали аланов.

По наблюдениям Г. А. Федорова-Давыдова, улусная система в Золотой Орде после Бату подверглась дальнейшей трансформации. Исследователь отметил, что собственно Улус Джучи делился на более мелкие улусы, границы которых периодически менялись и подлежали пересмотру. При этом покоренные народы входили в состав улусов монгольской аристократии и в соответствии с этим составляли новые военные подразделения. Уже во времена Бату намечилось деление территории улуса Джучи, собственно правого крыла Монгольской империи, на левое и правое крыло. При этом деление на правое и левое крыло было многоступенчатым, т. е. при этой системе было вторичное, а возможно и третичное деление западных и восточных частей улусов. Именно это позволило Г. А. Федорову-Давыдову прийти к следующему выводу: «Деление на правое и левое крыло, на два больших отдела — традиционное деление монгольских и тюркских народностей... В начале оно соответствует племенному делению, но уже в собственно Монголии XIII в. оно соответствовало не племенным, а военно-кочевым держаниям и при делении на два крыла одно племенное или родовое подразделение могло дробиться на две части и попасть в разные крылья. В завоеванных степях Дешт-и Кыпчак собственно монголы также перемешались при делении на два крыла. Расчленение на два улуса — два крыла теперь в Дешт-и Кыпчак было не делением племен и родов на два отдела, а делением завоеванной земли и ее населения на два “подгосударства”, по проведенным основным этническим границам, сложившимся еще до завоевания» [Федоров-Давыдов, 1973, с. 50—58].

Весьма примечательно, что уже во второй половине XIII в. письменные источники фиксируют аланов не только на Северном Кавказе, но и в степях Северного Причерноморья. В соответствии с предложенной схемой, Г. А. Федоров-Давыдов сделал предположение, что собственно западная часть улуса Джучи при темнике Ногае делилась на правое (западное) крыло, во главе которого стоял Ногай, и левое крыло, куда входил Северный Кавказ, возглавляемое самим ханом Золотой Орды и представлявшее собой “домен” золотоордынских ханов. При этом граница между этими улусами проходила по р. Дон [Федоров-Давыдов, 1973, с. 60—61]. Следовательно, аланы Северного Кавказа входили в левое крыло Западной Орды, а аланы Северного Причерноморья составляли правое крыло этого подгосударства. Таким образом, в данной особенности можно видеть нарушение монголами характерной для государств кочевников традиции создания административной системы в соответствии с этническим принципом. Наоборот, здесь возобладал территориальный принцип, при котором этнические группы оказывались специально разделенными по территориям улусов. В этом и проявилась одна из особенностей административной системы, введенной монголами на оккупированных территориях. Именно это предполагало, что монголы в целях ослабления позиций покоренных народов могли переселять их часть в другие отдаленные от

центра государства улусы. В этом следует видеть четко продуманную монголами политику по отношению к покоренным народам. Следовательно, в ситуации с аланами можно предположить, что значительный процент аланов мог быть переселен монголами в причерноморские степи и Северо-Западное Причерноморье с территории северокавказской Алании, покорение которой завершилось лишь во второй половине XIII в. Именно данное предположение находится в противоречии с версией В. А. Кузнецова, согласно которой появление аланов в причерноморских степях, Молдавии, Румынии и Венгрии следует считать результатом бегства последних от погромов, учиненных монголами на Северном Кавказе в 1238—1239 гг. [Кузнецов, 1984, с. 268—269]. Однако необходимо отметить, что аланы-асы в этих регионах начали фиксироваться письменными источниками лишь в конце XIII — начале XIV вв., т. е. со значительным хронологическим разрывом от времени вторжения монголов на Северный Кавказ. Кроме того, непонятно, как могли бежать аланы с Северного Кавказа на запад в 1238—1239 гг. через степи уже занятые монголами (монголы в конце 1238 г. нанесли по северокавказской Алании удар с северо-запада)?

С административной системой Золотой Орды была непосредственно связана система комплектования золотоордынских войск. Г. В. Вернадский охарактеризовал военно-административную систему улуса Джучи следующим образом: “Организация армии в Золотой Орде строилась в основном по монгольскому типу, установленному Чингис-ханом, с десятичным разделением. Армейские части группировались в два основных боевых порядка: правое крыло, или западная группа и левое крыло, или восточная группа. Центр, по всей вероятности, составляла гвардия хана под его личным командованием. ... Как и в других частях Монгольской империи, армия составляла основу ханской администрации, каждой армейской части был подчинен отдельный район в Орде. С этой точки зрения мы можем сказать, что в административных целях Золотая Орда была разделена на мириады [десятки тысяч. — О. Б.], тысячи, сотни и десятки. Командир каждого подразделения отвечал за порядок и дисциплину в его районе. Все вместе, они представляли собой местное самоуправление в его районе” [Вернадский, 1997, с. 218]. К этому следует добавить, что тьмы, тысячи и т. п. в золотоордынской армии формировались из числа местного подвластного населения, в соответствии с делением государства на большие и малые улусы.

Данные письменных источников позволяют локализовать аланов в XIII—XV вв. не только на Северном Кавказе и центральных областях Улуса Джучи, но и на окраинных территориях Золотой Орды — в Северо-Западном Причерноморье, в причерноморских степях, в Хорезме. Отсюда можно сделать вывод, что золотоордынские ханы и военачальники активно использовали военный потенциал аланов во время войн за расширение территории золотоордынского государства, а в мирное время — для несения пограничной гарнизонной службы. Уже отмечалось, что вооруженные силы аланов были успешно использованы монгольскими императорами на Дальнем Востоке. К этому следует добавить, что в предыдущее время аланские контингенты постоянно присутствовали в составе войск хазар, печенегов, половцев и других средневековых армий Евразийской степи. В связи с этим необходимо выяснить, почему средневековые номады на протяжении многих столетий активно использовали боевой потенциал аланских войск?

Г. В. Вернадский объяснял это следующим образом: “В древние времена иранцы могли похвастаться сильнейшей кавалерией на свете: Парфия и Сасаниды в Иране, а также аланы в евразийских степях. Иранцы делали различие между тяжелой кавалерией, вооруженной мечом и копьем как основным оружием, и легкой кавалерией, вооруженной луком и стрелами. Аланы, в основном, зависели от тяжелой кавалерии... С другой стороны, монголы развили и довели до совершенства гуннскую экипировку и приспособления. Но аланские традиции также играли

важную роль в монгольском военном искусстве, поскольку монголы использовали тяжелую кавалерию в дополнение к легкой” [Вернадский, 1997, с. 116].

Тем не менее, нельзя полностью согласиться с данным мнением Г. В. Вернадского, потому что вооружение и структура войск аланов уже в период раннего средневековья существенно отличалась от военных традиций их предков времен поздней античности. При этом следует учесть, что наиболее изученным оказалось военное дело аланов лесостепного Подонья, которые мигрировали сюда с Северного Кавказа в первой половине VIII в. Необходимо отметить, что военное дело средневековых аланов, их вооружение, структура и социальный состав войска почти с момента открытия Верхнесалтовского катакомбного могильника были всегда в центре внимания исследователей. Разработкой этих вопросов занимались В. А. Бабенко [Бабенко, 1910, с. 12, 26], В. В. Арэнд [Arendt, 1934, с. 48—68], А. А. Захаров [Zakharov, 1934, s. 6—47], М. Я. Мерперт [Мерперт, 1955, с. 143—151], Б. А. Шрамко [Шрамко, 1962, с. 282—283] и С. А. Плетнева [Плетнева, 1967, с. 158, 162—170; 1989, с. 273—282]. Тем не менее, наиболее детально рассмотрел эту проблему несколько лет назад А. В. Крыганов. Это было связано с тем, что за последние десятилетия коллекция аланского вооружения значительно увеличилась — при написании статьи им было использовано более чем 280 погребальных комплексов с оружием [Крыганов, 1993, с. 52—62]. Подытоживая свои наблюдения относительно видов вооружения аланов лесостепного Подонья А. В. Крыганов пришел к выводу, что для аланов было характерно легко вооруженное войско, где важнейшими видами воинского снаряжения были боевые топоры, луки со стрелами, сабли, а также лошадиные доспехи [Крыганов, 1993, с. 58].

Относительно интерпретации видовой структуры войска средневековых аланов существуют несколько подходов. По мнению В. А. Бабенко, салтовское войско состояло из вооруженной топорами и кинжалами пехоты и кавалерии, вооруженной саблями и копьями [Бабенко, 1914, с. 443]. Аналогичных взглядов придерживается также А. В. Крыганов. Однако он считает, что в отличие от представителей других этносов салтовской культуры, “аланы почти не пользовались копьями во время боевых действий” [Крыганов, 1993, с. 59]. Другого мнения на этот счет придерживались М. Я. Мерперт и С. А. Плетнева, которые считали, что все салтовское (в том числе аланское) войско было исключительно конным [Мерперт, 1955, с. 143—151; Плетнева, 1967, с. 168]. По нашему мнению, большей аргументованностью отличается первое предположение. В пользу существования, кроме кавалерии, у аланов пехоты свидетельствует то, что “у раннесредневековых кочевников пехота использовалась прежде всего для несения гарнизонной службы в крепостях”. “Именно такая служба, — отмечает далее А. В. Крыганов, — могла выполняться аланами Подонья, беря во внимание значительное количество расположенных на пограничье степного и оседло-земледельческого (славянского) мира аланских городищ-крепостей” [Крыганов, 1993, с. 59].

Таким образом, есть основания считать, что аланы лесостепного Подонья в VIII—X вв. выполняли пограничную воинскую службу по охране северо-западных рубежей Хазарского каганата. Об этом может свидетельствовать достаточно большое количество крепостей в бассейне Северского Донца. Соответственно это войско аланов должно было состоять не только из легкой кавалерии, но и из пехоты. Если наступали тяжелые времена, то к войску привлекались не только мужчины, но и женщины. Аналогичный состав войска и вооружения аланов продолжал существовать и на Северном Кавказе. Раскопки Змейского катакомбного могильника, функционирование которого относится к X—XII вв., показали, что часть местного населения придерживались при погребении умершего старых языческих традиций. Это дает возможность установить комплекс вооружения населения северокавказской Алании в предмонгольский период. Как уже отмечалось, на Змейском могильнике умерших продолжали хоронить в семейных склепах-катакомбах, где среди инвентаря, как и в Верхнем Салтове, встречались сабли, топоры и т. п., а также

конские захоронения на территории могильника и т. п. [АРПСЗСО, 1961]. А это означает, что войско аланов Северного Кавказа, которое монголы в XIII в. использовали для своих походов как на Дальнем Востоке, так и в Европе, также состояло из легкой кавалерии и пехоты.

По наблюдениям Г. В. Вернадского, в монгольском войске преимущество отдавалось вооруженной луками и стрелами легкой кавалерии, хотя очень часто применение тяжелой кавалерии, вооруженной саблями, копьями, топорами, булавами и арканом, давало ощутимые результаты [Вернадский, 1997, с. 118—119]. Учитывая это, следует отметить, что монголы вели боевые действия как в степях, так и в местах с разнообразными ландшафтами — в лесах, горах, городах и т. п.. Наиболее приспособленными для такого рода боевых действий оказались северокавказские аланы, потому что легкая кавалерия монголов оказывалась неэффективной вне сражений на открытой местности.

Кроме того, данные письменных источников, археологических и антропологических исследований свидетельствуют о том, что определенная часть потомков алано-болгар хазарского времени в начале монгольской экспансии должны были сохраняться также в степях Днепровско-Донского междуречья и входить в общность бродников. Как уже отмечалось, бродники упоминаются в 1223 г. при описании битвы на р. Калке между монголами и объединенными войсками князей Руси и половцев, где они выступили на стороне монголов [Патриаршая л., 1825, с. 91—92; Лаврентьевская л., 1926—1928, с. 508].

Анализ тех отрывков древнерусских летописей, где речь идет о событиях 1147 г., 1216 г. и 1223 г., свидетельствует о том, что бродники занимались не только обслуживанием переправ и торговлей, но и являлись военными наемниками, которые принимали участие в междоусобицах, сотрясавшими Русь и Половецкую степь накануне прихода монголов. Недаром монголы в 1223 г. сумели переманить на свою сторону бродников и удачно использовали их военный потенциал. Исходя из того, что древнерусские летописи свидетельствуют о неоднократном продвижении монголов к Днепру в начале 1223 г., можно предположить, что именно там монголы могли завербовать бродников, в результате чего те выступили в сражении на Калке в составе войск монголов. Не исключено, что после этой битвы определенная часть бродников могла присоединиться к монголам и уйти с войсками Джебе и Субедея на Среднюю Волгу, где они могли принять участие в нападении на Волжскую Болгарию [Греков, Якубовский, 1950, с. 51].

В связи с этим возникает закономерный вопрос: что побудило монголов, князей Руси и половцев пользоваться услугами бродников? Прежде всего, необходимо учесть, что для войск средневековых кочевников и Руси особое стратегическое значение имело осуществление переправ через реки. Именно в этих случаях могли понадобиться услуги бродников, которые контролировали плавсредства и т. п., т. е. выполняли функции инженерных войск. Кроме этого, имеет смысл установить характер этих отрядов с их тактическими возможностями в непосредственно боевых условиях, исходя из наличия данных о вооружении этого слоя населения степи. В связи с этим, большой интерес представляет анализ погребального инвентаря Каменского могильника, который можно связать с алано-болгарской частью бродников.

По определению А. А. Козловского, только восемь погребальных комплексов содержали материал, который позволил датировать Каменский могильник XII—XIV в. [Козловский, 1992, с. 120]. Э. А. Сымонович и А. А. Козловский считают, что инвентарь Каменского могильника во многих чертах находит аналогии в вещевых комплексах кочевников того времени [Сымонович, 1956, с. 106; Козловский, 1992, с. 160]. По данным Э. А. Сымоновича, на Каменском могильнике в погребениях были найденные ножи из железа (рис. 6, 1—2), остатки ножен для ножей и сабель (рис. 6, 1, 3), железные черешковые наконечники стрел (рис. 6, 4—6), наконечник дротика и т. п. (рис. 6, 7). Большой интерес представляет находка

колчана в мужском погребении № 82. Он был изготовлен из дерева и бересты и украшен в верхней части орнаментированными костяными пластинами. В колчане находились остатки стрелы с железным наконечником и наконечник стрелы арбалета. Вся поверхность колчана “была орнаментирована в соответствии с единым художественным замыслом” (рис. 6, 8). Э. А. Сымонович, как и некоторые исследователи, считал, что последние вещи имеют половецкое происхождение и относятся ко второй половине XI — первой четверти XIII в. [Сымонович, 1956,

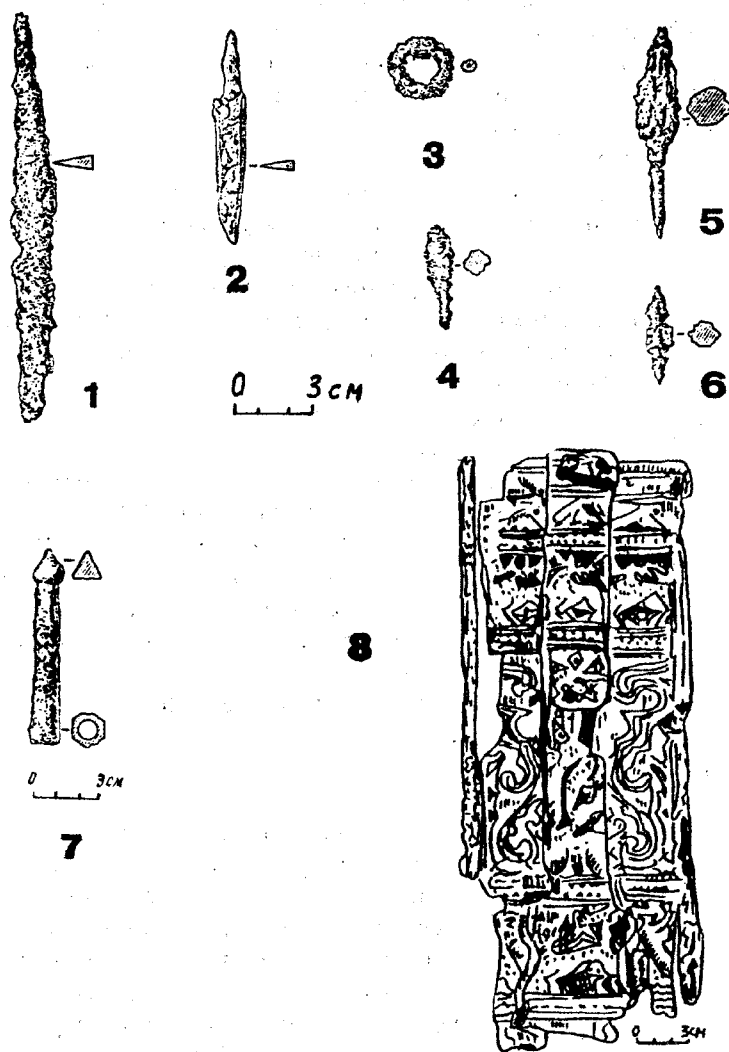

Рис. 6. Комплекс вооружения из погребений Каменского могильника (по Э. А. Сымоновичу):

- 1 — нож с остатками ножен из погребения № 92;
- 2 — железный нож из погребения № 27;
- 3 — кольцо от ножен для сабли из погребения № 92;
- 4 — наконечник стрелы из погребения № 82;
- 5—6 — наконечники стрел из погребения № 82;
- 7 — наконечник дротика из погребения № 82;
- 8 — остатки колчана из погребения № 82

с. 100—106]. Тем не менее, А. А. Козловский датирует наконечник арбалетной стрелы Каменского могильника, а следовательно, и сам колчан XIII—XIV в. [Козловский, 1992, с. 52].

Исходя из того, что вооружение населения, которое мы связываем с бродниками, имело прямые аналогии в вооружении кочевников (сабли, ножи, лук со стрелами) и населения Руси (дротики, арбалет), мы можем высказать предположение, что их войско состояло как из легкой кавалерии, так из легко- и тяжеловооруженной пехоты. Наличие первого рода войск целиком закономерно, исходя из того, что бродники проживали в степи, где невозможно обойтись без конного войска. Что же касается пехоты, то этот род войска должен быть достаточно эффективным при наличии гарнизонной службы по охране стратегически важных переправ и укреплений. В пользу существования пешего войска у бродников свидетельствует то, что в 1223 г. во время битвы на р. Калке бродники взяли штурмом укрепленный лагерь киевского князя Мстислава Романовича. Кавалерия для таких операций не была пригодна. Именно существование среди бродников как кавалерии, так и пехоты привело к тому, что их услугами, как военных наемников, пользовались сначала князья Руси и половцы, а потом и монголы.

Как уже отмечалось, значительная часть оседлого населения причерноморских степей не исчезла после монгольского нашествия 1236—1242 гг., а продолжала сохраняться вплоть до XIV в. [Козловский, 1992, с. 152—164]. В этом следует видеть заинтересованность монголов в сохранении данной группы населения, сотрудничество с которой могло всегда гарантировать быструю переброску войск из одних районов Золотой Орды в другие. Об этом может свидетельствовать информация П. Карпини, который в середине XIII в. писал, что начальником одного из поселений на Днепре южнее Канева оставался “алан по имени Михей” [Карпини, 1956, с. 67—68]. Очевидно, там находилась стратегически важная переправа и монголы назначили из среды местных жителей своего уполномоченного.

Таким образом, изменение вооружения и состава войск аланов в средние века, по сравнению с временами античности — отказ от тяжелой кавалерии, переход к гарнизонной службе т. п., следует связывать со сменой условий жизни поздних аланов. Ибо после нашествий гуннов и монголов потомки сармато-аланов сохранились преимущественно не в степной зоне, а в горах Крыма, Северного Кавказа, на землях донской лесостепи. Наличие новых условий оказало влияние на формирование в среде аланов легкой кавалерии и пешего войска. Таким образом, воинские объединения аланов можно было использовать в разнообразных воинских операциях. Этим и воспользовались в первую очередь хазары и монголы.

То, что аланы-ясы и буртасы буквально до конца XIV в. находились в составе войск Золотой Орды, подтверждают русские летописи. Так, Воскресенская, Софиевская, Никаноровская, Сокращенные летописные своды 1493 г. и 1495 г., а также другие позднесредневековые русские летописи, повествуя о составе наемников и военнообязанных в войске Мамая во время Куликовской битвы в 1380 г., среди кавказских народов упоминают ясов, а также буртасов: “понаймовал Бесермены, и Армены, Фрязы, Черкасы, Ясы, Буртасы...” [Софиевская л., 1853, с. 90; Воскресенская л., 1854, с. 34; Никаноровская л., 1962, с. 71; Сокращенный летописный свод 1493 г., 1962, с. 252; Сокращенный летописный свод 1495 г., 1962, с. 331]. Весьма примечательно, что в Московском летописном своде конца XV в. в этом списке почему-то не упомянуты ясы (аланы), но фигурируют буртасы: “...понаименови рати, Бесермены и Армены, Фрязы и Черкасы и Буртасы...” [Московский летописный свод конца XV в., 1949, с. 201]. Случайность ли это? Или русским летописцем ясы и буртасы представлялись как один народ?

В связи с этим особый интерес представляет тот фрагмент “Истории государства Российского” Н. М. Карамзина, где в данном перечне народов, выставивших воинов в армию Мамая, буртасы уже названы буртанами и охарактеризованы как иудеи: “...войско из Татар, Половцев, Хазарских Турков, Черкесов, Ясов, Буртанов или

Жидов Кавказских, Армян и самих Крымских Генуэзцев...”. При этом Н. М. Карамзин в своем примечании отметил: “Доныне находится много Жидов в земле Черкесской; а Буртанами называется теперь особенный, неизвестного происхождения народ между Кубанью и Актаром, богатый медью и серебром”. В данном случае русским историком XVIII в. народ “буртаны-буртасы” был локализован на Северном Кавказе и отнесен к числу иудеев. При этом Н. М. Карамзин был склонен отождествлять современных ему буртанов не только с буртасами русских летописей, но и с брутахиями П. Карпини [Карамзин, 1992, с. 34, прим. 61].

Действительно, в середине XIII в. П. Карпини, перечисляя народы и племена, покоренные монголами, о брутахиях упоминает дважды. В первый раз он помещает их между куманами-половцами и мордвой: “...Кассы, Якобиты, Аланы, или Ассы, Обезы, или Георгианы, Несториане, Армены, Кипчиты, Команы, *Брутахии, которые суть иудеи*, Мордвы, Турки, Хозары...”. Во второй раз П. Карпини четко привязывает брутахию к Кавказу: “С юга же к Комании прилегают Аланы, Чиркасы, Хозары, Греция и Константинополь, также земля Иберов, Кахи, *Брутахии, которые сльвут иудеями — они бреют голову*, — также земля Цикхов, Георгианов и Арменов...” [Карпини, 1957, с. 57, 72].

Именно то, что итальянский путешественник поместил брутахию в одном перечне народов по соседству с мордвой, а в другом — по соседству с кавказскими народами, заставляет видеть в них буртасов, которые в средние века проживали как на Средней Волге, так и на Кавказе. Если исходить из того, что северокавказские буртасы, как и буртасы Средней Волги, являлись подразделением аланов, но при этом они исповедовали иудаизм, то начало распространения иудаизма среди них логичней относить к хазарскому периоду. Это может подтверждать фрагмент из так называемого анонимного Кембриджского документа, составленного в Хазарии примерно в середине X в. В соответствии с предложенным О. Прицаком и Н. Голбом переводом на русский язык с древнееврейского, интересующий нас отрывок имеет следующий вид: “[Но в дни Вениамина] царя, возмутились все народы против [казар], и они обложили и[х с помощью] царя Македона. Пошли воевать царь ‘SY’, и TWRQ[Y’...], [и] ‘BM, и PYYNYL, и Македон; только царь алан поддержал [народ казар, так как] часть их соблюдала Закон евреев.” [Голб, Прицак, 1997, с. 136—137, 140—141]. Предложенный П. К. Коковцовым вариант перевода данного фрагмента также подтверждает приверженность части аланов иудаизму: “...только царь алан был подмогой для хазар, так как часть их (тоже) соблюдала иудейский закон” [Коковцов, 1932, с. 116]. У исследователей нет сомнений, что в данном случае речь идет о северокавказских аланах, несмотря на то, что с X в. их традиционно относили к числу христианских народов.

Таким образом, благодаря данным анонимного Кембриджского документа, П. Карпини, некоторых позднесредневековых русских летописей и Н. М. Карамзина, можно высказать предположение, что уже в IX в. часть северокавказских аланов приняла иудаизм и продолжала сохранять приверженность данной религии вплоть до XVIII в. По отношению к ним различными авторами были использованы близкие по написанию термины: *брутахии—буртасы—буртаны*. Именно военный потенциал этой северокавказской этноконфессиональной группы, как и их соплеменников христиан-ясов и других кавказских народов, использовал в 1380 г. Мамай в Куликовском сражении против войск московского князя Дмитрия Донского.

Таким образом, имеются основания считать, что в XIII—XIV вв. аланы-асы довольно успешно интегрировались в организацию армии монголов. Несмотря на это, отношения аланов и монголов в XIII—XIV вв. на территории Золотой Орды далеки от идеализации, ибо монголы-татары с самого начала повели себя как завоеватели, переселяя часть наиболее многочисленных народов в различные части Монгольской империи и собственно Улуса Джучи, с целью ослабить их. Поэтому оставшиеся в Восточной Европе и на Северном Кавказе аланы видели в монголах,

прежде всего, пришельцев-завоевателей, и в этом основное отличие их положения от ситуации с их же сородичами, по воле судьбы оказавшимися на Дальнем Востоке, где те вместе с монголами составляли прослойку завоевателей.

Однако в Золотой Орде монголы использовали не только военный потенциал аланов. Мусульманские авторы зафиксировали также значительный процент аланского населения в городах Улуса Джучи. Так, Ибн Баттута свидетельствует, что в столице Золотой Орды — г. Сарае проживали различные народы и среди них “Асы, которые мусульмане”. При этом “каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их” [Тизенгаузен, 1884, с. 306]. Следовательно, аланы в Сарае занимались торговлей. Торговлей занимались аланы и в других частях Золотой Орды. Это подтверждают другие сообщения мусульманских авторов. Так, арабоязычный автор второй половины XIII в. Ибн Абд аз-Захыр сообщает, что в начале 60-х гг. XIII в. египетский султан Бейбарс направил к золотоордынскому хану Берке в Крым посольство с письмом. Весьма примечательно, что “письмо это он отправил с одним доверенным лицом из Алланских купцов” [Тизенгаузен, 1884, с. 47, 55]. Кроме того, в середине XIII в. П. Карпини отметил, что в захваченном монголами среднеазиатском городе Орнасе проживали аланы-христиане и при этом “Саррацины имели в нем огромный рынок” [Карпини, 1957, с. 46]. Поэтому можно высказать предположение, что аланы в Орнасе составляли часть купеческого населения.

Данные археологии также позволяют предполагать о проживании аланских купцов в городах центральной части Золотой Орды. Прежде всего речь идет о христианском могильнике Бабий Бугор в городе Болгар на Средней Волге, функционирование которого относят к XII—XIV вв. Как уже отмечалось, особенности погребального обряда (часть погребений обкладывались каменными плитами) и антропологический тип погребенных (долихокранный, аналогичный северокавказским сериям) позволили Е. А. Халиковой сделать вывод, что данный некрополь Волжской Булгарии был оставлен аланами, которые переселились сюда с Северного Кавказа в XII в. [Халикова, 1978, с. 205—211]. По наблюдениям В. Л. Егорова, город Булгар был восстановлен в XIII в. и переживал период расцвета вплоть до 60-х гг. XIV в. и являлся “важным центром международной торговли” [Егоров, 1985, с. 94—96]. Следовательно, сохранение колонии аланов в золотоордынское время в этом крупном торговом центре Волжской Булгарии отнюдь было не случайным и может свидетельствовать о том, что проживавшие там аланы и при золотоордынских ханах были задействованы в международной торговле.

Кроме того, существование торговых центров, основанных аланами, было отмечено письменными источниками и в другой части Золотой Орды — в Северо-Западном Причерноморье. Так, в среднем течении р. Прут на ее правом берегу до сих пор существуют город, носящий названия *Яссы*, который в письменных источниках XV—XVI вв. был еще известен как *Яский Торг* [Брун, 1880, с. 356]. В древнерусских летописях “Аский Торг” также назван среди “русских” городов, расположенных в нижнем течении Днестра: “на устье Днестра над морем Белгород, Черн, Аский Торг...” [Воскр. л., 1856, с. 240; Новгород. I л., 1950, с. 475; Новгород. IV л., 1929, с. 623; Ермолинская л., 1910, с. 163]. Именно сами названия этих позднесредневековых городов уже указывали на то, что они были основаны ясами, прежде всего, как торговые центры.

Не стоит также упускать из вида, что уже в самом начале монгольской экспансии в 1223 г. в союз с монголами вступили бродники Днепровско-Донского междуречья, в функции которых входил контроль над трансконтинентальной торговлей, которая осуществлялась через переправы крупных рек Восточной Европы, т. е. в направлении Восток—Запад. Естественно, что в мирное время монголы стремились сохранить прежние занятия за союзной им группой населения восточноевропейских степей. Если исходить из того, что в состав общности бродников, кроме славян, входили потомки алано-болгар, то участие группы степных аланов в трансконтинентальной торговле в золотоордынское время вполне очевидно.

Исходя из всех приведенных примеров, можно вполне согласиться со следующим мнением А. Ю. Якубовского: “Восточные источники, так же как и византийские, а в равной степени и русская летопись согласно говорят, что в XI—XII и даже в XIII в., т. е. уже при татарах, аланские купцы занимают важное место в торговле, которая в то время интенсивно шла как по волжскому пути из Болгар в Среднюю Азию, Кавказ, Иран и Дальний Восток, так и через степи в Крым, а оттуда на Трапезунд в Малую Азию, на Константинополь, а также велась с русскими княжествами” [Греков, Якубовский, 1950, с. 21].

Однако в данной ситуации обращает на себя внимание то, что сами монголы торговлей не занимались, несмотря на их заинтересованность в развитии этого очень важного источника доходов. Такая же ситуация наблюдается и в других империях Евразии, созданных кочевниками-завоевателями. Так, в Хазарском каганате верхушка хазар только поощряла трансконтинентальную торговлю, а этим очень прибыльным делом были заняты еврейские купцы из международной торговой организации “Раданийа” [Pritsak, 1978, p. 261—281]. В Османской империи турки, как османы, так и жители Анатолии, поощряли развитие торговли, но не занимались ею, а предоставили это право евреям, грекам и армянам. Более же престижным занятием для турок-завоевателей считалась военная служба, занятие сельским хозяйством и т. п. [Кримский, 1996, с. 95—103; Иналджик, 1998, с. 133—175]. Следовательно, на примере монголов, турок-османов, хазар и других кочевых народов можно выявить закономерность, согласно которой для скотоводов-кочевников занятие торговлей считалось менее престижным занятием, чем скотоводство, несмотря на большую прибыльность этого занятия. Кочевники-завоеватели предоставляли оседлым народам возможность заниматься торговлей, но при этом четко контролировали это доходное дело.

Таким образом, положение аланов на Дальнем Востоке в империи Юань и в западной части Монгольской империи — Улусе Джучи было различным. На Дальнем Востоке переселенные с Северного Каказа аланы-асы помогли монгольским императорам завершить покорение Южного Китая и поэтому попали в разряд завоевателей, в соответствии с чем они обрели в Китае высокий социальный статус. В Золотой Орде аланы оказались в числе завоеванных народов и поэтому их положение несколько отличалось от ситуации с их соплеменниками в империи Юань. В Улусе Джучи монголы использовали аланов для несения военной службы, для развития торговли, для подъема земледелия и т. п. Однако в Золотой Орде социальный статус аланов был ниже, чем кочевников — половцев и монголов, потому что аланы относились к числу оседлого населения. В соответствии же с традициями кочевого общества и предписаниями Ясы Чингис-хана, оседлое население всегда должно занимать более низкое положение в обществе, чем скотоводы-кочевники. Несмотря на это, имеются основания говорить об особой заинтересованности монголов в существовании аланских поселений на всей территории Золотой Орды. Сама улусная военно-административная система Улуса Джучи и занятия торговлей со стороны аланов предполагали довольно частые перемещения аланов по территории Улуса Джучи. В связи с фактом рассеянности аланов во многих местах Золотой Орды особое значение имел бы ответ на вопрос: когда и при каких обстоятельствах они появились там — до походов монголов, или непосредственно после нападения монголов на Северный Кавказ в 1238—1239 гг., либо же во второй половине XIII — XIV вв. как результат переселенческой политики золотоордынских ханов в мирное время?

Глава VI. Аланское население Хорезма в золотоордынский и послемонгольский периоды

В сочинении “История монгалов”, написанном католическим миссионером Плано Карпини, который побывал в Империи монголов в 1245—1247 гг., содержится довольно интересная информация о штурме монголами одного большого города “в земле Бисерминов” — *Орнас*. Западноевропейский путешественник сообщает, что это событие произошло после того, как монголы “избрали в императоры Оккодая [Угедая — *О. Б.*], сына Чингиз-кана”. П. Карпини отмечает, что перед штурмом Орнаса монгольские войска, возглавляемые внуком Чингис-хана — Бату, захватили в земле “Саррацинов”, которые “говорили по-Комански” города Бархим и Иакинт [Карпини, 1957, с. 46].

Католический миссионер сообщает, что после этого: “Пошли они [монголы. — *О. Б.*] также против города, который именуется Орнас. Этот город был очень многолюдный, ибо там было очень много христиан, именно Хазар, Русских, Аланов и других, а также Саррацинов. Саррацинам же принадлежала и власть над городом. А этот город был полон многими богатствами, ибо был расположен на некоей реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит как бы гаванью, и другие Саррацины имели в нем огромный рынок. И так как они не могли одолеть его иначе, то перекопали реку, которая текла через город, и потопили его с имуществом и людьми” [Карпини, 1957, с. 46]. Некоторые исследователи склонны были также отождествлять этот город с городом *Ornac* (*Ornatia*, *Orantia*, *Cornax*, *Tornax*, *Tenex*), который, согласно сообщению монаха Альберика, был захвачен монголами в 1221 г. во время похода в землю “Команов и Русских” [Шильтбергер, 1867, с. 30, прим. 2].

Интересно, что в более поздний золотоордынский период в письменных источниках упоминались названия населенных пунктов, практически тождественные топониму *Орнас*. Так, Патриаршая (Никоновская) летопись, сообщая о море, который опустошил Золотую Орду в 1345—1346 гг., упоминает город *Орначи*: “Того ж лета бысть мор силен зело под восточную страну: на *Орначи*, и на Азстрокани, и на Сарай, и на Безджи и на прочех градах стран тех, на крестианах, и на Арменах, на Фрязах, и на Черкасех, и на Татарях и на Обезех...” [Патриаршая Х л., 1965, с. 9—10, 217]. В этой же летописи под 1395 г. перечислены страны и города, завоеванные Тимуром, и среди них *Арначи*: “А сие имена тем землям и царством, еже попленил Темир-Аксак: Чегатай, Горусани, Голустани, Китай, Синяя Орда, Ширазы, Азпаганы, *Арначи*, Гилян, Сиз, Шибрен, Шамахи, Савас, Арзунум, Тевриз, Тевлизи, Гурзустани, Обези, Гурзи, Бигуаты...” [Патриаршая Х л., 1965, с. 11—12, 158—159]. Очевидно, что приведенные в Патриаршей летописи топонимы *Орначи* и *Арначи* обозначали один и тот же город.

В начале XV в. в Золотой Орде побывал западноевропейский путешественник Иван Шильтбергер, который после этого оставил заметки о своем путешествии, переведенные на русский язык Ф. Бруном. В одном месте своих мемуаров Иван Шильтбергер, рассказывая о маршруте одного золотоордынского царевича из Персии к Золотой Орде, вспомнил очень интересное для нас название города — *Origens*: “Затем прошел он чрез область, что имеет название Шабран и через другую, называемую по татарски Темир-Капи, что значит по-нашему железные ворота. Она отделяет Персию от Татарии. Затем прошел чрез город *Оригенс* (*Origens*), который весьма обширен и лежит среди большой речки Эдил, далее — через гористую страну Джулат (*Setzulat*), населенную большим числом христиан...” [Шильтбергер, 1867, с. 30—31].

И если переводы упомянутых средневековых текстов признаны специалистами правильными, то большие сомнения вызывает сделанный В. Г. Тизенгаузен

перевод тех отрывков “Сборника летописей” Рашид ад-Дина, где речь идет о событиях XIII в. и якобы упоминается город *Орнач*. Так, описание похода монголо-татар, происшедшего в 1282—1283 гг. в Северном Причерноморье, В. Г. Тизенгаузен подал в следующем виде: “... он [Ногай. — *О. Б.*] выступил из земель русских, *Орнача* и Кехреби, которые сам завоевал и сделал своим юртом и местопребыванием, переправился через речку Узы (Днепр)...” [Тизенгаузен, 1941, с. 69]. Как указали издатели второго тома “Сборника материалов, относящихся к истории Золотой Орды”, это “конъектура Тизенгаузена”, предложенная в рукописи вместо названий: *Валов*, *Тамах*, *Узнас* [Тизенгаузен, 1941, с. 69, прим. 11]. Кроме того, Березин предлагает читать название города *М.н.к.ш (М.н.к.с)* как *Манац (Манич)* или *Орнач* в том отрывке произведения Рашид ад-Дина, где речь идет о событиях 1237—1239 гг.: “Потом в кака-иле, то есть в год свиньи, соответствующий 636 г., Гуюк-хан, Менгу-каан, Кадан и Бури направились к городу Минкас [*М.н.к.ш — Орнач*] и зимой, после осады, которая длилась 1 месяц и 15 дней, захватили его...” [Тизенгаузен 1941, с. 37, прим. 11]. На основании этого в комментариях к изданию переводов персидских текстов, сделанных В. Г. Тизенгаузенем, было указано: “Орнач, город в Восточной Европе, название которого встречается в источниках, но местоположение не установлено; в наших текстах он имеется только в результатах конъектур Тизенгаузена, по-видимому неудачных...” [Тизенгаузен 1941, с. 296]. Таким образом, в источниках восточного происхождения отсутствуют сведения о городе *Орнас—Орнач*. Очевидно, что данный город в арабских и персидских текстах был известен под другим названием.

Еще в XIX в. исследователи выдвинули предположение, согласно которому названия *Орнас*, *Орнасиа*, *Арначи* и *Оригенс* использовались для обозначения одного и того же города. Тем не менее, относительно его локализации выдвигались разнообразные предположения. Причина этого — противоречивость и непоследовательность подачи материала в письменных источниках. Ф. Брун в своих комментариях к переводу текста “Путешествий” И. Шильтбергера привел довольно подробный историографический обзор мнений историков — его современников относительно локализации упомянутого города.

Так, Тунманн, Н. М. Карамзин и Куник считали, что город *Орнас* — это город Тана (Азов) на Нижнем Дону [Шильтбергер, 1867, с. 30, прим. 2]. Подобных взглядов относительно этого придерживался Ю. А. Кулаковский, который также считал, что данный город находился на Дону [Кулаковский, 1899, с. 59]. Возможно, что основанием для такого предположения стало сообщение П. Карпини, согласно которому описанные события состоялись “по смерти императора [Чингис-хана. — *О. Б.*]”, т. е. после 1227 г., когда во времена правления Угедея Батый завоевал восточноевропейские степи [Карпини, 1957, с. 46]. Тем не менее, других аргументов в пользу такого отождествления больше не существует.

Вопреки этому другие исследователи, в том числе Ф. Брун, предполагали, что город *Орнас—Оригенс* находился на Кавказе. Как уже отмечалось, Березин локализовал этот город на реке Маныч, а П. Бутков — на северном притоке Кубани [Шильтбергер 1867, с. 30, прим. 2]. Сам Ф. Брун локализовал город *Орнас—Оригенс* также на Северном Кавказе на реке Терек: “Подобно городу Тенекс, или Орунция Альберика, город Орнас, который в 1237 году был затоплен Батыем, во время его похода против Турок и Русских, удобнее помещать при Тереке...”. Основанием для такого отождествления, по мнению Ф. Бруна, стала созвучность названий *Тенекс—Торнакс* и *Терек*, а также информация И. Шильтбергера о нахождении города *Оригенс* возле местности “Джулат”, которую традиционно связывают с центральной частью Северного Кавказа. Ф. Брун считал также весомым аргументом в пользу такого предположения упоминания П. Карпини об аланах-христианах, которые проживали в городе *Орнас*. По мнению Ф. Бруна, во время походов монголов аланы-христиане могли проживать только на Северном Кавказе [Шильтбергер, 1867, с. 30, прим. 2].

В свою очередь, современник Ф. Бруна и Ю. А. Кулаковского — Э. Бретшнейдер обратил внимание, что в различных манускриптах труда П. Карпини название этого города дается по-разному: *Орнас*, *Орнак*, *Орнар*. Последний вариант дал основания Э. Бретшнейдеру отождествить Орнас с Оттаром. В качестве доказательства было использовано утверждение П. Карпини, согласно которому Орнас находится на одной реке с Ианкинтом (Янчикентом), т. е. на Сыр-дарье [Карпини, 1957, с. 209, прим. 93—94]. Однако информация о штурме монголами Оттара совсем не совпадает с описанием П. Карпини.

Поэтому Н. М. Карамзин, Гаммер и Срезневский высказали предположение, что город *Орнаций* у Альберика, *Орнас* у П. Карпини и *Орнач* древнерусских летописей обозначал город Ургенч, который был захвачен монголами в Средней Азии и затоплен водами Амударьи еще во времена Чингис-хана [Шильтбергер, 1867, с. 30, прим. 2]. В XX в. С. П. Толстов и В. В. Бартольд также отождествили город *Орнас* П. Карпини со столицей Хорезма — Гурганджем (Ургенчем) [Толстов 1948, с. 15; Бартольд 1963, с. 503, прим. 3]. В. Л. Егоров в своей монографии, посвященной исторической географии Золотой Орды, также высказал предположение, что город “Хорезм” (Ургенч), в “русских летописных текстах XIV в. ... носит имя Орнач” [Егоров, 1985, с. 126]. Основанием для такого предположения стали подробности о штурме монголами в 1221 г. столицы Хорезма — г. Ургенча, которые содержатся в восточных источниках и во многих чертах совпадают с информацией П. Карпини.

Таким образом, никто из исследователей не высказал сомнений относительно тождественности названий *Орнас*, *Арначи*, *Орнация* и *Оригенс*. Тем не менее, одни историки склонны были локализовать этот город на Дону, вторые — на Северном Кавказе, а третьи — отождествляли его со столицей Хорезма — Ургенчем, или даже Оттаром. Весьма характерно, что многие из этих версий имеют ошибочные моменты, потому что некоторые исследователи из числа занимавшихся этим вопросом склонны были ориентироваться преимущественно на данные одного из источников, не интересуясь происхождением информации или правильностью последовательности описанных событий. Однако, если рассматривать описанные события в более обобщающем ракурсе, то можно заметить ряд несоответствий у авторов, писавших о городе *Орнас—Оригенс*.

Как уже отмечалось, в 1218 г. монголы появились на границах государства Хорезмшахов, нападение на которое началось в 1219 г., что в конечном итоге привело к падению важных центров этой державы — Оттара, Бухары, Самарканда и других городов. До конца 1220 г. непокоренной монголами оставалась столица Хорезма — г. Гургандж (Ургенч) [Треков, Якубовский, 1950, с. 35—56; Вернадский, 1997, с. 40—52; Бартольд 1963].

Как указал Рашид ад-Дин, “Хорезм — первоначальное имя которого Гурганч, а монголы его называют Ургенч” [Рашид-ад-дин, 1952, с. 214]. У других мусульманских авторов Ургенч был известен как *Гургандж*. Описания штурма Гурганджа (Хорезма) монголами, содержащиеся в сочинениях арабо-персидских авторов, во многих деталях совпадают с информацией П. Карпини.

По данным таких мусульманских историков, как Ибн ал-Асир, Рашид ад-Дин, Дзузджани, Джувейни и других, по приказу Чингис-хана, на Гургандж двинулись с юго-востока, через Бухару, корпусы его сыновей Чагатая и Угэдея с тысячами правого крыла, с северо-востока, из Дженда, — корпус старшего сына Джучи. После этого Гургандж был обложен со всех сторон и началась длительная осада города. Монголам приходилось брать квартал за кварталом. В результате затяжного штурма монголы решили отвести воды Амударьи и затопить город. Но это им дорого стоило — монголов погибло больше, чем жителей города. Тогда же начались раздоры относительно судьбы города между Джучи и Чагатаем — Джучи хотел сохранить город, так как Гургандж в будущем должен был войти в состав его владений. Чингис-хан, узнав о серьезных разногласиях между своими сыновьями, назначил над ними старшим младшего сына Угэдея. Порядок был восстановлен и после упорных боев Гургандж (Ургенч) наконец-то был взят монголами

[Тизенгаузен, 1884, с. 32; 1941, с. 13—14; Рашид-ад-Дин, 1952, с. 214—217; Якубовский, 1930, с. 11—13; Бартольд, 1963, с. 500—504].

Описание разрушения Ургенча у мусульманских авторов во многих деталях совпадает со сведениями П. Карпини об Орнасе. Ибн ал-Асир сообщает об этом следующее: “Бились мужчины, женщины, дети и не переставали (биться) таким образом, пока они (Татары) завладели всем городом, перебив всех, находившихся в нем, и ограбив все, что в нем было. Потом они открыли плотину, которою удерживалась вода Джейхуна [Амударьи. — *О. Б.*] от города; тогда вода хлынула в него и затопила весь город; строения разрушились и место их заняла вода. Из жителей его положительно ни один не уцелел, тогда как в других землях некоторым удалось спастись: из них кто спрятался, кто бежал, кто вышел да потом спасся, кто сам ложился среди убитых и (потом) уходил; в Хорезме [Ургенче. — *О. Б.*] же тех, кто спрятался от Татар, или затопила вода или убили развалины. И превратилось все в груды и волны” [Тизенгаузен, 1884, с. 32]. Джузджани дополняет рассказ Ибн ал-Асира новыми подробностями: “В продолжении 4 месяцев жители Хорезма сражались с ними (монголами) и отражали неверных, которые, наконец, взяли город, предали весь народ мученической смерти и разрушили все строения за исключением двух мест: 1) Кушк-и-Ахчека и 2) гробницы султана Мухаммеда Текеша...” [Тизенгаузен, 1941, с. 14]. Рашид ад-Дин также сообщает: “они [монголы. — *О. Б.*] выгнали в степь сразу всех людей, отделили от них около ста тысяч ремесленников и послали [их] в восточные страны. Молодых женщин и детей же угнали в полон, а остаток людей разделили между воинами, чтобы те их перебили... Разом разрушили остатки домов и кварталов” [Рашид-ад-дин, 1952, с. 217].

В. В. Бартольд, исходя из данных мусульманских авторов, пришел к выводу, что Гургандж был взят и разрушен монголами в апреле 1221 г. Именно “Хорезм должен был войти в состав владений Джучи, то Чагатай и Угэдэй вернулись к своему отцу, который в то время осаждал Талькан” [Бартольд, 1963, с. 504]. По мнению А. Ю. Якубовского, рассказ Ибн ал-Асира о тотальном разрушении Ургенча является преувеличением. И для этого у исследователя были определенные основания: “Уже самый факт, что на территории Куны-Ургенчского городища (Таш-Кала) еще 30 лет тому назад стоял минарет 1011 г. н. е. и сохранился мавзолей над мнимой могилой Фохр-ад-дин-Рази, тоже, повидимому, домонгольской эпохи, достаточно убедителен, чтобы считать, что мысль Ибн-ал-Асира очень преувеличена” [Якубовский, 1930, с. 12—13]. По данным того ж Ибн ал-Асира, после монгольских погромов “области Мавараннахра снова начали обустраиваться и они (татары) отстроили большой город вблизи Хорезма” [Якубовский, 1930, с. 13]. Более позднее упоминание о городе Хорезм (Ургенч) у некоторых мусульманских авторов может лишь свидетельствовать о том, что при Джучидах, в состав государства которых входил Северный Хорезм, этот город снова возвратил себе ведущее позиции.

Так, персоязычный автор Шереф ад-Дин Йезди (XV в.), рассказывая о войне между Тимуром и Тохтамышем в конце XIV в. упоминает город Хорезм, то есть Ургенч: “В год крокодила, соответствующий 790 г. (1383—1384 гг.), Тимур с помощью божией, двинулся на Хорезм, остановился в местности Эгрияр... Тимур, пробыв несколько дней в Хорезме, издал обязательный указ о том, чтобы всех жителей и обитателей города и области переселили в Самарканд, и чтобы город Хорезм целиком разрушили и засеяли ячменем... Когда прошло три года с разрушения Хорезма, в конце 793 г. (1390—1391 гг.), во время возвращения из похода на Дешт-и-Кипчак, он (Тимур) послал Мусаку, сына Джанчи-Каучина, чтобы снова привели Хорезм в культурное состояние. Он (Мусака) окружил стеной и заселил квартал Каана, который Чингис-хан во время распределения областей между детьми, вместе, с Кятом и Хивой включил в улус Чагатая. В это наше время населенный Хорезм и есть этот самый квартал” [Тизенгаузен, 1941, с. 155]. Вполне очевидно, что именно город Ургенч (Хорезм) фигурирует под названием **Арначи** в Патриаршей летописи под 1395 г., где перечислены страны и города, завоеванные Тимуром, и

расположен в этом списке между Исфаганом (Азпаганы) и Гилянном [Патриаршая Х., 1965, с. 158—159].

В связи с отождествлением Орнаса и Ургенча вызывает определенные сомнения информация П. Карпини, согласно которой город Орнас был захвачен монголами во времена “императора Оккодая [Угедея — *О. Б.*], сына ... Чингиз-кана” [Карпини, 1957, с. 46], который стал Великим ханом монголов только лишь в 1229 г. Ургенч, как известно, был захвачен еще во времена Чингис-хана (1162—1227 гг.). Тем не менее, во время осады Ургенча Чингис-хан, узнав о серьезных раздорах между его сыновьями Джучи и Чагатаем, назначил старшим над ними младшего сына Угедея и город был захвачен именно под руководством последнего [Тизенгаузен, 1884, с. 32; 1941, с. 13—14; Рашид ад-Дин, 1952, с. 214—217; Якубовский, 1930, с. 11—13; Бартольд, 1963, с. 500—504]. Вполне возможно, что П. Карпини перепутал именно это событие с периодом пребывания Угедея на престоле Великого хана монголов с 1229 г. по 1241 г.

Что же касается происхождения названия города — *Орнас*, фигурирующего в тексте П. Карпини, то особый интерес представляет мнение Н. П. Шастиной, согласно которому “название Орнас у Платона Карпини могло произойти от смешения двух названий — *Ургенч* и *Ашнас*, последний был также хорезмским городом, расположенным в нижнем течении Сыр-Дарьи” [Карпини, 1957, с. 209, прим. 94]. Обращает внимание на себя присутствие в топонимах *Орн-ас* и *Ашн-ас* форманты *-ас*, которая в эпоху средневековья довольно часто использовалась в качестве эквивалента этнонима *алан*.

Тем не менее, связывать происхождение названия *Орнас* с присутствием аланов весьма проблематично, потому что существуют другие формы написания названия этого города. Вполне возможно, что название города *Орнас* у П. Карпини представляет собой результат трансформации названия *Ургенч*. Кроме названий *Хорезм*, *Гургандж*, *Гурганч* и *Ургенч*, представленных в текстах мусульманских авторов, известны варианты этого топонима, содержащиеся в европейских источниках: *Оригенс*, *Орнач*, *Арнач*, *Орнас*, *Орнация*. Именно это, а также отсутствие названия *Орнас*—*Орнач* у мусульманских историков, позволяют считать, что мы имеем дело с городом Ургенч, который был расположен в нижнем течении Амударьи. Вполне возможно, что название города П. Карпини воспринял не от хорезмийцев, а от тюрков или монголов.

В качестве доказательства локализации города *Орнас* в Средней Азии можно привести замечание П. Карпини, согласно которому этот город “был расположен на какой-то реке, которая течет через Ианкинт и страну Бисерминов и которая впадает в море, отсюда этот город служит словно гаванью” [Карпини, 1957, с. 46]. Распространенным является мнение, согласно которому во времена средневековья название *Ианкинт* использовалось для обозначения города Янчикент, располагавшегося в нижнем течении реки Сырдарьи. По мнению С. П. Толстова, П. Карпини просто перепутал названия рек и расположил город *Орнас* на Сырдарье, а не на Амударье, которые находились рядом [Толстов, 1948а, с. 15]. Аналогичную ситуацию наблюдаем в тех фрагментах текста И. Шильтбергера, где речь идет о локализации городов *Оригенс* и *Ургендз*. Так, о локализации Ургенча западноевропейский путешественник писал, что к числу стран, которые принадлежат татарам, надлежит отнести “Харезм, с главным городом Ургендз, лежащий (на острове) в большой реке Итиль” [Шильтбергер, 1867, с. 56]. Исходя из этого, можно предположить, что под названием *Итиль* у И. Шильтбергера фигурирует не Волга, а Амударья. Для сравнения вспомним, что И. Шильтбергер указал, что город Оригенс “лежит среди большой реки Эдилъ” [Шильтбергер, 1867, с. 30—31]. Как справедливо указал Ф. Брун, “... это слово собственно есть нарицательное имя, значущее река, то оно могло означать здесь какую-либо другую реку, подобно тому, как в главе XXXVI, где Шильтбергер говорит, что главный город Харезма, т. е. Ургендз, лежал при Этиле, уже не могло быть речи о Волге, но о Джихуне или Аму-дарье” [Шильтбергер, 1867,

с. 30, прим. 2]. На основании этого можно сделать вывод, что И. Шильтбергер никогда не бывал в тех местах, о которых идет речь в приведенных отрывках. И вполне возможно, что информацию об одном и том же городе, расположенном на реке “Эдил-Итиль”, он в двух вариантах названия получил из нескольких источников; это могло ввести его в заблуждение, вследствие чего он расположил Оригенс на Волге, а Ургенч — правильно на Амударье, названной также *Эдиль*.

По мнению А. Ю. Якубовского, развалины Ургенча расположены на месте современного Куня-Ургенч в нижнем течении Амударьи (рис. 7) [Якубовский, 1930, с. 1—15]. Неподалеку от Куня-Ургенча на расстоянии нескольких десятков километров находятся остатки другой средневековой крепости — *Алан-Кала* (Крепость аланов), расположенные неподалеку от юго-западного побережья Аральского моря на юго-восточной окраине Усть-Урта (рис. 7) [Толстов, 1948, с. 49]. Как указал С. П. Толстов, “Алан-кала — хорезмийская крепость в стране устюртских аланов сохранила в своем названии память об этом важном компоненте в этногенезе средневековых хорезмийцев” [Толстов, 1948, с. 49]. Информация о нахождении аланов вблизи средневекового Ургенча дополнительно может свидетельствовать о том, что П. Карпини, упомянув аланов в Орнасе, имел в виду население Средней Азии, а не Северного Кавказа или Восточной Европы. Тем не менее, информация Плано Карпини о том, что в городе Орнас “было очень много христиан, а именно Хозар, Русских, Аланов и других”, казалось бы противоречит локализации города в Хорезме, так как Хорезм традиционно считался мусульманской страной. Однако ал-Бируни сообщает, что в XI в. в Хорезме существовала колония христиан-яковитов, среди которых получил распространение новогодний обряд “каландас”. На основании данного сообщения, а также информации П. Карпини С. П. Толстов сделал предположение: “... как с событиями VIII в., так и в особенности с событиями X в. ... в Хорезм эмигрируют значительные группы хазарского населения, и на рубеже XI и XII вв. снова устанавливается политическое объединение Хазарии и Хорезма, связанное с этой инфильтрацией в Хорезм различных этнических элементов, которые входили в состав каганата” [Толстов, 1948б, с. 228]. Поэтому, если исходить из того, что в Хазарском каганате аланы-христиане составляли значительную группу населения, то гипотеза С. П. Толстова выглядит довольно-таки убедительной. Однако надлежит вспомнить замечание П. Карпини о городе Орнас, согласно которому “Саррацины имели в нем огромный рынок” [Карпини, 1957, с. 46]. Поэтому можно высказать предположение, что христианское население в Орнасе могло состоять преимущественно из купцов различного происхождения. Необходимо также иметь в виду, что по дороге в Среднюю Азию в степях Восточной Европы и на Северном Кавказе П. Карпини неоднократно встречал аланов, которые являлись христианами. И все-таки вполне вероятно, что в Орнасе проживали аланы местного среднеазиатского происхождения, соплеменников которых П. Карпини повстречал более чем через 20 лет после описываемых событий и поэтому по ошибке мог отнести всех аланов к числу христиан.

Таким образом, сравнительный анализ европейских источников, где упоминается название города в вариантах *Орнас*, *Орнация*, *Орнач*, *Оригенс*, с мусульманскими текстами, где речь идет о столице Хорезма — Ургенч (Гургандж), позволяет считать, что в обоих случаях речь идет о одном и том же городе в Средней Азии.

В связи с упоминанием аланов в Орнасе необходимо отметить, что в науке уже давно приобрела распространение гипотеза, в соответствии с которой прародиной аланов были территории, смежные с Хорезмом [Бартольд, 1963, с. 550; Волин, 1941, с. 194—196; Толстов, 1948, с. 69, 214; Фрейман, 1951, с. 10—11; Мацулевич, 1947, с. 125—147]. Тем не менее, в последнее время А. А. Цуциев выдвинул предположение, согласно которому “... к середине I тыс. н. е. последние группы аланов, сохранившиеся в Средней Азии, подверглись процессу тюркизации и, скорее всего, к VI в. окончательно растворились в иноязычной среде” [Цуциев, 1999, с. 24]. Однако

данные топонимии и письменных источников эпохи средневековья опровергают это.

Наиболее ранние сведения о нахождении аланов в Средней Азии в средние века содержатся в географическом трактате “Китаб сурат ал-ард” (Книга картины земли) арабоязычного автора ал-Хваризми, жившего в VIII—IX вв. По его данным: “Страна Сарматийа, а она — земля ал-лан, центр ее — около Д 78° 0' Ш 59° 30' (1599) /546/”. По словам комментатора текста ал-Хваризми Т. М. Калининой, “ал-Хваризми существенно отступает от данных Птолемея: по его координатам, центр земли алан (Сарматии) лежит восточнее Волги (Ра) и немного южнее

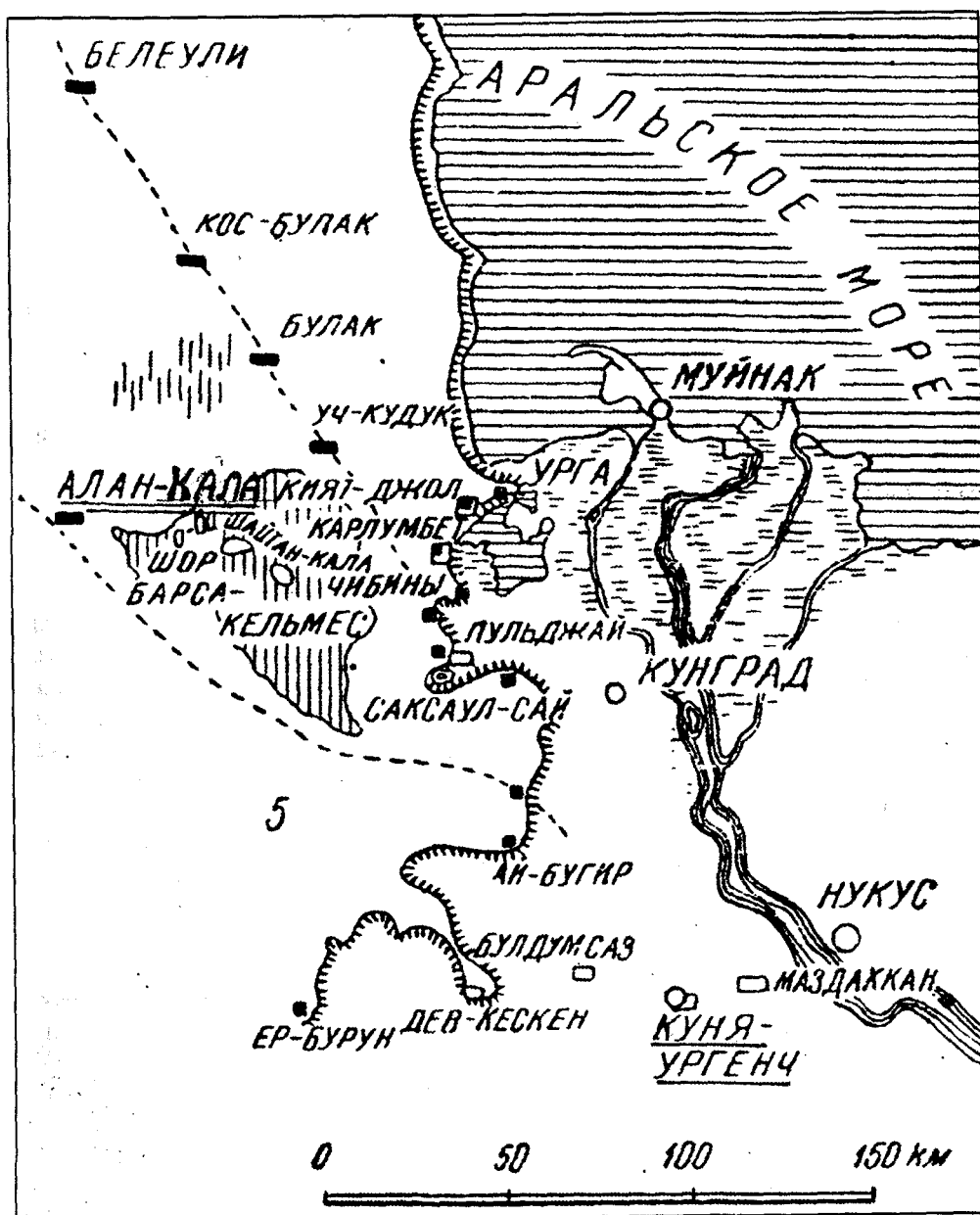

Рис. 7. Локализация средневековой крепости Алан-Кала и развалин Ургенча — Куня-Ургенч (по С. П. Толстову)

Рипейских гор, т. е. в пределах, намеченных Птолемеем для Азиатской Сарматии” [Калинина, 1988, с. 30, 48, 95].

Аналогичную локализацию аланов дает и автор IX в. ал-Фаргани в своем сочинении “Китаб ал-харакат ас-самавийа ва джавами” (Книга о небесных движениях и свод науки о звездах). Описывая земли, входящие в пятый—седьмой климаты, арабоязычный автор дает описание того, что вокруг этих климатов: “то это начинается с востока от страны Йаджудж, затем через страну ат-Тугузгуз и землю ат-Турк, затем через страну ал-Лан, затем через ат-Татар, затем через Бурджан, затем через Сакалиба и примыкает к Западному морю” [Калинина, 1988, с. 129—130]. На основании этого Т. М. Калинина сделала выводы: «Страна ал-Лан — исторических алан — по ал-Фаргани, располагается по соседству с тюрками на юге и востоке и каким-то загадочным народом на западе. Такое расположение алан весьма напоминает представление ал-Хваризми о “центре” страны алан и до некоторой степени подтверждает гипотезу о том, что вместо “ат-татар” (соседей алан, по ал-Фаргани) следует читать “ат-ти” (йазиги — соседи алан и по ал-Хваризми). Если так, то, по представлениям обоих ученых, аланы жили между территорией, прилегающей к Таврике, и тюрками, западной пограничной зоной для которых определялись примерно города Тараз и Невакет. Южнее лежали земли Хорасана и Каспий» [Калинина, 1988, с. 137, прим. 42].

Более же точная локализация среднеазиатских аланов и асов дана в трактате жившего в XI в. ал-Бируни “Тахид нихайат ал-амакин фи таких масафат ал-масакин” (Определение крайних положений местностей для проверки расстояний поселений). Ал-Бируни приводит старую легенду, согласно которой Амударья первоначально впадала в Каспийское море. В следствие природного катаклизма Амударья изменила свое русло и стала впадать в Аральское море. Ал-Бируни отмечает, что последствия этих изменений были для местных жителей катастрофическими: “И встретились этому руслу, после его начала, то же, что встретилось первому; оно запрудилось, и вода повернула налево, вплоть до земли печенегов, по руслу, известному теперь под названием реки Маздубаст, в пустыне, которая между Хорезмом и Джурджаном. Она затопила много местностей на долгое время и разрушила (их) также; жители их переселились на побережье Хазарского [Каспийского. — О. Б.] моря. Это род аланов и асов, и язык их теперь смешанный [составленный. — О. Б.] из хорезмийского и печенежского” [Волин, 1941, с. 194]. Данное сообщение интересно тем, что: во-первых, позволяет видеть в аланах и асах хотя и близкородственные, но отдельные этносы; во-вторых, в соответствии с данными П. Карпини, позволяет локализовать владения аланов и асов в предмонгольский период между восточным побережьем Каспийского моря и южным берегом Аральского моря, т. е. на границах Хорезма. По мнению А. А. Цуциева, описанные ал-Бируни “факты могут относиться только к периоду с IV по VI вв., когда Амударья несколько раз изменяла свое течение” [Цуциев, 1999, с. 24].

В связи с вопросом о возможном пребывании аланов в Хорезме во времена Золотой Орды особый интерес может представлять пассаж в выполненном В. Г. Тизенгаузенем переводе извлечения из сочинения арабоязычного автора XIV в. ал-Умари, где имеются сведения об этнической группе *al-As*: “У султана этого государства [Хорезм. — В. Т.] рати Черкесов (الجرکس), Русских (الروس) и Асов (الاس). Это жители городов благоустроенных, людных, да гор лесистых, плодовыхых. У них произрастает посеянный хлеб, струится вымя [т. е. водится скот. — В. Т.], текут реки и добываются плоды. Они [Черкесы, Русские и Асы. — В. Т.] не в силах сопротивляться султану этих стран и поэтому обходятся с ним, как подданные его, хотя у них и есть [свои. — В. Т.] цари” [Тизенгаузен, 1884, с. 210, 231]. Упоминание в данном фрагменте черкесов и гор позволяет не согласиться с мнением В. Г. Тизенгаузена, что в данном случае речь идет о Хорезме. Более вероятно, что здесь упомянут Северный Кавказ. Следовательно, мы не имеем прямых указаний

средневековых нарративных текстов о сохранении аланов и асов в Хорезме в золотоордынский период.

Относительно судьбы Хорезма, значительная часть которого изначально вошла в состав Улуса Джучи, уместно привести наблюдения В. Л. Егорова: “Улус Хорезм составлял пограничный юго-восточный район Золотой Орды. Монгольское нашествие в значительной мере подорвало его экономические основы, уничтожив древние ирригационные системы и многочисленные населенные пункты. Однако в XIV в. он снова становится одним из густонаселенных районов государства, переживая кратковременный, но бурный расцвет. Восстановленная (хотя и не в прежних масштабах) ирригационная сеть способствовала развитию значительного числа оседлых поселений. Видную роль при этом сыграла и международная торговля, в которой хорезмские купцы принимали самое деятельное участие” [Егоров, 1985, с. 125—126].

Если в XIV в. Хорезм являлся одним из наиболее экономически развитых районов Золотой Орды, то в более поздний период при Тимуридах ситуация несколько изменилась. Разрушение Ургенча, а впоследствии лишь его частичное восстановление привели к тому, что при Тимуридах Хорезм оказался в стороне от основных торговых путей. После смерти Тимура с 1405 по 1409 гг. в Тимуридском государстве развернулась борьба за власть. Тогда же аналогичная борьба происходила в Золотой Орде, что навсегда исключило возможность возвращения Хорезма в состав государства потомков Джучи. В конечном итоге, в государстве Тимуридов власть захватил сын Тимура Шахрух, который в 1413 г. подчинил своей власти Хорезм и назначил туда своего наместника. После смерти Шахруха в 1447 г. во время междоусобной борьбы за власть Хорезм отделился от государства потомков Тимура. В 1505 г. Хорезм попал под власть узбекского Шейбани-хана. В 1512 г. отпавшие от Шейбани-хана узбеки основали новую династию, восходившую к потомкам Джучи, которая стала во главе независимого Хорезмского ханства и правила до конца XVII в. Позднее фактическим правителем Хорезма были военачальники из узбекского рода Кунграт, как правило, номинально возводившие на трон кого-нибудь из Чингизидов. Уже в 1570 г. р. Амударья изменила свое течение, в результате чего г. Ургенч оказался отрезанным от этой важной водной артерии. И только лишь в середине XVII в. из Амударьи был выведен небольшой канал, на котором был построен город Новый Ургенч и куда были переселены жители Старого Ургенча. С тех пор этот новый центр стал называться просто *Ургенч*, а старый город — *Куния-Ургенч* (Старый Ургенч). Новый город на короткое время стал столицей Хорезмского государства. На рубеже XVI—XVII вв. столицей Хорезма стал г. Хива. К этому следует добавить, что термин “Хивинское ханство” употреблялся только среди европейцев, тогда как данное государство вплоть до начала XX в. продолжало называться на Востоке просто Хорезм. В состав этого ханства вошли земли, заселенные как узбеками, так и туркменскими племенами — Древний Хорезм, кочевья северных туркмен и Мангышлак, Дихистан, Узбой, а также северная часть Хорасана [Итина, Рапопорт, 1974, с. 638—639; История Хорезма, 1976, с. 81—84].

В сложившейся ситуации для нас особый интерес представляет судьба аланов и асов Хорезма и соседних территорий в золотоордынский, тимуридский и узбекский периоды. Необходимо отметить, что данная проблема являлась объектом научных изысканий многих исследователей на протяжении более ста лет. Так, еще в конце XIX в. Н. А. Аристов, опираясь на данные этнонимии и антропологии, пришел к выводу, что можно “предположить весьма значительную в туркменах примесь кочевых длинноголовых иранских племен, обитавших в древности на нижнем Яксарте, а также западнее и южнее, например аланов” [Аристов, 1896, с. 414—420]. В 20-х годах XX в. эти идеи получили дальнейшее развитие в исследованиях антрополога Л. В. Ошанина, который считал, что распространение доликоцефалии только среди современных туркмен стало результатом того, что “значительная часть скифо-сарматских племен была очень рано отуречена по языку” [Ошанин, 1926,

с. 131—182]. Тогда же этнографу А. Бахтиарову (Г. И. Карпову) удалось даже выделить среди туркменских племен родоплеменные группы, носящие название *Олам (Алан)*, что, по мнению исследователя, могло указывать на их аланское происхождение. Это также в дальнейшем нашло подтверждение в некоторых обычаях туркменских аланов, которые находят аналогии среди традиций некоторых ираноязычных народов [Бахтиаров, 1930, с. 39—40; Карпов, Арбеков, 1930, с. 26—27].

В 30—40-х годах XX в. идея о преемственности аланов и туркменских племен получила свое развитие в работах С. П. Толстова. Для обоснования этой гипотезы ученый привлек не только известные тогда исследования антропологов и этнографов, но и собственные наблюдения, базирующиеся также на анализе этнонимов и топонимов [Толстов, 1938, с. 196—197; 1948а, с. 69, 214]. Проблемы аланского наследия среди туркменских племен коснулся также в своих работах академик В. В. Бартольд. Он считал, что сообщение ал-Бируни об аланах, обитавших в XI в. между Аральским и Каспийским морями, относится к более раннему времени. На основании этого был сделан вывод о завершении процесса ассимиляции хорезмских аланов туркменскими племенами уже в раннее средневековье. При этом ученый поддержал идею, согласно которой длинноголовость туркмен стала наследием древних иранских племен, принявших участие в этногенезе туркмен [Бартольд, 1963а, с. 550—551; 1963б, с. 866—867]. Однако в 1947 г. Л. А. Мацулевич в специальной статье, посвященной среднеазиатским аланам, наоборот отметил, что сообщение ал-Бируни о языке аланов и асов может свидетельствовать, что в XI в. “этногенез [тюркизация. — О. Б.] местных племен еще не завершился” [Мацулевич, 1947, с. 144].

Необходимо отметить, что гипотеза об автохтонном происхождении туркменских племен очень хорошо соответствовала основным постулатам “яфетической теории” М. Я. Марра, получившей распространение в 20—40-х годах XX в. в советской академической науке. Однако после того, как она была развенчана самим И. В. Сталиным, определенный период историки и этнографы не решались продолжить научные поиски в данном направлении. И нет ничего удивительного в том, что только лишь в 60-е годы XX в. этнограф Г. П. Васильева снова занялась вопросами происхождения туркменского народа. Привлеченные для анализа данные этнонимии и этнографические материалы позволили ей сделать вывод “о наличии в этническом составе туркмен, по крайней мере, трех основных пластов: древнего местного (ираноязычные обитатели оазисов и степей), тюркского раннего и собственно огузского, и наконец кипчакского” [Васильева, 1964а, с. 86—87, 91—93; 1964б; 1977, с. 98—100]. На этнографические параллели в культуре осетин и народов Средней Азии, особенно туркмен, обратил особое внимание в специальном исследовании Б. А. Калоев. Это, по его мнению, может свидетельствовать не только о существовании в прошлом контактов между ираноязычными и тюркоязычными кочевниками, но и об участии ираноязычных племен в этногенезе многих тюркоязычных народов Средней Азии [Калоев, 1999б, с. 56—78].

К большому сожалению, в настоящее время некоторые современные исследователи, не отрицая автохтонного происхождения многих туркменских племен, не признают роль ираноязычного субстрата в этногенезе туркменского народа. Однако, так ли это? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, в первую очередь, привлечь данные письменных источников, топонимии, фольклора, антропологии и других смежных дисциплин, которые фиксировали бы следы присутствия потомков аланов, асов и других родственных этнических групп в позднее средневековье и новое время как в районе Хорезма, так и на соседних территориях.

К числу интересующих нас письменных источников следует, в первую очередь, отнести сочинение хивинского автора XVII в. Абу-л-Гази “Родословная туркмен”, содержащее традиционные сведения о генеалогии многих племенных и родовых

групп в составе этого народа. Однако в данном случае следует обратить внимание на мнение Г. П. Васильевой: «...хорошо известно, что позднесредневековые родословные, составлявшиеся под влиянием родоплеменной феодализирующейся знати, стремившейся доказать свое родство с “прямыми” потомками Огуз-хана, были в известной мере тенденциозными. Политические связи в родословных нередко представлены в виде родственных, а подчиненные племена объявляются младшими по происхождению» [Васильева, 1985, с. 84].

Для нас особый интерес представляет информация Абу-л-Гази “о потомках младших братьев Оғурджика”. Так, хивинский автор сообщает: “У Суварджика был сын по имени Хуршид. Иль Олам ургенчли — потомки Хуршида” [Кононов, 1958, с. 74]. В данном случае упоминание племени **Олам** (𐰽𐰺𐰍) **ургенчли** позволяет согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в данном случае речь идет именно о потомках аланов. К этому следует добавить, что вторая часть данного этнонима — **ургенчли** может свидетельствовать о прежнем проживании данной этнической группы вблизи Ургенча, на возможность чего уже указывалось ранее. Кроме того, в “Родословной туркмен” также зафиксирован антропоним **Алан** (𐰽𐰺𐰍). Говоря о царствовании Диб-Бакуй-хана, Абу-л-Гази отмечает, что у него “старшими беками были: Алан и Арлан из иля [племени. — О. Б.] Йазыр” [Кононов, 1958, с. 55]. Однако проблема отношения туркменских языров к аланам заслуживает специального рассмотрения.

Аланов в Средней Азии оставили о себе память не только в племенных названиях и антропонимах, но и в названиях на местности. Как уже отмечалось, недалеко от Куня-Ургенча были зафиксированы руины средневековой крепости — **Алан-Кала** (Крепость аланов), расположенные на юго-восточной окраине Усть-Урта (рис. 7) [Толстов, 19486, с. 49]. Интересно то, что в XIX—XX вв. топонимы, указывающие на пребывание аланов, были отмечены также не только в Хорезмском оазисе, но и на значительном расстоянии от Хорезма.

Так, в сочинениях персоязычного автора XIX в. Мухаммад Хасан-хана “Матля-уш-шамс” и “Тарих-и-мунтазам-и-Насири” упоминается местность **Алан-дашт** — “Аланская степь”, расположенная в Хорасане. По словам Мухаммад Хасан-хана, в 1830 г. шах Персии Ахмед Али-мирза вынужден был начать приготовления для отражения нападения со стороны правителя Хорезма (хивинского хана) Алла-кули-тöre, который был в сговоре с мятежным правителем персидского Хорасана Сейид Мухаммад-ханом. О результатах такого рейда Мухаммад Хасан-хан сообщает в “Матля-уш-шамс”: “Когда об этом узнал шахзаде Ахмед Али-мирза, то призвал ко двору хорасанских ханов и, снарядив воинственную армию, устремился навстречу битве в степь **Алан-дашт**. Правитель Хорезма, услышав об этом, не вступил в бой и не совершил нападения, но, отвернувшись от войны, направился в Хиву” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 224—225]. В более сжатом виде эти события изложены в “Тарих-и-мунтазам-и-Насири”: “В том же (1245 г. х. — 1829/30 г.) узбек Алла-кули-хан-тöre приходил по наущению хорасанских ханов из Хорезма в окрестности Теджена. Ахмед Али-мирза отправился в **Алан-даштскую** степь, и хорезмский хан, испугавшись, возвратился обратно” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 225, прим. 2]. В связи с этим составители и комментаторы второго тома “Материалов по истории туркмен и Туркмении” привели интересную информацию относительно локализации упомянутой местности: “Алан-дашт — деревня к западу от Мешхеда, менее чем в 5 фарсахх” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 225, прим. 2]. Нам кажется, что нахождение аланов в северо-восточной части Ирана (рис. 8) может свидетельствовать об их переселении из более северных территорий вместе с туркменскими племенами.

Аланская топонимия также фиксируется в южной части Хорезмского оазиса по соседству с кочевьями каракалпаков. Свидетельством этого может являться фрагмент сочинения персоязычного автора XIX в. Мухаммеда Риза-мирабы “Тульнян-и-Девлет”, где речь идет о событиях 1856—1865 гг., т. е. времен правления хивинского

хана Сейид Мухаммеда. Персоязычный автор сообщает, что хивинский царевич “прибыл в окрестности крепости Халим-бека”. “Здесь, по приказу его величества [хана Сейид Мухаммеда. — О. Б.], — продолжает далее Мухаммед Риза-мираба, — к царевичу присоединился правитель кара-калпаков Махмуд Нияз-ясаулбаши... Через шесть дней царевич выступил отсюда и, направившись в *Ак-аланг* пробыл там восемь дней” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 608]. В данном случае для нас особый интерес представляет информация о нахождении местности *Ак-аланг* вблизи владений каракалпаков. При этом составители и комментаторы второго тома “Материалов по истории туркмен и Туркмении” отмечают: “Приблизительно в этом районе имеется канал под названием Ак-алан” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 608, прим. 1]. Следовательно, в данном случае уместно говорить о существовании топонима *Ак-алан* — “Белый алан”. Можно предположить, что канал с этим названием находился там, где были расположены другие топонимы данного типа (рис. 8)

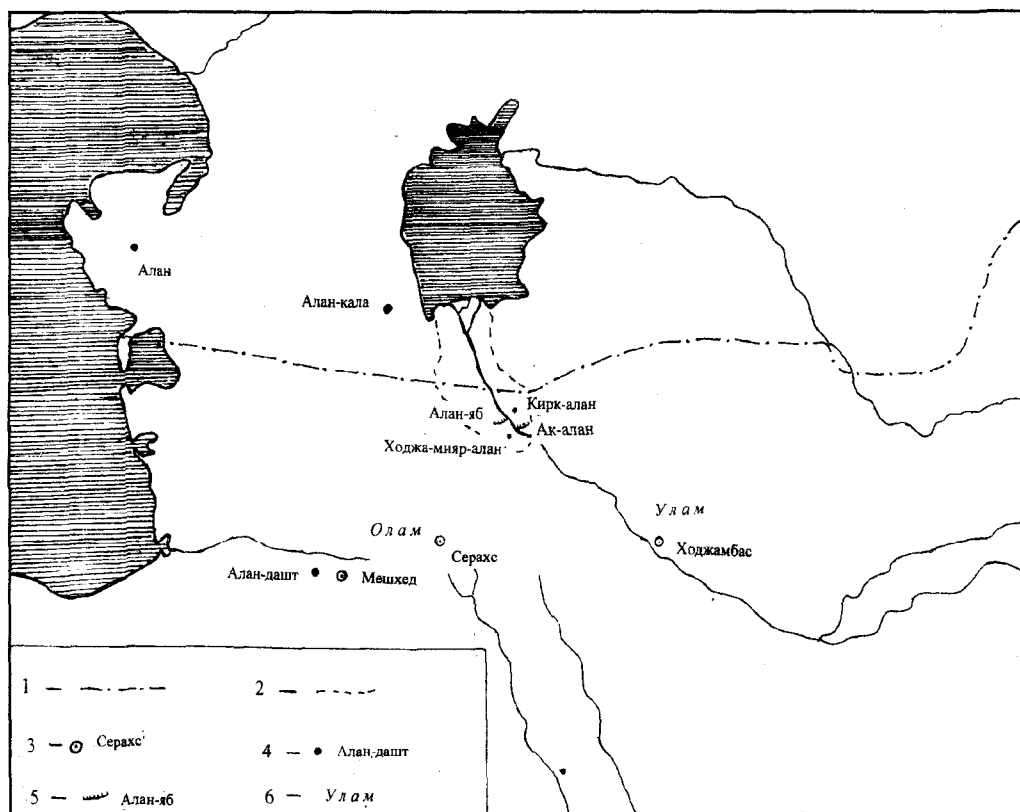

Рис. 8. Распространение аланской топонимии и расселение этнической группы *алан* в Средней Азии:

- 1 — границы Золотой Орды в XIII-XIV вв.;
- 2 — границы Хорезмского оазиса;
- 3 — современные населенные пункты;
- 4 — поселения, содержащие в своем названии этноним Алан;
- 5 — остатки каналов, содержащих в своем названии этноним Алан;
- 6 — названия родоплеменных подразделений туркмен

В связи с пребыванием аланов на территории Хорезма Г. П. Снесарев отметил: “по старым картам нами обнаружены в юго-восточной части оазиса интересные топонимы: урочище Кырк-алан (сорок аланов) на правом берегу Амударьи [в районе

Шарухана. — О. Б.] и канал Алан-Яб на левом, в районе Питняка” (рис. 8) [Снесарев, 1975, с. 93, прим. 24]. О расселении аланов в южной части Хорезмского оазиса могут также свидетельствовать исследования Б. И. Вайнберга. Исследователь свидетельствует: “В северной части урочища Уаз (Вас) нами в 1956—1957 гг. обследовано русло старого канала, в значительной степени засыпанное песком и называемое современным населением Ходжа-мияр-алан. Каналы XIX в. частично проходили по его руслу, но чаще пересекали его. В низовьях канала расположены развалины (бугры) Ходжа-мияр-алан. Наши информаторы считают их более старыми, чем остальные туркменские памятники-урочища. Мы считаем возможным связывать канал и развалины Ходжа-мияр-алан с пребыванием вошедшего в состав туркменского народа племени алан в урочище Уаз в XVII или даже XVI в. Можно также предположить, что с подразделением алан Мариш-кар связано и название находящихся в том же районе в стороне от поселений и каналов XIX в. развалин Мариш-калы. Информаторы относят время существования этой крепости к периоду, предшествовавшему обводнению урочища в XIX в.” (рис. 8) [Вайнберг, 1962, с. 45].

Данные этнографии также подтверждают пребывание аланов как на юге Хорезмского оазиса, так и за пределами Арало-Каспийского междуморья. Так, в 20-е — начале 30-х годов XX в. этнографом А. Бахтиаровым (Г. И. Карповым) в Туркменистане, Узбекистане, Таджикистане и даже в Афганистане были зафиксированы родоплеменные группы туркмен, носящие названия *олам* или *улам*. При этом эта этническая группа располагалась на территории Туркменистана в Ходжамбасском, Халагском, Чаршанганском (в местностях Ак-Кум и Кук-Толлы) и Серахском районах; на территории Узбекистана — в Шир-Абадском вилайете, в районе Хошман, в кишлаке Уч-Тут и в Самаркандском округе возле ж/д станции Хоузэк; на территории Таджикистана — в Джали-Куле, в Кабадиане и Термезе; на территории Афганистана — в районах Шиверган, Ахга и Хам-Яб. По данным А. Бахтиарова, данная этническая группа «встречается... под названием олам в Серахском районе, в составе племени Салыр (ветвь “Караман”...) и улам, в Ходжамбасском районе, где они живут обособленно от туркмен-арсаринцев, сохраняя чистоту крови, не смешиваясь с другими, в том числе турецкими племенами» (рис. 8). Общее количество дворов оламов (уламов), по данным информаторов А. Бахтиарова, в 20-е годы XX в. насчитывало 1500 хозяйств. Что касается их языка, то, по данным А. Бахтиарова, он “туркменский, схожий с диалектом сарыков и иомудов” [Бахтиаров, 1930, с. 39—40]. А. Бахтиаров считал носителей этнонимов *олам* и *улам* аланами, и для этого были определенные основания. Его информаторы сообщили, что “олам раньше назывались алан” [Карпов, Арбеков, 1930, с. 28]. Данное сообщение подтверждается наличием рода *Алан* среди представителей племени *улам*, проживавшего компактно в Ходжамбасском районе Туркменистана. Кроме того, племя *улам* включало в свой состав роды: *Кара-Мугул*, *Хаким*, *Кызыл* [Бахтиаров, 1930, с. 39].

То, что упомянутые аланы ранее проживали между Каспийским и Аральским морями, подтверждают информаторы А. Бахтиарова: «Пришли аланы в Ходжамбасский район, как передают старики, с полуострова Мангышлак, где у них имелось большое укрепление под названием Алан. Продолжительное время они жили в местности “Вас”, на юге Хорезмского ханства. В Ходжамбассе первые аланы появились в числе 72 хозяйств лет 250 тому назад [в конце XVII в. — О. Б.]. Постепенно перемещались сюда из Хивы и остальные, на протяжении почти ста лет. Окончательно они переместились в бухарские владения лет 150 тому назад [в конце XVIII в. — О. Б.]» [Бахтиаров, 1930, с. 40]. Относительно появления племени *улам* в Ходжамбасском районе по соседству с арсаринцами информаторы А. Бахтиарова отмечают, что аланы “с боем отняли у арсаринцев территорию современного Ходжамбасского района” [Карпов, Арбеков, 1930, с. 28]. Исходя из этого можно сделать вывод, что миграция племени *улам* не была связана с передвижениями союза племен *арсари*, т. е. аланы изначально не входили в состав

племенного объединения арсаринцев. Таким образом, в давние времена часть аланов могла мигрировать с Мангышлака на юг Хорезмского оазиса, а оттуда в XVII—XVIII вв. переселиться на юг в среднее течение Амударьи. Были ли эти аланы, той этнической группой, которая во времена монгольских завоеваний проживала в столице Хорезма — Ургенче, предстоит еще установить. Однако данные письменных источников, топонимии и этнографии свидетельствуют также о широком расселении аланов-асов и в остальной части Хорезмского оазиса.

Кроме того, обращает на себя внимание факт существования рода или подразделения рода (уруга) *Олам* в составе родового объединения (тайфа) *Караман* в составе большого туркменского племени *Салор (Салыр)* [Карпов, Арбеков, 1930, с. 27]. Как уже отмечалось, эта часть салорского племени еще в 20-е годы XX в. проживала на территории Серахского района в Юго-Восточном Туркменистане [Бахтиаров, 1930, с. 39]. В данном случае вызывает интерес факт вхождения аланов в состав различных туркменских племен и в связи с этим их широкое расселение.

Необходимо также обратить внимание на выводы Г. Е. Маркова относительно процесса формирования туркменских племен: "...очень многие, если не все позднейшие туркменские племена, возникали и сформировались из самых разнообразных распадавшихся туркменских групп и даже иноплеменного населения. Возникнув, новые племена связывали свое происхождение с традиционной туркменской генеалогией" [Марков, 1961, с. 15]. В дополнение этому, необходимо учитывать наблюдения Г. П. Васильевой, согласно которым в позднее средневековье "территория расселения западнотуркменских племен неоднократно менялась... все это привело к переселению части туркмен в Хорезм и продвижение другой, более значительной части в южные и юго-восточные районы" [Васильева, 1985, с. 84]. Поэтому очень важно установить, где, когда и при каких обстоятельствах часть племени аланов могла быть включена в состав салорского племенного объединения.

Г. И. Карпов (А. Бахтиаров) и П. Б. Арбеков, в соответствии с данными "Родословной туркмен" Абу-л-Гази, считали, что первоначально племя салоров проживало в Хорасане. Оттуда они могли перекочевать в Ирак и Фарс и 500—600 лет назад, т. е. в XIV—XV вв. могли продвинуться на полуостров Мангышлак. Оставшаяся же в Ираке часть салоров при легендарном Огурджике могла продвинуться в Шемаху, а далее — даже в Крым. После этого могла последовать миграция западной части салоров на Восток, в результате чего они могли форсировать реки Атель (Волгу) и Яик (Урал) и оказаться также на полуострове Мангышлак и в горах Абу-л-хан (Балханские горы). Из других источников видно, что "какая-то часть салоров находилась в пределах Бухарского ханства в XVIII—XIX вв." Перед завоеванием Россией Бухарского ханства салоры то проживали в Серахском районе, принадлежавшем Бухаре, то под натиском соседей покидали этот район. И только после завоевания Россией Бухарского и Хивинского ханств салоры снова были поселены в Серахсе. В результате салоры стали проживать в трех районах Туркменистана и при этом они продолжали осознавать общность своего происхождения [Карпов, Арбеков, 1930, с. 27]. Следовательно, во время своего пребывания на Мангышлаке салоры могли включить в состав своего племени на правах рода часть мангышлакских аланов. А это могло произойти уже в XIV—XV вв.

Таким образом, имеются основания считать, что переселившаяся в давние времена на юг Хорезмского оазиса часть мангышлакских аланов могла в позднее средневековье мигрировать на юг, в среднее течение Амударьи и сохраняться как отдельное племя в составе туркмен до начала XX в., а оставшиеся на Мангышлаке аланы в это время могли быть включены в состав салорского племенного объединения и переселиться вместе с салорами на юго-восток Туркменистана в район Серахса.

Весьма примечательно, что этнонимы и топонимы, содержащие этнический термин *алан*, были зафиксированы в местах преимущественного расселения туркменских племен (рис. 8). Как уже отмечалось, близкородственную аланам

этническую группу в Северном Хорезме представляли асы. Создается впечатление, что туркмены не использовали этнический термин *ас*. Однако так ли это?

У авторов исследования “Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв.”, на наш взгляд, сложилось несколько ошибочное мнение относительно появления и распространения этнического термина *ас* в Средней Азии: “К XVI—XVII вв. на территории Туркмении произошли громадные перемены в племенном составе туркмен... Большая же часть старых племенных названий огузов уже не встречалась в XVII в. как названия племенные... многие из них обнаружены в родовых делениях туркмен XX в., как названия отдельных родов в составе разных туркменских племен... На территории туркмен имел место и обратный процесс — процесс вхождения тюрко-монгольских элементов в состав туркменских племен”. В качестве доказательства последнего почему-то был приведен факт наличия родоплеменных подразделений *Аса* среди туркмен и *Асы* (*Асум*) среди монголов [Очерки из истории туркменского народа..., 1954, с. 130, 162—163]. Однако сообщение ал-Бируни о нахождении асов в Арало-Каспийском междуморье в XI в. и данные письменных источников XIII—XIV вв. о миграции северокавказских аланов-асов на Дальний Восток позволяют считать эти совпадения не связанными между собою.

О том, что после времен ал-Бируни носители этнонима *Ас* проживали в Средней Азии, могут свидетельствовать данные некоторых письменных и этнографических источников о родоплеменном составе туркменских и узбекских племен, а также некоторые топонимы. По данным Г. П. Васильевой, в состав туркменского племени игдыров входило родовое подразделение *Аса* (*Ас*), которые, по ее мнению, являлись потомками ираноязычных асов [Васильева, 1977, с. 98]. Особый интерес может также представлять отрывок из сочинения бухарского автора XVIII в. Мирзы Бади-дивана “Маджма ал-Аркм”, где в списке о разделении узбекских племен на роды и группы упоминаются асы. Говоря о составе бухарского войска, автор трактата отметил: “По чину и роду установили и определили два крыла таким образом, что на правом крыле должны занимать места: мангыты, кенегесы, кераиты, дурманы, кунграты, хитан, кипчаки, утаджи, туркмены, арлаты, кияты, киргизы, каланы, уйшуны, чублачи, кари, монголы, хазифы, угланы, тилады. На левом крыле: катаганы, сараи, ябу, бахрины, джалаиры, канглы, юзы, минги, найманы, карлуки, беркуты, аргуны, кушчи, огланы, калмыки, фуладчи, кырки, алчины, маджары, джийинбаи, бадаи, асы (آس), джебергены, килчи, тимаи, миситы, татары, уйгуры, багланы, иладжи, тангуты, шагирд-пише” [Mīrẓā Badī’-dīwān, 1981, с. 37, 15a]. Таким образом, мы видим, что в состав узбекских племен вошли осколки различных этнических групп, в том числе и асы Хорезма. Однако в данном случае до конца не ясно, видели ли узбеки, подобно туркменам, в аланах и асах две близкородственные, но отдельные этнические группы или узбекам, как и большинству тюркоязычных народов, было присуще использовать для обозначения аланов и асов только один термин — *Ас*. Весьма характерно, что наименование *Асс* еще в недавнем прошлом сохранял один из родов узбекского племени *кыпчак*, проживавшего в левобережном Хорезме (ныне Амударьинский район Каракалпакии в составе Узбекистана) [Толстова, 1977, с. 152; 1978, с. 10—11; 1984, с. 187]. Результаты анализа различных документов позволили Г. П. Снесареву более чем в десяти местах левобережного и правобережного Хорезма, заселенного преимущественно узбекским населением, выделить места расселения носителей этнонима *Асс* (рис. 9). Это позволило исследователю сделать вывод: “Название *асс* часто встречается в Хорезме и как топоним и как этноним, однако, пока трудно решить, с каким именно периодом этой хорошо известной этнографической группы связаны указанные названия” [Снесарев, 1975, с. 85].

О пребывании носителей этнонима *Асс* на территории расселения узбеков могут свидетельствовать некоторые топонимы, сохранившиеся в документах нового времени и на современной географической карте. Так, в сочинении персоязычного автора XIX в. Мухаммеда Рази мираба Агехи “Рияз-уд-довле” несколько раз

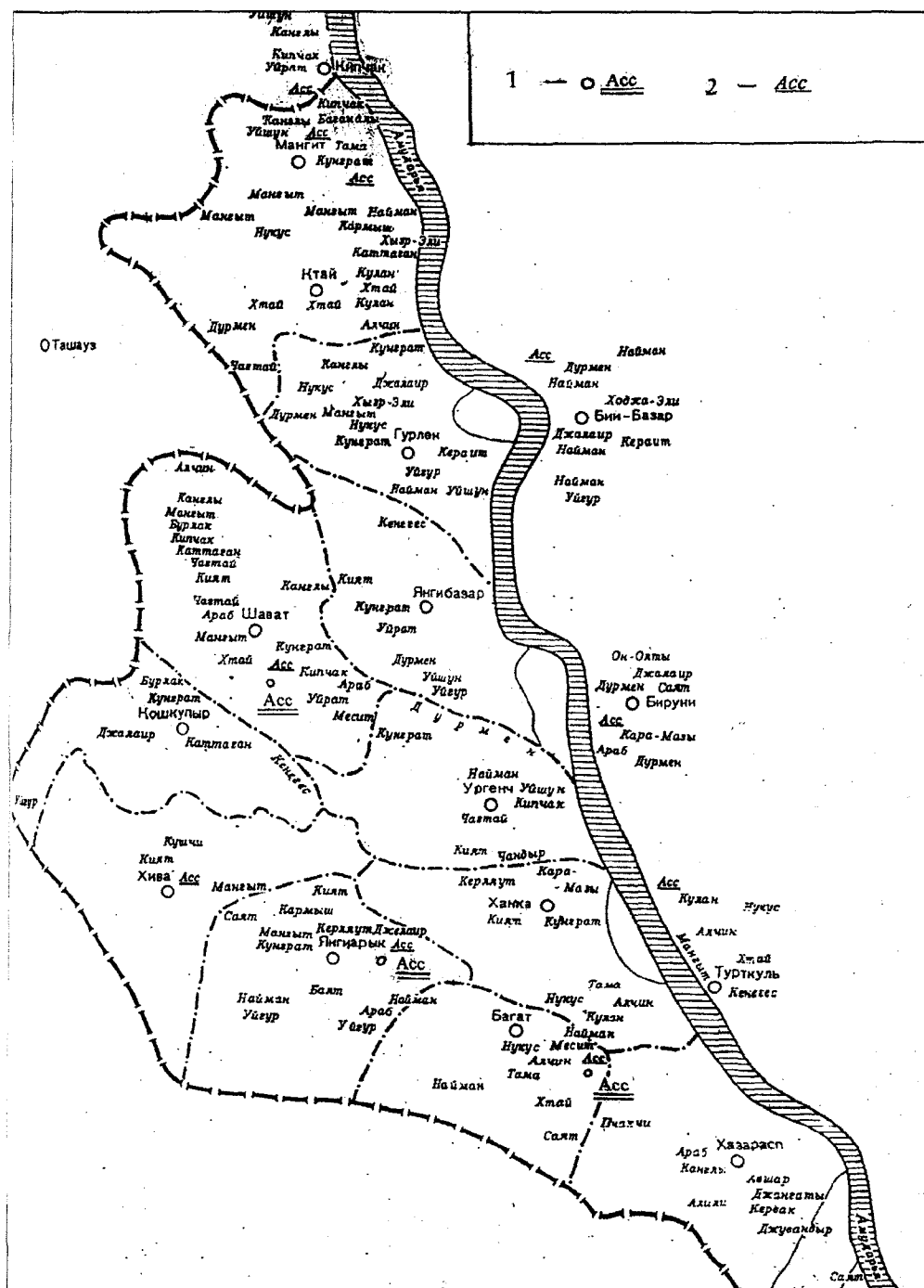
упоминается топоним *Асс*. Сообщая о походе хивинского хана Алли-кули-хана в 1258 г. х. (1842 г.), Мухаммед Рази мираба Агехи подробно перечисляет все близлежащие населенные пункты: “его величество... выступил из Хивы по направлению к своей цели. Пройдя Янги-арык, *Асс*, Хазарасп, Питняк, хан прибыл в Сары-Харин... на пятнадцатый день прибыл в Кабаклы... отправил [войско. — О. Б.] отсюда на Чарджуй” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 475]. Аналогичная локализация также присутствует во фрагменте другого сочинения этого же персоязычного автора — “Зубдет-ут-таварих”, где повествуется о событиях из жизни одного из аристократов Хивинского ханства Рахим-Кули-хана в 1841 г.: “хан вместе с войском выступил из Хивы в путь и, продолжая путь... прибыл в свой собственный ханский рабат, находящийся в селении Янги-арык. Здесь хан с войском пробыл одну ночь, а в субботу утром отправился дальше. Достигнув имения *Асс*... В субботу прибыли в Хазарасп” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 477]. Эта же ситуация фиксируется в другом фрагменте указанного сочинения о деяниях Рахим-Кули-хана в 1844 г.: “хан... выступил из столицы. Продолжая путь, прибыли в Янги-арык и остановились. На утро, в субботу, войска прибыли в Питняк и остановились у могилы Сары-хаджи, расположенной на южной стороне Питняка” [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 494]. На основании этих данных составители и комментаторы второго тома “Материалов по истории туркмен и Туркмении” пришли к выводу, что селение *Янги-арык* находилось “к юго-востоку от г. Хивы”, а селение *Асс* — “в районе Янги-арык” (рис. 9) [Материалы по истории туркмен..., 1936, с. 477, прим. 2, 3]. Топонимы такого же типа до сих пор присутствуют на современной географической карте Узбекистана. По данным Л. С. Толстовой, в Хорезмской обл. Узбекистана отмечены географические названия, содежащие этноним *Ас*: *Асс* — Хорезмская обл., район Шах-абад; *Ишбай-ас* — Хорезмская обл., район Ново-Ургенч; *Ас*, *Хусин-ас* — Хорезмская обл., район Янги-арык и т. д. (рис. 9) [Толстова, 1978, с. 10—11; 1984, с. 187].

Таким образом, имеются основания полагать, что узбеки, подобно большинству тюркоязычных народов, но в отличие от туркмен, не видели разницы между аланами и асами Средней Азии и использовали для обозначения аланов и асов только этнический термин *Асс*. Вхождение асов на правах рода в состав узбекского племени *кыпчака* заставляет думать о заимствовании этнической терминологии узбеками от кипчаков, которые поселились в Хорезме раньше. Размещение упомянутых аланов-асов вблизи Куня-Ургенч дает возможность видеть в них потомков тех аланов, о которых писал в середине XIII в. П. Карпини, как о жителях хорезмской столицы Орнас—Ургенч [Карпини, 1957, с. 46].

В сложившейся ситуации выглядит весьма странным то, что в сочинении Абу-л-Гази “Родословная туркмен” не содержатся сведения о роде или племени *Ас* в составе туркменских племен. В связи с этим можно предположить, что представители данной этнической группы могли быть известны у хивинского автора под несколько измененным названием. Поэтому особый интерес представляет информация из “Родословной туркмен” о происхождении уруга (рода) *Азлар*. По данным хивинского автора, среди потомков младших братьев легендарного Огурджика был Дудык, а “Уруг Азлар — потомки Дудыка” [Кононов, 1958, с. 74]. В сложившейся ситуации имеет смысл рассматривать этноним *Азлар* (آزله) как составной термин *Аз-лар*, где первая часть может служить для обозначения этнической группы *Ас*, а вторая часть может представлять собой показатель множественного числа, характерный для многих тюркских языков. Таким образом, этноним *Азлар* (*Аслар*) может означать “Асы”.

Весьма примечательно, что в хивинских документах XVIII—XIX вв. фиксируется родовое подразделение *даразлар* (*дараз*), входившее в состав туркменского племени *сакар*, которое тогда проживало в Хорезме. Для обозначения этого рода был использован составной термин *дараз-сакар* (درازسقر) [Брегель, 1961, с. 232, 344].

Данные этнонимии могут свидетельствовать также о том, что в этногенезе туркменских племен должны были принять участие не только потомки

1 — населенные пункты, содержащие в своем названии этноним *Асс*;
2 — места расселения этнической группы *Асс*

ираноязычных аланов и асов Хорезма, но и других этнических групп Средней Азии сармато-аланского происхождения. Необходимо отметить, что данный вопрос уже давно стал объектом внимания многих исследователей.

Так, еще в середине XIX в. французский исследователь Вивьен де Сен-Мартэн предложил рассматривать название одного из крупнейших племен — *теке* как дериват передаваемого античными источниками имени древнего населения Южного Туркменистана — дахов или даев [Saint-Martin, 1850, p. 267]. В настоящий момент некоторые исследователи склонны поддерживать данную этимологию, хотя она, по нашему мнению, не учитывает до конца всех исторических изменений, происшедших на территории Туркменистана практически за двухтысячелетний период времени.

В 30-х годах XX в. С. П. Толстов склонен был полагать, что “имя второго по величине туркменского племени — йомудов, или точнее йомутов (*yo-mut* — *your-mut*), населяющих Северо-Западную Туркмению, является закономерной (спирантно-шипящей) разновидностью хорошо известного имени древних восточноевропейских кочевников — сармат (*Vsar-mat*)” [Толстов, 1938, с. 196]. Однако необходимо исходить из того, что данная этимология возникла под влиянием яфетической теории М. Я. Марра и поэтому, с позиций современной лингвистики, не выдерживает критики. Кроме того, несколько десятилетий назад Л. А. Мацулевич отметил, что термин *йомут* в письменные источники “попадает очень поздно; впервые, поскольку ныне известно, лишь в XVII в. у Абу-л-Гази” [Мацулевич, 1947, с. 129]. Тем не менее объяснение происхождения названий некоторых других туркменских племен представляет особый интерес.

Еще в конце XIX в. Н. А. Аристов высказал предположение, что название туркменского племени *сакар*, обитавшего в среднем течении Амударьи, следует связывать с древними сакарауками или сакараулами, упоминаемыми античными авторами в числе племен, участвовавших в завоевании Греко-Бактрийского царства во II в. до н. э. [Аристов, 1896, с. 416]. Хотя большой хронологический разрыв между упоминаниями данных этнонимов позволяет с определенной долей осторожности относиться и к этой гипотезе. Впрочем, предположение о связи представителей племени *сакар* с одним из племен скифо-сарматского круга заслуживает особого внимания. В “Родословной туркмен” Абу-л-Гази среди потомков младших братьев Огурджика, наряду с *Иль Олам* и *Уруг Азлар*, фигурирует и племя *Сакар*: “Иль Сакар (سقر) — потомки Кабаджыка” [Кононов, 1958, с. 74]. Это позволяет предполагать, что представители данной этнической группы могли быть связаны своим происхождением с хорезмскими аланами и асами. В связи с этим особого внимания заслуживает предположение Д. Е. Еремеева, согласно которому этноним *сакар* своим происхождением мог быть связан с ираноязычными саками, обитавшими во времена античности в Средней Азии [Еремеев, 1970, с. 140]. Кроме того, относительно происхождения окончания *-ар*, характерного для многих тюркских этнонимов, исследователь даже высказал предположение: «Уже давно было высказано мнение, что окончание *-ар* в этих этнонимах восходит к слову *ар/эр/ур*, означающему “человек”. Во многих современных тюркских языках слово *эр/ур* сохраняет близкое значение — “мужчина”, “муж”. Возможно, что это слово попало в тюркские языки из иранских или — из более широкого круга — индоевропейских языков. Ср. древнеиндийское *арий*... Тюркские языки заимствовали слово *ар/эр/ур* из иранских, по всей вероятности, очень давно — на рубеже хуннской и древнетюркской эпох, т. е. около V в. н. э., ибо как раз в этот период возросло влияние древнеиранских языков на тюркские в связи с активным взаимодействием носителей этих языков — тюркских и иранских племен. Действительно, в послехуннское время этнонимы с окончанием *-ар* появляются в изобилии» [Еремеев, 1970, с. 133—134]. Однако в данном случае следует не забывать, что прототюрки в древности имели контакты не только с народами индоевропейского, но и алтайского, финно-угорского и другого

происхождения, у которых мог существовать также близкий по форме и содержанию термин.

Г. П. Васильева, Д. Е. Еремеев и некоторые другие исследователи высказали мнение, согласно которому название крупного туркменского племени **Языр** своим происхождением было связано с этнонимом **ясы** или **асы** [Васильева, 1964а, с. 2; 1964б, с. 87; 1977, с. 98; Еремеев, 1970, с. 140]. Но в данном случае смущает уже существование в составе туркменского племени игдыров родового подразделения **Аса (Ас)**, а также некоторые варианты написания этнонима **Языр**. Так, наряду с данным этнонимом параллельно в некоторых письменных источниках использовалось название **Ясыр**. Первое же упоминание о язырах относится к XI в. и содержится в сочинении Махмуда Кашгарского, где оно упоминается в форме **Язгыр** [Джикиев, 1977, с. 96—97]. Как свидетельствует автор начала XIII в. Мухаммед ибн Наджаб Бекрай в своем сочинении “Джеханнамэ” (“Описание мира”), языры еще в XII в. не являлись местными племенами в Южном Туркменистане: “Языр — племя из тюрок, которое попало в пределы Балхана и его гор. К нему присоединилось одно племя из Мангышлака, а другие из Хорасана... Оттуда они снялись и пришли в Шахристан и Ферсву, затем они поселились в крепости. Так, теперь они составляют три племени: собственно языры, языры мангышлакские и языры фарсские” [Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 49]. Эту же племенную группу в XIII—XIV вв. упоминали Ибн ал-Асир и Рашид ад-Дин [Материалы по истории туркмен..., 1939, с. 235, 237, 398]. “Иль Языр” (ایل یازر) был упомянут в XVII в. Абу-л-Гази в его “Родословной туркмен” [Кононов, 1958, с. 55]. Относительно дальнейшей судьбы языров А. Джикиев отметил: “После Абу-л-Гази название языр в источниках почти целиком исчезает. Зато в XVII—XIX вв. неожиданно выступает на историческую арену племя карадашлы, которое, безусловно, считалось преемником огузского племени языров. Племя карадашлинцев, жившее с XII в. в Южном Туркменистане, начиная с конца XVIII в. было окончательно вытеснено оттуда занявшими оазис текинцами... в Северный Туркменистан” [Джикиев, 1977, с. 98].

В данной ситуации обращает на себя внимание факт первоначального нахождения языров на северо-западе от Хорезмского оазиса вблизи Магышлака. Это дает основания предполагать наличие контактов с мангышлакскими аланами. Не случайно, как уже отмечалось, Абу-л-Гази свидетельствует, что один из носителей антропонима **Алан** происходил “из иля Йазыр” [Кононов, 1958, с. 55]. Кроме того, первоначальный вариант написания данного этнонима **Язгыр**, содержащийся в сочинении Махмуда Кашгарского и относимый к XI в. [Джикиев, 1977, с. 96—97], позволяет вспомнить о названии одного из крупных сарматских племен — **Языги**. В связи с этим особый интерес представляет информация некоторых мусульманских географов IX—X вв. о стране **ам-Тиз (ам-Тур, ал-Йатиз)**. Т. М. Калинина попыталась объяснить сохранение данного этнотопонима следующим образом: «Форма же **ам-Тур**, а правильное — **ам-Тиз** и **ал-Йатиз** у ал-Хваризми и Сухраба передает этноним **йазыги** Птолемея, ... который в более “чистом” виде встречается в труде ученого IX в. ал-Баттани. Во всех трех последних случаях этноним территориально сопоставляется с землями, прилегающими к Таврике. Почему указанные авторы из всех прочих указанных у Птолемея народов, кроме алан, предпочли только исчезнувших языгов, — это загадка, ясный ответ на которую едва ли можно дать» [Калинина, 1988, с. 17, 48, 114, 121, 137—139]. Однако можно не согласиться с последним пессимистическим выводом Т. М. Калининой и предположить, что в раннее и развитое средневековье потомки античных языгов могли сохраняться в степях Средней Азии и Восточной Европы и оттуда вместе с огузскими племенами переселиться на территорию Туркменистана.

Кроме того, особый интерес представляет также происхождение крупного туркменского племени эрсаринцев, известное в сочинении Абу-л-Гази как “люди народа Арсари (آرساری)”. По свидетельству хивинского автора, родоначальником племени **Арсари** считался Эрсари-баба, живший в конце XIII — начале XIV вв. Он также считался родоначальником йомутов [Кононов, 1958]. В связи с этим

необходимо исходить из того предположения, что “в большинстве случаев родословные, несомненно, отражали определенный реальный этап в формировании того или иного племени, указывая также на родственные связи между отдельными народами и племенами” [Васильева, 1985, с. 84]. Известно, что в XV—XVI вв. арсаринцы наряду с текинцами и йомутами входили в состав племенного союза возглавляемого салорами. Здесь необходимо отметить, что у туркмен существовало мнение о родстве салоров и арсаринцев. По-видимому, нахождение арсаринцев и салоров в составе одного племенного союза могло способствовать тому, что мангышлакские аланы, на правах рода, вошли в состав племени салоров, а более крупная их часть поселилась по соседству с туркменами-арсаринцами. В XVI—XVIII вв. арсаринцы возвысились и возглавили новый племенной союз, в который вошли текинцы и йомуты [Брегель, 1961, с. 22—23; Бахтияров, 1930, с. 39—40; Карпов, Арбеков, 1930, с. 28; Васильева, 1985, с. 84]. В связи с этим для нас особый интерес представляет происхождение названия данного племени — *Арсари* (*Эрсари*). Среди некоторых исследователей существует мнение, что данный этноним имеет тюркское происхождение и состоит из двух частей: *Ар* — “мужчина”, “муж” и *сары* — “светлый”, т. е. название этнонима следует переводить как “Светлые люди”.¹ В контексте вопроса о возможных генетических связях некоторых туркменских племен с сармато-аланами данная этимология может представлять несомненный интерес и указывать на первоначальный европеоидный антропологический тип арсаринцев. Однако не стоит игнорировать то, что этнические наименования данного типа имели распространение в Средней Азии не только во времена средневековья и новое время, но также и в период античности, т. е. они могли иметь нетюркское происхождение.

Еще в начале 30-х годов XX в. Г. И. Карпов и П. Б. Арбеков одними из первых указали на возможную связь племенного названия арсаринцев с этническим наименованием *арси*, довольно широко распространенным в Средней Азии [Карпов, Арбеков, 1930, с. 28]. В подтверждение этого можно отметить, что несколько десятилетий назад в районе Кучи в Восточном Туркестане был открыт язык, носящий название *arsi* [Мацулевич, 1947, с. 133]. В более раннее время, в XIV в., мусульманский автор Шамс ад-Дин Димашки зафиксировал среди кипчаков племя *ал-Арс* [Добродомов, 1989, с. 17—18]. А в начале X в. ал-Масуди сообщал о наемниках хазарского царя: “Они известны в городе [Итиле. — О. Б.] как ал-ларисийа (арсийа, арийсйа и т. д.), и они являются переселенцами из окрестностей Хорезма. В давние времена после возникновения ислама в их стране разразилась война и вспыхнула чума, и они переселились к хазарскому царю” [Минорский, 1963, с. 193—194]. Известно, что в кушанское время в горах Копет-Дага проживало племя *Арс* [Добродомов, 1989, с. 17—18]. Во времена поздней античности Плиний упоминал народ “арсы” на территории современного Гиляна, а Птолемей назвал “арсийской” местность в Гиркании [Мацулевич, 1947, с. 133]. Таким образом, мы видим, что истоки этнического термина *Арс* уходят своими корнями в античную эпоху и имеют прямое отношение к среднеазиатскому региону. Поэтому среди многих исследователей получила распространение гипотеза, согласно которой этнические наименования с основой *Арс* были генетически связаны с названием сарматского племени *Аорсы* [Мацулевич, 1947, с. 133; Мацулевич, 1947, с. 133; Минорский, 1963, с. 193—194, прим. 23; Добродомов, 1989, с. 17—18; Lewicki, 1976, s. 31—33]. Следовательно, название одного из туркменских племен *Арсари* резоннее рассматривать как составной термин *Арс-ар*, где первая часть *Арс-* может указывать на связь с древними аорсами, а типичное для тюркских этнонимов окончание *-ар* — нести в себе значение “люди”.

В связи с тем, что существует предположение о генетической связи некоторых туркменских племен с сармато-аланами, уместно напомнить этимологию этнонима *туркмен*, предложенную еще в XI в. ал-Бируни. По мнению хорезмского ученого, данный термин представлял собой измененное словосочетание иранского происхождения — *тюрк маненд* — “подобный тюрку”, “похожий на тюрка”

[Агаджанов, 1963, с. 12]. Эту же версию повторил Рашид ад-Дин, по мнению которого так называли племена туркмен таджики и другие ираноязычные народы Мавараннахра и Ирана [Рашид-ад-дин, 1952, с. 85]. Весьма характерно, что данная гипотеза очень хорошо согласуется с результатами антропологических исследований.

Еще в конце XIX в. Н. А. Аристов отметил: “При мезатицефальности и даже брахицефальности нынешних персов субдолихоцефальность туркменов (75, 64), однако, является все-таки загадкой, для решения которой придется, быть может, предположить весьма значительную в туркменах примесь кочевых длинноголовых иранских племен, обитавших в древности на нижнем Яксарте” [Аристов, 1896, с. 451]. В 20-х годах XX в. антрополог Л. В. Ошанин также обратил внимание на эту характерную особенность туркмен: “...длинноголовые туркмены совершенно изолированным островом стоят в окружающем их море короткоголовых народностей, как азиатского и смешанного евро-азиатского типа, так типа индоевропейского. Эти туркмены доликоцефалы ярким пятном выделяются на брахицефальном фоне туркестанского населения” [Ошанин, 1926, с. 153]. Аналогичные особенности были отмечены Л. В. Ошаниным именно среди ираноязычных народов Евразийской степи и их потомков, среди которых он особенно выделил осетин, которые, по его мнению, “в прошлом содержали весьма значительную примесь доликоцефалии”. На основании этого был сделан вывод: «...с антропологической точки зрения туркмены представляют собой остаток древних иранских “скифо-сарматских” племен, некогда кочевавших в Туркестане... значительная часть скифо-сарматских племен была очень рано полностью отуречена по языку, несколько монголизирована по типу, однако во всей чистоте сохранила присущую древнему исходному типу долихоцефалию. Эта последняя часть и представлена современными нам туркменами» [Ошанин, 1926, с. 162—165].

Однако М. Г. Левин категорически не был согласен в выводами Л. В. Ошанина и считал, что у некоторых туркменских племен “доликоцефалия стоит в непосредственной связи с практикующейся деформацией головы”. В качестве доказательства этого он привел данные, согласно которым “у туркмен полностью сохранился обычай повязывать ребенку при рождении голову сложенным платком” [Левин, 1947, с. 184—187]. Однако сам описанный обычай и объяснение причин его со стороны М. Г. Левина противоречат его же окончательным выводам: “наличие повязки гарантирует ребенка от асимметричной головы” [Левин, 1947, с. 187]. По нашему мнению, голова туркменского ребенка могла бы быть асимметричной только, если бы он принадлежал к доликокранному типу — голова брахикрана симметрична. Следовательно, туркмены могли повязывать специальные повязки на голову своим детям, потому что их дети от рождения резко выделялись своей долихокранностью, что могло не совсем соответствовать распространенным эстетическим вкусам, и поэтому таким образом они стремились из долихоцефалов сделать брахицефалов.

Весьма характерно, что подобный обычай был отмечен Л. В. Ошаниным среди хорезмийцев. Исследователь обратил внимание на сообщение мусульманского автора XV в. ал-Макдиси, согласно которому в мусульманских странах хорезмийцев принимали за тюрок. И поэтому хорезмийцы для того, чтобы их отличали от тюрок, прибегали к искусственной деформации черепов. Л. В. Ошанин объяснял данный факт следующим образом: “...современные Макдиси хорезмийцы стремились стать из долихоцефалов брахицефалами и что замечательнее всего они делали это в целях отличить себя от окружавших их тюрок-кочевников” [Ошанин, 1926, с. 134—137]. По наблюдениям исследователя, современные жители хорезмского оазиса не являются долихоцефалами, хотя в настоящее время равнинные таджики-сарты и часть узбеков “оказываются значительно менее короткоголовыми, чем высокогорные таджики” [Ошанин, 1926, с. 138—139, 165]. По нашему мнению, исчезновение долихокранности у современных жителей Хорезма можно объяснить не бытованием обычая искусственной деформации головы, а фактом оседания в позднее средневековье в хорезмском оазисе различных кочевых племен, среди которых

получила широкое распространение брахикранный тип. Что же касается причин долихокранный средневековых хорезмийцев, то следует обратить внимание на объяснение, данное Л. В. Ошаниным: «... в X в. оседлое арийское население Хорезма находилось в теснейшем общении с той тюркской по языку народностью, которую арабские географы называли “гузами”. Эти гузы, жившие в качестве рабов внутри хорезмийских семей, смешались с оседлым населением оазиса и вызвали весьма значительную примесь длинноголового элемента; именно эта длинноголовость делала хорезмийцев похожими на тюрков-гузов. Отсюда ясно, что гузы были ярко выраженными долихоцефалами» [Ошанин, 1926, с. 141]. Однако, если принять во внимание гипотезу Л. В. Ошанина о долихоцефальности средневековых хорезмийцев, то нельзя согласиться с тем, что данное явление в среде средневекового населения оазиса могло стать лишь результатом переселения части гузов — тюркоязычных предков туркмен в Хорезм. Приведенные нами выше данные позволяют согласиться с мнением С. П. Толстова, согласно которому аланы явились “важным компонентом в этногенезе средневековых хорезмийцев” [Толстов, 1948б, с. 49]. В связи с этим необходимо напомнить, что большинство современных антропологов придерживаются мнения, что для аланов также была характерна долихоцефалия. Отсюда можно предположить, что долихокранный средневековых хорезмийцев могла быть вызвана не только присутствием здесь части гузов, но и широким расселением в Хорезмском оазисе аланов.

К большому сожалению, этнографические исследования среди современных жителей Хорезма не могут позволить выделить из их традиционной культуры собственно аланское наследие, так как хорезмийцы и аланы принадлежали к одной этнокультурной общности — ираноязычному миру. Что же касается туркмен, то это для исследователей оказалось более выполнимой задачей, так как тюркоязычные предки туркмен могли ассимилировать в прошлом именно ираноязычные племена степей, представленные потомками сарматов и аланов. Как уже отмечалось, Г. П. Васильева, Б. А. Калоев и другие исследователи на основе анализа этнографических параллелей, существующих в традиционной культуре туркмен и других тюркоязычных народов Средней Азии, и особенностей культуры осетин и других ираноязычных народов евразийских степей сделали вывод об участии племен сармато-аланского круга в этногенезе и формировании культуры туркмен и их соседей [Васильева, 1964а, с. 86—87, 91—93; 1964б; 1977, с. 98—100; Калоев, 1999б, с. 56—78]. Однако данная проблема заслуживает отдельного рассмотрения в специальном разделе нашего исследования.

Непосредственными соседями аланов и хорезмийцев в Южном Приаралье в средневековье и новое время являлись племена каракалпаков. Поэтому для нас особый интерес может также представлять возможность участия и в их этногенезе племен сармато-аланского культурного круга. В связи с этим исследователи еще более полувека назад обратили внимание на состав каракалпакского племени *муйтен*. Как было установлено, в новое время муйтены состояли из четырех основных родов: *кетненау* (*кенг-танау*), *абаз*, *тели* и *самат*. Т. А. Жданко обратил внимание на происхождение названия рода муйтенов *кенг-танау*, которое переводили как “широкие ноздри”. Однако, по наблюдениям самого исследователя “самими муйтенами, принадлежащими к этому роду, название произносится как *кенте-нау*”. Это позволило Т. А. Жданко сделать вывод, что «в этом произношении слово приобретает другой смысл и из иранских корней может быть переведено как “новое селение”, тождественное по смыслу названию Джаны-кент, т. е. этот этноним оказывается связанным с местностью, прилегающей к г. Джаникенту в низовьях Сыр-Дарьи, где муйтены впервые были отмечены историческими источниками». Кроме того, Т. А. Жданко, как и некоторые другие исследователи, высказал предположение об участии раннесредневекового племени янчикентцев-наукерде, связанного, по свидетельству ал-Масуди, союзными узами с печенегами и башкирами, в этногенезе каракалпаков и связи его с родом *кенте-нау*. Основанием для данных

выводов стал предложенный С. П. Толстовым перевод этнонима *Наукерде*, означающий на иранских языках “Новый город”, а также упоминание в каракалпакском фольклоре рода *кердели* и в письменных источниках города и области *Кердер*, которые в средние века были расположены в нижнем течении Амударьи [Жданко, 1950, с. 103].

По мнению Л. С. Толстой, с древними сарматами может иметь связь этноним *самат*, являющийся названием рода в составе каракалпакского племени мюйтен (муйтен) и подразделения казахского рода телеу Младшего Жуза. Кроме того, исследовательница склонна была связывать происхождение названия рода *кара-сирак* в составе каракалпакских племен мангыт и колдаулы с названием сарматского племени *сирак*. По ее наблюдениям, топоним *Кара-сирак* имеет широкое распространение в местах расселения узбеков (Хорезмский оазис, долина Зеравшана, Ферганская долина, область Ташкента). Это позволило сделать вывод, что “столь широкое распространение этнонима *сирак* по Узбекистану... связано с расселением здесь племен дештекипчакских узбеков, сохранивших в своем составе родоплеменные группы с этим названием, дошедшие до нас из древности” [Толстова, 1977, с. 152; 1978, с. 9—10; 1984, с. 187]. Помимо этого, Л. С. Толстой были выявлены многочисленные параллели, существующие в каракалпакском дастане “Кырк кыз” (Сорок девушек) и нартовским эпосе Кавказа, прежде всего осетинским. Весьма примечательно, что сюжеты “Кырк кыз” не находят себе аналогий в фольклоре других народов Средней Азии [Толстова, 1977, с. 153—156; 1984, с. 186—215]. Однако эта проблема также заслуживает отдельного рассмотрения в специальном разделе данной монографии.

В итоге можно полагать, что средневековые аланы и асы Хорезма и Восточного Прикаспия могли принять непосредственное участие в этногенезе некоторых туркменских племен и узбеков Хорезмского оазиса. Однако необходимо объяснить, почему потомки алано-асского населения не были включены в состав каракалпакских племен, также обитавших в Южном Приаралье и включивших в свой состав осколки сарматских племен более древнего времени. Причин может быть несколько. Во-первых, перешедшие к оседлости узбеки и аланы Хорезма, а также аланы степей Восточного Прикаспия и кочевые туркмены-огузы принадлежали к одному хозяйственно-культурному типу, что в значительной степени могло ускорить процесс их хозяйственно-культурной консолидации. Необходимо отметить, что каракалпаки Южного Приаралья, в отличие от оседложивших аланов-асов Хорезма, долгое время оставались кочевниками и поэтому могли включить в свой состав именно потомков кочевых сарматских племен. Во-вторых, военно-политическое господство узбекских династий в Хорезме и туркменских племен в Восточном Прикаспии могло в значительной степени способствовать языковой и этнической ассимиляции аланов и асов Средней Азии. Каракалпаки, как известно, не принадлежали к числу господствовавших в военно-политическом отношении средневековых этнических групп Средней Азии.

В результате можно отметить, что относительно появления аланов-асов в Хорезме и на Мангышлаке в настоящий момент известно две версии. Согласно первой, предложенной в XI в. ал-Бируни, в давние времена в следствие изменения русла Амударьи часть аланов и асов переселились из своего первоначального места проживания в Хорезме на восточное побережье Каспийского моря [Волин, 1941, с. 194]. Вторая же версия представляет собой народное предание, записанное в начале XX в., в соответствии с которым аланы пришли на юг Хорезмского оазиса в местность “Вас” с полуострова Мангышлак значительно ранее XVII в. [Бахтияров, 1930, с. 40]. Значительный хронологический разрыв между данными известиями позволяет считать, что в обоих случаях речь идет не об одном событии, а о не связанных между собой миграциях аланов Средней Азии.

¹ Выражаю признательность Г. П. Васильевой за предоставленную информацию.

Глава VII. Позднейшее ираноязычное население Волго-Донья в период господства монголо-татар

Междуречье Дона и Волги следует отнести к тем регионам, где задолго до основания Золотой Орды существовало аланское население. Во времена же Улуса Джучи степи и города в бассейне Дона и Волги стали местом пребывания монголов и их ханов. Именно данный регион следует считать центром Золотой Орды, где была основана во второй половине XIII в. столица этого монгольского государства — город Сарай, или Сарай Берке, а в XIV в. здесь же на берегах Волги возник новый столичный город — Сарай Джадид. Необходимо отметить, что Волго-Донский регион отличался также тем, что на протяжении веков там мирно сосуществовали такие мировые религии, как христианство и ислам. Золотоордынский период не был исключением. Однако необходимо исходить из того, что сохранившиеся здесь аланы должны были быстрее интегрироваться в социально-политическую структуру золотоордынского государства, чем на отдаленных от центра Золотой Орды территориях. Именно в Волго-Донском регионе сложилась золотоордынская культура, составной частью которой являлся ислам. Поэтому важно установить, где в золотоордынский период на территории Волго-Донского региона сохранялись остатки аланского населения и насколько значительным было воздействие соседей на традиционную культуру этих аланов. Именно это в определенной степени может помочь решить вопросы, связанные с этногенезом позднесредневекового населения Волго-Донья.

Особый интерес представляет район Нижнего Подонья. Нами уже было высказано предположение относительно того, что в хазаро-древнерусской крепости Саркел — Белая Вежа и на близлежащих землях в IX — начале XII вв. проживали аланы. Об этом могут свидетельствовать обнаруженные там первоначально катакомбы и погребения в круглых ямах салтовского типа, а в древнерусский период — христианские погребения в обложенных кирпичами могилах, весьма сходные с северокавказскими. Кроме того, на могильниках этого типа получили распространение антропологические долихокранные серии, находящие аналогии в Верхнем Салтове и на территории северокавказской Алании. Все это дало основания говорить о миграции аланов с Северного Кавказа в район Саркела в хазарский и древнерусский периоды [Бубенок, 2001, с. 334—361]. Однако под 1117 (6625) г. древнерусские летописи сообщают, что “придоша Беловежцы в Русь” [Ипат. л., 1843, с. 204]. Это стало следствием возрастания половецкой угрозы, в результате чего древнерусская крепость Белая Вежа прекратила свое существование. Тем не менее, это не может означать, что тогда все аланское население Нижнего Дона переселилось на Русь или вернулось на Северный Кавказ.

В связи с этим большой интерес представляет предположение В. А. Кузнецова, согласно которому накануне монгольского нашествия аланское население могло сохраняться “в устье Дона-Танаиса” и отец епископа Феодора после неудачной попытки остаться на Боспоре мог направиться именно сюда и остаться среди местных аланов-христиан [Кузнецов, 1984, с. 210]. О том, что накануне монгольского нашествия аланское население сохранялось на Нижнем Дону, может свидетельствовать также информация венецианского автора XV в. И. Барбаро. Как уже отмечалось, в своих записках венецианец сообщает, что основу населения города Тана, расположенного в устье Дона, в начале XIII в. составляли аланы, которые подверглись нападению со стороны монголов [Барбаро, 1971, с. 139—140]. Анализируя это сообщение, З. Н. Ванеев отметил, что сообщение И. Барбаро подтверждает присутствие во времена средневековья аланского населения в Подонье [Ванеев, 1959, с. 48—49].

О том, что аланское христианское население сохранялось в Тане, т. е. золотоордынском Азаке и во времена Золотой Орды, свидетельствует акт Константинопольского патриархата №152 от 1356 г., в котором речь идет о

специальном устранении от власти аланского митрополита Симеона. Причиной такой немилости Константинопольского патриарха стали действия аланского митрополита. Как свидетельствует текст самого акта, “За несколько лет перед сим благославенные священники Донские [Танские. — *О. Б.*]... вошли в немилые распри и ссоры с бывшим архиереем Аланийским, лишавшим их, как они утверждали, издревле принадлежавших и присвоенных им, прав церковных”. В результате, патриархом Филофеем был устроен суд над Симеоном и Симеон формально подчинился его приговору. Тем не менее после суда Симеон отправился к хану Золотой Орды, от которого получил специальный ярлык, дававший ему возможность самовольно назначать архиереев на Северный Кавказ и в Сарай — столицу Золотой Орды. Самозванец-митрополит подчинил себе приход Танаиса на Нижнем Дону и начал собирать с верующих пожертвование в свою пользу. После этого патриарх снова вызвал Симеона в Константинополь, но тот уже не объявился. Вследствие этого патриарший Синод осуществил над ним суд заочно и лишил его сана [*Acta Patriarchatus Constantinopolitani*, 1863, с. 964; *Древние акты...*, 1867, с. 449—455; Кулаковский 1898б, с. 13—15].

Представленный документ может свидетельствовать о том, что в XIV в. сфера влияния Аланской митрополии настолько расширилась, что к ней были причислены не только значительная часть Северного Кавказа, но и Нижний Дон и Нижнее Поволжье. На основании этого Ю. А. Кулаковский сделал следующий вывод: “...включение Таны в пределы митрополии Аланской имело в своей основе тот факт, что туземное христианское население этого города принадлежало к Аланской национальности... В территориальном отношении Тана была гораздо ближе к кафедре Зикхо-Матрахского митрополита, которая имела своего представителя как в ту пору, так и позднее. Если же она оказывается причисленной к Алании, то на это должны были существовать какие-либо реальные основания, которые мы готовы угадать в вопросе о национальности населения, которое в тех местах было, или считалось туземным” [Кулаковский, 1898б, с. 16]. То же самое можно сказать и о христианском населении столицы Золотой Орды — Сарае, определенный процент которого должны были составлять аланы.

Приведенные в акте Константинопольского патриархата данные могут также свидетельствовать о том, что ханы Золотой Орды относились благосклонно к своим подданным аланам-христианам и старались лишить зависимости их от Константинопольского патриархата с целью установления полного контроля над ними со стороны золотоордынского хана. Это в определенной степени отвечало геополитическим интересам Золотой Орды. Относительно места Азака-Таны в экономике Золотой Орды В. Л. Егоров высказал мнение: “В 30-е годы XIV в. возросло значение Азака как крупного торгового центра в связи с возникновением здесь генуэзской и венецианской колоний, в итальянских источниках носивших название Тана... Удобное географическое положение и наличие непосредственного выхода к морю сделали Азак в XIV в. одним из основных экспортных центров Золотой Орды” [Егоров, 1985, с. 92]. Вполне возможно, что проживавшие в этом городе аланы занимались торговлей, как и в других городах Золотой Орды. Однако дальнейшая судьба этого аланского населения Нижнего Дона неизвестна. По крайней мере, следует учитывать, что в 1395 г. Тимур уничтожил в устье Дона золотоордынскую крепость Азак и итальянскую колонию, которая была возрождена венецианцами в XV в. [Егоров, 1985, с. 93]. Именно нашествие Тимура могло привести к гибели местных аланов. По крайней мере, в первой половине XV в. И. Барбаро, живший в венецианской колонии Тана, которая была расположена в устье Дона, уже писал о местных аланах в прошедшем времени [Барбаро, 1971, с. 139—140].

О пребывании аланов в районе Нижнего Дона могут свидетельствовать отдельные названия рек. Так, к гидронимам позднеиранского (аланского) происхождения следует отнести, в первую очередь, название реки *Дон*. (рис. 10). Еще в XIX в. В. Ф. Миллер отметил, что это название должно означать воду, реку [Миллер, 1887,

Не исключено, что с пребыванием аланов в Нижнем Подонье можно связать существование гидронима *Цимла*, правого притока Дона (рис. 10). И. Г. Добродомов выводит данное наименование от первоначальной тюркской формы *Чымлы*, что должно означать “травянистая, покрытая растительностью”. Однако, как отметил исследователь, для тюркских языков не было характерно распространение звука “ц”, а это в конечном итоге позволяет предполагать, что “замена *ч* на *ц* могла произойти в языке ираноязычных аланов, прежних обитателей южнорусских степей, который взаимодействовал с языком приазовских тюрков”. Несмотря на это, И. Г. Добродомов допускал также и славянскую обработку тюркского термина *Чымлы* [Добродомов, 1965, с. 118].

В территориальном отношении к Нижнему Подонью примыкал бассейн среднего и нижнего течения Северского Донца, где древнерусские летописи в предмонгольское время упоминали ясов. С ними ряд исследователей связывает поселения, которые непрерывно функционировали не только в салтовское время, но и в более поздние времена. Особый интерес представляет христианское кладбище возле известного салтовского могильника у х. Зливки на левом берегу Северского Донца, исследованное М. Л. Швецовым. Исследователь памятника датирует его XII—XIII вв. [Швецов, 1983; Швецов, Цимиданов, Дубовская, Кравец, 1984]. Однако в данном случае не ясно, продолжал ли функционировать данный христианский некрополь во второй половине XIII в., т. е. в золотоордынский период.

Аналогичные позднему Зливкинскому поселению и некрополю памятники располагались рядом на противоположном правом берегу Северского Донца возле современных сел Сидорово и Маяки. По наблюдениям В. К. Михеева, эти салтовские поселения и могильники продолжали функционировать не только в половецкий, но и в золотоордынский периоды. Так, относительно более исследованного городища у с. Маяки В. К. Михеев высказал предположение, что после XII в. “жизнь на нем не прекратилась” [Михеев, 1985, с. 23—24]. Весьма характерно, что там “на крутом склоне южного края городища” был обнаружен могильник №4 (рис. 11), охранные

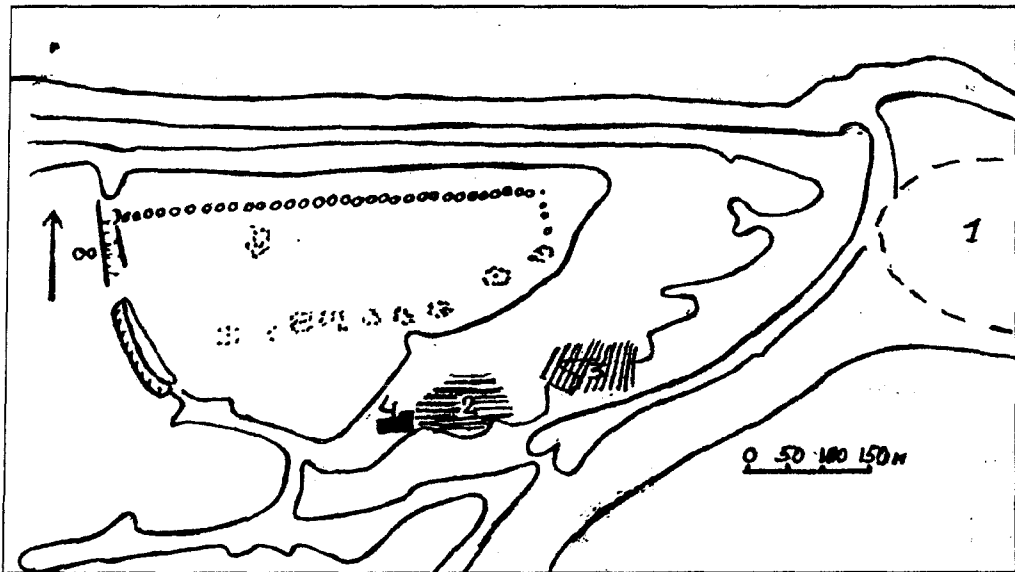

Рис. 11. Локализация средневекового могильника № 4 у с. Маяки Донецкой обл. (по В. К. Михееву):

- 1—3 — могильники салтовской культуры № 1—3;
- 2 — раскопки С. И. Татаринова на могильнике № 4

раскопки на котором в 1976 г. проводили С. И. Татаринов, А. Г. Копыл, Л. В. Колесник, С. М. Дегермеджи. В результате удалось исследовать 27 погребений (рис. 12).

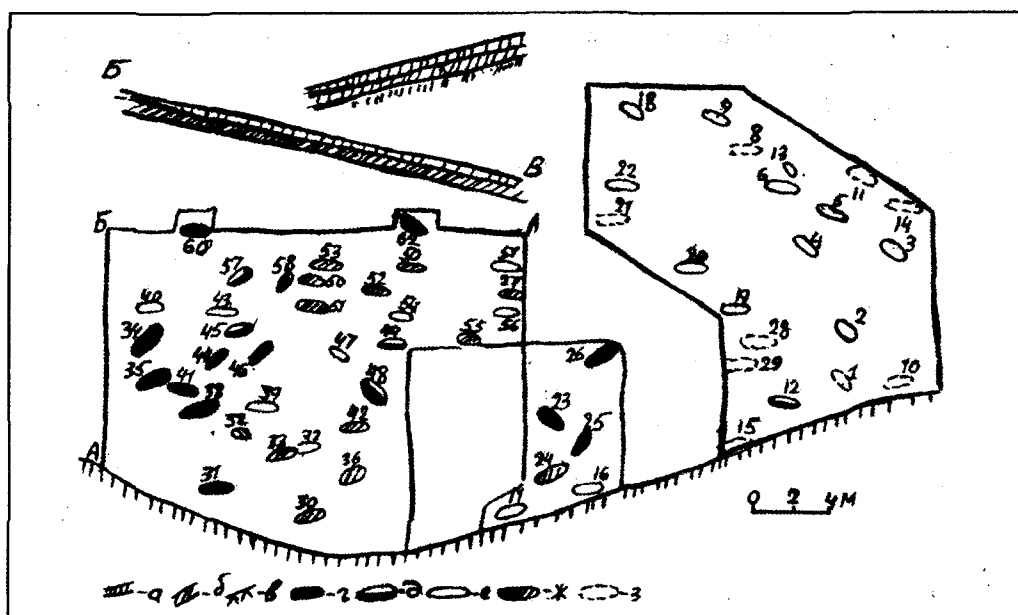

Рис. 12. План раскопок С. И. Татарина в 1976, 1978, 1986—1987 гг. на средневековом могильнике № 4 у с. Маяки Донецкой обл.

(по С. И. Татарину):

- а — дерн; б — гумусированный суглинок; в — материковая глина;
г — погребения 1 типа; д — погребения 2 типа; е — погребения 3 типа;
ж — погребения 4 типа; з — разрушенные погребения

Для большинства захоронений было характерно следующее: они были совершены в узких грунтовых ямах с ориентацией погребенных головой на запад; в ряде случаев погребенные лежали либо на спине в вытянутом положении, либо на правом боку с разворотом лица на юг; положение рук было различным; для большинства погребений было характерно отсутствие инвентаря; на могильнике были совершены захоронения мужчин, женщин и детей (рис. 13) [Татаринов, Копыл, Колесник, Дегермеджи, 1977, с. 46—57]. Особенность погребального обряда на данном некрополе позволила исследователям памятника сделать предварительный вывод: “Неустойчивое положение костяков и тенденция к повороту на правый бок, лицом на юг, наличие инвентаря только в 3-х из 27 погребений — сопоставление всех этих особенностей с описанием ранних погребений Билярского городища на Волге позволяет видеть в них раннемусульманские традиции погребального обряда. Поворот лицом на юг является поворотом в сторону Мекки”. Именно аналогии с погребениями мусульман раннесредневековой Волжской Булгарии заставили исследователей памятника датировать данный некрополь VIII—IX вв., т. е. отнести его к салтовской культуре [Татаринов, Копыл, Колесник, Дегермеджи, 1977, с. 55].

Однако В. К. Михеев относительно времени функционирования данного могильника придерживается иного мнения: “Погребения могильника №4 не относятся к салтово-маяцкой культуре. Их поздняя датировка подтверждается стратиграфическими данными (могилы с дневной поверхности перерезают салтовский культурный слой нижнего посада), наличием в подъемном материале

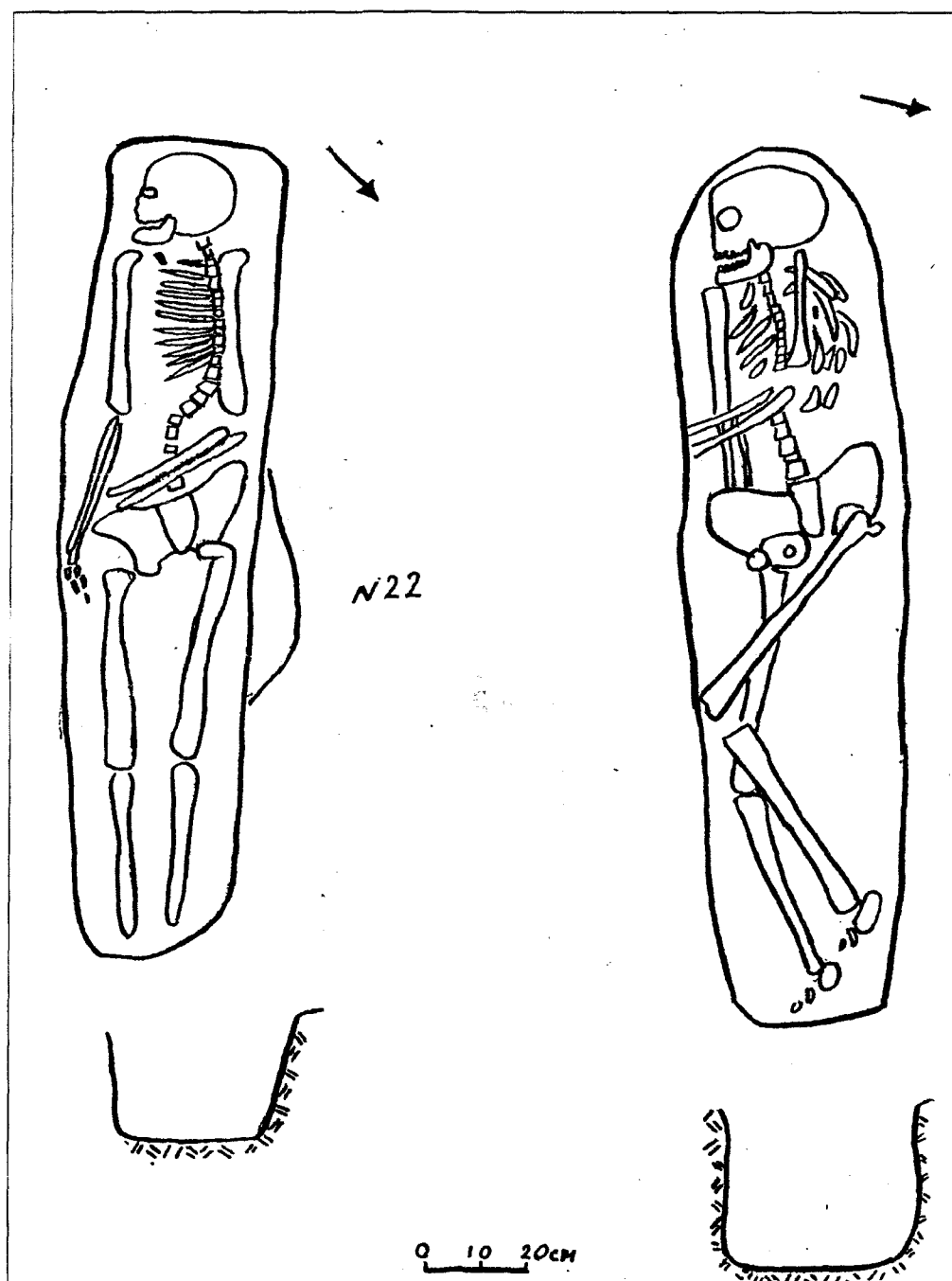

Рис. 13. Мусульманские захоронения средневекового могильника № 4 у с. Маяки Донецкой обл. (по С. И. Татарину)

обломков чугунных котлов и золотоордынских монет XIV в., в частности Абдаллахана (1362—1369 гг.)” [Михеев, 1985, с. 18]. К аналогичным выводам пришли также М. Л. Швецов и Е. Е. Кравченко. Они также отметили на могильнике № 4 случаи прямой стратиграфии между мусульманскими могилами и трупосожжениями, находки в заполнении мусульманских погребений, перерезание мусульманскими

могилами салтовского слоя и т. п. [Кравченко, Швецов, 1990, с. 22—24; Швецов, Кравченко, 1995, с. 70—80]. По мнению М. Л. Швецова и Т. К. Ходжайова, мусульманские погребения у с. Маяки имеют аналогии в других местах Золотой Орды [Ходжайов, Швецов, 1992, с. 75].

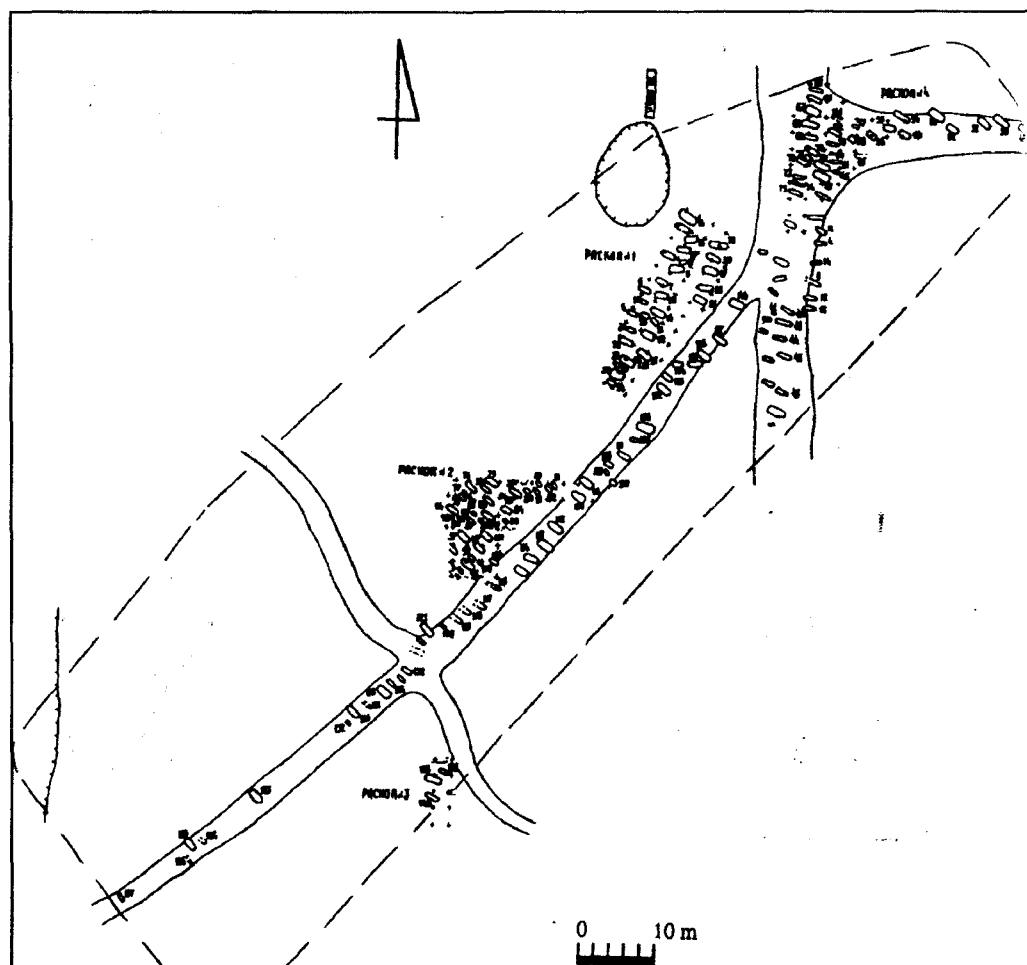

Рис. 14. План участков средневекового могильника у с. Сидорово Донецкой обл., исследованных в 1994 и 1996—1997 гг. экспедицией Донецкого областного краеведческого музея (по Э. Е. Кравченко, О. А. Гусеву и В. В. Давыденко)

Весьма примечательно, что на этом же могильнике были обнаружены некоторые захоронения в грунтовых ямах, где покойники были положены в вытянутом положении на спине, головой на юго-запад или запад [Михеев, 1985, с. 18; Копыл, Татаринов, 1979, с. 268; , 46—57; 1990, с. 52—71], что весьма напоминает христианский обряд соседнего позднего Зливкинского могильника. Черепа из могильника №4 С. И. Татариновым, А. Г. Копылом, Л. В. Колесником и С. М. Дегермеджи были предварительно определены как “долихокранные” и на основании этого был сделан вывод, что “погребения в данном могильнике скорее

всего принадлежат к аланскому населению Маяцкого городища» [Татаринов, Копыл, Колесник, Дегермеджи, 1977, с. 55]. Однако в конце 70-х гг. краниологические материалы из могильника №4 были переданы А. Г. Копылом и С. И. Татариновым в Лабораторию палеоантропологии Института этнографии АН СССР и «предварительно определены В. П. Алексеевым как имеющие выраженные монголоидные черты» [Копыл, Татаринов, 1979, с. 269, прим. 4].

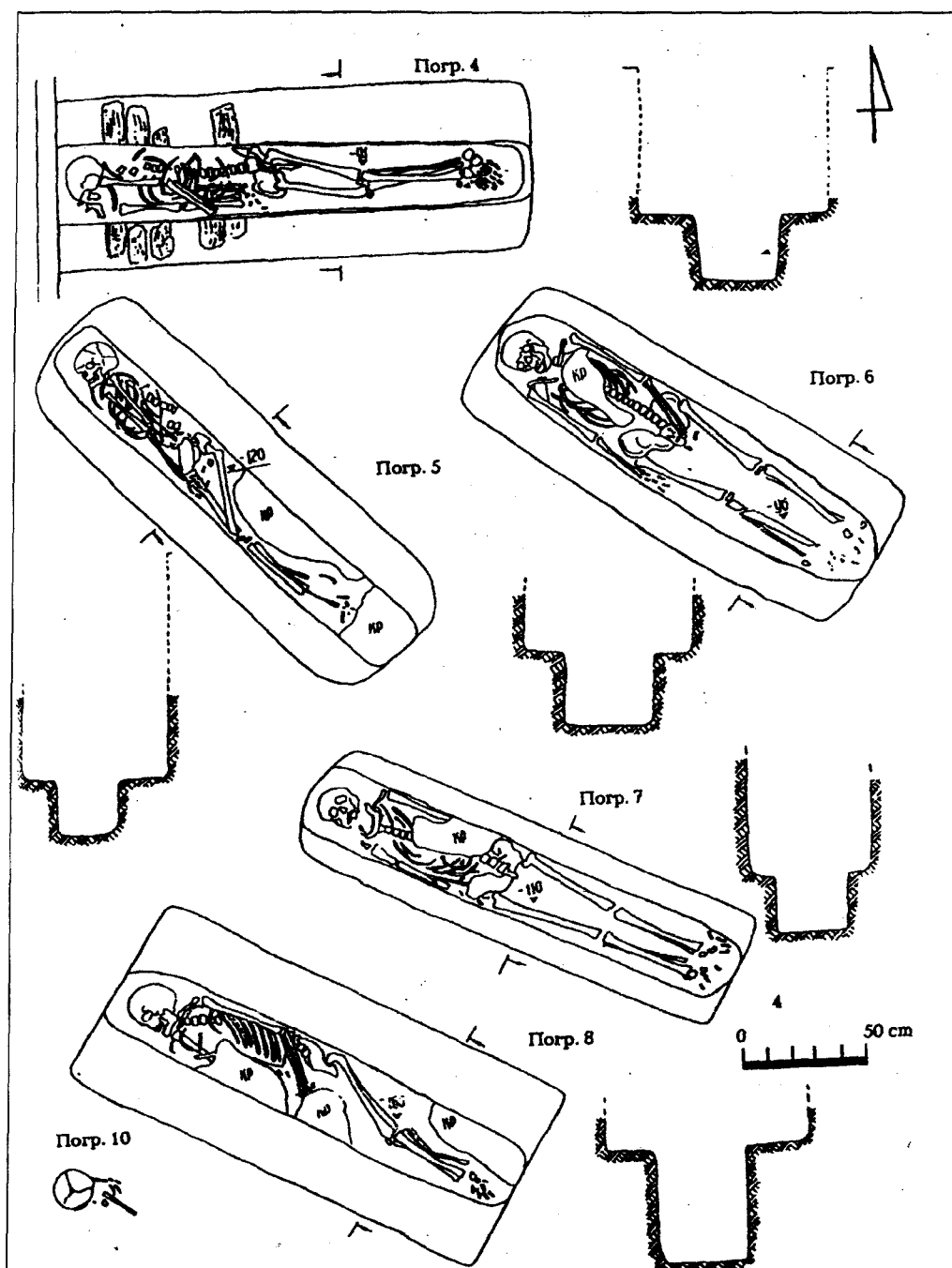

Рис. 15. Особенности погребального обряда захоронений на средневековом могильнике у с. Сидорова Донецкой обл., исследованных экспедицией Донецкого областного краеведческого музея (по Э. Е. Кравченко, О. А. Гусеву и В. В. Давыденко)

Таким образом, эти противоречивые данные предварительного анализа не позволяют ответить на вопрос: являются ли захороненные в погребениях монгольского времени в среднем течении Северского Донца носителями зливкинского антропологического типа, распространенного здесь в хазарскую эпоху, а может быть и ранее?

Что же касается Сидоровского городища, то В. К. Михеев отметил, что оно продолжало функционировать и в золотоордынский период, археологическим свидетельством чего являются “бортник чугунного котла и бронзовая золотоордынская монета” [Михеев, 1985, с. 24]. Кроме того, в 1994 г. возле с. Сидорово был обнаружен мусульманский могильник, аналогичный позднему могильнику № 4 у с. Маяки. На нем было исследовано 96 взрослых и 48 детских погребений. Сидоровский могильник и позднейший некрополь у с. Маяки имели сходную планировку: погребения там располагались неправильными рядами, вытянутыми вниз по склону. Детские могилы на Сидоровском могильнике не образовывали самостоятельных рядов, а были втиснуты между погребениями взрослых, нарушая при этом их планировку (рис. 14). В отличие от могильника № 4 в Маяках, на Сидоровском некрополе были выявлены остатки надмогильных сооружений над некоторыми могилами в виде прямоугольных выкладок из самана. Преобладающим типом погребальных сооружений на Сидоровском могильнике являлась яма с заплечиками вдоль длинных стенок, а иногда вдоль одной короткой стороны. Иногда было отмечено присутствие деревянных гробовищ рам. Абсолютное большинство могил Сидоровского могильника (127 погребений) имеют северо-западную ориентацию; 13 погребений ориентированы на запад; 4 — имеют слабое отклонение к югу. Перекрывались могильные ямы в большинстве случаев деревянными перекрытиями. Основная масса погребенных в могильных ямах (94) лежали головой на запад, на правом боку, с разворотом лица на юг. Вся эта группа погребений характеризовалась отсутствием инвентаря. В большинстве случаев среди погребений этой группы было зафиксировано стабильное положение рук захороненных: правая вытянута вдоль туловища, левая — слегка согнута в локте, реже под прямым углом (рис. 15). Именно над погребениями этой группы было отмечено наличие саманных отмошков-надгробий. В некоторых могилах, относящихся к этой группе, прослежен факт частичного разрушения скелетов. Кроме того, в заполнениях погребений № 45 и № 135 были обнаружены обломки салтовской керамики [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 118—128].

Не меньший интерес на Сидоровском могильнике представляют погребения второй группы, которые составляют около 10% от общего числа раскопанных могил. Погребенные были положены в земляные ямы в вытянутом положении на спине, головой на запад-северо-запад—запад. Руки погребенных либо были вытянуты вдоль туловища, с лежащими на тазовых костях кистями, либо одна положена вдоль туловища, другая — на тазе (рис. 15). Инвентарь в этой группе погребений не был зафиксирован, за исключением погребения № 28, где слева от головы захороненного была поставлена кубышка салтовского типа, орнаментированная пролощенными вертикальными полосами (рис. 16, 1). Погребения второй группы не образовывали какого-либо отдельного скопления, а располагались на кладбище между могилами первой группы [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 128].

Исходя из этого, исследователи памятника Э. Е. Кравченко, О. А. Гусев и В. В. Давыденко посчитали погребения первой и второй групп синхронными. Кроме того, аналогии со средневековыми могильниками Восточной Европы позволили им сделать вывод о принадлежности погребений первой группы к мусульманским, а второй группы — к языческим. Факт сосуществования мусульманских и немусульманских погребений на Сидоровском могильнике исследователи объясняют следующим образом: “...погребения второй группы, совершенные с отклонениями от исламских канонов или полностью по языческому обряду (погр. № 28) являются могилами неофитов — людей недавно принявших ислам. Видимо, в ряде случаев родственники покойного по каким-либо причинам могли допускать искажение

обряда”. Кроме того, наличие на Сидоровском городище значительного салтовского слоя, а также нахождение в относящемся ко второй группе погребения № 28 салтовского сосуда позволили Э. Е. Кравченко, О. А. Гусеву и В. В. Давыденко сделать сенсационное заявление, согласно которому мусульманские погребения на данном некрополе следует датировать хазарским временем [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 118—128]. При этом авторы статьи посчитали, что “подавляющее большинство погребений Сидоровского могильника произведено с жестким следованием единому канону” (1 группа погребений). Это, по мнению данных исследователей, отличает упомянутые захоронения от мусульманских погребений золотоордынского времени у с. Маяки, для которых “характерны как отклонения от мусульманской погребальной обрядности, так и значительная вариабельность типов погребения внутри исламского погребального канона” [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 128].

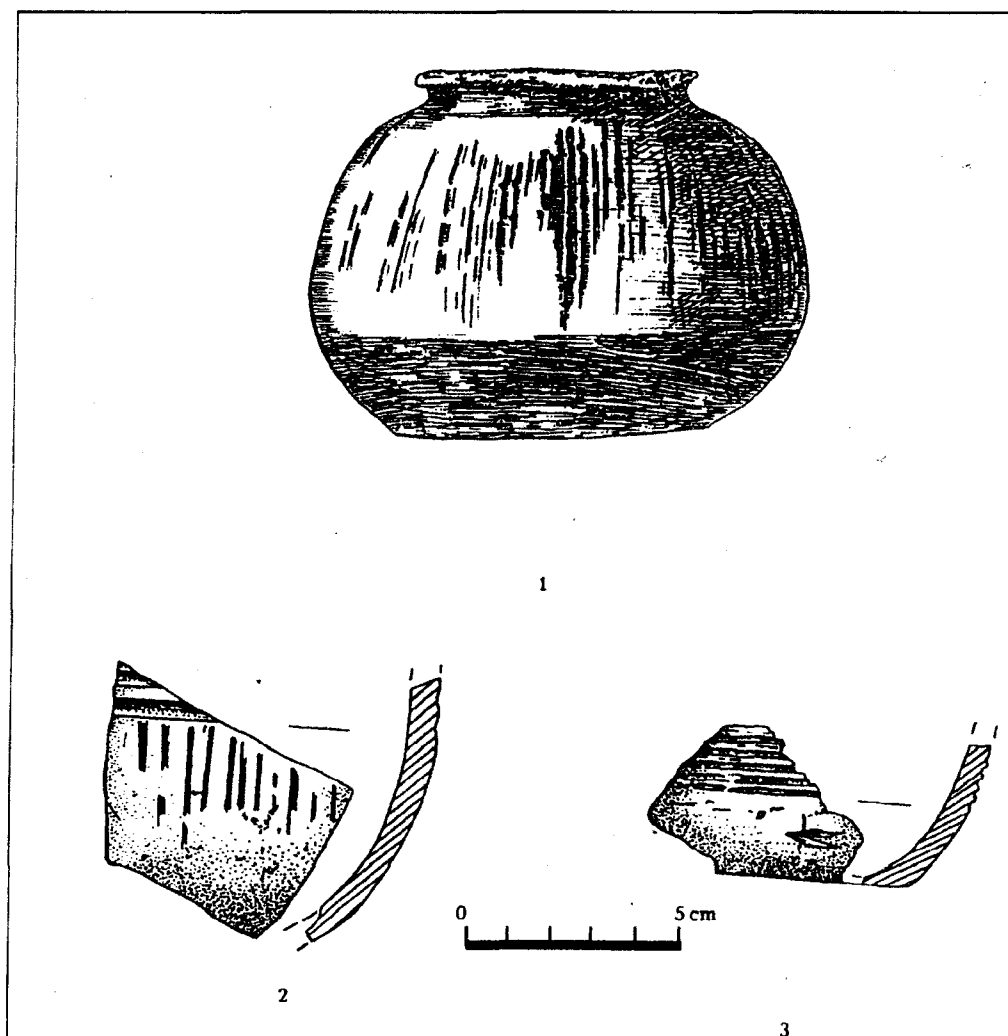

Рис. 16. Керамика из погребений средневекового могильника у с. Сидорова Донецкой обл. (по Э. Е. Кравченко, О. А. Гусеву и В. В. Давыденко):
 1 — погребение № 28;
 2 — заполнение ямы погребения № 45;
 3 — заполнение ямы погребения № 45

Но в данном случае в своих выводах исследователи могильника противоречат своим же наблюдениям. Во-первых, сосуществование у с. Сидорово на одном могильнике погребений первой и второй групп уже говорит о вариативности погребального обряда. К тому же, в погребении № 27 Сидоровского могильника, которое упомянутые исследователи отнесли к числу мусульманских, погребенный лежал на животе с развернутым к югу лицом. Во-вторых, наличие только в погребении № 28 Сидоровского могильника, относимого ко второй группе, салтовского сосуда отнюдь не может свидетельствовать, что он был изготовлен именно при жизни погребенного, а не ранее. В-третьих, как отметили сами авторы статьи, “ранее, вблизи этого места В. К. Михеевым были исследованы типично салтовские погребения” [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 128]. А это позволяет соотнести салтовский слой на селище и городище именно с этим могильником, к тому же исследованном лишь в незначительной степени (8 погребений) [Михеев, 1985, с. 20—23]. В-четвертых, Сидоровское городище и связанное с ним поселение существовало непрерывно в хазарский, древнерусский и золотоордынский периоды [Михеев, 1985, с. 24]. Поэтому не ясно, что мешает связать мусульманские погребения Сидоровского могильника с золотоордынским периодом?

Таким образом, сравнительный анализ мусульманских погребений некрополей у с. Маяки и у с. Сидорово позволяет отметить их типологическое сходство и датировать их одним временем, т. е. золотоордынским периодом. В связи с этим, можно объяснить, почему в Маяках и Сидорово в средние века на одних и тех же участках могильников оказались мусульманские и немусульманские погребения. Необходимо исходить из того, что указанные могильники могли начать функционировать уже в предмонгольский или раннезолотоордынский периоды. Особенности погребального обряда этих более ранних захоронений позволяют говорить о том, что местное население могло придерживаться как языческих, так и христианских верований. При этом погребения стали изначально совершаться на специальных родовых участках. В золотоордынское время, когда местные жители стали переходить в ислам, умерших мусульман продолжали хоронить на родовых участках рядом с родственниками-немусульманами. В пользу того, что такие родовые участки существовали, может свидетельствовать наличие детских погребений на Сидоровском могильнике, которые “не образовывали самостоятельных рядов, были втиснуты между взрослыми, нарушая при этом их планировку” [Кравченко, Гусев, Давыденко, 1998, с. 118]. Следовательно, детей могли хоронить рядом с ближайшими родственниками.

Однако не только мусульманские погребения на могильнике № 4 у с. Маяки и у с. Сидорово могут свидетельствовать о распространении ислама в субрегионе в золотоордынский период. Как отметил В. А. Городцов, в среднем течении Северского Донца, близ с. Райгородка, были обнаружены разрушенные каменные постройки, которые могли представлять остатки татарского центра, пользовавшегося “большим административным и религиозным (магометанским) значением”. Доказательством этого может быть то, что там были найдены серебряные и медные монеты “татарских ханов XIII—XVI вв.”, а также холм, “заключающий остатки дворца или мечети” и т. п. [Городцов, 1905а, с. 214—215; 1905б, с. 260—263].

Вполне возможно, что в золотоордынский период среди потомков алано-болгар бассейна Северского Донца на смену христианству и язычеству пришел ислам. Функционирование в золотоордынский период поселений в среднем течении Северского Донца, возникших еще в хазарское время, позволяет говорить о том, что золотоордынские ханы продолжали рассматривать данный субрегион как место, где проходили важнейшие торговые пути из степей Дашт-и Кипчак в земледельческую Восточную Европу. Кроме того, указанные поселения могли сохраняться не только как торговые центры, но и как центры развития ремесел, как крепости и т. п. Следовательно, можно предполагать о миграции в данный субрегион также новых переселенцев из более восточных районов Золотой Орды, в результате

чего здесь начал успешно распространяться ислам. Принятие ислама давало неофитам новые экономические привилегии, особенно если их деятельность была связана с торговлей.

Распространение ислама среди оседлого населения бассейна Северского Донца может свидетельствовать, с одной стороны, о культурно-религиозном симбиозе потомков ясов-христиан субрегиона с остальным мусульманским населением Золотой Орды; с другой стороны, может символизировать завершающий этап тюркизации потомков придонских алано-болгар тюркоязычным населением степей, для которого стали использовать обобщающий термин *татары*. И если благодаря своему количеству тюркоязычные половцы-кипчаки в золотоордынский период смогли тюркизировать господствующий слой Улуса Джучи, то почему бы не допустить, что в XIII—XIV вв. этому процессу не могли подвергнуться и немногочисленные группы потомков алано-болгар, которые продолжали сохраняться в бассейне Северского Донца.

Судя по данным археологии и нумизматики, функционирование крупных средневековых поселений возле сел Маяки и Сидорово прекратилось во второй половине XIV в. [Михеев, 1985, с. 18]. Поэтому вполне можно поддержать тех исследователей, которые считают, что жизнь на крупных придонских поселениях могла остановиться вследствие походов Тимура против хана Золотой Орды Тохтамыша в конце XIV в. На основе анализа данных русских летописей, а также свидетельств персоязычных авторов Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Йезди, М. Шабильдо сделал вывод, что Тимур находился “в средней и нижней частях Днепровско-Донского междуречья летом 1395 г., до захвата Ельца” [Шабильдо, 1998, с. 55—56]. Такого же мнения придерживаются и другие исследователи. Так, В. Л. Егоров на одной из карт своей монографии, где обозначен маршрут похода Тимура в 1395 г. в Северное Приазовье и Крым, отметил, что войска Тимура дважды форсировали Северский Донец в среднем его течении (рис. 5) [Егоров, 1985, карта 2]. Но это вовсе не означает, что Тимур смог уничтожить все оседлое население в бассейне Северского Донца.

В этом отношении особо примечательна информация, которую оставил Сигизмунд Герберштейн, посетивший в XVI в. земли Восточной Европы. Из всех восточноевропейских татар им были особо выделены жители бассейна Северского Донца: “А между Казанью и Астраханью на обширных просторах вдоль Волги и до самого Борисфена [Днепра. — *О. Б.*] тянутся пустынные степи, в которых живут татары, не имеющие никаких постоянных поселений, кроме городов Азова и Ахаса, который расположен на Танаисе в двенадцати [ста двадцати. — *О. Б.*] милях выше Азова, и кроме присядящих к малому Танаису [Северскому Донцу — *О. Б.*] возделывающих землю и имеющих постоянные поселения” [Герберштейн, 1988, с. 181]. Именно в этих оседлых татарах-земледельцах следует видеть потомков салтовского населения придонских степей.

В связи с этим большой интерес вызывает предположение П. Буткова относительно происхождения упомянутого С. Герберштейном населенного пункта *Axac (Achas)*, который был расположен в степном Подонье. Исследователь считал, что уместно связывать его происхождение с пребыванием здесь аланов-асов [Бутков 1825, с. 329]. Информация С. Герберштейна о Северском Донце, который “на расстоянии четырех дней пути впадает в Танаис [Дон. — *О. Б.*]” и о том, что *Axac (Achas)* выше Азова “на расстоянии четырех дней пути” [Герберштейн, 1988, с. 137, 181], позволяет согласиться с мнением П. Буткова, что *Axac (Achas)* находился возле устья Северского Донца (рис. 10) [Бутков, 1825, с. 329]. Следовательно, С. Герберштейн допустил ошибку, когда указал, что поселение Ахас было “расположено на Танаисе в двенадцати милях выше Азова” [Герберштейн, 1988, с. 181]. Было бы более правильно отметить, что это расстояние составляло не двенадцать, а сто двадцать миль. Кроме этого, очень заманчиво видеть в названии

Achas термин тюркского происхождения — *Ak-as*, т. е. “Белый Ас” [Радлов, 1893а, с. 88, 92—93, 535].

Средневековые аланы, проживая в причерноморских степях, являлись соседями Руси. На сегодня у большинства исследователей нет сомнений относительно выводов, к которым пришли еще в XVIII—XIX вв. В. М. Татищев, Н. Н. Карамзин, П. Бутков, Ф. Брун, В. Ф. Миллер и в соответствии с которыми аланы были известны на Руси как *ясы* [Татищев, 1963, с. 240, 260; Карамзин, 1989, с. 127, 184—185, 273; 1991, с. 24, 202, 312—313, 535; Бутков, 1825, с. 317—329; Брун, 1879, с. 113; 1880, с. 137, 351—354, 358—359, 361; Миллер, 1887, с. 66—68, 97—98]. Поэтому имеет смысл связать с пребыванием аланов-ясов названия некоторых гидронимов и населенных пунктов Восточной Украины и Южной России, которые включают в себя корни *яс*, *ясин*, и т. п.

В связи с этим большой интерес представляют гидронимы *Ясиновка*, *Ясинова*, *Ясиновая*, *Ясиноватая*, *Яскова*, которые получили распространение в Северном Приазовье, на левобережье нижнего течения Днепра и в бассейне Северского Донца [Словник гідронімів..., 1979, с. 640]. Именно здесь зафиксированны и аналогичные названия населенных пунктов: *Ясиноватое*, *Ясиноватая*, *Ясиновка*, *Ясиновская*, и т. п. (рис. 10). Очень распространенной, но сомнительной, является версия о том, что названия этих гидронимов и населенных пунктов происходят от слова *ясень*. Тем не менее, очень интересно предположение Я. Пуры, согласно которому новая форма типа *Ясиноватая* от *ясень* этимологически выглядит неоправданной. Он считает, если упомянутые топонимы происходили от слова *ясень*, то они бы выглядели не иначе как *Ясеничи*, *Ясенувата* и т. п. [Пура 1990, с. 37]. Не исключено, что с упомянутыми гидронимами и топонимами могут находиться в генетической связи названия сел *Яцкое* и *Яцкое*, расположенные в нижнем течении Оскола (рис. 10).

Можно предположить, что в названиях некоторых этих рек и поселений содержится упоминание о народе, который был известен среди восточных славян под названием *ясы*. Прежде всего, необходимо отметить, что упомянутые населенные пункты возникли на месте сел, которые были основаны славянами в XVII—XVIII вв. Довольно распространенной является ситуация, когда название гидронима передает название населенному пункту. В связи с этим уместно вспомнить, как возникли названия городов *Москва*, *Харьков*, *Кабул* и т. п. Поэтому можно предположить, что в ряде случаев названия рек, которые содержат термин *яс*, *ясин*, перешли на основанные рядом села. Вполне возможно, что отмеченные гидронимы возникли еще тогда, когда ясский и славянский элементы мирно сосуществовали в Северном Приазовье и в бассейне Северского Донца, т. е. еще до появления татар. Не исключено также, что русские и украинские переселенцы могли отобразить в названиях своих поселений заимствованную от татар информацию об их предшественниках-ясах.

Что же касается территории Нижнего Поволжья, то довольно сомнительной выглядит попытка В. И. Абаева связать происхождение названия современного города *Астрахань* с титулом хозарского военначальника *Ас-тархана*, т. е. тархана асов. По мнению известного лингвиста, поселение с названием *As-tarhan* (*Астрахань*) могло возникнуть именно там, где находилась ставка предводителя асов [Абаев, 1958, с. 80]. Однако результаты анализа письменных источников не позволяют поддержать предложенную версию. В соответствии с данными арабоязычных авторов, Ас-тархан занимал почетное место в Хазарском государстве и принимал участие в войнах хазар с арабами в VIII в. О существовании его ставки на Нижней Волге у нас нет никаких сведений [Артамонов, 1962, с. 246, 357]. Большинство исследователей считают, что возникновение современной Астрахани следует связывать с поселением *Аштархан* (*Хаджитархан*), которое возникло в XIII в. в 12 км на север от современного города [Фильгус, 1958, с. 6; СИЭ, 1961, с. 910; БСЭ, 1970, с. 339]. Упоминания о татарском поселении *Хаджитархан*,

которое существовало уже в XIII в., находим во многих документах монголо-татарской эпохи [Тизенгаузен, 1941, с. 29, 123, 184, 185, 205]. Отсюда следует, что происхождение названия города *Астрахань* нельзя связывать с титулом хозарского военного начальника *Ас-тархана*. Вполне вероятно, что этот топоним представляет собой результат трансформации названия татарского поселения *Хаджитархан*.

Но это вовсе не означает, что аланы-асы в золотоордынский период не проживали в Нижнем Поволжье. Ибн Баттута, побывавший в первой половине XIV в. в столице Золотой Орды — г. Сарая, свидетельствует: “В нем [живут] разные народы, как-то: Монголы — это [настоящие] жители страны и владыки ее; некоторые из них мусульмане; *Асы*, которые мусульмане; Кипчаки, Черкесы, Русские и Византийцы, которые христиане” [Тизенгаузен, 1884, с. 306]. В связи с этим заслуживает особого внимания также сообщение Ибн Баттуты, согласно которому “каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их” [Тизенгаузен, 1884, с. 306]. Таким образом, можно предположить о существовании аланского квартала в многонациональной столице Золотой Орды — г. Сарая и считать, что одним из основных занятий местных аланов являлась торговля. Кроме того, особый интерес представляет отнесение Ибн Баттутой аланов-асов Сарая к числу мусульман, а не христиан. В связи с этим можно высказать предположение об их среднеазиатском, т. е. хорезмском происхождении. Однако Г. Рубрук отметил, что накануне монгольских походов в Суммеркент на Нижней Волге вместе с “саррацинами”-мусульманами уже проживали аланы [Рубрук, 1957, с. 185], т. е. он дал понять, что в первой половине XIII в. нижневолжские аланы еще не являлись мусульманами. Следовательно, за сто лет в столице мусульманской Золотой Орды произошел процесс исламизации местных аланов. В Поволжье, кроме г. Сарая, поселения аланов могли сохраниться также в бассейне Средней Волги.

В последнее время все больше сторонников находит гипотеза, в соответствии с которой в IX—X вв., а возможно и позже, восточноевропейские аланы-асы были известны в восточных источниках как буртасы [Lewicki, 1965, s. 1—14; Pritsak, 1978, p. 264; Добродомов, 1980, с. 40; Афанасьев, 1984, с. 39; Бушаков 1995, с. 38—40]. Нами уже было высказано предположение, что асы, упомянутые персидскими историками Джувейни и Рашид ад-Дином в связи с походами монголов в 1236—1237 гг. на Волжскую Булгарию и Северо-Восточную Русь, представляли собой именно буртасов, проживавших на правом берегу Средней Волги. Это убедительно подтверждают данные топонимии.

Прежде всего вызывают интерес топонимы, содержащие в себе этноним *буртас*, которые получили распространение именно на правом берегу Средней Волги. Как считал А. И. Попов, названия местностей с именем *буртас* лишний раз могут свидетельствовать о выделении пришельцев-буртасов из общей массы коренного населения [Попов, 1973, с. 119]. Исследователь довольно-таки детально проследил распространение буртасской топонимии на Волге. Он отметил почти полное отсутствие этого типа наименований на левом берегу Волги. На правом берегу Средней Волги А. И. Попов зафиксировал довольно значительное количество наименований типа *Буртас*, *Буртасы* и т. п. Исследователь отметил “значительное топонимическое гнездо возле Казани на самой Волге” (рис. 17). По его данным, наименования на местности, которые содержат этноним *буртас* доходят на юге до Ульяновска (Симбирска. — О. Б.), а на севере — к территории бывшей Нижегородской губернии [Попов, 1948, с. 200—203].

И. Г. Добродомов высказал предположение, что топонимы, которые содержат этноним *буртас*, — “это остатки границ, которые сложились к моменту исчезновения буртасов, когда ассимиляция этого народа соседями шла от окраин к центру, где буртасы исчезли в последнюю очередь” [Добродомов, 1989, с. 18—19]. Кроме того, значительный интерес представляют наблюдения Б. А. Васильева, который отметил довольно-таки широкое распространение буртасской топонимии в именно Мещерском крае, в местах расселения татар-мишарей (рис. 17). Там же

получили распространение также топонимы типа: *Можсар, Мажсар, Мишар, Мишер, Мещера*. Именно это дало исследователю основание видеть в потомках буртасов татар-мишарей [Васильев, 1960, с. 206—207].

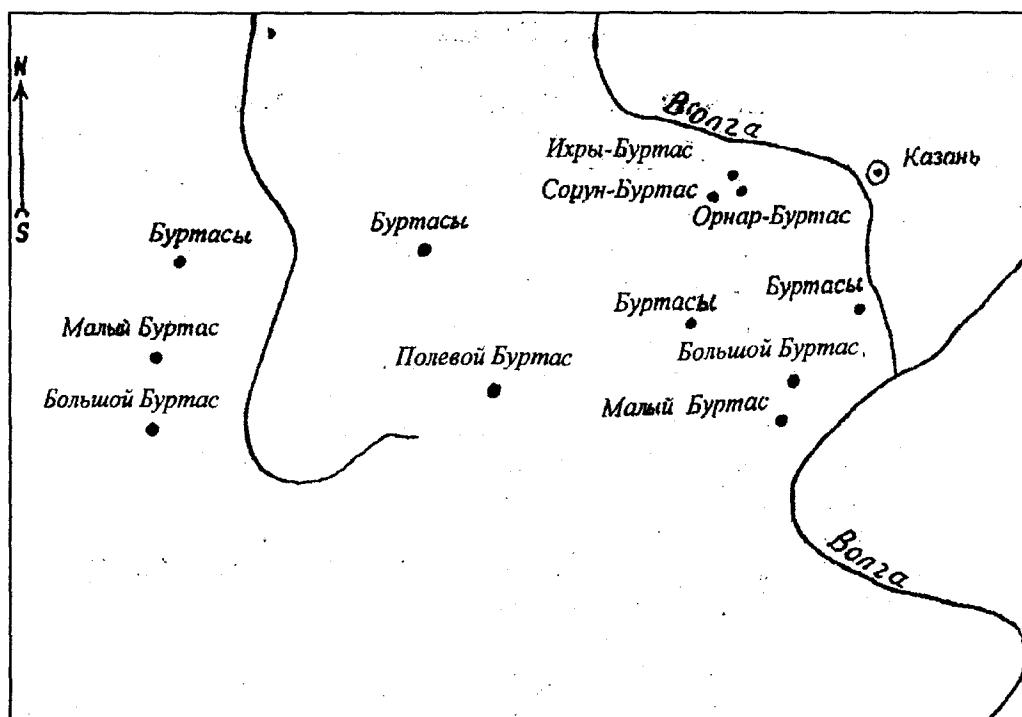

Рис. 17. Распространение буртасской топонимии на правом берегу Средней Волги

На основании данных наблюдений некоторые исследователи также делают вывод, что термины *мишар, мишер, мещера, можсар* и самоназвание венгров *маджар* одного происхождения. Поэтому была даже высказана уверенность, что буртасы, предки татар-мишарей, представляли собой одно из подразделений угров-венгров [Васильев, 1960, с. 206; Мухамедова, 1972]. Действительно, не стоит упускать из вида, что край, где жили буртасы, в русских актовых документах получил название “Мещерский”. А это может указывать на связь названия *мещера* с термином *маджар*. Однако народ *мещера* впервые начал упоминаться в русских документах только лишь в конце XIII в., а правобережные земли Средней Волги стали называться Мещерским краем именно с XIV в. В то же время первое достоверное сообщение о пребывании буртасов на Средней Волге относится уже к первой половине X в. и содержится в сообщении Ибн Русты [Хвольсон, 1869, с. 19—20]. Следовательно, буртасы появились на правобережье Средней Волги на несколько столетий раньше, чем мещера и поэтому носители этих двух этнонимов могли представлять собой отдельные народы.

В связи с этим немаловажное значение имеют сообщения венгерских миссионеров, посетивших в XIII в. район Средней Волги. Информация венгерского монаха Юлиана, побывавшего до 1235 г. в Великой Венгрии на левобережье Средней Волги, позволяет локализовать прародину венгров в районе современного Башкортостана. Венгерским миссионером тогда не было отмечено венгерское население на правом берегу Средней Волги, хотя он побывал и там [Аннинский, 1940, с. 1002]. Если бы там проживали венгры, то Юлиан обязательно бы отметил их присутствие. В 1237—1238 гг. Юлиан вторично посетил Среднее Поволжье.

Великая Венгрия к тому времени уже была покорена монголо-татарами. По словам венгров-язычников, повстречавшихся на пути Юлиану, эта борьба длилась более четырнадцати лет. Победа монголо-татар имела для поволжских венгров катастрофические последствия. Лишенные родины венгры продвинулись на запад на правый берег Волги, подтверждением чего является сообщение венгерских миссионеров о том, что даже на границах Суздальского княжества им повстречались “некие бежавшие пред лицом татар венгры-язычники” [Аннинский, 1940, с. 85, 89]. Поэтому имеет смысл связать с этим переселением венгров распространение на правобережье Средней Волги топонимов типа: *Мажар*, *Мещера* и т. п. Именно после этих событий край стал называться Мещерским.

Вполне очевидно, что письменные источники в определенной степени отражают процесс ассимиляции буртасов правобережья Средней Волги соседними народами в золотоордынский и послемонгольский периоды. Немаловажное значение в этом мог сыграть религиозный фактор. Так, в составленном в середине XIII в. памятнике древнерусской литературы “Слово о погибели Русской земли” отмечены территории, зависимые от князей Древней Руси накануне монгольского вторжения, среди которых упомянуты область соседей волжских булгар — буртасов: “От моря до Болгаръ, от Болгар до *Буртас*, от *Буртас* до Чермис, от Чермис до Моръдвы — то все покорено было богом крестияньскому языку поганьския страны: великому князю Всеволоду, отцу его Юрью, князю Киевскому, деду его, Володимеру и Манимаху” [Бегунов, 1965, с. 183]. Кроме того, в “Слове о погибели Русской земли” указано: “*Буртаси*, Черемиси, Веда и Мордъва боргъничаху на князя великого Володимера” [Бегунов, 1965, с. 184]. Таким образом, в этом первом упоминании буртасов в древнерусских источниках содержится указание на то, что в предмонгольский период буртасы Средней Волги находились в сфере влияния не только Волжской Булгарии, но и Руси. Относительно религиозной принадлежности средневолжских буртасов в предмонгольский период в “Слове о погибели Русской земли” ничего не сказано. Что же касается времен Золотой Орды, то письменные источники того времени оставили нам на этот счет более точную информацию.

Побывавший в середине XIII в. в Золотой Орде Г. Рубрук о современной ему ситуации на правобережье Средней Волги отметил следующее: “Эта страна за Танаидом очень красива и имеет реки и леса. К северу находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах... Сзади них живут другие, именуемые Мердас, которых Латини называют Мердинис, и они — Сарацины. За ними находится Этилия [Волга. — *О. Б.*]” [Рубрук, 1957, с. 110]. В связи с этим следует обратить внимание на мнение тех исследователей, которые считают, что именно в народе *Мердас* Г. Рубрука следует видеть искаженное название *Буртас*, а не обозначение для мордвы-эрзи, в то время как в этнической группе *Моксель* следует видеть мордву-мокшу. Причиной такого соотношения этнонимов может быть то, что мордва-эрзя, в отличие от буртасов, никогда не относилась к числу мусульман [Васильев, 1960, с. 191]. Таким образом, информация Г. Рубрука позволяет считать, что уже в середине XIII в., т. е. за несколько десятилетий до официального принятия ислама в Золотой Орде, средневолжские буртасы уже являлись мусульманами, в чем следует видеть влияние соседних волжских булгар-мусульман.

Арабоязычный автор XV в. Химйари в своем сочинении “Китаб ар-рауд ал-Митар” также подтверждает принадлежность средневолжских буртасов к числу мусульман: “Были они мусульманами и имели мечети. Согласно одному человеку, который был у них проповедником, число мусульман у буртасов доходит до двадцати тысяч” [Левицкий, 1960, с. 135]. Несмотря на это, переводчик и комментатор этого сочинения Т. Левицкий считает, что “отрывки, где речь идет о мусульманах в стране Буртас, относятся, несомненно, к камским булгарам, которые уже в первой половине X в. были мусульманами” [Левицкий, 1960, с. 136]. Однако в данном случае не учтена

информация Г. Рубрука о том, что народ “Мердас”-Буртас в XIII в. относился к числу мусульман [Рубрук, 1957, с. 110], а также информация позднесредневековых русских документов о средневожских буртасах как о подразделении татар.

Так, в русских ясачных книгах XVII в. средневожские буртасы были отмечены как “посопные татаровя”, что могло означать их культурно-языковое единство с казанскими татарами. То, что процесс языковой ассимиляции буртасов правобережья Средней Волги уже завершился до XVII в., могут свидетельствовать данные русских свияжских книг XVI в., где описано население Казанского ханства и среди них буртасы, имеющие уже тюркские имена [Попов, 1973, с. 114—115, 118].

Таким образом, процесс нахождения части буртасов на правобережье Средней Волги в непосредственной близости от уже казанских татар, а также принадлежность и тех и других к исламу могли способствовать их этнической консолидации в единую этнокультурную общность. Именно религиозный фактор мог привести к трансформации этнического самосознания части правобережных буртасов.

В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: кого можно считать потомками тех средневожских буртасов, которые во времена средневековья приняли ислам? Из всех современных этнических групп правобережья Средней Волги только татары-мишари являются тюркоязычными мусульманами, что дает основание согласиться с мнением тех исследователей, которые считают, что в этногенезе татар-мишарей приняли активное участие средневожские буртасы [Васильев, 1960; Мухамедова, 1972, с. 14—17].

И. Г. Добродомов считает, что существуют лингвистические доказательства участия ираноязычных буртасов в этногенезе татар-мишарей. В первую очередь, это касается наличия цокающих звуков в языке татар-мишарей, что не было отмечено у соседних тюркоязычных народов средневожского региона [Добродомов, 1980, с. 26—27]. К этому следует добавить, что цоканье характерно для восточноиранских языков, в первую очередь для осетинского. Кроме языка татар-мишарей, данное явление было отмечено также в языке тюркоязычных балкарцев. Это, по мнению В. И. Абаева, может являться живым свидетельством того, что в этногенезе балкарцев приняли активное участие аланы-асы [Абаев, 1964, с. 116]. Но, как отметила Р. Г. Мухамедова, цоканье было характерно не для всех групп татар-мишарей. По ее наблюдениям, «основное ядро “ц-окающих” мишарей» было сосредоточено на территории прежнего Алатырского уезда, в с. Азеево в бывшем Кадомском уезде (ныне Ермешинский р-н Рязанской обл.), в бывшем Букинском уезде Симбирской губернии и т. д. [Мухамедова, 1972, с. 16—17]. Именно это дает основание полагать, что ираноязычные буртасы могли представлять собой субстратный элемент в этногенезе только части татар-мишарей. На остальной же части проживания татар-мишарей роль субстрата могли представлять потомки угрозоязычной мешеры и других этнических групп. Роль же суперстрата в данном процессе, несомненно, принадлежала кипчакоязычным тюркам — соседям буртасов и мешеры.

Данные о распространении буртасской топонимии на правобережье Средней Волги свидетельствуют о том, что буртасы в средние века проживали не только в местах расселения современных татар-мишарей, но также на территории современных чувашей, мордвы-мокши и славянского населения. В связи с этим особый интерес представляют наблюдения лингвистического характера, которые должны были бы отражать контакты, существовавшие в прошлом между буртасами и их соседями.

Так, И. Г. Добродомов полагает, что чувашское обозначение для лошади *пах* своим происхождением было связано с осетинским *баэх* с тем же значением. При этом исследователь склонен считать, что сам этот термин попал в язык предков осетин из тюркских языков, но подвергся обработке на иранской почве. По мнению И. Г. Добродомова, осетинский термин *баэх* представлял собой сокращенный вариант тюркского словосочетания *бакм ат* — “домашний конь”. Следовательно, в чувашский язык данное слово могло попасть из аланского уже в сокращенном

варианте. Весьма примечательно, что термин *бахмат*, со значением “ногайская лошадь, боевой конь”, был отмечен и в русском языке. Доказательством же аланской обработки термина *бахмат*, по мнению И. Г. Добродомова, может являться также следующая особенность: “Обращает на себя внимание странное для тюркизма ударение *бáхмат*, в старинной русской лексикографии, получающее объяснение на аланской почве, где было принято ударение на первом слоге слова (в диалектах типа иронского наречия)” [Добродомов, 1980, с. 37—41].

Что же касается мордовского языка, то современным лингвистам удалось выделить еще большее количество иранизмов в его лексике. По наблюдениям Б. А. Серебренникова, многие слова в современном мордовском языке имеют иранское происхождение. Это касается, в первую очередь, терминов для обозначения золота — *сырне* (авест. *zuranya*), хозяина — *азор* (др. перс. *ahura* — “господин”), мякины или зерна — *юв* (авест. *gava* — “зерно”), бога — *наваз* (др. перс. *baga*), серпа — *тарваз* (др. иран. *darhas*), моста — *седь* (др. инд. *setu* — “плотина, мост”) и т. п. Однако исследователь относит появление этих иранизмов в мордовском языке не ко временам средневековья, а к древности, т. е. к тому периоду, когда древнемордовские и сарматские племена контактировали на границе степи и лесостепи [Серебренников, 1965, с. 242—243].

И. Г. Добродомову же удалось обнаружить в мордовском языке более поздние заимствования из языка ираноязычных буртасов. Так, по его мнению, к числу этих заимствований следует отнести мордовский термин для обозначения березы — *киленг* (эрз. *килей*, мокш. *келу*). Исследователь склонен видеть в этом мордовском термине название дерева в стране буртасов *хелендж* или *халандж*, упоминаемое в текстах средневековых мусульманских авторов. В результате проведенного анализа, И. Г. Добродомову удалось прийти к следующему выводу: “Доказанная на базе этимологии этнонима *буртас* (*фурдас*) аланско-иранская природа буртасского языка позволяет видеть в буртасском названии березы фонетически преобразованное на аланской почве болгарское (старочувашское) название березы *харынг* (чув. *хуран*), попавшее к буртасам от болгар в условиях культа деревьев и замены табуированного названия; уже от буртасов оно попало в мордовский язык” [Добродомов, 1990, с. 57—59].

В качестве доказательства участия позднейшего ираноязычного элемента в этногенезе народов правобережья Средней Волги можно привести и данные других дисциплин. Несколько лет назад в предыдущей монографии мною было обращено особое внимание на этнографические параллели, которые существуют в традиционной культуре осетин и народов средневолжского правобережья — татар-мишарей, чувашей и мордвы [Бубенок, 1997, с. 141—152]. Именно это может также являться дополнительным аргументом в пользу предложенной гипотезы. Нам кажется, что данное направление исследований имеет большие перспективы для дальнейшей разработки.

И. Г. Добродомов пытается отыскать следы ираноязычных буртасов и на левобережье Средней Волги, т. е. там, где ни данные топонимии, ни данные письменных источников не подтверждают их нахождение в прошлом. В связи с этим имеет смысл выделить попытку И. Г. Добродомова связать происхождение топонима *Казань* с пребыванием на этой территории ираноязычных буртасов [Добродомов 1990, с. 45—53].

Относительно времени основания города *Казань* в историографии существуют три гипотезы: согласно первой, этот город появился уже в конце XII в.; по второй — при золотоордынском хане Бату; третья же возникновение города относит ко второй половине XIV в. При этом сторонники первой гипотезы ссылаются на сообщение, имеющееся в “Казанской истории”, написанной уже в 60-е гг. XVI в. Однако на основании анализа данных письменных источников и археологических раскопок относительно этого вопроса В. Л. Егоров сделал следующие выводы: “... основание Казани в XII в. не подтверждается ни источниками, ни анализом политической

ситуации того времени. Об отнесении возникновения Казани ко времени правления золотоордынского хана Бату нет прямых сообщений в письменных источниках... Что же касается существования Казани в XIV в., то это признается сторонниками всех точек зрения относительно времени ее основания. Различие здесь состоит лишь в том, что сторонники возникновения Казани в XII или XIII вв. считают город к этому времени уже вполне оформившимся и развитым, а сторонники основания города в XIV в. представляют его к этому времени в стадии начального развития. Отсутствие убедительных аргументов в пользу возникновения Казани в XII или XIII вв. дает возможность сделать вывод об основании города на протяжении XIV в. Его бесспорное существование в XIV в. подтверждается надежными летописными свидетельствами [Егоров, 1985, с. 97—105].

Относительно же происхождения самого названия *Казань* также существует несколько точек зрения. Так, Г. Ф. Саттаров и М. З. Закиев выводят это название от этнонима *хазары*, которые якобы проживали там [Саттаров, 1985, с. 155—165; Закиев, 1986, с. 240—241]. Однако данная этимология не нашла поддержки среди современных исследователей. Кроме того, до сих пор распространена народная этимология, записанная еще в XV в. И. Барбаро и в XVI в. С. Герберштейном, согласно которой название *Казань* происходит от тюркского обозначения для котла — *казан* [Барбаро, 1970, с. 133, 158; Герберштейн, 1988, с. 170, 339]. Против второй версии И. Г. Добродомов выдвинул следующие аргументы: “Выведение названия города Казани (тат. *Казан*, чуваш. *ХуЗан*; удмурт. *Кузон*; марийск. *Озан*, *Озанг*, *Ожанг*; русс. *Казань*) натывается на непреодолимую трудность в виде расхождения на чувашской почве звучания названия города *ХуЗан* (орфографически *Хусан*) и названия котла *хуран*, причем в языки народов Поволжья вошла именно чувашская форма *ХуЗан*, для которой восстанавливается древнейшая форма *Хазанг* с конечным заднеязычным носовым гласным *-нг* на базе восточномарийских форм *Озанг*, *Ожанг* и учета позднейшего изменения *-нг* на *-н* на старочувашской почве” [Добродомов, 1990, с. 46]. Против такой народной этимологии, выводящей название *Казань* от тюркского обозначения котла *казан*, выступил также Э. Кинан [Keenan, 1979—1980, р. 484—487].

Поэтому, если исходить из того, что название *Казань* не находит объяснение в тюркских языках, то имеет смысл обратить особое внимание на попытку И. Г. Добродомова и Э. Кинана связать данный топоним с осетинским термином *къадзонаг* — “изгиб, поворот, излучина” [Добродомов 1990, с. 45—53; Keenan, 1979—1980, р. 484—496]. Действительно, если посмотреть на карту (рис. 17), то можно заметить, что город Казань расположен именно там, где Волга резко поворачивает на юг. Кроме этого, И. Г. Добродомов приводит и другие аргументы в пользу своего предположения.

Прежде всего, исследователь опирается на сообщение И. Барбаро и персидского автора Ахмеда Гаффари, согласно которому в XV—XVI вв. название *Cassan* использовалось для обозначения не города, а области. Следовательно, название местности перешло на название города, относительно времени основания которого существуют различные мнения. Кроме того, И. Г. Добродомов считает, что “именно от местности Казан происходит самоназвание татар Поволжья *казанлы*”. Что же касается причин, почему термин *къадзонаг* трансформировался в уже известный нам топоним *Казань*, то И. Г. Добродомов объясняет это следующим образом: «Все привлекаемые в этом разыскании нынешние языки Среднего Поволжья (чувашский, татарский, марийский, удмуртский, русский) четко противопоставляют свистящие и шипящие согласные (хотя история их здесь отличается некоторой сложностью) и одновременно не знают звонкой свистящей аффрикаты *дз*, которая подменяется здесь свистящим же фрикативным согласным *з*, что и имеет место в случае с превращением буртасско-аланского апеллятива типа осетинск. *хадзонаг*, *къадзонаг* “излучина, поворот” в Казань (через ряд промежуточных форм). Итак, аланско-буртасское нарицательное типа осет. *къадзонаг*, *хадзонаг*, преобразованное на болгарско-

чувашской почве в топоним **Хазанг, *Хазан — Хозан — Хузан* попало в татарский (*Казан*), удмуртский (*Кузон*), марийский (*Озан, Азан, Ожан, Ожанг*, причем *ж* развилось из *з* уже на марийской почве в старом заимствовании). В русский (*Казань*) название попало из татарского *Казан*, испытав морфологическое уподобление топонимам на *-ань*. Уже из русского происходит мордовское *Казань*» [Добродомов, 1990, с. 45—53]. Но, несмотря на отсутствие сведений о пребывании буртасов на левобережье Средней Волги, И. Г. Добродомов упорно отстаивает алано-буртасское происхождение топонима *Казань* и при этом категорически не согласен с мнением Э. Кинана [Добродомов, 1990, с. 48], который аналогично выводит данное название от осетинского термина, но не связывает его с буртасами.

Э. Кинан появление иранского термина *k'adzonæg* на левобережье Средней Волги объясняет следующим образом: «Когда, приблизительно в VII—VIII вв., булгары переселялись из Кубанско-Азовского региона на территорию “излучины Волги”, они, вероятно, принесли с собой иранский термин, который они заимствовали от их союзников, называвшихся *Ас* (вероятно *Буртас* = *Фырт-Ас*, т. е. “Речные Асы”), которые являлись носителями одного из восточноиранских диалектов, близкого к осетинскому языку. В Волжской Булгарии термин был всегда, вероятно, фонетически отличный от слова “котел” [казан. — *О. Б.*], который явно произносился со средним [-г-]. Во время длительного периода гегемонии булгар в регионе — которая даже не прекратилась и с монгольским вторжением, вплоть до середины XIV в. — древнечувашский/булгарский стал “официальным” языком региона и соседнее финноугорское население заимствовало термин от булгар... Славяне могли заимствовать термин как от булгар, так и через финно-угорское посредничество. Татары, последняя из групп, пришедших в область, заимствовали термин, который они позже идентифицировали со своим словом “котел” [казан. — *О. Б.*], от булгар на очень поздней стадии, когда никакая группа не имела никакого представления о его происхождении и значительно позже исчезновения асов из региона» [Keenan, 1979—1980, p. 491—492].

Нам кажется, что название *Казань* могло действительно иметь восточноиранское происхождение и могло появиться на левобережье Средней Волги не обязательно с аланскими группами, которые назывались *Буртас* или *Ас*. Как уже отмечалось, письменные источники и топонимия позволяют идентифицировать средневожских буртасов и асов и локализовать их на правом, а не на левом берегу Волги. Однако допустим, что в состав вожских булгар изначально входила этническая группа, имевшая непосредственное отношение к северокавказским аланам, но с другим названием. С этим и можно связывать, что на протяжении длительного времени на Средней Волге сохранялся топоним *Казан*, находящий убедительное объяснение в современном осетинском языке. В данном случае речь идет об этнической группе *барсула*.

В связи с этим предположением, необходимо обратить внимание на то, что жившие в X—XI вв. мусульманские авторы Ибн Русте, Гардизи и анонимный автор “Худуд ал-‘Алам”, как одно из подразделений вожских булгар, отметили этническую группу *барсула*, происхождение которой вызывает особый интерес [Заходер, 1967, с. 28, 48; Худуд ал-Алем, 1930, табл. 76; Minorsky, 1937, с. 461]. Большинство современных исследователей считают, что булгарское племя *барсула* и северокавказские *басилы* — это один и тот же народ. Поэтому для нас особый интерес могут представлять сведения не только о средневожской группе *барсула*, но и о северокавказских барсилах.

Наиболее ранние сведения о басах (барсилах) содержатся в “Истории Армении” Моисея Хоренского (V в.). Там отмечено, что между 193 и 213 гг. во времена армянского царя Вахаршака “толпы хазар и базилов, соединившись прошли через ворота Джора под предводительством своего Внасепа Сурхана, перешли Куру и рассыпались по сю сторону ее”. Вахаршак разгромил их и, преследуя, в свою очередь перешел через ущелье Джора в страну врагов, где и пал “от рук

могущественных стрелков” [Моисей Хоренский, 1858, с. 134]. Кроме того, в сочинении Моисея Хоренского говорится о вступлении одного из родов армянских нахараров аланского происхождения в свойство с каким-то могущественным басилом из числа поселившихся в Армении, а также о войне армянского царя Тердата с северными варварами и о единоборстве его с царем басил. При этом первое событие отнесено к первой половине, а второе — ко второй половине III в. н. э. [Моисей Хоренский, 1858, с. 134].

Последнее событие нашло также отражение в “Истории страны албан” Моисея Каланкатуаци (VIII—IX вв.): “Трдат великий царь армянский, собрав войско, сошел на поле гаргарийцев и жестокой битвой встретил северян. Царь баслов вышел на единоборство с ним, набросил аркан на храброго Трдата, но не сумел одолеть его, и сам был разрублен им пополам. Трдат, истребляя, гнал их до [страны] гуннов... Трдат взяв там заложников и присоединив к себе северные народы, двинулся на персидского царя Шапура” [Мовсэс Калакантуаци, 1984, с. 33]. Данные Г. Х. Саркисяна позволяют считать, что в данном случае речь идет об армянском царе Трдате и персидском царе Шапуре I, правивших во второй половине III в. н. э. [Саркисян, 1960, с. 13].

Относительно распространенности данного сюжета М. И. Артамонов отметил: «... этот же самый эпизод изложен и в “Иудейских древностях” Иосифа Флавия, писателя I в., а затем повторен в сочинении Амвросия Медиоланского, писавшего в IV в., в связи тоже с Тиридатом, но жившим не в III, а в I в. н. э. и воевавшим не с барсилами, а с аланами» [Артамонов, 1962, с. 132]. Сказанное заставляет усомниться в историчности события. Однако наличие самого факта, согласно которому Моисей Хоренский использовал термин *басилы* вместо этнонима *аланы* более ранних авторов, может указывать на то, что в раннем средневековье данные понятия были уже идентичны, а это косвенно может указывать на связь барсилов (басилов) с аланами. Упоминание басилов и хазар в связи с событиями II—III в. н. э. само по себе может вызывать сомнения в достоверности описываемых событий. Однако сведения о басилах при описании событий более позднего времени могут лишь вызывать уверенность в реальности описываемых событий.

Так, у жившего в начале VII в. византийского историка Феофилакты Симокатты барсилы под названием *барсельт* упомянуты уже в связи с нашествием псевдоавар в VI в.: “Когда император Юстиниан занимал царский престол, некоторая часть племен уар и хунни бежала и поселилась в Европе. Назвав себя аварами, они дали своему вождю почетное имя кагана... Барсельт, уннугуры, сабиры и, кроме них, другие гуннские племена, увидав только часть людей уар и хунни, бежавших в их места, прониклись страхом и решили, что к ним переселились авары” [Феофилакт Симокатта 1957, с. 160]. “Армянская география”, составленная в VII в., также упоминает басилов и локализует их на территории Сарматии в дельте р. Атиль, т. е. на Нижней Волге: где “находится остров, на котором укрывается народ баслов от бушков и хазар. Остров называется черным потому, что кажется черным от множества баслов, населяющих его вместе со своими стадами” [Патканов, 1883, с. 26].

Весьма примечательно, что арабский автор конца VIII — начала IX вв. ал-Калби в своей генеалогии народов уже указывает на близкое родство хазар и барсилов: “Родил Исхак (Исаак), сын Ибрагима ал-Халиля (Авраама), Хазара и Б-з-ра и Бурсуля и Хорезма и Филя” [Хвольсон, 1869, с. 93]. Обращает на себя внимание то, что в данной генеалогии барсилы названы близкородственным народом как к тюркоязычным хазарам, так и к ираноязычным хорезмийцам. А это должно иметь свое объяснение. Уже после этого, в IX—X вв., мусульманские и христианские авторы не упоминали барсилов как реально существовавший народ на Северном Кавказе. Очевидно, что к этому времени остатки барсилов были ассимилированы другими народами региона или мигрировали на Среднюю Волгу.

С народом *барсилы* исследователи склонны связывать страну *Берсилия*, упоминания о которой содержатся в ряде сочинений средневековых авторов. К их

числу следует отнести сочинение ал-Балазури (IX вв.) “Китаб футух ал-булдан”, в котором мусульманский автор помещает страну *ал-Баршалия* на север от Дербента. Арабоязычный автор сообщает о встрече персидского шаха Хосроя Ануширвана и кагана тюрок в местности ал-Баршалия, находившейся к северу от Дербента, что имело место в VI в. [Караулов, 1901, с. 29; Балазури, 1866, с. 195].

Наиболее же подробные сведения о стране *Берсилия* содержатся в сочинениях христианских историков. К таким их работам относится “Хронография” Феофана (760—818 гг.). Византийский автор, повествуя о событиях середины VII в., относящихся к распаду болгарской орды в Приазовье, отмечает: “... после того, когда они [булгары. — *О. Б.*] разделились... на пять частей и стали многочисленны, из глубин Берсилии, первой Сарматии, вышел великий народ хазар и стал господствовать на всей земле по ту сторону вплоть до Понтийского моря” [Чичуров 1980, с. 61]. Таким образом, сообщение Феофана позволяет считать, что в середине VII в. страна Берсилия находилась на восток от Приазовской Булгарии и являлась частью Сарматии.

В отличие от Феофана, другой византийский автор — Никифор (738—829 гг.) в своем “Бревиарии” не отождествляет землю сарматов и Берсилию и повествуя об этих же сюжетах отмечает: “И так как этот народ [булгары. — *О. Б.*] разделился и рассеялся, племя хазар, поскольку оно поселилось поблизости от сарматов, из глубины страны, называемой Верилия [Берсилия. — *О. Б.*], стало с тех пор безнаказанно совершать набеги. Они подвергли нападениям все селения в землях за Понтом Эвскинским и достигли моря” [Чичуров, 1980, с. 162]. Это сообщение также подтверждает, что страна *Верилия (Берсилия)* находилась на восток от Приазовской Булгарии.

Наиболее же подробный рассказ об этих событиях содержится в “Церковной истории” Михаила Сирийского (1126—1999 гг.). Однако этот поздний арамейязычный автор относит описываемые события уже ко временам византийского императора Маврикия (582—602 гг.), что уже само по себе вызывает удивление. По данным Михаила, тогда из внутренней Скифии вышли три брата с 30 тысячами скифов, которые проделали путь в 65 дней со стороны “Имеонских” (?) гор и достигли “Танаиса” (Дона — *О. Б.*). Вызывает интерес то, что одного из братьев звали *Булгар* и он с 10 тысячами своих соплеменников достиг р. Дунай и получил от византийских императоров Мезию и Дакию, чем очень напоминает болгарского хана Аспаруха, жившего значительно позже. Дальнейшая информация Михаила также отличается от данных Феофана и Никифора: “Два других брата пришли в страну алан Берсилия, в которой римлянами были построены города Каспия, называвшиеся вратами *Turaye*. Булгары и пугуры — их жители — были некогда христианами. Когда над той страной стал господствовать чужой народ, они были названы хазарами по имени старшего брата, имя которого Хазарик”. Рассказ Михаила, но уже в сокращенном варианте повторяется в “Истории” другого арамейязычного автора — Григория Бар-Гебрея, жившего в XIII в. [Артамонов, 1962, с. 128].

Многие современные историки полагали, что Михаил Сирийский заимствовал сюжет о трех братьях из “Истории” Иоанна Эфесского, умершего в конце VI в. Однако никого не смущали хронологические несоответствия: упоминание Аспаруха под именем Булгара, а также само утверждение хазар в причерноморских степях, относящиеся не ко второй половине VII в., а к концу VI в. Переводчик сочинения Иоанна Эфесского на русский язык — Н. Пигулевская отметила отсутствие данного сюжета у Иоанна и считала, что Михаил Сирийский мог заимствовать легенду о трех братьях у другого более позднего автора. Кроме того, по наблюдениям Н. Пигулевской, “рассказ Михаила Сирийца о трех скифских братьях имеет... общее с традицией греческих историографов, но с ней не совпадает” [Пигулевская, 1941, с. 105—108].

Именно эти противоречивые сведения о барсилах и стране барсилов вызвали среди современных исследователей разнообразные версии относительно

происхождения этого народа и локализации страны Берсии. Этническая принадлежность барсильев до сих пор остается предметом дискуссий. Еще И. Маркварт считал барсильев гуннской народностью VI в. [Marquart, 1898, s. 87], М. И. Артамонов, М. Г. Магомедов, Я. А. Федоров и Г. С. Федоров считали их одним из болгарских племен [Артамонов, 1962, с. 131—132; Магомедов, 1983, с. 177; Федоров Я. А. и Федоров Г. С., 1970, с. 84], А. П. Новосельцев, А. В. Гадло и С. А. Яценко — частью аланов [Новосельцев, 1990, с. 83—84; Гадло, 1979, с. 68; Яценко, 1996, с. 167—169].

Необходимо отметить, что основанием для отождествления барсильев с гунно-булгарами для многих исследователей стало упоминание мусульманскими авторами о них как о части волжских булгар, сведения о них как о близкородственном хазарам народу в генеалогиях некоторых мусульманских авторов, а также предположение, согласно которому названия города и местности, где могли проживать поздние барсильев, — *Беленджер* или *Варачан* могли представлять исправленный вариант этнонима *Болгар*. У сторонников версии об аланском происхождении барсильев существуют также свои аргументы: 1) упоминание у Михаила Сирийского Берсии как “страны алан”; 2) данные Моисея Хоренского о близости барсильев и аланов; 3) указание армянских источников на то, что барсильев (барсильев) проживали на север от Кавказа еще в догуннскую эпоху.

Что же касается вопроса локализации страны барсильев, то относительно этого приводились всевозможные версии. Так, С. А. Плетнева разместила Берсию “на современной территории Дагестана” [Плетнева, 1986, с. 15]. М. И. Артамонов локализовал ее в Северном Дагестане [Артамонов, 1962, с. 130, 132]. М. Г. Магомедов склонен видеть в стране барсильев Приморский Дагестан [Магомедов, 1983, с. 177]. Я. А. Федоров и Г. С. Федоров располагали страну барсильев не только в Северо-Западном Дагестане, но также на всем Северо-Западном Прикаспии, отождествляя данную территорию с первой Сарматией Феофана [Федоров Я. А. и Федоров Г. С., 1970, с. 84]. С. А. Яценко считает, что на заре хазарской истории барсильев и хазары не граничили между собой и поэтому склонен располагать первоначальную территорию барсильев (барсильев) в Нижнем Поволжье [Яценко, 1996, с. 168—169]. По мнению А. В. Гадло, “Барсия” располагалась в Центральном Предкавказье, т. е. на землях аланов [Гадло, 1979, с. 66—67]. А. П. Новосельцев же дал более широкую локализацию Берсии — Восточное Предкавказье, часть Центрального Предкавказья и низовья Волги. Хотя при этом исследователь допускал, что в VIII—IX вв. Берсией могла именоваться “и более ограниченная территория в пределах Северного (Приморского) Дагестана” [Новосельцев, 1990, с. 79].

Сторонники локализации Берсии в Дагестане в первую очередь обращают внимание на сведения армянских источников, согласно которым земли барсильев находились за воротами “Джора (Чора)”, в которых они склонны видеть Дербентский проход. Но в данном случае не учитывается информация о возможном соседстве барсильев и булгар, в соответствии с которой традиционным местом обитания последних считается Северо-Западный Кавказ. В то же время, исследователи, которые склонны локализовать барсильев на Центральном Кавказе, не учитывают информацию об их нахождении в районе Дагестана. Кроме того, информация письменных источников о нахождении барсильев на Нижней и Средней Волге также требует объяснения.

В сложившейся ситуации необходимо исходить из того, что в послегуннский период народ *барсильев* мог под воздействием соседей изменить место своего первоначального обитания и подвергнуться процессу ассимиляции со стороны соседей. Поэтому асинхронные известия письменных источников дают нам противоречивые сведения об этнической принадлежности барсильев (барсильев) и локализации их страны Берсии. В данном случае возникает вопрос: почему жившие в Передней Азии раннесредневековые авторы связывали страну барсильев с Дагестаном, а византийские указывали на нахождение Берсии на восток от

Приазовской Болгарии в VII в.? Не связано ли это с особым географическим положением Берсии?

О том, что барсилы жили за пределами Дагестана и Нижней Волги, могут косвенно свидетельствовать данные некоторых средневековых авторов, фольклора и этнонимии. Как уже отмечалось, мусульманские авторы Ибн Русте (X в.) и Гардизи (XI в.) сообщают, что волжские булгары делятся на три группы: *барсула*, *аскел* и собственно *булгар* [Заходер, 1967, с. 28, 48]. В “Худуд ал-‘Алам” (X в.) волжские булгары ошибочно названы буртасами, а собственно буртасы — барадасами. Относительно состава первых в данном анонимном персоязычном памятнике сказано: “бихдула [барсула. — О. Б.], ишкиль, булгар” [Худуд ал-Алем, 1930, табл. 76; Minorsky, 1937, p. 461]. Особый интерес представляет информация Ибн Фадлана о составе племен Волжской Булгарии в начале X в. В своем сочинении арабский путешественник, кроме собственно булгар, занимавших господствующее положение, выделил этническую группу *суваз* (возможно — сувары) и *аскел*. Сведений о народе *барсула* у Ибн Фадлана нет, зато содержится информация о народе *баланджар*: “Мы видели у них домочадцев [одной семьи] в количестве пяти тысяч душ женщин и мужчин, уже принявших ислам. Все они известны [под названием] Баранджар” [Ковалевский, 1956, с. 138—139]. Данная особенность даже позволила А. П. Новосельцеву сделать вывод, что это может подтверждать “идентичность тюркизированных базилов (барсилов) и баланджар” [Новосельцев, 1990, с. 84].

Если исходить из того, что болгарское племя *барсула* и северокавказские *басилы* — это один и тот же народ, то тогда сложно объяснить, как могли булгары, традиционным местом которых до переселения их части на Среднюю Волгу были земли Восточного Приазовья, присоединить к себе часть барсилов (басилов), которых традиционно локализуют в Дагестане. Пытаясь объяснить подобные несоответствия и опираясь на наблюдения Ашмарина, П. Голден сделал пессимистический вывод, согласно которому нельзя связывать происхождение средневолжского племени *барсула* со страной *Берсия* на Северном Кавказе [Golden, 1980, p. 145].

Однако более логичным могло бы являться предположение, согласно которому в ранний хазарский период прикавказские булгары и басилы были соседями. А это позволяет считать, что западные границы страны Берсии в VI—VII вв. могли находиться в Центральном Предкавказье. Весьма примечательно, что южные соседи современных карачаево-балкарцев — грузины называют карачаево-балкарцев термином *басиани* [Волкова, 1973, с. 94], что может свидетельствовать о проживании в прошлом на территории Карачая и Балкарии потомков базилов (барсилов). Как уже отмечалось, мегрелы так не называют карачаевцев и балкарцев, но используют по отношению к карачаево-балкарскому населению термин *аланы* [Волкова, 1973, с. 94]. В данном случае весьма уместно напомнить, что Михаил Сирийский назвал Берсию “страной аланов”, а многие современные исследователи считают, что территория современных Карачая и Балкарии в средние века входила в состав северокавказской Алании. Кроме того, А. В. Гадло склонен связывать с пребыванием барсилов в западной части Центрального Предкавказья название реки Баксан, известное в XIV—XV вв. как *Бахсан*. Исследователь также обратил внимание на сообщение Вахушти, согласно которому “басианы” представляли одно из подразделений овсов (аланов). Не менее интересные данные привел А. В. Гадло из фольклора народов Центрального Кавказа. Так, балкарское генеалогическое предание повествует, что предками дигорских и балкарских князей были родные братья Бадилат и Басиат, которые переселились в горы с севера из района Маджар. А в нарттовском эпосе кабардинцев в цикле сказаний о Батразе неоднократно упоминается как место действия этого героя “Барсово (Басово) поле”. Все это заставило А. В. Гадло считать данные совпадения неслучайными, а поэтому “страна алан Берсия” могла находиться в центре Азово-Каспийского междуморья. На основании этого исследователь пришел к выводу, что барсилы “представляли одну

из трех ираноязычных групп, которые в эпоху, последовавшую за гуннским вторжением, сумели сохранить свое положение и даже на какой-то период возвыситься над другими группами степняков” [Гадло, 1979, с. 63—68].

Выводы А. В. Гадло отличаются аргументированностью и позволяют предположить, что в предхазарский период владения барсиллов на западе могли занимать западную часть Центрального Предкавказья, т. е. являться соседней с Приазовской Булгарией территорией. Поэтому можно допустить, что в конце VII в., а может быть и позже, западная часть барсиллов могла вместе с восточной группировкой приазовских булгар мигрировать на Среднюю Волгу и стать там с течением времени одним из подразделений средневолжских булгар, известном в мусульманских текстах X в. как *барсула*.

Информация мусульманских авторов о вхождении в состав племенного союза булгар Средней Волги этнической группы *суваз* [Ковалевский, 1956, с. 138—139] также может служить дополнительным аргументом в пользу того, что булгары, мигрировавшие на Среднюю Волгу, включили в состав своего объединения не группу племен Дагестана, а группу западной части Центрального Предкавказья, несмотря на то, что народ *савир* в письменных источниках традиционно локализуется в Дагестане. Необходимо обратить внимание прежде всего на то, что современные сваны для обозначения карачаевцев и балкарцев до сих пор используют этнический термин *Савиар* [Волкова, 1973, с. 94], что также свидетельствует о возможном нахождении в прошлом на территории Карачая и Балкарии савиров. Как они могли оказаться в раннее средневековье на территории Карачая и Балкарии, предстоит еще установить.

Особого внимания заслуживает также то, что среди центральноазиатских этнических групп раннего средневековья некоторыми письменными источниками упомянуто племя *парсил*, что дало основание некоторым исследователям отождествить их с барсилами [Гадло, 1983, с. 79—81]. Исходя из этого А. В. Гадло считал, что парсилы первоначально являлись тюркской этнической группой, впоследствии смешавшейся с сармато-аланским населением, т. е. распространившей свое наименование на ираноязычное население [Гадло, 1983, с. 79—81].

В связи с этим особый интерес представляет происхождение самого названия *барсилы*, где первоначальный вариант этнонима мог иметь вид — *Barsil* или *Parsil*. Б. Д. Греков и Н. Ф. Калинин еще несколько десятилетий тому назад пытались доказать, что этноним *берсула* имел отношение к “нукратским” татарам и являлся переводом термина “серебряные болгары”. Это предположение базировалось на том, что слово *нокра* по-персидски значит “серебро”, а термины *бер* и *сер*, по их мнению, могли соответственно означать средневолжское племя *берсула* и *сер* — “серебро” [Греков, Калинин, 1948, с. 107]. Однако такая гипотеза возникла под воздействием “яфетической” теории Н. Я. Марра и с точки зрения современной филологической науки не выдерживает критики.

М. И. Артамонов, опираясь на наблюдения В. Минорского, а также исходя из своих предположений, согласно которым барсилы представляли одно из булгарских племен, а термин *Варачан* мог являться лишь одним из вариантов названия Берсилии, о происхождении данного этнопонима сделал вывод: “*Barč-li* или *Barač-li* — тюркская конструкция с суффиксом принадлежности — *li*, тогда как армянская форма — *Варачан* — представляет ту же основу с иранским окончанием *an*” [Артамонов, 1962, с. 184, прим. 8]. Однако, если исходить из возможной связи барсиллов с аланами, то объяснение происхождения этнопонима *Barsil* можно также искать в иранских языках.

При разрешении вопроса, кем могли изначально являться парсилы (барсилы), следует учитывать ряд аспектов. Во-первых, обращает на себя внимание то, что жители страны Берсилия воспринимались некоторыми средневековыми авторами как часть аланов. Во-вторых, письменные источники локализуют парсиллов (барсиллов) как в Центральной Азии, так и на Северном Кавказе. В третьих, первые

достоверные сведения о барсилах на Северном Кавказе датируются только лишь ранним средневековьем, а именно — предхазарским периодом.

Это позволяет предположить, что во времена поздней античности барсилы могли представлять одну из восточных групп сармато-аланских племен, изначально обитавших в степях Центральной и Средней Азии. Вследствие бурных событий, связанных с экспансией гуннов и становлением Тюркского каганата, они могли разделиться на две части, где одна из них должна была сохраниться в Центральной Азии в окружении тюркоязычных племен, а другая — могла мигрировать на запад сначала в район Нижней Волги, а оттуда впоследствии — на Северный Кавказ. Оставшиеся в Центральной Азии парсилы (барсилы) со временем могли подвергнуться процессу тюркизации, а осевшие на Северном Кавказе на протяжении нескольких столетий могли сохранять свою этническую самобытность и поэтому воспринимались соседями как часть аланов.

Кроме того, может вызывать определенные возражения предположение А. В. Гадло, который, ссылаясь на сообщение “Армянской географии” о нахождении на Нижней Волге басилов (барсилов) полагает, что барсилы “теснимые хазарами, были вынуждены уйти от них вверх по Волге, где оказались инкорпорированными в составе политического объединения, которое возглавила также ушедшая с Северного Кавказа племенная группа булгар” [Гадло, 1979, с. 64]. Однако данные некоторых письменных источников о нахождении барсилов на Северном Кавказе лишь могут указывать об их последующей миграции сначала на юго-запад в Предкавказье, а лишь затем — на Среднюю Волгу. Поэтому можно согласиться с мнением С. А. Яценко, который считает, что территория басилов (барсилов) в Нижнем Поволжье представляла собой лишь первоначальное место нахождения данной этнической группы в степях Восточной Европы [Яценко, 1996, с. 168—169]. Исходя из этого, сообщение “Армянской географии” о нахождении барсилов в Сарматии в дельте р. Атиль [Патканов, 1883, с. 26] может либо являться анахронизмом, либо указывать на то, что в VII в. часть барсилов продолжала сохраняться на Нижней Волге.

Что же касается традиционной локализации барсилов в Дагестане и указания Ибн Фадлана на то, что представители третьей группы волжских булгар, упомянутые вместо барсил, “известны [под названием] Баранджар” [Ковалевский, 1956, с. 138], то имеются основания считать, что в начале X в. барсилы были известны арабам, прежде всего, как жители города и местности Беленджер, находившейся в Дагестане.

Таким образом, попытки некоторых средневековых переднеазиатских авторов отождествлять страну барсилов только лишь с частью Дагестана, вызывают определенные возражения. В данном случае необходимо исходить из того, что в период ранней хазарской истории барсилы вместе с хазарами вторгались в страны Передней Азии со стороны Дагестана, что нашло определенное отражение в историографии этих стран. Поэтому нам представляется весьма вероятной первоначальная локализация страны барсилов в предгуннский и гуннский периоды на Нижней Волге, а в раннехазарское время — между Северо-Западным Дагестаном и Северо-Западным Кавказом, т. е. в Центральном Предкавказье.

По-видимому, после событий середины VII в. оставшиеся на Северном Кавказе барсилы под воздействием более сильных соседей вынуждены были продвигаться из степей Предкавказья в предгорья и горы Карачая, Балкарии, Осетии и Дагестана, где подверглись процессу этнической ассимиляции со стороны местного населения.

Что же касается первоначальной этнической принадлежности барсилов, то можно вполне согласиться с мнением тех исследователей, которые относили барсилов к аланам. Однако в данном случае весьма проблематично говорить о том, что барсилы представляли всего лишь одно племя. Более логичным могло бы выглядеть мнение, согласно которому на обширной территории исторической Берсии мог проживать союз племен барсилов.

Именно вхождение барсиллов в состав этнополитического объединения волжских болгар позволяет считать, что в VII в. западная граница страны барсиллов могла находиться в западной части Центрального Предкавказья, где барсиллы могли являться восточными соседями болгар Северо-Западного Кавказа и откуда они вместе с ними могли переселиться на Среднюю Волгу. Поэтому, если исходить из того, что подразделение волжских болгар — *барсула* своим происхождением было связано с аланами Центрального Предкавказья, то можно объяснить, почему отдельные группы населения Волжской Булгарии являлись носителями долихокранного узколицего европеоидного антропологического типа, традиционно связываемого с аланами Северного Кавказа и Верхнего Салтова [Герасимова, Рудь, Яблонский, 1987, с. 239]. Это позволяет также объяснить существование ряда топонимов восточноиранского происхождения на левобережье Средней Волги, включая название *Казань*, если исходить из того, что буртасы проживали не на левом, а на правом берегу Волги. Вполне очевидно, что уже к началу монгольских завоеваний этническая группа Волжской Булгарии — *барсула* уже была ассимилирована тюркоязычными булгарами.

Как уже отмечалось, И. Г. Добродомов склонен связывать с пребыванием буртасов на левобережье Средней Волги также распространение имени *Анбал—Амбал* в двух вариантах, обнаруженное в составе “чисто тюркских фраз” в двух эпитафиях на мусульманских надгробиях XIV в. близ с. Иске-Рязап Куйбышевского района Татарстана. Написание одного имени в двух вариантах И. Г. Добродомов объясняет следующим образом: «Если принять предложение Ф. С. Хакимзянова о том, что обе болгарские надписи с личным именем *Амбал—Анбал* относятся к сыну и отцу (а для этого предположения нет особых препятствий), то можно думать, что разные диалекты волжских болгар в двух цитированных семейных эпитафиях связаны с тем, что надписи делались не на родном языке покойных, а на двух имевших тогда распространение “кладбищенских” языках волжских болгар, у которых также происходило вытеснение старого болгарско-чувацкого языка более новым кыпчакско-татарским» [Добродомов, 1993, с. 130—134].

Однако, как уже отмечалось, ни письменные источники, ни топонимия не зафиксировали нахождения буртасов на левобережье Средней Волги. В связи с этим следует напомнить, что недалеко от с. Иске-Рязап, на месте средневекового г. Болгара, остатки которого также расположены на территории Куйбышевского района Татарстана, был обнаружен христианский могильник Бабий Бугор, функционирование которого относят к XII—XIV вв. Особенности погребального обряда (часть погребений обкладывались каменными плитами) и антропологический тип погребенных (долихокранный, аналогичный северокавказским сериям) позволили Е. А. Халиковой сделать вывод, что данный некрополь Волжской Булгарии был оставлен аланами, которые переселились сюда с Северного Кавказа в XII в. [Халикова, 1978, с. 205—211]. Поэтому можно допустить, что распространение имени *Амбал—Анбал* в XIV в. именно в этой части левобережья Средней Волги было связано не с ираноязычными буртасами, проживавшими на правом берегу, а с нахождением рядом в г. Болгаре торговой колонии аланов, которая сохранилась и после монгольского вторжения 1236 г. Очевидно, дальнейшая судьба этих аланов была полностью связана с развитием г. Болгара.

По наблюдениям В. Л. Егорова, город Болгар был восстановлен в XIII в. и переживал период расцвета вплоть до 60-х гг. XIV в. В соответствии с данными мусульманских источников, “город был важным центром международной торговли, который посещали восточные купцы”. Однако “упадок города начинается в 60-х гг. XIV в. и связан с общими внутренними смутами в государстве” и в начале XV в. происходит окончательное запустение города, что “связывается с перенесением политического центра местных земель к северу, на правобережье Камы” [Егоров, 1985, с. 94—96].

Именно это позволяет считать, что в связи с запустением Болгара проживавшие там аланы вынуждены были покинуть город и поэтому местное христианское

кладбище Бабий Бугор прекратило функционировать. Однако само упоминание аланского имени на мусульманских эпитафиях, одна из которых датируется 1345 г. [Добродомов, 1993, с. 130], позволяет высказать и другие предположения относительно судьбы местных аланов. Вполне возможно, что проживавшие в Болгаре аланы-христиане в XIV в. стали переходить в ислам и впоследствии в культурном и этноязыковом аспектах перестали отличаться от окружавших их потомков болгар, которые в этот период стали переходить на язык кипчакской подгруппы. Таким образом, можно допустить, что потомки аланов из Бабьего Бугра приняли участие в этногенезе казанских татар.

Все вышесказанное позволяет считать, что в бассейне Волги и Дона в XIII—XIV вв. аланы составляли часть населения золотоордынских городов и поэтому, находясь в центре Золотой Орды, они испытали более значительное воздействие золотоордынской городской культуры, чем на окраинных территориях государства. Именно результатом этого стало принятие аланами ислама, а впоследствии и этническая интеграция их в состав господствовавшего золотоордынского этноса, получившего в традиции название “татары”. Однако в данном явлении не следует видеть отступление монголо-татар от принципов религиозной толерантности в центральных областях золотоордынского государства. В связи с этим следует напомнить, что аланы в центральных золотоордынских городах могли составлять часть купеческого сословия. Поэтому необходимо обратить внимание на мнение Г. В. Вернадского относительно места купцов в золотоордынском обществе: “Ввиду того, что торговля играла важную роль в экономике Золотой Орды, было вполне естественно, что купцы, в особенности имевшие выход на заграничные рынки, пользовались большим уважением со стороны хана и вельмож. Хотя официально и не связанные с правительством, именитые купцы могли достаточно часто оказывать влияние на направление внутренних дел и внешних сношений. Фактически мусульманские купцы представляли собой международную корпорацию, контролирующую рынки Центральной Азии, Ирана и Южной Руси. Индивидуально они давали клятву верности тому или иному правителю, в зависимости от обстоятельств. Коллективно они предпочитали мир и стабильность во всех странах, с которыми приходилось иметь дело” [Вернадский, 1997, с. 219—220]. Поэтому в центральных областях Золотой Орды аланские купцы были заинтересованы в скорейшем слиянии с правящими слоями золотоордынского общества. Без принадлежности к официальной религии (исламу) это было невозможно. Таким образом, экономические интересы могли диктовать необходимость принятия аланами центральных областей Золотой Орды ислама.

Глава VIII. Аланы степей Северного Причерноморья под властью ханов Золотой Орды

Уже в 40-е гг. XIII в. значительная часть северопричерноморских степей прочно вошла в состав владений золотоордынских ханов. В. Л. Егоров очерчивает территорию Золотой Орды в степной части Северного Причерноморья следующим образом: “степные пространства между Днестром и Днепром в XIII в. с самого начала входили в ее состав. В бассейне Южного Буга монгольские кочевья распространялись к северу, захватывая нижнее течение его левого притока — Синюхи. Они, видимо, доходили до южных границ современных Винницкой и Черкасской областей, т. е. до среднего течения Южного Буга. Выше золотоордынская территория не распространялась... Опираясь на сведения Карпини и ландшафтно-растительную ситуацию региона, северную границу собственно золотоордынской территории на левобережье Днепра можно провести по нижнему течению р. Псел с последующим отступлением ее к югу в среднем течении р. Ворсклы и далее на восток вдоль ее левого берега. Район современных городов Полтавы и Харькова еще в XVII в. был покрыт непроходимыми лесами.... Наличие здесь значительных площадей, занятых густыми лесами, может служить определенным указанием (при отсутствии других источников) на то, что границу Золотой Орды можно провести несколько южнее Харькова” [Егоров, 1985, с. 39—39]. В первой половине XIV в., по наблюдениям В. Л. Егорова, золотоордынские владения в Северном Причерноморье не претерпели существенных изменений. Но “события 60-х годов XIV в. привели к резкому сокращению территории Золотой Орды на западе”. В. Л. Егоров отмечает эти изменения владений золотоордынских ханов следующим образом: “После 60-х годов XIV в. нет каких-либо летописных указаний на то, что их владения простирались к западу от Днепра... К востоку от Днепра северная граница Золотой Орды в XIV в. совпадала с распространением степной и лесостепной полос” [Егоров, 1985, с. 52]. Причину ухода монголов со степей западнее Днепра в 60-е гг. XIV вв., по словам В. Л. Егорова, можно объяснить тем, что “военные успехи Ольгерда крайне осложнили их положение в этом районе, по меньшей мере, значительно отгеснив кочевья к побережью моря” [Егоров, 1985, с. 51]. Таким образом, с 40-х гг. XIII в. и на протяжении практически всего XIV в. все левобережные степи Северного Причерноморья являлись неотъемлемой частью Золотой Орды. Степи же правобережья входили в состав государства Джучидов с 40-х гг. XIII в. по 60-е гг. XIV вв.

Данные письменных источников, топонимии и археологии позволяют говорить о существовании аланского населения на этой обширной территории в XIII—XV вв. К их числу следует отнести сочинение “История монгалов”, написанное Плано Карпини, который в 1245—1247 гг. проделал длинный путь из Европы в Центральную Азию, достигнув в конечном итоге ставки Великого хана монголов Гуюка. Все виденное и слышанное им нашло отражение в его книге, которая стала отчетом о проделанном путешествии. Сведения, оставленные П. Карпини, позволяют судить о том, что уже в середине 40-х гг. XIII в. в степях Восточной Европы проживало аланское население. Первоначально путь П. Карпини и его спутников пролегал через земли Центральной Европы, что в конечном итоге привело их в Киев, а в дальнейшем — на подвластные татарам земли: “Итак, устроив все эти дела в Киеве, на второй день после праздника Очищения Нашей Владычицы, мы на лошадях тысячника и с провожатыми поспешно направились из Киева к иным варварским народам. Мы прибыли к некому селению, по имени Канов [Канев. — О. Б.], которое было под непосредственной властью Татар. Начальник же селения дал нам лошадей и провожатых до другого селения, начальником коего был алан, по имени Михей, человек, преисполненный всякой злобы и коварства. Именно он сам послал против нас в Киев некоторых своих телохранителей, дабы ложно сообщить нам от имени Коренца, чтобы считались послами и чтобы явились к нему”. После этого 19 февраля

1246 г. Михей и П. Карпини выехали вниз по льду замершего Днепра, и к вечеру 23 февраля они достигли первой монгольской заставы в открытой степи [Карпини, 1957, с. 67—68].

Комментируя этот отрывок, В. Л. Егоров сделал следующее предположение: «В этом рассказе в первую очередь обращает на себя внимание то, что между Киевом и монгольскими кочевьями, с которых начиналась территория Золотой Орды, существовала особая полоса, находившаяся “под непосредственной властью татар”, но все же не включавшаяся в границы их государства. Протяженность ее с севера на юг была довольно значительной, так как путешественники ехали по ней минимум 6 дней, что может составить около 200 км. К тому же само селение Канов [Канев. — *О. Б.*] вряд ли было северной границей этой полосы, скорее всего, она проходила несколько выше по Днепру... Очевидно, это была особая, буферная зона, тянувшаяся вдоль пограничной полосы между русскими и золотоордынскими владениями. Характерную ее черту составляло отсутствие русской княжеской администрации, замененной ордынскими баскаками или откупщиками сбора дани» [Егоров, 1985, с. 37]. К числу последних можно отнести Михея. Это сообщение П. Карпини позволяет вспомнить, что монголы были верны своей традиции оставлять в городах своих уполномоченных, носивших титулы “даругачи” или “ташгачи”. И нет ничего удивительного в том, что представителем монголов в одном из селений в степном Поднепровье был алан, по-видимому, из местного населения. К тому же его селение находилось на берегу Днепра. Следовательно, в функции Михея должно было входить также наблюдение за переправами, что и в период монголо-татар продолжало играть важную роль для развития торговли, коммуникаций и т. п. Поэтому можно предположить, что Михей принадлежал к числу бродников, сохранных в золотоордынское время монголами.

Однако совсем не понятно утверждение В. Л. Егорова относительно этнической принадлежности Михея, согласно которому “можно не сомневаться в его русском происхождении” [Егоров, 1985, с. 37]. Доказательством славянского происхождения Михея отнюдь не может являться его имя. Прежде всего необходимо обратить внимание на то, имя *Михей* является производным от антропонима *Михаил*, явно библейского происхождения [Скрипник, 1991, с. 79—80], что может свидетельствовать о принадлежности его носителя, в первую очередь, к христианам. Как уже отмечалось, аланы-ясы южнорусских степей, как и восточные славяне, в предмонгольское время стали православными (греческими) христианами. Следовательно, в середине XIII в. в Поднепровье на границе степи и лесостепи обитали христиане, среди которых были аланы.

Свидетельством того, что аланы во второй половине XIII в. обитали в Северном Причерноморье может являться фрагмент из “Истории о Михаиле и Андронике Палеологах”, написанной византийским историком Георгием Пахимером. Византийский автор, повествуя о деяниях мятежного хана Ногай, отметил следующее: “Ногай из Тохарцев [монголо-татар. — *О. Б.*] был человек могущественнейший, опытный в управлении и искусный в делах воинских. Посланный от берегов Каспийского моря начальником своего народа, носившими названия ханов, с многочисленными войсками из туземных Тохарцев, которые назывались Монголами, он напал на племена, обитавшие к северу от Эвскинского Понта [Черного моря. — *О. Б.*], издавна подчиненные Римлянам [византийцам. — *О. Б.*], но по взятии города [Константинополя. — *О. Б.*] Латинянами и по причине крайнего расстройства Римских дел, отложившиеся от своих владык и управлявшиеся самостоятельно. При первом своем появлении, Ногай взял те племена и поработил. Видя же, что завоеванные земли хороши, а жители легко могут быть управляемы, он отложился от пославших его ханов и покоренные народы подчинил собственному своему владычеству. С течением времени соседние, обитавшие в тех странах племена, каковы *Аланы*, *Зикхи*, *Готы*, *Руссы* и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались их союзниками на войне. От этого

Тохарское племя, скоро до чрезвычайности распространившись, сделалось могущественным и, по своей силе, неодолимым; так что, когда напали на него, как на племя возмущившееся, верховные его повелители, оно не только не поддалось им, но и еще множество их положило на месте” [Георгий Пахимер, 1862, с. 317].

Однако данное сообщение не позволяет ответить на некоторые вопросы. Во-первых, непонятно, были ли аланы среди народов Северного Причерноморья, которые подверглись нападению Ногай или же они пришли вместе с Ногаем в причерноморские степи? Во-вторых, не ясно, о каких аланах идет речь — о проживавших в степях Северного Причерноморья, об обитавших в Северо-Западном Причерноморье или о населении Крыма, проживавшем по-соседству с готами? Необходимо исходить из того, что Ногай совершал походы именно в эти регионы. Тем не менее, сам факт упоминания Георгием Пахимером аланов среди народов Северного Причерноморья, свидетельствует о том, что во второй половине XIII в. в район расселения аланов могли входить и степи Северного Причерноморья.

Несколько позже, в первой половине XV в., на Нижнем Дону в колонии Тана проживал венецианец Иосафат Барбаро, который в своем сочинении “Путешествие в Тану” оставил немало ценных сведений о татарах и народах, подпавших под их власть. Среди этих народов им упомянуты и аланы, о которых он писал: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются “Ас”. Они — христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах; там есть множество курганов, насыпанных руками человека; они возведены как знаки погребений» [Барбаро, 1971, с. 138]. В данном случае понятно, что речь идет об обитателях не только Северного Кавказа, но и причерноморских степей. Только не ясно, о каком изгнании аланов-асов с Кавказа идет речь. Как уже отмечалось, традиционным является мнение, согласно которому аланы ушли на запад с Северного Кавказа в степи Восточной Европы после событий 1238—1240 гг. [Кузнецов, 1984, с. 273]. Однако М. К. Джигоев считает, что И. Барбаро пишет о последствиях походов Тимура в Приэльбрусье в 1395 г. [Джигоев, 1982, с. 20—21]. Таким образом, И. Барбаро дает нам понять, что в первой половине XV в. в степях Северного Причерноморья и горах Северного Кавказа обитали одни те же группы аланов, которые в качестве самоназвания использовали этноним *ас*. Эту же идентичность подтверждает и другой фрагмент сочинения И. Барбаро, в котором речь идет о народах Кавказа, расположенных за народом, который населял область “Кремуку” в Прикубанье: “Дальше за этим народом лежат области, населенные племенами с различными языками, однако они не слишком удалены друг от друга. Это племена Кипке, Татаркосия, Собаи, Кевертен, *Ас*, т. е. *Аланы*, о которых мы говорили выше. Они следуют одно за другим вплоть до Менгрелии, на пространстве двадцати дней пути” [Барбаро, 1971, с. 138]. К этому следует добавить, что П. Карпини для повстречавшихся ему еще в середине 40-х гг. XIII в. в Поднепровье аланов использовал только этнический термин *алан*, хотя этнический термин *ас* ему был также хорошо известен [Карпини, 1957, с. 57, 67—68]. Следовательно, в середине XIII в. северокавказские аланы могли еще не проживать в степях Северного Причерноморья.

Кроме того, в своих записях И. Барбаро особо не отличает северокавказскую Аланию от иных территорий, где также обитали аланы. Так, в другом фрагменте своего сочинения “Путешествие в Тану” он локализует Аланию в Приазовье: “Равнина Татарии представляется человеку, стоящему посередине в таких границах: с востока она имеет реку Ледиль [Волгу. — *О. Б.*]; с запада и северо-запада — Польшу; с севера — Россию; с юга, там где земли обращены к Великому [Черному. — *О. Б.*] морю, — *Аланию*, Куманию, Газарию; последние страны все граничат с Забакским [Азовским. — *О. Б.*] морем” [Барбаро, 1971, с. 137]. В данном случае не ясно, в какой части Приазовья находилась Алания — в восточной или северной.

Данную локализацию может прояснить другой отрывок из текста его же сочинения: «Возвращаясь еще раз в Тану [как исходное место], я перехожу реку, где

раньше была *Алания*, как я сказал об этом выше, и двигаюсь направо вдоль берега Забакского моря, идя вперед вплоть до “острова Каффы”; здесь я нахожу полосу земли, которая тянется между [этим] “островом” и материком, вроде перешейка в Море, называющегося Цукала. Там [около перешейка к “острову Каффы”] находятся огромнейшие соляные озера, которые непосредственно тут же на месте и застывают. Следуя по упомянутому “острову”, раньше всего на побережье Забакского моря находится Кумания, население которой получило свое имя от племени Куманов. Затем — край “острова”, где расположена Каффа; там была Газария [область в Крыму, населенная ранее хазарами. — *О. Б.*]» [Барбаро, 1971, с. 154]. Переводчик и комментатор данного сочинения И. Барбаро — Е. Ч. Скржинская считает, что итальянский автор упомянул в данном случае “основную” Аланию, т. е. расположенную ранее в степях Предкавказья. Основанием для таких выводов стало то, что в упомянутой реке исследователь увидела Кубань, так как в тексте сочинения И. Барбаро “нет никакого упоминания ни о Кубани, ни о какой-либо реке, связанной с Аланией” [Барбаро, 1971, прим. 103]. Однако комментатор не поясняет, как мог оказаться в районе Кубани “перешейк”, соединявший Крымский полуостров с материком. Не допустила ли Е. Ч. Скржинская неверное трактование данного фрагмента текста?

В любом случае необходимо исходить из первоначального местоположения и ориентации информатора. Следует отметить, что в Тану И. Барбаро мог возвращаться Азовским морем, а не сухопутным путем. Следовательно, главным ориентиром для И. Барбаро могло являться Азовское море, т. е. в данном случае речь может идти о южной ориентации. Поэтому под рекой, “где раньше была Алания”, следует понимать не Кубань, а Дон. Это же подтверждают слова И. Барбаро: “как я сказал об этом выше”. Необходимо отметить, что в предыдущей части текста И. Барбаро подробно описал возглавляемое предводителем Индиабу аланское население в районе Таны, которое проживало там накануне монгольского нашествия [Барбаро, 1971, с. 139—140]. Данное предположение подтверждается направлением вправо — на юго-запад, если исходить из южной ориентации, в результате чего действительно можно достигнуть “перешейка” и “соленых озер”, под которыми логичнее видеть Перекоп и Сиваш. Таким образом, анализ данного фрагмента сочинения И. Барбаро позволяет согласиться с мнением Ю. С. Гаглойти: “из последующего рассказа становится ясно, что речь идет о той части алан, которые до нашествия татаро-монголов обитали в южнорусских степях, в частности в низовьях Дона” [Гаглойти, 1966, с. 215]. В связи с этим следут напомнить, что аланское христианское население могло сохраняться в Тане за несколько десятилетий до И. Барбаро, о чем свидетельствует акт Константинопольского патриархата №152 от 1356 г., в котором речь идет о специальном устранении от власти аланского митрополита Симеона [Acta Patriarchatus Constantinopolitani, 1863, с. 964; Древние акты..., 1867, с. 449—455; Кулаковский 1898б, с. 13—15].

Кроме приазовской и северокавказской Алании, И. Барбаро знает также о существовании крымской: «Далее за Каффой, по изгибу берега на Великом море находится Готия, за ней Алания, которая тянется по “острову” в направлении к Монкастро» [Барбаро, 1971, с. 157]. В данном случае выражение “*Alania, la qual va per la insula verso Monkastro*” можно трактовать двояко, ибо налицо неопределенность данной локализации. По мнению В. А. Кузнецова и Е. Ч. Скрижинской, крепость Монкастро в нижнем течении Днестра упомянута лишь для того, чтобы конкретизировать протяженность Алании к западу от Газарии [Кузнецов, 1984, с. 83; Барбаро, 1971, с. 180, прим. 127]. Ю. А. Кулаковский и Ф. Брун, наоборот, более широко трактовали сообщение И. Барбаро и видели аланское население не только в Крыму, но и в степном междуречье Днепра и Днестра. В качестве подтверждения этого Ф. Брун указывает на существование в нижнем течении Днестра селения с именем Ясска, напротив Оленешти [Брун, 1880, т. II, с. 356; Кулаковский, 1899а, с. 69]. Конечно, трудно возразить сторонникам первой версии, но все-таки

необходимо подчеркнуть, что данные письменных источников, топонимии и археологии не противоречат предположениям Ф. Бруна и Ю. А. Кулаковского.

Сведения И. Барбаро подтверждает более поздний польский автор Матвей Меховский, который говорит об Алании и аланах в XVI в. уже в прошедшем времени: “Аланы — это народ, живший в Алании, области Сарматии Европейской, у реки Танаиса и по соседству с ней. Страна их равнина без гор, с небольшими возвышенностями и холмами. В ней нет поселенцев и жителей, так как они были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, и там погибли или были истреблены. Поля Алании лежат широким простором. Это пустыня, в которой нет владельцев — ни аланов, ни пришлых”¹ [Матвей Меховский, 1936, с. 72, 152].

Таким образом, сведения позднесредневековых авторов позволяют локализовать земли аланов в XIII—XV вв. на обширном степном пространстве от низовий Дона до Днестра. Кроме того, некоторые письменные источники указывают на то, что среди этих причерноморских аланов были выходцы с Северного Кавказа, называвшие себя “Ас”.

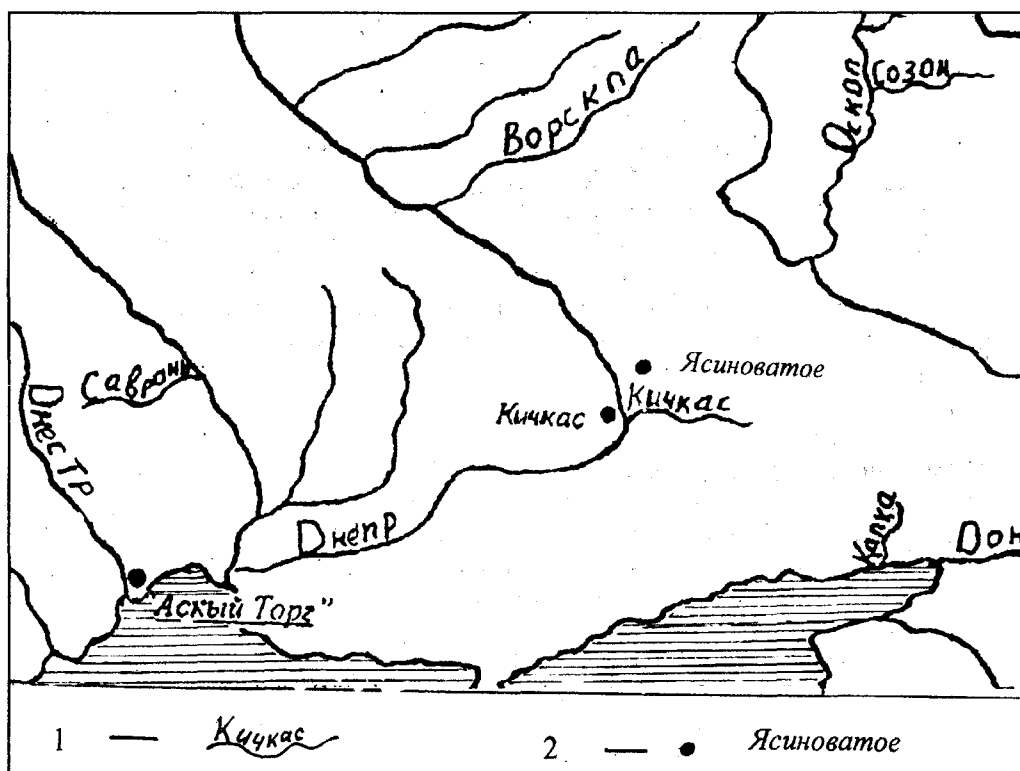

Рис. 18. Данные гидронимии и топонимии о пребывании аланов-асов в степях Северного Причерноморья:

- 1 — гидронимы иранского и тюркского происхождения;
- 2 — названия населенных пунктов

Возможно, что следы пребывания позднейших аланов сохранились в топонимах и гидронимах степной части Северного Причерноморья. В связи с этим, особый интерес представляет Нижнее Поднепровье. В данной местности, недалеко от острова Хортицы были зафиксированы левый приток Днепра и переправа **Кичкас** (рис. 18). Впервые название **Кичкас** упоминается в XVI в. Об этой переправе речь идет в записках посланника германского императора Рудольфа II — Эриха Ласоти и литовского писателя Михалона Литвина [Яворницький, 1989, с. 116]. О. Н. Трубочев,

ссылаясь на М. Р. Фасмера, склонен был связывать это наименование с тюркским словосочетанием *küçük-as* — “малый ясин, осетин” [Трубачев, 1968, с. 218]. Подтверждением этого могут являться сведения документов XVII в., где эта переправа названа *Кучкас*. Так, в 1672 г. запорожцы писали в Москву следующее: “Татари перелазять Дніпро пониже Кодака в урочищі Кучкасі” [Акты, относящиеся к истории..., 1879, с. 15; 1885, с. 92, 123, 202]. Однако в “Летописи Самовидца” Кичкас упомянут как *Кичет* [Летопись Самовидца, 1878, с. 168]. В связи с этим следует отметить, что в кипчакских языках слово *kiçu* означает переправу, брод [Радлов, 1899, т. II, стб. 1413; Русско-татарский словарь, 1984, с. 47, 397]. В данном случае возникает вопрос: не могли ли запорожцы позаимствовать от местных татар два термина для обозначения одной и той же переправы?

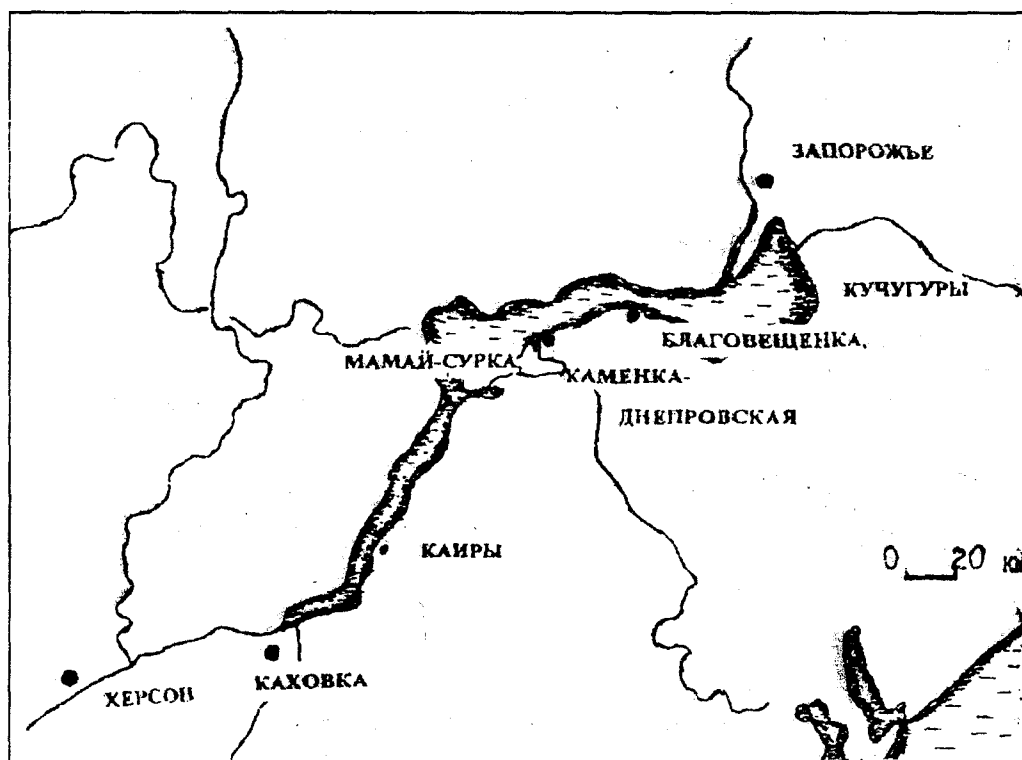

Рис. 19 Локализация христианских могильников золотоордынского времени в степном Поднепровье (по М. В. Ельникову)

С пребыванием аланов В. А. Бушаков связывает также название реки *Савранка* (*Саврань*), которая находится на правобережной степной Украине и является правым притоком Южного Буга (рис. 18) [Словник гідронімів..., 1979, с. 482]. Исследователь видит в первой части гидронима осетинский термин *sau* — “черный” [Осетинско-русский словарь, 1970, с. 366], а вторую часть названия он связывает с осетинским термином *ran* — “место” [Осетинско-русский словарь, 1970, с. 349; Абаев, 1973, с. 349—350]. Именно это дает возможность рассматривать название реки *Саврань* как производный термин от осетинского словосочетания *Sau-ran* — “Черное место”. По мнению В. А. Бушакова, аналогичное название реки — *Сауран* зафиксировано на территории Балкарии, где во времена средневековья существовал значительный массив ираноязычного аланского населения. Дж. Н. Коков и С. О. Шахмурзаев название *Сауран* также переводят с осетинского как “Черное (темное) место” [Коков, Шахмурзаев, 1970, с. 111]. Следовательно, названия рек *Сауран* на Северном Кавказе и *Саврань* на правобережной степной Украине имеют одно происхождение.

В связи с тем, что письменные источники и данные топоними свидетельствуют о нахождении в степях Северного Причерноморья позднейших аланов-асов, особый интерес могут представлять результаты археологических раскопок, которые помогли бы ответить на вопрос: какие археологические памятники XIII—XV вв. в степях Северного Причерноморья можно связать с аланами?

Как уже отмечалось, на левом берегу Нижнего Днепра находился христианский Каменский могильник (рис. 19), где погребенные принадлежали к зливкинскому антропологическому типу. По определению А. А. Козловского, только восемь погребальных комплексов содержали материал, который позволил датировать Каменский могильник XII—XIV вв. Из них пять погребений содержали инвентарь, который позволил датировать их XIII—XIV вв., т. е. золотоордынским временем. Так, погребения №№ 29, 80 и 85 содержали сережки в виде знака вопроса (рис. 20), традиционно датируемые XIII—XIV вв. В погребении № 78 было обнаружено бронзовое литое люстрице с изображением животных, что имело распространение среди кочевников в XIII—XIV вв. В погребении № 82 был обнаружен наконечник стрелы арбалета XIII—XIV вв., а также костяная обкладка для колчана того же времени с изображением животных (рис. 6, 8) [Козловский, 1992, с. 120].

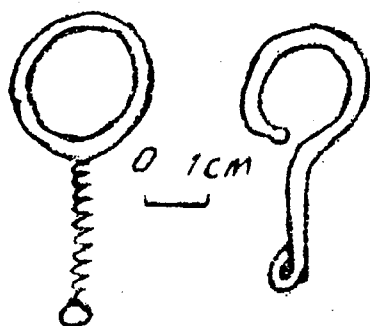

Рис. 20. Сережки в виде знака вопроса из погребений Каменского могильника, датируемых XIII—XIV вв. (по А. А. Козловскому)

Аналогичный Каменскому христианский могильник и связанное с ним поселение продолжали функционировать в золотоордынское время на левом берегу Днепра возле с. Благовещенка Каменско-Днепровского р-на Запорожской обл. (рис. 19). Местное население относилось к тому же антропологическому типу, что и обитатели соседнего Каменского могильника [Козловский, 1992, с. 160]. Из 41 грунтового погребения Благовещенского могильника в 19 погребениях был обнаружен инвентарь, который позволил А. А. Козловскому датировать памятник XII—XIV вв. По мнению исследователя памятника, вещевой комплекс из нескольких погребений могильника позволяет их датировать XIII—XIV вв., т. е. золотоордынским временем [Козловский, 1992, с. 120]. Основой для этого стали находки: в погребении № 12 — сережка с одной бусиной, относящаяся к указанному времени; в погребении № 13 — датируемый XIII—XIV вв. щитковый перстень, относящаяся к XII—XIV вв. эллипсоидная бусина и распространенные среди золотоордынцев в XIII—XIV вв. бусины из кашинной керамики (рис. 21, 1); в погребении № 14 — бусина из кашина, датируемая XIII—XIV вв.; в погребении № 24 — однобусинная сережка XIII—XIV вв., щитковый перстень с геометрическим орнаментом XIII—XIV вв. (рис. 21, 2); в погребении № 29 — однобусинная сережка XIII—XIV вв. (рис. 21, 3); в погребении № 30 — сережки в виде знака вопроса, датируемые XIII—XIV вв. (рис. 21, 4); в погребении № 35 — кашинные “вставки” полусферической формы, покрытые голубой поливой и датируемые второй половиной XIII — XIV вв. (рис. 21, 5); в погребении № 36 — бусина из кашина, изготовленная в XIII—XIV вв.

[Козловский, 1992, с. 119—120]. При исследовании связанного с могильником поселения, кроме находок домонгольского времени, был обнаружен “один фрагмент керамики среднеднепровского типа XIII—XIV вв.” [Козловский, 1992, с. 114].

Эти данные позволяют согласиться с мнением А. А. Козловского, согласно которому в Нижнем Поднепровье во второй половине XIII—XIV вв.: “продолжало сохраняться население, которое проживало в предыдущий период и, наверное, осевшая часть кочевников, выбитых из привычных условий существования монголо-татарами. Косвенным указанием на сложный этнический состав населения в Поднепровье середины XIII в. является упоминание Плано Карпини о том, что начальником одного из поселений, расположенных ниже Канева, был алан.... Население Южного Поднепровья и после монголо-татарского нашествия, очевидно, продолжало заниматься сельским хозяйством, ремеслом, обслуживало переправы через Днепр. По Южному Поднепровью проходил путь из Руси к соленым озерам, где добывали соль... Не исключено, что партнерами в этом обмене с кочевниками были и южноднепровские поселения” [Козловский, 1992, с. 162]. С полной уверенностью можно связать с этим населением средневековые могильники у сел Каменка-Днепровская и Благовещенка, население которых, возможно, являлось потомками алано-болгар, входивших в предмонгольское время в состав общности бродников. Однако данные некоторых письменных источников свидетельствуют о появлении в золотоордынское время в степях Северного Причерноморья новых аланских переселенцев. Имеются ли этому подтверждение в результатах археологических раскопок некоторых памятников, относящихся к периоду Золотой Орды?

В связи с этим особый интерес представляет грунтовой могильник, исследованный у с. Каиры в Нижнем Поднепровье. Данный памятник был обнаружен в 1953 г. Д. Я. Телегиным в северо-восточной части с. Каиры, расположенного на территории Горностаевского района Херсонской области. Могильник находился у обрыва над р. Конкой и, следовательно, относился к средневековым памятникам, расположенным на левом берегу Каховского водохранилища, т. е. в непосредственной близости от Каменского и Благовещенского могильников (рис. 19). Д. Я. Телегину удалось исследовать лишь одно погребение, располагавшееся в неглубокой яме, прикрытой плоским камнем.

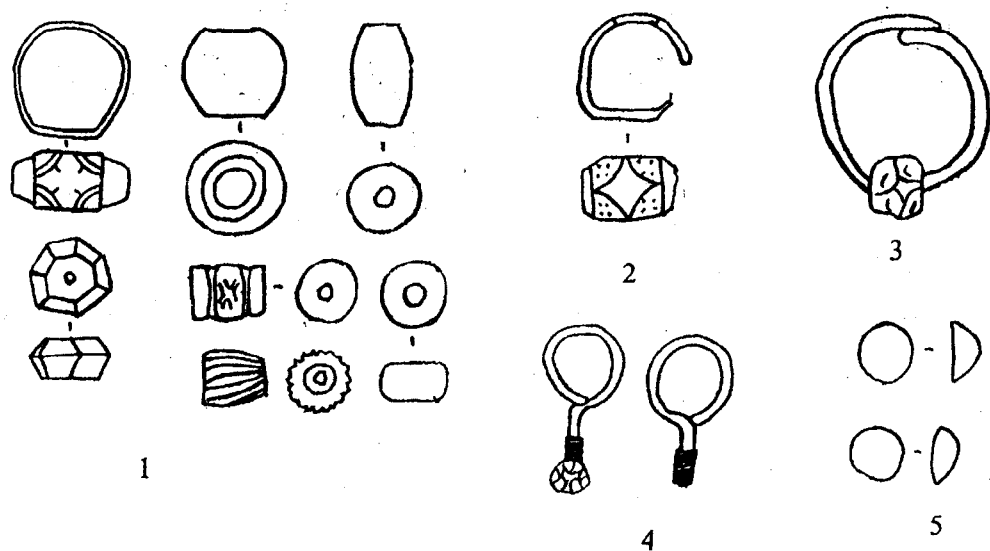

Рис. 21. Инвентарь из погребений золотоордынского времени Благовещенского могильника, датируемых XIII—XIV вв. (по А. А. Козловскому):

1 — погребение № 13; 2 — погребение № 24; 3 — погребение № 29;
4 — погребение № 30; 5 — погребение № 35

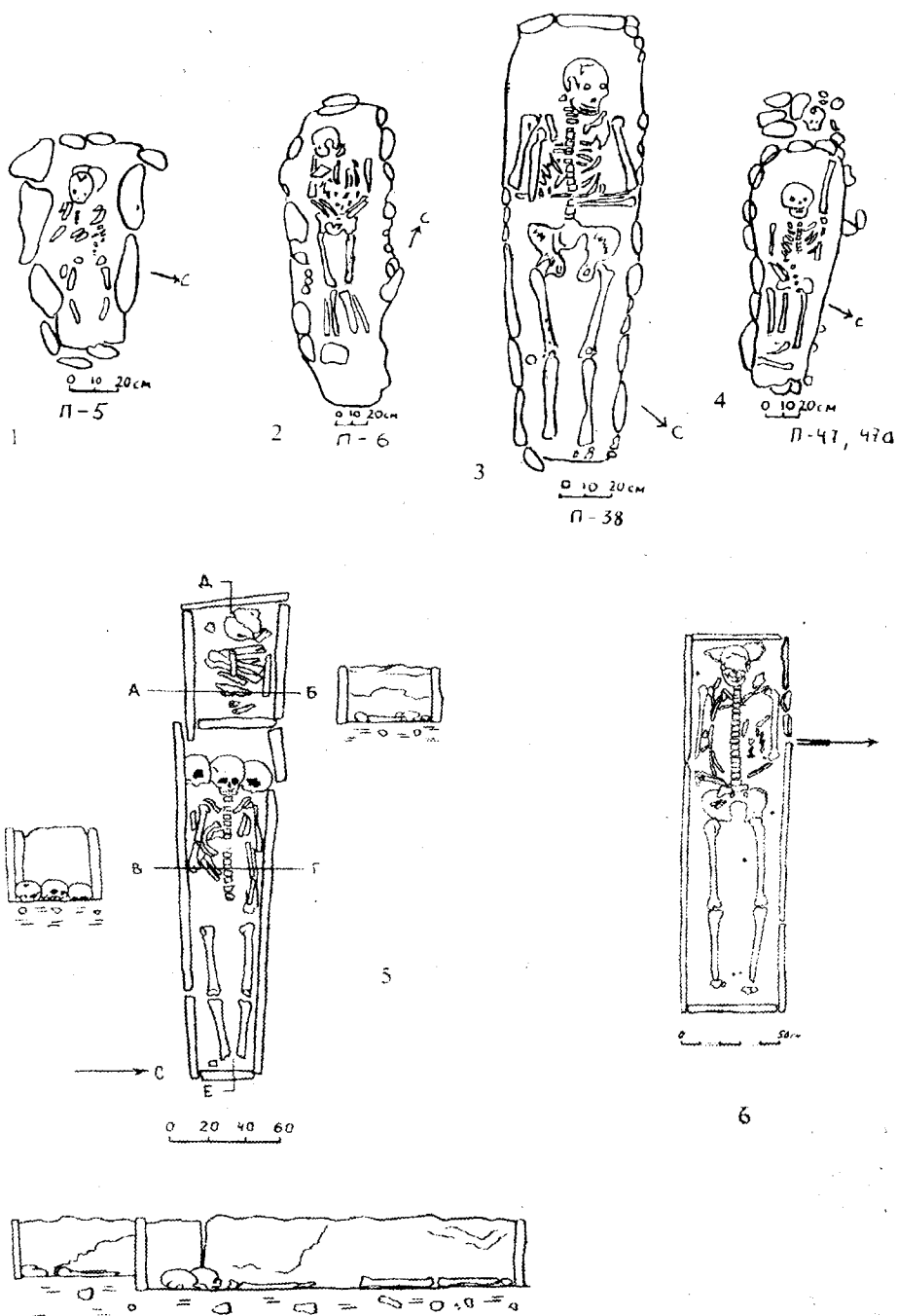

Рис. 22. Особенности погребального обряда захоронений могильника у с. Каиры в степном Поднепровье и погребений христианского кладбища близ п. Нижний Архыз на Северном Кавказе:
 1 — 4 погребения Каирского могильника (по Е. В. Махно);
 5 — 6 погребения у Нижнего Архыза (по В. А. Кузнецову)

В 1954 г. исследования на территории могильника проводила Е. В. Махно. В результате ей удалось вскрыть площадь размером 832 кв. м, где было обнаружено 89 погребений, 68 из которых находились под каменными закладками [Махно, 1954, с. 457]. Могила там располагались десятью неправильными рядами. Расстояние между рядами составляло около 3 м, а между отдельными захоронениями — 0,3-5 м. Контур погребальных ям не везде вырисовывались четко, но все же удалось установить, что длина ям была от 1,9 до 2,2 м, а ширина — от 0,4 до 0,5 м. Располагались погребения на небольшой глубине (0,5-0,8 м). Как уже отмечалось, значительное количество погребений (68) было перекрыто овальными каменными закладками из рваного камня или больших плит. Стенки 29 могильных ям были обложены камнями. В четырех ямах сохранились остатки деревянных гробов. Костяки в могильных ямах лежали на спине, головой на запад, в ряде случаев с отклонениями к югу или к северу. Примечательно, что одно захоронение имело северную ориентацию и одно — южную. Ноги погребенных, как правило, были вытянуты и разведены. Лишь в нескольких случаях они были сведены, а в одном — подогнуты и повернуты влево. Положение же рук было различным. У одних погребенных кисти либо покоились на тазе или груди, либо были вытянуты вдоль тела, у других — одна рука лежала на груди, а другая на тазе. Были и такие погребения, где одна рука лежала на тазе, а другая была вытянута. В ряде случаев положение костяков не удалось установить, так как они были разрушены (рис. 22, 1—4).

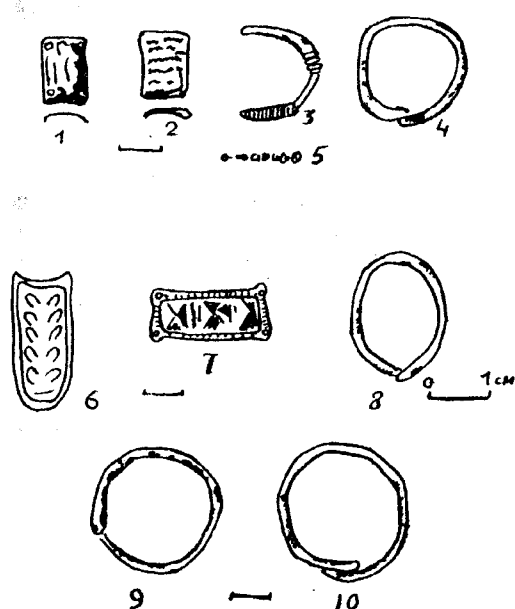

Рис. 23. Инвентарь из погребения № 19 Каирского могильника и его северокавказские аналогии:

1—5 — вещи из погребения № 19 Каирского могильника

(по Е. В. Махно);

6—7, 9—10 — вещи из погребений Змейского могильника в Северной Осетии

(по В. А. Кузнецову);

8 — вещи из захоронений кладбища Верхний Джуклат в Северной Осетии

(по О. В. Милорадовичу)

Большинство захоронений были безинвентарными. В некоторых погребениях изредка встречались бусы, пуговицы, гвозди. Только три погребения отличались от остальных относительным богатством. Так, в погребении № 19 были обнаружены два серебряных проволочных височных кольца, 11 серебряных штампованных нашивных бляшек и бисер из синего стекла (рис. 23, 1—5). А в погребении № 55 находились стеклянные бочковидные бусы и биконическое прясло, а также пуговицы из непрозрачного голубого стекла (рис. 24, 1—3). Особо же примечательным оказалось погребение № 38, в котором были обнаружены два серебряных височных кольца ювелирной работы. Одно из них имело три круглых бусины, а другое — одну большую бочковидную (рис. 25, 1—2). В этом же погребении были найдены две серебряные бусины, одна из которых имела биконическую форму, а другая напоминала бубенчик (рис. 25, 3—4).

В конечном итоге исследователю памятника Е. В. Махно удалось установить, что преобладающим типом погребального сооружения на могильнике являлись каменные ящики. Их было обнаружено 46, что составляет 60% от общего числа захоронений. Из 79 погребений 38 принадлежали взрослым, 41 — детям. Характерно также, что из 18 погребений без каменных закладок 13 принадлежали детям [Махно, 1961, с. 131—145].

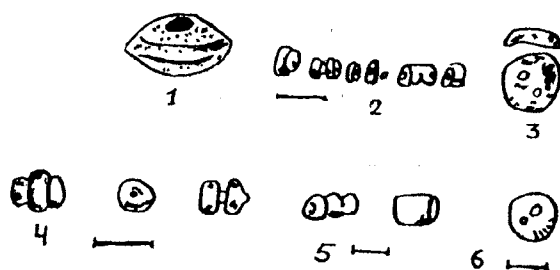

Рис. 24. Инвентарь из погребения № 55 Каирского могильника и его северокавказские аналогии:

- 1—3 — вещи из погребения № 55 Каирского могильника (по Е. В. Махно);
- 4 — бусы из захоронений Змейского могильника (по В. А. Кузнецову);
- 5 — бусы из захоронения кладбища у п. Нижний Архыз (по В. А. Кузнецову);
- 6 — пуговица с территории Ильичевского городища на Северном Кавказе (по М. Н. Ложкину)

Анализируя редкий инвентарь погребений, Е. В. Махно пришла к выводу, что население, оставившее Каирский могильник, было бедным. По ее мнению, инвентарь, содержащийся в погребении № 38 (рис. 25), мог бы помочь датировать это погребение и весь могильник в целом [Махно, 1961, с. 140]. По наблюдениям Е. В. Махно, аналогичные каирским бочкоподобные серьги были обнаружены в Токайском кладе, где имелись византийские монеты X в. [Hampel, 1905, с. 489—494]. Кроме того, вещи, аналогичные упомянутому височному кольцу, были найдены возле Старой Буды в Звенигородском районе Киевской области. Обнаруженные там колты, украшенные зернью, браслеты и перстни датируются XII — первой половиной XIII вв. [АОК, 1908, с. 177—178]. Относительно небольшие размеры Каирского могильника, компактность погребений на нем, отсутствие захоронений, перекрывающих друг друга, а также аналогии с другими объектами позволили исследователю этого памятника сделать вывод, что время существования могильника было недолгим, и определяется оно “X—XI вв. н. э., возможно даже XII в.” [Махно, 1961, с. 146].

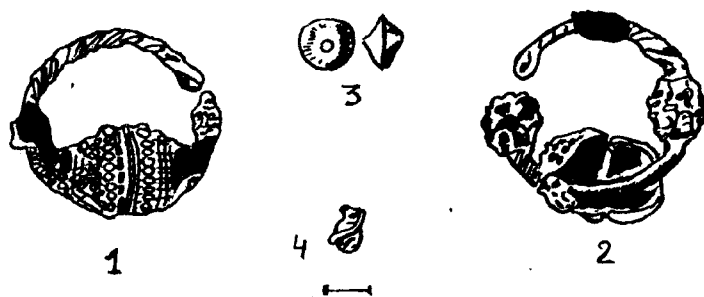

Рис. 25. Инвентарь из погребения № 38 Каирского могильника (по Е. В. Махно):

- 1—2 — серебряные височные кольца;
- 3—4 — серебряные бусы

По мнению исследователя памятника Е. В. Махно, единообразие погребального обряда на могильнике позволяет сделать вывод, что население, хоронившее здесь умерших, принадлежало к одной этнической группе. Е. В. Махно определила Каирский могильник как славянский памятник. Основанием для этого послужили некоторые аналогии в погребальном обряде славянских памятников Среднего Поднепровья, а также факт распространения височных колец, аналогичных каирским, в местах обитания восточных славян. Кроме того, в пользу этой версии могут свидетельствовать фрагменты керамики периода Киевской Руси, найденные на территории могильника [Махно, 1961, с. 146].

В этом мнении Е. В. Махно поддержала А. Т. Смиленко, которая также считает, что погребения Каирского, как и других могильников степного Поднепровья, были совершены по обряду, очень близкому тому, который существовал на древнерусских могильниках в Среднем Поднепровье. Отмеченные ею на территории Южной Руси погребения представляли собой бескурганные захоронения, нередко в деревянных гробах, с костяками в вытянутом положении, на спине, головой на запад, с различным положением рук. Есть все основания видеть в них христианские захоронения [Смиленко, 1975, с. 188—189, с. 351—352].

Относительно же присутствия на Каирском могильнике закладок А. Т. Смиленко отмечает, что “эта черта обряда была не чужда славянским погребениям XI—XII вв. в соседних западных и северо-западных областях”. По ее мнению, бескурганные погребения, перекрытые каменными плитами, известны в указанный период в Поднепровье. Там в подплитовых погребениях содержались древнерусские украшения, что, однако, не дает оснований считать данный погребальный обряд славянским. Кроме того, отмечает далее исследователь, каменные обкладки имели половецкие погребения XI—XIII вв., которые все же отличались от Каирских тем, что были подкурганными, сопровождалось захоронением коня, имели перекрытие над могилой и особое сложное устройство гробов. Но, несмотря на это, А. Т. Смиленко считает Каирский могильник древнерусским. При этом она ссылается на мужские краниологические серии данного могильника, где значительное количество погребенных было представлено долихокраным антропологическим типом. Однако сама А. Т. Смиленко вынуждена была признать, что это не является доказательством славянской принадлежности погребенных. По ее мнению, долихокраный антропологический тип мог принадлежать не только славянскому, но и аланскому населению Поднепровья [Смиленко, 1975, с. 188—189; Смиленко, 1980, с. 25, 37, 330—332].

К совершенно противоположным выводам пришла Г. П. Зиневич, которая подвергла исследованию палеоантропологический материал Каирского могильника. Проведенный ею анализ показывает, что женские черепа могильника относились к брахикранным сериям. Они, по мнению Г. П. Зиневич, обнаруживают значительное сходство с черепами Каменского могильника и в какой-то степени с черепами Зливинского могильника салтовской культуры. Очень большое сходство женская серия из Каир имеет с краниологическим материалом Большого кургана из Саркела на Дону, а также некоторую аналогию с черепами из Херсонесса, датированными X—XII вв. Мужская же серия Каирского могильника брахикранна и долихокранна с небольшой примесью мезокранов. В первую очередь, обнаруживается сходство с черепами Верхнесалтовского могильника салтовской культуры. Исходя из этого, Г. П. Зиневич пришла к выводу, что Каирский могильник ни в коем случае нельзя связывать со славянским населением Среднего и Нижнего Поднепровья. Сопоставляя брахикранные черепа из Каир с сарматскими сериями Нижнего Поднепровья, Г. П. Зиневич обнаружила их близкое сходство по большинству признаков. Это заставило ее сделать вывод, согласно которому в этногенезе населения, оставившего Каирский могильник, определенным процентом принадлежал сарматским племенам [Зиневич, 1960, с. 98—99; 1967, с. 153—159].

Примечательно в этом отношении мнение А. А. Козловского, который полностью поддерживает версию Г. П. Зиневич о неславянском происхождении Каирского могильника. Он также считает, что женский компонент населения, оставившего могильник, был местным, а мужской — пришлым. Появление Каирского могильника данный исследователь связывает с нашествием монголо-татар, которые в своем продвижении втягивали в свои ряды значительную часть покоренных народов. Известно, что до прихода в Поднепровье монголы покорили Волжскую Болгарию и аланов Предкавказья. Это позволило А. А. Козловскому сделать предположение о том, что часть этих народов продвинулась в южнорусские степи и осела в Нижнем Поднепровье, оставив после себя Каирский и аналогичные ему могильники [Козловский, 1992, с. 159—162]. Основанием для таких предположений стал проведенный исследователем анализ инвентаря из погребений Каирского могильника. В результате А. А. Козловский пришел к следующим выводам: “Из 89 погребений можно выделить только четыре комплекса с датирующими вещами. Погребение № 19 датируется фрагментарной трехбусинной серьгой киевского типа XI—XIII вв. Погребение № 33а по пуговице из кашинной керамики — XIII—XIV в. Погребение № 38 по серьге с тремя ажурными бусинами — XI—XIII вв. (рис. 25, 2) и серьге с напускной бусиной, украшенной зернью и сканью (рис. 25, 1), аналогии которой известны в Поволжье, в XII—XIV вв. Погребение № 55 датируется пуговицей из кашина XIII—XIV вв. (рис. 24, 3), а также зонными синими бусинами X—XII вв. (рис. 24, 2). Таким образом, могильник существовал в пределах XII—XIV вв.” [Козловский, 1992, с. 120—121]. А это в конечном итоге не противоречит его же версии о функционировании могильника в золотоордынское время. Кроме того, А. А. Козловский отметил, что погребальные сооружения, подобные каирским, в предмонгольский период получили распространение в Крыму и на Северном Кавказе [Козловский, 1992, с. 30].

Действительно, в эпоху средневековья аналогичные каирским захоронения были распространены в Крыму и на Северном Кавказе. В Крыму неглубокие могилы подпрямоугольной формы обкладывались по бокам пилеными известняковыми блоками или необработанными плитами из местного сланца. Перекрытия изготавливались из таких же плоских плит. Погребенные в плитовых могилах лежали на спине, головой на запад, кисти их рук при этом находились в области таза, на груди. В плитовых могилах Крыма, как и в захоронениях Каирского могильника, очень редок инвентарь. Все это позволило большинству исследователей считать их христианскими [Баранов, 1990, с. 106—108; Фронджуло, 1974, с. 146—147].

По мнению И. А. Баранова, плитовые могилы появились в Крыму в VIII—IX вв., что было связано с иконопочитательской иммиграцией из Малой Азии [Баранов, 1974, с. 154]. По мнению же А. И. Айбабина, в Крыму уже в первые века новой эры некоторые христианские захоронения перекрывались сверху не только каменной плитой, но и обкладывались по краям и на дне каменными плитами, в чем чувствовалось византийское влияние [Айбабин, 1998, с. 20]. К XIII в. данный тип погребальных сооружений получил широкое распространение на территории Крыма, что убедительно подтверждается данными археологии [Орлов, 1979, с. 114—129; Фронджуло, 1974, с. 146—151].

Как уже отмечалось, женские черепа из Каирского могильника обнаруживают некоторые аналогии с краниологическими сериями из Херсонеса, датированными X—XII вв. [Зиневич, 1967, с. 158]. Однако приведенные факты все же не позволяют говорить о крымском происхождении Каирского могильника, потому что на Каирском могильнике в среде женского населения преобладал брахикранный антропологический тип, который, скорее всего, являлся традиционным для местных жителей и находит прямые аналогии на соседнем Каменском могильнике. Мужские же долихокранные серии на Каирском могильнике являлись привнесенными извне. Привнесенной была и традиция обкладывать могильные ямы каменными плитами. Вполне вероятно, что появление в степном Поднепровье погребений в каменных

ящиках и расселение там носителей долихокранного морфологического типа — это взаимосвязанные явления. Если бы погребенные на Каирском могильнике своим происхождением были связаны с Крымом, то на данном некрополе не было бы зафиксировано такое широкое распространение долихокранных краниологических серий. Известно, что у обитателей средневекового Крыма получил распространение брахикранный и мезокранный морфологический тип [Зиневич, 1973, с. 61, 78, 91]. Поэтому в данной ситуации пока преждевременно говорить о крымском происхождении обитателей Каир. К тому же у нас нет сведений о переселении населения Крыма на север, в степи Нижнего Поднепровья, так как письменные источники XI—XIV вв. не содержат никакой информации о предпосылках такой миграции.

Более предпочтительной представляется гипотеза о северокавказском происхождении населения, оставившего Каирский могильник. Как уже отмечалось, для мужского компонента на могильнике было характерно преобладание длинноголовых серий верхнесалтовского типа, которые в начале II тыс. могли сохраниться, прежде всего, на Северном Кавказе в Алании. Палеоантропологические исследования, проведенные в западной части Центрального Кавказа, свидетельствуют в пользу того, что на территории Западной Алании в предмонгольский период продолжал доминировать грацильный, узколицый, длинноголовый тип, аналогичный верхнесалтовскому [Алексеев, 1993, с. 279—284]. К сожалению, антропологами для краниологической характеристики населения Каирского могильника не были привлечены синхронные серии с Северного Кавказа.

Общность Каирского могильника и некрополей Северного Кавказа обнаруживается также в конструкции погребальных сооружений. Как отметил В. А. Кузнецов, на западе и востоке Алании в первые века II тыс. в погребальном обряде возобладали местные традиции и на смену погребениям в скальных и земляных катакомбах пришли захоронения в каменных ящиках [Кузнецов, 1973, с. 69—70]. Примечательны в этом отношении могильники у Мошевой балки на р. Большая Лаба и у городища Нижний Архыз.

Наиболее изученными оказались могильники у Нижнего Архыза. Погребальный обряд там был устойчивым: захоронения совершались в каменных ящиках, где погребенные лежали на спине, с вытянутыми конечностями, головой на запад. В некоторых ящиках встречались парные захоронения мужчин и женщин, но большая часть содержала индивидуальные погребения (рис. 22, 5—6). Инвентарь был крайне редок, что в конечном итоге позволяет считать данные захоронения христианскими. Однако в некоторых могилах были зафиксированы и устойчивые языческие черты — обязательное наличие древесного угля, мела, реальгар в виде кирпичной крошки и т. п. Совокупность всех этих данных позволила В. А. Кузнецову датировать погребения в каменных ящиках близ Нижнего Архыза XI—XIV вв. [Кузнецов, 1971, с. 182—185; 1993, с. 157—185].

Инвентарь, найденный на Каирском могильнике, отнюдь не является основным этномаркирующим признаком населения, оставившего этот некрополь. Выделенные Е. В. Махно височные кольца также не могут свидетельствовать о славянском происхождении обитателей Каир (рис. 25, 1—2). Данная продукция славянских ювелиров могла попасть в Нижнее Поднепровье и в результате торгового обмена. К тому же не следует забывать, что среди женской половины обитателей Каир были представители местного населения, проживавшего здесь и в домонгольское время и имевшего довольно длительное время постоянные культурные и торговые связи с жителями Среднего Поднепровья. Это подтверждают находки серьг именно в женском погребении № 38, датированные А. А. Козловским XI—XIII вв. и XII—XIV вв. (рис. 22, 3; 25, 1—2) [Козловский, 1992, с. 120—121].

Анализ же остальных вещей, найденных на Каирском могильнике в погребениях №№ 19, 138 и 55, позволяет дополнить наблюдения А. А. Козловского и говорить именно об их северокавказском происхождении. Так, обнаруженные в погребении

№ 19 серебряные проволочные височные кольца, у одного которых концы не сомкнуты, (рис. 23, 3—4) находят аналогии в бронзовых и медных изделиях Змейского и Верхнеджулатского могильников (рис. 23, 8—10), время существования которых относится к предмонгольскому периоду. В этом же погребении были найдены 11 штампованных прямоугольных бляшек с отверстиями для нашивания на одежду. Одна из них была украшена геометрическим орнаментом в виде двух рядов треугольников, а все остальные — растительным орнаментом (рис. 23, 1—2). Подобные, но не идентичные изделия были обнаружены в катакомбах Змейского могильника. Орнамент и технология их во многом сходны с каирскими (рис. 23, 6—7).

В погребении № 55 Каирского могильника были найдены 23 стеклянные бочкоподобные бусины темно-синего цвета. Некоторые из них являлись двойными или тройными (рис. 24, 2). В эпоху средневековья подобные изделия из стекла получили широкое распространение на Северном Кавказе, о чем свидетельствуют находки из катакомб Змейского могильника и из подземного склепа X—XII вв. у п. Нижний Архыз (рис. 24, 4—5). Найденная в этом же погребении пуговица из голубой пасты с двумя отверстиями (рис. 24, 3) подобна изделию, обнаруженному на территории Ильичевского городища (X—XI вв.), которое расположено в западной части Центрального Кавказа (рис. 24, 6).

Таким образом, представленный в Каирах вещевой комплекс находит аналогии не только в Восточной Европе, но и на Северном Кавказе. А это не противоречит версии о переселении части населения северокавказской Алании в степи Нижнего Поднепровья. Каирский могильник не единственный в степном Поднепровье. Подобные ему могильники были обнаружены в Солонянском районе Днепропетровской области на о. Кизлевом и в Вильнянском районе Запорожской области близ села Ясиноватое. На о. Кизлевом были обнаружены 3 погребения. Погребенные там лежали в узких прямоугольных ямах, выложенных поставленными на ребро гранитными камнями. Ориентированы костяки были головой на запад. Возле одного из погребенных была найдена истлевшая узкая сабля с перекрестьем. Помимо могильника на острове имелся богатый подъемный материал. А напротив, на правом берегу, находилось поселение XII—XIII вв., что позволило датировать могильник этим же временем [Козловский, 1984, с. 24, 47; Козловский, 1992, с. 29].

На могильнике у с. Ясиноватое (рис. 18) на левом берегу Днепра было обнаружено 12 погребений, которые находились на склоне балки. Захоронения там располагались отдельными группами. Погребения либо были окружены обкладкой из камней, либо перекрыты сплошной каменной закладкой. Во всех погребениях прослеживались ямы подовальной формы. Все погребенные лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, с сезонными отклонениями. Руки у них были вытянуты вдоль туловища, иногда — слегка согнуты в локтях. Ноги вытянуты, за исключением одного погребения, где ноги ребенка были подогнуты. Из 12 захоронений лишь три принадлежали взрослым, остальные — детям от 6 месяцев до 11—12 лет. Инвентарь был крайне редок. Так, в двух детских погребениях были обнаружены бусины, в одном зафиксированы 3 астрагала и в одном детском — нож и астрагал. Во всех захоронениях взрослых найдены железные черешковые ножи. В некоторых погребениях прослеживались следы истлевшего дерева, возможно, остатки гробов. Исследователи, на основании анализа вещевого материала, датируют памятник IX—X вв. [Козловский, 1984, с. 29, 46; Козловский, 1992, с. 27], хотя можно допустить и более позднее происхождение могильника. В связи с этим особый интерес представляет название современного поселения — *Ясиноватое*, возле которого был обнаружен могильник. Не отражает ли данный топоним память о том, что здесь когда-то проживали аланы-ясы?

Весьма проблематично определить, являлись ли средневековые обитатели Каир и подобных им поселений аланами, или же они представляли собой иное горное население, переселившееся во времена Золотой Орды с Северного Кавказа в степи

Северного Причерноморья. Но, как уже отмечалось, данные письменных источников и топонимики не противоречат версии о пребывании северокавказских аланов-асов в степном Поднепровье. Исходя из этого, мы имеем определенные основания для отождествления части средневековых обитателей Каир с северокавказскими аланами.

Переселенцы с Северного Кавказа на Каирском могильнике были представлены, в первую очередь мужским населением — наиболее подвижной частью аланского общества. Именно, это, по нашему мнению, могло привести в конечном итоге к смешанным бракам между мужчинами-аланами и женщинами — представительницами местного населения, что убедительно подтверждается антропологическим материалом. Так как на Каирском могильнике женское население относилось к местному населению, представленному краниологическими брахикранными сериями зливкинского типа, такими как на соседнем Каменском могильнике, а мужские серии при этом принадлежали к пришлому долихокранному населению, близкому по происхождению жителям Верхнего Салтова хазарского времени и Северного Кавказа предмонгольского периода [Зіневич, 1960, с. 98—99], то вполне можно согласиться с предположениями А. А. Козловского, согласно которым “наиболее подвижной группой при любых миграциях были мужчины, а нехватка женщин пополнялась за счет местного населения” [Козловський, 1992, с. 158].

Не вызывает возражений предположение, согласно которому между аланами-мужчинами Каир и женщинами из средневековых поселений возле Камянки, Благовещенки и других мест установились матримональные связи. Судя по захоронениям женщин в Каирах, такие браки имели патрилокальный характер, что не противоречит христианским традициям. Этому в значительной степени могло способствовать не только территориальное соседство, но и принадлежность к одной православной христианской конфессии, общность культуры и занятий, а также возможное осознание своей этнической близости, если исходить из того, что носители зливкинского антропологического типа представляли собой потомков алано-болгар.

Отсутствие на Каирском могильнике женских долихократных серий позволяет говорить о том, что мужчины переселились с Северного Кавказа без своих семей. Именно это может свидетельствовать не о бегстве, в связи драматическими событиями, разыгравшимися на Северном Кавказе в 1238—1239 гг., а об организованном золотоордынской администрацией переселении мужского населения в военных или экономических целях. Наличие среди переселенцев только мужчин может свидетельствовать о том, что они попали в степи Северного Причерноморья в качестве воинского подразделения и впоследствии были оставлены в Нижнем Поднепровье как военный гарнизон. Длительность пребывания на новом месте могла обусловить возникновение брачных связей с женщинами из соседних поселений. Вопрос в том: кем и когда было осуществлено данное переселение?

Трудно допустить, чтобы уже в первой половине XIII в. во время своих походов монголы стали бы проводить такую четко спланированную деятельность по заселению степей Северного Причерноморья. Если бы северокавказские аланы в этот период были в составе их войска, то они бы осели на более западных пограничных территориях Золотой Орды. Результаты археологических раскопок свидетельствуют о том, что только во второй половине XIII в. население причерноморской части Половецкой степи стало восстанавливаться за счет возвращения беженцев на прежние территории. А это может свидетельствовать о том, что в это время в Золотой Орде наступил период стабилизации и монгольская администрация была заинтересована в экономическом восстановлении региона. Археологическим доказательством данных процессов может являться находка богатого половецкого погребения в Чингульском кургане на территории Запорожской обл., которое датируют именно второй половиной XIII в. [Отрощенко, 2000, с. 81—89]. По наблюдениям В. Л. Егорова, с середины 50-х гг. XIII в. при хане Берке в

Золотой Орде начался бурный период градостроительства, что обусловило начало экономического роста регионов золотоордынского государства [Егоров, 1985, с. 77—78]. Появление новых поселений в районе Нижнего Поднепровья должно как раз указывать на это. В то же время, с какими событиями, происшедшими в Золотой Орде во второй половине XIII в., следует связывать появление военного гарнизона северокавказских аланов в Нижнем Поднепровье?

В связи с этим особый интерес представляет предположение Пфафа, согласно которому “аланы в XIII в. выселились из Северного Кавказа к берегам Черного моря, где и приняли власть Ногай” [Сборник сведений о кавказских горцах, 1871, с. 50]. Действительно, еще при золотоордынском хане Берке (1257—1266 гг.) Ногай в должности темника, благодаря своим родственным связям с ханским двором и успешным войнам с Хулагуидами, выдвинулся на первые позиции в Золотой Орде. На протяжении четырех десятилетий Ногай официально оставался темником и правителем западных областей золотоордынского государства, куда первоначально входили степи от Дона до Днепра и Крым. Впоследствии к своим владениям Ногай присоединил земли на запад от Днепра вплоть до Балкан [Греков, Якубовский, 1950, с. 83—87; Егоров, 1985, с. 33—34]. В 70-е гг. XIII в. темник Ногай отделился от власти ханов Золотой Орды и основал в Северном Причерноморье свой улус. По словам Ю. А. Кулаковского, “улус Ногая обнимал огромную страну от Яика до Дуная” [Кулаковский, 1899, с. 67]. Следовательно, в состав владений Ногая входили не только степи Северного Причерноморья, но и владения на Северном Кавказе. Естественно, без сильного боеспособного войска Ногай не смог бы достиг такого политического могущества.

Как свидетельствуют мусульманские источники, во времена правления хана Берке в 1262—1265 гг. Ногай возглавлял золотоордынские войска в войне против хулагуидского Ирана на Восточном Кавказе [Рашид ад-Дин, 1946, с. 59—60]. Вполне возможно, что с этими событиями на Кавказе можно связать сообщение Абул-л-Фиды, которое отражает ситуацию на Северном Кавказе до смерти хана Берке в 1266 г.: “Крепость ал-Алан [аланов], которая является одной из крепостей мира, с чалмой из облаков [окружена облаками. — *О. Б.*]... Она [крепость] находится на вершине горы, которая в стороне Баб ал-Хадид. Говорят, что татары натерпелись от нее [крепости] много горя и взяли ее только хитростью через некоторое время.” [Aboulféda, 1840, p. 203—204; 1848, Т. II, p. 286—288]. Понятно, что в данном случае речь идет не о взятии Дедакова, который был разрушен золотоордынскими войсками лишь в 1277 г. Следовательно, в период правления Берке, т. е. с 1257 г. по 1266 г. возле Дарьяльского прохода золотоордынскими войсками могла быть взята одна очень значительная крепость аланов, находившаяся в высокогорье. И не исключено, что войска побежденных аланов были включены в состав войска Ногая и использовались на Восточном Кавказе против хулагуидских войск.

Уже в 1264 г. по заданию хана Берке Ногай начал боевые действия на Балканах [Егоров, 1985, с. 33]. Следовательно, уже в 1262—1264 гг. он мог поселить часть северокавказских аланов в Нижнем Поднепровье для контроля политической ситуации в этой части его владений. Кроме того, Ногай, переселяя с Северного Кавказа аланов, мог практически ослабить на Северном Кавказе позиции еще не до конца покоренных жителей горной части Алании.

Данное предположение не противоречит следующему сообщению Георгия Пахимера о действиях Ногая: “Посланный от берегов Каспийского моря начальником своего народа, носившими названия ханов, с многочисленными войсками из туземных Тохарцев, которые назывались Монголами, он напал на племена, обитавшие к северу от Эвскинского Понта” [Георгий Пахимер, 1862, с. 317]. Вполне возможно, что в составе этих войск уже могли находиться северокавказские аланы.

То, что такое переселение аланов-асов в причерноморские степи с Северного Кавказа, не было добровольным, подтверждает сообщение И. Барбаро: «Название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке

называются “Ас”. Они — христиане и были изгнаны и разорены татарами. Страна лежит на горах, на побережьях, на равнинах» [Барбаро, 1971, с. 138]. Связываемые с северокавказскими аланами погребения в каменных ящиках на Каирском могильнике могут свидетельствовать о том, что это переселение коснулось, в первую очередь, населения высокогорной Алании, которая, как отмечалось выше, была покорена монголо-татарами лишь во второй половине XIII в. Для сравнения напомним, что на христианском могильнике возле городища Верхний Джулат — на территории равнинной Северной Осетии — в предмонгольское время умерших погребали не в каменных ящиках, а в деревянных гробах [Милорадович, 1963, с. 87—106].

Территориально, хронологически и этнически со средневековыми обитателями Каир, Благовещенки и Каменки было связано население, оставившее после себя недавно открытый большой могильник Мамай-Сурка. Могильник Мамай-Сурка расположен на левом берегу Каховского водохранилища именно там, где на юг от него находится Каирский могильник, а на северо-восток — Каменский и Благовещенский могильники (рис. 19). Рядом с могильником Мамай-Сурка находилось уничтоженное водами водохранилища Знаменское городище золотоордынских времен, население которого и могло оставить этот могильник. До 1999 г. на могильнике Мамай-Сурка удалось исследовать 973 погребения, а вплоть до конца 2001 г. их уже было исследовано 1129. Все эти погребения были расположены правильными рядами. Среди них было обнаружено восемь парных захоронений (0,7 %) — женщины с младенцами. 66% погребений содержали инвентарь, который позволил датировать могильник концом XIII — началом XV вв., т. е. периодом Золотой Орды [Ельников, 2000а, с. 114—115; 2000б, с. 45—50, 52; 2001].

По предварительным данным Л. В. Литвиновой, палеоантропологическая серия из могильника Мамай-Сурка имеет морфологическое сходство с аборигенным населением Нижнего Поднепровья (могильники Каменка, Каиры), с сериями салтовской культуры, аланскими сериями Северного Кавказа, отмечена также определенная связь с сериями Южной Руси [Литвинова, 1997, с. 33]. До 2001 года была исследована серия, состоявшая из 37 черепов: 20 мужских и 17 женских. В результате более тщательный анализ лишь подтвердил предыдущие выводы: “Изучение краниологической серии из могильника Мамай-Сурка свидетельствует о неоднородном составе и о наличии нескольких антропологических типов среди населения Южного Поднепровья в эпоху средневековья. По результатам сравнительного анализа, краниологическая серия из могильника Мамай-Сурка морфологически близка сериям из могильников Каменка и Каиры, сериям алан и болгар территории Украины, Молдовы, Нижнего Поволжья и Северного Кавказа, а также наблюдается некоторое морфологическое сходство со сборными сериями полян. Отмечено отсутствие морфологической связи с половцами Калмыкии и кочевниками Нижнего Поволжья” [Литвинова, 2001, с. 197—200].

Все эти особенности, по мнению исследователя памятника М. В. Ельникова, “свидетельствуют о неоднородном составе населения, которое оставило могильник, что в свою очередь, отображает историческую ситуацию этого региона в золотоордынский период” [Ельников, 2000б, с. 51]. Таким образом, имеются основания считать, что на могильнике Мамай-Сурка могли быть похоронены аланы, которые имели как местное, так и северокавказское происхождение.

Особый интерес представляет погребальный обряд могил этого некрополя, а также некоторые вещи, которые имели культовое назначение. Погребения там осуществлялись на глубине 0,3–1,8 м в грунтовых ямах прямоугольной, трапецеобразной и овальной форм, большинство из которых были ориентированы по линии юго-запад — северо-восток. Некоторые могильные ямы имели заплечики (3%) и остатки деревянных гробов (9 %). Большинство похороненных находилось в извлеченном положении на спине, головой на юго-запад — запад, с отклонениями. Положение рук покойников было разнообразным. Иногда встречались отклонения

от распространенного на могильнике обряда: покойники находились либо в сидячем положении; либо вытянуто на животе, лицом вниз; либо вытянуто на спине, со слегка подогнутыми ногами, положенными на правую сторону. Несмотря на то, что 66 % погребений имели инвентарь, есть основания считать их христианскими. В пользу этого могут свидетельствовать некоторые вещи, имевшие культовое назначение: энколпион (рис. 26, 1), часть диадемы (рис. 26, 2), нательные крестики (рис. 26, 3), фрагменты керамики с начерченным крестом (рис. 26, 4). Учитывая наличие в погребениях могильника Мамай-Сурка черт как языческого, так и христианского культа, М. В. Ельников сделал вывод: "...население могильника продолжало применять отдельные правила и нормы старой обрядности даже при выполнении основных канонов новой, в частности, христианской религии" [Ельников, 2000б, с. 50—52].

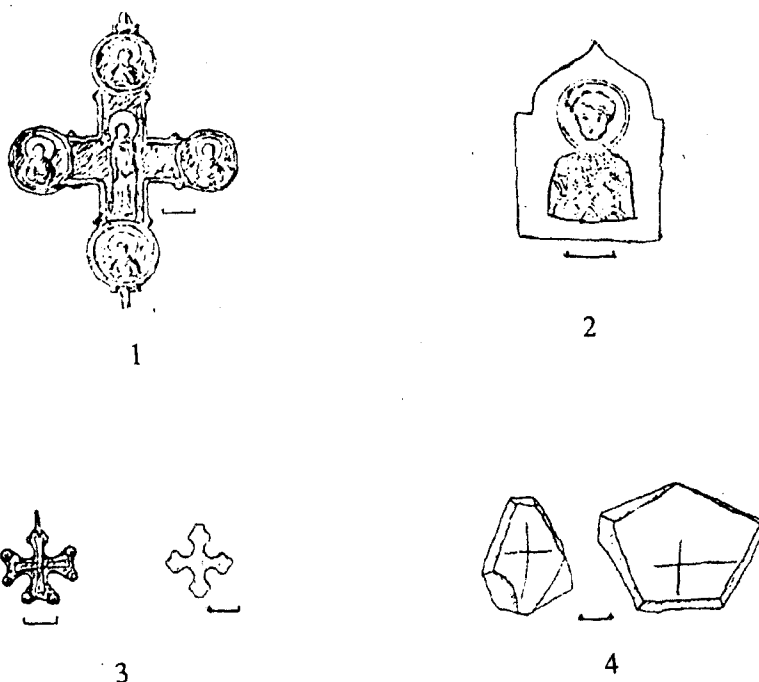

Рис. 26. Предметы христианского культа из погребений могильника Мамай-Сурка (по М. В. Ельникову):

- 1 — энколпион; 2 — часть диадемы; 3 — нательные крестики;
4 — фрагменты керамики с начерченным крестом

Что же касается других вещей, найденных на могильнике Мамай-Сурка, то важное значение имеют выводы М. В. Ельникова об их происхождении: "Комплекс находок из могильника Мамай-Сурка отличается разнообразием. Здесь представлены предметы быта, культовые вещи и украшения, изучение которых позволяет определить торговые связи и занятия, особенности некоторых сторон жизни населения, оставившего один из крупнейших в Восточной Европе грунтовых могильников золотоордынского времени. В целом состав инвентаря и размеры погребальных конструкций Мамай-Сурки характерны для памятников степного населения нижнеднепровского региона, таких как Каиры, Каменка, Благовещенка, Кучугуры и ряда других могильников и поселений сопредельных регионов." [Ельников, 2001, с. 166]. Необходимо отметить, что на данном памятнике были найдены вещи, имевшие северокавказское происхождение. К их числу следует отнести "туалетный набор", который включал копоушку и ногтечистилки (рис. 27, 1), что, по определению М. В. Ельникова, "подобно, выявленным в погребениях

Северного Кавказа X—XIII вв.” [Ельников, 2000б, с. 45, 50]. Не меньший интерес представляет находка железного креста (рис. 27, 2), размерами 24,5х11,7 см, аналогии которому, по заключению М. В. Ельникова, “известны на Кубани и в Северной Осетии и относятся к кавказско-византийскому типу” [Ельников, 2001, с. 19—20].

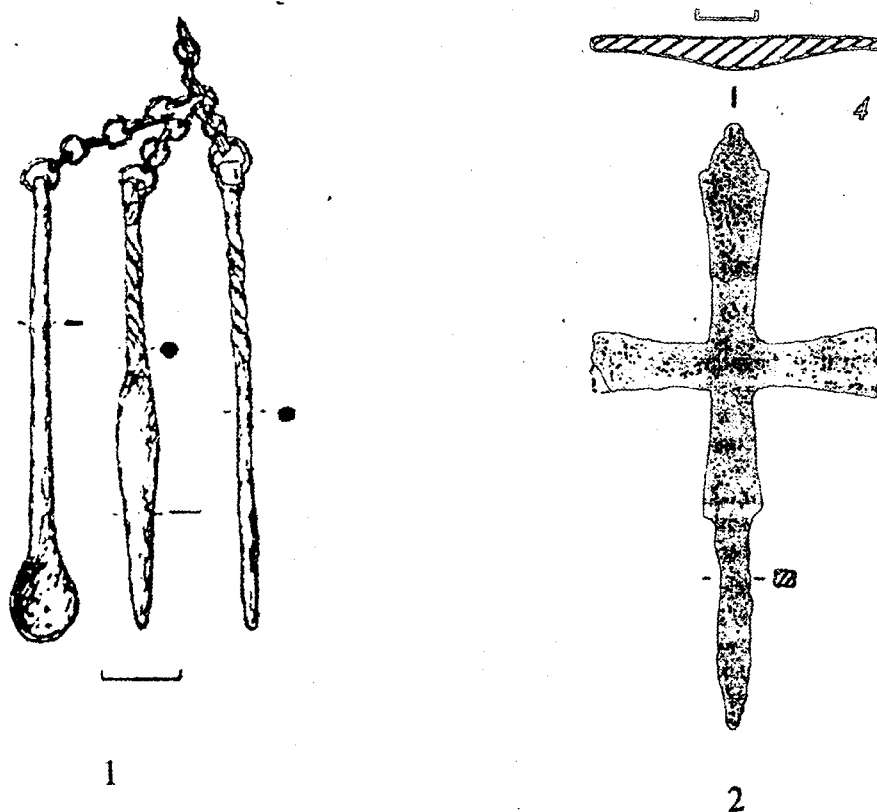

Рис. 27. Вещи северокавказского происхождения из захоронений могильника Мамай-Сурка (по М. В. Ельникову):
1 — туалетный набор; 2 — железный крест

В данной ситуации нельзя полностью согласиться с предположением исследователя, что такое разнообразие вещей было обусловлено лишь “широкими экономическими контактами”, в результате чего “к населению, оставившему Мамай-Сурку, поступали предметы не только из степи, но и вещи из Среднего Поднепровья, Крыма, золотоордынских городов, Волжской Булгарии, Северного Кавказа и, возможно, Ирана” [Ельников, 2000б, с. 50]. Результаты же сравнительного анализа краниологических серий из могильника Мамай-Сурка с материалами из других могильников Золотой Орды, наоборот, свидетельствуют о постоянном проживании в данном месте выходцев именно из других регионов золотоордынского государства [Литвинова, 2001, с. 197—200]. Следовательно, можно говорить о существовании в золотоордынское время на месте Мамай-Сурки крупного экономического и торгового центра, население которого было сформировано не только из местного населения, но и из числа выходцев из различных мест Золотой Орды. Кроме того, вследствие сложных политических событий в Северном Причерноморье во второй половине XIV в. Мамай-Сурка, Каиры, Каменка, Благовещенка и другие поселения левобережного Нижнего Поднепровья стали пограничными поселениями между Великим княжеством Литовским и Золотой Ордой. А это должно было обусловить особую заинтересованность золотоордынских ханов в сохранении и развитии этих центров.

Обращает на себя внимание то, что в Мамай-Сурке, Каирах, Каменке, Благовещенке и других аналогичных стационарных центрах в золотоордынский период преобладало христианское население. Однако это вовсе не означает, что здесь не было поселений мусульман.

А. А. Козловский особо отметил частично раскопанный могильник, расположенный в Нижнем Поднепровье на территории средневекового поселения Игрень 8. Там удалось исследовать всего четыре погребения — три взрослых и одно детское. Все погребенные лежали в ямах, обложенных плоским кирпичем. Только в одном погребении кирпича не было. Над двумя погребениями удалось проследить надгробия, выложенные из кирпича, а в одном случае — из камня. Все погребенные лежали вытянуто на спине, головой на запад. Положение рук было разнообразным. Погребения были безинвентарными. По мнению А. А. Козловского, такие “безинвентарные погребения в кирпичных ящиках характерны для золотоордынского времени и встречаются в Поволжье”, т. е. относятся к числу мусульманских [Козловский, 1992, с. 28, 30].

По данным В. Л. Егорова, во второй половине XIII — XIV вв. на левобережье Нижнего Днепра существовали несколько поселений, основу населения которых составляли мусульмане. К их числу следует отнести значительное по размерам Кучугурское городище, расположенное недалеко от г. Запорожье. На его территории были обнаружены остатки кирпичной мечети с минаретом. На основании результатов археологических исследований и данных письменных источников, В. Л. Егоров сделал вывод, что данный город “являлся административным центром большой области” и его можно соотнести с золотоордынским городом Шехр ал-Джедид. Кроме того, исследователь отметил, что в “Книге Большому Чертежу” на расстоянии 60 верст от Днепра существовало “Городище Конское”, где ко времени составления этого географического свода сохранилось “7 кешеней татарских мечетей”. Кроме того, на левом берегу Нижнего Днепра путешественники часто фиксировали остатки мечетей, вполне соотносимые с золотоордынским временем. Данные о распространении ислама в регионе в золотоордынское время подтверждают не только результаты археологических раскопок, но и сведения топонимического характера. Так, вблизи с. Каиры существовало золотоордынское городище с мечетью на притоке Днепра, который имел название *Мечетный Каир* [Егоров, 1985, с. 84—87].

К сожалению, золотоордынские поселения в регионе до сих пор остаются малоизученными. Тем не менее, можем с полной уверенностью констатировать, что в золотоордынское время в Нижнем Поднепровье мирно сосуществовали крупные центры, из которых в одних преобладало христианское население, а в других — мусульманское. В данном факте можно видеть не только проявление религиозной толерантности правящих кругов Золотой Орды, но и закономерность, выразившуюся в равноправном положении обеих религий на пограничных территориях золотоордынского государства. Поэтому особый интерес может представлять сообщение Георгия Пахимера о судьбе народов Северного Причерноморья: “... с течением времени соседние, живя в тех краях, племена, которые Аланы, Зикхи, Готы, Русы и многие другие, изучив их язык и вместе с языком, по обычаю, приняв их нравы и одежду, сделались их союзниками на войне. От этого Тохарское племя, скоро до чрезвычайности распространившись, сделалось могущественным” [Георгий Пахимер, 1862, с. 316—317]. По нашему мнению, в данном случае речь идет не об этнокультурной ассимиляции народов Северного Причерноморья монголо-татарами, а об их полной интеграции в золотоордынское общество.

Неизвестно, к какой епархии Константинопольского патриархата принадлежали аланы-христиане Нижнего Поднепровья. Однако можно предположить, что переселенные с Северного Кавказа аланы могли продолжать подчиняться Аланской митрополии, центр которой во второй половине XIII в. продолжал находиться на Северном Кавказе, а в первой половине XIV в., как уже отмечалось, был перенесен в г. Тану (Азак) на Нижнем Дону [Кулаковский 1898б, с. 13—15]. На основании сказанного выше, можно констатировать, что такие христианские могильники в Нижнем Поднепровье, как Мамай-Сурка, Каиры, Каменка, Благовещенка и другие прекратили

свое функционирование не потому, что местное население приняло ислам, а вследствие причин иного характера.

Исходя из расположения погребений и размеров Каирского могильника, исследователь памятника Е. Б. Махно пришла к выводу, что время существования могильника не было длительным [Махно, 1961, с. 146]. Однако, как уже отмечалось, анализ погребального инвентаря из Каирского, Каменского и Благовещенского могильников позволил А. А. Козловскому датировать наиболее поздние погребения этих могильников XIV в. [Козловский, 1992, с. 120—121], т. е. речь может идти об их функционировании вплоть до конца XIV в.

В связи с этим особый интерес представляют сведения персидских историков Низам ад-Дина Шами и Шереф ад-Дина Йезди о маршруте похода Тимура в Восточную Европу летом 1395 г., согласно которым Тимур проводил боевые действия против войск Тохтамыша именно в степном Днепровско-Донском междуречье и при этом достиг реки “Узи”—Днепра (рис. 5), но не форсировал ее [Тизенгаузен, 1941, с. 120—122, 182—183]. Поэтому имеются основания связывать эти события с упадком многих золотоордынских центров в Нижнем Поднепровье, в том числе поселений христиан в Каирах, Каменке и Благовещенке. Вполне возможно, что население этих центров было либо уничтожено Тимуром, либо вынуждено переселиться в новые места.

Что же касается жителей Мамай-Сурки, то следует обратить внимание на следующий вывод М. В. Ельникова: “По инвентарю могильник датирован концом XIII — началом XV в., основное количество находок относится к XIV в. Специфические признаки могильника Мамай-Сурка позволяют сделать предположение о сложении в данном регионе локальной группы, принявшей участие в формировании украинской народности” [Ельников, 2000б, с. 52].

Как уже отмечалось, сведения И. Барбаро позволяют считать, что еще в первой половине XV в. аланы, как отдельная этническая группа сохранялись в степях Северного Причерноморья [Барбаро, 1971, с. 138]. Информация же Матвея Меховского, который говорит об причерноморской Алании и аланах в XVI в. в прошедшем времени, и, согласно которой они “были выгнаны и рассеяны по чужим областям при нашествии врагов, и там погибли или были истреблены”, позволяет считать, что уже к этому времени северопричерноморские аланы прекратили свое существование как отдельная этнокультурная общность [Матвей Меховский, 1936, с. 72, 152]. Но все же невероятным кажется предположение Матвея Меховского о полном истреблении северопричерноморских аланов соседями во второй половине XV — начале XVI вв. Именно во второй половине XV в. Золотая Орда распалась на отдельные улусы [Греков, Якубовский, 1950, с. 406—430], среди которых значительные позиции имело объединение причерноморских ногайцев [Гоман, 2002, с. 14—16]. Вполне возможно, что уцелевшие после этих политических перемен северопричерноморские аланы могли в качестве родо-племенных подразделений войти в состав формирующегося ногайского этноса. Не случайно в более позднее время в состав причерноморских ногайцев входили роды, которые назывались *Асс* [Бушаков, 1992, с. 14].

В связи с изложенным выше возникает вопрос: могли ли северокавказские аланы-асы в золотоордынское время поселиться не только в районе Нижнего Поднепровья, но и в степях соседнего Крымского полуострова? Однако решить данный аспект проблемы невозможно, не имея четкого представления о происхождении позднейшего ираноязычного населения Крыма.

¹ *Alani fuere gentes in Alania, regione Sarmatiae Europianae flumini Tanai contiguae et conterminae. Et est regio plana sine montibus, paucas simositates et colles habens. Caret colonis et habitatoribus, quoniam ab invasoribus eiecti et dispersi in alienis provinciis consumpti et extincti sunt. Stant campi Alaniae late profusi, tam Alanis, quam advenis possessoribus orbati ac deserti.*

Глава IX. Аланы Крыма в XIII—XV вв. и их участие в этногенезе населения полуострова

Крым являлся тем регионом, где еще накануне монгольской экспансии существовал значительный процент аланского населения. Об этом может свидетельствовать, прежде всего, текст “Аланского послания” епископа Феодора, который посетил Крым во времена константинопольского патриарха Германа II, то есть с 1222 г. по 1240 г. [Кулаковский, 1898а, с. 11]. Если исходить из того, что в данном документе монголо-татары еще не упомянуты в Крыму, то можно высказать предположение, согласно которому Феодор посетил Крым между 1222 г. и 1238 г. Как свидетельствует текст письма Феодора к патриарху Герману II, Феодор был назначен епископом к северокавказским аланам, но по дороге из Никеи он вместе со своим отцом вынужден был высадиться в Херсоне. В Херсоне он нашел себе покровителя, который не смог защитить Феодора от преследований. Случай помог Феодору и его спутникам убежать из города и оказаться среди аланов, которые проживали тогда рядом с Херсоном. О них Феодор писал: “Близ Херсона живут аланы сколько же по своей воле, сколько и по желанию Херсонцев, словно некое ограждение и охрана (города)”. Феодор аланов, которые жили “в аланском селении неподалеку от Херсона”, назвал “малыми аланами”. Находясь среди аланов Херсонской епархии, Феодор отметил, что эти аланы восприняли христианство поверхностно: “Они же по истине — были стадо, рассеянное по горам, пустыням и пропастям земным, не имеющее ни стойла, ни навеса, выставленное на пожирание (диким) зверям. Не было пасущего их, хотя благовестие было для многих. Но это не было бы дозволено и желающим, ибо они вовсе не слышали, каким должен быть епископ”. Кроме этого, Феодор отметил, что аланы жили и в самом Херсоне [Кулаковский, 1898а, с. 17—18].

Пребывание Феодора среди “малых аланов” и миссионерская деятельность среди местной паствы вызвали беспокойство Херсонского епископа, который увидел в деятельности Феодора нарушение своих прав и привлек его к суду. По словам Феодора, “этот старец, и из давнего времени епископствовавший, считал для себя смертью, что Аланы были у нас, или скорее, что мы были в Херсоне” [Кулаковский, 1898а, с. 18—19]. По мнению авторов работы “Жизнь и гибель Херсонеса”, «независимое поведение херсонского архиепископа в то время объясняется ослаблением власти вселенского патриарха во времена господства “латинян”» [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 332]. Вследствие действий херсонского епископа Феодор и его отец зимой отправились дальше на восток морским путем и с большими трудностями достигли берегов Боспора, где к своей пастве должен был пристать отец Феодора. Тем не менее правитель Боспора не разрешил епископу приступить к выполнению своих обязанностей и не пустил его на территорию епархии. Феодор сообщает: “Когда нам не разрешили вступить туда, мы обратились в другую страну, более обширную и более суровую, что нам ни предстояло испытать. Отец (мой) остался там среди самого небольшого числа Алан... А мы направились в середину Скифии на 60 дней пути” [Кулаковский, 1898а, с. 18—19].

По мнению Ю. А. Кулаковского, Феодор был поставлен епископом северокавказских аланов и успешно проповедовал среди крымских аланов, так как сам он был “алан по происхождению” [Кулаковский 1898а, 9]. Если это действительно так, то и отец Феодора, назначенный епископом Боспорской епархии, также должен был являться аланом. Учитывая это можно предположить, что и среди христиан Боспора были аланы.

Земли Крыма были тем местом, где аланы впервые могли познакомиться с христианством и уже во времена раннего средневековья начали придерживаться этой религии. По данным А. И. Айбабина и И. А. Завадской, первые христианские

общины на полуострове появились в Херсонесе в конце III — в начале IV вв., а в конце IV в. была создана Херсонская епархия [Айбабин, 1998, с. 7—14; Завадська, 2000, с. 13—14]. Тогда же, в III в., в Крыму появились аланы, которые могли оставить после себя Т-образные в плане склепы. В самом Херсонесе в то время приобрели распространение склепы с лежанками, которые могли быть оставлены представителями различных этнических групп, в том числе аланами (наличие черепов с искусственной деформацией). Аналогичные процессы происходили и на территории Европейского Боспора. В конце III в. на Боспор проникает христианская религия и в начале IV в. там формируется христианская община. Накануне гуннского нашествия население Боспора оставалось полиэтническим и среди этого населения были потомки сарматов и аланов. Даже после официального принятия христианства в V в. покойников на Боспоре продолжали хоронить в склепах с лежанками [Айбабин, 1998, с. 7—14; 1999, с. 29—30, 49, 52].

После гуннского нашествия в V в. изменилась этнополитическая ситуация в Северном Причерноморье, что, прежде всего, затронуло аланов Крыма. Учитывая это, А. И. Айбабин считает: “Аланы, после захвата гуннами крымских степей, ушли со склонов Третьей гряды в глубь гор, оставив могильники в Нейзаце, Дружном и Перевальном. В самом начале V в. на склонах, заселенных аланами и германцами [готами. — О. Б.] Второй гряды — в Скалистом, у подножия Баклы и Мангупа, и Первой гряды — в Лучистом возникли новые некрополи с типичными для алан склепами и подбойными могилами. Еще одно аланское племя обосновалось в низовьях реки Черная на склоне высоты Сахарная Головка около середины V в. Аланы осели в регионе, занятом родственными племенами и германцами” [Айбабин, 1999, с. 82]. Тогда на Боспоре этнический состав населения существенно не изменился, о чем могут свидетельствовать результаты археологических раскопок [Айбабин, 1998, с. 14].

Свидетельством этого может быть один из склепов катакомбного типа, выявленный в 1890 г. близ Керчи на горе Митридат. На стенах катакомбы сохранились фрески с греческими надписями, которые позволили датировать ее 491 г. Одна из надписей на стене имела содержание: “Святой Боже, святой крепкий, святой бессмертный, помилуй раба своего Савагу и Фиаспарту”. Приведенные имена *Савага* и *Фиаспарта* Ю. А. Кулаковский признал антропонимами восточноиранского (осетинского) происхождения. А это, по мнению исследователя, может свидетельствовать “о сарматской национальности христиан, похороненных когда-то в нашей катакомбе”. На основании этого и данных эпиграфических надписей Пантикапея исследователем был сделан вывод “о факте непрерывного существования туземного населения на Боспоре до конца V в.” [Кулаковский, 1891, с. 1—25].

В VI—VII вв. усилилось присутствие Византии на Крымском полуострове, вследствие чего в состав империи вошел не только Херсон, но и Боспор. Это в значительной степени оказывало содействие распространению христианства на полуострове, что отвечало политическим целям Византийской империи в регионе. Наиболее весомые позиции в этот период начала приобретать христианская церковь в Юго-Западном Крыму в Херсоне. По наблюдениям И. А. Завадской, “в середине — второй половине VI в. христианизация населения Херсона достигает высочайшей степени” [Завадська, 2000, с. 15]. Эти процессы также затронули и жителей области Дори, где проживали аланы и готы, что отразилось в традициях и погребальном обряде местного негреческого населения. В крепости Ески-Кермен и Чуфут-Кале византийцы сооружают базилики. Местное алано-готское население начинает носить пряжки и перстни с христианским декором и монограммами, кресты, амулеты. Под влиянием христианства произошли изменения в погребальном обряде — на Южном побережье уже хоронили не только в склепах, но и в обычных для византийских христиан плитовых могилах, а на Ески-Кермене — в могилах, вырубленных в скалах. Со второй половины VII в. на горнокрымских могильниках устанавливают

христианские надгробия. Тем не менее, по определению А. И. Айбабина, обряд погребения еще мало отличается от предшествующего [Айбабин, 1998, с. 20; 1999, с. 91, 161].

В VIII—IX вв. значительная часть Крыма, кроме Херсона, была оккупирована хазарами. Это был период противостояния Византийской империи и Хазарского каганата в Крыму. В это время, по мнению авторов книги “Жизнь и гибель Херсонеса”, даже вблизи Херсона состоялись изменения в этническом составе населения: “Местное византизированное население практически растворило в себе в процессе ассимиляции осевших здесь тюрко-болгар, в свою очередь смешанных с алано-готами” [Сорочан, Зубарь, Марченко 2000, 217]. Несмотря на присутствие хазар, на территории Крыма среди местных этносов продолжало распространяться христианство. Об этом могут свидетельствовать результаты раскопок некрополей того времени, где покойников хоронили в склепах, подбоях, плитовых могилах, грунтовых могилах, и т. п. Подавляющее большинство похороненных в этих могилах лежали в вытянутом положении на спине головой на запад или северо-запад, в чем следует видеть влияние христианства. По наблюдениям А. И. Айбабина, “с начала VIII в. в Юго-Западном Крыму под влиянием христианства уже не погребали в традиционных для алан подбойных могилах” [Айбабин, 1999, с. 197—200]. Изменение погребального обряда может свидетельствовать об изменении идеологии — в хазарский период произошел переход аланов Юго-Западного Крыма от языческих верований к христианской религии. В VIII—IX вв. в Крыму начали распространяться плитовые могилы, что, по мнению И. А. Баранова, стало следствием иконоборческой иммиграции из Малой Азии [Баранов, 1974, с. 154]. В послехазарское время плитовые могилы получили широкое распространение на территории Крыма, что следует связывать с распространением христианства [Фронджуло, 1974, с. 146—151; Орлов, 1979, с. 114—129].

В этот период произошли события, связанные с деятельностью епископа Готии Иоанна. Это может свидетельствовать о существовании на Крымском полуострове не только Херсонской, но и новой епархии, подчиненной Константинопольскому патриархату. Как уже отмечалось, с готами были связаны и аланы горного Крыма, а это может означать, что в хазарское время они также являлись христианами. Как свидетельствует “Житие Иоанна Готского”, в 786—787 гг. состоялось противостояние между хазарской администрацией и местной властью Готии. Вследствие этого хазары ввели в местную крепость Дорос воинский гарнизон. Население Готии не захотело мириться с этим и подняло восстание против хазар во главе с епископом Иоанном Готским. Тем не менее, восстание было подавлено, а Иоанн был отправлен хазарами в заточение в Фуллы, откуда он бежал в Амастриду [Васильевский, 1912, с. 396—417]. Это был период, когда в Византийской империи шла борьба между иконоборцами и почитателями икон, где к числу последних принадлежал Иоанн. Ситуация с Готской епархией также свидетельствует о том, что христианское население оккупированных хазарами земель Крыма в этот период продолжало относиться к Константинопольскому патриархату. По мнению А. И. Айбабина, настоящей причиной восстания в Готии было то, что болгары, пользуясь поддержкой хазар, селились в горном Крыму, “тесня аланские и готские общины” [Айбабин, 1998, с. 24].

“Житие Иоанна Готского” содержит информацию о *Фуллах*. Упоминается эта местность также в “Панонском житии” Константина (Кирилла) Философа. В нем говорится о том, что в 861 г. на обратном пути от ставки хазарского кагана к Херсону Константин посетил Фуллы, где ему пришлось распространять христианство и вести борьбу с почитанием деревьев, что приобрело распространение “во фульсте языци” [Климент Охридски, 1973, с. 135, 153]. Термин “фульский язык”, по мнению Ю. Кулаковского, может означать не только определенное место, но и “этнические особенности его населения”. “Но если, — отмечает далее Ю. Кулаковский, — житие указывает нам на особую народность, то мы не вправе пренебрегать этой чертой, и

это тем более, что исторические свидетельства позволяют нам найти в Крыму христианское население, отличавшееся по национальности от греков и готов. Разумеет Алан". Учитывая это, исследователь склонен был локализовать Фуллы неподалеку от Сугдеи (Судака), где также проживало аланское население, — на месте Старого Крыма (Сурхата) [Кулаковский, 1898в, с. 194—202]. В свою очередь, авторы монографии "Жизнь и гибель Херсонеса" считают, что до прибытия Константина жители Фулл все таки оставались христианами, а кир Фулл мог быть "крещенным гото-аланом" [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 239]. В связи с этим необходимо отметить, что в золотоордынский период в городе Старый Крым (Солхат) письменными источниками действительно было зафиксировано аланское население [Тизенгаузен, 1884, с. 54—63]. Поэтому гипотеза Ю. Кулаковского о нахождении аланов в данном районе Крыма заслуживает особого внимания.

В VIII в. в состав Константинопольского патриархата уже входило пять архиепископий Крыма: Херсонская, Боспорская, Готская, Сугдейская и Фулльская [Васильев, 1927, с. 210—211]. Исходя из того, что на территории этих епархий проживало аланское население, есть основания считать, что уже тогда аланы Восточного и Южного Крыма принадлежали к византийской православной церкви. Таким образом, данные археологии и письменных источников свидетельствуют о том, что аланы Крыма в VIII—IX вв. перешли в христианство, т. е. на несколько столетий раньше, чем их северокавказские соплеменники, у которых, по данным Ю. А. Кулаковского, христианство начало распространяться лишь в начале X в. [Кулаковский, 1898б, с. 1—9]. Кроме того, в соответствии с данными исследований преимущественно археологического характера, происхождение средневековых крымских аланов следует связывать с миграцией сармато-аланского населения из степей Северного Причерноморья на юг Крымского полуострова вследствие давления кочевников во времена Великого переселения народов [Пиоро, 1990, с. 114—160; Веймарн, Айбабин, 1993].

По наблюдениям исследователей, списки епархий Константинопольского патриархата, в соответствии с их порядковым номером, отображали ранг архиепископий Крыма. Так, во времена императора Льва VI Мудрого (886—911 гг.) крымские архиепископии были расположены следующим образом: 21 место — Херсон, 40 — Боспор, 46 — Готия, 47 — Сугдея и 48 — Фуллы. Во времена императора Алексея Комнина (1081—1118 гг.) эти же епархии были названы в той же последовательности, но уже под номерами: 16, 26, 29, 34, 35, 36. В конце XIII в. епархии Крыма были преобразованы в митрополии. В списке, составленном во времена императора Андроника Палеолога Старшего (1282—1328 гг.), Готская митрополия заняла 83-е место, Боспорская — 94-е, Сугдейская — 96-е. Что касается Херсонской епархии, то именно в данный период она была также повышена рангом. В XIV—XV вв. в Крыму продолжали существовать Херсонская, Готская, Боспорская и Сугдейская митрополии, о чем имеется свидетельство в документах Константинопольского патриархата. Относительно судьбы Фулльской архиепископии необходимо привести мнение Ю. А. Кулаковского, согласно которому в конце XIII в. она была соединена с Сугдейской [Кулаковский, 1898в, с. 174—175, 197; Бертье-Делагард, 1920, с. 35—36, 128—135].

Необходимо отметить, что в хазарский и половецкий периоды существование аланского населения в степях Крыма не было зафиксировано ни письменными источниками, ни археологическими раскопками. Судьба крымских аланов до XIII в. была полностью связана с Византией, в сферу влияния которой входили земли Южного и Восточного Крыма. Следствием этого стало распространение греко-византийского христианства среди местных аланов. Этому процессу в особенности подверглись аланы, проживавшие в районе Херсона. Относительно этого Н. М. Богданова отметила: "Аланы защищали город от набегов; исповедуя христианство, они подчинялись главе херсонской православной кафедры. Уже на основании этого было бы логично предположить, что часть алан могла жить в самом

городе. Однако археологические материалы предоставляют конкретные доказательства. К их числу следует отнести аланские графиты, обнаруженные на керамических изделиях и подтверждающие то, что аланы, которые жили в Херсоне, входили в состав торгово-ремесленного населения города» [Богданова, 1991, с. 112]. Тем не менее, только лишь в первой половине XIII в. появились первые свидетельства письменных источников о распространении христианства среди аланов Крыма, что может свидетельствовать о завершении процесса христианизации этого населения. Существование христианского аланского населения в XIII в. в Крыму подтверждает не только епископ Феодор, но и другие, более поздние авторы.

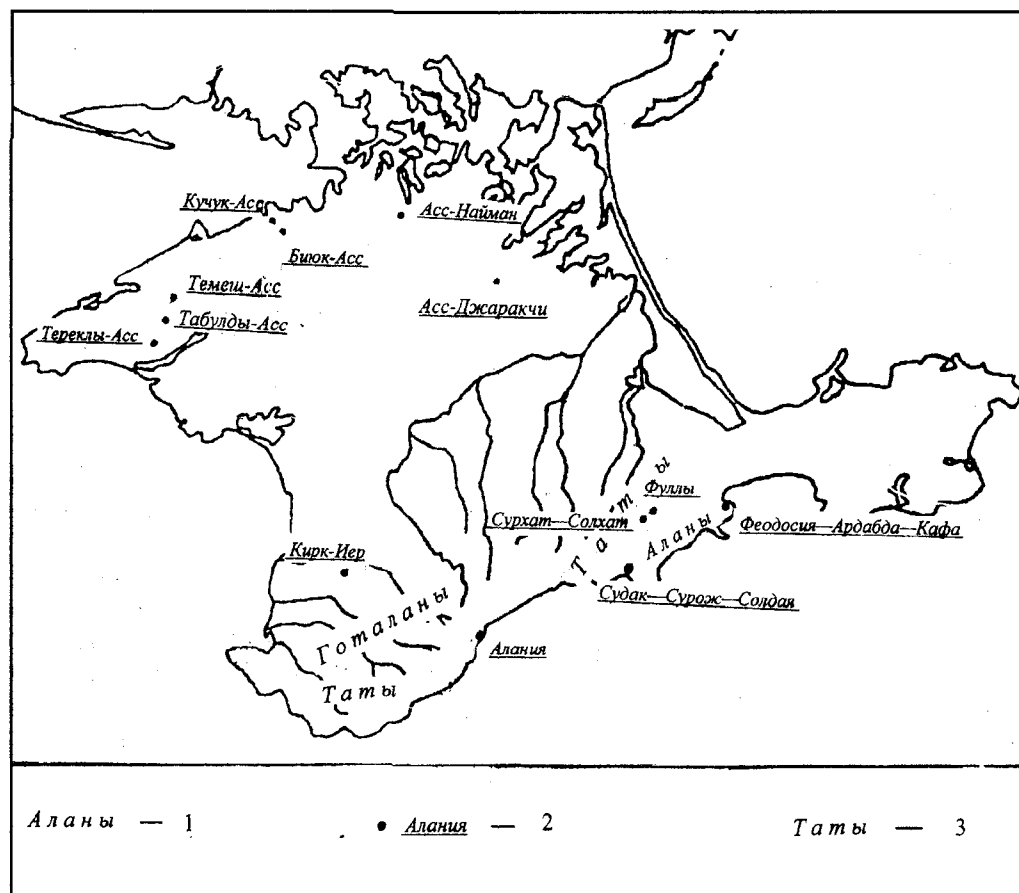

Рис. 28. Данные топонимии и письменных источников о расселении аланов в Крыму в период средневековья:

- 1 — территории, заселенные аланами в XIII—XV вв.;
- 2 — города и поселения с аланским населением;
- 3 — территории, заселенные татарами в XV—XIX вв.

После 1238 г. монголо-татары утвердились не только в степях Крыма, но и захватили морской берег от Кафы до Сугдеи (Судака). Таким образом значительная часть полуострова вошла в состав Золотой Орды. В этот период возросла роль Сугдеи (Судака), которая пользовалась самоуправлением, но платила дань хану Батыю [Кулаковский, 2002, с. 175]. Сюда же прибыл посол французского короля Людовика Святого — Гильом Рубрук, который в мае 1253 г. отправился на корабле из Константинополя в Крым. Вскоре он достиг первого населенного пункта татар — г. Солдаи (Судака). Однако городские власти Солдаи в ту пору отсутствовали — они отправились к хану Батыю для уплаты дани. Тогда Г. Рубрук, руководствуясь советами

константинопольских купцов, решил на воловьих упряжках отправиться в путь сам. 1 июня Г. Рубрук со своими спутниками отправился через горы и степи Крыма с намерением достичь Перекопа. Вскоре в пути им повстречался Скатай, местный владетель татар, с которым находились “христиане, Русские, Греки и Аланы, которые хотят хранить свой закон” [Рубрук, 1957, с. 105].

Упоминание аланов вблизи Судакa отнюдь не случайно. Существует мнение, что топоним *Судак* (рис. 28) имеет аланское происхождение. Некоторые исследователи на основании церковного предания склонны считать, что этот город был основан в 212 г. [Бертъе-Делагард, 1920, с. 133; Заметки..., 1863; Древние акты..., 1867]. В некоторых списках древнерусских летописей, в “Слове о полку Игореве” [Слово о полку Игореве, 1987, с. 30, 58] и в “Житии Стефана Сурожского” [Васильевский, 1915] Судак был известен под названием *Сурож*. Западноевропейские авторы использовали относительно этого города термин *Солдая* [Рубрук, 1957, с. 88; Секиринский, 1955, с. 73—94; Тунманн, 1991, с. 36]. Арабоязычным авторам монгольской эпохи Ибн ал-Асиру, Ибн абд-аз-Захыру, ал-Муфаддалю, Ибн Баттуте, ал-Айни и персидскому историку Рашид ад-Дину было свойственно называть данный город *Судак* [Тизенгаузен, 1884, с. 26, 28, 47—48, 63, 66, 303, 502; 1941, с. 33—34]. Персоязычный автор XIII в. Ибн ал-Биби относительно данного города использовал название *Сугдак* [Якубовский, 1928 с. 54—55, 57, 66].

Многие исследователи считали, что название этого города связано с пребыванием здесь аланов и является производным от аланского (осетинского) термина *sygdæg / sugdæg* — “святой, чистый”. По их мнению, данный топоним Крыма и название страны в Средней Азии — *Согд* имеют одно происхождение [Абаев, 1979, с. 188—189; Брун, 1880, с. 122; Василевский, 1915, CLVI—CLIX; Бартольд, 1963, с. 815; Добродомов, 1981, с. 41]. В. И. Абаев считал, что термин *sugdæg* происходит от древнеиранского *suxta-ka*, что связано своим происхождением с глаголом *sauk* — “гореть, жечь”. В пользу данного предположения может свидетельствовать также термин *sug*, который до сих пор используется в осетинском языке для обозначения дров. Огонь был священным для древних иранцев и поэтому имеются основания считать, что термин *sugdæg* своим происхождением был связан именно с этой священной стихией [Абаев, 1979, с. 188—189]. Однако И. А. Баранов, А. В. Гадло и А. И. Айбабин высказали предположение, что в город Судак в VII—VIII вв. был основан сугдами — адыгскими переселенцами из низовий Кубани [Баранов, 1989, с. 47; Баранов, 1991, с. 145, 147, 149; Гадло, 1991, с. 100; Айбабин, 1999, с. 194].

Далее Г. Рубрук сообщает, что уже в степях Крыма через несколько дней “накануне Пятидесятницы” (7 июня) к ним пришли “некие Аланы, которые именуются там Аас, христиане по греческому обряду, имеющие греческие письмена и греческих священников”. По выражению Г. Рубрука, были “они не схизматики, подобно Грекам, но чтут всякого христианина без различия лиц”. Насколько упомянутые аланы имели далекое представление о христианстве, свидетельствует то, что они принесли Г. Рубруку и его спутникам во время поста мясо. Это позволило путешественнику сделать вывод: “они не знали времени поста и не могли соблюдать его, даже если бы знали”. Учитывая это, Г. Рубрук считал, что эти аланы “не знали ничего, имеющего к христианскому обряду, за исключением только имени Христова” [Рубрук, 1957, с. 106].

В связи с сообщением Г. Рубрука, об аланах степей Крыма, “которые именуются там Аас”, имеет смысл поддержать предположение А. И. Айбабина, согласно которому в Крыму эти “асы появились вместе с татаро-монголами” [Айбабин, 1999, с. 147]. Поэтому уместно напомнить мнение В. А. Кузнецова о существовании в домонгольское время двух больших этнополитических объединений аланов на Северном Кавказе, где западное называлось *асы* [Кузнецов, 1962, с. 131]. Как уже отмечалось, данный исследователь считает, что в 1238 г. вследствие нападения монголо-татар на Северный Кавказ именно асы пострадали в большей степени и поэтому мигрировали как на Дальний Восток, так и на Запад — в степи Восточной

Европы [Кузнецов, 1971, с. 45]. Это подтверждает также упомянутое нами сообщение автора XV в. И. Барбаро, согласно которому “название Алания произошло от племен, именуемых аланами, которые на их собственном языке называются *Ас...* и были изгнаны и разорены татарами” [Барбаро, 1971, с. 138]. Весьма примечательно, что живших вблизи Солдаи (Судака) аланов Г. Рубрук просто назвал “Аланы” [Рубрук, 1957, с. 105], что может свидетельствовать об определенных различиях среди аланского населения Крыма в середине XIII в.

О существовании алано-асского населения в степном Крыму могут свидетельствовать топонимические названия (рис. 28). Так, известно, что в Симферопольском и Джанкойском уездах существовали урочища под названием *Асс*, а в Евпаторийском уезде — поселение *Биук-Асс (Большой Асс)*, *Кучук-Ас (Малый Асс)*, *Темеш-Асс Табулды-Асс* и *Тереклы-Асс*. Под Джанкоем были известны поселения: *Асс-Джаракчи* и *Асс-Найман* [Кулаковский, 1899а, с. 65; Маркевич, 1928, с. 28; Крымська область, 1974, с. 66]. К этому следует добавить также ойконим *Асс-Джаркин* [Бушаков, 1992, с. 16].

Прежде всего необходимо отметить, что все перечисленные топонимы имеют тюркское происхождение и включают в себя тюркское обозначение для аланов — *Асс* [Радлов, 1893а, стб. 389, 535]. Вполне возможно, что в Крыму аланы-асы проживали отдельными группами в окружении тюркоязычного населения и потому их соседи — крымские татары, давая названия поселениям *Асс*, *Биук-Асс*, *Кучук-Асс* старались таким образом выделить группы аланов-асов из остального населения Крымского полуострова. Что же касается происхождения остальных топонимов, то уместно привести предположение В. А. Бушакова, согласно которому эти “двойные этноойконимы могут происходить от парных этнонимов, в которых название рода, как правило, предшествует названию племени”. К числу этих названий, если следовать логике исследователя, следует отнести этнотопонимы: *Темеш-Асс*, *Тереклы-Асс*, *Табулды-Асс*. Однако В. А. Бушаков допускает, что “порядок, видимо, может быть и обратным”. Поэтому могли появиться топонимы: *Асс-Джаракчи*, *Асс-Джаркин* и *Асс-Найман* [Бушаков, 1992, с. 16]. Существование подобных этнотопонимов, по мнению В. А. Бушакова, представляет собой следствие пребывания в Крыму аланских родов, которые вошли в состав татарских и ногайских родоплеменных объединений Крыма в золотоордынский период [Бушаков 1992, с. 16, 19]. Но так ли это?

Кроме того, особый интерес представляет происхождение расположенных в Восточном Крыму, вблизи Солхата (Старого Крыма), ойконимов: *Ашага-Баксан* (Верхний Баксан), *Орта-Баксан* (Средний Баксан) и *Юхары-Баксан* (Нижний Баксан). В. А. Бушаков считает, что эти названия “сопоставимы с балкарским топонимом *Бакъсан—Басхан* (село и река), кабардинскими фамилией *Бакъсэн* и топонимом *Бакъсанукъ къала*, а также с ногайским или аланским ойконимом *Баксаны* в Молдавии”. “Грузинские авторы XIV—XV вв., — считает исследователь, — помещали к западу от Дигории область Басиани (совр. Балкария), которой владел аланский род Басиани” [Бушаков, 1992, с. 27—28].

Таким образом, существование данных топонимов может нести в себе информацию о происхождении местных жителей. В данном случае бросается в глаза то, что большинство этих топонимов было расположено в степной полосе Крыма (рис. 28), что может свидетельствовать о существовании аланского населения не только в горной, но и в степной частях Крыма.

Среди некоторых европейских народов во времена средневековья аланы были известны под своим традиционным названием — *алан*. В связи с этим определенный интерес представляет происхождение топонимов горной части Крыма: *Чердак-Алан*, *Алан-Тайша*, *Узун-Алан*, *Сасих-Алан*, *Девирджа-Алан*, *Орталан*, и т. п. [Маркевич 1928, с. 28]. Однако можно полностью согласиться с мнением О. И. Маркевича, согласно которому не имеет смысла связывать все эти названия с аланами [Маркевич, 1928, с. 28—29], потому что все эти названия тюркские, а в

тюркских языках термин *алан* используется для обозначения лужайки, поляны и т. п. [Радлов, 1893а, стб. 359].

Арабоязычный автор второй половины XIII в. Ибн Абд аз-Захыр сообщает, что в начале 60-х гг. XIII в. египетский султан Бейбарс направил к золотоордынскому хану Берке в Крым посольство с письмом, в котором “было много подстрекательств и изложение того, как султан действует по части священной войны”. Весьма примечательно, что “письмо это он отправил с одним доверенным лицом из Алланских купцов” [Тизенгаузен, 1884, с. 47, 55]. Посольство это в 1263 г. достигло Крыма и посетило города Судак и Крым. О встретившем посольство населении города Крым, который тогда являлся административным центром золотоордынских владений на полуострове, Ибн Абд аз-Захыр сообщает: “Потом они взобрались на гору, называемую Судак; встретил их правитель этого края в местечке Крым, которое населяют люди разных наций, как-то: Кипчаки, Русские и Алланы” [Тизенгаузен, 1884, с. 54, 63]. Так как среди жителей города Крым упоминаются аланы, то особый интерес представляет история возникновения первой татарской столицы в Крыму и второго названия города — *Солхат*.

Известно, что генуэзцы называли этот город *Солхат (Солгат)* [Юрчевич, 1863, с. 831—832; Тунманн, 1991, с. 34], персоязычный автор XIII в. Ибн ал-Биби для обозначения этого города использовал термин *Солхад* [Якубовский, 1928, с. 54—66; Тизенгаузен, 1941, с. 26], армянские авторы упоминали это поселение под названием *Суркат (Сурхат)* [Айвазовский, 1867, с. 552—554]. В текстах персидского историка Рашид ад-Дина и арабоязычных авторов позднего средневековья название *Солхат* не известно. Вместо этого они использовали название *Крым* [Тизенгаузен, 1941, с. 26; Тизенгаузен, 1884, с. 63, 280—281, 363, 435]. Тем не менее, среди большинства современных исследователей нет сомнений относительно того, что названия *Солхат* и *Крым* использовались для обозначения одного и того же восточнокрымского города [Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 16—23].

Относительно происхождения названия *Солхат—Сурхат* существует несколько версий. Так, О. Акчокраклы и А. Л. Якобсон считали, что “город Крым” и “Солхат” — это не одно и то же. По их мнению, название *Солхат* представляет собой видоизмененную форму термина *Сурб-Хач* (Святой Крест), которым называли расположенный близ города Крым армянский монастырь [Акчокраклы, 1927, с. 7; Якобсон, 1964, с. 170; 1973, с. 105]. Однако хорошо известно, что армяне называли в своих хрониках этот город не иначе как *Суркат (Сурхат)* [Айвазовский, 1867, с. 552]. Отсюда совсем нелогично предположить, что название своего же монастыря изменили сами армяне. Кроме того, хронологически первое упоминание термина *Солхат* в значительной степени опережает дату основания монастыря Сурб-Хач. Согласно надписи в церкви этого монастыря, Сурб-Хач был основан в 1338 г. [Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 67]. А первые известия об этом поселении относятся ко второй половине XIII в. Так, о городе *Солхад* речь идет в сочинении персоязычного автора Ибн ал-Биби [Тизенгаузен, 1941, с. 26].

А. Я. Гаркави, А. Л. Бертъе-Делагард, А. И. Домбровский и В. А. Сидоренко обратили внимание на то, что в некоторых генуэзских документах фигурирует форма *Салкат*. Отсюда последовал вывод, что данный топоним следует рассматривать не иначе как татарский термин *Сол-кат* — “левая сторона” [Гаркави, 1873, с. 55; Бертъе-Делагард, 1920, с. 99; Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 23—26]. О. И. Домбровский и В. А. Сидоренко выдвинули предположение, согласно которому сначала “Солхатом” — “левой (восточной) стороной” называлась та часть полуострова, которая оказалась в руках татар. Административным центром их владений стал Крым, город, название которого также имеет татарское происхождение. По мнению этих исследователей, со временем топоним *Солхат* перестал удовлетворять татар как название владений, которые быстро распространялись. У генуэзцев это слово приобрело более локальное значение, пока не стало названием

города, границы которого с городом Крым все больше сходили на нет [Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 24—25].

В. Д. Смирнов еще в XIX в. привел несколько этимологий названия *Солхат*, которые выводят происхождения этого топонима из татарского языка. Тем не менее, как заметил сам исследователь, это название было распространено не среди самих татар, а среди иностранных авторов. Все это дало основания В. Д. Смирнову связывать происхождение названия *Солхат* не с пребыванием тюркоязычных татар [Смирнов, 1887, с. 74—77]. С этим можно полностью согласиться, так как средневековые информаторы использовали только один из этих топонимов, никогда не заменяя название *Крым* названием *Солхат*. Складывается впечатление, что в данном случае речь идет о различных источниках происхождения топонимов *Крым* и *Солхат*. Не следует забывать, что во времена средневековья на южном побережье Крыма кроме татар еще проживали различные народы индоевропейского происхождения: готы, аланы, греки, генуэзцы, и т. п. Поэтому вполне логично предположить, что название *Солхат* может иметь индоевропейское происхождение.

О. Н. Трубаков считает, что возникновение названия *Солхат* следует относить к более ранним временам, чем позднее средневековье. Чтобы доказать это, исследователь обратил внимание, что основа *Sal-* является достаточно распространенной в горной местности Крымского полуострова. А это, по его мнению, может быть связано с индоевропейской основой **Sal* — “течение, проточная вода”. По словам О. Н. Трубакова, основе *Sal* “по своим фонетическим особенностям более всего подходит древнеиндийская с ее глаголом движения *Sar-*, представленная также в *-I-* варианте”. Что же касается происхождения второй части топонима *Sal-gat*, то О. Н. Трубаков склонен видеть в нем древнеиндийский термин *gatu* — “путь, доступ”. Отсюда означает, что топоним *Салкам* следует переводить с древнеиндийского языка не иначе как “Путь течения воды” [Трубаков, 1979, с. 129, 133]. Тем не менее, очень проблематично согласиться с О. Н. Трубаковым относительно такого древнего происхождения топонима, который впервые упоминается в письменных источниках лишь во второй половине XIII в.

Не следует забывать, что в более поздние времена в этом районе находился другой народ арийского происхождения — ираноязычные аланы. В связи с этим большой интерес представляют результаты археологических исследований, которые были проведено Ю. А. Кулаковским в 1897 г. возле города Старый Крым. Во время этих раскопок была найдена мраморная стела с греческой надписью в честь боспорского царя Тиберия Юлия Рискупорида, датированная 519 г. боспорской эры, то есть 222 г. н. э. Именно это позволило Ю. А. Кулаковскому высказать предположение, что “на территории Старого Крыма существовало в первые столетия новой эры городское поселение, которое входило в состав Боспорского царства” [Кулаковский, 1899в, с. 10]. Результаты археологических раскопок, проведенные И. Т. Кругликовой, свидетельствуют о том, что стационарные земледельческие поселения в районе Старого Крыма существовали практически со времен бронзы по средневековье [Кругликова, 1959, с. 64—73]. Вполне возможно, что во времена позднего средневековья татары основали в данной местности, уже имевшей постоянное население, свой административный центр городского типа, который получил название *Крым*. Археологические исследования, проведенные М. Г. Крамаровским, свидетельствуют о том, что в XIII в. г. Старый Крым появился там, где ранее недалеко друг от друга, вдоль дороги, ведущей в Судак, существовали иудейское и христианское поселения [Крамаровский, 1989, с. 153; 1991, с. 66]. Относительно даты основания города уместно напомнить версию О. И. Домбровского и В. А. Сидоренко, согласно которой городок Крым, упомянутый Рашид ад-Дином при описании событий 1256—1257 гг. [Тизенгаузен, 1941, с. 73], не находился на Крымском полуострове. Поэтому есть определенные основания считать, что центр татар, который получил название *Крым*, был основан позднее, чем появилось название *Солхат* [Домбровский, Сидоренко, 1978, с. 23—24]. Можно предположить,

что в дотатарское время местное поселение могло иметь название *Солхат* или *Сурхат*. И именно это название могли позаимствовать от местных жителей генуэзцы, армяне и представители других этнических групп, поселившихся здесь.

В связи с тем, что арабоязычный автор Ибн Абд аз-Захыр сообщал, что среди жителей города Крым были аланы [Тизенгаузен, 1884, с. 54, 63], большой интерес представляет предположение В. А. Кузнецова рассматривать название *Сурхат* как производную от осетинского словосочетания *сырх-уат* — “красное [прекрасное. — О. Б.] место”, так как этот город, по его мнению, был расположен в довольно живописной местности [Кузнецов, 1984, с. 80]. Можно полностью согласиться с мнением В. А. Кузнецова относительно происхождения второй части топонима *Сурхат*, так как в современном осетинском языке еще до сих пор в составных словах для обозначения места во второй части иногда используется термин *-уат (-ат)* [Осетинско-русский словарь, 1970, с. 686; Абаев, 1970, с. 247—248]. Что же касается осетинского прилагательного *сырх*, то необходимо отметить, что в осетинском языке, в отличие от русского, данный термин используется лишь для обозначения красного цвета. Для обозначения понятий “красивый, прекрасный” существуют другие слова [Абаев, 1970, с. 224]. Однако следует обратить внимание на информацию В. И. Абаева, который сообщает, что в культовых песнях и молитвах осетин термин *сурх* использовался как украшающий эпитет некоторых богов. По его мнению, осетинское *сырх/сурх* происходит от древнеиранского *suxra-* [Соколов, 1964, с. 322] и содержит корень *suk-*, который в идеосемантическом плане представляет собой один из дериватов огня [Абаев, 1979а, с. 208—209]. И если исходить из того, что огонь был священной стихией для иранцев, то логично предположить, что название *Сурхат* должно было бы указывать не на цвет местности, а на культовый характер поселения. Таким образом, названия *Сурхат* и *Сугдак* могли иметь близкие семантические значения и могли указывать на то, что здесь в Восточном Крыму находились священные для аланов места.

Однако не менее интересной является также гипотеза В. А. Бушакова, который считает, что названия города *Солхат* и *Крым* должны быть семантически связаны между собою. Исходя из предложенной В. Д. Смирновым версии, что татарское название города — *Крым* следует рассматривать как “ров, окуп”, исследователь выдвинул предположение, что название *Крым* является более поздним и фактически представляет собой перевод предшествующего названия города — *Солхат*, которое, по его мнению, могли основать генуэзцы. Основанием для этого, считает В. А. Бушаков, является то, что в итальянском языке для обозначения борозды, ровика использовался термин *Solcati*, который на лигурийском диалекте, распространенном среди генуэзцев, должен был бы принять вид *Surghati*, так как для этого диалекта присущ переход *-l-* в *-r-* [Бушаков, 1992, с. 92—97; 1994, с. 30—31]. Свою версию об итальянском происхождении названия *Solcati* В. А. Бушаков подтверждает сообщением Сеида Мухаммеда Ризы о том, что этот город был основан генуэзцами с согласия татарской администрации [Риза, 1832, с. 77—78]. Однако необходимо отметить, что другие источники не содержат информации о том, что город *Солхат* был основан именно генуэзцами.

Кроме того, В. А. Бушаков обратил внимание на результаты раскопок возле Старого Крыма (Солхата), проведенные М. Г. Крамаровским, согласно которым “любое военное формирование, которое направлялось со степи вдоль южного подножия Агармыша, не могло минуть ровов, которые пересекали вход в долину, где позднее расположился Солхат (Крым)” [Крамаровский, 1989, с. 145]. Это заставило В. А. Бушакова поддержать предположение Ю. А. Кулаковского, что упоминаемая в “Житии Иоанна Готского” и “Житии Константина Философа” местность Фуллы находилась на месте Старого Крыма (рис. 28), а местное население по этническому признаку могло быть аланским [Кулаковский, 1898в, с. 194—202]. Исходя из этого, исследователь сделал вывод: “Ойконим *Фуллы* [ров. — О. Б.] этимологизируется из восточноиранских языков; его семантика тождественна семантике ойконимов

Кырым (тюрк.) та Солкати (генуез.), что дает основания считать фулльский народ аланами” [Бушаков, 1994, с. 9—31].

В конце XIII в. золотоордынские владения в Крыму вошли в улус Ногай. Рукн ад-Дин Бейбарс (1245—1325 гг.) сообщает: в 698 г. х. (1298 г.) Ногай “послал сына дочери своей в земли Крымские, чтобы собрать подати, наложенные на них. Тот пришел в Кафу, а этот город принадлежал Генуэзским Франкам, между Стамбулом и между Крымом, и потребовал от его жителей денег”. Однако жители Кафы отказались подчиняться Ногаю и убили его внука. “Известие об умерщвлении его дошло до Ногай, — продолжает далее арабоязычный автор, — деда его, который отправил в Крым огромное войско. Оно ограбило его [Кафу. — *О. Б.*], убило множество Крымцев, взяло в плен находившихся в нем купцов мусульманских, алланских и франкских, захватило имущество их, ограбило Сарукерман [Херсон. — *О. Б.*], Кырк-Иери [Чуфут-Кале. — *О. Б.*], Керчь...” [Тизенгаузен, 1884, с. 111—112].

В XIX в. Дюбуа обратил внимание на сообщение Матвея Меховского об Уланах, которые были в составе войск Ногай и которых он посчитал аланами. Со своей стороны Ф. Брун, привел в качестве доказательства этой идентичности сообщение Пахимера о союзниках Ногай, среди которых были аланы. Это дало основание последнему исследователю сделать вывод: “Поэтому Дюбуа может быть не ошибается, полагая, что Матвей Меховский имел ввиду Аланов, когда говорит об Уланах, которые во время нашествия Татар через Перекопский перешеек, вторглись в Крым, где ими были заняты многие города и местечки” [Брун, 1880, с. 351—352].

Однако сообщение самого Матвея Меховского об уланах не позволяет их отождествлять с аланами, которые могли прийти вместе с Ногаем из степей Северного Причерноморья в Крым: “В дальнейшем татары из рода Уланов..., вступив на остров [Крымский полуостров. — *О. Б.*] через северный проход, заняли весь его с городами, селами и полями, при чем князья Манкуп (по происхождению и языку готты) удержали замок Манкуп”¹. Об этих уланах речь идет также при описании завоевания Крыма турецким султаном Магометом, который “занял Таврический остров, взял приступом Каффу, сделал своими данниками перекопских татар или уланов со всем Херсонесом”² [Матвей Меховский, 1936, с. 71, 151]. Таким образом, имеются основания считать, что уланы могли представлять лишь одно из подразделений татар степей Северного Причерноморья, а не ираноязычных аланов-асов.

Упоминание же аланских купцов в связи с событиями вокруг Кафы заставляет вспомнить предположение некоторых исследователей о существовании в городе и вокруг него аланского населения (рис. 28). Данный город был известен в письменных источниках под тремя названиями **Феодосия—Ардабда—Кафа**. Особый интерес для нас представляет происхождение двух последних топонимов. В V в. Псевдо-Арриан писал: “На нынешнее же время Февдосия на аланском или таврском наречии называется Ардабда, то есть Семибожний” [Псевдо-Арриан 1948, с. 235]. По мнению В. Ф. Миллера, в первоначальном варианте это название могло иметь вид **Абдарда**. Он был склонен связывать **ard** с авестийским **areda** (сторона), санскритским **tardha** и осетинским **æрдæг** (половина) и предполагал, что название **Абдарда** могло означать “семисторонний” [Миллер, 1887, с. 70]. Как уже отмечалось, аланы как жители Кафы в письменных источниках фигурировали и в средневековье [Тизенгаузен, 1884, с. 112; 1941, с. 156]. Название же **Кафа** М. Фасмер сравнивал с древнеиранским **kaufa** — “гора”, В. И. Абаев с аланским **kafa** (осет. **кæф**) — “рыба” [Основы иранского яз., 1979, с. 293]. Подобных взглядов придерживается также И. Г. Добродомов. По его мнению, “более новая форма скифо-аланского слова для рыбы (с изменением **p** в **f**) была положена в основу названия города Феодосия в источниках X—XVIII вв.” [Добродомов, 1981, с. 41].

Таким образом, данные топонимии в определенной степени перекликаются с информацией письменных источников и гипотетически позволяют выделить

поселения аланов в юго-восточной части Крымского полуострова в треугольнике между городами Феодосия (Кафа), Судак (Сугдак) и Старый Крым (Сурхат). Поэтому можно поддержать мнение В. А. Кузнецова, что названия *Сугдак*, *Ардабда*, и, может быть, даже *Сурхат*, имеют аланское происхождение и носят культовый характер [Кузнецов, 1984, с. 74].

Третьим районом проживания аланов на полуострове следует назвать Юго-Западный Крым, т. е. территорию, на которой находились приходы Херсонской и Готской епархий. На основании данных письменных источников и археологических раскопок А. Л. Якобсон выдвинул предположение о том, что вплоть до татаро-монгольского нашествия территорию Юго-Западной Таврики (район, примыкающий к Херсону) был полностью населен аланами [Якобсон, 1964, с. 193, прим. 87]. Данное предположение имеет подтверждение в позднесредневековых документах.

Так, в начале XIV в. арабоязычный автор Абу-л-Фида (1273—1331 гг.) писал о ситуации вокруг южнокрымского города Керкер, или Керкери, координаты которого — долгота 55°, широта 50°: "... (этот город) на краю седьмого климата в стране Асов. Его имя значит по турецки сорок человек. Это укрепленный замок, труднодоступный: он опирается на гору, на которую нельзя взойти. Наверху горы есть площадь, где жители страны (в момент опасности) находят убежище. Этот замок находится на некотором расстоянии от моря; жители принадлежат к племени Асов... Керкер находится на север от Сары-Кермена [Херсона. — О. Б.], между этими местами один день пути" [Aboulféda, 1848, Т. II, р. 319]. Арабоязычный автор ал-Калканианди сообщает также, что город Керкер находился в стране Асов [Поляк, 1964, с. 35].

У более поздних мусульманских авторов также содержится информация о том, что в крепости Керк-Эр — Кирк-Иер проживал народ *асы*. Так, турецкий историк Али-эфенди в географическом описании седьмого климата повторяет информацию Абу-ал-Фиды: "Кырк-Эр есть крепость, из городов ассских на север от Сары-Кермана. На весьма высокой горе находится" [Смирнов, 1887, с. 104]. Автор "Семи планет" Сеид Мухаммед Риза и анонимный автор сокращенной истории Крыма помещают Кырк-Эр уже вблизи Бахчисарая, что может свидетельствовать о более позднем источнике информации: "Упомянутый замок есть находящаяся близ Бахчэ-Сарая, на вершине крутой горы, построенная из мелких, твердых камней, крепкая, не имеющая себе подобных, твердыня" [Смирнов, 1887, с. 104]. Относительно прежнего населения крепости Мухаммед Риза сообщает, что там обитал "в прежние времена непохвальный народ из племен Могульских, называемый Ас" [Смирнов, 1887, с. 104]. В сокращенной же истории Крыма данный фрагмент имеет вид: "народ из родов татарских, называемый Ас" [Смирнов, 1887, с. 104]. Автор "Семь планет", как и другие мусульманские историки, сообщает, что жители крепости Кирк-Иер оказали ожесточенное сопротивление Шейбек-хану. Тогда последний вынужден был пойти на хитрость и на протяжении трех суток имитировал атаку, что окончательно измотало защитников крепости и на четвертый день они окончательно уснули. Результаты этого для защитников Кирк-Иера были весьма плачевными: "Хитрый мирза, воспользовавшись этим случаем, развернул свое победоносное знамя и со своими приверженцами, именитыми татарами, произвел атаку. Скверные гяуры спали и не чуяли нападения татар, которые без боя и сражения овладели ключами означенной крепости" [Смирнов, 1887, с. 105]. Данные сведения о жителях Кирк-Иера позволяют согласиться с мнением В. Д. Смирнова и Ю. А. Кулаковского, что это были упомянутые в других фрагментах асы, т. е. аланы [Смирнов, 1887, с. 105; Кулаковский, 1899а, с. 64—66]. Что же касается использованного термина "гяуры", т. е. неверные, то это заставляет вспомнить, что крымские аланы являлись христианами. На основании изложенного В. Д. Смирнов сделал вывод, с которым нельзя не согласиться: "первоначальными обитателями Кыркора признается какой-то народ Ас, этнографическое определение которого у крымских историков довольно смутное:

один называет асов племенем монгольским, другой — татарским” [Смирнов, 1887, с. 104—105].

Отождествление Сары-Кермана с Херсонесом и привязка Кирк-Иера к Бахчисараю у мусульманских авторов дает основание видеть в Кирк-Иере более позднюю крепость Чуфут-Кале. Ю. А. Кулаковский считал, что нахождение аланов близ Херсона в начале XIII в., о которых епископ Феодор писал, что они были, “словно некое ограждение и охрана (города)”, и существование алано-асского население в Чуфут-Кале в более поздние времена — это взаимосвязанные явления. Тем не менее исследователь считал, что аланы были там “не исконным населением, а сравнительно новым” [Кулаковский, 1914, с. 100; 2002, с. 174]. По мнению же А. И. Айбабина, основу населения крепости Киркер (Кирк-Иер) составляли потомки переселившихся с Северного Кавказа аланов-асов, которые уже в 1321 г. владели этой крепостью. Основанием для такого отождествления стало то, что восточные авторы называли обитателей крепости не аланами, а асами [Айбабин, 1999, с. 147]. Такого же мнения придерживается В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1884, с. 81—82].

Но, как уже отмечалось, у арабоязычных, персоязычных и тюркоязычных авторов XIII—XV вв. и более поздних времен этнический термин *Ас* вытеснил традиционное название *Алан*. Поэтому можно считать, что упомянутые в Киркере (Кирк-Иере) мусульманскими авторами асы могли иметь не обязательно северокавказское, но и местное крымское происхождение. Именно они в домонгольские времена могли входить в состав Херсонской или Готской епархий и в византийских источниках были известны, прежде всего, как аланы.

В связи с этим особый интерес представляет также происхождение топонима *Кирк-Иер—Керкер—Киркор*. В. А. Бушаков считает: “Учитывая, что возможной тюркской этимологии топонима *Киркор* не существует и до татарского завоевания город принадлежал аланам-христианам, можно предположить, что топоним входит в один ряд с крымскими ойконимами *Ай-Василь*, *Ай-Даниль*, *Ай-Сав*, *Ай-Серез*, *Ай-Тодор*, *Ай-Юри*, *Аян* и т. п. Эти названия сел происходят от имен христианских святых, которым посвящались сельские церкви”. По мнению исследователя, первоначальное название этого поселения могло иметь вид *Ай-Киркор*, где *Ай* означал “Святой”, а *Киркор* — “Григорий”. Аналогичные названия исследователем были зафиксированы в различных странах [Бушаков, 1994, с. 31—32]. Однако большинство современных исследователей поддерживают гипотезу В. Д. Смирнова, основанную на данных средневековых авторов, согласно которой это название имело первоначальную форму *Кырк-эр*, что на тюркских языках могло означать — “Сорок замков (городов)” [Смирнов, 1887, с. 108—115].

Особый интерес представляет дальнейшая судьба аланского населения Кирк-Иера. Относительно этого В. Д. Смирнов высказал предположение: «Важно то, что караимы во всяком случае не считаются коренными жителями Кыркара, а водворенными в нем в позднейшее время по воле татар, вследствие чего крепость получила другое имя — Чуфут-Калэ = “Жидовский город”, которое постепенно совсем заменило прежнее его наименование... Говоря о водворении караимов в Кыркоре, крымские историки однако же не дают известий о том, что случилось с сидевшими в нем дотоле асами. О поголовном избиении их, или вообще о какой либо резне, ничего не говорится» [Смирнов, 1887, с. 104—105]. Поэтому можно предположить, что остатки аланов в Чуфут-Кале были ассимилированы проживавшими там караимами.

В пользу данного предположения могут свидетельствовать некоторые опубликованные Д. А. Хвольсоном надгробия из Чуфут-Кале, содержащие имена: Моисей Алани, сын Иосифа Алани и Гошла Алани. По мнению Д. А. Хвольсона, “эти два лица происходят, вероятно из страны алан на Кавказе и жили в Крыму” [Хвольсон, 1866, с. 176; 1884, с. 342]. Однако В. А. Кузнецов более осторожен в выводах и считает, что “Иосиф и Моисей Алани не являются иммигрантами с Кавказа, их фамилия отражает их этническое окружение в Чуфут-Кале, это первые

еврейские поселенцы здесь”. Свои выводы исследователь подтверждает аналогичной ситуацией в северокавказской Алании, где, в соответствии с данными письменных источников, среди аланов расселялись небольшие группы евреев, “скорее торговцев и ремесленников” [Кузнецов, 1984, с. 82, 92, прим. 105]. Относительно этого выводы М. Я. Чорефа несколько иные: «эти два имени явно указывают на связь представителей караимского населения Кырк-Ера с Аланией. И имя “Алан” возможно является не только прозвищем, но этническим определителем этих лиц» [Чореф, 1985, с. 73].

Весьма примечательно, что существование подобных фамилий было зафиксировано и в более позднее время. А. И. Полканов отметил существование следующих фамильных антропонимов среди крымских караимов: *Алан* — “из племени алан”, *Алани* — “из племени алан” и *Аланбий* — “аланский князь”. Это, по его мнению, может указывать “на племенное происхождение” фамилии *Алан* [Полканов, 1995, с. 135, 138, 141].

Существование аланского населения было зафиксировано и в других местах Юго-Западного Крыма. Возможно, что об этом аланском населении речь идет в Синодальном акте Константинопольского патриарха от 1384 г., где говорится о спорах между Херсонским и Готским митрополитами по поводу приходов: Сикита, Парфенит, Лампад, Алушта, Фуна и Алания. По данным Синодального акта от 1390 г. этот спор был решен в пользу Херсонской митрополии и ей был передан городок Кинсанус “и всеми около него прибрежными местами, Фуною, Аланиею, Алуштою, Лампадо-Парфенитою и Сикитою с Хрихарем, которые бывшие перед нами патриархи, оторвали от Херсонской церкви, приставили к церквям Готской и Сугдейской” [Древние акты..., 1867, с. 460, 468—469]. По мнению Ю. А. Кулаковского, эта многолетняя тяжба может лишь указывать “на бедность Херсонской митрополии” [Кулаковский, 1914, с. 116; 2002, с. 188]. Тем не менее, авторы последней большой работы о Херсонесе считают, что в действительности дела у Херсонского митрополита не были уже такими плохими, а это был всего лишь “политический прием”, вследствие чего “все побережье вплоть до Судака оказалось под контролем митрополита Херсона” [Сорочан, Зубарь, Марченко, 2000, с. 355]. В связи с этим большой интерес представляет упоминание местности *Алания*. По мнению А. Л. Бертье-Делагарда, *Алания* — “это имя не поселения, а этническое, данное по имени жившего там народа” [Бертье-Делагард, 1915, с. 237]. Относительно локализации данного поселения Ю. А. Кулаковский высказал предположение, согласно которому селение Алания находилось “где-то к востоку от нын. Алушты на побережье, как видно из другого [второго. — О. Б.] акта” [Кулаковский, 2002, с. 188] (рис. 28). Ф. Брун считал, что именно об аланах этого поселения идет речь в письме Марино Санудо к французскому королю Филиппу IV от 13 октября 1334 г., где к народам, зависившим от татар, отнесены “готы с небольшим числом аланов в Галгарии [Хазарии, Крыму. — О. Б.]” [Брун, 1880, с. 137]. О том, что в Юго-Западном Крыму аланы проживали по соседству с готами, может также свидетельствовать сообщение венецианского автора XV в. И. Барбаро.

О ситуации в Крыму И. Барбаро сообщает: «Далее за Каффой [Феодосией. — О. Б.], по изгибу берега на Великом море, находится Готия, за ней Алания, которая тянется по “острову” в направлении к Монкастро [Белгороду-Днестровскому. — О. Б.]» [Барбаро, 1971, с. 157]. В данном случае выражение — “*Alania, la qual va per la insula verso Monkastro*” — можно объяснить двояко, ибо налицо неопределенность данной локализации. Ф. Брун и Ю. А. Кулаковский широко трактуют сообщение И. Барбаро и видят аланское население не только в Крыму, но и в степном междуречье Днепра и Днестра. В качестве подтверждения этого Ф. Брун указывает на существование в нижнем течении Днестра селения под названием Ясска, напротив Оленешты [Брун, 1880, с. 356; Кулаковский, 1899а, с. 69]. Е. Ч. Скржинская и В. А. Кузнецов, наоборот, считают, что речь идет только о Крыме и крепость Монкастро в нижнем течении Днестра упомянута лишь для конкретности — с

целью подчеркнуть протяженность Алании к западу от Газарии (Хазарии), т. е. в данном случае они локализуют аланов только в Юго-Западном Крыму [Барбаро, 1971, с. 180, комм. 127; Кузнецов, 1984, с. 83].

Далее И. Барбаро сообщает об этнической ситуации, сложившейся на юге Крыма в середине XV в.: "...благодаря соседству готов с аланами произошло название готаланы. Первыми в этом месте были аланы, затем пришли готы; они завоевали эти страны и [как бы] смешали свое имя с именем аланов. Таким образом, ввиду смешения одного племени с другим, они и называют себя готаланами. И те, и другие следуют обрядам греческой церкви, также и черкесы" [Барбаро, 1971, с. 157].

Комментируя данное сообщение, А. И. Айбабин отметил: "...к концу X в. завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности. Она впитала в себя аланский, готский, ромейский и болгарский компоненты. Их объединили христианство и византийская культура... Следует отметить, что анализ археологических материалов позволяют помянуть местами слагаемые этого этнонима [готаланы. — *О. Б.*] и именовать народ, сформировавшийся в Горном Крыму в средние века, аланоготами. Они жили там до середины XVIII в." [Айбабин, 1999, с. 229—230]. Мнение В. А. Кузнецова по данному вопросу несколько отлично. Исследователь считает, что в XV в. аланы Юго-Западного Крыма еще продолжали сохранять свою этническую обособленность. По мнению В. А. Кузнецова, сообщение И. Барбаро "свидетельствует не только о длительном соседстве и смешении алан и готов, но и о возможной их чересполосице" [Кузнецов, 1984, с. 83].

Таким образом, в середине XIII — первой половине XV вв. аланы проживали в трех районах Крымского полуострова: в степной части Крыма — по соседству с татарами; в восточной части полуострова — вблизи городов Судак, Кафа и Солхат; в Юго-Западной Таврике — по соседству с готами на территориях, входивших в сферу влияния Херсонской и Готской епархий. Если в первых можно видеть переселившихся в первой половине XIII в. вместе с татарами с Северного Кавказа аланов-асов, то две другие группы аланов могли представлять местное население, осевшее в южной части полуострова в догуннское и гуннское время.

По словам В. Л. Егорова, до первой половины XV в. практически "весь Таврический полуостров, со времени утверждения здесь Золотой Орды, получивший наименование Крымского, находился под властью монголов". Исключение могут составить земли Юго-Западного горного Крыма, входившие в состав независимого княжества Феодоро и генуэзские колонии на южном побережье, платившие дань татарам [Егоров, 1985, с. 90]. Однако в 40-е гг. XV в. политическая ситуация в Крыму изменилась — в 1443 г. Хаджи Гиреем было основано независимое от Золотой Орды Крымское ханство [Греков, Якубовский, 1950, с. 412; Тунманн, 1991, с. 15]. Тем не менее, крымские государства уже недолго сохраняли свою независимость в этот период. Как выразился Ю. А. Кулаковский, "в 1475 г. произошла катастрофа, положившая конец свободе христианского населения Тавриды". Именно в этот период турками-османами были захвачены контролируемые генуэзцами города Южного Крыма и тогда пало готское княжество Феодоро. Тогда же Крымское ханство перешло под протекторат Османской империи и во владении ханов из династии Гиреев остались только "степные пространства полуострова". Территория же Южного Крыма оказалась под непосредственным контролем османов [Кулаковский, 2002, с. 193—194]. В сложившейся ситуации весьма важно знать, какова была дальнейшая судьба аланов на полуострове.

Особый интерес, в связи с этим, представляют документы на османо-турецком языке. Один из них находится в библиотеке им. И. Гаспринского и представляет собой фрагмент одной из судебных книг Крымского ханства, где наиболее ранние тексты датируются 1022 г. х./1618 г., а наиболее поздние — 1163 г. х./1750 г. В упомянутом документе отражены разногласия относительно обрабатываемого поля между жителями поселения Манай и общиной асов. Данный спор, по словам

исследователя текста Г. Иналджика, свидетельствует о том, что асы, как и жители Маная, “занимались земледелием” и “проживали отдельным кланом”. В документе также упомянуты имена некоторых асов безусловно тюркского происхождения: Кючюк-оглан Отурмуш, Мустафа-оглы Есен Чора и т. п. Это позволило Г. Иналджику сделать вывод: “К этому времени асы, конечно же, перемешались с крымскими татарами и, приняв ислам, образовали отдельную этническую общину” [Иналджик, 1996, с. 318—319]. Вполне возможно, что в данном случае речь идет о потомках аланов-асов степной или предгорной частей Крыма.

Данный этнический процесс нашел отражение и в других источниках. Как явствует из архивных документов, в среде крымских татар вплоть до XVIII в. существовали джемаат (община) Ас и одноименная деревня. Это население было оседлым и занималось земледелием [Лашков, 1895, с. 100—101, 106, 110]. Вполне возможно, что представители данной общины и являлись потомками тех аланов-асов, которых повстречал в крымской степи в середине XIII в. Г. Рубрук. О пребывании аланов-асов в степной и предгорной части полуострова, как уже отмечалось выше, свидетельствуют данные топонимики. Поэтому мы можем согласиться с предположением В. А. Кузнецова, согласно которому “последние остатки алан в XIV—XV вв. были ассимилированы крымско-татарским населением” [Кузнецов, 1984, с. 86]. Подобных взглядов на участие аланов-асов в этногенезе татар степного и предгорного Крыма придерживается также В. А. Бушаков [Бушаков, 1992, с. 16, 19].

Весьма примечательно, что значительная часть поселений, содержащих в своем названии этноним *Асс*, были расположены в степной северо-западной части Крымского полуострова, а также в непосредственной близости от Перекопа (рис. 28). В связи с этим возникает вопрос: не могли ли крымские ханы специально поселить аланов-асов, впрочем, как и других инородцев, на северных границах ханства для несения военной пограничной службы? Однако появление части селений в степной части Крыма, содержащих в своем названии этноним *Асс*, можно связывать и с наличием другого фактора. Как известно, в конце XV в. ногайцы причерноморских степей были подчинены крымскими Гиреями и впоследствии были переселены на территорию Крымского полуострова, где приобрели особый социальный статус и их элита стала наиболее влиятельной при ханском дворе [Гоман, 2002, с. 15—16]. Уже было отмечено, что до описываемых событий в состав причерноморских и прикавказских ногайцев вошли роды, которые назывались *Асс* [Бушаков, 1992, с. 14]. Исходя из этого, можно предположить, что после событий конца XV в. родовые подразделения асов в составе ногайцев могли переселиться из степей Северного Причерноморья в степную часть Крыма и впоследствии осесть на полуострове. В связи с этим в степной части полуострова могли появиться поселения, содержавшие в своем названии этнический показатель *Асс*.

Особый интерес представляет то, что находящееся возле Перекопа селение, носящее ныне название Днестровка, в начале XX в. носило двойное название — *Асс-Найман* [Кримська область, 1974, с. 66], а еще в начале XIX в. на его месте существовали два поселения, имевшие названия *Ас* и *Найман*. Это может свидетельствовать о слиянии этих двух поселений в одно целое уже на протяжении столетия. Аналогичная ситуация отмечается с возникновением названий других населенных пунктов в степной части Крыма (рис. 28): *Асс-Джаракчи*, *Табуды-Асс*, *Темеш-Асс*, *Тереклы-Асс*.

Какова же была судьба аланов Восточного и Юго-Западного Крыма, где даже в османское время продолжал сохраняться значительный массив христианского населения?

Еще до переселения крымских греков в Приазовье в XVIII в. Тунманн выдвинул предположение, что остатки аланов и готов Южного Крыма слились с греками в одну народность [Тунманн, 1991, с. 27]. Уже после переселения крымских греков в район Мариуполя Приазовье посетил В. Григорович. По его мнению, одна из групп

этого христианского населения — тюркоязычные греки-базариане, которые обитали до этого вблизи Херсона, были “потомки Алан”. Основанием для такого предположения стало упоминание Феодором в начале XIII в. аланов вблизи Херсона [Григорович, 1874, с. 6]. Ю. А. Кулаковский также придерживался подобного мнения [Кулаковский, 1899а, с. 64—65]. Г. И. Тимошевский и А. И. Маркевич были более осторожны в выводах и считали мариупольских греков потомками смешанного гото-аланского населения Таврики [Тимошевский, 1892, с. 3—15; Маркевич, 1910, с. 516]. Современный исследователь В. А. Кузнецов высказал предположение, согласно которому “к XV—XVI вв. остатки крымских аланов-асов растворились в новом населении Крыма” [Кузнецов, 1984, с. 82]. По мнению А. И. Айбабина, процесс такой ассимиляции был более сложный и представлял собой этническую консолидацию аланов, готов, ромеев и болгар в одну горнокрымскую народность, которую впоследствии стали называть греками [Айбабин, 1999, с. 229—230].

В связи с этим особый интерес представляет гипотеза А. Н. Карсанова, согласно которой потомков аланов Юго-Западного и Восточного Крыма называли татами [Карсанов, 1992, с. 164—167], а также предположение Э. Шютца, считавшего, что термин *tat* использовался в позднее средневековье для обозначения особой народности Южного Крыма, образовавшейся в результате смешения местных аланов и готов [Schütz, 1977, p. 97—98]. Но действительно ли распространение термина *tat* в Крыму следует связывать с аланами?

О том, насколько малоразработанной на сегодняшний день является проблема крымских татов, может свидетельствовать наличие всего лишь трех известных нам специальных работ по данной теме: 1) опубликованная в 1928 г. небольшая статья В. И. Филоненко “К вопросу о происхождении и значении слова *tat*”, базирующаяся в основном на данных этнографии и фольклора народов Крыма [Филоненко, 1928, с. 130—132]; 2) вышедшая в свет в 1977 г. большая статья Э. Шютца “The Tat People in the Crimea”, основанная на анализе позднесредневековых текстов европейского и восточного происхождения [Schütz, 1977, p. 77—106]; 3) напечатанная не так давно в 2000 г. работа И. С. Пономаревой и Е. И. Назарьева “До питання формування етноніму *tat*, що побутує серед етнічних грецьких груп Українського Надазов’я”, посвященная анализу ситуации с этническими наименованиями, распространенными в настоящий момент среди мариупольских греков [Пономарьова, Назар’єв, 2000, с. 195—209]. Однако до сих пор по данной проблеме не было предпринято комплексного исследования, базирующегося как на данных письменных источников, так и на свидетельствах этнографического характера, что позволяет считать проблему актуальной.

Никто из исследователей не отрицает того факта, что еще в недалеком прошлом на юге полуострова существовал массив татского населения, происхождение которого до сих пор остается предметом научных споров. Насколько значительным был татский фактор для Крыма, может свидетельствовать то, что во многих документах среди зависимых от крымских ханов групп населения упомянуты таты. Так, в XVII в. в текстах переписки бахчисарайского двора с московскими царями в титулатуре крымских ханов перечисляются народы, подвластные венценосному правителю династии Гиреев: “Великие Орды и великого юрта Кипчацкие степи Крымского государства и всех нагай и многих татар и меж горских черкас *Татцкой* и Тевкетцкой великий государь благодатный и храбрый Ислам Гиреево царево величество”. Так называли себя крымские ханы. Приведенный текст с некоторыми различиями содержится в большинстве посланий крымского хана российскому царю [Памятники дипломатических сношений..., 1891а, с. 10, 17, 25; 1891б, с. 1, 8, 10, 26, 29, 41; Из истории сношений Москвы с Крымом..., 1906, с. 81, 85; Сборник некоторых..., 1881, с. 31]. Аналогичным образом обращались и московские самодержцы к крымским ханам: “Единого великого Бога неизчетною милостию и бусурманам закона давшего Пророка Магамметя и четырех учеников его молитвою, великие орды и великого юрта Крымского государства безчисленных многих Татар,

и неисчетных Нагай и меж Горских Черкас *Татцукй*, Тавкецкий, и всех многих бусурман великий и благодатный государь превысочайший и правосудный Аноет Гирей царь, Казыгирей царя сын, Девлет Гиреева царева величества внук, великие Орды и великого Юрта” [Памятники дипломатических сношений..., 1890, с. 43].

Особый интерес вызывает то, что крымский хан представлен как “Татцкой и Тевкетцкой великий государь”, что позволяет среди подвластного крымским ханам населения видеть народы — *таты* и *тевкеты*. Неопределенность локализации и неясность происхождения данных терминов, особенно названия *таты*, до сих пор вызывают среди исследователей различные мнения и диаметрально противоположные версии. Так, упоминание в титулатуре крымского хана рядом с “межгорскими Черкасами” “тацких и тевкецких народов” дало основание Е. П. Алексеевой считать татов и тевкетов адыгскими племенами и в соответствии с этим локализовать их на Северо-Западном Кавказе [Алексеева, 1957, с. 27]. Однако Н. Г. Волкова показала надуманность доводов Е. П. Алексеевой и совершенно справедливо отметила, что *таты* должны были проживать в Крыму и не относились к адыгскому этническому массиву, впрочем, как она предполагала, и тевкеты [Волкова, 1973, с. 46—49]. Относительно локализации тевкетов в Крыму могут существовать определенные колебания, но нельзя сомневаться в том, что в XVII в. упомянутые в переписке крымского хана “таты” действительно проживали в Крыму, а не на Северо-Западном Кавказе. Это находит подтверждение во многих других источниках.

К числу наиболее ранних сведений о татах Крыма относится информация доминиканца Иоанна Галонифонтибуса, который в начале XV в. находился в Крыму. В своем сочинении “Книга познания мира” он отмечает: “Вдоль и вокруг Черного моря живут два малых народа: *таты* и некоторое число готы. В своей религии они следуют грекам и пользуются греческими буквами. Готы претендуют на происхождение от шотландцев и говорят как англичане. Они живут здесь вдоль побережья близ Кафы, также как и в Татарии и Кумании” [Галонифонтибус, 1980, с. 13]. Именно привязка И. Галонифонтибусом татов к готам и Кафе заставляет видеть в них группу населения Крыма, принадлежащую к православному христианству. Последнее предположение подтверждают данные этого же автора об этноконфессиональном составе населения “Великой Татарии” (Золотой Орды. — *О. Б.*), куда входила значительная часть Крымского полуострова: “В этой стране много христиан, а именно: греки, разные армяне, зики, готы, *таты*, воляки, русские, черкесы, леки, асы, аланы, авары, казикумухи и почти все они говорят на татарском языке” [Галонифонтибус, 1980, с. 15]. В данной ситуации непонятно, в какой части Крыма в начале XV в. проживали таты.

Более же определенная локализация области татов в Крыму содержится у современника И. Галонифонтибуса — западноевропейского путешественника Ивана Шильбергера, который посетил Крым между 1394 и 1421 гг. Данный информатор сообщает о ситуации возле Кафы: “Далее город Киркьер (*Karckeri*) в хорошей стране, именуемой *Sudi (Suti)*, но которую язычники [татары-мусульмане. — *О. Б.*] называют *Tam (That, Than)*. Она населена греческими христианами и производит отличное вино” [Шильбергер, 1867, с. 57—58]. В другом месте сочинения И. Шильбергера среди языков, на которых “служат Богу по греческому вероисповеданию” на 7-м месте назван: “*kuthia* — у язычников *thatt* (тат)” [Шильбергер, 1867, с. 101—102]. По мнению переводчика немецкого текста “Путешествия” Ф. Бруна, название *kuthia* следует связывать с термином *Gomua*, потому что армянское обозначение для Готии — *Kouth* и *Kuti*. Следовательно, по Ф. Бруну, область *Sudi (Suti)* — “ничто иное, как ошибочное чтение армянской формы имени Готии” [Шильбергер, 1867, с. 58, прим. 4; Брун, 1880, с. 236]. Что же касается упоминаемого И. Шильбергером города *Киркьер (Karckeri)*, то Ф. Брун считал, что это более поздний Чуфут-Кале и он находился там, “где была непременно горная часть Тавриды, или Готия, называемая татарами Тат” [Шильбергер, 1867, с. 57—58, прим. 4]. Насколько предложенные варианты переводов названий в сочинении западноевропейского путешественника

являются верными, предстоит еще установить. В данном случае весьма сложно сказать, какое первоначальное значение вкладывалось в Крым в термин *там*.

После этого сообщения о татах как о жителях Крыма снова появились лишь в османский период — в конце XVI в. Одно из них подтверждает более раннюю информацию, согласно которой город Киркиер (Чуфут-Кале) относился к области татов. Речь идет о ярлыке крымского хана Девлет-Гирея от 999 г. х. (1590—1591 гг.) начальнику крепости Киркиер, которому вменялось в обязанность взимать налог “с привозимых *там-райя* дров — с каждого бревна по 2 акча” [Протоколы заседаний..., 1912, с. 27]. В данном случае весьма показательно, что таты были отнесены к облагаемой налогами категории Османской империи — *райя*. В связи с этим особый интерес представляет определение термина *райя*, которое предложил Г. Инальдзик: “В наиболее широком понимании слова райя мусульмане или христиане были подданными империи, которые, в отличие от военного сословия, являлись производителями и платили налоги. В более узком значении райя являлись крестьянами, которые отличались от жителей городов и кочевников, имевших другой статус” [Инальдзик, 1998, с. 122]. Следовательно, под татами следует подразумевать облагаемое налогами сельское население Южного Крыма.

В начале XVII в. с этого населения брали различные налоги, о чем может свидетельствовать налоговый список населения Кафы, Ески Крыма (Солхата) и окружающих деревень, составленный в 1630 г. сборщиком налогов Хасаном Агой. По его словам, сборщик налогов “приходит в землю татов, причиняет много беспокойства, заносит мальчиков в возрасте 4—5 лет в налоговые списки, и собирает налог из отобранных”. По мнению Э. Шютца, в данном случае речь идет о налоге детьми — *девширме*, которых подвластные туркам-османам народы, в первую очередь из числа христиан, обязаны были поставлять в султанское войско [Schütz, 1977, p. 84—86].

О том, что в начале XVII в. таты проживали в сельской местности и также находились вблизи Кафы и Судака, свидетельствует Армянская хроника 1615—1648 гг., составленная монахом Хачатуром из Кафы. По его данным, в 1622 г. казаки на 33 судах прибыли в порт Кафы и напали на город и окрестности. Кроме того, “также они разорили сады на земле *татов*”. В 1629 г. казаки снова напали на побережье Крыма, в результате атаки подвергся Судак, а также были причинены “разорения на земле *татов*” [Schütz, 1977, p. 83—84]. Из донесения крымского хана в Порту В. Д. Смирнов приводит данные о событиях, разыгравшихся в Крыму в 1649 г., т. е. во время похода крымского хана в Польшу. В то время нападению донских казаков подвергся буквально “берег под названием татский иль, находящийся возле Балклги”. В переводе В. Д. Смирнова данный фрагмент донесения предстал в таком виде: “татское поселение близ Балаклавы”. Весьма примечательно, что случившееся событие вызвало тогда беспокойство не только у крымского хана, но и расстроило планы Богдана Хмельницкого [Смирнов, 1887, с. 542]. Исходя из этого можно считать, что в первой половине XVII в. поселения татов располагались в горах и на побережье не только Восточного Крыма, но и юго-западной части полуострова. Вполне возможно, что территория, населенная татами, в документах османского времени имела особое название.

В связи с этим особый интерес представляет фирман крымского хана Мухаммеда IV к митрополиту крымскому Давиду, посланный в 1062 г. х. (1652 г.), где упомянута местность *Тат-эли*: “Да будет известно, по получении сего Высочайшего фирмана, достопочтейнейшим из кадиев и судей — рудникам доблестей и слова — *Тат-элискому*, Карасускому, Балаклавскому и Козловскому кадиям..., что состоящий митрополит по моему Высочайшему берату над неверными *Тат-эли* и принадлежащих к нему местностей духовное лицо Давид послал к нашим счастливым дверям человека с прошением, жалуясь на тех, кто не подчиняется установленным кануном (законом) некоторым религиозным обрядам” [Биярсланов, 1889, с. 81]. В связи с этим особый интерес представляет мнение переводчика

фирмана — Мурата Бей Биярсланова, что “Тат-эли — страна, где живут таты” [Биярсланов, 1889, с. 81, прим. 1]. Это сообщение может свидетельствовать также о том, что в середине XVII в. таты Южного и Восточного Крыма относились к числу христиан и имели своего митрополита.

Однако уже во второй половине XVII в. ситуация с использованием термина *там* несколько изменилась. Об этом могут свидетельствовать довольно подробные сведения о татах Крыма турецкого путешественника Эвлии Челеби, который побывал в Крыму в 1666—1667 гг. Описанию земли татов в его “Книге путешествия” отведено два отдельных раздела, а также некоторые фрагменты из других частей сочинения. Один из них, носящий название “Описание Яйлы Татского иля”, посвящен описанию географического местоположения территории татов и местного населения: “Это высокие горы. С их высшей точки можно без труда осмотреть весь Крымский остров, имеющий форму треугольника. На восток и на запад от вышеописанного Судака — горы Татского иля. Но они опять же входят в кефинский эйялет. Здесь много обрывистых гор и хребтов. Весь народ здесь — греки и лазы, говорящие по-гречески. Всего их до 15-ти тысяч, татского народа, стрелков из ружей. Когда они говорят между собой по-гречески, употребляют выражения из какого-то другого языка” [Челеби, 1999, с. 79].

В связи с этим особый интерес представляют данные об особом языке татов, содержащиеся в “Главе о наречии, присутствующем в выражениях народа татов-муртатов”: “Так как область татского иля находится в кыбловой [юго-восточной. — О. Б.] стороне Крымского острова, на краю мыса, там есть своего рода трудные слова. Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык. Это какой-то другой язык. Когда они говорят между собой, человек удивляется” [Челеби, 1999, с. 79]. Таким образом, Эвлия Челеби дает нам понять, что таты ранее говорили не на греческом, а на каком-то другом языке.

Сведения о географическом положении земли татов дополняет также информация Эвлии Челеби об их соседях: “На север от этих гор лежат степи, и все это татарская земля...” [Челеби, 1999, с. 79]. Исходя из сведений турецкого автора, можно предположить, что территория татов практически охватывала весь Горный Крым. Немаловажное значение имеют сведения Эвлии Челеби о религии татов, которых он назвал “муртаты”. По мнению Е. В. Бахревского — переводчика сочинения Эвлии Челеби, термин *муртам* мог представлять собой искаженное слово *мурдад*, что на арабском языке означает “вероотступник” [Челеби, 1999, с. 79, прим. 295]. Если жившие близ Судака и Кафы таты в 60-е гг. XVII в. уже представляли собой вероотступников, то из какой религии и в какую они перешли?

В главе “Книги путешествий” Эвлии Челеби, посвященной крепости Эски-Кырым, сказано: “...когда Крымский остров был в руках генуэзских франков, хан... из татарских ханов захватил Крым, но в руках неверных остались горы *Татского иля*, находящиеся на берегу моря на обрывистых скалах, и крепости Кефе, Судак, Мангуп, Балаклава, Инкерман, Сар-керман и множество других крепостей. Половина Крымского острова — степи Олмаган до крепости Орта — стала татарской, и татарский хан заключил с неверными договор о мире, [по которому] половина Крымского острова оставалась франкской, а половина — татарской” [Челеби, 1999, с. 80]. Так как Эвлия Челеби называет прежних жителей Татского иля “неверными”, то следует считать, что раньше они не являлись мусульманами, а, значит, могли быть либо христианами, либо иудеями.

В XVII в. татов было так много в Крымском ханстве, что для управления ими была учреждена даже государственная должность — *Тат-агасы*. Исследователь архивов крымских ханов Ф. Хартихай по этому поводу отмечает: «Тат-агасы был управляющим земель, известных в делах посольского приказа под именем “татских”. Эти земли были обитаемы христианами и составляли удел хана; название свое они получили от слова “таг”» [Хартихай, 1866, с. 210]. Данные наблюдения интересны тем, что позволяют отнести татов именно к числу христиан. Что же касается *Тат-*

агасы, то В. Х. Кондораки также считал, что он являлся в Крымском ханстве “министром лесных дел, земель и народов, обитавших на южном берегу” [Кондораки, 1875, с. 11, 47]. Вполне возможно, что эта должность была упомянута в документах московского посольства в Крым в 1626—1628 гг. как “Тат-Кирей князь” или “ага Татцкий” [Из истории сношений Москвы с Крымом..., 1906, с. 9, 48, 72, 92]. Со временем татский фактор стал настолько значительным для Крыма, что даже в турецких документах второй половины XVIII в. население полуострова стало разделяться на две группы — татар и татов [Сборник некоторых важных известий..., 1881, с. 31].

После официального присоединения Крыма к России термин *tat* не исчез из употребления, а наоборот — стал все чаще фигурировать в записках и отчетах европейских путешественников и ученых, посещавших Крым. Одним из них являлся академик Паллас, который побывал на полуострове в 1793—1794 гг. Исследователь посетил тогда три южнобережных татарских деревни — Кикинепс, Лимена и Симеис — и отметил особый антропологический тип местных татар, отличающийся европеоидностью и светлым цветом волос. Эти особенности позволили Палласу прийти к выводу: “... все южнобережные татары суть остатки обитавших здесь прежде народов и совершенно чужды монгольской расе; почему собственно крымские татары и считают их не своими, а чужестранными, и называют презрительным именем *Tat*” [Паллас, 1881, с. 150—151]. Данное сообщение позволяет считать, что в конце XVIII в. термин *tat* имел хождение внутри крымскотатарского этноса и использовался степными и предгорными татарами для обозначения этнически родственного, но отличного по культуре населения Южного Крыма.

Спустя несколько десятилетий среди татар Лимены побывал В. Кондораки, который также обратил внимание на особый антропологический тип местных татар, которые, по его мнению, имели “гораздо более сходства с черкесами, чем с греками”. Наблюдения, проведенные там, позволили исследователю сделать вывод: “... Монголо-татары при входе своем в Крымский полуостров застали на южном берегу особенный народ, который называли *Tatami* — это мы знаем потому, что и теперь внутри Крыма степные и городские татары называют южнобережных мусульман этим именем, а полосу, начиная от Байдарских ворот до Алушты, Ичелем. Не может быть, чтобы название это относилось собственно к грекам, которых было много во внутренности их владений и независимо от этого процветал второй Херсонес, геройски отстаивающий свою свободу. Мы имеем еще одно основание для отличия южнобережных татар от прочих: это протяжный или скорее певучий лад их речи, несвойственный другой нации в Крыму.” [Кондораки, 1867, с. 27—34; 1873, с. 157—159]. Таким образом, имеются основания считать татами южнобережных татар, проживавших в конце XVIII — XIX вв. как в юго-западной, так и в восточной частях Крымского полуострова.

Именно часть упомянутых татов вместе с остальными татарами покинула полуостров в 1854 г. во время Крымской войны и поселилась в Добрудже, на территории современных Румынии и Болгарии. По данным Э. Шютца, группа румынских татов пришла на новую территорию из Байдарской долины в Крыму, из 12 деревень вблизи горы Яйла. Другая группа татов пришла из района Ичеля на южном побережье Крыма. Язык татов Добруджи незначительно, но отличается от языка остальных татар Добруджи. Таты и собственно татары Добруджи отличаются также антропологически. И если татары относятся к круглолицему типу, то среди самих татов встречается два типа, находящие аналогии как среди носителей нордического типа, так и иранского [Schütz, 1977, p. 95—96].

Относительно оставшихся в Крыму татов во второй половине XIX в. Ф. Брун отмечал, что термин *tat* в его время собственно крымские татары применяют “ко всем инородным обитателям полуострова” [Брун, 1880, с. 240—241]. Аналогичную ситуацию зафиксировали в более позднее время и другие исследователи, посетившие

Крым. Так, в начале XX в. С. Васюков отмечал: “Горные татары (их прежде звали *таты*) не принадлежат к монгольскому племени, напротив, это люди чисто кавказской расы... Горцы исповедуют магометанство, но многоженство не принято у них, и я не встречал даже богатых татар, имевших двух, а тем более трех жен” [Васюков, 1904, с. 14]. В. Минорский в начале XX в. также отметил: “На сегодняшний день ногайские татары Северного Крыма называют именем *Тат* всех мусульман южного побережья полуострова” [Minorsky, 1987, с. 14]. Относительно этого в начале 20-х гг. XX в. Б. А. Куфтин писал: “Татары южного берега представляют группу вполне определенную не только географически, но и культурно. У татар предгорного Крыма они известны под именем татов” [Куфтин, 1925, с. 24].

Такую же ситуацию в конце 20-х гг. XX в. зафиксировал и В. И. Филоненко: «Крымские степные татары, ногайцы, татар южнобережных и горных обыкновенно называют “татами”. Стоит только появиться в ногайской деревне какому-нибудь южнобережному или горному татарину, большею частью это бывает мелкий торговец, как ребятишки встречают его такими возгласами: “Тат кильды, тат кильды!” — “Тат” пришел, “тат” пришел!”». По данным этого же исследователя, среди крымских татар “название *тат* имеет насмешливое значение, с известной долей презрения, как будто *таты* даже и не настоящие татары” [Филоненко, 1928, с. 130, 132].

Богат на данную тему и фольклор крымских татар. Так, пренебрежительное отношение к татам было зафиксировано в пословице: “Талдан агач болмас, таттан адам болмас” — “Из вербы не будет дерева, из тата не будет человека” [Пословицы..., 1915, с. 56]. Такие же мотивы присутствуют и в поговорке: “Аккан тат, бабан тат, не кирек сага балабат ат (ад)” — “Отец твой *тат*, мать твоя *тат*, зачем тебе нужно большое имя”. Кроме того, в своем фольклоре крымские татары представляют татов как очень упрямых людей, о чем свидетельствует пословица: “Тат дыр, инат дыр” — “Тат упрям”. У соседей же крымских татар — караимов — к татам еще более презрительное отношение. Они говорят: “Таттан беттер” — “Хуже тата” [Пословицы..., 1915, с. 132].

Более обобщающие сведения о распространении термина *тат* среди тюркоязычного населения Крыма содержатся у современного исследователя В. А. Бушакова: “В Крыму татары северных предгорий называли татами население Южного берега, как христианского греко- и тюркоязычного, так и тюркоязычного мусульманского, а ногайцы, которые обитали в степном Крыму, называли татами не только жителей Южного берега, но и всех крымских татар” [Бушаков, 1996, с. 114—115].

Кроме степных и предгорных татар Крыма, а также караимов, термин *тат* имел распространение и среди греков, переселившихся в 1778 г. из Южного Крыма в Северное Приазовье, в район Мариуполя. Непосредственное отношение к данному аспекту проблемы может иметь информация В. В. Радлова, относящаяся к концу XIX — началу XX вв.: “В Крыму, в западной части южного берега я слышал, что татары, живущие к северу от Судака, назывались татами” [Радлов, 1905, стб. 899—900]. Аналогичную ситуацию зафиксировал В. Григорович в середине XIX в. среди мариупольских греков в Приазовье: “Поселение, известное под именем мариупольских греков, на самом деле состоит из двух народностей и это заметно даже в очертаниях лиц. Первая, которую на месте называют *Татами*, вышла из Сугдайской епархии и обитает в 12 или 15 селах. Эти Таты говорят своеобразным греческим языком. Вторая, которой прозвище *базариане*, не зная по-гречески, говорит татарским языком. Она выселилась из Херсонской епархии, что доказывают и названия сел между Севастополем и Тепе-керменом” [Григорович, 1874, с. 5—6].

Сообщение В. Григоровича о неоднородности мариупольских греков подтвердил побывавший в Приазовье спустя несколько десятилетий Ф. Браун: «...одни из них, так называемые *тат*, говорят по гречески; они вышли главным образом из прежних Генуезских владений южного берега Крыма; — другие, говорящие по-татарски, —

суть выходцы из юго-западной горной области Крымского полуострова, т. е. именно из той области, которая до 1475 г. составляла владение Манкупских или “Готских” князей”». “Что касается языка переселенцев, — продолжает далее исследователь, — то они, как я уже сказал, делятся в этом отношении на две группы: одни, так называемые **там**, говорят на своеобразном греческом наречии, которое они называют **аила**; но, кроме того, все таты понимают и говорят также и по-татарски; песни их даже все исключительно татарские; греческих песен они не помнят. Другая группа, говорящая по-татарски, вовсе не знает греческого языка... Но Татары [тюркоязычные греки. — О. Б.] помнят, что и они говорили когда-то по-гречески” [Браун, 1890, с. 78, 84—85]. Однако из сообщений В. Григоровича и Ф. Брауна так и не ясно, в каком качестве использовался первоначально термин **там** в среде мариупольских греков — как самоназвание одной из групп этого населения или как обозначение со стороны соседей.

Не внесли определенной ясности в решение этого вопроса и современные исследователи мариупольских греков И. С. Понамарева и Е. И. Назарьев. Они допускают, что в прошлом существовала “двухзначность этнонима **таты**, возможность использования его как относительно румеев [эллинофонов. — О. Б.], так и урумов [тюркофонов. — О. Б.], которые населяют Северное Приазовье”. Упомянутые исследователи отмечают, что данные этнографических исследований не вносят ясности в решение этого вопроса: «Румеи, прежде всего, говорят “татча былем” — “знаю по-татски”. Это дает право отметить употребление слова **там** в качестве самоназвания. Урумы, относительно своих земляков, придают насмешливый оттенок выражениям “татъ киш” — “татская стоянка”, “чарух — ашаган татъ” — “тот, который съел свои постолы — татъ”» [Пономарева, Назарьев, 2000, с. 198].

Наблюдения другого современного исследователя, А. Н. Гаркавца, отличаются большей определенностью в решении рассматриваемого вопроса. По его данным, для обозначения тюркоязычных греков Северного Приазовья сейчас используют не только слово **базариане**, но и термины **греко-татары** и **урумы**. Последний представляет самоназвание данной этнической группы. Что же касается эллиноязычной части мариупольских греков, то относительно их используются термины **греко-эллины** и **румеи**, где последнее слово представляет самоназвание. По словам А. Гаркавца, “самоназвания **румей** и **урум** имеют общее происхождение — они происходят от названия Византии как нового Рима и столицы Восточно-Римской империи”. Что же касается использования термина **там**, то исследователь отмечает, что “урумы и сегодня называют румеев татами” [Гаркавец, 1999, с. 6].

Таким образом, наблюдения этнографов и филологов позволяют считать, что термин **там** не использовался в среде мариупольских греков как самоназвание одной из групп этой этнической общности — **татами** называли тюркоязычных выходцы из юго-западной части Крыма своих эллиноязычных соплеменников, вышедших из района Судака. Поэтому большие сомнения вызывает утверждение Б. А. Куфтина, “что татами называют себя также те из Мариупольских греков, выселенных в 1778 г. из Крыма, которые, будучи выходцами из прежних генуэзских колоний, в противоположность грекам юго-западной части горного Крыма, говорящим только по-татарски, сохранили родной греческий диалект **аила**” [Куфтин, 1925, с. 24].

Несмотря на это, большой интерес представляет другая информация Б. А. Куфтина о распространении термина **там** как самоназвания среди южнобережных татар Крыма: “Этим именем называют себя и сами татары наиболее глухих деревень Судакского района из бывших генуэзских колоний, например д. Ускют, Шилень, Ай-Серез и др.” [Куфтин, 1925, с. 24]. Весьма примечательно, что только в XX в. исследователи стали отмечать, что татары Южного Крыма в качестве самоназвания начали использовать термин **там**. Так, в справочнике “Народы мира”, изданном в конце 80-х гг. XX в., в статье “Татары крымские” сказано: “Татары крымские состояли из трех субэтнических групп: степных татар,

предгорных татар, южнобережных татар (самоназвание — *tat*); иногда выделяется субэтническая группа потомков ногаев (*ногай, ногайлар*), смешавшихся со степными татарами. Сформировались в результате слияния мигрировавшего в Крым преимущественно кочевого тюркоязычного населения и обитавших здесь оседлых жителей горных и прибрежных частей полуострова” [Татары крымские, 1988, с. 434—435]. Подобного мнения в последнее время придерживается также В. А. Бушаков, который считает, что термин *tat*, вне зависимости от своего первоначального значения, с течением времени стал “самоназванием части автохтонного населения горного Крыма” [Бушаков, 1996, с. 116]. И. С. Пономарева и Е. И. Назарьев, в свою очередь, также отмечают, что “*татами* называли себя татары, которые жили на север от Судака”. “Это, — считают исследователи, — пример распространения слова *таты* в качестве самоназвания в Крыму” [Пономарева, Назарьев, 2000, с. 204].

Таким образом, на фоне изложенного не совсем ясно: а) где находилась первоначальная территория расселения татского населения в Крыму; б) каким образом термин *tat* распространялся на территории Крымского полуострова; в) к каким этническим группам относились носители данного термина; г) какие значения вкладывались жителями Крыма в данное слово в различные периоды истории; д) являлся ли термин *tat* с самого начала самоназванием части населения Крыма; е) какую семантическую нагрузку нес данный термин во время появления на полуострове; ж) кто первым и когда принес слово *tat* в Крым и способствовал его распространению на полуострове?

В связи с этим особый интерес представляет информация В. Кондораки о народных толкованиях семантики и происхождения термина *tat*, распространенных среди крымских татар еще в недалеком прошлом: “...*таты*-же или *tat* имеют почти тот-же смысл [гора. — О. Б.] на татарском языке с тем же добавлением, что происходят от слова *tau* или *tav* означающее лесную гору; некоторые же из татар предполагают, что слово это относится прямо к горе, подтверждают мнение свое именем Палат-горы, которая называется обитателями подошвы ее по ту сторону Южного берега *Чатыр tau*” [Кондораки, 1867, с. 34; 1873, с. 159].

Подобные версии об этимологии слова *tat*, бытующие среди крымских татар, приводит также В. И. Филоненко: “Здесь мы не находим единства. Одни пытаются отождествить слово *tat* со словом *tau*, собственно гора, а у крымских татар также и лес. И говорят: *tat* образовалось из *tau* — лес, и означает такого человека, который живет ближе к лесу, в противоположность тем людям, в данном случае ногайцам, конечно, которые, как известно, живут в степях. Другие пытаются связать *tat* со словом *inat* — упрямый” [Филоненко, 1928, с. 32].

Однако народные этимологии не могут удовлетворить современных ученых. Проблема крымских татар на протяжении более двух столетий затрагивалась в различных работах исследователей Крыма. В связи с этим наметилось несколько подходов относительно интерпретации семантических значений термина *tat* и в соответствии с этим его использования для определенной части населения Крыма.

Наиболее распространенной является версия, согласно которой термин *tat* представлял собой этническое наименование части населения Крыма. Еще в XIX в. О. Блау высказался в пользу того, что современные ему таты Крыма и Северного Приазовья представляют собой потомков народности *фатеи—таты*, которая в III в. н. э. проживала, соответственно боспорским надписям, вблизи Меотиды — Азовского моря [Blau, 1876, s. 556—587]. Аналогичные сведения привел в своей статье В. И. Филоненко. По его данным, еще в титуле боспорских царей в IV в. до н. э. упомянут народ *таты*. Сведения о народе *таты мзотийские*, считает В. И. Филоненко, имеются также у таких позднеантичных авторов, как Птолемей и Помпоний Мела, что допускает заимствование из более древнего источника. Но В. И. Филоненко не считал современных ему татар Крыма потомками народа *таты* времен античности [Филоненко, 1928, с. 131]. И для этого имеются весьма серьезные

основания — около полутора тысяч лет в письменных документах отсутствуют какие-либо упоминания о народности *таты*, которая предположительно должна была проживать в Крыму или на соседних территориях. К этому следует добавить, что первые сведения о нахождении татов в Крыму относятся лишь к началу XV в. Как уже отмечалось, о них впервые упоминают И. Галонифонтибус [Галонифонтибус, 1980, с. 13, 15] и И. Шильтбергер [Шильтбергер, 1867, с. 57—58, 236].

Гипотеза, предложенная В. Х. Кондораки также вызывает определенные возражения: “Самое название *Таты* довольно сходственно со словом *Тавры*. Тождественность их выражается также и в значении: нам объясняли уже, что название Тавриды происходит от ассирийского *гора*” [Кондораки, 1867, с. 34; 1873, с. 159]. В данном случае весьма непонятна с филологической точки зрения возможность трансформации термина *тавры* в *таты*. В то же время, распространение далеко за пределами Крыма групп населения, носящих наименование *таты*, отнюдь не может означать, что они являются потомками тавров.

В. В. Радлов считал татов южного берега Крыма потомками генуэзцев, а С. Васюков — потомками генуэзцев и венецианцев. Основанием для таких утверждений стало то, что ранее в данном районе существовали генуэзские и венецианские колонии, которые пришли в упадок вследствие экспансии на полуостров татар и турок-османов, что привело к уходу этого населения в горы. При этом В. В. Радлов вкладывал в понятие *таты* смысловое значение — “подданные”, “зависимое население” и т. п. [Радлов, 1905, стб. 899—900; Васюков, 1904, с. 14]. В сложившейся ситуации, с одной стороны, весьма сложно согласиться с тем, что до вторжения турок-османов в Крым в 1475 г. все генуэзцы и венецианцы южного побережья полуострова находились в зависимом положении от крымских ханов. С другой стороны, совсем не понятно, как должны были бы называться потомки других исчезнувших народов Южного Крыма — готов, аланов и др.

Подобных взглядов на семантические значения термина *tat* придерживался Ф. Брун, который также считал, что татары вкладывали в это слово смысловое значение — “покоренный народ”. Однако исследователь, в соответствии со своей интерпретацией информации И. Шильтбергера, считал, что татары первоначально называли татами готов. По мнению Ф. Бруна, со временем данное наименование стало применяться “ко всем инородным обитателям острова” [Шильтбергер, 1867, с. 58, прим. 4; Брун, 1880, с. 241]. В сложившейся ситуации весьма уместно напомнить, что лишь через несколько десятилетий после путешествия И. Шильтбергера в 1475 г. турками-османами было завоевано независимое княжество Феодоро. Оно существовало в горах Южного Крыма. Основу его населения составляли готы и представители других народностей. Весьма примечательно, что еще в свое время на это несоответствие обратил внимание В. Минорский [Minorsky, 1987, p. 698]. Следовательно, первоначально татами могли называть не готов, так как в понятие *таты* вкладывались иные смысловые значения.

Современные исследователи ситуации с этнонимами среди мариупольских греков — И. С. Пономарева и Е. И. Назарьев также видят в татах отдельный народ. Исходя из сообщения Эвлии Челеби, они высказали предположение: “Если *таты* были похожи на греков, то это были не греки. Таким образом, на территории Северного Приазовья где-то потерялись следы целой народности, судьба которой напоминает судьбу этнических групп, которые подвергались постоянным гонениям”. Проанализировав различные ситуации с использованием термина *tat* в среде тюркоязычного и ираноязычного населения районов, весьма удаленных от Крыма, исследователи остановились на двух семантических значениях слова *tat* — “ираноязычный”, “чужой”, что, по их мнению, могло получить распространение на Крымском полуострове. В связи с этим были сделаны весьма спорные выводы: «В значении “чужой” этноним *таты* начал использоваться тюрками в первые века н. э. Потом это слово перешло к иранцам, и они принесли его на Кавказ, где и в

наше время живет народность *таты*. Иранцы или же сами тюрки принесли слово *таты* в Крым (это сделали ираноязычные скифы или османы, потомки древних тюрков). После того, как татары Крыма стали вассалами Османской империи, у них появилось больше возможностей (хотя, скорее, необходимости) пользоваться языковыми средствами османов. “Мариупольские греки” вывезли это слово из Крыма, заимствовав его от татар» [Пономарьова, Назар’ев, 2000, с. 199—205]. Если не затрагивать вопрос о том, когда появился термин *tat* (до нашей эры или после), то непонятной будет идея причастности скифов или османов к появлению в Крыму термина *tat*. С одной стороны, маловероятно, чтобы народ *таты* мог появиться в Крыму в середине I тыс. до н. э. и при этом о его существовании на полуострове письменные источники могли бы молчать почти две тысячи лет, вплоть до середины II тыс. н. э. С другой стороны, как было сказано выше, турки-османы появились в Крыму только в 1475 г., а первые упоминания о татах Крыма относятся еще к началу XV в. Если исходить из предложенной И. С. Пономаревой и Е. И. Назарьевым версии, согласно которой термин *tat* в Крыму имел отношение к ираноязычным жителям, то следует вспомнить, что кроме скифов в более поздние времена на полуострове проживали и другие ираноязычные этнические общности — сарматы, аланы и т. п.

В связи с этим особого внимания заслуживает уже упомянутая гипотеза А. Н. Карсанова, согласно которой термин *tat* в Крыму использовался исключительно для обозначения тюрками местного ираноязычного населения, каковыми на полуострове во времена средневековья являлись крымские аланы. В качестве доказательства этого были приведены данные некоторых средневековых письменных источников, которые, по мнению А. Н. Карсанова, могут доказывать преемственность доосманского аланского населения Крыма и позднесредневековых местных татов [Карсанов, 1992, с. 164—167]. В данной ситуации не совсем ясно, почему для обозначения аланов тюркоязычные обитатели Крыма и в османский период продолжали использовать этнический термин *Ac* [Иналджик, 1996, с. 318—319], весьма распространенный среди многих тюркоязычных народов [Радлов, 1893а, стб. 359, 535; Немец, 1960, с. 4]. В связи с этим не совсем понятно, как могли называться в османский период потомки некоторых других нетюркоязычных народов Южного Крыма — готов, генуэзцев и др.

Как уже отмечалось, Э. Шютц также считал термин *tat* этнонимом, используемым в позднее средневековье для обозначения особой народности Южного Крыма, которая, по его мнению, образовалась в результате смешения местных аланов и готов. Данное предположение было сделано на основе сопоставления сведений о расселении аланов и готов в более ранних средневековых источниках с информацией позднесредневековых текстов о локализации татов в Крыму. Кроме того, Э. Шютц считал, что семантические значения термина *tat* в Крыму, также как и в других районах, менялись с течением времени. По мнению исследователя, данный термин в среде тюрков-татар первоначально мог иметь значение “ираноязычный народ”, со временем приобретший значение “соседний покоренный народ”. Позже, как считает Э. Шютц, при использовании термина *tat* произошла трансформация понятия “соседний, покоренный народ” в новое значение “действительный сосед”. В конечном результате “могло случиться расширение значения, после всего выходящее из обозначения специального ираноязычного соседа и выводящее в этническом названии обозначения для различных народов или этнических групп, чуждых тюркам-татарам, что наблюдается в существовании двух различных групп крымских татов” [Schütz, 1977, с. 97—98].

И если одна группа исследователей Крыма придерживалась мнения, что термин *tat* являлся, прежде всего, этническим наименованием, то другие ученые вкладывали в данное слово иные значения. Так, в свою очередь, академик Паллас считал, что в термин *tat* северные тюркоязычные соседи южнобережных татар вкладывали презрительное значение, которое должно было бы означать

“чужестранные” [Паллас, 1881, с. 151]. Н. Г. Волкова же полагала, что термин *там* означал “все покоренное нетатарское население Крыма” как прибрежной, так и горной части полуострова [Волкова, 1973, с. 46—49]. В. А. Бушаков высказал версию, что в Крыму татары в термин *там* вкладывали значения “немой”, “заика”, “говорящий на непонятном языке”, что напоминает ситуацию со славянским обозначением западных соседей — *немец* [Бушаков, 1996, с. 114—116]. В. Минорский также полагал, что крымские таты — это “магометанское население полуострова, которое представляет смешение народов, которые были тюркизированы” [Minorsky, 1987, p. 698].

В связи с этим особого внимания заслуживает гипотеза В. И. Филоненко, считавшего, что ранее предки современных ему татов придерживались греческого христианства, а позже вынуждены были перейти в ислам. Это дало основания В. И. Филоненко сделать следующие выводы: “... *там* в устах степных крымских татар есть не что иное как испорченное и забытое, конечно, теперь арабское *муртад*, т. е. тот человек, который оставляет старую религию и принимает другую новую веру, вероотступник, ренегат, а также человек подлый, низкий, презренный. С течением времени произошло, что начальный слог *мур-* отпал, а конечный звонкий *-д* стал звучать как глухой *т*” [Филоненко, 1928, с. 132]. Однако Эвлия Челеби впервые фиксирует термин *муртамы-таты* в Крыму лишь в 60-е гг. XVII в. [Челеби, 1999, с. 79—80], хотя термин *там* в Крыму был зафиксирован письменными источниками уже в начале XV в.

Со своей стороны Мурат Бей Биярсланов при анализе османских документов крымского происхождения, написанных в середине XVII в., пришел к выводу, что уже тогда татами называлось христианское и мусульманское население Южного Крыма, которое проживало на территориях, ранее населенных христианами [Биярсланов, 1889, с. 81, прим. 1]. Подобного мнения придерживался также Ф. Хартихай, считавший, что в Крыму слово *там* “означает христиан и в особенности греков” [Хартихай, 1866, с. 210]. В настоящее время Я. Р. Дашкевич также полагает, что таты Крыма — это “исламизированные выходцы из различной христианской среды” [Дашкевич, 2000, с. 14].

Таким образом, существование различных диаметрально противоположных мнений исследователей истории Крыма относительно распространения и смысловых значений термина *там* на полуострове свидетельствует, что данная проблема еще далека от своего окончательного разрешения. Причина этого в том, что данные письменных источников еще не в достаточной мере сопоставлялись со сведениями этнографического характера. Кроме того, проблема татов Крыма еще не рассматривалась детально в территориальном и хронологическом аспектах: необходимо исходить из того, что в различные периоды истории термин *там* был распространен в определенных частях Крыма и в соответствии с этнополитической ситуацией на полуострове нес в себе различные смысловые значения. Поэтому задача данного исследования и состоит именно в соблюдении предложенных принципов анализа.

Прежде всего необходимо выяснить, как термин *там* распространялся на территории Крымского полуострова и где находилась зона его первоначального распространения. Данные этнографии свидетельствуют о том, что в конце XVIII — начале XX вв. степные татары называли татами все тюркоязычное мусульманское население южнобережного, горного и даже предгорного Крыма. Однако в этот период в среде самих южнобережных татар было отмечено два района распространения собственно названия *таты*. Один из них находился в Юго-Западном Крыму в районе Байдарской долины, а также в так называемом Ичеле — прибрежной полосе от Байдарских ворот до Алушты, где находились поселения татов Кикинепс, Лимена, Симеис и др. [Паллас, 1881, с. 150—151; Кондораки, 1875, с. 27—34; 1873, с. 157—159; Schütz, 1977, p. 95—96]. В этом же районе еще в 1649 г. османскими документами было упомянуто “татское поселение близ Балаклавы” [Смирнов, 1887,

с. 542], что дает основания предполагать нахождение татов здесь в начале XVII в. Не об этой ли группе татов идет речь в ярлыке крымского хана Девлет-Гирея от 999 г. х. (1590—1591 гг.) начальнику крепости Киркиер, которому вменяется в обязанность взимать налог “с привозимых *tat-raia* дров”? [Сборник некоторых..., 1881, с. 27].

Информация В. В. Радлова о том, что в конце XIX в. “в Крыму, в западной части южного берега... татары, живущие к северу от Судака, назывались татами” [Радлов, 1905, стб. 899—900], позволяет обозначить второе место первоначального распространения термина *tat* — район Судака. Информация Б. А. Куфтина о том, что в начале XX в. татами называли “себя и сами татары наиболее глухих деревень Судакского района... Ускют, Шилень, Ай-Серез и др.” [Куфтин, 1925, с. 24] подтверждает данную информацию. Татами, по данным В. Григоровича, называли и греков переселившихся в конце XVIII в. в Северное Приазовье “из Сугдайской епархии” [Григорович, 1874, с. 5—6]. В 60-е гг. XVII в. Эвлия Челеби также отметил аналогичную ситуацию, в соответствии с которой “на восток и на запад от вышеописанного Судака — горы Татского иля” [Челеби, 1999, с. 79]. Местность *Tat-эли* упомянута также в фирмане крымского хана Мухаммеда IV к митрополиту крымскому Давиду, датированном 1652 г. [Биярсланов, 1889, с. 81]. Мурат Бей Биярсланов считал, что “Тат-эли — это страна, где живут таты, т. е. неверные и мусульмане; по всей вероятности — кефийский и мангупский округа” [Биярсланов, 1889, с. 81, прим. 1]. В связи с этим следует обратить внимание на то, что термин *иль (эли)* в тюркских языках мог обозначать не только страну или территорию, но и мог нести в себе другие смысловые значения. В. В. Радлов отмечает, что данное слово в среде тюрков могло иметь также такие значения: “1) народ, племя; 2) жители деревни, приход, деревня” [Радлов, 1893б, стб. 1471].

Таким образом, упомянутый в османском документе под 1649 г. “берег под названием татский иль, находящийся возле Балаклавы” может иметь либо вариант перевода, предложенный В. Д. Смирновым, — “татское поселение близ Балаклавы” [Смирнов, 1887, с. 542], либо перевод может предстать как “берег, называемый *татская земля*, возле Балаклавы”.

Как уже отмечалось, о татских поселениях, находившихся вблизи Кафы и Судака, упоминали армянские хроники первой половины XVII в. Весьма примечательно, что армянский священник Хачатур в своей “Хронике Кафы”, повествуя о событиях между 1615—1648 гг., упомянул термин *Tat'in tun*, который Э. Шютц перевел как “земля татов” [Schütz, 1977, р. 81—82]. Таким образом, имеются основания предполагать, что в состав Татского иля входили также земли, находившиеся между Судаком и Кафой.

В связи с отмеченной первоначальной локализацией татских владений, особого внимания заслуживает датируемая началом XV в. первая информация о расположении области татов, содержащаяся в сочинении И. Шильтбергера: “Далее город Киркьер (*Karckeri*) в хорошей стране, именуемой *Sudi (Suti)*, но которую язычники [татары-мусульмане. — О. Б.] называют *Tam (That, Than)*” [Шильтбергер, 1867, с. 57—58]. Как уже отмечалось, переводчик немецкого текста “Путешествия” — Ф. Брун посчитал, что область *Sudi (Suti)* — это “ничто иное, как ошибочное чтение армянской формы имени Готии”, а город *Киркьер (Karckeri)* — это более поздний Чуфут-Кале [Шильтбергер, 1867, с. 57—58, прим. 4; Брун, 1880, с. 236]. Однако Х. Х. Шедер полагал, что упоминаемый термин *Sudi (Suti)* не является обозначением Готии, вблизи которой находился город *Киркор* (Чуфут-Кале), а служит для обозначения области вокруг Судака, где проживали греческие христиане [Shaeder, 1941, s. 10]. Но, чем можно объяснить присутствие в данном фрагменте текста названия города *Киркор*, значительно удаленного от Судака? Э. Шютц считает, что в данном случае И. Шильтбергер перепутал название страны с названием города, возникшего несколько позже на территории с тем же названием [Schütz, 1977, р. 100—103]. В связи с этим следует напомнить о предположении В. Д. Смирнова,

что название **Киркор** на языке татар Крыма могло означать “Сорок замков” [Смирнов, 1887, с. 108—115]. Весьма показательно, что еще в середине XIII в. Г. Рубрук отмечал: “сорок замков существует между Херсоном и Солдаей, почти каждый из них имел свой язык, среди них было много готов, язык которых тевтонский” [Рубрук, 1957, с. 104—105]. Кроме того, в XIV в. арабоязычный географ Абу-л-Феда писал о Крыме, что “это страна сорока городов” [Aboulféda, 1848, p. 319]. Весьма примечательно, что даже в конце XVI в. турецкий автор Али-эфенди отмечал: “Крымская область включает в себе сорок городов. Известные из них суть Солгат, Судак и Кэфа” [Смирнов, 1887, с. 56]. Именно подобные сведения средневековых авторов дали основания некоторым исследователям считать, что И. Шильтбергер назвал именем **Киркор** не город, а целую область в Южном Крыму, находившуюся между Судакон и Херсоном [Schütz, 1977, p. 100—104].

В сложившейся ситуации следует обратить внимание на такие особенности: 1) в начале XV в. И. Шильтбергер, а в более позднее время Эвлия Челеби и другие авторы, говоря о локализации области татов, особо выделяли земли, находившиеся вблизи Судака; 2) татары и греки из Юго-Западного Крыма, т. е. те, кого степные татары и турки-османы традиционно относили к числу татов, себя татами не называли, а использовали данный термин только для обозначения населения, жившего вблизи Судака; 3) термин **там** был зафиксирован в качестве самоназвания лишь у татар, живших вблизи Судака. Следовательно, первоначальным местом распространения термина **там** в Крыму мог являться район возле Судака.

Исходя из того, что первые упоминания о татах в Крыму относятся к началу XV в., можно предположить, что сам термин начал использоваться на полуострове в золотоордынский или предшествовавший периоды. Из района Судака название **там** могло распространиться и на жителей южного побережья Юго-Западного Крыма (район Ичеля и Байдарской долины), что может свидетельствовать о возможной этнической или культурной близости населения данных районов. Однако непонятно, кто первым начал использовать в Судаке и его окрестностях наименование **там** и кого в Крыму впервые стали называть татами?

В XIII—XIV вв. в Судаке побывали и оставили след различные народы. Известно, что в начале 20-х гг. XIII в. Судак был захвачен турками-сельджуками, а зимой 1222—1223 гг., как уже отмечалось, там перезимовали монголы (накануне своего похода на Калку). Несмотря на это, город Судак продолжал оставаться “городом кипчаков”, которые оставили его лишь на рубеже 30-х—40-х гг. XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием [Ченцова, 1996, с. 171—181]. С тех пор, вплоть до османского вторжения 1475 г., Судак входил сначала в состав Золотой Орды, а затем — Крымского ханства. В отмеченный период в районе Судака находились греки, генуэзцы, русские, аланы, кипчаки, монголо-татары, турки-сельджуки и представители других народов, т. е. его население являлось полиэтническим, что находит подтверждение в сведениях письменных источников того времени.

В связи с этим особый интерес представляет мнение О. Прицака, считающего, в соответствии с выводами С. Кляшторного, что термин **там**, который был известен древним тюркам, представлял собой “древнегреческое обозначение для согдийцев” [Прицак, 1996, с. 54]. Кроме того, О. Прицак считает: “В средневековье, по крайней мере до конца VIII в., трансконтинентальная торговля между Европой и Китаем находилась полностью в руках подвижных иранцев Средней Азии — согдийцев. Памятником согдийского прежнего величия у нас, а именно с гунно-болгарских времен (до VIII в.), осталась Сугдая в Крыму, которую наши предки называли Сурож, с типичным для гунно-болгар переходом *gd > r*.” [Прицак, 1965, с. 94—95]. Подобные предположения подталкивают к версии, согласно которой впервые греки могли назвать татами согдийцев, которые должны были находиться в районе Судака. Однако делать такие выводы лишь на основании созвучий названия города **Судак** в Крыму и наименования страны **Согад** в Средней Азии не представляется возможным, так

как письменные источники не несут в себе никакой информации о нахождении согдийцев на Крымском полуострове в период средневековья.

Таким образом, гипотезу о согдийском происхождении крымских татов принять нельзя. Более вероятной может являться версия о причастности к появлению в Восточном Крыму в XIII—XIV вв. термина *tam* тюркоязычных народов Крыма огузского и кипчакского происхождения — турок-сельджуков, кипчаков-половцев и ногайцев. Традиция, отмеченная в средневековых текстах, свидетельствует о том, что данный термин получил распространение именно там, где сосуществовало ираноязычное и тюркоязычное население.

Впервые термин *tam* был зафиксирован в Орхонских рунических надписях древних тюрков, обнаруженных в Центральной Азии и датированных началом VIII в. Особый интерес для нас представляет обращение Бильче-кагана к бегам и народу, переведенное на русский язык С. Г. Кляшторным: "... сердечную речь мою вы (все), до сыновей десяти стрел и их татов, глядя на этот (памятник), ведайте" [Кляшторный, 1964, с. 122—123]. В. Томсен первым высказал предположение, что "десятистрельный народ" — это тюрки Западного Тюркского каганата, а "таты" — их "подданные иностранного происхождения" [Thomsen, 1916, p. 103—104]. Социальный смысл в термин *tam* Орхонских надписей вкладывал также С. П. Толстой. По его мнению, таты «находясь в определенной связи с родами и семьями полноправных граждан "эля", занимали положение, близкое к кабальным рабам, составляя как бы низший слой клиентелы» [Толстой, 1948, с. 265]. В то же время С. Г. Кляшторный, О. Прицак и другие исследователи считают, что под татами Орхонских надписей следует подразумевать прежде всего согдийских поселенцев в Семиречье, подвластных западнотюркским каганам [Кляшторный, 1959, с. 10—11; Прицак, 1996, с. 52—54]. Кроме того, О. Прицак отметил, что в раннее средневековье, кроме таких значений, как "подданный иностранного происхождения" и "согдиец", термин *tam* изначально также означал: 1) чужеземец, говорящий на непонятном языке — аналогия славянскому слову "немец"; 2) ираноязычный житель оазисов; 3) несторианский христианин и т. п. [Прицак, 1996, с. 52—58].

Большое разнообразие значений употребляемого слова, весьма отличных от первоначальных значений, отметил в XI в. Махмуд Кашгарский в составленном на арабском языке "Словаре тюркских наречий": "Тат — у всех тюрков это каждый, кто говорит на иранском языке". Отмечая далее, что татами в его время тюрки стали называть и уйгуров, и китайцев, "подобно тому как его употребляют в отношении иранцев", он посчитал, что слово *tam* в данной ситуации употреблялось неверно [Кляшторный, 1964, с. 223]. Но здесь уместно предположить, что уже в XI в. термин *tam* мог использоваться тюрками не только в значениях "ираноязычный житель", "несторианский христианин", "подданный иностранного происхождения", но также как эквивалент понятий: "чужеземец", "земледелец — житель оазисов" и т. п.

Интересная информация о распространении термина *tam* содержится в сочинении Абу-л-Гази "Родословная туркмен", написанном в XVII в. Повествуя о временах появления на Среднем Востоке предков туркмен — огузов-кочевников, Абу-л-Гази, в частности, отметил: "В те времена в Ираке, Хорасане и Мавараннахре государи, сипахи и райяты — все были *таты*; кроме татов никого не было" [Кононов, 1958, с. 55—56]. Это в конечном итоге, по определению переводчика и комментатора данного сочинения А. Н. Кононова, позволяет считать, что "туркмены термин *tam* употребляли как этнографическое название для обозначения нетюрков, в первую очередь иранцев; татами они называли также оседлое население вообще и хивинцев, хорезмийских узбеков в частности" [Кононов, 1958, с. 96, прим. 126].

Аналогичную ситуацию отметил в начале XIX в. путешествовавший по Туркмении Н. Муравьев. По его словам, тюркоязычными туркменами татами были названы "первобытные обитатели Средней Азии" [Муравьев, 1822, с. 20]. Кроме того, во второй половине XIX в. среди таджиков Зарафшанского округа побывал

А. Д. Гребенкин, который отметил, что татами там называли себя выходцы из Мерва. Путешественник отметил: "...язык их персидский, а занятия и тип те же, что и у таджиков. О себе они говорили: мы род **tam** племени персидского" [Гребенкин, 1872, с. 1].

Еще несколько десятилетий назад наиболее полную картину распространения и использования термина **tam** различными народами Евразии дал В. Минорский в своей статье "Тат", написанной специально для "Энциклопедии ислама". Необходимо отдать должное этому исследованию и отметить, что вплоть до настоящего времени данная статья остается актуальной и многие современные исследователи продолжают обращаться к ней. Для нас также имеет смысл сослаться на некоторые выводы и наблюдения В. Минорского. Так, кроме уже отмеченной нами ситуации в Крыму и Центральной Азии, В. Минорский также зафиксировал употребление данного термина даже среди венгров, которые термином **tót** называли своих соседей-славян. Очевидно, в раннее средневековье их предки могли заимствовать данное слово от соседей-тюрков со значениями "чужой", "подданный" и т. п. Аналогично термином **tam**, по данным В. Минорского, турки-сельджуки обозначали завоеванных ими персов, что предполагает значения — "подданный", "ираноязычный житель" и т. п. Кроме того, В. Минорский отметил, что в Малой Азии в позднее средневековье называли татами кызылбашей — мусульман-шиитов, очевидно, благодаря их связи с персами, которые также являлись мусульманами-шиитами. Даже тюркское племя кашкайцев, проживавшее в Фарсе, на территории Ирана, склонно было использовать термин **tam** для обозначения своих ираноязычных соседей в значении "нетюрков". Аналогичная ситуация также была зафиксирована среди тюркоязычного населения Азербайджана. Туркмены Закаспия называли татами также ираноязычных таджиков Хивы и других городов. В. Минорский также отметил, что османский автор Шаик Сулейман Эфенди в своем словаре дал такую характеристику носителям наименования **tam**: "народы, которые находились под властью тюрков, т. е. таджики". В конечном итоге получалось, что накануне появления монголов в Средней Азии татами уже называлось все местное оседлое население, включая тюркоязычное. На основе анализа сообщений османотурецких авторов В. Минорский отметил, что в Малой Азии уже в османский период татами называли "бывших курдов и персов, обитавших в провинциях, подпавших под власть тюрков". Близкое, но другое значение термина **tam** было зафиксировано в Туркестане в чагатайский период: "класс подвластных людей, живущих вне города". Особое значение придавал В. Минорский тому, что на севере Персии, в Азербайджане и Дагестане находились отдельные группы ираноязычного населения — **таты**, язык которых походил на персидский, но по ряду особенностей отличался от него [Minorsky, 1987, p. 697—700].

Наиболее же полную картину распространения термина **tam** в Средней Азии, Иране и Закавказье дал Д. Ф. Люшкевич в своей статье, опубликованной более трех десятилетий назад [Люшкевич, 1971, с. 25—32]. По его наблюдениям, "даже на имеющих много общего в историко-культурном отношении территориях Средней Азии, Ирана и прилегающих районов Закавказья название **tam** встречается в различных значениях" [Люшкевич, 1971, с. 25]. В соответствии с этим Д. Ф. Люшкевич выделил следующие значения слова: 1) название некоторых групп старого оседлого населения независимо от их языковой принадлежности (Средняя Азия); 2) название и самоназвание отдельных групп ираноязычного населения (Иран); 3) самоназвание групп татов-мусульман и название татов-евреев и татов-мусульман (Закавказье) [Люшкевич, 1971, с. 26]. При этом исследователь уточнил, что в Средней Азии туркмены называют татами всех оседлых жителей правого берега Амударьи, в том числе Таджикистана. При этом ираноязычных жителей Таджикистана они называют **таджик татлары** — "таджикские таты". Этим, по мнению Д. Ф. Люшкевича, подчеркивается отличие таджиков от других по языку татов — "потомков местного населения, не полностью ассимилированного

тюрками”. Кроме того, по наблюдениям исследователя, “в центральных районах Туркмении к татам относят туркменские группы, которые своим происхождением связаны с местным дотюркским населением и имеют много общего в обычаях, в частности в брачных обрядах, с узбеками соседних районов Узбекистана”. Все это дало основание Д. Ф. Люшкевичу сделать вывод: “В Средней Азии слово *tam* связано как с самим дотюркским, преимущественно ираноязычным, населением, так и с его культурными традициями” [Люшкевич, 1971, с. 27]. Что же касается ситуации в Малой Азии, то на основе анализа письменной традиции сельджукско-османского периода Д. Ф. Люшкевич сделал вывод “об определенном этническом значении слова *tam* и его связи с ираноязычным населением” [Люшкевич, 1971, с. 27]. Существующие группы татского населения в Закавказье и на севере Ирана были определены Д. Ф. Люшкевичем, в соответствии с традицией, как имеющие отношение к понятию “ираноязычный”, т. е. отличный от окружающего населения. На основе данных наблюдений исследователь пришел к выводу, что первоначально термин *tam* являлся этнонимом, эквивалентным понятию “ираноязычный”, и в этом значении распространился вместе с тюрками из Средней Азии на запад — в Закавказье и Анатолию. “Однако в Средней Азии, — отмечает далее Д. Ф. Люшкевич, — этот термин, видимо, в силу гораздо более ранней и интенсивной тюркизации большей части населения, получил некое иное развитие... По мере все большей тюркизации Средней Азии слово *tam* теряет свое чисто этническое содержание и начинает обозначать тот культурный тип, к которому принадлежала основная часть местного населения” [Люшкевич, 1971, с. 30]. Кроме того, Д. Ф. Люшкевич склонен даже связывать происхождение этнонима *таджик* с термином *tam* [Люшкевич, 1971, с. 30—32]. Но с последним предположением совершенно не согласен О. Прицак, который термин *таджик* выводит от названия соседнего с доисламским Ираном североаравийского племени *tay*, которое для персов вместе с суффиксом принадлежности (*zik*) стало обозначением для всех арабов, приобрел вид *tayzik*. Со временем, как считает О. Прицак, данное название распространилось на ираноязычных приверженцев ислама в Средней Азии, приняв значения этнонима [Прицак, 1996, с. 58].

В сложившейся ситуации большой интерес представляют группы ираноязычного населения Восточного Кавказа и Северного Ирана, относительно которых широко используется обозначение — *таты*. Так, в “Энциклопедическом словаре”, изданном сто лет назад Ф. А. Брокгаузом и И. А. Эфроном, о татах Закавказья и Дагестана сказано: “*Таты* — народность иранского (персидского) племени, обитающая на Кавказе, в губ. Бакинской (Бакинском и Кубинском уезд.) и Елизаветпольской и в южном Дагестане (в Кайтаго-Табасаранском округе). Число их доходит до 135000. Название *Таты*, кажется, не есть собственно обозначение известного народа, а является лишь определением его образа жизни и социального обозначения... Таты исповедуют мусульманскую религию шиитского толка. Язык Татов, иначе называемый фарсидским, есть не что иное, как испорченный народный говор новоперсидского языка... Тем же татским языком говорят и горские евреи Дагестана и Бакинской губ.” [Таты, 1901, стб. 682]. Впервые язык этих татов начал изучать еще в конце XIX в. В. Ф. Миллер [Миллер В. Ф., 1892а], а в первой половине XX в. данное направление исследований продолжил Б. В. Миллер [Миллер Б. В., 1929]. В советское время изучением татского языка занимался А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова [Грюнберг, 1961, с. 106—114; Грюнберг, Давыдова, 1982, с. 231—286]. По наблюдениям А. Л. Грюнберга и Л. Х. Давыдовой, современный “татский язык принадлежит к юго-западной группе иранских языков и по своему грамматическому строю и лексическому составу близок к персидскому и таджикскому” [Грюнберг, Давыдова, 1982, с. 232]. При этом татский язык имеет диалектные различия, в зависимости от того, какой религии придерживаются его носители — «для диалекта татов-иудеев принят термин “северный диалект”, для диалекта татов-мусульман и христиан — термин “южный диалект”» [Грюнберг,

Давыдова, 1982, с. 231]. Как видим, в советский период сложилось так, что татами стали называть не только мусульман-шиитов, но и близких им по языку представителей других религий. В энциклопедическом справочнике “Народы мира”, изданном в 80-е гг. об этом, в частности, сказано: “Таты, тат (самоназвание) — ...Народ в СССР. Живут в Азербайджанской ССР и Дагестанской АССР, небольшая группа в автономных республиках Северного Кавказа... Верующие таты — мусульмане-шииты, иудаисты и христиане-монофизиты. Близки по культуре азербайджанцам и народам Дагестана” [Авшалумов, Мататов, 1988, с. 435]. В связи с этим А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова уточняют: “По вероисповедованию таты делились на две основные группы: таты-иудеи (большинство дагестанских и северокавказских, в Азербайджане — варташенские и кубинские) и таты-мусульмане (апшеронские и североазербайджанские)... По языковому признаку к татам-мусульманам примыкает также небольшое количество татов-христиан (армяно-татов), населяющих сел. Матраса и Кильвар в северо-восточном Азербайджане” [Грюнберг, Давыдова, 1982, с. 231].

Случилось так, что в советский период татов Кавказа стали представлять преимущественно как приверженцев иудаизма, исходя из того, что последователи этой религии составляли значительную прослойку в среде этого ираноязычного населения [Мататов, 1981, с. 109—112; Голотвин, Мататов, 1986, с. 185—188]. Однако данная ситуация сложилась относительно недавно. А. Л. Грюнберг и Л. Х. Давыдова в этой связи отмечают: «Для носителей южного диалекта термин *tam*, однако, является самоназванием с достаточно отдаленного времени; для говорящих на северном диалекте употребление этого термина, как названия и самоназвания, распространилось в относительно недавнее время, в основном после революции, вытеснив термины “горский еврей”, “даг чуфут”, “джухур”» [Грюнберг, Давыдова, 1982, с. 232]. В настоящей работе мы не ставим задачу рассмотреть различные версии относительно происхождения кавказских татов. Однако ситуация с распространением на востоке Кавказа термина *tam* для нас интересна тем, что там данное слово выступает в качестве этнонима для обозначения ираноязычного населения, весьма отличного от соседей-тюрок, каковыми там являются азербайджанцы. Азербайджанцы очень близки по происхождению к среднеазиатским туркменам и малоазийским туркам — язык азербайджанцев, как и язык турок и туркмен, относится к юго-западной (огузской) подгруппе тюркской группы алтайской семьи [Логашова, 1988, с. 42]. Вполне возможно, что термин *tam* впервые был занесен на Юго-Восточный Кавказ, как и в Малую Азию, огузскими племенами во времена сельджукских завоеваний в начале II тыс. и с самого начала стал использоваться как этноним для обозначения местного ираноязычного населения. Весьма примечательно, что данная особенность вполне напоминает ситуацию в Малой Азии, где турки называли татами потомков ираноязычных курдов и персов [Minorsky, 1987, p. 698].

Татов Азербайджана и Дагестана не следует путать с татами Северо-Западного Ирана, которые проживают дисперсно в окружении другого ираноязычного и тюркоязычного населения между городами Тегеран и Казвин, в горном районе Таликан и равнинном районе Зохра [Люшкевич, 1972, с. 193—211; Авшалумов, Мататов, 1988, с. 435]. И хотя, по данным Ф. Д. Люшкевича, язык этой группы населения в достаточной мере не исследован, но в нем сохраняются “архаические элементы”. Это дало основание исследователю определить, что название данной группы населения *tam* имеет первоначальное этническое содержание — “ираноязычный” [Люшкевич, 1972, с. 193]. Однако информация несколько иного порядка заставляет усомниться в том, что ираноязычные соседи татов стали бы их называть словом в значении “ираноязычный”. Так, данные этнографического характера, по мнению Ф. Д. Люшкевича, “... характеризуют татов Ирана как одну из групп оседлого населения, культура которой имеет много общих черт с другими ираноязычными группами в местах их древнего обитания как в Иране, так и в

Средней Азии” [Люшкевич, 1972, с. 208]. Исходя из этого, можно предположить, что таты в Северо-Западном Иране — это пришлое население, которое могло продвигаться сюда из тех мест (предположительно из Средней Азии), где уже турки могли их так назвать, закрепив за этой группой ираноязычного населения термин *tat*. В Иране же местные ираноязычные жители могли придать наименованию пришельцев новое семантическое значение “чужеземец”, что, впрочем, наблюдалось и среди тюркоязычных племен.

Таким образом, термин *tat* имел широкое распространение среди тюркоязычного населения Евразии и, соответственно, имел обширный спектр семантических значений, а именно: 1) подданный иностранного происхождения; 2) согдиец или ираноязычный житель; 3) несторианский христианин; 4) чужеземец, говорящий на непонятном языке; 5) земледелец — житель оазисов; 6) этнографическое название для обозначения нетюрков; 7) первобытные обитатели; 8) мусульманин-шиит; 9) представитель народов, находившихся под властью тюрков, т. е. таджик; 10) потомок курдов или персов, обитавших в провинциях, подпавших под власть тюрков; 11) класс подвластных людей, живущих вне города; 12) этноним — название и самоназвание представителей этнических групп, проживающих на северо-западе Ирана, в Азербайджане и Дагестане, язык которых походил на персидский, но по ряду особенностей отличался от него; 13) таджик — потомок местного населения, не полностью ассимилированного тюрками; 14) представитель тюркоязычного населения, которое своим происхождением связано с местным дотюркским населением; 15) носитель культурных традиций, распространенных среди основной части местного населения и т. п. На этом круг значений термина *tat* не исчерпывается. В качестве примера достаточно вспомнить ситуацию в Крыму, где данному слову тюркоязычные обитатели полуострова в различные периоды истории могли придавать и другие значения.

В связи с тем, что в Малой Азии термин *tat* имел широкое распространение и довольно часто использовался турками для обозначения ираноязычного населения [Minorsky, 1987, p. 698; Люшкевич, 1971, с. 27], уместно задать вопрос: не могли ли турки-сельджуки занести данное наименование в район Судак в начале XIII в. и использовать его в качестве этнонима для обозначения местных ираноязычных аборигенов — аланов? Тем более, что присутствие на юге Крыма после 1475 г. близкородственных сельджукам турок-османов могло способствовать дальнейшему распространению на полуострове термина *tat*.

По данным мусульманского автора Ибн Биби, эмир Чобан, посланный сельджукским султаном Ала ад-Дином Кай Кубадом, захватил Судак. После покорения Судака, свидетельствует далее информатор, Чобан вернулся в Малую Азию, оставив гарнизон и соорудив в городе мечеть [Якубовский, 1928, с. 54—58]. В связи с этим, особый интерес вызывает мнение А. Ю. Якубовского, согласно которому сельджуки могли захватить Судак в 1221 г. либо в 1222 г., т. е. накануне первого появления монголов в городе [Якубовский, 1928, с. 58—60]. Как уже отмечалось, данные мусульманских авторов свидетельствуют о том, что именно в начале 1223 г., во время своего первого рейда в Восточную Европу, монголы перезимовали в Судаке [Тизенгаузен, 1884, с. 26; Рашид-ад-дин, 1952, с. 229]. Сведения письменных источников позволили В. Г. Ченцовой сделать вывод о последовательности событий, которые произошли в этот период вокруг Судака: “... два события — поход эмира Чобана и нападение татар на Судак — в данном случае ни хронологически, ни логически не могут быть связаны друг с другом” [Ченцова, 1996, с. 176]. О том, что в начале 1223 г. гарнизон сельджуков уже покинул Судак, может свидетельствовать уже упоминавшаяся информация Ибн ал-Асира: “Придя к Судаку, татары овладели им, а жители его разбрелись; некоторые из них со своими семьями и своим имуществом взобрались на горы, некоторые отправились в море и уехали в страну Румскую [Конийский султанат. — О. Б.], которая находится в руках мусульман из рода Килиджарслана” [Тизенгаузен, 1884, с. 26]. Таким образом,

кратковременность пребывания турок-сельджуков в Судак позволяет исключить их причастность, впрочем как и турок-османов, к появлению на полуострове термина *tam*, вне зависимости от того, какие семантические значения он имел в Малой Азии.

В сложившейся ситуации необходимо обратить внимание на другой фрагмент сообщения Ибн ал-Асира о событиях начала 1223 г.: “Прибыли они [монголо-татары. — О. Б.] к городу Судак; это город Кипчаков, из которого они получают свои товары, потому что он (лежит) на берегу Хазарского [Черного. — О. Б.] моря” [Тизенгаузен, 1884, с. 26]. Исходя из этого, особого внимания заслуживает версия о причастности половцев и других кыпчакоязычных групп к занесению в район Судака термина *tam*. Тогда наиболее приемлемой могла бы выглядеть версия, согласно которой кипчаки-половцы могли первоначально использовать термин *tam* в качестве этнонима со значением “ираноязычный” и обозначить таким образом живущих вблизи Судака аланов.

Нам известно два района, где длительное время на одной территории сосуществовало кыпчакско-половецкое и алано-осетинское население. Это восточная часть Венгрии — область Алфельд и Северный Кавказ. Так, соседи венгерских аланов-ясов — половцы-куны, подобно остальному населению Венгрии, называли и продолжают называть последних ясами, исходя из того, что *As* — это тюркское название аланов, трансформированное в среде венгероязычного населения в *Jász* [Немет, 1960, с. 4]. Использование венгерскими половцами-кунами термина *tam* для обозначения в прошлом своих ираноязычных соседей не зафиксировано, хотя известно, что венгры термином *tót* называли своих соседей-славян [Minorsky, 1987, p. 698]. Что же касается ситуации на Северном Кавказе, то местные потомки половцев — карачаевцы и балкарцы называют своих ираноязычных соседей — осетин, потомков аланов, термином *дзюгер*. Среди карачаевцев встречается также обозначение для осетин, как *тегъей*. Можно полностью согласиться с тем мнением, что данные обозначения для всего осетинского населения со стороны карачаевцев и балкарцев были, прежде всего, связаны с названиями отдельных локальных групп осетинского населения — дигорцев и тагаурцев [Волкова, 1973, с. 109, 117]. Наблюдения общего характера позволяют отметить, что среди кыпчакоязычных групп тюркского населения, за исключением Крыма, термин *tam* не получил широкого распространения [Minorsky, 1987, p. 697—700]. Следовательно использование в Крыму кыпчакоязычными татарами (в первую очередь ногайцами), проживающими в степи, термина *tam* для обозначения своих южных соседей может лишь указывать на факт заимствования термина от соседей.

Более логично предположение, что появление термина *tam* в Крыму в районе Судака соотносимо с появлением монголов, которые дважды захватывали Судак в начале 1223 г. и после событий 1238 г. [Ченцова, 1996, с. 171—181]. Необходимо также исходить из того, что значительная часть Крыма до начала XV в. входила в состав Золотой Орды, где, несмотря на интенсивный процесс кыпчакизации монгольской верхушки, социальная терминология должна была оставаться монгольской. В связи с этим особый интерес представляет предположение О. Прицака, согласно которому название одного из протомонгольских племен *татар*, представители которого перешли в несторианское христианство под влиянием согдийцев, своим происхождением прямо связано с термином *tam*, который был заимствован протомонголами от тюрок и получил среди первых распространение прежде всего в значении “несторианский христианин”. [Прицак, 1996, с. 51—58]. Данные средневековых источников свидетельствуют о широком распространении несторианского христианства в Монгольской империи, в том числе в Золотой Орде. Хорошо известно, что его исповедовали государственные служащие, чиновники, министры, военачальники и даже члены правящей династии. Существует мнение, что даже сын Чингис-хана Чагатай был несторианином и покровительствовал этой вере, а его братья Угедей и Толуй были женаты на несторианках.

1. Рубрук и другие западноевропейские путешественники, посетившие Монгольскую империю, сообщали о том, что христианство, прежде всего несторианское, было хорошо знакомо монголам [Малов и др., 1998, с. 77—84]. Исходя из этого, мы вправе предполагать, что первоначальное значение термина *tam* — “христианин” могло сохраниться среди монголов вплоть до XIII в. и было занесено именно ими в Судак. Если термин *tam* первоначально мог иметь в Крыму данное значение, тогда легко объяснить, почему он быстро распространился на все население Южного Крыма, имевшее прямое отношение к христианству.

Первые сведения о татах Крыма, оставленные И. Галонифонтибусом и И. Шильтбергером и относящиеся к началу XV в., прежде всего характеризуют их как христиан. Как уже указывалось, И. Галонифонтибус отмечал, что таты вместе с готами “в своей религии ... следуют грекам и пользуются греческими буквами” [Галонифонтибус, 1980, с. 13]. Кроме того, И. Галонифонтибус, сообщая о населении “Великой Татарии” (Золотой Орды), отмечает: “В этой стране много христиан, а именно: греки, разные армяне, зики, готы, *таты*, воляки, русские, черкесы, леки, асы, аланы, авары, казикумухи” [Галонифонтибус, 1980, с. 15]. Это же подтверждает И. Шильтбергер, который о стране татов сообщает, что “она населена греческими христианами” [Шильтбергер, 1867, с. 57—58]. Кроме того, И. Шильтбергер среди языков, на которых “служат Богу по греческому вероисповеданию”, на седьмом месте называет язык татов [Шильтбергер, 1867, с. 101—102]. Сообщения же некоторых более поздних авторов XVI—XVII вв. также подтверждают принадлежность татов Южного Крыма к числу христиан. Вопрос в том: представителей какого народа Южного Крыма в золотоордынский период стали изначально называть татами?

Особого внимания в связи с этим заслуживает сообщение И. Галонифонтибуса о ситуации в начале XV в.: “Вдоль и вокруг Черного моря живут два малых народа: таты и некоторое число готов... Они живут здесь вдоль побережья близ Кафы, также как и в Татарии и Кумании” [Галонифонтибус, 1980, с. 13]. Таким образом западноевропейский путешественник дал понять, что в его время таты являлись соседями готов. Кроме того, данный автор, перечисляя народы с запада на восток, поместил татов после греков, армян, зиков и готов [Галонифонтибус, 1980, с. 15], чем еще раз подтвердил соседство и культурно-религиозную близость готов и татов.

Как уже отмечалось, во времена позднего средневековья в Восточном и Юго-Западном Крыму проживали аланы, которые были непосредственными соседями готов и являлись, как последние, “греческими” (православными) христианами. Нас не должно смущать то, что И. Галонифонтибус в своем перечне народов Золотой Орды наряду с татами назвал асов и аланов, которых он поместил между черкесами с леками и аварами (аварцами) с казикумухами [Галонифонтибус, 1980, с. 15]. В данном случае в упомянутых асах и аланах логичнее видеть жителей Северного Кавказа.

Информация И. Шильтбергера зафиксировала несколько иную ситуацию, потому что к языку татов он отнес язык населения области *Kuthia* [Шильтбергер, 1867, с. 101—102]. Можно полностью согласиться с мнением Ф. Бруна, что название *Kuthia* следует связывать с термином *Готия*, потому что армянское обозначение для Готии — *Kouth* и *Kuti* [Шильтбергер, 1867, с. 58, прим. 4; Брун, 1880, с. 236]. Таким образом, уже в начале XV в. термин *tam* мог использоваться для обозначения двух соседних народов Южного Крыма — аланов и готов. Следовательно, информация И. Галонифонтибуса могла отражать более раннюю ситуацию, чем данные И. Шильтбергера. На основании этого можно считать, что термин *tam* мог иметь в Крыму такие первоначальные семантические значения, как “христианин”, “оседложивший” и т. п., а не “ираноязычный житель” (монголы, подобно тюркам, для обозначения аланов использовали термин *асут* (*асуд*) — “асы”) [Козин, 1941, с. 191—192]. Поэтому со временем термин *tam* мог распространиться и на другое оседложившее христианское население Южного Крыма, имевшее много общего с аланами в культуре и религии.

В данном случае уместно вспомнить информацию И. Барбаро о существовании смешанного готто-аланского населения на юге Крыма в середине XV в. [Барбаро, 1971, с. 157], а также сделанные на основании этого выводы некоторых исследователей о том, что принадлежащие к греческой православной церкви аланы и готы Южного Крыма подверглись этнической и культурной ассимиляции со стороны греков [Айбабин, 1999, с. 229—230; Тунманн 1991, с. 27; Кулаковский, 2002, с. 197—198; Куфтин, 1925, с. 116—118; Кузнецов, 1984, с. 86]. Данные Эвлии Челеби подтверждают информацию о том, что в XVII в. жители Татского иля вблизи Судака уже говорили по-гречески: “Весь народ здесь — греки и лазы, говорящие по-гречески” [Челеби, 1999, с. 79]. Однако Эвлия Челеби отмечает, что “когда они говорят между собой по-гречески, употребляют выражения из какого-то другого языка” [Челеби, 1999, с. 79]. Об этом языке турецкий путешественник сообщает: “Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык. Это какой-то другой язык” [Челеби, 1999, с. 79]. Весьма примечательно, что влияние этого неизвестного языка было отмечено как среди мариупольских татов, сохранивших греческий язык, так и среди татов, оставшихся вблизи Судака и перешедших под влиянием турок-османов на тюркский язык. Так, В. Григорович относительно греческого языка мариупольских татов отмечает, что отличительной чертой их диалекта является “замена перед *i, e*, звуков *х, ск, к* — в *ш, щ и ч*” [Григорович, 1874, с. 6—8]. Аналогичную ситуацию зафиксировал Б. А. Куфтин и среди тюркоязычных татов Судака: “...татары горных деревень Судакского района отличаются резковыраженными диалектическими особенностями, напр., замена *к* мягкого (среднеязычного) через *ч, к* твердого (заднеязычного) через *х*” [Куфтин, 1925, с. 24]. Отсюда следует предположение, что до перехода на греческий язык таты вблизи Судака говорили на другом языке, возможно на аланском.

Наблюдения этнографического характера могут свидетельствовать о том, что накануне османской экспансии христиане Южного Крыма уже представляли не только этническое, но и культурное единство. Проведенные М. А. Араджиони исследования бытовых особенностей мариупольских греков позволили ей прийти к следующему выводу: «говорить о существенных различиях в традиционной культуре урумов и румеев Приазовья не приходится... Группа христианского населения Крыма, говорящая на диалектах крымскотатарского языка (“урумском языке”), является этнически сложившимися на полуострове греками, испытавшими более сильное культурное воздействие со стороны крымских татар и подвергшимися языковой ассимиляции» [Араджиони, 1993, с. 192]. Кроме того, существование в конце XVIII в. среди приазовских урумов носителей фамильного имени *Tam* [Гаркавец, 1997, с. 40], может лишний раз свидетельствовать о постоянных контактах близкородственных этнических групп.

Исходя из того, что оседложивущие христиане вблизи Судака и жители Юго-Западного Крыма (особенно в районе Байдарской равнины) в начале османского периода могли представлять этнокультурное единство, можно объяснить, почему в османский период термин *tam* быстро распространился на юге полуострова. Возможно, уже в XVI—начале XVII вв. татами называли не только христиан Судака, но и вообще всех грекоязычных жителей Южного Крыма. Таким образом, в указанный период данное слово с первоначальным значением “христианин” могло трансформироваться в термин с функциями этнонима. Это значение могло окончательно закрепиться за термином даже тогда, когда часть южнобережных крымских христиан были обращены в ислам.

Данные посетившего Крым в 60-е гг. XVII в. Эвлии Челеби, который назвал татов района Судака “муртатами”, т. е. “вероотступниками” [Челеби, 1999, с. 79] свидетельствуют, что уже к тому времени часть их могла перейти из христианства в ислам. Подобное предположение высказал В. И. Филоненко: «Южнобережные и горные татары по крови почти не имеют ничего общего с потомками монголов. Это омуслиманившиеся греки, готы, генуэзцы и др. Многие из них приняли

мусульманство и татарский язык насильно. Татарское предание говорит, что “палками всех загоняли в истинную веру”... И до сих пор еще в некоторых селениях южного берега татары соблюдают немусульманские обычаи и носят чисто греческие фамилии, Кафадар, Барба и др., с прибавкой характерного “оглу” — сын. Как все ренегаты, южнобережные и горные татары — большие фанатики» [Филоненко, 1928, с. 132]. Аналогичную ситуацию отметил также Б. А. Куфтин: “Для семейной жизни южнобережного татарина характерно отсутствие многоженства и особые нормы свадебного договора, в котором элемент покупки невесты (калым), обычный для большинства турецких народов, не выражен сколько-нибудь ярко. Напротив, в сильной степени выступает роль приданого. Женщины в большей степени пользовались большей свободой, чем у городских татар” [Куфтин, 1925, с. 29]. Кроме того, еще в конце XVIII в. академик Паллас среди татов южного побережья Юго-Западного Крыма отмечал особый антропологический тип, “отличающий их от всех других горских татар” [Паллас, 1881, с. 150].

Переход татов в новую религию мог способствовать относительно быстрому переходу их на язык господствовавшего тюркоязычного большинства и даже смене этнического самосознания. По наблюдениям лингвистов, отмечаются также существенные различия между диалектом татар Южного берега, который относится к огузской подгруппе тюркской группы языков, и диалектами степных и предгорных татар, традиционно относимых к кыпчакским [Изидинова, 1993, с. 201—205]. Однако данный факт можно объяснить не столько этническими различиями, сколько степенью влияния турок-османов на различные регионы Крыма. Вполне возможно, что южнобережные таты начали переходить на тюркский язык именно в османский период. Существенные культурные и даже языковые отличия между южнобережными и степными татарами Крыма могли в значительной степени способствовать тому, что последние вплоть до начала XX в. продолжали вкладывать в термин *там* пренебрежительные значения, означавшие “чужой”, “упрямый” и т. п., несмотря на то, что южнобережные татары стали частью крымскотатарского этноса.

Вполне возможно, что до конца XVIII в. таты-мусульмане Южного Крыма не использовали слово *там* как самоназвание, имевшее в среде тюрков полуострова пренебрежительное значение. Присутствие рядом соплеменников-христиан могло способствовать сохранению в среде татов-мусульман старых самоназваний. Переселение же крымских христиан в Приазовье в конце XVIII в. должно было привести принявших ислам аборигенов Южного Крыма к дальнейшему слиянию с крымскими татарами. Кроме того, как отметил Ю. Кулаковский, “не все христиане ушли тогда из старых насиженных мест: многие ради того, чтобы остаться, переходили в мусульманство” [Кулаковский, 2002, с. 207]. Переселение крымских христиан в Приазовье привело также к изменению этнокультурной ситуации на юге полуострова: покинутые христианами селения либо пришли в запустение, либо были заселены “туземцами-мусульманами” и греками с Эгейского моря; известны также случаи возвращения христиан из района Мариуполя [Кулаковский, 2002, с. 207—208]. Возможно также, что некоторые из вернувшихся на родину христиан могли принять ислам, чтобы остаться в Крыму навсегда. Переход из христианства в ислам мог в значительной степени способствовать процессу этнической ассимиляции бывших христиан тюркоязычными соседями.

Таким образом, как это не парадоксально, в конце XVIII в. количество мусульман Южного Крыма могло увеличиться за счет бывших христиан. Однако до конца не ясно, почему степные татары продолжали в XIX — начале XX вв. называть южнобережных татар татами: либо таким образом сохранялась память об их прошлых связях с христианской культурой, либо термин *там* приобрел новое значение — “житель области татов”. Лишь в начале XX в. этнографами были зафиксированы отдельные случаи использования южнобережными крымскими татарами термина *там* в качестве самоназвания, что может свидетельствовать о

завершающих этапах в процессе формирования нового субэтноса в составе крымских татар.

В сложившейся ситуации весьма примечательно, что степные татары Крыма татами не называли потомков аланов-асов, обитавших в степи по-соседству с ними. Для последних традиционно использовался этноним *Ас*. Что же касается аланов-христиан Юго-Западного и Восточного Крыма, то в позднее средневековье степные татары и турки-османы для их обозначения параллельно могли использовать два термина — *Tam* и *Ас*. Причем первый из них мог выступать как обобщающее название для всего христианского населения Южного и Восточного Крыма, а второй — как обозначение для конкретной этнической группы.

После XV в. аланы Крыма не исчезли бесследно в среде окружавших их более крупных этнических групп полуострова, а оказали в определенной степени воздействие на язык и культуру этих народов. Особый интерес представляют данные о следах аланского языка в лексике тех народов, с которыми аланы Крыма имели непосредственные контакты. Так, в середине XVI в. посол императора Фердинанда при турецком султани Бузбек повстречал в Константинополе готов из Крыма и записал слова их песни, признанные современными исследователями реликтами готского языка [Кулаковский, 2002, с. 198]. Ф. Брун особо выделил некоторые числительные этой песни, что позволило исследователю сделать следующий вывод: «... крымские Готы заимствовали, без сомнения, у своих инородных соседей слова *sata* или *sada* (100) и *hazer* (1000)» [Брун, 1880, с. 240]. По мнению В. Ф. Миллера, «первое вполне совпадает с осетинским — дигорским *cāḍā*, второе — с новоперсидским *hāzar*, которое в этой форме должно было существовать и у древних осетин (аланов), раньше чем было заменено тюркским *min* или сложением *dās cādi* — “десять сот”» [Миллер, 1889, с. 9]. Безусловно, данные числительные в готском языке являлись результатом гото-аланских связей.

Кроме того, в языке греков-татов Мариуполя В. Григорович зафиксировал два эквивалентных термина для обозначения болота: *батхар* и *саз* [Григорович, 1874, с. II]. Особый интерес для нас представляет происхождение последнего слова. В связи с этим необходимо привести мнение И. В. Муромцева, согласно которому термин *сæдзæн* — “болотистый” мог иметь осетинское происхождение [Муромцев, 1966, с. 48]. В свою очередь, Е. С. Отин считает, что от данного термина могли образоваться крымско-татарские аппелятивы: *саз* — “болото”, *сазы* — “болотистый” и *суза* — “степная балка, наполняемая дождевой или талой водой” [Отин, 1979, с. 144].

В письмах Василия Грязного Ивану IV из Крыма дважды встречается слово *кадама*. Как отметил И. Г. Добродомов, “совершенно неожиданно разгадку удалось найти с помощью диалектных фактов осетинского языка, в дигорском диалекте которого встречается слово *gadama* (мн. ч. *kadamatæ*) — “кандалы, оковы”; в иронском же диалекте осетинского языка ему соответствует *gadaman* (мн. ч. *gadamtæ*)”. Это позволило исследователю предположить, что термин *кадама* мог попасть в письма Василия Грязного от крымских аланов [Добродомов, 1981, с. 37—39]. И. Г. Добродомов обратил также внимание на информацию В. И. Даля, согласно которой существующий в русском языке термин *копага* имеет крымское происхождение и служит для обозначения “самой мелкой кефали”. По мнению И. Г. Добродомова, данный термин содержит в себе аланское название для рыбы — *кара* и осетинский суффикс — *ag*. Что же касается конечного гласного, то исследователь склонен его рассматривать “как аланский показатель (окончание) именительного падежа, проявляющийся в некоторых случаях в дигорском диалекте осетинского языка, но отсутствующий в единственном числе в иронском” [Добродомов, 1981, с. 40]. Особое значение имеют выводы И. Г. Добродомова о происхождении слов *кадама* и *копага*, согласно которым они “обнаруживают сходство с дигорскими, но не иронскими осетинскими формами” [Добродомов, 1981, с. 40].

В настоящее время А. М. Меметову удалось выделить значительный пласт иранских заимствований в крымскотатарском языке. Но они в основном представляют собой не алано-осетинские лексические единицы, а преимущественно заимствования из персидского языка [Меметов, 2000, с. 152—164]. Последние могли попасть в язык крымских татар через посредство османо-турецкого языка. По-видимому, данное направление лингвистических исследований имеет перспективы на будущее.

Таким образом, в золотоордынский и османский периоды аланы Крыма не остались в стороне от этнических процессов, происходивших на полуострове. Важную роль в этом сыграл религиозный фактор: аланы, сохранявшие приверженность христианству, как и их соседи, приняли участие в формировании этноса, получившего впоследствии название “мариупольские греки”; принявшие ислам от своих тюркоязычных соседей аланы были ассимилированы татарским населением Крыма; даже оставшиеся в Чуфут-Кале аланы подверглись ассимиляции со стороны караимов. К сожалению, при написании монографии не было возможности привлечь документы османского времени, в которых именно эти процессы были бы отображены. Сложность и многоплановость затронутых вопросов свидетельствует лишь о том, что проблема аланов Крыма заслуживает отдельного рассмотрения в специальном монографическом исследовании.

---

¹ Tandem Thartari de familia Vlanorum, de quibus infra dicitur, per pordam septemtrionalem insulam ingressi totam cum oppidis, pagis et campis occupaverunt ducibus de Mankup, qui et linguae Gotthorum fuerunt, dumtaxat castrum Mankup retinentibus.

² Postremo Machomet VIII, imperator Thurcorum, avus moderni Selambeci imperatoris, Tauricam insulam comprehendit, Caffam expugnavit, Thartaros Precopenses seu Vlanos cum toto Chersoneso...

Глава X. Аланы-ясы Северо-Западного Причерноморья в XIII—XV вв. и проблема их происхождения

Со времен походов Бату (Батия) земли Северо-Западного Причерноморья более чем на сто лет вошли в состав Улуса Джучи. По мнению В. Л. Егорова, “Пруто-Днестровское междуречье с самого начала существования Золотой Орды входило в ее территорию” [Егоров, 1985, с. 32—33]. Во второй половине XIII в. во времена Ногай владения Золотой Орды в регионе значительно расширились. Относительно этих территориальных изменений В. Л. Егоров отметил: “В 70-е годы XIII в. владения Ногай, представлявшие собой самый западный улус Золотой Орды, простирались вдоль левого берега Дуная от венгерской крепости Турну-Северин до Днестра. Южная граница собственно ордынских земель проходила по Дунаю, северная была ограничена предгорьями Карпат” [Егоров, 1985, с. 33—34]. Что же касается первой половины XIV в., то в этот период намечилось определенное сокращение золотоордынских владений на западе. По предположениям В. Л. Егорова, уже в начале XIV в. произошли следующие изменения: “... самая западная часть бывшего улуса Ногай — Северинский Банат — в 1307 г. оказалась во власти Венгерского королевства... В результате западные границы Золотой Орды переместились в междуречье Прута и Сирета... Южная граница Золотой Орды в этом регионе, так же как и в XIII в., проходила по нижнему течению Дуная” [Егоров, 1985, с. 48—49]. В 60-е гг. XIV в. произошли события, положившие конец монгольскому присутствию в регионе. В. Л. Егоров считает, что “в результате наступления молодого Молдавского княжества монголы были оттеснены на восток за р. Днестр, что на деле означало потерю ими самого западного улуса Золотой Орды” [Егоров, 1985, с. 50—51]. Именно на этих золотоордынских землях письменные источники в XIII—XV вв. часто фиксировали аланское население.

Начиная с середины X в. и вплоть до нашествия монголо-татар в первой половине XIII в. аланы как обитатели Северо-Западного Причерноморья практически не упоминаются в письменных источниках. Однако в конце Ватиканского кодекса имеется датированная 1243 г. приписка, в которой непосредственными соседями болгар названы *асы*, т. е. аланы. Именно это дало основание Ф. Бруну утверждать, что в данном случае по соседству с Дунайской Болгарией, “а не с Волжской Болгарией, должна была находиться страна Асов, куда был отправлен татарский полководец Субудай Багадур после похода, предпринятого Батием против Пулу [Поляков. — *О. Б.*] и Башкурдов [венгров. — *О. Б.*]” [Брун, 1880, с. 355].

Наиболее же ранние сведения о значительном присутствии аланов-асов на Балканском полуострове и прилегающих к нему территориях содержатся в тех документах, где речь идет о событиях конца XIII — начала XIV вв. Так, арабские авторы Рукн ад-Дин Бейбарс (умер в 1325 г.), ан-Нувайри (1279—1333 гг.), Ибн Хальдун (умер в 1406 г.) одними из первых упоминают асов в Северо-Западном Причерноморье как подданных золотоордынских ханов. Информация об асах содержится у упомянутых авторов при описании событий, связанных с враждой между сыновьями Ногай, братьями Джекой и Текой, имевшей место в 1300—1301 гг.

Как сообщает Рукн ад-Дин Бейбарс, Джека при вступлении на престол поставил над своими владениями наместника по имени Тупауз. Однако Тупауз и зять Джеки Таз, узнав о намерении Джеки убить своего брата Теку, воспротивились этому и решили вернуться из похода, направленного против валахов и русских. В намерения Тупауза и Таза входило желание низвести Джеку. Вследствие этого Джека, спасаясь от преследователей, “ускакал со 150 всадниками своего отряда и отправился в страну Асов, в которой находился предводитель и 10 000 [туман. — *О. Б.*] войска его” [Тизенгаузен, 1884, с. 92—93, 116]. Как явствует далее из сообщений Бейбарса, ан-Нувайри и Ибн Хальдуна, Джека остановился в земле Асов и к нему пришли на помощь многие из их войска. Два воюющих войска встретились и Джека одержал победу над сторонниками своего брата Теки. Но войско Теки получило помощь от

на Золотой Орды Токтая, и “они объявили войну и снова вступили в бой”. Джеки не был в состоянии оказать им сопротивление и бежал в землю валахов. В Валахии он хотел найти спасение в одной из крепостей, где находился его зять. Однако владелец этой крепости схватил Джеку и выдал его Токтаю, который приказал убить пленника [Тизенгаузен, 1884, с. 92—93, 116—117, 138—139, 160—161, 370—371, 383—384]. Таковы были драматические события рубежа XIII—XIV вв., в которых непосредственное участие принимали асы.

В. А. Кузнецов считает, что в данном случае речь идет о событиях на Северном Кавказе [Кузнецов, 1984, с. 160]. Однако еще в XIX в. Ю. А. Кулаковским было высказано мнение о причастности к описываемым событиям прибалканских асов [Кулаковский, 1899а, с. 67—68]. В качестве весомого аргумента он привел факт бегства Джеки в близлежащую страну Валахов, которая, естественно, могла находиться только на Балканах. По мнению Ю. А. Кулаковского, в непосредственной связи с описываемыми событиями находились сообщения византийских историков Никифора Григоры и Георгия Пахимера о поступлении на византийскую службу аланской орды в 1300 г.

Византийский автор Никифор Григора называет аланов “массагетами” и сообщает, что “они издревле приняли христианство и хотя впоследствии подчинились скифам [татарам — *О. Б.*], прибыли в количестве более 10 тысяч человек “с женами и детьми”. Относительно же первоначальной территории обитания прибывших аланов у Никифора Григоры сказано, что они жили на севере “за Истром” — Дунаем [Никифор Григора, 1862, с. 197—201]. Аналогичная информация об этих событиях содержится также в сочинении Георгия Пахимера [Georgii Pachymeris, 1729, s. 186—188]. Очевидно, что упоминание 10-тысячного войска асов, выступившего на стороне потерпевшего поражение хана Джеки, и переселение в Византию 10 тысяч аланов — это звенья одной цепи. Вполне вероятно, что эти аланы-асы, проигравшие вместе с Джекой решающее сражение, стремились избежать преследований победителей и поэтому вынуждены были искать свое спасение под защитой византийского императора. Ю. А. Кулаковским было высказано предположение, что “та орда в 10 тысяч человек, которая перешла в пределы империи в 1300 г. была лишь частью аланского населения области к северу от Нижнего Дуная” [Кулаковский, 1899а, с. 67]. Это предположение является обоснованным, так как в XIV в. в письменных источниках часто упоминаются ясы в непосредственной близости от балканских стран.

В 1313 г. ясы помогли сербскому царю Милутину в его войнах с врагами [Руварц, 1894, с. 73—71]. Кантакузин сообщает также, что аланы-асы в 1323 г. находились на службе у болгарского царя под командой “русского воеводы” Ивана, когда тот отстаивал от византийцев Филипполь [Кулаковский, 1899а, с. 180]. Ясы упоминаются также и в жизнеописании архиепископа Даниила II, который занимал кафедру с 1323 г. по 1337 г. В частности, о ясах там сказано: “Езикъ яшьски в товариществе с татарами и Турками. И как език яшьски около 1313 г. помогал кралю Милутину против его неприятелей, так точно в 1330 г. мог сражаться за царя болгарского против кралея сербского” [Руварц, 1894, с. 76]. Ясно, что в данном случае речь идет не о языке ясов, а о прибалканских аланах и их политическом союзе с турками и татарами, которые могли проживать в непосредственной близости от упомянутой этнической группы. Поэтому довольно абсурдным выглядит мнение И. М. Мизиева, который приводит данный фрагмент текста как доказательство этнического родства ясов с тюркоязычными турками и татарами [Мизиев, 1986, с. 116].

В более поздних документах прибалканские аланы-асы, прежде всего, упоминаются как обитатели области “господство Яшко”. Архимандриту Руварцу удалось доказать, что под термином “господство Яшко” следует подразумевать не личное имя, а этноним, вполне приемлемый для обозначения целого народа [Руварц, 1894, с. 74]. Впервые “господство Яшко” упоминается в 1330 г., т. е. тогда, когда болгарский царь Михаил заключил союз со своими соседями против сербского

короля Стефана Уроша III. Среди союзников болгар были названы греческий царь Андроник III с румынским воеводой Иваном Басарабом, черные татары, “господство Яшко” и т. п. Примечательно, что долгое время “господство Яшко” постоянно фигурировало среди врагов сербов [Руварц, 1894, с. 74; Кулаковский, 1899а, с. 160]. В предисловии к законнику Душана враги сербов названы в таком порядке: 1) царь греческий [византийский император. — *О. Б.*]; 2) царь болгарский Михаил; 3) его брат Белаур; 4) племянник болгарского царя Александр; 5) Иванько Бессараба [тесть Михаила. — *О. Б.*]; 6) зять Иваньки Александр, “царь содмечь живущих чрених Татар”; 7) “господство Яшко” [Руварц, 1894, с. 75; Кулаковский, 1899а, с. 160]. Относительно этой информации Ю. А. Кулаковский высказал, и не без оснований, предположение, что «задунайских врагов автор сообщения перечисляет с запада на восток и территория, на которой он их размещает, соответствует нынешней Валахии с Молдавией, а самое имя “господство Яшко” ведет нас туда, где русская летопись знает Аскый Торг» [Кулаковский, 1899а, с. 161].

В среднем течении Прута, на его правом берегу, до сих пор существуют город и местность, носящие название **Яссы**. Вполне возможно, что данный центр существовал уже в начале XV в., ибо в грамоте Молдавского господаря Александра, написанной в 1407 г., говорится о таможенных пошлинах, взимаемых в “Яссах”. Можно также согласиться с мнением, что данное поселение в XV—XVI вв. в письменных источниках было известно под названием **Яский Торг**. Одно из первых упоминаний о Яском Торге относится к 1412 г. и содержится в валашской грамоте, в которой говорится следующее: “Et quod Forum Jasky-Terg in sinistra fluvii Pruth situm maneat pro nobis” [Брун, 1880, с. 356]. У польского историка Длугоша (XV в.) данный город также фигурирует как “Jasky-Torg in Pruth”, что позволяет видеть в данном торговом центре современный г. Яссы. Есть основания локализовать упомянутый город на землях, известных в письменных источниках как “господство Яшко”, т. е. на территории современной Молдавии, ибо Яссы до сих пор помолдавски называют “Яши” [Брун, 1880, с. 356, 361]. В подтверждение пребывания ираноязычных аланов в Днестровско-Прутском междуречье можно также привести наблюдения М. Фасмера, который обратил внимание на значительный слой иранской топонимии именно в районе Бессарабии [Vasmer, 1923, s. 57—58]. Однако необходимо учитывать, что до позднесредневековых аланов во времена античности на данной территории проживали и другие народы иранского происхождения — скифы, сарматы. Существование в наши дни названий рек **Прут** (*Пората*) и **Днестр** (*Дан-астр*), безусловно иранского происхождения, которые были зафиксированы в письменных источниках домонгольского времени, позволяет связывать другие иранские топонимы и гидронимы региона не только с позднесредневековыми аланами.

Н. М. Карамзин, ссылаясь на Кантемира, утверждал будто бы там, на берегу Прута, до господаря Молдавского Стефана существовала только одна мельница, на месте которой он построил город, названный именем мельника “Яссия” [Карамзин, 1991, с. 233]. Характерно, что данное предположение активно отстаивается в современной румынской историографии [Andronik, 1973, с. 93—98]. Однако у большинства исследователей получило распространение мнение, что название **Яссы** — **Яский Торг** следует связывать именно с проживавшими там аланами-ясами.

Среди некоторых исследователей утвердилась уверенность, что данный город известен в древнерусских летописях, прежде всего в Воскресенской летописи, как “Аскый Торг” [Брун, 1880, с. 356]. Однако при этом следует признать ошибочным утверждение ряда исследователей, что “Аскый Торг” фигурирует в древнерусских летописях именно с XIV в. [Кулаковский, 1899а, с. 68]. “Аскый Торг” упоминается в Воскресенской летописи, написанной в XVI в. [Воскр. л., 1856, с. 240], а также в Новгородской Первой, Новгородской Четвертой и Ермолинской летописях [Новгород. I л., 1950, с. 475; Новгород. IV л., 1929, с. 623; Ермолинская л., 1910, с. 163]. По тексту этих летописей весьма сложно определить, к какому времени относится

упоминание о данном поселении. В Воскресенской летописи “Аский Торг” назван среди “русских” городов, расположенных в нижнем течении Днестра: “на устье Днестра над морем Белгород, Черн, Аский Торг ...” [Воскр. л., 1856, с. 240]. Не может быть сомнений, что упоминаемый Белгород и есть Белгород-Днестровский. Весьма характерно, что в Нижнем Поднестровье до сих пор сохранились на левом и правом берегу, одно против другого, поселения с названиями *Яска (Ясски)* и *Оленешти* (рис. 29) [Брун, 1880, с. 356].

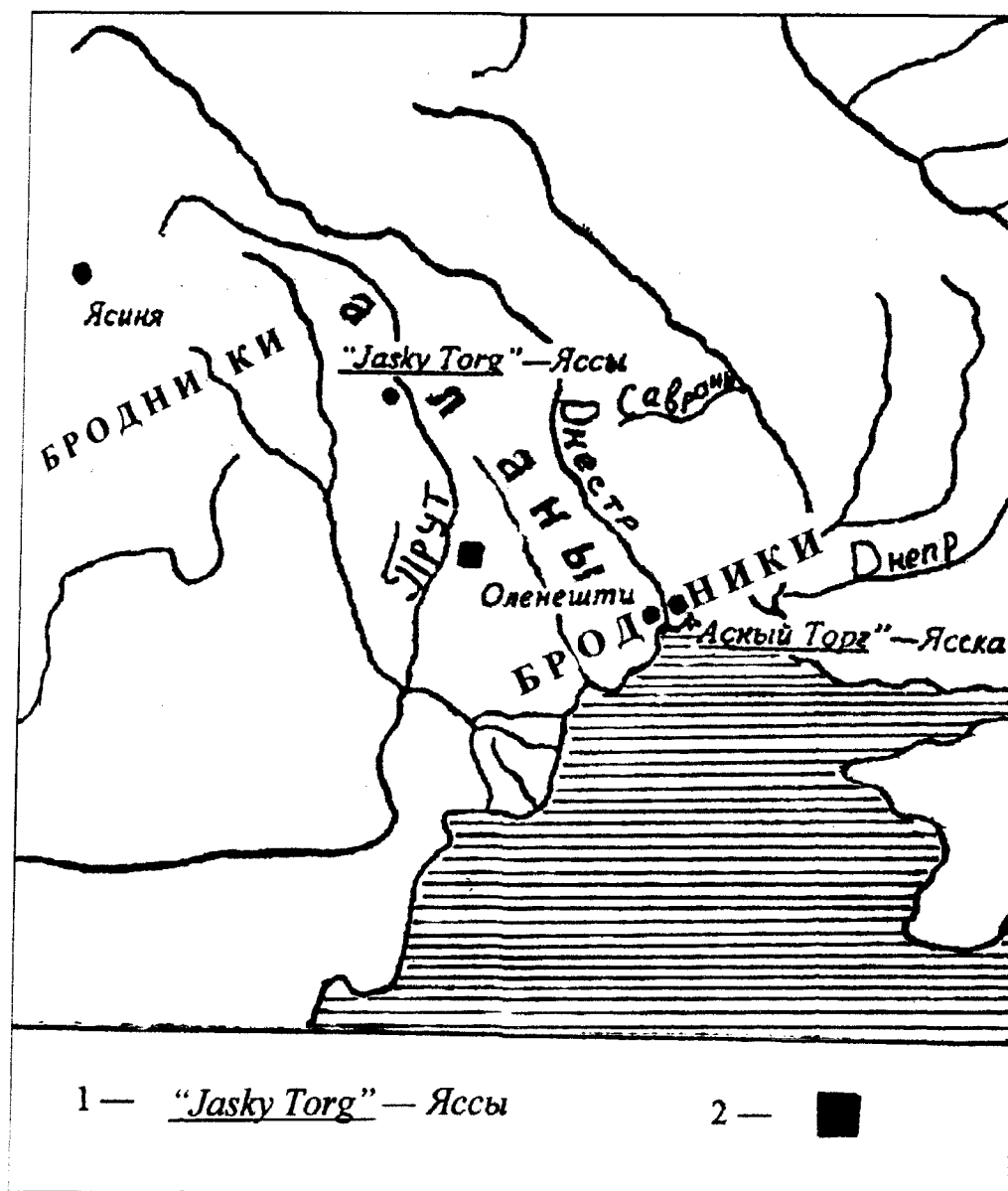

Рис. 29. Расселение аланов-ясов в золотоордынский и бродников в предмонгольский периоды в Северо-Западном Причерноморье:

- 1 — названия населенных пунктов;
- 2 — локализация христианского могильника у с. Лимбарь

Поэтому вполне можно согласиться с мнением В. Григоровича, высказанным более ста лет назад: «...Ясский Торг, город на Днестре, о котором упоминает

Воскресенская летопись и списки, встречающиеся в старых рукописях, статьи под названием “а се имена градомъ русскимъ дальнимъ и ближнимъ”, Ясский Торг именно есть нынешнее село Яски или Яска. Утверждаю также, что первоначально село было заселено Аланами, составлявшими главную опору могущества Ногай. Аланами же было заселено и село Аланешти (не Олонешти) на правом берегу Днестра. Не мудрено следственно, что в патриарших документах, митрополит Вичины, т. е. Алан считался соседним митрополитом угровлашского» [Григорович, 1874, с. 37].

Версию о нахождении аланов-ясов в низовьях Днестра может подтверждать информация И. Барбаро о том, что Алания тянется от Крыма “в направлении к Монкастро” [Барбаро, 1971, с. 157]. Вполне вероятно, что топоним *Монкастро* представляет собой искаженное название крепости в устье Днестра — *Аспрокастрон (Белая Крепость)*, т. е. Белгород. Не исключено, что данные древнерусской летописи и итальянского автора могут отражать одни и те же реалии. Таким образом, можно говорить о существовании двух яских центров (рис. 29), один из которых находился на берегу Прута, на месте современного г. Яссы, а другой — в Нижнем Поднестровье, на месте с. Яска (Яски). Именно данное предположение не противоречит данным письменных источников, в которых говорится о широком расселении ясов в междуречье Днестра и Прута.

Весьма примечательно, что оба этих позднесредневековых центра указывали на то, что они были основаны ясами прежде всего как торговые центры. Именно данные названия городов как нельзя лучше подтверждают предположение А. Ю. Якубовского, согласно которому в золотоордынское время аланские купцы контролировали торговлю, которая “вела с русскими княжествами” [Греков, Якубовский, 1950, с. 21]. Поэтому не случайно во времена позднего средневековья летописцы включили “Аский Торг” в низовьях Днестра в число городов “русских” [Воскр. л., 1856, с. 240]. Именно это свидетельствует в пользу того, что постоянное сотрудничество яских купцов со славянами со временем привело к увеличению славянского населения в городе. Таким образом, видим, что на западной окраине Золотой Орды аланы-ясы были заняты не только военной приграничной службой, но и контролировали трансконтинентальные торговые пути, которые проходили через европейскую часть Улуса Джучи.

Аланы-ясы проживали в Северо-Западном Причерноморье не только во второй половине XIV в., но фактически на протяжении всего XV в. Известно, что в 1365 г. “ясы-измаилиты” продолжали находиться на службе у болгарского царя. Именно тогда они помогали болгарам защищать крепость Видин от венгров [Павлов, 1995, с. 127]. Последние известия об аланах в данном регионе относятся ко второй половине XV в. Так, византийский историк Дука, повествуя о событиях 1462 г., а именно о войне турецкого султана Мурада II с валашским воеводой Владом IV, сообщает, что последний, готовясь дать отпор туркам, угнал скот своего народа “во внутренние местности” своей страны туда, где проживали “Аланы и Гунны”. Сопоставляя данные Дуки с информацией других византийских историков, Ю. А. Кулаковский пришел к выводу: «...в его “Гуннах” можно признать “Черных Татар”, участвовавших в коалиции против Сербов в 1330 году и нередко упоминаемых в валашских грамотах. Соседние с ними “Аланы” ведут нас, таким образом, к той территории, на которой и ныне живет имя “Яссы”» [Кулаковский, 1899а, с. 164].

Средневековые письменные источники неоднократно отмечали, что аланы Северо-Западного Причерноморья принадлежали к числу христиан. Комментируя эти сообщения и информацию тех письменных источников, в которых речь идет о проживании аланов на север от Болгарии, в Северо-Западном Причерноморье, Ю. А. Кулаковский пришел к выводу, что эти аланы должны были относиться к Вичинской епархии Константинопольского патриархата, центр которой должен был бы находиться в городе Вичин на территории Добруджи [Кулаковский, 1897б,

с. 315—336]. Тем не менее, в историографии XIX в. получило распространение мнение, согласно которому Вичинская епархия находилась на Северном Кавказе, рядом с аланской митрополией [Кулаковский, 1897б, с. 316—317]. Подобного мнения придерживается также современный исследователь В. А. Кузнецов, который отождествляет Вичину с Питиунтом (Пицундой), которая была известна в грузинских документах под названием *Бичвинт* [Кузнецов, 1984, с. 272].

Насколько обоснованными являются первая и вторая версии? Сторонники кавказской локализации ссылаются на Синодальный акт Константинопольского патриархата от 1317—1318 гг., где речь идет об урегулировании споров между Готской и Сугдейской митрополиями и при этом функции посредников были положены на “архиереев Аланийского, Вичинского и Зикхо-Матрахского” [Древние акты..., 1867, с. 445]. Упоминание Вичинской епархии рядом с кавказскими митрополиями, по мнению сторонников кавказской локализации Вичины, может свидетельствовать о том, что она имела отношение к Кавказу и находилась рядом с Крымом [Кузнецов, 1984, с. 272]. Других существенных аргументов в пользу локализации Вичинской епархии на Кавказе нет. Поэтому более обоснованной выглядит гипотеза Ю. А. Кулаковского.

В пользу локализации Вичинской епархии в Северо-Западном Причерноморье Ю. А. Кулаковский приводит целый ряд доказательств, которые заслуживают особого внимания. Во-первых, исследователь обратил внимание на то, что вичинский митрополит принимал участие в соборах в мае 1341 г., в апреле 1343 г., в сентябре 1348 г. Это можно объяснить тем, что его митрополия (епархия) находилась “в местностях, весьма недалеких от Константинополя” [Кулаковский, 1897б, с. 377]. Во-вторых, о нахождении Вичины в Северо-Западном Причерноморье может свидетельствовать акт Константинопольского патриархата от 1359 г., в котором сказано: “Синод переводит митрополита Вичинского Никифора на митрополию всей Угровлахии по желанию Господаря Угровлахийского Александра” [Древние акты..., 1861, с. 447]. Эта информация дала дополнительные основания Ю. А. Кулаковскому считать, что Вичина находилась рядом с Угровлахией [Кулаковский, 1897б, с. 317]. В-третьих, упомянутые Никифором Григорой и Георгием Пахимером аланы в 1398 г. возвратились на службу в Болгарию и поступили на службу к болгарскому царю. Учитывая это, Ю. А. Кулаковский сделал предположение, согласно которому “они пришли оттуда же” [Кулаковский, 1897б, с. 317]. Таким образом, наблюдения Ю. А. Кулаковского позволяют согласиться с тем, что Вичинская епархия находилась в городе Вичин на территории Болгарского царства, а аланы-христиане, которые в XIII—XV вв. проживали в Северо-Западном Причерноморье, могли относиться к ней.

Относительно происхождения молдавских ясов существует две точки зрения. Одна из них сводится к тому, что аланы в Северо-Западном Причерноморье появились вследствие их переселения с Северного Кавказа в XIII в. как результат вторжения монголо-татар. В пользу этого может свидетельствовать тот факт, что имя аланов-ясов в данном регионе начинает постоянно фигурировать только с конца XIII—начала XIV вв., т. е. после походов монголов на Северный Кавказ и страны Восточной Европы. Этому мнению придерживаются В. А. Кузнецов, А. Н. Карсанов, Ф. Х. Гутнов и в какой-то степени Т. М. Минаева [Кузнецов, 1984, с. 268—269; Карсанов, 1989, с. 87—93; Гутнов, 1993, с. 63—64; Минаева, 1971, с. 171—172]. Однако данное предположение требует подтверждения на археологическом материале. В Днестровско-Прутском междуречье до сих пор не выявлены памятники, которые бы можно было уверенно связать с пребыванием здесь в XIII—XV вв. северокавказских аланов. Возможно, что причиной этого является не только недостаточная изученность отмеченной территории, но и сам подход в интерпретации археологических объектов. И нет ничего удивительного в том, что А. О. Добролюбскому не удалось выявить следы пребывания аланов в среде кочевнических древностей XIII—XIV вв. в Северо-Западном Причерноморье

[Добролюбский, 1982, с. 33; 1986, с. 180]. Причина этого в том, что данный исследователь считает аланов кочевниками, тогда, как хорошо известно, что аланы на своей северокавказской родине перешли к оседлому образу жизни еще задолго до монгольского нашествия. К сожалению, практически все памятники позднесредневекового оседлого населения Днестровско-Дунайского междуречья многими археологами трактовались исключительно как славянские или молдаво-валахские, несмотря на то, что они могли принадлежать также аланам.

Сторонники второй гипотезы относительно происхождения молдавских аланов считают, что прибалканские ясы обитали на данной территории еще до вторжения монголо-татар в пределы Восточной Европы и Северного Кавказа. Данного мнения придерживался еще в XVIII в. В. Н. Татищев, который считал этих ясов потомками сарматов [Татищев, 1963, с. 241, 260]. Напомним, что Ф. Брун на основании данных Ватиканского кодекса, датированного 1243 г., также считал, что во времена походов монголов в Восточную и Центральную Европу аланы уже проживали по соседству с Дунайской Болгарией [Брун, 1880, с. 355]. Несколько десятилетий назад данная идея получила развитие у Е. Кухарского, считавшего, что аланам принадлежала ведущая роль в создании Печенежского государства в Северо-Западном Причерноморье [Kucharski, 1938, s. 3—9]. М. С. Великанова также считает, что упоминаемые в Молдавии аланы XIII—XV вв. могли проживать в Северо-Западном Причерноморье до появления в регионе монголо-татар и являлись потомками салтовского населения, переселившегося туда в домонгольский период. В качестве доказательства М. С. Великанова приводит христианский могильник XII—XIV вв., обнаруженный близ с. Лимбарь, который был оставлен носителями зливкинского антропологического типа [Великанова, 1975, с. 132].

Особой оригинальностью в решении данного вопроса отличается подход Г. В. Вернадского: «Важной группой среди подданных Ногай были аланы, которые мигрировали из Крыма и района Нижнего Дона в Молдавию в начале его правления. Следует вспомнить, что другая группа аланов занимала именно этот регион около 400 г. н. э., как раз в то время река Прут стала называться Аланской рекой. По всей вероятности, именно в V веке был основан город Яссы, который в дальнейшем стал важным торговым городом, называемым в русских летописях “Яским (или Аским) Торгом”» [Вернадский, 1997, с. 185].

В данном случае особый интерес могут представлять свидетельства отдельных документов раннего средневековья, которые позволяют локализовать аланов уже в раннее средневековье на север от устья Дуная. К их числу следует отнести карту испанского монаха Беата, составленную в конце VIII в. и сохранившуюся до настоящего времени в нескольких копиях. Исходя из ее данных, в районе Северо-Западного Причерноморья, на север от устья Дуная находилась *Алания (Alania)* [Райт, 1968, с. 68—70]. Однако не исключено, что Беат или его информаторы пользовались устаревшими к тому времени свидетельствами поздней античности. Поэтому стоит быть весьма осторожным в интерпретации сведений источников такого характера.

Со второй половины IX в. по начало XI в. в Северо-Западном Причерноморье господствовали печенеги, которые, по мнению Е. Кухарского, в Восточном Прикарпатье создали конфедерацию племен, куда входили различные этнические компоненты: 1) романоязычные предки нынешних румын — хорваты (от аланского *chur-wat* — “южная сторона”); 2) тюркоязычные торки; 3) ираноязычные аланы. Последние, по словам Е. Кухарского, являлись настоящими творцами этого “государства”. В качестве доказательства значительного присутствия аланского компонента среди западных групп печенегов, польский историк привел ряд этимологических объяснений этнических названий, а также наименований на местности, которые, по его мнению, могут доказывать его же предположения об их аланском происхождении [Kucharski, 1938, s. 3—9]. Однако не все выводы и аргументы Е. Кухарского полностью убедительны. Все же можно согласиться с его

идеи, что в печенежский период аланы могли проживать в районе Северо-Западного Причерноморья. Об этом свидетельствует анализ нарративных документов того времени.

Так, в 922 г. константинопольский патриарх Николай Мистик в одном из своих писем болгарскому царю Симеону сообщал о широких планах византийского двора составить коалицию против болгар из северных народов: “турок [венгров. — *О. Б.*], печенегов, русских, аланов и других скифских племен” [Златарски, 1895, с. 149—150]. Маловероятно, чтобы упомянутые аланы проживали тогда на территории Северного Кавказа. В связи с этим уместно вспомнить мнение Ю. А. Кулаковского по этому поводу: “Если в Византии считали возможным привлечь их к участию в нападении на Болгарию, столь удаленную от их кавказской родины, то весьма вероятно, что Аланы жили уже тогда в местностях более близких к области нижнего Дуная, откуда печенеги совершали свои вторжения в Болгарию” [Кулаковский, 1899а, с. 146—147].

В своем трактате “Об управлении империей” (941 г.) византийский император Константин Багрянородный, повествуя о землях Северо-Западного Причерноморья, где проживали печенеги, отметил: “...по сю сторону реки Днестра, в краю обращенном у Булгарии у переправ через эту реку, имеются пустые крепости: первая крепость названа пачинакитами *Аспрон*, так как ее камни кажутся совсем белыми, вторая крепость *Тунгаты*, третья крепость *Кракнакаты*, четвертая крепость *Салмакаты*, пятая крепость *Сакакаты*, шестая крепость *Гиэукаты*” [Константин Багрянородный, 1991, с. 157]. По мнению Н. А. Баскакова, все названия крепостей, кроме первой *Аспрон*, которая переводится с греческого как “Белая”, имеют тюркское происхождение. В этих терминах известный лингвист увидел сочетания *Тун-катай* (Мирная крепость), *Карак-катай* (Сторожевая крепость), *Салма-катай* (Патрульная крепость), *Сака-катай* (Крепость на сваях) и *Ийу-катай* (Военная крепость). Весьма примечательно, что вторая часть этих названий *катай (каты)* означает “укрепление, крепость, город” [Баскаков, 1960, с. 129]. Упомянутый термин, по мнению Т. М. Калининой — комментатора данного фрагмента трактата Константина Багрянородного, имеет древнеиранское происхождение и вполне возможно, что он попал к печенегам через посредство носителей восточноиранских языков [Константин Багрянородный, 1991, с. 391]. Не исключено, что возникновение этих названий поселений Нижнего Поднестровья с основой *катай (каты)* было связано с пребыванием здесь народа восточноиранского происхождения, а именно — аланами.

Обращает на себя внимание то, что аланы, по данным письменных источников, проживали в указанном регионе в первой половине X в., а потом упоминания о них здесь снова появились практически лишь в связи событиями конца XIII в. — начала XIV вв. Этому могут быть два объяснения. Либо во второй половине X в. аланы Северо-Западного Причерноморья были ассимилированы соседями, а в XIII в. вследствие политики монголо-татар здесь осели новые аланские переселенцы с Северного Кавказа и южнорусских степей. Либо в период с середины X в. по начало XIII в. аланы из Северо-Западного Причерноморья никуда не исчезали, а были известны соседям под иным этническим наименованием.

В связи с последней версией особый интерес представляют бродники, упоминаемые как жители земель на север от устья Дуная в конце XII — начале XIII вв. Возможно, что одно из первых упоминаний о бродниках в Северо-Западном Причерноморье содержится в выступлении византийского автора Никиты Хониата, составленном в 1190 г. В нем речь идет о событиях в Болгарии в 1186 г. Именно тогда шла ожесточенная борьба болгар, во главе которых стояли цари-соправители Петр и Асен, против византийцев за свою независимость. После неудачного похода во Фракию болгарские цари-соправители вынуждены были уйти на север за Дунай, в Куманию, где получили подкрепление. Несмотря на это, византийскому императору Исааку II Ангелу удалось разбить повстанцев. Рассказывая об этом Никита Хониат

отмечает, кто был союзником болгар: "...скифы, народ до этого непобедимый, негостеприимный и очень воинственный, и те из Вордоны, которые презирают смерть, ветвь тавроскифов, и они народ любимый Аресом и соединившись с варварами, живущими на Гемосе, склонились при их поражении и погибли..." [Успенский, 1879, прил. №5, с. 35—36; Голубовский, 1884, с. 199; Павлов, 1983, с. 123]. Если исходить из получившего распространение мнения, что *Гемос* — это Балканы, а *скифы* — это куманы-половцы, то под *тавроскифами* здесь следует подразумевать русских, т. е. восточных славян. Поэтому весьма логичным выглядит предположение Ф. Успенского, согласно которому в данном тексте под названием *Вордона* скрывалось название страны бродников, известной в латиноязычных текстах как *Brodnic Terra, regio Brodnici* и т. п. [Успенский, 1879, с. 36]. Предположение Ф. Успенского не встречает особых возражений у современных исследователей. Так, Н. Ф. Котляр считает, что эта информация является живым свидетельством того, что в конце XII в. бродники жили на север от Дуная и являлись соседним с Болгарией народом [Котляр, 1966, с. 19].

В первой половине XIII в. бродники, как жители пограничных с Болгарией, Куманией и Венгрией территорий, фигурируют в венгерских и папских документах. Так, в изданной после 7 мая 1211 г. грамоте венгерский король Эндре II пожаловал рыцарям Тевтонского ордена "землю Барца" (*Барцашаг, Цара Бырсей, Бурцеланд*), которая была расположена в юго-восточной части королевства Венгрия в воеводстве Трансильвания (рис. 29). В грамоте довольно четко очерчены границы земли Барца. Южные ее пределы составляли "снежные горы", т. е. вершины Карпат, которые являлись естественной границей между владениями венгерского короля и Куманией [Шушарин, 1972, с. 169—171; 1978, с. 40]. 7 мая 1222 г. венгерский король Эндре II вновь жалует рыцарям ордена крепость Крецбург (в двух километрах южнее Татарского перевала) "с лугами, прилегающими к нему, и землю, которая простирается от земли Крейцбурга до границ бродников". В грамоте от 19 декабря 1222 г. Папа воспроизвел этот текст подтвержденного им пожалования. Кроме того, среди земель пожалованных венгерским королем Эндре II ордену Иерусалимских рыцарей в 1222 г. была "*usque ad terminos Prodnicorum*", находившаяся в Трансильвании [Мавродин, 1940, с. 284; Шушарин, 1978, с. 41]. По мнению В. П. Шушарина, эти документы могут свидетельствовать о том, что "произошло расширение королевского домена за счет территории, лежавшей между "снежными горами", владениями Болгарии, граница которой проходила по Дунаю, и землями бродников" [Шушарин, 1978, с. 41]. Известно также, что в 1223 г. король Венгрии Эндре II подарил клирику Гоцелину "*terra Borotnic*", которая находилась в Трансильвании [Мавродин, 1940, с. 284].

Документы того периода свидетельствуют о том, что бродники жили по соседству с куманами-половцами. Подтверждением этого может являться письмо Папы Гонория III к гранскому епископу, датированное в 1227 г., где сказано: "Мы удостоиваем дать тебе наше полномочие в землях Кумании и Броднии, соседней с ней, на обращение которых есть надежды, по которому ты имеешь власть проповедовать, крестить..." [Голубовский, 1884, с. 198]. Известно, что в Гранском епископате действительно проживало много половцев, а папы знали только, что бродники где-то соседят с половцами. А так как миссия у последних поручалась гранскому епископу, то можно согласиться с мнением П. Голубовского, что "бродники были оттеснены туда-же, отданы в его распоряжение для просветления их истинами католической религии, но это нисколько не значит, что бродники не были христианами" [Голубовский, 1884, с. 199].

В документах, изданных в 1222—1225 гг. королем Венгрии и папой Гонорием III, говорится о набегах "язычников" на землю Барца и на территорию за "снежными горами" и о том, что "большую часть этой земли" рыцари "вырвали из рук язычников". В их число входили и бродники, о которых в посланиях папы Григория IX архиепископу эстергомскому от 31 июля 1227 г. и 27 февраля 1231 г.

сказано, что они “народ этих областей”. В этих документах говорится также о том, что “земля Бродник”, “область бродников” и Кумания, “область куманов” соседствуют друг с другом” [Шушарин, 1978, с. 40—42].

К числу наиболее поздних документов, в которых упоминаются бродники, относится послание короля Венгрии Белы IV папе Иннокентию IV, первоначально датированное 1254 г., а ныне его относят к 1250 г. [Шушарин, 1978, с. 39, прим. 6]. Это уже было время, когда на границах Венгрии находились монголо-татары, о чем в документе сказано: “Когда государство Венгрии от вторжения Татар, как от чумы, большей частью было обращено в пустыню и, как овчарня изгородью, было окружено различными племенами неверных, именно: Русскими, Бродниками с востока; Булгарами и Босняками, еретиками с юга...” [Голубовский, 1884, с. 195—196]. Далее король Венгрии взывает о помощи, мотивируя это тем, что “страны..., которые граничат с востока с владениями нашего королевства, а именно Русь, Кумания, Бродники (Brodnici), Болгария, в большей их части ранее подчиненные нашей власти”, стали данниками татар [Шушарин, 1978, с. 40]. Исходя из того, что в этом документе идет перечисление восточных соседей Венгрии с севера на юг, можно сделать вывод, что земли бродников находились где-то в восточной части Карпат (рис. 29). Н. Ф. Котляр относительно этого еще более категоричен: “Никто из исследователей еще не называл хотя бы одного свидетельства источников в пользу того, будто бы они [бродники. — О. Б.] были кочевниками, точно так, как нет доказательств того, что они жили в других местах, а не в Подунавье” [Котляр, 1966, с. 20]. Необходимо также отметить, что владения бродников ограничивались не только Северо-Западным Причерноморьем, но и заходили далеко на запад, на территорию Венгерского королевства. Так, в грамотах от 1251—1252 гг. отражено существование в комитате Нитра (на территории современной Словакии) деревни **Бороднук** (*Броднук*). А документ от 11 декабря 1359 г. упоминает в воеводстве Трансильвании, несколько севернее земли Барца, имение **Препоштфальва** (Деревня пробста), “называемое иначе **Продник**” [Шушарин, 1978, с. 42].

В современной исторической науке существует мнение, что частью бродников могли являться “берладники” и “галицкие выгонцы”, упоминаемые в древнерусских летописях при описании событий второй половины XII — начала XIII вв. Впервые берладники фигурируют в древнерусских летописях под 1158 г., т. е. во время междоусобной борьбы между звенигородским князем Иваном Ростиславичем, который нашел себе убежище в Киеве, и галицким князем Ярославом. Тогда князь Иван вынужден был покинуть Киев и бежать на Дунай: “Иван же... ста в городах Подунайских... И придоша к нему половци мнози и берладники у него искупися [собралось. — О. Б.] 6000” [Ипат. л., 1843, стб. 497]. Во второй и последний раз берладники упоминаются в 1159 г. Тогда берладники овладели важным киевским портом на Днепре — Олешьем, а потом ушли на Дунай, где на них, возле Дичины [Вичины. — О. Б.], напало киевское войско [Ипат. л., 1843, стб. 505]. Характерно, что предводитель этой группы населения степей в летописях именуется Иваном Берладником. После его смерти в 1162 г. название **берладники** полностью исчезло из употребления. Однако в 1173 г. суздальский князь Андрей Боголюбский, выгоняя Давида Ростиславича с Руси, порекомендовал ему: “А ты пойди в Берлад, а в Руськой земли не велю ти быти” [Ипат. л., 1843, стб. 573]. Исходя из данной информации, можно согласиться с мнением А. Б. Головки, что термин **берладники** не имел четких этнических признаков и, вероятно, был связан с конкретной местностью — **Берладью**” [Головка, 1991, с. 31]. По наблюдениям же Н. Ф. Котляра, Иван Берладник не сидел в Берладе, а все время находился в бегах и был отравлен в Фессалониках в Греции. Поэтому имеет смысл рассматривать прозвище **Берладник** не иначе как “разбойник, убийца и даже голодранец”, а местность **Берлад** — как символ беззакония и разбойничества [Котляр, 1966, с. 21]. Данные древнерусских летописей позволяют локализовать эту местность в Северо-Западном Причерноморье на север от устья Дуная, так как она во второй половине XII в. пополнялась выходцами из

Галицкой земли. Однако в летописях нет прямых указаний на связь берладников с бродниками и не совсем понятен этнический состав этого населения.

Уход восточнославянского населения на юг, в степи Северо-Западного Причерноморья, по-видимому, продолжался и в начале XIII в., о чем может свидетельствовать информация о “галицких выгонцах”. Перед битвой на р. Калке в 1223 г. “выгонци Галичкая... воидоша в море, бе бо людей тысяща, и воидоша во Днепр и возведоша пороги и сташа у реки Хортице на броду” [Ипат. л., 1843, стб. 742]. Н. Ф. Котляр считает, что именно эти выходцы из Северо-Западного Причерноморья и были известны во время битвы на р. Калке под названием **Бродници** [Котляр, 1966, с. 20]. Однако возникает вопрос: если их территория не была оккупирована монголами, то какой же был смысл жителям Северо-Западного Причерноморья выступать на стороне пришельцев? Такое решение могло бы быть принято, если бы монголы заняли коренные земли “выгонцев” — Северо-Западное Причерноморье, а монголы, как известно, дальше Северного Приазовья на запад не пошли.

По мнению Ю. А. Кулаковского, о “галицких выгонцах” речь идет в тех текстах византийских историков, где сообщается, что в 1207 г. после убийства болгарского царя Асена I его сын, будущий Асен II, сбежал в землю “русских”. Оттуда через десять лет Асен II вернулся с дружиной “русских” и сел на отцовский престол. Византийский историк Георгий Акрополит назвал их словом, которое на русский язык переводится как “беженцы”. Ю. А. Кулаковский предложил рассматривать этот термин как эквивалент летописного — “выгонцы”, которые, по его мнению, являлись одной из составных частей населения, которое пополняло отряды бродников [Кулаковский, 18976, с. 319]. По мнению П. Павлова, Асен II не мог найти себе убежище на землях Галицко-Волынского княжества, так как в период с 1205 г. по 1219 г. оно переживало острый политический кризис, вызванный венгерской агрессией. Следовательно, наиболее вероятным местом пребывания будущего болгарского царя были земли бродников [Павлов, 1983, с. 126].

В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: почему в конце XII — начале XIII вв. древнерусские летописи локализуют бродников только в Днепро-Волжском междуречье, тогда как венгерские, папские и византийские документы свидетельствуют об их расселении на землях между Днестром и Дунаем? С одной стороны, это можно объяснить тем, что в древнерусских текстах по отношению к бродникам Северо-Западного Причерноморья могли использовать другие термины, например, **берладники**, **галицкие выгонцы** и т. п. С другой стороны, земли бродников в политическом и территориальном отношении были оторваны от Юго-Западной Руси. Поэтому бродники Днестровско-Дунайского междуречья не принимали активного участия в политической жизни того же Галицко-Волынского княжества. Зато они находились в сфере интересов венгерского короля и его покровителя Папы Римского, а также вмешивались в дела соседней Болгарии. Поэтому византийские, венгерские и римские источники конца XII — начала XIII вв. часто о них вспоминают. Однако это вовсе не означает, что термин **бродники** не был известен в Юго-Западной Руси. Складывается впечатление, что во второй половине XII в. информацию о бродниках, а следовательно, и сам термин, канцелярия Папы Римского могла заимствовать от венгров. Венгры же, в свою очередь, с названием **бродники** могли познакомиться через посредство своих соседей — жителей Руси, где он был уже известен с середины XII в. Однако до конца не ясно, представляли ли бродники Северо-Западного Причерноморья только лишь славянское население, или в состав этой общности могли входить и представители других этнических групп. На наш взгляд, ответ на этот вопрос могут дать результаты археологических и антропологических исследований памятников и кранио-логических серий, связываемых с оседлым населением региона XII—XIII вв.

В связи с этим особый интерес представляет могильник у с. Лимбарь в Молдавии (рис. 29, 2). По наблюдениям исследователя данного памятника И. Хынку, “таких могильников в Молдавии и за ее пределами в непосредственной близости очень мало (в Молдавии их всего три)”. Подавляющее большинство погребений могильника в грунтовых ямах было ориентировано головой на запад (с сезонными отклонениями). У многих погребенных руки были уложены на животе или на груди (рис. 30, 1). Это позволяет говорить о том, что “могильник христианский, хотя не найдены нателные крестики”. Но есть на данном некрополе и другая группа погребений, для которых характерна меридиональная ориентировка, наличие бытовых предметов в погребениях, вторичное вскрытие погребений, захоронения животных и т. п. (рис. 30, 2) Все это, по мнению И. Хынку, “свидетельствует о проживании в этом поселении людей другой, не христианской веры”. Редкий инвентарь — шиферное пряслице, топор, овальное кресало, стремяна и другие предметы (рис. 30, 3—4) — позволяют датировать могильник XII—XIV вв. [Хынку, 1970, с. 4, 64].

М. С. Великанова подвергла краниологическому анализу 40 черепов (поровну мужских и женских) из могильника у с. Лимбарь. Полученные результаты свидетельствуют, что мужские черепа характеризуются суббрахикранией при средних размерах черепной коробки, а женщины — значительно более длинноголовы и более узколицы. Все это может свидетельствовать в пользу того, что в сложении населения, оставившего могильник, “участвовало два компонента — долихокранный (или мезо-долихокранный) и брахикранный”. По наблюдениям М. С. Великановой, “мужские черепа из серии могильника обнаруживают явное отличие от средневекового славянского населения этой области, известного по могильнику IX—X вв. у с. Бранешты”. Эти брахикранные черепа относятся к так называемому “зливкинскому” или “болгарскому” антропологическому типу, получившему распространение среди салтовского населения степей предыдущей хазарской эпохи. М. С. Великанова пришла к выводу о неместном происхождении брахикранного элемента. Женские же долихокранные черепа, по заключению М. С. Великановой, обнаруживают большое сходство с сериями из соседнего могильника Бранешты. Это позволило исследователю говорить о “славянской принадлежности долихокранного элемента серии из Лимбарь”. В конечном итоге, краниологические измерения, проведенные на могильнике у с. Лимбарь М. С. Великановой, позволили ей прийти к несколько неожиданным выводам: «...группа, оставившая могильник Лимбарь, относится антропологически к “болгарской”, а не “аланской” части салтово-маяцкого населения. Однако этому обстоятельству вряд ли следует придавать значение. Известно, что термин “алан” употреблялся в исторических документах и в узко этническом и в широком собирательном смысле. Археологические данные говорят о тесном соприкосновении обоих вариантов салтово-маяцкой культуры, что, возможно, могло повести к поглощению одного этнонима другим» [Великанова, 1975, с. 114—138]. Однако С. Сегеда категорически не согласен с выводом М. С. Великановой относительно брачных связей между мужчинами из средневекового поселения возле с. Лимбарь и женщинами из поселения возле с. Бранешты, потому что “могильник возле с. Бранешты датируется X—XI вв., а лимбарский — XI—XIV в.” [Сегеда, 2001, с. 185—186]. Кроме того, С. Сегеда также считает, что “отдельные группы протоболгар и аланов проживали на юге Украины и в Молдове” вплоть до XIV в.; он склонен также связывать могильник у с. Лимбарь с “соседними потомками “болгарской” части салтовской культуры» [Сегеда, 2001, с. 173, 185].

Можно полностью согласиться с предположением М. С. Великановой, согласно которому брахикранный антропологический компонент на могильнике у с. Лимбарь связан своим происхождением с населением салтовской культуры. Однако несколько неубедительными являются доводы исследователя относительно того, что появление носителей “зливкинского” типа представляет результат переселения салтовского населения в бассейн Днестра и Прута в послехазарский период с других территорий.

Данные археологии, письменных документов и антропологии свидетельствуют об обратном. Именно за последние десятилетия на территории Одесской обл. Украины и Молдавии было исследовано около ста объектов VIII—X вв., объединяемых в археологическую культуру, которую часто называют балкано-дунайской. Для нее было характерно сочетание салтовских черт с несалтовскими традициями, которые связывают с пребыванием славян. Это выражается в сосуществовании на поселениях данной культуры квадратных землянок с глиняными печами, наземных каменных и юртообразных построек, салтовской и “славянской” керамики и т. п. Для погребального обряда здесь был характерен биритуализм: обряд кремации сочетался с традицией ингумации. Все это может свидетельствовать о культурной, а может быть и этнической консолидации, салтовского и славянского населения, а также кочевников тюркского происхождения. Существует мнение, что данный тип памятников в Северо-Западном Причерноморье имел отношение к традициям населения Первого Болгарского царства [Руссев, 1995, с. 103—107; Comsa, 1960, s. 393—422; Смиленко, 1992, с. 38—41]. Исходя из того, что салтовский элемент на раннесредневековых памятниках Северо-Западного Причерноморья был представлен в значительной степени, С. А. Плетнева даже предложила рассматривать балкано-дунайскую культуру указанного региона как один из вариантов салтовской культуры, образовавшийся в результате оседания кочевников на землю и слияния их с земледельческими народами [Плетнева, 1967, с. 7—8, 12, 187—188].

Однако, как бы не интерпретировали происхождение этих памятников, несомненна их связь с населением Первого Болгарского царства и Хазарского каганата. В связи с этим имеет смысл обратить внимание на предположение Р. Рашева относительно того, что состав объединения протоболгар был с самого начала полиэтническим. По его мнению, в VII в. верхушку протоболгарского общества представляли выходцы из тюркской знати, а основную массу населения — аборигены степей Северного Причерноморья, среди которых были потомки ираноязычных сармато-аланов [Рашев, 1993, с. 250—253]. Логично предположить, что таким же в VIII—X вв. был этнический состав салтовского населения Северо-Западного Причерноморья. И нет ничего удивительного в том, что письменные источники в начале X в. упоминают аланов как соседей Дунайской Болгарии.

В то же время “зливкинский” антропологический тип, получивший распространение в раннее средневековье на территории Дунайской и Волжской Болгарии, а также в степях Подонья и Приазовья, по определению Г. Ф. Дебеца и В. В. Гинзбурга, имел распространение на юге Восточной Европы в предыдущую сарматскую эпоху [Дебец, 1948, с. 254—256; Гинзбург, 1963, с. 262—263]. Следовательно, можно предположить, что носителями брахикранного “зливкинского” антропологического типа изначально могли являться как тюркоязычные болгары, так и аборигены степей Северного Причерноморья — потомки сармато-аланов.

Таким образом, присутствие на христианском могильнике XII—XIV вв. мужских брахикранных серий “зливкинского” типа и упоминание в Северо-Западном Причерноморье в X в. и XIII—XV вв. аланов отнюдь не случайно. Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что часть аланов данного региона имели прямое отношение к салтовской культуре и их отдельные группы могли сохраняться здесь еще в XIV в.

Вполне возможно, что с распространением терминов *бродник* и *яс* в Поднестровье и на соседних территориях можно связывать распространение подплитовых захоронений, получивших достаточно широкое распространение на территории Западной Украины и соседних Словакии и Чехии в предмонгольский и монгольский периоды (рис. 31, 1).

В частности, для погребений в Верхнем и частично в Среднем Поднестровье на территории Западной Украины были характерны следующие признаки: погребения совершались в грунтовых ямах, которые сверху перекрывались каменными плитами; иногда встречались подплитовые захоронения в каменных саркофагах; покойники

были уложены на спине головой на запад; иногда встречались групповые захоронения в одной могильной яме; в редких случаях под черепом умершего находили трехугольную каменную плитку, покрытую слоем обожженной земли с примесью угольков и пепла; очень редко встречался также слой пепла под всем скелетом; деревянные гробы отсутствовали; редкий инвентарь в некоторых случаях отличался богатством (рис. 31, 2). На основании анализа погребального инвентаря удалось установить, что эти погребения на территории западных областей Украины появились в первой половине XI в. и продолжали существование и после нашествия монголо-татар. Обряд погребения позволяет их считать христианскими [Вязьмитін, 1966, с. 17—19; Рагич, 1949, с. 162; 1955, с. 25—26; 1957, с. 17, 48, 58—59, 61—64, 66, 68, 69, 74, 73—74; Свешніков, 1949, с. 87—88; Тимошук, 1952, с. 399—400].

Аналогичные подплитовые захоронения были зафиксированы и на соседних с Западной Украиной территориях: в Словакии, Чехии, Моравии и даже в Юго-Восточной Германии (рис. 31, 1). М. Гануляк отметил следующие особенности этих захоронений: погребения под каменными плитами в регионе находились на окологробных кладбищах; по своей форме надмогильные камни были как аморфные, так и симметрично обработанные с более тонкой отделкой поверхности; в Радомышле и в других местах скелеты в могильных ямах были обложены камнями (рис. 31, 3). По мнению М. Гануляка, во многих случаях “под такого рода надгробными камнями могли быть похоронены лишь представители высших общественных социальных слоев, владеющие достаточными средствами для их раздобывания”. По предположениям М. Гануляка, погребения под каменными плитами стали появляться в Чехии и Моравии во второй половине XI в., а в Словакии — на рубеже XI и XII вв.. Наибольшее распространение данной традиции в этих странах Центральной Европы приходится на XII—XIII вв., а угасание на XIV в. М. Гануляк считает, что “обычай накрывать погребения надгробными камнями явление в вышеприведенной области чуждое и попало туда в результате тесных торговых сношений”. Однако при этом М. Гануляк допускает, что аналогии из прошлого указывают на возможность местного происхождения традиции накрывать могильные ямы камнями, откуда она могла попасть из Чехии и Словакии в соседние страны. Основанием для последнего предположения стало то, что словацкий исследователь считает, что подплитовые захоронения появились в Верхнем Поднестровье лишь на рубеже XI и XII вв. [Hanuliak, 1979, s. 165—186]. Однако украинские исследователи установили, что подплитовые захоронения появились в Верхнем Поднестровье уже в первой половине XI в., т. е. раньше, чем на соседних территориях [Свешніков, 1949, с. 87—88].

Поэтому нельзя полностью согласиться с гипотезой М. Гануляка относительно происхождения данного типа погребальных памятников. Очень заманчиво видеть в этом следы влияния Византии, где достаточно рано стали использовать камень при совершении христианских захоронений. Однако такие захоронения отсутствуют на территории Болгарии и Румынии, т. е. говорить о диффузии явления с юга, с территории Византии, на север не приходится. Обращает на себя внимание то, что в первой половине XI в. подплитовые захоронения появляются сначала на территории Западной Украины в Верхнем Поднестровье и несколько позже начинают распространяться на территорию Словакии и Чехии. В данном случае уместно говорить о том, что данная традиция была привнесена в район Карпат с востока. В связи с этим особый интерес представляют Крым и Северный Кавказ, где данный обряд получил распространение уже в I тыс. н. э. В Крыму уже в первые века новой эры некоторые христианские захоронения перекрывались сверху не только каменной плитой, но и обкладывались по краям и на дне каменными плитами, в чем чувствовалось византийское влияние. В последующие столетия данный тип захоронений на Крымском полуострове получил широкое распространение [Айбабин, 1998, с. 20]. Однако в письменных документах отсутствует какое-либо указание на причины миграции носителей данной

традиции на север. Поэтому особый интерес могут представлять захоронения в каменных ящиках на территории Северного Кавказа. Умерших там, также как и в Крыму, хоронили в могильных ямах, которые обкладывались по краям и перекрывались сверху каменными плитами. На Кавказе данная традиция уходит в глубину тысячелетий и ее появление связывают с племенами кобанской культуры [Ковалевская, 1984, с. 6—10]. Вспомним наблюдения В. А. Кузнецова, который определил, что уже в начале XI в. носители восточного и западного вариантов аланской археологической культуры Северного Кавказа начали отказываться от традиции погребать своих умерших соплеменников в земляных и скальных катакомбных склепах. Тогда в Алании начала широко распространяться традиция хоронить покойников в каменных ящиках, которые сверху перекрывались каменными плитами [Кузнецов, 1973, с. 68—70]. Наиболее показателен в этом отношении христианский могильник XI—XIV вв. вблизи Нижнего Архыза на Центральном Кавказе, где местный обряд погребения во многих чертах имел сходство с традициями подплитовых захоронений Западной Украины: погребения здесь совершались в каменных ящиках и сверху перекрывались каменными плитами; погребенные лежали на спине в вытянутом положении головой на запад; здесь были как индивидуальные захоронения, так и коллективные; в некоторых могилах под головой погребенного имелись каменные плитки, инвентарь встречался редко и т. п. [Кузнецов, 1971, с. 182—183].

При этом непонятно, почему подплитовые захоронения Западной Украины и Центральной Европы совершались в простых грунтовых ямах, а на Северном Кавказе — в могилах, со всех сторон обложенных каменными плитами. Хотя последний тип захоронений встречается и в западноукраинских и в центральноевропейских областях. Таковы подплитовые захоронения в Радомышле, где скелеты в могилах были обложены камнями и накрыты сверху каменными плитами [Hanuliak, 1979, s. 184]. В то же время, возле села Василев Черновицкой обл. были обнаружены как индивидуальные, так и коллективные подплитовые захоронения XI—XIII вв. в саркофагах, вытесанных из цельного куска песчаника. Обряд захоронения здесь был христианским. Подобный тип погребений был зафиксирован также в Галиче [Тимошук, 1952, с. 399—400]. В данном случае уместно напомнить, что песчаник легко поддается обработке. Следовательно, в этой традиции следует усматривать сохранение первоначального обычая погребать умершего в каменной могиле, но с определенными отклонениями от первоначальной нормы. Возможно, данный погребальный обряд среди северокавказских переселенцев в первые десятилетия XI в. еще не пустил глубоких корней ввиду непродолжительного его бытования в их среде, т. е. являлся для них еще не традицией, а инновацией. Кроме того, повсеместное распространение данного обряда захоронения на территории Западной Украины, Словакии и Чехии может лишь свидетельствовать о том, что местное славянское население могло просто заимствовать его извне.

К сожалению, отсутствуют результаты краниологических измерений из подплитовых захоронений Западной Украины и Центральной Европы. Тем не менее, появление данной инновации далеко на западе от Северного Кавказа можно связать с миграцией северокавказских аланов в начале XI в., когда политическая обстановка в степях Восточной Европы отличалась нестабильностью, а северокавказская Алания переживала период расцвета. Вполне возможно, что такое переселение было обусловлено экономическими соображениями, т. е. в переселенцах следует видеть купцов. Кроме того, не стоит упускать из вида возможность того, что часть северокавказских аланов в качестве военных наемников могла попасть на военную службу к правителем Центральной Европы. Данное предположение подтверждается наблюдением М. Гануляка, согласно которому в большинстве случаев “под такого рода надгробными камнями могли быть похоронены лишь представители высших общественных социальных слоев” [Hanuliak, 1979, s. 184].

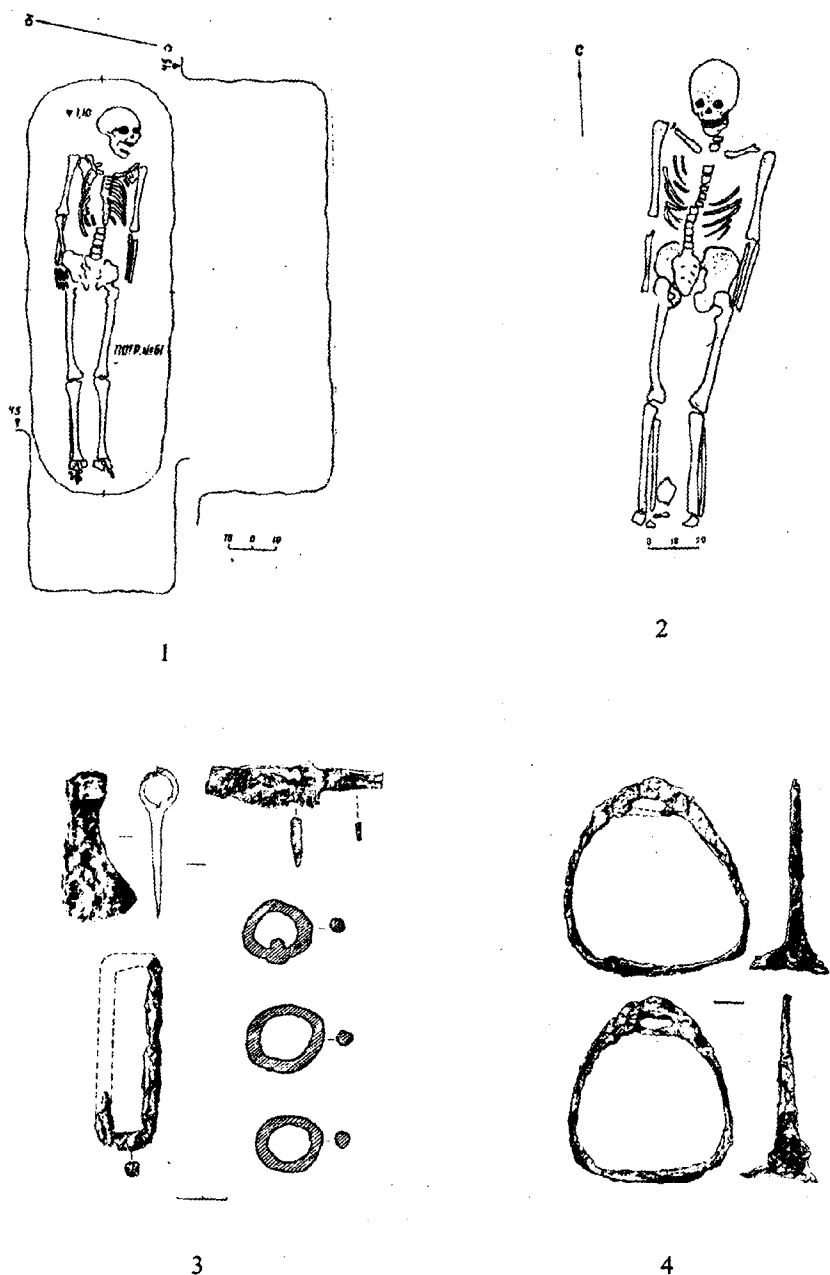
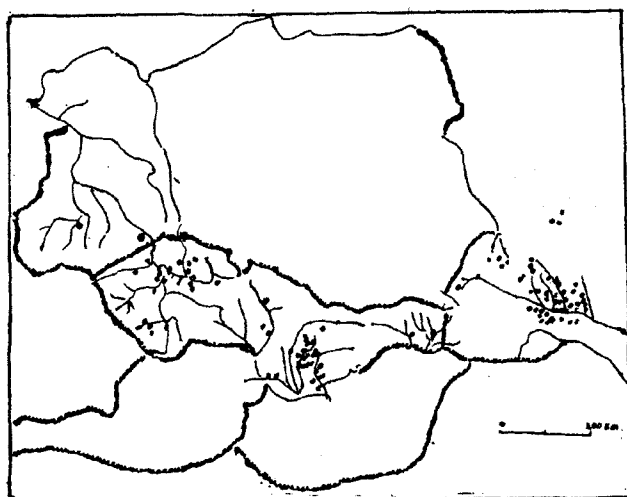
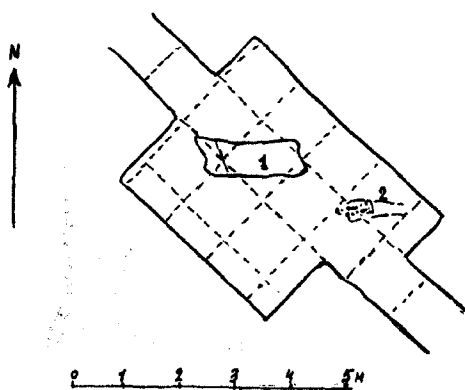

Рис. 30. Особенности погребального обряда и инвентарь из могильника у с. Лимбарь (по И. Хынку):
 1 — погребение № 61;
 2 — погребение № 2;
 3 — инвентарь из погребения № 7;
 4 — железные стремяна из погребения № 24

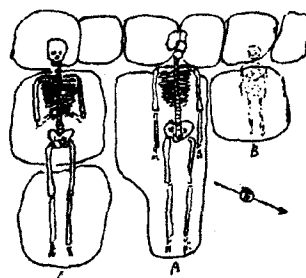
Быть может, с распространением подплитовых захоронений следует связывать то, что на территории Словакии в позднее средневековье существовал населенный пункт, носящий название **Ясове** [История Чехословакии, 1956, с. 317], а также то, что в XIII в. в комитате Нитра существовала деревня **Бороднук (Броднук)** [Шушарин, 1978, с. 42].

1

2

3

Рис. 31. Подплитовые захоронения Центральной и Юго-Восточной Европы
предмонгольского и золотоордынского периодов:
1 — распространение могильников с захоронениями под надгробными
каменьями (по М. Гануляку);
2 — подплитовое захоронение из раскопок на Кляшторе в Западной
Украине (по И. Свешникову);
3 — семейное захоронение из Добровланы в Словакии (по М. Гануляку)

Кроме того, некоторые древнерусские летописи могут косвенно подтверждать пребывание аланов-ясов на территории Чехии в предмонгольский период. Речь идет о происхождении отца жены Всеволода Юрьевича. По данным Ипатьевской летописи, в 1182 г. «Князь Киевский Святослав Всеволодович ожени 2 сына, за Глеба поя Рюриковну, а за Мстислава Ясыню из Володимера Суждальского, Всеволожно свестъ» [Ипат. л., 1843, с. 125]. На основании этого исследователи давно пришли к выводу, что сын киевского князя Святослава Всеволодовича — Мстислав и суждальский князь Всеволод Юрьевич были женаты на двух сестрах-ясах. Относительно жены Мстислава сведений в летописях больше нет. Что же касается информации о жене Всеволода Большое Гнездо, то летописи содержат сведения, которые до сих пор остаются предметом острых дискуссий среди исследователей.

Так, Новгородская Первая летопись сообщает, что “Мариа, Всеволожна Шварновна, дщи кня(зя) Чешьского” [Новгородская I л., 1859, с. 468]. Мазурский летописец называет ее: “великая княгиня инокиня Марфа Шваркона” [Мазурск. лет., 1968, с. 67]. “Книга Степенная царского родословия” уточняет: “боголюбивая великая княгиня Мария... Шьварновна дщи князя Чешьского...” [Книга Степенная..., 1908, с. 226—227]. Наиболее же исчерпывающая информация об этой княгине содержится в Тверской летописи под 1204 г.: “пострижесе великая княгини Всеволожа Мариа, дщи Шварлова Ческого, в чернице и в скиму, в Володимери, а приведена ис Чех не крещена...” [Твер. л., 1965, стб. 301—302]. По данным Н. М. Карамзина, “тело ее лежит в Владимире, в Успенском Девичьем монастыре, в приделе Благовещения, в олтаре, и в надписи сия Княгиня именована Марфою Шварновною” [Карамзин, 1991, с. 535]. Таким образом, данные древнерусских летописей позволяют считать, что отца Марии — жены Всеволода Юрьевича звали Шварн, он был знатного происхождения, мог происходить из Чехии и имел непосредственное отношение, как и его дочери, к ясам. В сложившейся ситуации остается уточнить, так ли это.

Весьма примечательно, что в середине XII в. на службе у киевских князей находился воевода (военачальник) по имени *Шварн (Киш(в)арн)*. Следовательно, по возрасту он вполне мог подходить на роль отца жены Всеволода Большое Гнездо. Первое упоминание о нем относится к 1146—1147 гг. и связано с походом киевского князя Изяслава против Святослава Ольговича, в результате чего был захвачен Новгород-Северский. Так, Лаврентьевская и Радзивилловская летописи сообщают: “И бежа Святослав к Корачеву, и посла по нем Изяслав *Шварна* и Изяслава Давыдовича...” [Лаврент. л., 1926, стб. 314; Радзивилл. л., 1989, с. 113]. Как известно, Изяслав Мстиславич находился на киевском престоле с 1146 г. по 1154 г. В 1142—1146 гг. он был князем Переяславской земли, а до 1142 г. Изяслав Мстиславич, потомок Владимира Мономаха, являлся волынским князем [Толочко, 1996, с. 111].

В. Т. Пашуто относительно места Волыни в русско-чешских связях в XII в. отметил: “Источники по этой теме очень скудны, но они достаточно ясно говорят о дружеских русско-чешских отношениях, о том, что обе стороны дорожили ими. Это, прежде всего, относится к Волыни”. В качестве примера таких связей известный историк приводит брак Святополка Мстиславича (брата Изяслава Мстиславича), находившегося в 40-е гг. XII в. в Новгороде с Ефтимией, которая приходилась дочерью оломоуцкому князю Отону II и сестрой оломоуцкому Отону III. Последний после гибели отца в битве с королем Чехии Собеславом I бежал на Русь. По мнению В. Т. Пашуто, “он жил при волынском дворе” и преемник Собеслава I чешский король Владислав II по названному браку «приходился волынскому Изяславу “сватом”» [Пашуто, 1968, с. 183]. Если связи волынского двора с Чехией были настолько прочными, то почему бы не предположить, что Изяслав Мстиславич мог взять на службу из Чехии князя Шварна с его дружиной и переехать вместе с ним из Волыни в Киев.

Необходимо отметить, что в Киеве Шварн продолжал исправно служить Изяславу Мстиславичу. Об этом также свидетельствует информация Лаврентьевской и Холмогорской летописей об обороне киевлян против нападения половцев в 1150 (1152) г.: “Изяславим же сторожем стоящим на оной стороне со *Кишварном*, не дадуши им бродитися. Половцы же вседше на коня вси в бронях и за щиты, яко битися...” [Лаврент. л., 1926, стб. 331—332; Холмогор. л., 1977, с. 47]. Очевидно, что Шварн служил Изяславу вплоть до его смерти в 1154 г. После этого обстановка вокруг Киева обострилась. В то время в борьбу за киевский престол вмешались брат Изяслава Ростислав Смоленский, суздальский князь Юрий Долгорукий и Изяслав Давыдович Черниговский. В конечном итоге победил Юрий Долгорукий, но его преждевременная смерть в 1157 г. позволила стать киевским князем Изяславу Давыдовичу [Толочко, 1996, с. 112—128]. Исходя из этого, наиболее возможной версией представляется та, согласно которой родственников и соплеменников

Шварна в суздальскую землю мог переселить во время своего короткого правления в Киеве Юрий Долгорукий, ибо после него никто из суздальских князей не правил в Киеве. После этого и мог заключить брак с дочерью Шварна Марией Всеволод Юрьевич, брат великого князя Андрея Боголюбского. По-видимому, такой брак был оправдан переселением на Суздальскую землю руководимых ранее Шварном вооруженных отрядов ясов, на которых думал опереться Всеволод.

Следовательно, Шварн — отец жены Всеволода Большое Гнездо мог прийти на Русь со своей дружиной из Чехии и быть, как и его дочери, по происхождению ясом. В данном случае можно говорить о нахождении аланских переселенцев с Северного Кавказа в XII в. в центре Европы. Данные археологии и древнерусских летописей позволяют принять эту гипотезу. Насколько значительным было присутствие аланских переселенцев с Северного Кавказа на территории Словакии и Чехии в XI—XII вв., могут дать информацию лишь документы местного происхождения. А это может стать предметом будущих исследований историков.

Если исходить из того, что в начале XIII в. термин *бродники* на Руси и в Центральной Европе мог использоваться для обозначения смешанного алано-славянского населения, то можно объяснить, почему один из венгерских документов в 1359 г. упоминает в воеводстве Трансильвания, несколько севернее земли Барца, имение *Препоштфальва* (Деревня пробста), “называемое иначе *Продник*” [Шушарин, 1978, с. 42]. Вполне возможно, что проживавшие на территории Юго-Западной Руси ясы и славяне могли переселиться до этого на юг — на соседние земли Трансильвании. Не случайно данные венгерских и папских документов иногда локализуют бродников в Трансильвании и на смежных с нею землях, т. е. в районе Юго-Западной Руси [Мавродин, 1940, с. 283—284; Шушарин, 1978, с. 42]. Кроме того, можно допустить, что часть этого населения в составе “галицких выгонцев” могла также переселиться с территории украинского Среднего Поднестровья на соседние территории современной Молдавии, именно туда, где впоследствии возник “Jasky-Torg in Pruth”.

Говоря об этнической ситуации в Северо-Западном Причерноморье в XII — начале XIII вв., следует также обратить особое внимание на присутствие в данном регионе славян. Результаты исследований христианского некрополя у с. Лимбарь позволяют говорить о том, что в этот период происходил процесс смешения салтовского и славянского населения, чему в значительной степени способствовали религиозный (принадлежность к православной христианской конфессии), хозяйственный и политический факторы. Необходимо отметить, что во второй половине XII — начале XIII вв. вследствие причин политического характера количество переселенцев с Галицко-Волынской земли значительно возросло. Естественно, это в значительной мере способствовало усилению славянского присутствия в регионе. В. В. Мавродин, анализируя сообщения древнерусских летописей, согласно которым в 1223 г. “галицкие выгонцы” имели около тысячи “лодей” (кораблей) [Ипат. л., 1843, стб. 342], сделал вывод об их общем количестве 35—40 тысяч человек [Мавродин, 1949, с. 103]. В свою очередь А. Б. Головкич, учитывая эти данные и видя в бродниках и подунайцах преимущественно славян, довел общее количество славян в Северо-Западном Причерноморье до 0,5—1,0 млн. человек [Головкич, 1993, с. 44]. Однако следует учитывать, что среди тех, кого в письменных источниках предмонгольского времени называли “бродниками”, могли быть не только славяне, но и представители других этнических групп, например аланы.

В сложившейся ситуации возникает закономерный вопрос: если термин *бродники* восточные славяне использовали для обозначения смешанного алано-славянского населения Восточной Европы, то почему канцелярия венгерского короля (следовательно и Папы Римского) стала называть бродниками все оседлое население Северо-Западного Причерноморья, где численно преобладали славяне? Складывается впечатление, что венгры, заимствовав данный термин от своих восточносла-

вянских соседей, первоначально использовали данное название для обозначения того алано-славянского населения, которое находилось на границе между Трансильванией и Юго-Западной Русью. Однако в начале XIII в., когда сфера интересов венгерского короля и Папы Римского распространилась на восток до границ Кумании, то “бродниками” стали называть оседлое население, проживавшее в среднем и нижнем течении Прута и Днестра, не особо заботясь о его этническом содержании.

Таким образом, результаты анализа информации венгерских, папских и византийских документов позволяют сделать вывод, что их авторы в конце XII — начале XIII вв. называли бродниками население, которое проживало, по крайней мере, в двух районах. Первый был расположен между Трансильванией и Юго-Западной Русью, а второй — на север от устья Дуная, по соседству с Болгарией. Как видим на примере могильника у с. Лимбарь, нашествие монголо-татар вынудило уйти с Северо-Западного Причерноморья не все оседлое население. Часть его оставалась и во времена Золотой Орды и оно могло быть известно в письменных источниках под именем аланов. Но не только это население могло принять участие в формировании общности позднейших аланов-ясов Северо-Западного Причерноморья.

Как уже отмечалось, в современной историографии существует мнение, что в результате походов монголов на Кавказскую Аланию в 30—40-е гг. XIII в. значительная часть северокавказских аланов-ясов переселилась в Молдавию, на Балканы и в Венгрию [Кузнецов, 1971, с. 44—45; Гутнов, 1993, с. 63—64]. В связи с этим уместно обратить внимание на наблюдения А. Н. Карсанова относительно совпадений в топонимии Северо-Западного Причерноморья и Осетии. Так, им было отмечено, что на территории Молдавии и Северной Осетии существовали, а в ряде случаев существуют и сейчас поселения с одинаковыми названиями: *Абана, Нар, Ногкау, Тли, Бикоти, Бакоти* и т. п. Отмечено также, что с XVI в. на территории современной Одесской обл. существует город *Балта*, а в Румынии до сих пор один из городов называется *Балта-Верде*, что очень напоминает название селения в Северной Осетии — *Балта*. Молдавский же город *Бендеры*, по мнению А. Н. Карсанова, имеет себе аналогии в Южной Осетии, в селении с таким же названием [Карсанов, 1989, с. 87]. Уместно также напомнить, что в XV в. Длугош назвал жителей города *Ясский-Торг*, расположенного на р. Прут, филистейми [Брун, 1880, с. 356]. Именно так называли в Венгрии проживавших в области Ясшаг ясов [Ламанский, 1902, с. 119], которые, по мнению современных исследователей, своим происхождением были связаны именно с аланами Северного Кавказа, переселившимися сюда во времена монгольской экспансии [Selmezi, 1981, old. 178; Кузнецов, 1985, с. 42; Калоев, 1996, с. 73—122; Немец, 1960]. Не исключено, что переселение этих аланов в Паннонию происходило через земли Молдавии, в которой часть их могла осесть.

В связи с этим, особый интерес может представлять информация Т. М. Минаевой относительно поисков следов северокавказских аланов в Молдавии: «... интересным и важным нам показалось сообщение одного из жителей Северного Кавказа, хорошо знающего и неоднократно обследовавшего северокавказские наскальные “пещерки”, о том, что совершенно подобную “пещеру” в ноябре 1966 года он видел в лесистом ущелье по правую сторону Днестра, в значительном расстоянии от г. Сороки. Они располагались в отвесном обрыве скалы на высоте 30—40 м от ее основания. Небольшие по размерам входы их имели овальные очертания. Он не поднимался внутрь этих “пещерок” и их не обследовал. Местные жители, его сопровождавшие, говорили, что такие “пещерки” имеются и в других районах Молдавии» [Минаева, 1971, с. 171—172]. На основании этого Т. М. Минаева сделала следующее замечание: «Природные условия Поднепровья допускают устройство здесь так называемых наскальных пещерных могильников. По течению р. Реут, правого притока Днестра, нам во время осмотра археологических памятников в Орчеевском районе, близ

с. Требужены, приходилось наблюдать по берегам реки отвесные скалистые обрывы, в которых возможно было вырубать пещерообразные погребальные сооружения... Несомненно, что и в других местах Поднестровья имеются крупные обнажения коренных горных пород, пригодные для высекания в них погребальных “пещерок”» [Минаева, 1971, с. 172]. Поэтому вполне можно согласиться с мнением исследователя: “Само собою разумеется, что делать какие-либо положительные выводы из приведенного только что сообщения невозможно, но в то же время пренебрегать им полностью будет, пожалуй, неосторожно, ввиду достаточно определенных исторических свидетельств, утверждающих пребывание алан на данной территории. Если мы решились говорить об этом сообщении, то только для того, чтобы поставить вопрос о возможности открытия и в Поднестровье аланских наскальных могильников, подобных северокавказским. Решить этот вопрос — дело будущих археологических исследований” [Минаева, 1971, с. 172]. В связи с этим необходимо обратить также внимание на выводы Т. М. Минаевой, согласно которым связываемые с северокавказскими аланами наскальные могильники в Верхнем Прикубанье существовали достаточно длительный период — “от VI до XIII в. н. э.” [Минаева, 1971, с. 172]. Следовательно, исчезновение этих памятников в последующий период можно связывать с миграцией их носителей в другой регион.

Предположение о том, что именно в золотоордынский период значительная часть аланов могла переселиться в район Пруто-Днестровского междуречья косвенно подтверждается также данными письменных документов. Именно документы конца XIII — XIV вв. упоминают о ясах как об отдельной значительной этнической группе в Северо-Западном Причерноморье. Исходя из данных нарративных текстов, эти ясы принимали активное участие в политической жизни балканских и прибалканских государств. Следует отметить, что в текстах первой половины XIII в. ясы практически не упоминаются в регионе, несмотря на присутствие здесь общности бродников. Следовательно, использование для обозначения оседлого населения Северо-Западного Причерноморья термина *ясы* в золотоордынский период логичнее связывать с новой миграцией аланов-ясов. Регионом, откуда могло произойти это крупномасштабное переселение, мог быть Северный Кавказ. Таким образом, распространение этнонима *ясы* в Северо-Западном Причерноморье в золотоордынский период более резонно связывать с миграцией аланов с Северного Кавказа в XIII в. Если бы это переселение аланов на запад состоялось непосредственно после похода монголов на Северный Кавказ в 1238—1239 гг., как считает В. А. Кузнецов [Кузнецов, 1984, с. 268—269], то письменные источники XIII в. зафиксировали бы их появление в Северо-Западном Причерноморье еще задолго до описанной мусульманскими авторами междоусобицы между сыновьями Ногай. Кроме того, непонятно, как могли северокавказские аланы в 1238—1239 гг. бежать через прикавказские и приазовские степи, к тому времени уже занятые монголами. Поэтому более логично предположить, что такая миграция состоялась значительно позже.

В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что общность ясов, как значительная политическая сила в Северо-Западном Причерноморье, начинает фигурировать в письменных документах именно на рубеже XIII—XIV вв. [Тизенгаузен, с. 92—93, 116—117, 138—139, 160—161, 370—371, 383—384; Григора, 1862, с. 197—201]. А это лишь подтверждает наши предположения. Следовательно, переселение северокавказских аланов-ясов в Северо-Западное Причерноморье было связано с событиями, происходившими в Золотой Орде во второй половине XIII в.

Напомним, что уже в середине 60-х гг. XIII в. в Днестровско-Прутском междуречье обосновался темник Ногай. Тогда же по поручению хана Берке он совершил удачный поход против Византии и Болгарии. В 60—70-е гг. Ногай воевал против Венгерского королевства и значительно продвинулся на запад вдоль левого берега Дуная. В начале 80-х гг., вследствие активных действий Ногай на Балканах, зависимость от него

признают Тырновское царство, а затем Видинское и Браничевское княжества на территории Болгарии. Кроме того, экспансия Ногай на Балканах привела даже к тому, что около 1292 г. король Сербии был вынужден признать себя вассалом золотоордынского темника. Таким образом, в 60—90-е гг. XIII в. Ногай не только расширил границы своего улуса, но и получил возможность активно влиять на политику государств Центральной Европы и Балкан [Греков, Якубовский, 1950, с. 82—84; Егоров, 1985, с. 33—34]. Естественно, в своих экспансионистских действиях на западных границах Улуса Джучи Ногай должен был опереться на значительные вооруженные силы. Набрать войско из числа местного населения Северо-Западного Причерноморья не представлялось возможным ввиду того, что данный регион в 1242—1243 гг. подвергся нашествию Батыя. Следовательно, Ногай мог набрать себе армию из более восточных своих владений. Как уже отмечалось, в период своего расцвета улус Ногай охватывал огромные территории от Яика до Дуная [Кулаковский, 1899а, с. 66]. А в 1262—1263 гг., во времена правления хана Берке, Ногай принимал активное участие в боевых действиях на Кавказе [Егоров, 1985, с. 196—197]. Уже в 1264 г. Ногай совершил удачный поход на Константинополь [Егоров, 1985, с. 33]. Следовательно, в 1262—1263 гг. он мог включить в состав своего войска северокавказских аланов и впоследствии активно использовать их военный потенциал в Северо-Западном Причерноморье. И совсем не случайно византийский историк Георгий Пахимер назвал аланов Северо-Западного Причерноморья “верными сподвижниками Ногай” и участниками его походов [Georgii Pachymeris, 1729, s. 186]. Однако необходимо установить общее количество этих аланов.

Как сообщают Рукн ад-Дин Бейбарс и Никифор Григора, в конце XIII — начале XIV вв. в Северо-Западном Причерноморье находилось войско аланов в количестве 10 000 человек, т. е. “туман” [Тизенгаузен, 1884, с. 92—93, 116; Григора, 1862, с. 197—201]. Однако это количество аланских переселенцев следует признать минимальным, так как с воинами могли находиться их семьи; также следует признать, что переселения северокавказских аланов на запад могли производиться неоднократно. Следует учесть, что выступившие на стороне Джеки аланы, по определению Ю. А. Кулаковского, в 1300 г. в количестве 10 000 человек, но со своими семьями переселились в Византию [Кулаковский, 1899, с. 66]. Несмотря на это, в XIV—XV вв. письменные источники продолжали отмечать значительный массив аланского населения в Днестровско-Прутском междуречье. Следовательно, общее количество переселившихся в Северо-Западное Причерноморье аланов могло составлять несколько десятков человек.

По-видимому, Ногай, переселяя аланов с Северного Кавказа, стремился решить три задачи: 1) ослабить на Северном Кавказе позиции еще не до конца покоренных аланов; 2) укрепить свои войска на западных границах Улуса Джучи; 3) поставить под контроль торговые пути, которые проходили через территорию Золотой Орды в Центральную и Восточную Европу. Кроме того, существование христианского могильника у с. Лимбарь в XIII—XIV вв. также позволяет выявить отмеченную ранее закономерность: монголо-татары, переселяя с Северного Кавказа аланов, стремились селить их рядом с представителями местного населения, которые в религиозном, хозяйственном, культурном, а возможно, и в этническом отношении были близки к переселенцам. Таким образом, мы имеем дело с четко организованным переселением, а не с беспорядочным бегством аланов с Северного Кавказа в Северо-Западное Причерноморье в первой половине XIII в.

В конечном итоге можно говорить о трех восточноиранских компонентах, принявших участие в сложении общности позднейших средневековых аланов-асов Северо-Западного Причерноморья: 1) потомки носителей салтовской культуры, которые генетически могли быть связаны с восточноевропейскими сармато-аланам предгуннского времени; 2) северокавказские аланы, переселившиеся в район Верхнего Приднестровья в первой половине XI в.; 3) аланы-асы, переселившиеся с

Северного Кавказа во второй половине XIII в. В конце XII— начале XIII вв. в отношении первых двух групп европейские источники могли использовать термин *бродники*, что не исключало употребление данного названия также для обозначения славян, живших в Северо-Западном Причерноморье. Вполне возможно, что эти аланы были упомянуты как *асы* в датированном 1243 г. фрагменте Ватиканского кодекса [Брун, 1880, с. 355]. События XIII в., связанные с утверждением в регионе власти ханов Золотой Орды и отходом славян с данной территории, а также с прибытием новых аланских переселенцев с Северного Кавказа в Днестровско-Прутское междуречье, способствовали тому, что в XIV—XV вв. письменные источники после более чем двухсотлетнего перерыва снова стали упоминать аланов-ясов как жителей Северо-Западного Причерноморья.

К сожалению, в отличие от северокавказских аланов, молдавские ясы оказались менее изученными. Данные письменных источников и топонимии свидетельствуют, что в состав территории, где были расселены ясы, входила Северная Молдова. Именно на этих землях в конце средних веков возникло Молдавское княжество с центром в г. Яссы, известном в средневековых документах как “Ясский Торг” на р. Прут. После возникновения Молдавского княжества в письменных источниках перестают упоминаться аланы-ясы, обитавшие на этих землях вплоть до XVI в. Судьба их до конца не ясна. Однако известно, что на территории Румынии, прилегающей к г. Яссы, до сих пор проживают потомки ясов [Калоев, 1984б, с. 98]. Еще предстоит установить, что могли унаследовать от средневековых ясов представители этого современного населения. К сожалению, мы не располагаем достаточной информацией по этому поводу. Характерно, что данную группу населения до сих пор обходят своим вниманием многие исследователи молдавского этноса. Обычно обращается внимание на то, что в формировании молдаван приняли участие волохи и восточные славяне, издавна обитавшие на берегах Прута и Днестра. Лишь иногда этнографы вспоминают о проживавших на данной территории в период позднего средневековья аланах-ясах [Мохов, 1978, с. 68].

Естественно, присутствие ясов в Днестровско-Прутском междуречье не могло пройти бесследно и должно было оставить определенный след в материальной и духовной культуре молдаван и румын. Быть может, аналогии в культуре молдаван и осетин являются прямым свидетельством контактов, существовавших в прошлом между их предками.

Глава XI. Ясы Венгрии и их отношение к аланам-асам Северного Кавказа и причерноморских степей

В контексте алано-ясской проблемы особого внимания заслуживают венгерские ясы — самая западная группа ираноязычного населения Европы в период позднего средневековья. Несмотря на то, что территория Венгрии не входила в состав Золотой Орды, история народов этой страны, включая венгерских аланов-ясов, в XIII—XIV вв. непосредственно была связана с событиями, происходившими на территории Улуса Джучи.

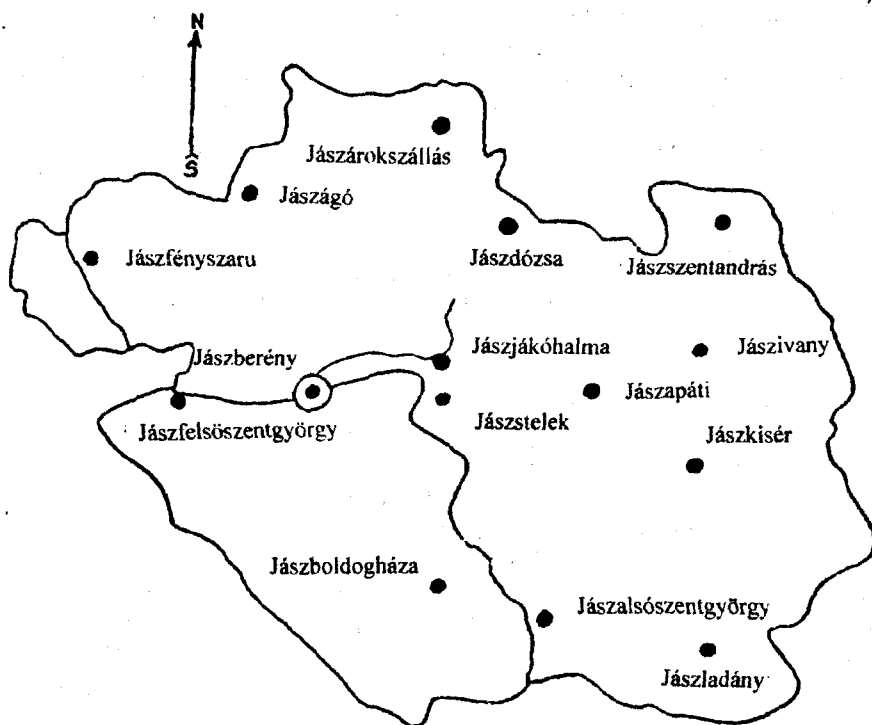

Рис. 32. Распространение ясской топонимии на территории области Ясшаг

Известно, что в Восточной Венгрии — Альфельде ясы и куны поселились на сопредельных территориях, носящих названия **Ясшаг** и **Куншаг**. Ясшаг находится в северо-восточной части Венгрии, в 70 км восточнее Будапешта, на Большой Венгерской низменности, через которую протекает р. Задва, приток Тиссы [Калоев, 1984б, с. 98]. А. Х. Магометов считает, что название **Ясшаг** следует переводить с венгерского как “Ясия” и это название идентично современному понятию “Осетия” [Магометов, 1982, с. 30]. По иному трактуют название **Ясшаг** венгерский филолог Э. Хоргоши и В. А. Кузнецов, которые переводят данное наименование как “Ясская территория” [Кузнецов, 1985, с. 41]. Как известно, Кумания (Kunsag) делилась на Великую и Малую. Ясы же расселились на запад от Великой Кумании, за Тиссу, там, где находятся город Ясберень (Jász-Bereng) и ряд поселений, в названия которых входит определитель **Jász** [Немет, 1960, с. 5]. На территории Ясшага известно 15 населенных пунктов (рис. 32), названия которых начинаются с этнонима **Яс**: **Ясберень**, **Ясароксалаш**, **Ясапати**, **Ясфенисару**, **Ясладань**, **Яскишер**, **Ясалосентдьердь**, **Яспакохальми**, **Ясдожа**, **Ясфельшосентдьердь**, **Ястелек**, **Яссентандраш**, **Ясаго**, **Ясболдогхаза**, **Ясивин** [Szabó, 1982, old. 8].

Ясы в Венгрии с самого начала были известны как *Iassones, Iassini* (в латинской транскрипции) или как *Jász* в ед. ч. и как *Jászok* во множ. ч. (в венгерской транскрипции). В XIV в. в грамотах короля Сигизмунда появляется новое наименование ясов *Philistaei*, которое, по мнению, В. И. Ламанского, происходило от немецкого *Pfeil* — “стрела” [Ламанский, 1902, с. 119]. Однако современный исследователь ясов Л. Сабо связывает второе название венгерских ясов-филистеев с библейским именем Филистимлян, что, по его мнению, было связано с “язычеством” ясов [Szabó, 1979, old. 56]. С 1668 г., во времена правления короля Леопольда I, появляется новое название ясов — *Iazyges* (языги). Как справедливо отметил В. И. Ламанский, названия “филистеи” и “языги” являлись, вероятно, книжными, надуманными [Ламанский, 1902, с. 119].

Как этническая единица, ясы существовали в Венгрии на протяжении длительного времени и сохранились вплоть до наших дней. Многие они утеряли в процессе своего этнокультурного развития, но до сих пор на северо-востоке Венгрии, в области Ясшаг существует этнографическая группа, представители которой называют себя ясами [Калоев, 1984б, с. 102; 1996, с. 3—5]. И это несмотря на значительный период времени, который для центральноевропейских ясов был чреват большими трудностями и потерями.

Первое достоверное упоминание о ясах в Венгрии относится только лишь к 1318 г. Оно содержится в одном архивном документе, где указана этническая принадлежность одной девушки рабыни в латинской транскрипции — *Jazinice*. А 1323 г. датируется известный документ венгерского короля из династии Анжу Карла Роберта — “Освободительное письмо ясов” — со многими яскими собственными именами. Несколько позже в документах от 1333—1334 гг. и 1335 г. упоминается уже первый предводитель венгерских ясов Шандор. Поселения же ясов на территории нынешнего Ясшага (бывш. Пилиш) упоминаются в документах с 1361 г. [Немет, 1960, с. 3; Paloczi-Horvat, 1989, p. 62—63; Калоев, 1996, с. 92—93]. Венгерский исследователь Л. Сабо, анализируя эти документы, пришел к выводу, что венгерские ясы до 1323 г. находились в подчиненном положении по отношению к кунам (половцам) и были сокрыты, по его мнению, под их этнонимом. Интересно также, что в грамотах, в которых речь идет о кунах, упоминаются семь родов, но ничего не говорится о ясах, т. е. не ясно, обитали ли ясы до 1323 г. на территории, подвластной кунам. Интересно, что с середины XIII в. куны неоднократно упоминаются венгерскими письменными источниками. Однако впоследствии ясы умело воспользовались политической ситуацией, связанной с укреплением власти короля Венгрии Карла I, который стремился ограничить влияние кунов. С 1339 г. центр расселения ясов Ясберень и его сек стали равны с кунскими секами [Szabó, 1979, old. 28—29].

В конце XVI в. область Ясшаг, как и вся территория Альфельда, стала подвергаться нападению турок. В 1536 г. состоялся первый турецкий поход, в результате которого пострадавшее от вторжения население стало концентрироваться в Ясберене. Тогда на территории Ясшага в 1556 г. в 12 поселениях ясов проживало 752 семьи, из них — 437 семей в Ясберене. А после турецкого похода 1552 г. в Ясшаге (в 1572 г.) проживало 1049 семей [Szabó, 1979, old. 28; Хоргоши, 1992, с. 177—180]. В 1596 г. турки захватили г. Эгера, в результате чего Ясшаг опустел [Szabó, 1982, old. 18]. Однако в 1608 г. ясы снова упоминаются в венгерских документах. Они присутствуют на коронации короля Матьяша II Габсбурга под своим знаменем. По мнению Л. Сабо, ясы вынуждены были на время покинуть Ясшаг, чтобы впоследствии при благоприятных обстоятельствах возвратиться [Szabó, 1979, old. 32].

Сохранить свою самобытность венгерские ясы смогли только при одном условии, а именно — при наличии родного языка. В. И. Ламанский, анализируя личные имена ясов, приведенные в грамоте Карла Роберта (1323 г.), пришел к выводу об их иранском (аланском) происхождении. В грамоте фигурируют имена 18 ясов, 10 из

которых являются обычными для восточных христиан. Так как при именах некоторых лиц упоминаются имена их отцов, то всего в грамоте приведено не 18, а 30 личных имен. Следовательно, кроме 10 христианских, известно еще 20 личных имен, большинство из которых не тюркского, а иранского происхождения [Ламанский, 1902, с. 120].

Предположение В. И. Ламанского об ираноязычности венгерских ясов полностью подтвердил Ю. Немет, которому в 1959 г. удалось опубликовать ставший ныне широко известным глоссарий — список ясских слов, датированный январем 1422 г. и составленный в селении Ясфалу, на территории современного Ясшага. Данный документ интересен тем, что содержит около 40 ясских слов, выполненных в латинской транскрипции с соответствующим переводом на латинский или венгерский языки. Выводы, к которым пришел Ю. Немет на основе анализа глоссария, полностью совпадают с заключением его предшественника, проанализировавшего происхождение ясских имен. Благодаря глоссарию было доказано, что венгерские ясы “относятся по языку к кавказским аланам, т. е. осетинам”. По мнению Ю. Немета, “из двух основных диалектов осетинского, иронского и дигорского, ясский примыкает к дигорскому” [Немет, 1960, с. 13]. В. И. Абаев в своем примечании к русскому изданию книги Ю. Немета привел новые факты северокавказского происхождения венгерских ясов. Из 40 слов глоссария им были выделены два, которые могли быть усвоены аланами только на Кавказе. Речь идет о наименованиях быка и лошади, известных как *gal* и *bax* [Абаев, 1960б, с. 23]. Исследования лингвистов представляют особую ценность, ибо известно, что в 1693 г. ясы уже говорили по-венгерски [Немет, 1960, с. 6].

Несмотря на это, некоторые ученые продолжают сомневаться в северокавказском происхождении венгерских ясов. Так, некоторые современные венгерские исследователи связывают историю ясов с сарматским племенем языгов, расселившимся в Паннонии в I в. н. э. Р. Кальман на основании географических данных Птолемея даже пытается реконструировать месторасположение “ясских городов” на современной географической карте [Kálman, 1977, old. 8—10]. Однако данные теоретические построения носят скорее гипотетический характер, так как слишком велик хронологический разрыв между временами Птолемея и первым упоминанием ясов в венгерских документах. Из письменных источников также известно, что в эпоху Великого переселения народов между 378—433 гг. в Паннонии проживала группа аланов со своими гуннскими спутниками. Тогда аланы в статусе федератов внутри Паннонии обитали, в первую очередь, в Валерии. А. Кишш и В. А. Кузнецов считают, что очень трудно выделить памятники аланов из других археологических находок эпохи Великого переселения народов в Центральной Европе [Кишш, 1995, с. 79—97; Кузнецов, 1985, с. 100]. Поэтому неизвестно, остались ли эти аланы в Паннонии после падения гуннской державы.

Б. А. Калоев обратил также внимание на расселение в первые века н. э. на территории Паннонии, между Дунаем и Тиссой, ныне занятой ясами и кунами, ираноязычных языгов, роксоланов и аланов, что подтверждается не только данными письменных источников, но и результатами археологических раскопок. Однако в предположениях относительно участия этого населения в этногенезе современных венгерских ясов исследователь был осторожен: “... еще задолго до появления ясов на современной территории венгров она интенсивно заселялась их предками — скифо-сармато-аланами, в том числе районы обоснования ясов. Как продолжителен был этот процесс — нам неизвестно. Можно лишь полагать, что он длился весь средневековый период. Несомненно, что аланы не остались безучастными и к приходу венгров на Средний Дунай, вливаясь в их среду” [Калоев, 1996, с. 86].

В связи с этим особый интерес представляет мнение А. Х. Магометова, который считает, что в Подунавье вместе с венграми из Причерноморья и Северного Кавказа вследствие давления печенегов уже в 896 г. могла уйти определенная часть

аланских племен, так называемые “конные аланы”. При этом исследователь ссылается на письменные источники, но не называет их [Магомедов, 1981, с. 30]. В этом мнении осетинского исследователя поддерживает Л. Сабо, считающий этих ясов-асов носителями салтово-маяцкой археологической культуры хазарского времени [Szabó, 1974]. Кроме того, Б. А. Калоев считает, что именно потомками аланов, переселившимися “в IX в. вместе с венграми из Причерноморья на Дунай”, было основано село Кендереш (Кендер — конопля; *осет.* — ган), находящееся ныне в области Надькуншаг (Большая страна кунов) и расположенное между Сольноком и Карцагом. Весьма примечательно, что это поселение венгры традиционно называли “аланским селением”. Оно известно еще тем, что до конца Второй мировой войны в нем находилось имение адмирала Хорти. До войны здесь было 200 хозяйств, а после войны в нем практически не осталось прежнего населения [Калоев, 1996, с. 29, 49, 86]. Поэтому последний фактор в значительной степени затрудняет выяснение происхождения его основателей. Кроме того, венгерский исследователь А. Палочи-Хорват допускает, что в составе мигрировавших вместе с венграми в Паннонию в конце IX в. кабар были аланы и хорезмийцы. Причем последние в Венгрии могли быть известны под названием *káliz* и среди них могли быть купцы, представлявшие собой аланов-мусульман [Paloczi-Horvat, 1989, p. 27].

Характерно, что среди некоторых исследователей уже давно существует сомнение в северокавказском происхождении ясов Восточной Венгрии. Так, еще в XIX в. Ю. А. Кулаковским было высказано предположение о тождестве венгерских и южнорусских ясов [Кулаковский, 1899а, с. 72]. Кроме того, Г. В. Вернадский считал, что после похода Мункэ в 1239 г. на Северный Кавказ вместе с сорока тысячами половцев под предводительством хана Котяна в Венгрию мигрировали “многие аланы (ясы) региона Донца” [Вернадский, 1997, с. 59].

Несмотря на это, многие современные исследователи продолжают придерживаться мнения, что происхождение основного массива венгерских ясов следует связывать прежде всего с миграцией в Паннонию аланов с Северного Кавказа, которая могла происходить в XIII в. По мнению Л. Сабо, ясы поселились в Венгрии вместе с половцами после 1241 г., т. е. после ухода татаро-монголов из Венгрии летом 1242 г. [Szabó, 1979, old. 26]. Однако В. А. Кузнецов не согласен с этой датой и при этом ссылается на В. И. Ламанского, который одним из первых высказал предположение, что от татар “в 1238 г. часть алан ушла с частью половцев в Венгрию” (при Беле IV) [Ламанский, 1902, с. 119]. В. А. Кузнецов также опирается на предположение Н. М. Карамзина, согласно которому в 1238 г. половецкий хан Котян был разбит татаро-монголами в Астраханских степях и бежал тогда же в Венгрию с 40 тысячами соплеменников [Карамзин, 1833, с. 4—5]. По мнению В. А. Кузнецова, в марте 1241 г. войска Бату могли лишь догнать восточноевропейских беглецов в Венгрии. Исследователь считает, что разгром половецкой орды Котяна, миграция этой орды и группы ее военно-политических союзников — аланов в Венгрию, катастрофа северокавказской Алании — это звенья одной цепи событий, происходивших в 1238 г. [Кузнецов, 1984, с. 257, 271; 1985, с. 40].

Обычно в качестве доказательства северокавказского происхождения венгерских ясов, приводятся материалы, полученные при исследовании крупного могильника XIII—XV вв. Недьсаллаш, находящегося на территории области Ясшаг, недалеко от с. Ясдожа (рис. 32). В ходе раскопок удалось обнаружить остатки церкви и 136 погребений вокруг нее. Судя по планировке, церковь была построена францисканцами на месте ясского могильника, поскольку ясы, бывшие греческими христианами, в представлении христиан-католиков являлись еретиками. Именно поэтому францисканцы во второй трети XV в. решили устроить повторное крещение ясов, что подтверждается письменными источниками. После этого на месте старого кладбища была построена каменная церковь с одним нефом и пятигранной, сильно вытянутой апсидой [Selmeczi, 1981, old. 178].

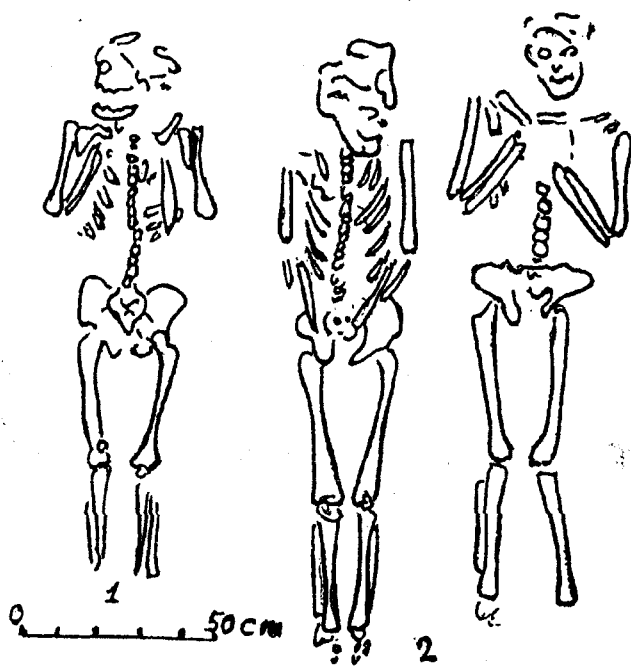

Рис. 33. Особенности погребального обряда на могильнике Недьсаллаш
(по Л. Шелмeci):

1 — погребение № 9; 2 — погребения №№ 40 и 41

Погребения на этом могильнике совершались в грунтовых ямах, ориентация погребенных была западной, их ноги вытянуты, руки согнуты и положены на живот (рис. 33). Такой обряд был характерен для византийских христиан. Найденный же в некоторых погребениях инвентарь беден и имеет аналогии на Северном Кавказе и в Восточной Европе (рис. 34). Обнаруженные в ряде погребений монеты, которые использовались в качестве украшений, были отчеканены при короле Беле III (1172—1196 гг.). Это позволило датировать захоронения могильника второй половиной XIII в. В мужских захоронениях были найдены по две поясные пряжки; в женских — налобные повязки с бляхами, ожерелья из хрустальных и пастовых бус, а также игольники в виде костяной или бронзовой трубочки и другой инвентарь (рис. 34, 1—9) [Selmeczi, 1981, old. 178].

В. А. Кузнецов в инвентаре могильника Недьсаллаш увидел северокавказские аналогии. К ним он отнес: боевое бронзовое кольцо с острыми выступами на внешней стороне, бронзовые пуговицы-бубенчики, круглую прорезную бляху-фибулу, бронзовые крючки-ногтечистки, бронзовые колесовидные подвески — типичные аланские солнечные амулеты, костяные и бронзовые игольники цилиндрической формы, а также два серебряных височных кольца в виде вопросительного знака (рис. 34, 1—9). По мнению В. А. Кузнецова, все эти вещи были распространены как в Восточной Европе, так и на Северном Кавказе. При этом исследователь отметил, что металлические амулеты и ногтечистки прямо указывают на связь погребений с аланской археологической культурой [Кузнецов, 1985, с. 42].

Подобный могильнику Недьсаллаш христианский некрополь был исследован на городище Верхний Джулат в Северной Осетии. Там кладбище располагалось вокруг церкви, датируемой рубежом XII—XIII вв. Погребенные возле церкви лежали в вытянутом положении на спине, головой на запад, положение рук было различным. Инвентарь был там редок, но он находит аналогии в Ясшаге, ярким свидетельством чего являются височные кольца в виде вопросительного знака (рис. 34, 2). Основное

отличие погребального обряда Верхнеджулатского могильника от особенностей захоронений в Недьсаллаше состоит в наличии в могилах северокавказского некрополя следов деревянных гробов [Милорадович, 1963, с. 87—106]. Погребенные же в Недьсаллаше находились в простых грунтовых ямах. Рядом с этим могильником Л. Шелмеци исследовал поселение. Дома там строили из камня, который возили за 35 км, с горы Матра. В этом факте В. А. Кузнецов усматривает сохранение ясами привычных традиций, которые должны были существовать на Кавказе [Кузнецов, 1985, с. 43].

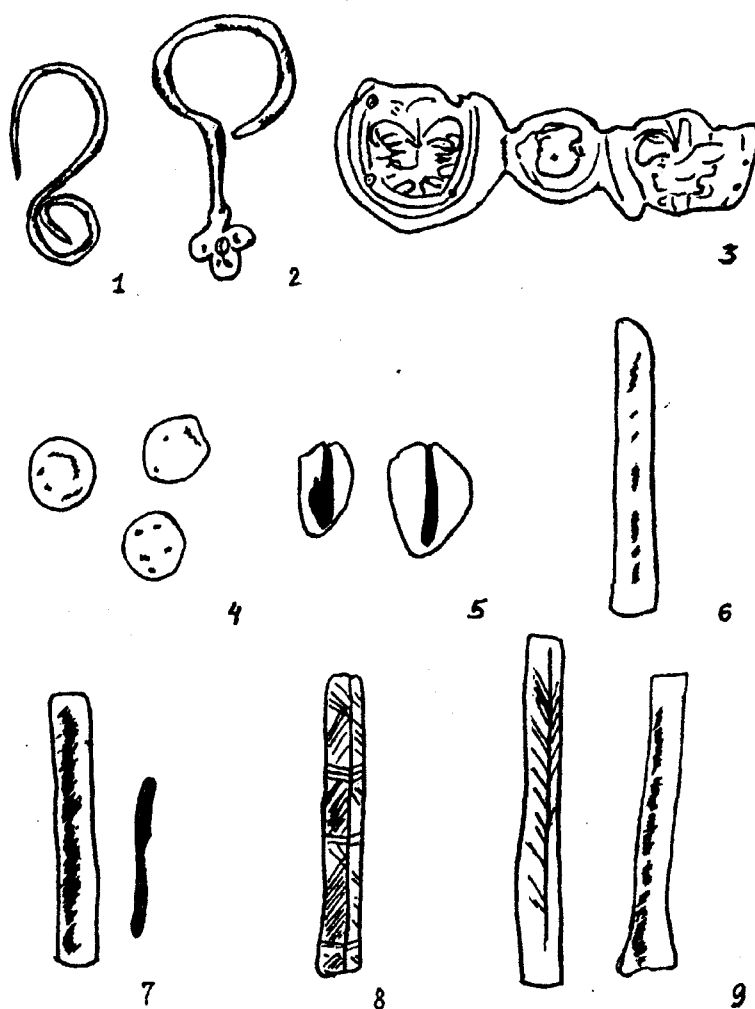

Рис. 34. Инвентарь из погребений могильника Недьсаллаш (по Л. Шелмеци):

- 1 — погребение № 1;
- 2 — погребение № 86;
- 3 — случайная находка;
- 4 — погребение № 128;
- 5 — погребение № 127;
- 6 — костяной игольник из погребения № 78;
- 7 — костяной игольник с обломками железной иглой из погребения № 64;
- 8 — бронзовый игольник с резным орнаментом из погребения № 117;
- 9 — два костяных игольника из погребения № 117

К этому следует добавить, что Б. А. Калоевым, А. Х. Магометовым и В. А. Кузнецовым в культуре венгерских ясов и кавказских осетин было выявлено немало общих черт, что также может свидетельствовать о генетической связи населения Ясшага именно с Северным Кавказом, а не с другой территорией [Калоев, 1984б, с. 103—107; Магометов, 1981, с. 25—33; Кузнецов, 1985, с. 44]. Однако нет смысла подробно останавливаться на данном аспекте проблемы, так как он является ключевым в следующей главе книги. Приведенные выводы подтверждаются и антропологическими исследованиями, из которых следует, что венгерские ясы и куны обнаруживают следы смешения с кавказскими народами [Henkey, 1974, old. 268].

Казалось бы, нет сомнений в том, что заселение в Венгрии ясами и кунами в XIII в. областей Ясшаг и Куншаг — явный факт, вытекающий из событий, разыгравшихся в степях Предкавказья и Восточной Европы в период татаро-монгольского нашествия. Однако исследователи отметили существование ясских поселений и за пределами исторической области Ясшаг. А это может свидетельствовать о том, что аланы могли продвинуться на территорию Венгрии не только с кунами в 1238—1242 гг.

Так, поселения ясов зафиксированы в соседних с Ясшагом областях Надькуншаг (Большая страна кунов) и Кишкуншаг (Малая страна кунов). В области Кишкуншаг известны следующие поселения ясов: Кишкундоржоме, Кишкунмайша, Кишкунфедельхаза, Керекедьхаза, Лайошмиже, Ладоньбеде, Язкараене, Кошчер, Яссентласло, Яскишер и т. п. В Надькуншаге отмечены следующие поселения с ясским населением: Кендереш, Кунтсентмартон и т. п. Однако данные поселения были основаны не так давно, с конца XVII в. по начало XX в., выходцами из соседнего Ясшага, за исключением очень старого аланского поселения Кендереш. Б. А. Калоев считает, что главной причиной такой “миграции ясов из Ясшага было малоземелье, вызванное массовым оседанием здесь выходцев из других областей в послетурецкий период” [Калоев, 1996, с. 24, 31, 113—118].

И если происхождение последних поселений устанавливается, то вызывает определенную неясность история возникновения некоторых поселений за пределами Ясшага, в названиях которых сохранилась память о ясах. Так, венгерским по своему происхождению является название *Jasz-falu* (Ясское поселение), которое было зафиксировано в комитате Катагош, в 8 км на восток от Эсехач-вар, а также в комитате Пилис, в 20 км на северо-запад от Будапешта [Немет, 1960, с. 5]. Кроме того, в Венгрии есть семь местностей, носящих названия *Eslar*, *Oslar* (из *Aslar*). По мнению ряда исследователей, в этих топонимах скрывается память о ясах, где *As* — это тюркское название аланов, а *lar* — тюркский показатель множественного числа [Немет, 1960, с. 4]. Местности с тюркскими названиями *Eslar*, *Oslar* (Ясы) имеются за пределами Ясшага: на севере Венгрии — в комитатах Саболц и Ноград, в комитате Борсод — юго-западнее от выше указанной местности, в комитате Пешт — между Тиссой и Дунаем, в комитате Сомош — на юг от озера Платтен, в старой Южной Венгрии — южнее Темешбурга [Немет, 1960, с. 4—5]. Как свидетельствуют венгерские документы, название местности *Azalar* (Ясы) уже существовало в комитате Somogy (на юг от озера Платтен) в 1229 г., т. е. до вторжения кumanов (кунов) [Немет, 1960, с. 4]. Очевидно, что к этому типу топонимов следует отнести название современного поселения *Ászár*, расположенного на северо-западе Венгрии, вблизи города Kísbér. О том, что там действительно проживали ясы, свидетельствует наличие местного ясского музея. Вполне возможно, что данные топонимы могут свидетельствовать о совместном проживании аланского и тюркоязычного населения в Подунавье. Местностью с ясским населением является также Вуол в комитате Баргс [Немет, 1960, с. 5].

Таким образом, ясы в недалеком прошлом были расселены по всей Венгрии и не являлись исключительно жителями Ясшага — территории, соседней с Куншагом. Исходя из этого, можно предположить, что заселение Венгрии ясами осуществлялось

поэтапно, а сосуществование ясов и кунов в соседних Ясшаге и Куншаге — лишь один из моментов данного процесса.

Исследователями не раз высказывалось мнение о том, что венгры находились в тесных контактах с аланами еще в степях Предкавказья и Подонья, откуда впоследствии они переселились в Подунавье [Магомедов, 1981, с. 21; Эрдели, 1984, с. 20—25]. Данное предположение подтверждается хроникой Шимона де Кеза (XIII в.), в которой содержится легенда о странствиях предков венгров возле берегов “Меотиды” — Азовского моря. Венгерский историк сообщает: когда, венгры достигли Меотиды, они напали на “Беляра” (Булгара. — *О. Б.*), у которого отобрали женщин и детей. Среди захваченных в плен были две дочери аланского князя Дула, которые со временем стали женами предводителей венгров Хунора и Магора [Шушарин, 1997, с. 198—199; Berze Nady, 1927, old. 164]. На основании этой информации А. В. Гадло сделал вывод: “Род Дуло не обязательно мог быть представителем тюркского подразделения Дулу, он мог иметь корни в местной западно-кавказской среде и, прежде всего, мог быть связанный с одним из подразделений соседних оногурам-булгарам аланов” [Гадло, 1979, с. 117]. Некоторые венгерские ученые также считают неудачным сопоставление аланского антропонима Дуло с древнеболгарским родовым именем Дуло, которое было связано с древневенгерским именем Дьюла [Györfy, 1984, old. 13].

На основании этой информации В. П. Шушарин сделал следующее предположение: “Возникновение такого элемента рассматриваемого предания, как женитьба Мадьяра и Хунора на дочерях аланского князя Дулы, относится ко времени, когда существовали близкие и тесные контакты мадьяр с аланами”. Существование этих контактов исследователь относит к VII в. и более позднему времени [Шушарин, 1997, с. 213—214]. Кроме того, о тесных контактах венгров и аланов в прошлом может свидетельствовать не только содержание самой легенды, но и изыскания лингвистического характера.

Так, анализируя данную генеалогическую легенду, В. И. Абаев обратил внимание на то, что среди современных осетин получила распространение фамилия *Дулатæ* (*Дула*). “Совпадение имени аланского князя, — считает известный филолог, — с реальным осетинским фамильным именем весьма примечательно” [Абаев, 1965б, с. 521]. Кроме того, В. П. Шушарин подметил, что “источники не упоминают аланского князя Дулу, но об иранской языковой принадлежности этого антропонима, сохраненного преданием мадьяр, можно судить по эпиграфическому памятнику, где Дула фигурирует в качестве сарматского антропонима” [Шушарин, 1997, с. 215].

О тесных контактах древних венгров и аланов могут свидетельствовать лексические параллели, выявленные в венгерском и осетинском языках. В современном венгерском языке, по мнению В. И. Абаева, 40 венгерско-осетинских параллелей. Осетинский филолог отметил, что венгры восприняли многие аланские (осетинские) слова и понятия из различных областей хозяйства, культуры и быта. Кроме этого ученый установил не только факты заимствований в венгерском из осетинского языка, но и доказал на достаточно большом количестве фактического материала обратные заимствования из венгерского в осетинский. Примечательно, что тюркские слова в осетинском и венгерском языках, по мнению В. И. Абаева, явились опять-таки результатом алано-венгерских двусторонних заимствований. В. И. Абаев объясняет это следующими обстоятельствами: “а) заимствования в оба языка произошло в одно и то же время, именно в период алано-венгерского соседства; б) источником заимствования был в каждом случае один и тот же тюркский язык, всего вероятнее болгарский, хазарский или печенежский; с) в отдельных случаях один из двух языков мог служить посредником для другого, т. е. некоторые тюркские слова могли войти сперва в венгерский, а оттуда в аланский, или наоборот, сперва в аланский, а оттуда в венгерский”. На основании этого В. И. Абаев пришел к следующему выводу: “Исторические свидетельства позволяют восстановить для VI—IX вв. картину, когда в степях между Волгой, Доном, Азовским морем и Кубанью

три этнические группы находились в тесном соседстве и оживленных сношениях: аланская, венгерская и тюркская” [Абаев, 19656, с. 517—529].

В этом мнении В. И. Абаева поддержал А. Х. Магомедов, который также отметил, что в венгерском языке немало слов, употребляемых в быту и хозяйстве, являются по своему происхождению аланскими (осетинскими). Так, венгры до сих пор называют мост осетинским словом “хид”, саблю — “кард”, для обозначения панциря венграми используется слово аланского происхождения *vert*, крепости — *var*, а старшую женщину в семье венгры называют *asrony*, что соответствует осетинскому *aefsin* (хозяйка) и т. п. [Магомедов, 1981, с. 30—33]. Аналогичного мнения по этому поводу придерживался также В. П. Шушарин, который отметил в венгерском языке несколько пластов заимствований из иранских языков. Во-первых, им были выявлены в венгерском языке слова древнеиранского происхождения, заимствованные “в финноугорскую эпоху”, а также в “эпоху угорской общности”: золото (арань), семь (хет), корова (техен), молоко (тей), десять (тиз), войлок, фетр (немез), мясо (хуш), повозка, телега (секер), холст, полотно (васон), вдовец, вдова (езведь), тысяча (эзер). Во-вторых, В. П. Шушарин считал, что в венгерском языке имеются слова, “в аланском происхождении которых у специалистов нет сомнений”: рубашка (инг), мост (хид), весь, целый (эгес), богатый (газдаг), младшая сестра (хуг), яд, отравы (мерег), стекло (ювег), яма (верем), зеленый (зельд) и т. п. Кроме того, В. П. Шушарин отметил слова “мадьярского происхождения” в осетинском языке: пьяный (ресиг), дуб (тельзе), сад, огород (керт). Свои выводы В. П. Шушарин построил на результатах исследований венгерских лингвистов [Шушарин, 1997, с. 214].

Таким образом, контакты между венграми и аланами могли происходить задолго до переселения первых в Паннонию в конце IX в. В связи с этим вызывает интерес локализация тех территорий, на которых могли иметь место эти связи. Если исходить из того, что в упомянутой генеалогической легенде венгров фигурирует Меотида, где проживали мадьяры, булгары и аланы, то можно предположить, что речь идет о Восточном или Северном Приазовье. В связи с этим следует напомнить, что Константин Багрянородный упоминал область Леведию как первоначальную территорию венгров в Восточной Европе, которая находилась возле Хазарии [Константин Багрянородный, 1991, с. 160]. Именно это дает основания предполагать, что эти контакты могли происходить в районе Северо-Западного Кавказа или в бассейне Северского Донца, где существовал в раннее средневековье значительный массив аланского населения. На возможность этого неоднократно указывали исследователи [Магомедов, 1981, с. 21; Эрдели, 1984, с. 20—25].

Как сообщает Константин Багрянородный, после того, как печенеги напали на “турок”-венгров, последние вынуждены были переселиться в местность Ателькузу, а оттуда (после очередного нападения печенегов) — в Подунавье [Константин Багрянородный, 1991, с. 161—163]. Современные исследователи переводят с древневенгерского название *Этелькюз* как “Междуречье” и в соответствии с этим локализуют эту легендарную страну на запад от Леведии, включая правобережье Днепра и Северо-Западное Причерноморье [Константин Багрянородный, 1991, с. 393, прим. 13]. Как уже отмечалось, некоторые письменные источники позволяют в этом регионе локализовать аланов в первой половине X в. [Константин Багрянородный, 1991, с. 157, 494; Златарски, 1895, с. 149—150]. Поэтому можно предположить, что во время переселения венгров в Паннонию в конце IX в. в составе их объединения уже могли быть аланы, которые являлись либо выходцами с Северного Кавказа и Подонья, либо представляли аланское население Северо-Западного Причерноморья.

Однако данные письменных источников позволяют считать, что в Северо-Западном Причерноморье вплоть до середины X в. сохранялись аланы, которые являлись союзниками печенегов, занявших эти территории после ухода венгров [Златарски, 1895, с. 149—150]. Следовательно, в данном случае особый интерес может представлять состав тех печенежских орд, которые переселились в Венгрию.

По мнению венгерского исследователя А. Палочи-Хорвата, отдельные группы печенегов могли появиться на территории Венгрии уже в конце X в. Между 1027 и 1036 гг. ограниченные печенежские военные контингенты уже использовались венгерскими королями для походов в низовья Дуная. В то время печенеги испытывали давление со стороны своих восточных соседей — гузов. Даже в начале экспансии куманов во второй половине XI в. печенеги продолжали находиться в низовьях Дуная. Только лишь после 1091 г., в результате наступления объединенных войск Византии и куманов, печенеги покинули земли Северо-Западного Причерноморья и расселились на территории соседних государств, в том числе Венгрии. Известно, что во времена правления венгерского короля Стефана II (1116—1131 гг.) печенеги уже в значительном количестве переселились в Венгрию. Данные письменных источников, топонимии и археологии свидетельствуют о том, что печенеги были расселены на западных и северо-западных территориях современной Венгрии [Paloczi-Horvat, 1989, p. 27—38]. Относительно этнического состава печенежских племен того времени имеет смысл напомнить мнение О. Прицака, согласно которому к началу XI в. правящий слой печенежского общества перешел на аланский язык. Данное предположение базировалось на сообщении ал-Бируни о близости языка среднеазиатских аланов и асов с печенежским и хорезмийским, а также на сведениях анонимного древнерусского переводчика “Истории иудейской войны” Иосифа Флавия о родстве языка приазовских аланов-ясов и печенегов. Однако исследователь не отрицал, что значительный процент печенежского объединения составляли носители тюркских языков. Следовательно, в составе печенежских объединений изначально был представлен сармато-аланский элемент [Pritsak, 1976, p. 21—24].

В связи с этим обращает на себя внимание то, что тюркские топонимы *Eslar*, *Oslar* (Ясы) получили распространение в северо-западной и северной частях Венгрии [Немет, 1960, с. 4—5], т. е. в местах расселения печенегов. Кроме того, по данным венгерских документов, название местности *Azalar* (Ясы) уже существовало в комитате Somogy (на юг от озера Платтен) в 1229 г., т. е. до начала появления в Венгрии половецкой орды хана Котяна [Немет, 1960, с. 4]. В. П. Шушарин существование в Венгрии топонимов данного типа связывает с пребыванием аланов и объясняет это следующим образом: “О том, что эти аланы подверглись тюркизации (вспомним, что в ареале салтово-маяцкой культуры они проживали вместе с болгарами-тюрьками), говорит то обстоятельство, что в топонимии их название сохранилось в форме тюркского множественного числа *Ос-лар*” [Шушарин, 1997, с. 215]. Однако непонятно, почему в Венгрии аланам понадобилось называть свои поселения термином “Ясы”, да еще на тюркском языке. Более вероятным выглядело бы, если бы тюркоязычные соседи так называли поселения своих соседей-аланов, выделяя их таким образом из среды другого населения. Логичнее допустить, что такими тюркоязычными соседями аланов в Венгрии в домонгольский период являлись печенеги. Не исключено, что печенеги могли расселять вассальных им аланов на границах территории, отведенной для проживания печенежской орды, чтобы те выполняли роль своеобразного заслона от соседних народов. В пользу предположения о том, что значительная часть аланов после X в. могла уйти из Северо-Западного Причерноморья вместе с печенегами, может свидетельствовать также отсутствие сведений в письменных источниках о пребывании аланов в этом регионе после середины X в. Что же касается распространения в Венгрии за пределами области Ясшаг топонимов *Jasz-falu* (Ясское поселение) [Немет, 1960, с. 5], то это лишний раз может подтверждать, что венгры таким образом пытались выделить неродственное им ясское население.

Не стоит упускать из вида, что накануне монгольского вторжения в составе Венгерского королевства находились Трансильвания и Словакия, где некоторые средневековые документы и данные топонимии позволяют локализовать именно часть территорий, населенных бродниками [Мавродин, 1940, с. 284; Шушарин, 1978,

с 41—42]. Если придерживаться мнения, что в состав бродников в конце XII — начале XIII вв. могли входить аланы, то можно допустить, что во время походов Батые они могли продвинуться на более западные территории Венгерского королевства.

В связи с этим можно полностью согласиться со следующим мнением Б. А. Калоева: «Поэтому мы вправе полагать, что ясы, поселившиеся в XIII в. в том же Альфельде, вполне могли встретиться со своими сородичами аланами и даже объясняться с ними на родном языке, который сохраняли, судя по известному “Словнику” почти до XVII в.» [Калоев, 1996, с. 86—87].

Есть также сведения о том, что отдельные группы аланов могли попасть в Венгрию и после середины XIII в. Так, Ф. Брун, ссылаясь на известные ему документы, сообщает о переселении “куманов и ясов” королем Ладиславом IV из Молдавии в Венгрию после 1279 г. [Брун, 1880, с. 355]. Известно также, что в 1365 г. король Людвиг I передал правителю Венгрии Николаю Конту взятых в плен аланов с их семьями и имуществом, с разрешением поселить их в Венгрии [Немет, 1960, с. 4].

Кроме того, не исключена возможность того, что отдельные группы венгерских ясов могли переселяться в обратном направлении — с запада на восток, за пределы современной Венгрии. В связи с этим большой интерес представляет происхождение названия населенного пункта *Ясыня*, расположенного на территории украинского Закарпатья. В справочной литературе отмечено, что впервые это поселение упоминается в документе, датированном 1555 г. Там речь идет о том, что село Ясыня принадлежит венгерскому феодалу Драгфи [Закарпатська область, 1969, с. 514]. Поэтому, если исходить из того, что восточные славяне, как и венгры, называли аланов ясами, то можно предположить, что венгры могли переселить аланов-ясов с Альфельда в Закарпатье, которое тогда принадлежало им. Именно это могло отобразиться в топонимии.

Таким образом, есть немало оснований видеть в венгерских ясах потомков тех аланов, которые оседали на территории Венгрии на протяжении не одного столетия. И это не удивительно, ибо географически Венгрия являлась самой западной частью Евразийской степи. Поэтому аланы, постоянно теснимые тюркскими и монгольскими племенами, стремились найти в бассейне Дуная свое последнее убежище.

Как уже отмечалось, некоторые исследователи полагали, что происхождение ясов, проживающих в восточной части Венгрии — Альфельде, следует связать с совместной миграцией в Паннонию аланов с Северного Кавказа и половцев, возглавляемых ханом Котьяном, что могло иметь место в 1238 г. при венгерском короле Беле IV [Ламанский, 1902, с. 119; Кузнецов, 1984, с. 257, 271; 1985, с. 40]. Однако следует обратить внимание на замечание Б. А. Калоева, согласно которому “нет прямых данных о совместном переселении ясов и кунов в Венгрию” [Калоев, 1996, с. 90].

Весьма примечательно, что еще в XIX в. Ф. Брун высказал сомнение относительно того, что аланы переселились в Венгрию из прикавказских степей вместе с возглавляемыми Котьяном половцами именно после событий 1238 г. Исходя из этого он сделал следующее предположение: “Если не ошибаюсь, то жилища этих аланов должны были находиться в Молдавии, где многие из них, подобно Половцам, после сражения при Калке, нашли убежище со своим ханом Котьяном, которого Карамзин заставляет перебраться в Астраханские степи до его переселения в Венгрию” [Брун, 1880, с. 355]. Аналогичных взглядов по данному вопросу продолжает придерживаться современный венгерский исследователь Дьердь Дьерфи, который не связывает миграции кунов и ясов в Венгрию в одно целое. По его мнению, ясы до переселения в Венгрию первоначально находились на территории “между Темешем и Нижним Дунаем” [Калоев, 1996, с. 90].

Действительно, в данной ситуации существует ряд моментов, которые требуют специального объяснения. Прежде всего не ясно, на основании каких источников

некоторые исследователи склонны полагать, что накануне 1238 г. кочевья половецкого хана Котяна находились в прикавказских степях? В данном случае опираться только на предположение Н. М. Карамзина, согласно которому в 1238 г. половецкий хан Котян был разбит татаро-монголами в Астраханских степях и бежал тогда же в Венгрию с 40 тысячами соплеменников [Карамзин, 1833, с. 4—5], не представляется возможным.

Поэтому уместно вспомнить мнение В. Т. Пашуто, согласно которому орды половецкого хана Котяна в 20—30-е гг. XIII в. кочевали в степях более западного региона — в приднепровских степях. Более того, исследователь даже считает, что в 1223 г. “половецкие ханы, кочевавшие к западу от Днепра, во главе с ханом Котяном спешно прибыли к его зятю Мстиславу Удалому в Галич” [Пашуто, 1968, с. 282]. Именно упоминание галицкого князя Мстислава как родственника Котяна позволяет предполагать, что кочевья Котяна находились не в прикавказских, а в причерноморских степях.

Эту же локализацию орды Котяна подтверждают наблюдения А. Б. Головки, основанные на данных Ипатьевской летописи. По сведениям Ипатьевской летописи, в декабре 1218 г. при помощи киевского князя Мстислава Романовича в Галиче князем стал Мстислав Мстиславич Удалой. Во время своего княжения в Галиче последний активно использовал для борьбы с соперниками половецкую помощь. Этому способствовало то, что половецкий хан Котян приходился Мстиславу тестем [Ипатьевская л., 1908, с. 747]. В начале же зимы 1219—1220 гг. венгерско-польские войска во главе с воеводой Филнеем из Галиции вторглись в Волынь, но не смогли добиться успеха. На помощь волынянам пришел Мстислав Удалой с половецкими отрядами, очевидно с половцами Котяна, что позволило нанести нападавшим поражение и заставило их отойти на юг. Тогда в Галиции половцы помогли Мстиславу отвоевать у венгров Галич. По мнению А. Б. Головки, галицкий летописец, которого прежде всего интересовали действия древнерусских князей, довольно фрагментарно описал участие степняков в упомянутых событиях [Ипатьевская л., 1908, с. 736—737].¹

Таким образом, активное участие хана Котяна в политической жизни Юго-Западной Руси и матримональные его связи с семьей галицкого князя Мстислава лишь свидетельствуют о том, что накануне вторжения монголов в первой половине XIII в. орда половецкого хана Котяна могла кочевать только лишь в той части причерноморских степей, которые были значительно удалены от Северного Кавказа! Следовательно, весьма проблематично говорить о том, что в Восточной Венгрии северокавказские аланы могли появиться вместе с ханом Котяном.

Ни один из известных нам письменных источников не подтверждает то, что после событий 1238 г. в Венгрию вместе с половцами Котяна переселились ясы. Сосуществование ясов и кунов-половцев в соседних областях Ясшаг и Куншаг отнюдь не может являться доказательством их совместного переселения. По данным П. Голубовского, половцы переселялись в Венгрию не один раз. Первое переселение половцев было принудительным и относится к 1091 г. Именно тогда венгерский король Ладислав обратил военнопленных половцев в христианство и поселил их на территории своего государства. Следующие переселения половцев в Венгрию уже носили добровольный характер. Из письменных источников известно, что в 1124 г. венгерский король Стефан II принял в Венгрии половецкую орду, возглавляемую ханом Татаром. Следующее переселение половцев в Венгрию произошло в 1228 г. и было связано с поражением последних в Калкской битве в 1223 г. Последнее же самое крупное переселение половцев было связано именно с ханом Котяном и произошло при венгерском короле Беле IV. После поражения, нанесенного татарами, Котян просил убежища в Венгрии и при этом обещал признать королевскую власть и перейти в христианство. Бела IV принял предложения Котяна и позволил половцам поселиться в Венгрии. В результате, позиции половцев в Венгрии усилились и Котян даже породнился с королевским домом. Однако переселение орды Котяна вызвало

недовольство венгерских аристократов, потому что Бела IV стремился при помощи половцев усилить свою власть. В итоге, венгерские аристократы подняли против половцев восстание и убили Котяна и его семью. В отместку за это половцы опустошили Венгрию и “ушли в Болгарию”. Однако, как свидетельствуют данные письменных источников, после этих событий некоторая часть половцев продолжала оставаться в Венгрии [Голубовский, 1889, с. 48—49, 54—57]. Следовательно, происхождение современных кунов и ясов Венгрии не обязательно следует связывать с миграцией орды хана Котяна в Среднее Подунавье.

Относительно времени переселения Котяна в Венгрию историки приводят различные даты. Так, П. Голубовский, ссылаясь на данные нескольких средневековых источников, приводит несколько возможных дат этого переселения: 1238-й, 1239-й, 1241-й и 1242 гг. [Голубовский, 1889, с. 49]. В. Т. Пашуто был более осторожен в датах и считал, что Котян покинул “союзную Руси часть Половецкой степи” после марта 1238 г. и мог появиться в Венгрии не ранее осени 1239 г. [Пашуто, 1968, с. 270—271, 285].

Наиболее разработанным данный вопрос оказался в исследовании А. Б. Головки. На основании анализа венгерских документов исследователь выдвинул предположение, что скорее всего этот переход начался в первой половине 1239 г., а завершился летом или в начале осени этого же года. Восстание же половцев против венгерских магнатов А. Б. Головки склонен отнести к 1240 г., т. е. ко времени, предшествовавшему монгольскому вторжению в Венгрию.²

Именно этот подход соответствует нашим предположениям, согласно которым в период между взятием Переяславля в октябре 1239 г. и взятием Киева в ноябре 1240 г. войска Батыя могли захватить степи в междуречьи Дона и Днепра. Следовательно, владения союзника Руси — половецкого хана Котяна в этот период должны были находиться в районе приднепровских степей. Именно возобновление боевых действий войск Батыя в регионе могло стать причиной крупной миграции причерноморских половцев в Венгрию. И нет ничего удивительного в том, что письменные источники ничего не сообщают о передвижении крупной группы аланов вместе с Котяном на запад. Ибо основные боевые действия на Северном Кавказе могли закончиться за несколько месяцев до того, как началось наступление монголов на кочевья Котяна.

П. Голубовский на основе анализа данных документов о расселении половцев в Венгрии пришел к следующим выводам: “Короли раздавали Половцам земли по долинам рек, текущих с севера, из Карпат, на северном и северо-восточном склонах которых начинались Польша и Русь, стремясь обезопасить себя со стороны этих государств” [Голубовский, 1889, с. 50—51, 54]. Таким образом, половцы уже с самого начала селились в Альфельде и существование до настоящего времени двух исторических областей Кишкуншаг и Надкуншаг в этой части Венгрии отнюдь не случайно. Однако интерес вызывает то, что область Ясшаг расположена между территориями кунов-половцев и венгерской столицей. Не связано ли такое компактное расселение ясов в Альфельде с политическими событиями, которые произошли в Венгрии после ухода оттуда части орды Котяна?

Прежде всего обращает на себя внимание то, что первое упоминание термина *Jazonice* в венгерских документах относится только лишь к 1318 г. И только в венгерском документе от 1323 г. ясы фигурируют как значительная группа населения на территории Венгрии [Paloczi-Horvat, 1989, p. 62; Калоев, 1996, 92]. Кажется весьма странным, что до 1318 г. венгерские документы не фиксировали в королевстве ясов, которые уже во второй половине XIII вв. должны были бы представлять значительный этнический массив. Обычно это пытаются объяснить тем, что венгерские ясы до 1323 г. находились в подчиненном положении по отношению к кунам (половцам) и были сокрыты под их этнонимом [Szabó, 1979, old. 28—29]. Однако такое объяснение до конца неприемлемо, потому что на протяжении нескольких десятков лет многочисленная этническая группа, отличающаяся от

кочевников-половцев как в культурно-хозяйственном, так и в этноязыковом аспектах, не могла быть обойдена вниманием в такой стране как Венгрия, где историческая письменная традиция фиксировала даже незначительные изменения среди населения. Поэтому можно предположить, что до начала XIV в. ясов как значительной компактно расселенной этнической группы в Венгрии не существовало. Следовательно, ясы могли массово переселиться на территорию венгерского Альфельда лишь на рубеже XIII—XIV вв. Вопрос в том, откуда и при каких обстоятельствах могло состояться значительное переселение в Восточную Венгрию аланов-ясов, которые имели северокавказское происхождение?

Ближайшими территориями, где в этот период существовал значительный массив аланского населения являлись Молдавия и Валахия. Выше уже указывалось о возможном переселении “куманов и ясов” королем Ладиславом IV из Молдавии в Венгрию после 1279 г. На основании этого Ф. Брун даже сделал предположение, согласно которому “значительная часть” ясов и кунов расселились в Восточной Венгрии именно после этих событий [Брун, 1880, с. 355]. Было отмечено также, что в 1365 г. король Людвиг I передал правителю Венгрии Николаю Конту взятых в плен в Молдавии аланов с их семьями и имуществом, с разрешением поселить их в Венгрии [Немет, 1960, с. 4]. Однако в последнем случае речь идет о незначительном переселении отдельных групп ясов. Кроме того, эти переселения были спланированы королями Венгрии и, следовательно, нашли свое отражение в документах. С другой стороны, с соседних территорий — Молдавии и Валахии — могли происходить и другие, но уже вынужденные и неорганизованные миграции аланов в Венгрию, что не всегда могло найти отражение в документах той эпохи.

Напомним: в сочинениях арабоязычных авторов Рукн ад-Дин Бейбарса, ан-Нувайри и Ибн Хальдуна содержится информация о событиях в Северо-Западном Причерноморье, последовавших после смерти Ногая, что привело к войне между его сыновьями — братьями Джекой и Текой в 1300—1301 гг. Известно, что Джека, спасаясь от преследователей, “отправился в страну Асов” за помощью [Тизенгаузен, 1884, с. 92—93, 116]. В результате первоначально Джека смог одержать победу над сторонниками своего брата Теки. Однако войско Теки получило помощь от хана Золотой Орды Токтая и Джека уже не был в состоянии оказать им сопротивление и бежал в землю валахов, где местный владетель одной из крепостей предал Джеку и выдал его Токтаю, который приказал убить пленника [Тизенгаузен, 1884, с. 92—93, 116—117, 138—139, 160—161, 370—371, 383—384].

Ю. А. Кулаковским было высказано мнение, что в непосредственной связи с описываемыми событиями находилось сообщение Георгия Пахимера и других византийских авторов о поступлении на византийскую службу в 1300 г. аланской орды в количестве более 10 тысяч человек “с женами и детьми” [Georgii Pachymeris, 1729, s. 186—188]. Вполне возможно, что на пограничных западных владениях Золотой Орды Токта, поддержавший Теку, обрушился с репрессиями на аланов-асов Северо-Западного Причерноморья, которые в этой междоусобной войне поддержали Джеку. Последние, стремясь найти убежище в соседних странах, оказались на территории Византии и вполне возможно, что эти аланы-асы в начале XIV в. также начали переселяться на территорию соседнего Венгерского королевства, где уже в Альфельде существовали поселения аланов.

В связи с этим уместно напомнить цитату из Длугоша, которая является неопровержимым аргументом в пользу тождества венгерских и молдавских ясов: “Item Dressa (fluvius) cins fons circa Drogum opidum, ostia prope Jasky-Thorg in Pruth, alias Philistinorum forum” [Брун, 1880, с. 356]. Еще Ю. А. Кулаковский высказал мнение, что имя Филистимлян прилагалось к населению области Jászok (Jaszsag) в Венгрии и поэтому Длугош не зря перенес его на обитателей берегов Прута [Кулаковский, 1899а, с. 72].

Не исключено, что в конце XIII — начале XIV вв. венгерские короли, стремившиеся ограничить влияние кунов, были очень заинтересованы в

приобретении новых союзников и подданных. Поэтому они не стали препятствовать расселению в Альфельде прибывавших аланов-ясов. Очевидно, что венгерский король Карл I, помня о восстании половцев после смерти Котяна, в 1339 г. специально выделил ясам для компактного проживания территорию современного Ясшага, расположенного между областью кунов и столицей, надеясь таким образом обезопасить центр венгерского государства от новых выступлений беспокойных половцев-кунов.

И все же необходимо отметить, что судьба ираноязычных обитателей Паннонии была несколько отличной от развития их соплеменников, осевших на берегах Прута и Днестра. Весьма примечательно, что на востоке Венгрии ясское и куно-половецкое население долгое время сосуществовало, сохраняя при этом свою этническую самобытность, несмотря на то, что исторические области Куншаг и Ясшаг являлись соседними территориями, и часть ясов проживала на части территории Куншага — Кишкуншаг. Ясы и куны долгое время не смешивались с другим населением и вступали при этом в ограниченные контакты друг с другом [Калоев, 1984б, с. 102]. Ясы своим родным языком пользовались вплоть до конца XVII в. [Немет, 1960, с. 5]. Кунам был известен их половецкий язык и в XVIII в. [Голубовский, 1899, с. 21]. Причину такой обособленности ясов и кунов следует видеть в их культурных и хозяйственно-бытовых особенностях, которые резко выделяли этих пришельцев из среды другого населения Венгрии. Куны-половцы изначально являлись кочевниками-язычниками и в Паннонии они долгое время не могли перейти к оседлому образу жизни [Голубовский, 1899, с. 10]. Ясы, хотя и являлись оседложившими земледельцами и скотоводами, долгое время отличались от окружающего их католического населения своей принадлежностью к православной конфессии, чему имеется подтверждение в археологическом материале [Schmeczi, 1980, с. 165—178]. Естественно, что в таких условиях не могло быть близких взаимоотношений между ираноязычными и тюркоязычными насельниками Придунайской низменности. Именно данный фактор может объяснить, почему ясы до настоящего времени сохранились как особая этнокультурная группа в составе венгров. Этому в значительной степени могло способствовать сохранение их этнического самосознания, выражающееся в существовании до сих пор их самоназвания *Яс* [Калоев, 1996, с. 4]. Это нельзя сказать об аланах в других районах Венгрии. Имеются основания полагать, что ясы, оказавшиеся за пределами Ясшага, вне компактного расселения аланов, были ассимилированы венгерским населением. В связи с этим особый интерес могут представлять реликты аланской культуры не только среди современных ясов Альфельда, но и также среди другого населения Венгрии. Однако данный вопрос заслуживает отдельного рассмотрения.

Таким образом, существование в Венгрии в период средневековья аланских поселений в различных частях страны могло стать результатом ряда волн переселений ираноязычного населения в Среднее Подунавье. Первая волна миграций могла произойти во времена поздней античности, в результате чего в Паннонии осели племена языгов, роксоланов, аланов и других сармато-аланских племен, с пребыванием которых связывают ряд памятников кочевников I—IV вв. в южных районах Альфельда [Калоев, 1996, с. 86]. Вполне возможно, что потомки этих сармато-аланов оставались проживать там и после гуннского нашествия. Второй этап в формировании паннонской аланской этнической общности мог быть связан с нашествием гуннов, которые включили в свои ряды на правах союзников сармато-аланские племена Восточной Европы и продолжали находиться на данной территории вплоть до середины V в. Не исключено, что после смерти Атиллы не все аланы переселились с гуннами обратно в Северное Причерноморье, а часть их могла остаться на Среднедунайской низменности, слившись в одно целое с их соплеменниками, поселившимися здесь на несколько столетий ранее. Однако не известно, могли ли сохраняться в Паннонии потомки этих сармато-аланов, как отдельная этническая группа, до того времени, когда в конце IX в. в Среднем

Подунавье поселились венгры. Именно с появлением венгров в Паннонии можно связывать третью волну миграций аланов на данную территорию. Вполне возможно, что данная этническая группа могла поселиться не только на территории Альфельда [Калоев, 1996, с. 29, 49, 86], но и в других местах Венгрии, где зафиксированы венгерские названия поселений *Jasz-falu* (Ясское поселение) [Немет, 1960, с. 5]. Четвертая волна миграций аланов на территорию Венгрии из Северо-Западного Причерноморья могла состояться в XI—XII вв., когда аланы Северо-Западного Причерноморья в составе печенежских орд могли переселиться на север и северо-запад Венгрии, где получили распространение тюркские топонимы типа — *Eslar*, *Oslar*, *Azalar* — “Ясы” [Немет, 1960, с. 4—5]. Последние же миграции аланов-ясов в Венгрию относятся к золотоордынскому периоду, но не связаны с событиями первой половины XIII в., в соответствии с которыми якобы с половцами хана Котяна в Восточную Венгрию непосредственно с Северного Кавказа переселились теснимые монголами аланы. Более вероятно, что такие миграции происходили несколько позже (в конце XIII — XIV вв.) и совершались с территории Молдавии и Валахии аланами, которые могли мигрировать в Днестровско-Прутское междуречье с Северного Кавказа лишь во второй половине XIII в. Данная группа аланов могла быть компактно расселена на территории венгерского Альфельда в области Ясшаг в первой половине XIV в.

В итоге можно отметить, что история заселения аланами-ясами Венгрии оказалось более сложной проблемой, чем это представляли ранее некоторые исследователи, потому что имеются основания говорить о многоэтапности этого процесса. Поэтому можно вполне согласиться с мнением Б. А. Калоева, что данное “предположение когда-нибудь подтвердит открытие не известных нам пока источников, хранящихся в европейских рукописных хранилищах” [Калоев, 1996, с. 87].

¹ Выражаю благодарность А. Б. Головки за любезно предоставленную рукопись его статьи “Половецкий фактор в політичному розвитку Південно-Західної Русі (остання третина XII – перша половина XIII ст.)”.

² Там же.

Глава XII. Исторические параллели в традиционной культуре осетин и народов Евразийской степи

Пребывание в XIII—XV вв. позднейших аланов и других народов индоевропейского и тюрко-монгольского происхождения в составе Монгольской империи и ее западного улуса — Золотой Орды, а следовательно и взаимодействие их культур не могло пройти бесследно: оно должно было оставить следы не только в традициях самих потомков аланов — современных осетин, но и тех этнических групп, которые постоянно находились в контактах с аланами. Вполне возможно, что существующие совпадения в духовной и материальной культуре осетин и современных народов зоны Великой Евразийской степи являются важным подтверждением существования этих связей в не таком уж отдаленном прошлом — в период монгольской экспансии. Данное направление исследований в значительной степени может помочь выявить не только характер этих культурных контактов в развитое и позднее средневековье в западной части Евразийской степи, но и даст возможность определить степень воздействия позднейших аланов на культуру их соседей. За предыдущие двести лет данное направление исследований нашло должное освещение в работах исследователей, касающихся ситуации на Северном Кавказе. Из работ по данной теме выделим наиболее значимые исследования горцев Северного Кавказа, проведенные М. Ковалевским, В. Ф. Миллером, В. И. Абаевым, Б. А. Калоевым и другими учеными [Иванюков, Ковалевский, 1886, с. 100—112; Миллер, 1888, с. 93; Абаев, 1949, с. 283; 1960, с. 127—136; Калоев, 1971, с. 33—34; 1999, с. 79—90; Магометов, 1968, с. 33—34].

Однако остальные территории за пределами северокавказского региона исследовались фольклористами и этнологами фрагментарно, в соответствии с интересующим регионом. Из исследований по данной теме можно выделить лишь некоторые работы В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, Б. А. Калоева, Г. П. Васильевой, Л. С. Толстовой, А. Х. Магометова, В. А. Кузнецова, Л. Сабо [Миллер, 1892б; Абаев, 1982; Калоев, 1959; 1996; 1999б, с. 56—78; Васильева, 1964а, с. 86—87, 91—93; 1964б; 1977, с. 98—100; Толстова, 1977; 1984; Магометов, 1981; Кузнецов, 1985; Szabó, 1979; 1982]. Именно поэтому данное направление исследований на сегодня остается актуальным.

Прежде всего это касается совпадений в фольклоре осетин и ряда народов Евразийской степи, в том числе монголов. На монголо-осетинские параллели в эпических сказаниях еще несколько десятилетий назад обратил внимание В. И. Абаев. По его мнению, “столкновения с монголами и участие в монгольских походах послужили толчком к оживлению межплеменных сношений, в частности к сближению раздробленных до этого дружинно-родовых групп самого аланского народа, что, несомненно, должно было дать новый размах эпическому творчеству и стимулировать певцов к попыткам связать и объединить отдельные дружинно-родовые сказания в нечто более цельное и единое” [Абаев, 1982, с. 76]. В качестве подтверждения этих связей В. И. Абаев приводит имена героев осетинского эпоса — **Батраз** и **Хамиц**, которые, по его мнению, имеют монгольское происхождение. Даже сюжетные линии о Батразе и Хамице, по наблюдениям В. И. Абаева, имеют много общего с общемонгольскими. В первую очередь, необходимо напомнить о том, что Батраз родился в море и нартам пришлось приложить немало усилий, чтобы выманить его к себе. В монгольском сказании мы видим тот же сюжет: речь идет о мальчике, который выходил из Байкала и играл на берегу — шаманке Асухен и двум ее сыновьям пришлось приложить немало усилий, чтобы выманить его к себе. Кроме того, в цикле о Батразе осетинского нартовского эпоса имеются и другие совпадения с монгольскими сюжетами. Так, В. И. Абаев отметил, что “мотив железного (стального) тела является общим у Батраза со многими тюркскими и монгольскими героями” [Абаев, 1982, с. 57]. Даже общее название осетинского эпоса “Нарты” В. И. Абаев склонен связывать с монгольским термином **Нар** — “Солнце”. Отсюда

следует, что термин *нарт* имеет смысл трактовать в переводе с осетинского не иначе как “дети Солнца”. По мнению известного осетинского филолога, среди аланских певцов могли быть двуязычные сказатели, для которых “*Нар* было особым, мифологическим названием солнца в отличие от обиходного (иранского) *хур/хор*”. В. И. Абаев также считал, что возникновение термина *Нарт*, общего для всех героев этой фольклорной традиции, представляет собой “завершающую фазу в развитии аланского эпоса”, что имело место в XIII—XIV вв. [Абаев, 1982, с. 48, 56, 74—75].

Кроме того, исследователями были выявлены совпадения не только в фольклоре осетин и монголов, но и других народов, проживающих как в самой Евразийской степи, так и на ее границах. Это касается некоторых сюжетов, наиболее интересным из которых являются амазонские мотивы. Так, Л. С. Толстовой были выявлены многочисленные параллели, существующие в каракалпакском дастане “Кырк кыз” (Сорок девушек) и нартовским эпосе Кавказа, прежде всего осетинском. Это касается, в первую очередь, матриархальных мотивов и сюжетов о женщинах-воинах. Главный сюжет “Кырк кыз” повествует о девушке Гулайым, которая подобрав себе 40 подруг-сверстниц, получает от отца находящийся в отдалении остров Миуали и селится там со своими подругами. На этом острове для девушек была воздвигнута бронзовая крепость с высокими стальными воротами. Находясь там, девушки-воины защищали свой народ от врагов. Как отметила Л. С. Толстова, аналогичные предания о девушках-воинах, живущих в укрепленном замке, существовали не только в нартском эпосе осетин, но и у карачаевцев, ингушей, кабардинцев и других народов Кавказа. Осетинскую аналогию Гулайым Л. С. Толстова видит в образе Сатаны. Однако исследователем была подмечена одна существенная разница: «Гулайым — прежде всего и по преимуществу выступает в качестве предводительницы каракалпакских амазонок, тогда как главная героиня нартовского эпоса Сатана в основных сюжетах эпоса выступает как мудрая и справедливая “мать нарт”». Кроме того, в обеих фольклорных традициях прослеживаются мотивы единоборства главной героини с женихами, что не всегда заканчивается для последних удачно [Толстова, 1977, с. 153—156; 1984, с. 186—210]. Существующие в фольклоре осетин и каракалпакских амазонские мотивы заставили Б. А. Калоева сделать предположение, что “древние наслоения нартского эпоса ведут свое начало из Средней Азии, откуда двигались на юг России ираноязычными племенами” [Калоев, 1959, с. 51].

Амазонские сюжеты также имели место в сказках восточных славян, среди которых можно выделить сюжетную линию о “Девичьем царстве” и даже о Бабе-Яге. Именно в некоторых сказках Баба-Яга выступает как всадница. Она и ее воинственные дочери воюют с тремя братьями-царевичами и другими героями сказок. В соответствии с сюжетами некоторых сказок, любимым местом пребывания Бабы-Яги является подземелье или дворец на очень высокой горе. Под руководством Бабы-Яги находятся многочисленные женщины-воины. Очень важным указанием на пребывание Бабы-Яги в степи является то, что у нее всегда есть лошади и своих дочерей она иногда превращает в кобыл. В некоторых сказках Баба-Яга живет за степной речкой, среди шелковых трав, возле родниковой воды вблизи от моря. Это очень напоминает сюжет о легендарных амазонках, которые должны были проживать в степях вблизи Азовского моря [Рыбаков, 1981, с. 585—587].

Особый интерес также представляет сюжет о “Девичьем царстве”, расположенном возле моря. Там находится город, который охраняют дочери Бабы-Яги — Ягишны или Царь-Девница. Царь-Девница ездит верхом на гигантской лошади, у нее войско девиц. Иван-Царевич хочет с ней встретиться, потому что Царь-Девница владеет живой и мертвой водой, молодильными яблоками и “кувшином о двенадцати рыльцах”. В конце-концов Иван-Царевич застает Царь-Девницу спящей и неожиданно ею овладевает. Та рождает ему сыновей и заставляет жениться на ней [Рыбаков, 1981, с. 587—588].

Происхождение существующих сюжетов у восточных славян Б. А. Рыбаков объяснял контактами древних славян с сарматами, которые во времена античности

проживали в степях Северного Причерноморья [Рыбаков, 1981, с. 588]. Однако происхождение этих амазонских сюжетов можно объяснить и иным образом.

Еще в XIX в. первые исследователи фольклора осетин и их кавказских соседей — Якоб, арх. Ламберти, В. Ф. Миллер — отметили в северокавказском нартовском эпосе сюжеты о воинственных женщинах. Данной проблеме была посвящена также отдельная статья Б. А. Калоева, вышедшая несколько десятилетий тому назад. В ней исследователь отметил, что непосредственным отражением амазонских мотивов в нартовском эпосе осетин может являться сюжет о Сатане, которая “еще девицей наряжалась в доспехи побежденных женихов и отказывала им”. Б. А. Калоев считает, что в осетинских нартовских сказаниях нашли “отражение древние легенды и о воинственных женщинах”, что, по его мнению, может свидетельствовать о пережитках матриархата у осетин [Калоев, 1959, с. 43—51].

По наблюдениям С. А. Плетневой, «в эпоху средневековья “матриархальная вуаль” характеризует многие тюрко- и ираноязычные этносы евразийских степей» [Плетнева, 1983, с. 11]. Исследователь считает, что пережитками матриархата у средневековых кочевников являлись: “а) матрилинейный счет родства; б) обычай левирата; в) свадебные обычаи, связанные с военным единоборством невесты и жениха; г) обучение девочек наряду с мальчиками военному искусству с надлежащим участием девушек в битвах; д) выполнение женщиной жреческой функции (хотя бы в рамках семьи)”. Причину сохранения традиций матриархата у средневековых кочевников С. А. Плетнева объясняла тем, что частые войны “нередко приводили к почти поголовному уничтожению взрослого мужского населения”, а это “неизбежно приводило женщин к необходимости брать на себя общественные и военные обязанности” [Плетнева, 1983, с. 10]. По мнению С. А. Плетневой, у средневековых аланов женщина также пользовалась большой свободой. Об этом может свидетельствовать образ Сатаны в осетинском нартовском эпосе и результаты раскопок раннесредневекового Дмитриевского катакомбного могильника в лесостепном Подонье, где встречались захоронения женщин с оружием [Плетнева, 1983, с. 11—18].

Несмотря на это Ж. Дюмезиль не согласен с тем, что сюжеты осетинского нартовского эпоса могут указывать на пережитки матриархата среди предков осетин. Аргументы его выглядят следующим образом: “То, что эпос в целом отводит много места одной героине, еще не дает права говорить о матриархате. Осетинская Сатана при всех своих достоинствах и дарованиях все же не верховодит. Она дает советы отдельным лицам и обществу в целом; ее советов просят, к ним прислушиваются и родичи, и все Нарты, потому что признают ее чрезвычайную проницательность. Но в публичных обсуждениях общественных дел она не участвует...” [Дюмезиль, 1976, с. 237]. На основании этого Ж. Дюмезиль даже сделал явно спорный вывод: “К тому же осетины — индоевропейцы. А индоевропейцы миновали матриархат еще до своего распыления (достаточно тому доказательство — перечень наименований родства) и жили при таких общественных формах (семья и более широкие группировки), в которых господствовали мужчины” [Дюмезиль, 1976, с. 237]. Однако в качестве возражения этому вспомним сведения античных авторов о сильных позициях матриархата среди савроматов и сарматов, которые являлись индоевропейцами и относились, как осетины, к кругу ираноязычных народов.

Элементы матриархата можно отметить не только среди древних и средневековых кочевников, но и среди современных номадов. Классическим образцом этого может являться высокий социальный статус женщины в обществах туарегов Сахары или бедуинов Аравии, несмотря на распространение ислама в данных регионах. Следовательно, равноправное положение женщин и мужчин является законом-мерностью всех кочевых обществ. И не случайно предки осетин — аланы еще долгое время сохраняли в своем фольклоре и традициях память об этом, несмотря на то, что уже в эпоху средневековья они сменили кочевой образ жизни на оседлый.

Таким образом, существование амазонских мотивов в фольклоре восточных славян можно связывать не только с результатами контактов древних славян с сарматами, но и отнести появление данных сюжетов ко временам средневековья, когда в степи и лесостепи Восточной Европы происходили активные контакты славян с аланами и тюркоязычными народами.

Кроме распространенности амазонских сюжетов, в фольклоре осетин, некоторых тюркоязычных народов и восточных славян можно отметить и другие параллели. Так, к совпадениям осетинского нарттовского и каракалпакского эпосов можно отнести сюжеты о близнецах. В осетинском нарттовском эпосе фигурируют братья-близнецы Хамыц и Урызмаг, а в дастане “Кырк кыз” — как близнецы брат и сестра Арыслан и Алтыпай. И таких совпадений Л. С. Толстова приводит немало. При этом для сравнения с нарттовским эпосом народов Кавказа были привлечены также другие эпические произведения народов Южного Приаралья. Причину этого исследователь объясняет следующим образом: “Бытование одних и тех же комплексов мотивов, повторение тех же деталей сюжетов может служить свидетельством как близости норм общественной жизни, составившей основу сюжета этих сказаний, так и генетических (и историко-культурных) связей между народами, создавшими эти сказания (или их сохранившими). Генетические связи, по всей очевидности, восходят, ко временам обитания в степях Приаралья, Поволжья, Причерноморья и на Северном Кавказе ираноязычных скифо-сармато-сако-массагетских, а позже аланских племен.” [Толстова, 1977, с. 153—156; 1984, с. 186—210].

Л. С. Толстова выделила также другие сюжетные совпадения, существующие в осетинском нарттовском эпосе, преданиях ираноязычных народов и эпических произведениях каракалпаков, огузов и узбеков Хорезма. Прежде всего это касается бытующей среди каракалпаков и узбеков Хорезма генеалогической легенды о делении земли между тремя сыновьями Перидуна (Феридуна) — Салмом, Туром и Ираджем. Это, по мнению Л. С. Толстой, находит соответствие в “Шахнаме”, в скифском фольклоре (легенда о прародителе скифов Таргитае и трех его сыновьях) и фольклоре средневековых огузов. Кроме того, описанное Геродотом святилище древнего скифского бога-меча Ареса очень напоминает осетинский нарттовский сюжет о Батразе, который стремился закалить свое стальное тело на огне, а также имеет аналогии с каракалпакским мотивом об установлении невинности человека посредством прохождения его через большой костер. Весьма примечательно, что у каракалпаков сохранились отголоски культа меча, что имело место и у скифов. У народов Хорезмского оазиса широко представлен был также мотив связи героев с водой. Это находит аналогии в осетинском нарттовском сюжете о связи с водой Сатаны и ее мужа-брата Урызмага (ее мать происходила из жителей подводного царства донбеттыров), а также со скифской легендой, в соответствии с которой мать прародителя скифов Таргитаея была дочерью реки Борисфена. Л. С. Толстова не отвергает конвергентность возникновения подобных мотивов, но и не отрицает также генетическое родство этих традиций. Исследователь также отметила поразительные совпадения сюжетов, связанных с военной тематикой, которые встречаются, с одной стороны, в скифо-массагетском фольклоре, в “Шахнаме”, осетинском нарттовском эпосе, а с другой — в каракалпакском и узбекском фольклоре, а также в огузском эпосе “Книга моего деда Коркута”. Это дало основание Л. С. Толстой прийти к следующему выводу: “В фольклоре современного населения Приаралья можно явственно проследить субстратные явления, восходящие к отдаленным временам обитания здесь сако-массагетских и аланских племен” [Толстова, 1984, с. 211—215].

Помимо амазонских сюжетов, особый интерес представляют также некоторые другие совпадения в былинном эпосе восточных славян и нарттовском эпосе народов Кавказа, прежде всего осетинском. Данная проблема еще в XIX в. стала объектом исследования В. Ф. Миллера. Исследователь указал на связь северокавказского Муккары и героя русских былин Святогора. Оба они находятся в связи с горами, о

чем могут свидетельствовать их имена и титулы (князь гор). В русских былинах Святогор желает подышать мертвым духом на названного брата Илью и последнему достается меч Святогора. В осетинском эпосе великан Муккара подул и отбросил далеко от себя Сосрыко, но тот подъехал и выхватил у Муккары кинжал и отрезал этому великану голову. Встречи Ильи со Святогором не проходят для последнего счастливо: в одной былине рассказывается о связи Ильи с женой Святогора, а в другой — о смерти Святогора в присутствии Ильи. В кавказских сказаниях также встречи нартов с великанами заканчиваются смертью последних. Это при том, что существуют мотивы овладения богатырем женой великана [Миллер, 18926, с. 5—15].

На Кавказе и среди восточных славян существует почти полностью один и тот же сюжет, в соответствии с которым герой узнает, что в будущем он должен жениться на дочери пастуха, которая была безнадежно больна. И чтобы воспрепятствовать этому, герой стремится убить ее кинжалом (мечем), оставляет на похороны деньги, а сам уходит прочь. Однако его удар не был смертельным, а наоборот — благодаря этому девушка вылечилась от болезни и стала красавицей. В конце концов она встречает героя, выходит за него замуж и все рассказывает ему [Миллер, 18926, с. 8—10].

Персонажа русских былин Илью очень напоминает осетинский Урызмаг, который, как и Илья, принадлежит к простому люду, он самый старый среди нартов, благородный. У него, как и у Ильи, был сын, о котором он ничего не знал и которого неожиданно убил. Другой герой нартовского эпоса, как и Илья, решил посоревноваться с небом, за что был убит и похоронен в пещере. В циклах о русском былинном Добрыне и осетинском нартовском Уастырджи присутствует элемент чародейства, потому что речь идет о превращении противника или врага в животное. На Кавказе и на Руси существовал сюжет о человеке, который был погребен живым со своей мертвой женой, но при этом он оживил ее при помощи змеи [Миллер, 18926, с. 15—30].

Существующие параллели в фольклоре восточных славян и северокавказских народов, в первую очередь осетин, В. Ф. Миллер не связывает с непосредственными контактами аланов-ясов и жителей Руси, а объясняет это с позиций “школы заимствований”, получившей распространение в XIX в.: “Припоминая этнографическое влияние тюрков на северное кавказское население, мы находим объяснение тому факту, что на севере Кавказа, в степях, некогда занимаемых Касогами и Ясами, а за ними Тюрками, сложился богатырский (нартский) эпос, которого герои равно известны и Кабардинцам, потомкам Касогов, и Карачаевцам, потомкам пришлых Тюрков, смешавшихся с туземным осетинским населением, и горным Осетинам, потомкам Ясов, загнанных в горы с северной равнины” [Миллер, 18926, с. 36].

В последующее время исследователи также не раз обращали свое внимание на общность в фольклоре населения Украины и Кавказа. Так, В. П. Кобычев отметил существование у населения данных регионов таких единых фольклорных сюжетов, как сказание о Змее-Горыныче с душой, спрятанной в дупле дерева, а также распространение песенных припевов вроде: «“Ой, Сосруко, мой свет” (ср. былинное: “Ой, батюшка, мой свет”)» и т. п. [Кобычев, 1973, с. 94]. Исходя из этого можно предположить, что отмеченные в фольклоре совпадения отражают те культурные контакты, которые не одно столетие существовали между предками украинцев и народов Кавказа. Однако трудно сказать, в каком направлении шли заимствования. Вполне очевидно, что многие мотивы в фольклоре народов Украины и Кавказа своим происхождением были связаны с предками осетин — аланами, а также близкими им по культуре соседями на Северном Кавказе — адыгами-черкесами.

Именно данные письменных источников, этнографии и топонимии позволяют считать, что на рубеже XIII—XIV вв. на земли украинского Поднепровья могла произойти новая миграция северокавказских переселенцев, известных под именем черкасов (черкесов) [Горленко, 1982, с. 96—106]. Так как переселившиеся на

территорию Украины аланы-асы и адыги-черкасы происходили с Северного Кавказа, то трудно определить, кто способствовал распространению среди населения Украины отдельных элементов северокавказской культуры, прежде всего сюжетов из нартовского эпоса.

Кроме того, в творчестве Н. В. Гоголя имеются моменты, которые роднят сюжеты его произведений с фольклором осетин и других кавказских народов. Это заметно при описании быта запорожцев, содержащегося в повести “Тарас Бульба”. По мнению В. И. Абаева, «вдохновенное описание сечи в “Тарасе Бульбе” целыми кусками воспринимается как живая картина нартовского быта» [Абаев, 1982, с. 89]. Здесь и взгляд запорожцев на войну как на особое торжественное событие, находящее аналогии в нартотском “балце”. Описанное Н. В. Гоголем длительное пиршество запорожцев заставляет вспомнить об эпической формуле героев нартотского эпоса: “От одного сегодня до другого сегодня”, а казачей пляски, во многом идентично с упоминаемым в осетинском эпосе могучим, сотрясающим землю нартотским плясом. Объясняя эти совпадения, В. И. Абаев отрицает роль заимствований, а лишь предполагает, что общность образа жизни населения степей Северного Кавказа и Южной России породила эти поразительно похожие сюжеты [Абаев, 1982, с. 89—90]. Однако, так ли это?

Совпадения с нартотским эпосом кавказских народов можно отметить и в другой повести Н. В. Гоголя — “Майская ночь, или утопленица”. Там приводится карнавальная песня о том, как одноглазому голове надо голову скрепить, набить стальными обручами [Гоголь, 1940, с. 168]. Это очень напоминает общекавказские предания о мифологическом кузнеце. Особо показателен в этом отношении сюжет из нартотского эпоса абхазцев, где рассказывается о божественном кузнеце Айнарижи, который мастерски скрепил разбитый в бою череп “наложением железного обруча и медных заплат” [Аджинджал, 1969, с. 237].

Безусловно, Н. В. Гоголь мог заимствовать приведенные сюжеты непосредственно из украинского фольклора, а не из другого источника, потому что в первой половине XIX в. нартотский эпос народов Кавказа только начинал фиксироваться исследователями и поэтому не был опубликован в достаточной степени.

Следы иранского влияния на юго-восточную часть славянства обнаруживаются не только в фольклоре, но и в материалах лексики, на что не раз обращали внимание исследователи [Трубачев, 1965, с. 3—81]. Кроме того, из значительного количества иранских заимствований в восточноиранских языках И. Г. Добродомову удалось выделить слова явно аланского (осетинского) происхождения [Добродомов, 1981, с. 37—42], что также может свидетельствовать о контактах между восточными славянами и аланами-ясами в не таком уж отдаленном прошлом.

Не меньший интерес представляют также этнографические параллели в традиционной культуре осетин и народов зоны Великой Евразийской степи. Прежде всего следует обратить внимание на реликты, которые сохранились среди прямых потомков позднейших аланов за пределами Кавказа — туркменского племени улам и венгерских ясов. Весьма показательны эти совпадения в семейно-брачной обрядности, идеологии и похоронных обычаях.

В связи с этим большой интерес представляет среднеазиатский регион, который считают прародиной аланов. К большому сожалению, этнографические исследования среди современных жителей Хорезма, представленных, прежде всего, узбеками, не могут позволить выделить из их традиционной культуры собственно аланское наследие, так как хорезмийцы и аланы принадлежали к одной этнокультурной общности — ираноязычному миру. Что же касается туркмен, то это для исследователей оказалось более выполнимой задачей, так как тюркоязычные предки туркмен могли ассимилировать в прошлом именно ираноязычные племена степей, представленные потомками сарматов и аланов. Вспомним, что на основе анализа этнографических параллелей, существующих в традиционной культуре туркмен и других тюркоязычных народов Средней Азии, и особенностей культуры

осетин и других ираноязычных народов Евразийской степи, Г. П. Васильева, Б. А. Калоев и другие исследователи сделали вывод об участии племен сармато-аланского круга в этногенезе и формировании культуры туркмен и их соседей [Васильева, 1964а, с. 86—87, 91—93; 1964б; 1977, с. 98—100; Калоев, 1999б, с. 56—78].

Это касается семейно-брачных традиций. Особый интерес в связи с этим представляет информация А. Бахтиарова (Г. И. Карпова) об обычаях, бытовавших в среде туркменского племени *улам*. Б. А. Калоев считает, что они имеют сходство с традициями осетин и других ираноязычных народов [Калоев, 1999б, с. 58—59]. Действительно это так. Так, А. Бахтиаров сообщает: “Своих дочерей аланы не выдают в другие туркменские племена; больше того, внутри своего племени, из одного рода в другой, выдают в исключительных случаях и при условии повышенной платы (калыма) за невесту” [Бахтиаров, 1930, с. 39]. По данным А. Х. Магометова, “браки у осетин заключались при помощи выкупа-калыма”. При этом размеры калыма были очень высоки — от 25 до 100 коров. Иногда “скот мог частично заменяться оружием, пашнями, медными котлами, а в более поздние времена в счет калыма, назначаемого в деньгах, могли брать и скот”. В результате из-за больших размеров такого выкупа разница в возрасте жениха и невесты часто становилась существенной [Магометов, 1962, с. 18—19]. Однако такая традиция существовала среди многих народов. Поэтому в данных совпадениях следует видеть не только следствие генетического родства, но и общие закономерности, связанные с процессом разложения родовых отношений. Тем не менее, этого нельзя сказать о других обычаях, бытовавших у туркменского племени *улам*.

А. Бахтиаров описал обычай племени *улам*, который не встречался среди других туркменских племен: «при рождении в семье дочери, сосед, имеющий сына, в день рождения приходит во двор новорожденной и своей папайхой “подметает” двор, что обозначает желание взять новорожденную своему сыну» [Бахтиаров, 1930, с. 39]. Относительно существования аналогичной традиции среди осетин А. Х. Магометов сообщает: “...у осетин до революции существовал обычай обручать детей, находившихся еще в колыбели. Причиной, побуждавшей родителей к обручению малолетних детей, следует считать стремление обеих сторон укрепить уже существующие между обеими семьями хорошие взаимоотношения путем установления свойственников отношений. Инициаторами соглашения выступали обычно отцы, между которыми существовала крепкая дружба” [Магометов, 1962, с. 22—23]. Дальнейшие взаимоотношения будущих родственников у туркменских аланов, по данным А. Бахтиарова, имели особый характер: “...вплоть до совершеннолетия, отец или мать жениха ежегодно в дни праздников Курбана и Ураза-Байрама приносят будущей снохе пищу (плов или козленка), а иногда вместо съестного дарят платок, кушак и т. д.” [Бахтиаров, 1930, с. 39]. У осетин данные функции выполняли не родители жениха, а сам жених, которому после сватовства разрешалось посещать дом невесты: “Посещение это было связано с серьезными материальными расходами для жениха. Он прежде всего должен был приобрести лошадь для матери невесты, а также отрезки на платья и шали как для тещи, так и для невесты. Кроме того, он покупал разные мелкие вещи” [Магометов, 1962, с. 31]. У туркменских аланов “при женитьбе... обязательно строилась кибитка (для обрученных), которая покрывалась белой кошмой” [Бахтиаров, 1930, с. 39]. У осетин жених также, получив разрешение жениться, “прежде всего строил комнату (ему помогали в этом братья, родственники, а также его друзья)” [Магометов, 1962, с. 25]. А. Бахтиаров зафиксировал у туркменского племени *улам* семейно-брачные традиции, которые не находят аналогий среди туркмен, но могут найти соответствия у ираноязычных народов: женские танцы *денг*; белый цвет одежды у мужчин и т. п. [Бахтиаров, 1930, с. 39]. Все это, по нашему мнению, может стать объектом будущего сравнительного анализа. О том, что туркменские аланы имели определенные отличия от остальных туркменских племен в семейно-брачных

традициях, может свидетельствовать также информация А. Бахтиярова об отсутствии у племени *улам* обычая “катарма (возвращение жены в дом отца до выплаты калыма)”, который имел распространение у остальных туркмен [Бахтияров, 1930, с. 39].

Б. А. Калоев обратил внимание и на другие параллели в семейных традициях осетин и некоторых народов среднеазиатского региона. Так, исследователь отметил, что у осетин, туркмен, каракалпаков и казахов жилище традиционно делилось на мужскую и женскую половины [Калоев, 1999б, с. 66—67]. Однако такие совпадения можно объяснить не только генетическими связями, но и влиянием соседних народов, среди которых ислам пустил глубокие корни.

Кроме того, Б. А. Калоев отметил некоторые сходные черты в погребальном обряде осетин и ряда народов Средней Азии и Казахстана. Прежде всего это касается скачек в честь покойника, получивших среди осетин название *дугъ* (скачки), сцен оплакивания умершего, поминок, на которых “перед стариками и старейшинами непременно ставили голову животного и некоторые его части”, и т. п. Подобные обычаи сохранились не у всех кочевых народов среднеазиатского региона, что позволило Б. А. Калоеву сделать вывод: “Несомненно, что иранские черты культуры имели широкое распространение почти на всей территории Средней Азии; в одних районах они удерживались, а в других, наоборот, исчезали под влиянием различных обстоятельств” [Калоев, 1999б, с. 65—66].

К числу наиболее интересных традиций народов Средней Азии следует отнести спортивное состязание в стрельбе из лука, известное среди узбеков, казахов и некоторых групп туркмен Хорезма под названием *алтын-кабак*. Описание этого состязания содержится и в сочинении Абу-л-Гази “Родословная туркмен”, что, по мнению Г. П. Васильевой, может указывать на его существование в прошлом среди огузских племен. Г. П. Васильева обратила внимание на наличие состязания в стрельбе из лука среди горных таджиков и осетин. У последних данный вид состязания был описан в нартовском эпосе и был даже известен под близким термином — *кабах*. Это дало основания Г. П. Васильевой считать, это состязание “было известно и более древним ираноязычным народам Средней Азии” [Васильева, 1964а, с. 92—93; 1964б, с. 9].

Б. А. Калоев также отметил и другие параллели в идеологии осетин и народов среднеазиатского региона. Это касается, прежде всего, почитания тотемных животных — оленя, волка, быка и т. п., что позволило исследователю сделать вывод: “Таким образом, следы тотемизма, в частности почитание оленя и волка в качестве тотемных животных, прослеживается, с одной стороны, у осетин, унаследовавших их от своих предков — древнеиранских племен, а с другой стороны, у народов Средней Азии, в этногенезе которых, как известно, участвовали те же иранские племена” [Калоев, 1999б, с. 60—64].

Не менее интересные параллели в семейно-брачной обрядности прослеживаются в традициях кавказских осетин и венгерских ясов. Как установили этнографы, у венгерских ясов хуторное хозяйство велось в рамках большой патриархальной семьи. Именно патриархальный уклад позволил ясам сохранить свою этническую специфику. В Венгрии ясы долгое время не допускали смешения с другими народами. Это сказалось на их семейно-брачных отношениях, которые находят определенные аналогии на Северном Кавказе среди осетин. По мнению Б. А. Калоева, к ним следует отнести выдачу девушки замуж без ее согласия, умыкание, выплата непомерного выкупа за невесту, огромные расходы сторон после сватовства на покупку подарков по взаимному одариванию родственников, увоз невесты из родительского дома в дом жениха, трехкратное обведение невесты вокруг очага в доме жениха, неучастие жениха и невесты в трапезе на своей свадьбе, раздельное нахождение мужчин и женщин на трапезе во время свадьбы и т. п. Б. А. Калоев выделил также общие черты в родильных обрядах и воспитании детей, бытовавшие среди венгерских ясов и осетин: прием родов повивальной

бабкой без участия свекрови, кормление ребенка только грудью близкой родственницы, одаривание подарками роженицы ее родителями, устройство обильного угощения при наречении имени мальчика-первенца и т. п. [Калоев, 1996, с. 218—221]. В похоронных же обрядах венгерских ясов чувствуется сильное влияние католицизма, хотя и отмечены черты, роднящие их с осетинами: печальный вестник, посвящение коня умершему (коня трижды обводили вокруг могилы), пышные похороны и поминки и т. п. [Калоев, 1984б, с. 105—106; 1996, с. 221—222].

Даже в семейных традициях венгров и осетин А. Х. Магометов отметил общие черты в церемониях сватовства (приготовление для невесты специального сундука) и похоронных обычаях (обряд оплакивания, ночные бодрствования возле умершего, похороны девушек и юношей в белом). Из религиозных верований исследователь особо выделил существование у одного из венгерских родов оленя, в чем несомненно проглядывается скифо-сарматская основа. По мнению А. Х. Магометова, распространенный в Венгрии танец с палками подобен осетинскому танцу с кинжалами, который восходит к танцу с саблями [Магометов, 1981, с. 30—33].

Весьма примечательно, что в идеологических воззрениях молдаван, проживающих на территории, заселенной в XIII—XV вв. ясами, и осетин также имеются общие черты. Это особо заметно в погребальных обрядах. Так, умершего молдаванине одевали в его лучшую одежду, заранее заготовленную и носящую название “смертной одежды”. Подобный обычай имел широкое распространение у осетин, что, безусловно, является отголоском древней традиции. У молдаван и осетин накануне погребения было распространено ночное бодрствование, а также погребальные игры в день похорон и поминок. Молдаванине, подобно осетинам, доставляли покойника на кладбище или на носилках, или на повозке, или на санях. У молдаван сестра умершего, по обычаю, должна была отрезать от своих волос часть и прикрепить ее к кресту на могиле умершего брата. На похоронах же главы осетинского семейства вдова отрезала свою косу и клала ее в могилу к мужу. По-видимому, молдавский обычай являлся видоизмененным осетинским (аланским), заменявшим древнюю традицию принесения жены или наложницы в жертву покойному [Зеленчук, 1959, с. 63—67; Калоев, 1984а, с. 72—86].

Немаловажное значение имеет также анализ параллелей, существующий в материальной культуре ираноязычных народов и других народов Евразийской степи. Данные совпадения особо заметны в бытовых особенностях, изобразительном искусстве и одежде современных народов степной Евразии. В первую очередь, следует обратить внимание на общие черты в устройстве и убранстве жилища, а также хозяйственных построек у осетин и народов, проживавших на обширном пространстве степей от Средней Азии до Венгрии.

Так, существуют определенные аналогии в устройстве жилища осетин и адыгов (жителей Предкавказской равнины) с украинской хатой, распространенной в степи. Такие сооружения являлись наземными и сооружались при помощи столбовых конструкций, ивовых прутьев и обмазывались глиной. Крыша таких построек обычно была из соломы или камыша (рис. 35, 1—2). Такой тип жилых сооружений получил название каркасно-турлучного [Бломквист, 1956, с. 86—87; Косміна, 1980; Данилюк, 1991; Зеленин, 1991, с. 291—292; Кобычев, 1982, с. 86—87, 112; Народы Кавказа, 1960, с. 161—162, 206, 317—319]. Однако подобный тип жилища получил распространение не только на Северном Кавказе и в Украине, но и в других местах, где в эпоху средневековья проживали аланы.

Так, особо следует выделить жилища обитателей Ясшага. Дома там были каркасно-турлучного типа, изготовленные из тростника и обмазанные глиной. Для них была характерна двускатная соломенная крыша и открытая галлерея вдоль одной из длинных стен [Кузнецов, 1985, с. 44]. Именно такой тип жилища был характерен для обитателей равнинной местности Северо-Западного Кавказа и юга Украины [Кобычев, 1982, с. 86—87, 160]. Кроме того, дома, изготовленные из тростника и

обмазанные глиной, были распространены во всем Альфельде [Руденский, 1984, с. 235]. Как уже отмечалось, истоки данного типа жилища следует искать в степях Северного Кавказа, Южной России и Украины. Не исключено, что на восток Венгрии данную традицию могли принести ясы, значительная часть которых в домонгольский период обитала в степях Предкавказья. В связи с этим особый интерес представляет происхождение термина *has* [Magyar-orosz szotak, 1986, old. 984], который существует в венгерском языке для обозначения жилища. Исследователи склонны видеть в термине *has* — “дом” слово иранского происхождения [Корж, 1907, с. 762].

На территории Молдавии также получил распространение аналогичный равнинному украинскому и северокавказскому типу жилища (рис. 35, 3). Еще XV в. на территории Молдавии преобладали однокамерные землянки и полуземлянки, на смену которым в XVI—XVII вв. пришли наземные жилища, представленные преимущественно постройками каркасно-турлучного типа. Следует отметить, что в период позднего средневековья такие жилища впервые появились на севере Молдавии [Молдаване, 1977, с. 158—159], т. е. именно в том районе, где письменные источники в XIV—XV вв. локализовали Ясский Торг — современный г. Яссы. Не исключено, что в данном случае речь идет об инновации, носителями которой могли быть как предки украинцев, так и аланские переселенцы из степей Северного Кавказа.

По наблюдениям Е. Э. Бломквист, каркасно-турлучный тип жилища имел распространение в Южной и Средней Украине, на Нижнем Дону, на Северном Кавказе и в других регионах [Бломквист, 1956, с. 86]. Исследователь считала, что этот равнинный наземный тип жилища произошел из землянки. В качестве доказательства этой гипотезы Е. Э. Бломквист отметила, что “переходные типы жилища — от полуземлянок к хате, в виде углубленной в землю хаты, не раз отмечались в степной полосе в XIX в.” [Бломквист, 1956, с. 18]. Казалось бы, данной гипотезе не противоречит само происхождение термина *xama*, который в Украине и в Южной России используют для обозначения каркасно-турлучного типа жилища. Многие лингвисты считают, что современный термин *xama* связан своим происхождением с древнеиранским *kata* — “погреб, комната и т. п.” [Корж, 1907, с. 762; Трубачев, 1967, с. 41—42; ЭССЯ, 1981, с. 21—22]. Однако некоторые наблюдения этнографического характера позволяют относиться к предложенной гипотезе с особой осторожностью.

Аналогичный украинской хате наземный тип жилища до сих пор бытует на севере Ирана в области Гилян (рис. 35, 4). Складывается впечатление, что еще до заселения древними ираноязычными племенами территории Ирана на рубеже II—I тыс. до н. э. среди них уже бытовал данный тип равнинного наземного жилища. Если в Украине такой тип жилища был повсеместно распространен, потому что большую часть территории Украины занимают степи, то в Иране он мог сохраниться лишь на севере страны, так как значительную часть территории Ирана занимают горы. Вполне возможно, что прообразом такого жилища была украинская “буда” — тип временного жилища для пастухов (рис. 35, 5), до сих пор бытующий на Волыни. По данным А. Данилюка, такой тип жилища сооружался из лозы, которой горизонтально обплетали колья. Накрывали “буду” ветками деревьев, а сверху — грубым сеном. Размеры “буды” были различными, в зависимости от количества пастухов, но чаще всего 2 x 3,5 м. При хорошей погоде пастухи разжигали огонь снаружи, а при дожде — внутри, при входе [Данилюк, 2002, с. 65].

Таким образом, если исходить из того, что семантика слова *xama* имеет непосредственное отношение к древнеиранскому глаголу **knta* в значении “копать”, то этот фактор и наблюдения этнографического характера позволяют считать, что традиционный украинский каркасно-турлучный тип жилища — хата, представляет собой симбиоз землянки и легкого наземного типа жилища пастухов, сплетенного из лозы. Весьма примечательно, что оба последних типа жилища с древних времен бытовали среди ираноязычных народов Евразийской степи.

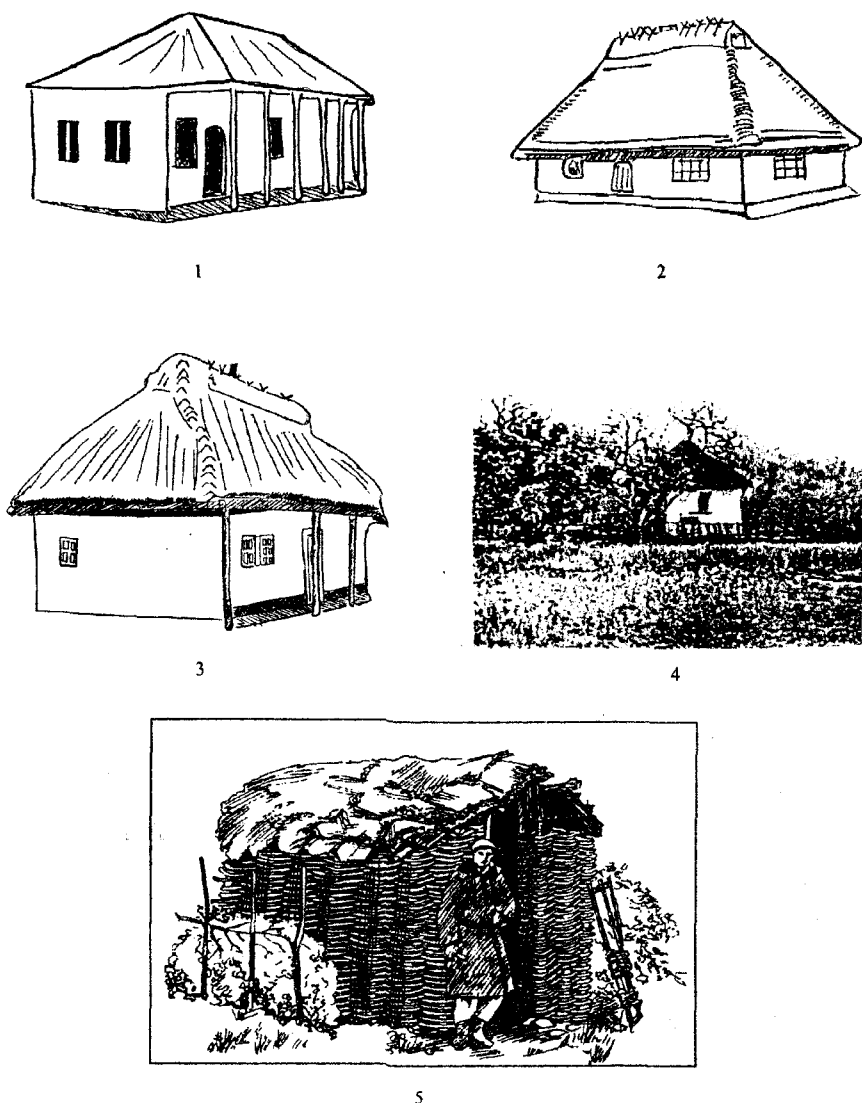

Рис. 35. Распространение жилищ каркасно-турлучного типа в Евразии:
 1 — равнинный дом Северо-Западного Кавказа в стадии строительства (по В. П. Кобычеву);
 2 — хата конца XIX в. из с. Пороховая Тернопольской обл. (по Т. В. Косминой);
 3 — крестьянский дом XIX — начала XX вв. в с. Динжины Дондожинского района в Молдавии (по В. С. Зеленчуку);
 4 — равнинный тип жилища из Гиляна, Иран;
 5 — временное жилище (буда) для пастухов в окрестностях с. Хомичи Шацкого р-на на Волыни (по А. Г. Данилюку)

Особый интерес также представляют аналогии не только в конструкции жилища, но совпадения в форме мебели, которая использовалась внутри жилища. Из предметов внутреннего убранства украинской хаты и северокавказского жилища особо следует выделить низенькие круглые столики. Обычно за таким столиком

обедали, садясь на землю или на низенькие стульчики [Бломквист, 1956, с. 421—422; Народы Кавказа, 1960, с. 162, 206, 319]. Такой же маленький круглый столик на трех ножках, находящий прямые аналогии с осетинским столиком “фынгом” (рис. 36), был выявлен Б. А. Калоевым у венгерских ясов [Калоев, 1996, с. 160]. Благодаря находкам в вечной мерзлоте на Алтае мы знаем, что у ираноязычных народов уже в скифскую эпоху в широком употреблении был именно такой небольшой столик [Руденко, 1952, с. 40—42; 1953, с. 82—86]. Находили такую мебель и в катакомбах аланов на Северном Кавказе [Иванов, Ковалевский, 1886, с. 103; Кузнецов, 1971, с. 142]. По данным Е. Э. Бломквист, маленькие круглые столики бытовали также среди казаков на Кубани и Дону, а также на Балканах среди южных славян и у крымских татар [Бломквист, 1956, с. 421—422]. Несомненно то, что небольшие круглые столики могли получить широкое распространение в Евразийской степи и на сопредельных территориях вследствие расселения там сначала кочевников иранского, а потом алтайского происхождения.

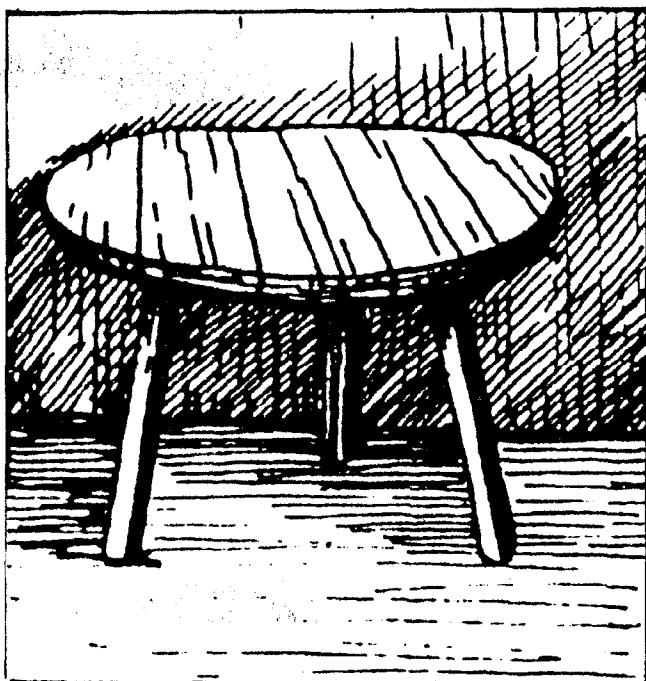

Рис. 36. Ясский круглый столик на трех ножках типа осетинского “фынга” (по Б. А. Калоеву)

Особый интерес может также представлять сравнительный анализ не только жилища народов Северного Кавказа и Евразийской степи, но и хозяйственных сооружений и т. п. Так, плетеные из прутьев конструкции у народов Северного Кавказа и Северного Причерноморья использовались не только при сооружении жилья, но и в хозяйственных целях. Показательно в этом отношении существование в Украине и на Кавказе оград из плетня, которыми обносились двор и хозяйственные постройки [Космина, 1980, с. 105; Калоев, 1973, с. 28]. Характерно, что у украинцев и северокавказских народов существовали ограды как горизонтального так и вертикального плетения (рис. 37, 1—2).

Особый интерес представляет планировка поселений у осетин и близких им по культуре этнических групп за пределами Кавказа. В Венгрии, например, в области Ясшаг у ясов дома располагались близко друг от друга, а село кольцом окружали

просторные хозяйственные дворы, несмотря на то, что в Венгрии ясы жили и на хуторах (тинья). Весьма примечательно, что данная планировка поселений до сих пор продолжает бытовать у равнинных осетин [Калоев, 1984б, с. 104; Кузнецов, 1985, с. 44]. Следует подчеркнуть, что под особым влиянием ясов находилось население восточной части Венгрии, носящей название Альфельд, в состав которой входили области Ясшаг и Куншаг. Это особо заметно в положении хозяйственных построек на востоке Венгрии, что в ряде случаев аналогично данной традиции на равнине Северного Кавказа. В Хайдушаге, как и в Ясшаге, для них отводилось особое место за территорией села [Руденский, 1984, с. 233].

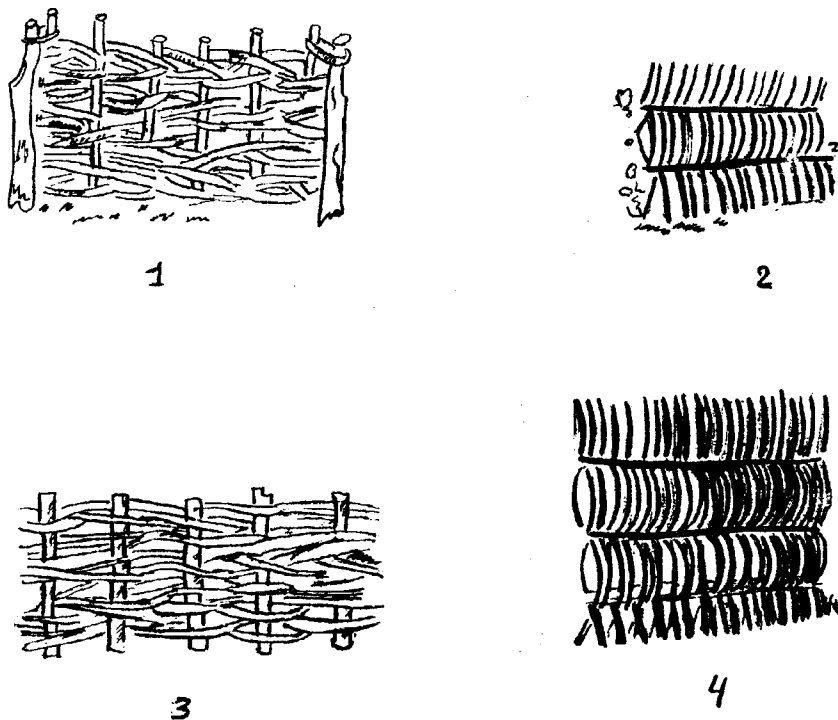

Рис. 37. Ограды горизонтального (1, 3) и вертикального (2, 4) плетения:

- 1—2 — украинский плетень (по Т. В. Косминой);
- 3—4 — плетенные ограды у осетин (по Б. А. Калоеву)

Особая близость между хозяйственными традициями степной Украины и равнинной части Северного Кавказа заметна в устройстве приспособлений для хранения зерна, которые в Украине называются “кошницы”, а на Северном Кавказе — “сапетки”. Данные хозяйственные постройки представляли собой сплетенные из лозы, высокие и разнообразные в плане сооружения. Их часто поднимали над землей, а сверху покрывали соломой (рис. 38, 1—5). Иногда сапетки и кошницы обмазывались глиной. Весьма примечательно, что в Украине кошницы получили распространение на сопредельных с Молдавией территориях, т. е. в непосредственной близости от мест расселения прибалканских ясов в XIV—XV вв. По наблюдениям исследователей, ареал распространения таких хозяйственных сооружений весьма широк: кроме Украины, сюда входят Испания, Балканский полуостров и Кавказ. Первые же сведения о них появляются во второй половине XVII в., т. е. в послемонгольский период [Космина, 1980, с. 97, 102; Калоев, 1981, с. 159—161]. Однако данные археологии свидетельствуют, что на территории северокавказской Алании уже в домонгольский период были распространены

подобные хозяйственные сооружения [Кузнецов, 1971, с. 63]. Это, в свою очередь, позволяет предполагать, что предки украинцев могли воспринять данные приспособления для хранения зерна от аланских или черкесских переселенцев с Северного Кавказа уже в позднее средневековье.

Необходимо исходить из того, что в период средневековья этнические предки осетин — аланы на Северном Кавказе перешли от кочевого скотоводства к земледелию, хотя при этом сохраняли многие традиции скотоводческого хозяйства. Находившиеся же в Средней Азии среди кочевых тюркоязычных племен аланы продолжали сохранять традиции кочевого скотоводства, а проживавшие в Хорезме аланы перешли к земледелию. Поэтому особый интерес представляют аналогии, существующие в традициях земледелия и скотоводства среди осетин и народов Евразийской степи, в первую очередь среди венгерских ясов и туркменского племени улам.

Так, особое внимание исследователей было обращено на то, что хозяйственный уклад венгерских ясов во многом напоминает традиции народов Северного Кавказа. Ясы издавна являлись земледельческим народом, который занимался выращиванием ячменя, пшеницы и т. д. По замечанию Б. А. Калоева, земледельческие орудия венгерских ясов во многом подобны северокавказским. К ним следует отнести тяжелый плуг, волокуши, серпы, деревянные грабли, совки, сита для сеяния и т. п. [Калоев, 1984б, с. 103]. Особое внимание исследователь обратил на ясский тяжелый плуг, который очень напоминал украинский и южнорусский. По мнению Б. А. Калоева уже в предмонгольский период аланы пользовались этим орудием труда в степях Предкавказья, на что указывают данные археологии [Калоев, 1996, с. 126—127]. К этому следует добавить, что украинский тяжелый колесный плуг действительно внешне очень напоминает плуг, которым до сих пор пользуются жители Предкавказской равнины и который получил название “кабардинский” или “черкесский” [Калоев, 1981, с. 118]. Кроме того, А. Х. Магометов полагал, что многие орудия крестьянского хозяйства и ремесел венгров генетически повторяют алано-осетинские [Магометов, 1981, с. 30]. Однако В. А. Кузнецов в корне не согласен с ним и считает, что данные утверждения “беспочвенны и тенденциозны” [Кузнецов, 1985, с. 43].

Кроме земледелия у венгерских ясов, как и у осетин, было развито пчеловодство. Ясы также изготавливали лучшее в Венгрии пиво [Калоев, 1984, с. 104—105; 1996; с. 138—139]. А нам хорошо известно, что данные традиции на Кавказе были широко распространены именно среди осетин [Калоев, 1967, с. 144—145].

Подобно народам Прикавказской низменности, венгерские ясы занимались также разведением крупного рогатого скота, коз, овец и, конечно же, лошадей. Весьма примечательно, что до середины XIX в. поголовье крупного рогатого скота у ясов и венгров состояло из особой породы, отличавшейся огромным ростом, длинными рогами и белой мастью. По мнению некоторых венгерских ученых и Б. А. Калоева, появление данной породы скота в Венгрии следует связывать с приходом сюда ясов и кунов из степей Предкавказья и Северного Причерноморья [Калоев, 1996, с. 132]. К этому следует добавить, что в недалеком прошлом такая же порода волов была распространена в степной части Украины. На связь ясов и осетин со степью может указывать также развитие у них коневодство и особое бережное отношение к лошади [Калоев, 1993, с. 202, 210—212; 1996, с. 133—134]. Кроме того, А. Х. Магометов считает, что в военном деле и в распространении коневодства венгры также многим были обязаны аланам [Магометов, 1981, с. 30—31].

Как считает Б. А. Калоев, черты древнего быта кочевников наблюдаются у венгерских ясов в производстве сыра и творога: их они сушили и коптили для длительного хранения. Аналогичные традиции вплоть до недавнего времени наблюдались среди адыгоязычных народов Северного Кавказа, прежде всего, кабардинцев. Много сходных черт с горцами Северного Кавказа было также отмечено у ясов в способах хранения топленого масла, животного жира, мясных

изделий и т. п. [Калоев, 1996, с. 171]. Кроме того, Б. А. Калоеву удалось выделить аналогичные параллели в традиционной культуре осетин и среднеазиатских кочевых скотоводческих народов, что может указывать на генетическую связь аланов со среднеазиатским регионом. Так, по мнению Б. А. Калоева, технология приготовления сливочного масла у осетин и у некоторых среднеазиатских народов также имеет общее происхождение и уходит корнями в скифскую эпоху [Калоев, 19996, с. 70—73].

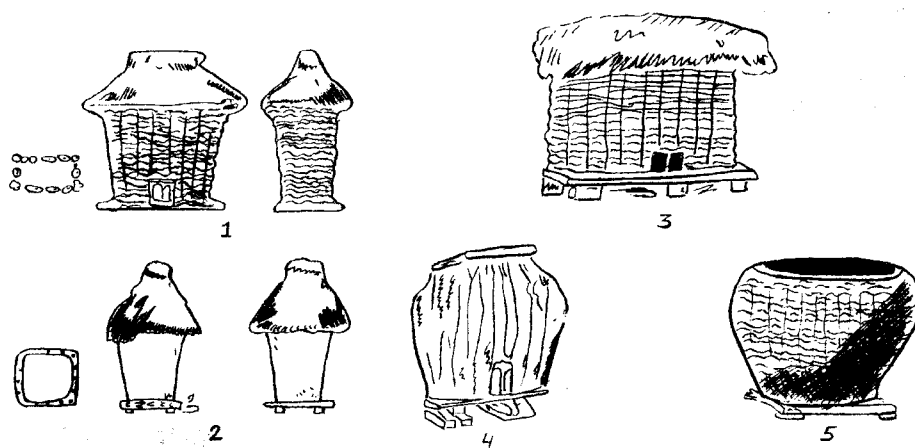

Рис. 38. Приспособления для хранения зерна:

- 1—2 — украинские кошницы (по Т. В. Косминой);
3—5 — осетинские сапетки (по Б. А. Калоеву)

К числу интересующих параллелей, указывающих на связь осетин с кочевыми народами степей Средней Азии, Б. А. Калоев относит также осетинскую арбу и каракалпакскую юрту на повозке-арбе, что, по мнению исследователя, позволяет вспомнить описания жилища древних ираноязычных кочевников Евразии [Калоев, 19996, с. 68—69]. Б. А. Калоев также обратил внимание на распространение у венгерских ясов двухколесных повозок, напоминающих осетинские арбы. При этом исследователь отметил, что венгерское название повозок — *секер* имеет иранское происхождение, что может указывать на заимствование этого слова венграми до прихода на Дунай [Калоев, 1996, с. 142—143].

По наблюдениям Б. А. Калоева, венгерские ясы вплоть до недавнего времени также пользовались горизонтальными ткацкими станками, аналогичными осетинским [Калоев, 19846, с. 104—105]. В связи с этим особый интерес представляют аналогии, существующие в одежде осетин и родственных им по культуре и происхождению этнических групп за пределами Северного Кавказа. Немаловажное значение имеет форма головных уборов. Так, среди венгерских ясов получили распространение головные уборы в виде шлема, которые изготавливались из кожи или шерстяной ткани и носились как мужчинами, так и женщинами [Калоев, 1996, с. 185]. Такие же головные уборы были отмечены исследователями не только на Северном Кавказе, но и в тех местах, где в прошлом проживали аланы и другие ираноязычные народы.

Так, А. Бахтияров зафиксировал у туркменского племени *улам* существование очень древнего головного убора: “По заявлению стариков, в далеком прошлом папахи аланов формой напоминали шапки русских казаков — высокие, с верхом из цветной материи, при чем преобладал цвет синий и красный” [Бахтияров, 1930, с. 39]. По данным А. Джикиева, “у туркмен човдурского, или так называемого хесеновского, племенного союза сохранились высокие тюбетейки конической формы, которые по

виду поразительно сходны с древними скифскими боевыми шлемами” [Джикиев, 1977, с. 26]. Г. П. Васильева особо отметила девичью шапочку туркмен, “обильно украшенную серебряными монетами и имеющую куполообразное навершие с подвесками”, которые находят сходство с девичьими уборами башкир и чувашей. Существующие аналогии даже позволили исследователю сделать вывод, что “это — просто тип скифского воинского шлема” [Васильева, 1977, с. 99]. Б. А. Калоев также обратил внимание на сходство высоких головных уборов народов Средней Азии со шлемообразными головными уборами древних ираноязычных народов. Однако он отметил, что подобный головной убор исчез у осетин и объяснил это тем, что предки осетин были оттеснены монголами в горы Центрального Кавказа, где заимствовали местный горский тип одежды [Калоев, 1999б, с. 70]. Однако в одной из своих работ исследователь отметил, что в старину подобные головные убory бытовали и среди осетин [Калоев, 1967, с. 152].

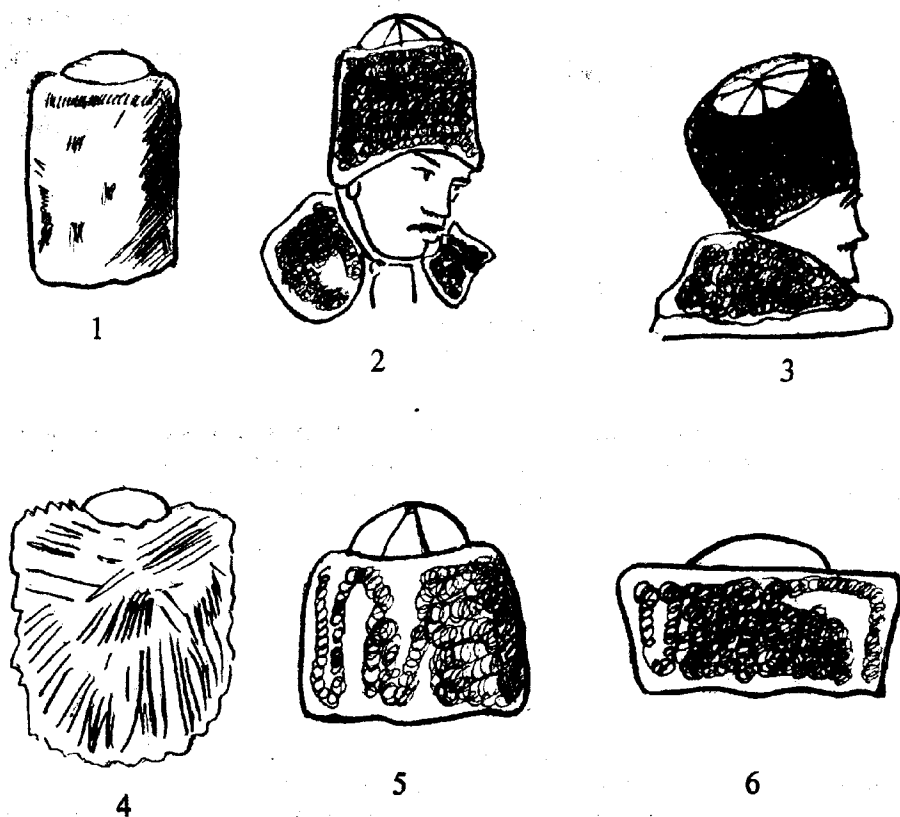

Рис. 39. Головные убory украинцев (1—3) и их северокавказские аналогии (4—6):

1 — по К. И. Матейко;

2—3 — по Т. А. Николаевой;

4—6 — по Е. Н. Студенцкой

Кроме того, следует отметить, что у украинцев получили распространение не только меховые шапки конической формы — “кучма”, но и другой тип головных уборов, находящий аналогии на Северном Кавказе. В данном случае речь идет о меховых шапках цилиндрической формы с верхом из ткани или войлока (рис. 39, 1—6). География распространения меховых шапок на территории Украины такова: на юге и юго-востоке были распространены конические и полусферические формы, на севере — цилиндрические [Матейко, 1977, с. 69—70]. Если принять во внимание

факт пребывания в Среднем Поднепровье адыгских переселенцев с Кавказа, известных под именем черкасов [Горленко, 1982, с. 96—106], то становится понятной причина распространения именно там головных уборов цилиндрической формы. Высокие же меховые шапки конической формы имели распространение в степной зоне, в частности в Подольской, Екатеринославской, Херсонской и Бессарабской губерниях [Матейко, 1977, с. 70]. В данном случае уместно также вспомнить, что на указанной территории вплоть до XV в. обитали аланы и другие близкие им по культуре этнические группы.

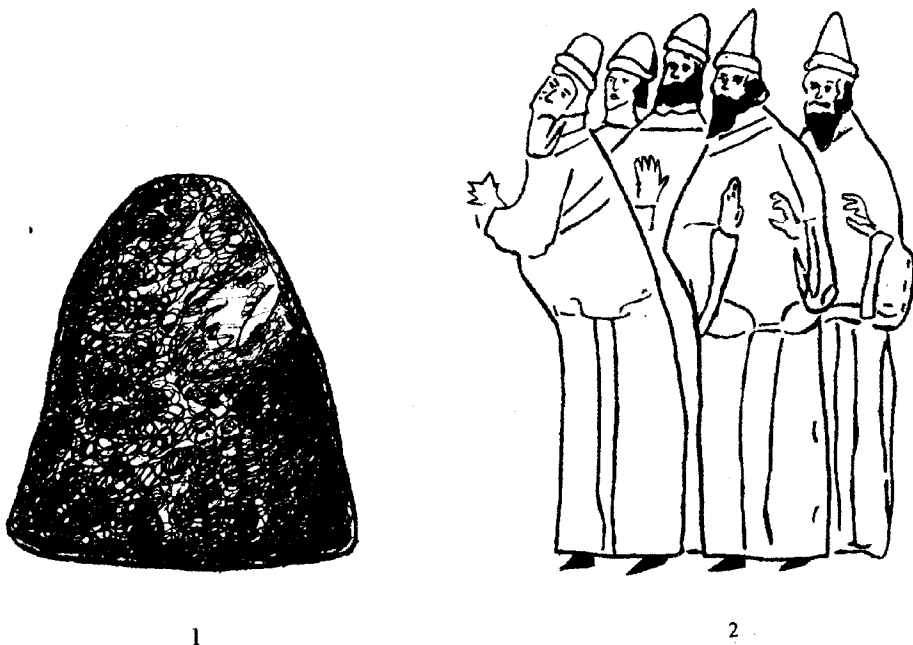

Рис. 40. Распространение головных уборов конической формы среди молдаван:
1 — крестьянская барашковая шапка "кушмэ" (по В. С. Зеленчуку);
2 — деталь "Пелены Елены Волошанки" (XV в.)

Такую же коническую форму имел зимний головной убор молдавских мужчин — барашковая шапка "кушмэ" (рис. 40, 1). Как свидетельствуют позднесредневековые изображения, шапки подобного типа получили распространение в среде молдаван уже в XV в. (рис. 40, 2). Так как островерхие головные уборы бытовали среди аланов и других ираноязычных народов, то не исключено, что это могло явиться следствием пребывания аланов в XIII—XV вв. в Днестровско-Прутском междуречье. Однако само название молдавского головного убора "кушмэ" весьма сходно с украинским обозначением для такого же головного убора — "кучма", что позволяет говорить и об украинском влиянии.

Кроме того, Б. А. Калоев зафиксировал у венгерских ясов и другой тип головных уборов — широкополые войлочные шляпы, которые до сих пор бытуют среди осетин и других кавказских народов [Калоев, 1984б, с. 104—105].

Из верхней одежды венгерских ясов и осетин следует выделить овчинные шубы без рукавов [Калоев, 1984б, с. 104—105; 1996, с. 189—190], которые являлись промежуточным типом одежды между буркой и обычным тулупом с рукавами, т. е. принадлежали к одному из архаичных по покрою и материалу видов одежды, изготовленных полностью из меха. На основании этих аналогий Б. А. Калоев сделал вывод, что "шуба была важным элементом верхней наплечной одежды ясов на их прародине, сохраняя такое значение для них и на их второй родине" [Калоев, 1984б, 1996, с. 189—190].

Подобные аналогии с северокавказской меховой верхней одеждой встречаются в зимней одежде украинцев. Такие изделия обычно называют шубой, тулупом, козухом. Характерно, что козухи и шубы в Украине шились мехом вовнутрь и по своей форме во многом походили на такие же виды верхней одежды, бытовавшие на Северном Кавказе. Обычно они бывали прямого покроя (рис. 41, 1—2), но встречались и приталенные изделия (рис. 41, 3—4), которые во многом походили на другие виды верхней одежды: кафтан, черкеску и т. п.

Последний тип одежды по своему покрою являлся наиболее сложным. Он отличается также тем, что иногда на спинке, на уровне талии, делали поперечные разрезы и, заложив на нижней части крупные складки или собрав ее в мелкую сборку, пришивали к верхней части [Зеленин, 1991, с. 249]. В России такая одежда называлась “кафтан”, в Украине — “свита”, “жупан”, на Кавказе — “черкеска”, “бешмет” и т. п. Быть может, ярким свидетельством украино-кавказских контактов, существовавших в прошлом, является особое сходство украинского жупана и кавказской черкески. В старину было принято обшивать швы, ворот и борта жупана или черкески шелковой тесьмой, галуном и т. п. (рис. 42, 1—2). Поэтому интересно поэтому происхождение данного типа одежды. Т. Д. Равдоникас, ссылаясь на выводы А. А. Иерусалимской, полагает, что появление кафтанов на Кавказе следует связывать с миграцией аланов, ибо кафтан являлся непременным элементом одежды многих ираноязычных народов. Следует также отметить, что на Змейском катакомбном могильнике были обнаружены кафтаны с различными формами воротника, разрезами ворота и т. п. [Равдоникас, 1990, с. 68, 95]. В данном случае уместно поставить вопрос: не могли ли восточные славяне первоначально заимствовать данный тип одежды от ираноязычных народов, которые обитали в южнорусских степях или же это стало результатом переселения в позднее средневековье в украинское Поднепровье близких по культуре к северокавказским аланам черкесов?

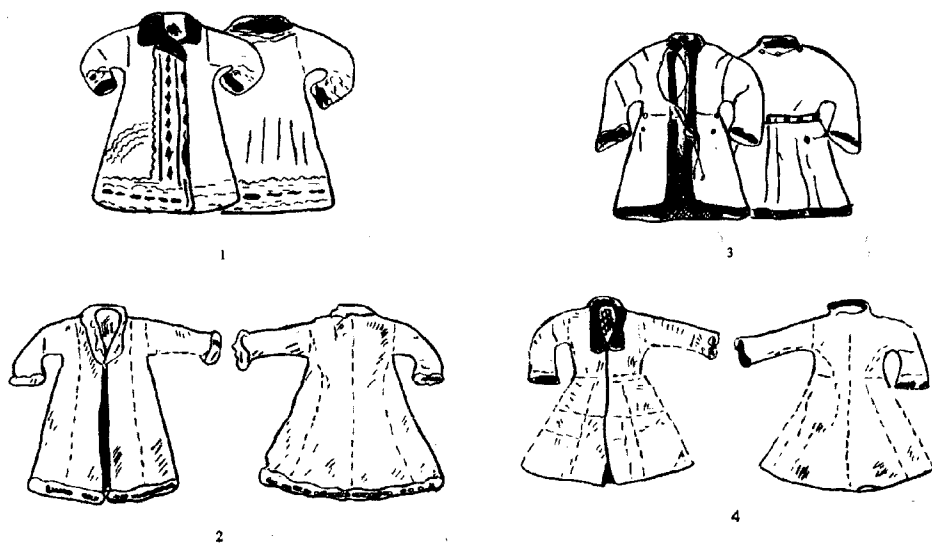

Рис. 41. Верхняя одежда из меха:

- 1 — козух женский, Киевская обл. (по А. Т. Николаевой);
- 2 — шуба из меха прямого покроя, Северный Кавказ (по Е. Н. Студенецкой);
- 3 — козух мужской, нагольный отрезной, Львовская обл. (по А. Т. Николаевой);
- 4 — шуба в талию типа черкески, Северный Кавказ (по Е. Н. Студенецкой)

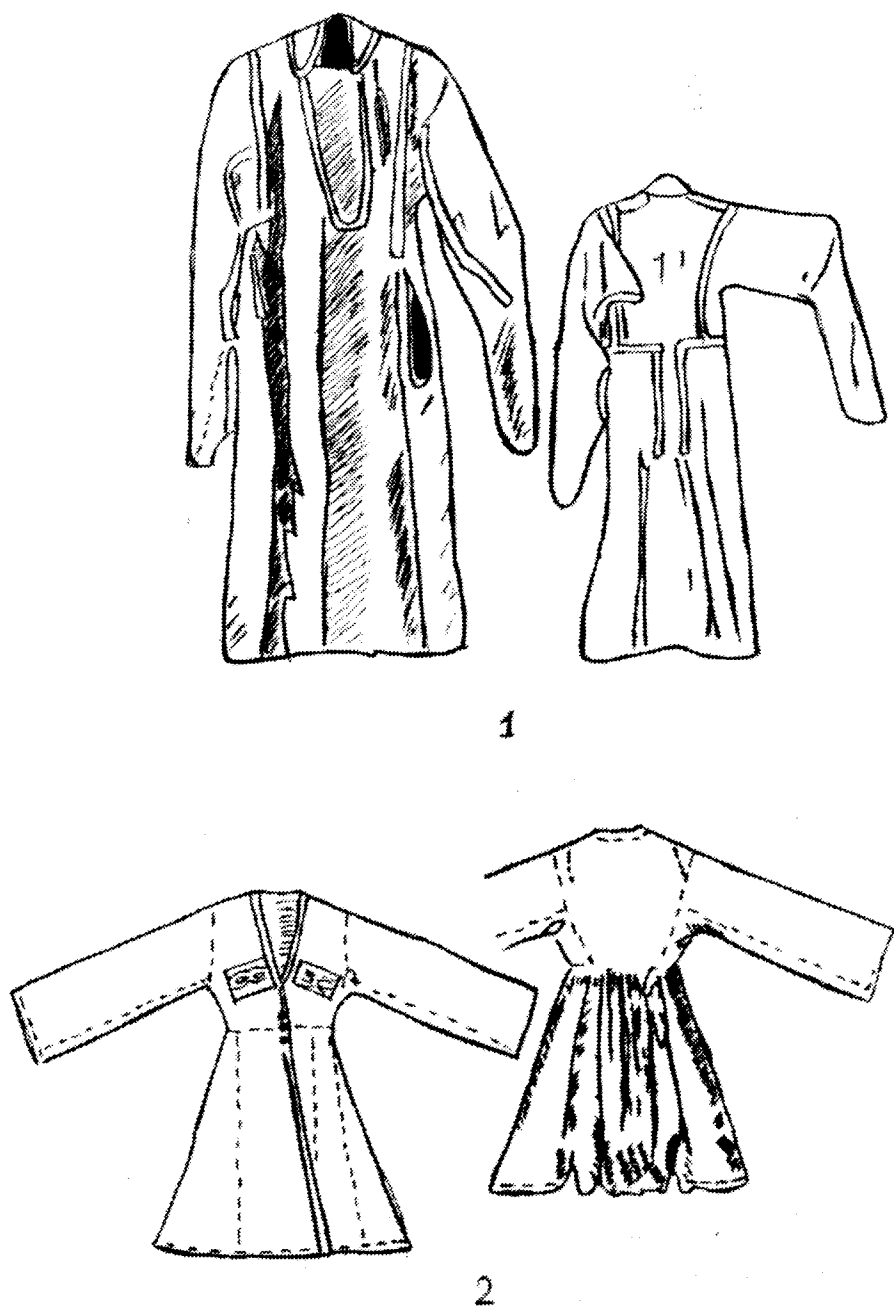

Рис. 42. Верхняя мужская одежда:

- 1 — жупан запорожского казака (по К. И. Матейко);
- 2 — осетинская черкеска без газырей (по Б. А. Калоеву)

В традиционной молдавской мужской одежде также получил распространение тип приталенной верхней одежды, находящий аналогии в кафтане, черкеске, бешмете и т. п. Как следует из изображений прошлого, вплоть до XIX в. кафтан сохранялся как официальная одежда молдавских бояр [Зеленчук, 1985, с. 25]. Аналогичный осетинскому бешмету верхний тип одежды выявил Б. А. Калоев и среди венгерских ясов. Речь идет о женском кафтане без рукавов “со стоячим ворот-

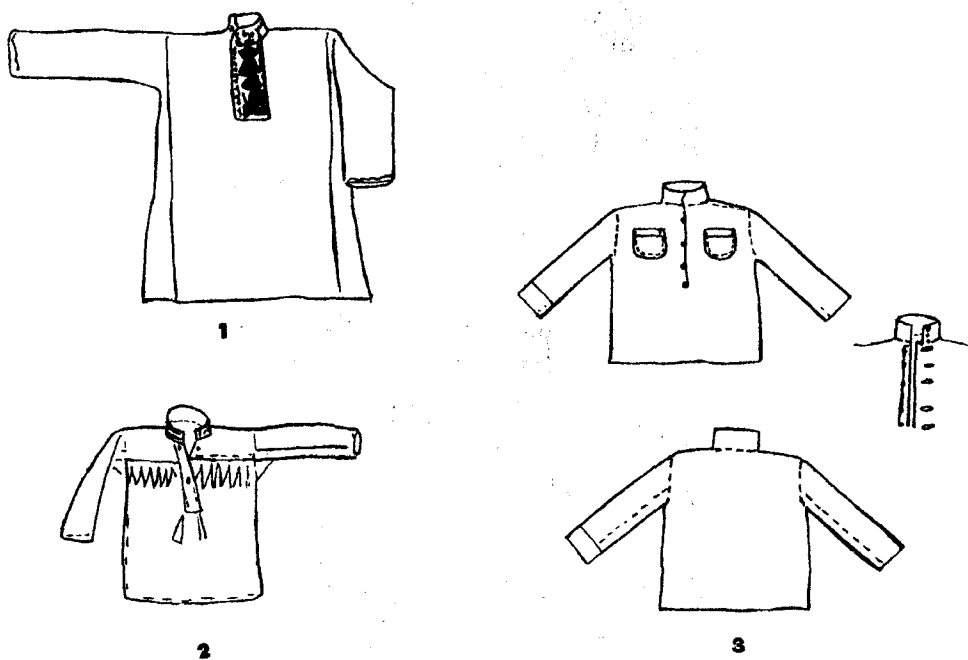

Рис. 43. Мужские рубашки со стоячим воротником:

- 1 — украинская туникообразная сорочка из Хмельницкой обл. (по К. И. Матейко);
- 2 — традиционная молдавская рубашка на кокетке (по В. С. Зеленчуку);
- 3 — рубашка из сел. Кадгарон в Северной Осетии (по Б. А. Калоеву)

ником, с двумя полосами на груди, вышитыми серебряными нитками, идущими от плеча до талии” [Калоев, 1996, с. 192]. Этот покрой одежды, а также такой элемент в одежде, как стоячий воротник, могут свидетельствовать о восточном влиянии.

Так, на Северном Кавказе в катакомбах Змейского могильника часто находили кафтаны и рубашки с невысоким стоячим воротником [Равдоникас, 1990, с. 95]. Стоячий воротник у русских и украинцев имели в ряде случаев и мужские рубашки (сорочки), которые имели туникообразный покрой (рис. 43, 1). Непременным элементом мужской одежды у молдаван являлась белая рубаха, которая в ряде случаев имела стоячий воротник (рис. 43, 2). Именно такая форма ворота не является традиционной для соседних народов прибалканского региона [Зеленчук, 1985, с. 91]. Весьма примечательно, что подобные мужские рубашки со стоячим воротником и сейчас бытуют среди осетин (рис. 43, 3).

Общие черты заметны и в обуви украинцев и горцев Северного Кавказа. В данном случае следует обратить внимание на украинские постолы (моршни), которые представляли собой вид обуви, сшитый из цельного куска кожи (рис. 44, 1). Точно такие же изделия были известны на Кавказе (рис. 44, 2). Иногда там подошву такой обуви изготавливали из множества ремней, дабы облегчить хождение по горам (рис. 44, 3). На первый взгляд может создаться впечатление, что такой простейший вид обуви, как постолы мог, появиться как в Украине, так и на Кавказе вполне самостоятельно. Однако такая обувь являлась неременной принадлежностью горцев Кавказа, а не жителей равнины. На Украине же постолы бытовали не только в Карпатах, но и в степной и лесостепной зонах Поднепровья [Николаева, 1987, с. 74]. Исходя из факта пребывания во времена позднего средневековья в украинском Поднепровье выходцев с Северного Кавказа — аланов и черкесов, можно высказать

предположение о заимствовании жителями Поднепровья данного типа обуви не только с запада, но и с востока — с Северного Кавказа.

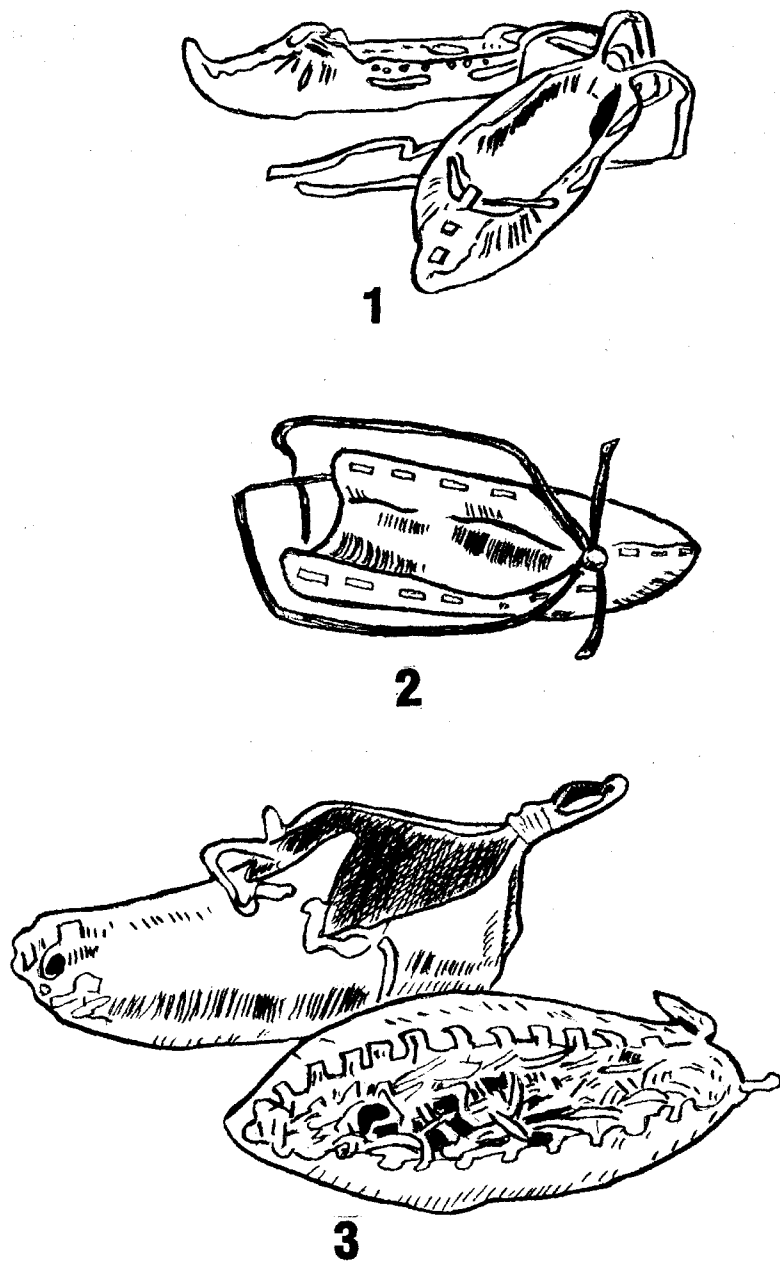

Рис. 44. Кожаная обувь без швов:

- 1 — украинские постолы (по Т. А. Николаевой);
- 2 — обувь кавказских горцев (по Е. Н. Студенцкой);
- 3 — обувь осетин для ходьбы по горам (по Б. А. Калоеву)

Немаловажное значение имеют также аналогии в украшениях древних ираноязычных народов и современных народов Евразийской степи. Особый интерес представляет среднеазиатский регион, где Г. П. Васильева выделила десятки таких параллелей у туркмен. По ее наблюдениям, неслучайное сходство обнаруживается в нагрудных и наплечных украшениях туркменок с золотыми и бронзовыми украшениями из аланских катакомбных могильников VI—VIII вв. Рутха, Чми и Камунта в Осетии. Такие украшения были представлены, прежде всего, “множеством серебряных узорчатых листообразных бляшек с камушками посередине и просто круглых бляшек”. Насколько древней является такая традиция на территории Туркменистана, свидетельствует то, что при археологических раскопках в Старой и Новой Нисе были найдены аналогичные фигурные бляшки из золота, серебра и бронзы, которые нашивались на женскую и мужскую одежду. Это подтверждают находки терракотовых статуэток VI—VII вв. на территории Туркменистана, на которых имелись подобные украшения [Васильева, 1964а, с. 91; 1977, с. 99].

В контексте преемственности культур ираноязычных и тюркоязычных народов среднеазиатского региона особый интерес представляют наблюдения Б. А. Калоева относительно существующих совпадений в форме орнамента: “Судя по имеющимся работам, орнамент осетин наиболее близкое сходство имеет с орнаментом казахов Приаралья, каракалпаков, населяющих территорию древнего Хорезма, части туркмен, киргизов и узбеков, что объясняется более активным участием в этногенезе этих народов иранского элемента” [Калоев, 1999б, с. 73—74]. Кроме того, скифским фактором исследователь связывает также распространение на Кавказе и в Средней Азии арфы, которая у осетин и сванов получила название **чанг** (от осетинского **цонг** — “рука”) [Калоев, 1999б, с. 73].

Таким образом, существующие аналогии в традиционной культуре осетин и современных народов Евразийской степи можно объяснить влиянием нескольких факторов. Во-первых, этнические предки осетин — северокавказские аланы являлись выходцами из степной Евразии и во времена средневековья, как и жители пограничных с Евразийской степью регионов, имели постоянные контакты с народами тюрко-монгольского происхождения. Во-вторых, на протяжении средневековья и даже в более позднее время в степной части Евразии продолжали находиться отдельные группы аланов и близкородственных им в культурном отношении групп, которые либо являлись автохтонным населением степи, либо представляли собой переселенцев с Северного Кавказа. В-третьих, не в таком уж отдаленном прошлом между аланами и народами зоны Великой Евразийской степи существовали не только контакты культурного плана, но и имел место процесс ассимиляции позднейшего ираноязычного населения более крупными этносами. Это особенно касается этногенеза части монголов, туркмен, узбеков Хорезма, татар-мишарей, мордвы, чувашей, венгров, молдаван, украинцев, южных русских, крымских греков, караимов и татар Крыма. Относительно выявления этнографических параллелей в культуре народов Крыма и осетин на настоящий момент существуют определенные трудности, связанные с депортациями этого крымского населения за пределы полуострова в среду иноэтничного окружения в конце XVIII в. и в 40-е гг. XX в., что практически исключает возможность для таких научных изысканий. Кроме того, в настоящей монографии не были рассмотрены параллели, существующие в традиционной культуре осетин и народов правобережья Средней Волги — татар-мишарей, мордвы и чувашей, ввиду того, что это было сделано автором в предыдущей монографии “Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.)” [Бубенок, 1997, с. 142—152].

Выводы

Проведенное исследование позволяет считать, что в XIII—XV вв. аланский элемент занимал в Золотой Орде более весомые позиции, чем предполагалось ранее. Это было связано с тем, что, вопреки общепринятому мнению, монголы не уничтожили значительную часть аланов на Северном Кавказе, в Хорезме и южнорусских степях во время своих завоевательных походов в первой половине XIII в. Наоборот, уже со времен военных походов во многих случаях монголы проявляли определенную лояльность по отношению к этому оседлому населению Северного Кавказа, Средней Азии и Восточной Европы — это отвечало их стратегическим интересам. Такая политика проводилась в соответствии с установлениями Ясы Чингис-хана, которые предопределили характер будущих взаимоотношений завоевателей и покоренных народов.

Данные письменных источников, археологических раскопок, антропологических исследований и топонимии позволяют определить довольно обширный ареал расселения аланов, которые проживали отдельными группами в окружении иноэтничного населения. Проведенное исследование позволяет считать, что в ряде районов — в Средней Азии между Аральским и Каспийским морями, в горах и предгорьях Центрального Кавказа и Южного Крыма, а также на Средней и Нижней Волге, в степном Подонье и Поднепровье — аланское население пережило монгольское вторжение и сохранялось там и в золотоордынский период. В то же время с середины XIII в. аланы-асы упоминаются там, где они не были зафиксированы до начала походов Чингис-хана и Батыя: в степях Крыма, в Днестровско-Прутском междуречье, в области Ясшаг в Восточной Венгрии, на Балканах, в Закавказье — в Двалетии. Однако это вовсе не означает, что отдельные группы этого этноса не могли проживать там в предыдущее время. Результаты исследования позволяют считать, что аланы Средней Азии представляли собой автохтонное население в регионе и вопреки устоявшемуся мнению некоторых исследователей не исчезли как самостоятельная группа уже в раннее средневековье, а сохранялись в Хорезме и на соседних территориях в золотоордынское и более позднее время. Установлено также, что в XIII в. значительно сократилось аланское население на Северо-Западном Кавказе и на Предкавказской равнине, что следует связывать с миграцией аланов за пределы Северного Кавказа. В соответствии с этим имеются основания считать, что в среде позднейшего ираноязычного населения Восточной Европы имелись существенные этнографические и культурные различия, связанные с особенностями происхождения этих аланов.

Сопоставительный анализ данных письменных источников, археологических раскопок и результатов антропологических исследований, по крайней мере, показывает наличие двух групп аланского населения Золотой Орды, которые проживали в XIII—XV вв. за пределами Северного Кавказа в различных местах Восточной и Центральной Европы. Первую группу условно можно назвать “аборигенной”, потому что происхождение этого населения корнями уходит не только в хазарский период, но и в гуннскую и позднейшую сарматскую эпохи. В данном случае речь идет о носителях так называемого “зливкинского” брахикранного антропологического типа, который получил распространение на христианских некрополях XII—XIV вв. в степной части Северного Причерноморья — позднем Зливкинском, Благовещенском, Мамай-Сурка, Лимбарь. Данная группа населения пережила вторжение монголо-татар и в золотоордынское время продолжала обитать на прежних местах. В генетическом родстве с этими жителями степи находились аланы Юго-Западного и Восточного Крыма, которые также относились к носителями мезо-брахикранного типа и являлись потомками тех сармато-аланов, которые в период гуннской экспансии были оттеснены в горы полуострова, где и сохранялись длительное время. В то же время в предмонгольский и золотоордынский периоды в отдельных частях Восточной Европы сохранялось население, переселившееся с

Северного Кавказа до начала XIII в. Его представителей считают носителями долихокранного антропологического типа, аналогичного краниологическим сериям Верхнесалтовского могильника хазарского времени и некрополям северокавказской Алании. В данном случае уместно вспомнить буртасов правобережья Средней Волги, которые переселились сюда из лесостепного Подонья в X в. и сохранялись там как отдельная этническая группа вплоть до начала XVII в. Там же, но на левом берегу Волги, в районе Бабьева Бугра возле Болгар в XII—XIV вв. проживали выходцы из северокавказской Алании — носители долихокранного верхнесалтовского антропологического типа. Возможно, что в городе Тана на Нижнем Дону до монголов и при них проживали аланы именно северокавказского, а не степного происхождения. События второй половины XIII в., прежде всего активная деятельность Ногай, привели к тому, что значительная часть аланов-асов предгорий и гор Северного Кавказа были переселены монголами в степи Поднепровья, Крыма, Днестровско-Прутского междуречья, откуда они впоследствии мигрировали в Восточную Венгрию и на Балканы. С их пребыванием следует связывать захоронения на христианских могильниках у с. Каиры, Мамай-Сурка в степном Поднепровье, Недьсаллаш в венгерском Ясшаге, где были обнаружены черепа верхнесалтовского типа и археологические материалы, находящие аналогии на Северном Кавказе и датированные концом XIII — XIV вв. В соответствии с этим первые упоминания письменных источников об аланах в данных районах, появившиеся после середины XIII в., также позволяют говорить о миграции аланов Северного Кавказа на запад именно во второй половине XIII в., а не в 1238—1239 гг., как считает В. А. Кузнецов. Это можно объяснить тем, что во второй половине XIII в. в целях ослабления сил аланов на Северном Кавказе и укрепления приграничных территорий правители Золотой Орды стали переселять аланов с Северного Кавказа в отдаленные места золотоордынского государства. При этом следует обратить внимание на одну закономерность: монголо-татары, переселяя с Северного Кавказа аланов, стремились селить их рядом с представителями местного населения, которые в религиозном, хозяйственном, культурном, а, возможно, и в этническом отношении были близки к переселенцам.

Именно с широким расселением аланов в Золотой Орде следует связывать распространение термина *ас*, который в домонгольское время традиционно использовался для обозначения западной части северокавказских аланов. Поэтому особый интерес представляют этнонимы, которыми называли позднейших аланов другие народы, а также автоэтнонимы отдельных групп аланов. Установлено, что по отношению к аланам как Северного Кавказа, так и Восточной Европы европейские авторы использовали традиционный термин *алан*. Этот же этноним мусульманские авторы использовали до конца XIII в. С XIV в. в мусульманских текстах широко использовался термин *ас*. В древнерусских летописях термином *ясы* называли аланов Северного Кавказа с середины XII в. по XIV в. и южнорусских степей — преимущественно до середины XII в. В предмонгольское время с середины XII в. в древнерусских летописях для обозначения смешанного алано-славянского населения южнорусских степей начал использоваться термин “бродники”, который мог являться переводом на древнерусский язык самоназвания аланов — *фард-ас (буртас)* — “асы, обслуживающие переправы”. Весьма характерно, что этноним *буртас* стал упоминаться в древнерусских летописях, именно в то время, когда термин “бродники” уже не использовался в восточнославянской традиции, т. е. в золотоордынский период. Благодаря данным некоторых средневековых авторов мы знаем, что переселившиеся за пределы Северного Кавказа во времена Золотой Орды аланы называли себя *ас*. Однако вне зависимости от этих событий тюркоязычное население Золотой Орды и сами монголы для обозначения всех аланов использовали термин *ас*, который был хорошо известен тюркам в домонгольское время. Это позволяет говорить о данном термине как официальном в этнической номенклатуре Золотой Орды. Что же касается самоназвания аланов Северного Хорезма, то имеются основания полагать,

что они сами себя называли термином *алан*, что в конечном итоге может указывать на первоначальную территорию обитания аланов.

Пример аланов-асов показывает, насколько необоснованными являются утверждения многих восточноевропейских историков относительно тяжелых последствий “золотоордынского ига” для народов Восточной Европы. Однако сам факт увеличения аланского населения в восточноевропейских степях во времена Золотой Орды в значительной степени опровергает устоявшиеся мнения и предположения. Необходимо исходить из того положения, что в период монгольских завоеваний тотальному уничтожению подверглось население тех населенных пунктов и областей, которое оказывало монголам упорное сопротивление. Нужно всегда принимать во внимание, что Золотая Орда, как и вся Монгольская империя, не была бы создана, если бы завоеватели-монголы активно не использовали военный и экономический потенциал покоренных народов. В период самих монгольских завоеваний была уничтожена только та часть аланов, которые оказывали упорное сопротивление монголам. Аланы, не оказавшие сопротивление монголам, успешно интегрировались в военно-административную и социально-экономическую структуры Монгольской империи. Аланы, включенные в состав монгольских войск, помогли монголам завоевать другие народы и страны. В соответствии с этим в созданных монголами государствах — Улусе Джучи и империи Юань — аланы-асы стали орудием военного господства монгольского меньшинства. Складывается впечатление, что монголы активно использовали военный потенциал аланов, потому что последние, с одной стороны, унаследовали старые сарматские традиции боя на открытой местности; с другой — заимствовали у оседлых народов правила ведения боя на пересеченной местности. Это сказалось на особенностях вооружения, тактике ведения боя и военной организации, практикуемых у аланов, что, в принципе, как нельзя лучше соответствовало системе организации монгольского войска. В то же время, не стоит упускать из вида и чисто экономический фактор — трансконтинентальные торговые пути, проходившие через степи Восточной Европы, оказались еще до походов Чингис-хана и Батые в руках аланов. И заинтересованные в развитии международной торговли монголы не стремились нарушать сложившийся баланс. Кроме того, в Золотой Орде аланы относились к числу земледельческого населения, без которого не могла существовать основанная на кочевом скотоводстве экономика монголов. Поэтому отношение золотоордынских правителей к аланскому населению в мирное время отличалось лояльностью и прагматичностью. К этому следует добавить религиозную толерантность золотоордынских ханов к аланам, благодаря чему последние в этом мусульманском государстве могли беспрепятственно и далее исповедовать православное христианство. Но несмотря на это, в Золотой Орде, в отличие от ситуации с аланами в империи Юань, где они составляли часть завоевателей Китая, социальный статус оседложивущих аланов был ниже, чем у кочевников немонгольского происхождения. Данные особенности являются закономерностями не только для золотоордынского общества: они были характерны для многих государств, созданных кочевниками. Такое положение земледельческих народов было зафиксировано в Ясе Чингис-хана, установлениями которой руководствовались монголы.

К сожалению, многие этносы средневековья исчезли, так и не дав возможности последующим поколениям оценить их вклад в становление культуры и этногенез других, более поздних народов. К большому счастью, этого нельзя сказать об аланах. Во многих исследованиях по этнической истории Северного Кавказа неоднократно акцентировалось внимание на том, что поздние аланы сыграли активную роль в становлении не только современных осетин, но и других соседних им народов — карачаевцев, балкарцев, ингушей и т. п. В этнографической литературе обращалось внимание так же на то, что позднейшие аланы Средней Азии могли быть ассимилированы не только туркменами, но и узбеками, каракалпаками и другими тюркоязычными народами. Установлено также, что аланы приняли активное участие

в этногенезе венгров, особенно той их части, которая проживает на востоке Венгрии в области Ясшаг. Что же касается проблемы участия позднейших аланов в этногенезе народов Восточной Европы, то данная проблема впервые была затронута именно в настоящей работе. В результате наших наблюдений, можем констатировать, что аланы-асы могли быть ассимилированы предками многих тюркоязычных народов Северного Причерноморья и Поволжья, а именно: степными татарами — ногайцами, южнобережными крымскими татарами — татами, возможно — греками-урумами, а также татарами-мишарями правобережья Средней Волги и даже казанскими татарами. Не вызывает особых сомнений также то, что аланы приняли участие в этногенезе молдаван и крымских (ныне приазовских) греков-ромеев. Вполне возможно, что остатки аланского населения в степях Северного Причерноморья могли слиться либо с ногайскими татарами, либо со славянскими переселенцами, положив, таким образом, начало формированию степной группы украинцев. Данные предположения подтверждаются не только этнографическими параллелями, существующими в культуре осетин и упомянутых народов, но также находят подтверждение в фольклоре, лингвистическом и антропологическом материале.

Несмотря на завершение настоящего исследования, нерешенных вопросов по данной проблеме осталось немало. Однако свою задачу можно считать выполненной, если предложенная книга заинтересовала читателя и вызвала у него стремление к собственной интерпретации упомянутых фактов и гипотез.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. Москва—Ленинград, 1949. Т. I.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1958. Т. I.
- Абаев В. И.* Об аланском субстрате в балкаро-карачаевском языке. // О происхождении балкарцев и караевцев. Нальчик, 1960а.
- Абаев В. И.* Примечания к работе Ю. Немета “Список слов на языке ясов, венгерских алан”. Орджоникидзе, 1960б.
- Абаев В. И.* О происхождении фонемы (h) в славянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. Москва, 1964.
- Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы. Москва, 1965а.
- Абаев В. И.* К алано-венгерским связям // Europa et Hungaria (Congresus ethnographicus). Budapest, 1965б.
- Абаев В. И.* Этногенез осетин по данным языка // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Абаев В. И.* Русско-осетинский словарь. Орджоникидзе, 1970.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1973. Т. II.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1979. Т. III.
- Абаев В. И.* Нартовский эпос осетин. Сказания о нартах. Цхинвали, 1981.
- Абаев В. И.* Нартовский эпос Осетии. Цхинвали, 1982.
- Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1989. Т. IV.
- Абдушелишвили М. Г.* Генезис горнокавказских групп в свете данных антропологии // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Авшалумов Х. Д., Мататов М. Е.* Таты // Народы мира. Историко-этнографический справочник. Москва, 1988.
- Агаджанов С. Г.* Новые материалы о происхождении туркмен // Известия АН Туркменской ССР (Серия общественных наук). 1963. № 2.
- Агеева Р. А.* Страны и народы: происхождение названий. Москва, 1990.
- Аджинджал И. А.* Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969.
- Адыги, балкарцы и караевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. Нальчик, 1974.
- Айбабин А. И.* Этническая история ранневизантийского Крыма: Автореф. дисс. ... доктора ист. наук. Санкт-Петербург, 1998.
- Айбабин А. И.* Этническая история раннесредневекового Крыма. Симферополь, 1999.
- Айвазовский Г.* Заметка о происхождении Новороссийских армян // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. VI.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Санкт-Петербург, 1879. Т. 11.
- Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Санкт-Петербург, 1885. Т. 13.
- Акчорахлы О.* Старокрымские и огузские надписи XIII—XIV вв. // ИТОИАЭ. Симферополь, 1927. Т. I (58).
- Албегова З. Х.-М.* Миграция аланских племен в хазарское время по нартским сказаниям осетин // Хазары. Второй международный colloquium. Тезисы. Москва, 2002.
- Алборов Б. А.* Осетинские нартские сказания о Созырыко и гумском человеке // УЗСОПИ. Орджоникидзе, 1958. Т. XXIII. Вып. III.
- Алборов Б. А.* Почему осетины называют балкарцев “Асы” // О происхождении балкарцев и караевцев. Нальчик, 1960.
- Алексеев В. П., Беслексева К. Х.* Краниологическая характеристика средневекового населения Осетии // МИА. 1963. № 114.

- Алексеев В. П. Антропологические данные к происхождению осетинского народа // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Алексеев В. П. Происхождение народов Восточной Европы. Москва, 1969.
- Алексеев В. П. Историческая антропология и этногенез. Москва, 1989.
- Алексеев В. П. Результаты исследований палеоантропологического материала из могильника у северного Зеленчукского храма // Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X—XIII веках. Ставрополь, 1993.
- Алексеева Е. П. Очерки по экономике и культуре народов Черкессии в XVI—XVII вв. Черкесск, 1957.
- Алиев Б. Г., Шихсаидова Р. С. О маршруте похода Тимура в 1395—1396 гг. через Дагестан // Уч. Зап. Ин-та истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР. Махачкала, 1970. Т. XX.
- Алихова А. Е. К вопросу о буртасах // СЭ. 1949а. № 1.
- Алихова А. Е. Мордовские могильники X—XIV вв. (Тезисы канд. дисс.) // КСИИМК. 1949б. № 25.
- Алихова А. Е. Из истории мордвы конца I-го — начала II-го тыс. н. э. // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
- Алихова А. Е. Средне-цинская мордва // Материальная культура средне-цинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969.
- Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII—XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Москва, 1940. Т. III.
- Араджиони М. А. К вопросу об этнокультурных особенностях позднесредневекового христианского населения горного Крыма // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.
- Аристов Н. А. Заметка об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. Санкт-Петербург, 1896. Вып. III—IV.
- Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар. Ленинград, 1937.
- Артамонов М. И. История хазар. Ленинград, 1962.
- Артамонова О. П. Могильник Саркела—Белой Вежи // МИА. 1963. №109.
- Археологические открытия на Киевщине. Киев, 1908.
- Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961.
- Афанасьев Г. Е. К вопросу о происхождении аланского варианта салтово-маяцкой культуры // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.
- Афанасьев Г. Е. Этническая территория буртасов во второй половине VIII — начале X вв. // СЭ. 1984. № 4.
- Афанасьев Г. Е. Население лесостепной зоны бассейна среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры) // Археологические открытия на новостройках. Москва, 1987. Вып. 2.
- Афанасьев Г. Е. Донские аланы. Москва, 1993.
- Афанасьев Г. Е., Рунин А. П. Мокрая Балка. Дневник раскопок. Москва, 2001. Вып. 1.
- Бабенко В. А. Новые систематические исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника 1908 года. Москва, 1910.
- Бабенко В. А. Памятники хазарской культуры на юге России // Труды XV АС. Москва, 1914. Т. I.
- Байчоров С. Я. Термины “Карачай” и “Ас” в карачаево-балкарской этнонимии // Актуальные вопросы лексики и грамматики языков народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1987.
- ал-Балазури. Китаб футух ал-булдан. Лейден, 1866.
- Баранов И. А. О восстании Иоана Готского // Феодальная Таврия. Киев, 1974.

Баранов И. А. Периодизация оборонительных сооружений Судакской крепости // Северное Причерноморье и Поволжье во взаимоотношениях Востока и Запада в XII—XVI вв. Ростов-на-Дону, 1989.

Баранов И. А. Таврика в эпоху раннего средневековья. Киев, 1990.

Баранов И. А. Болгаро-хазарский горизонт средневековой Сугдеи // Проблемы на прабългарската история и култура. София, 1991. Т. 2.

Барбаро И. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России. Ленинград, 1971.

Бартольд В. В. Очерк истории туркменского народа // Бартольд В. В. Сочинения. Москва, 1963а. Т. II. Ч. 1.

Бартольд В. В. Аланы // Бартольд В. В. Сочинения. Москва, 1963б. Т. II. Ч. 1.

Бартольд В. В. Арабские известия о русах // Бартольд В. В. Сочинения. Москва, 1963в. Т. II. Ч. 1.

Бартольд В. В. Сочинения в 9-ти томах. Москва, 1973. Т. VIII.

Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. Москва, 1960.

Бахтияров А. Осколки “исчезнувших” аланов // Туркменоведение. 1930. №8—9.

Бахтияев М. З. Буртасы — предки чувашей // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Тезисы докладов научной конференции. Пенза, 1990.

Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII в. “Слово о погибели Русской земли”. Москва—Ленинград, 1965.

Берзенишвили Н. А., Дондуа В. Д., Думбадзе М. К., Меликишвили Г. А., Месхия Ш. А. История Грузии. Тбилиси, 1962. Т. 1.

Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ЗООИД. Одесса, 1915. Т. 32.

Бертье-Делагард А. Л. Исследование некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // ИТУАК. Симферополь, 1920. Т. 57.

Биярсланов М. Фирман Мухаммеда IV Митрополиту (крымскому) Давиду, следовавший в 1062 году хиджры (в 1652 году хр. лет) // ИТУАК. Симферополь, 1889. №7.

Блаквист Е. Э. Крестьянские постройки восточных славян // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXII). Москва, 1956.

Богданова Н. М. Херсон в X—XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. Москва, 1991.

Большая советская энциклопедия. Москва, 1970. Т. 2.

Браун Ф. Мариупольские греки // Живая старина. Санкт-Петербург, 1890. Вып. II.

Брегель Ю. Э. Хорезмские туркмены в XIX в. Москва, 1961.

Бретинейдер. Русь и асы на военной службе в Китае // Живая старина. Санкт-Петербург, 1894. Вып. I.

Брун Ф. Черноморье. Одесса, 1879. Т. I.

Брун Ф. Черноморье. Одесса, 1880. Т. II.

Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.). Киев, 1997.

Бубенок О. Б. Относительно происхождения могильника XIII в. в с. Каиры Херсонской области // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.

Бубенок О. Б. Народ аланы в этнических терминах мусульманских авторов XIII—XV вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Историческая память и формы ее воплощения. XII Чтения памяти члена-корреспондента АН СССР В. Т. Пашуто. Материалы конференции. Москва, 2000.

Бубенок О. Б. Аланы-ясы в Саркеле — Белой Веже // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VIII.

- Бутков П. О браках князей Русских с Грузинками и Ясынями в XII веке // Северный архив. 1825. № 4.
- Бушаков В. А. Тюркская этноэкономика Крыма. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Херсон, 1992а.
- Бушаков В. А. Солхат, Таврика или Крым // Русская речь. 1992б. № 5.
- Бушаков В. А. Про фульський народ і його священний дуб у Житії Костянтина Філософа та локалізацію міста Фулли і Фульської єпархії // Україна в минулому. Київ—Львів, 1994а. Вип. 5.
- Бушаков В. Етимологізація кримських топонімів у зв'язку з вивченням історії Криму // Східний світ. 1994б. №1—2.
- Бушаков В. А. Етноніми “бодрак” і “буртас”. До питання про історичну долю буртасів // Східний світ. 1995 (№2)—1996 (№1).
- Бушаков В. Етнонім *татар* у часі і просторі // Україна в минулому. Київ—Львів, 1996. Вип. 8.
- Бушаков В. А. До питання про походження слова “козак” // Східний світ. 1997. №1—2.
- Бушаков В. А. Лексичний склад історичної топонімії Криму. Київ, 2003.
- Вайнберг Б. И. Топонимика как источник по истории туркмен Хорезма // Топонимика Востока. Москва, 1962.
- Ванев З. Н. Средневековая Алагия. Сталинири, 1959.
- Васильев А. А. Готы в Крыму // ИГАИМК. 1927. Т. V.
- Васильев Б. А. Проблема буртасов и мордва. // Вопросы этнической истории мордовского народа. Москва, 1960.
- Васильева Г. П. Этнографические данные о происхождении туркменского народа // СЭ. 1964а. №6.
- Васильева Г. П. Этнографические данные о происхождении туркменского народа // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). Москва, 1964б.
- Васильева Г. П. Этнические компоненты в составе туркмен // Проблемы этногенеза туркменского народа. Ашхабад, 1977.
- Васильева Г. П. Этнические процессы у западных туркмен // СЭ. 1985. №5.
- Васильевский В. Г. Житие Иоанна Готского // Васильевский В. Г. Труды. Санкт-Петербург, 1912. Т. II. Вып. 2.
- Васильевский В. Г. Труды. Петроград, 1915. Т. III.
- Васюков С. Крым и горные татары. Санкт-Петербург, 1904.
- Вахушти. География Грузии // ЗКОИРГО. Тифлис, 1904. Кн. XXIV. Вып. 5.
- Вейсберг Ф.Ф. К анализу восточных источников о Восточной Европе // ЖМНП. 1908. Ч. XIII—XIV.
- Веймарн Е. В., Айбабин А. И. Скалистинский могильник. Киев, 1993.
- Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. Москва, 1975.
- Венгерско-русский словарь. Москва—Будапешт, 1987.
- Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь—Москва, 1997.
- Вихляев В. И. Культурные связи сурско-цинской мордвы с аланскими племенами Северного Кавказа и Дона во второй половине I тыс. н. э. // Материалы по археологии и этнографии Мордовии. Саранск, 1974.
- Вихляев В. И. Мордовские племена эпохи разложения первобытно-общинного строя и их соседи // Этнокультурные связи мордвы (Дооктябрьский период). Саранск, 1988.
- Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Ленинград, 1934.
- Волин С. К истории древнего Хорезма // ВДИ. 1941, № 1.

Волков Ф. Этнографические особенности украинского народа // Украинский народ в его прошлом и настоящем. Петроград, 1916.

Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. Москва, 1973.

Воскресенская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1856. Т. VII.

Вуич Л. Г., Гинзбург В. В., Фириштейн Б. В. Черепа из погребений у оборонительных стен Саркела—Белой Вежи // МИА (Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т. III). 1963. №109.

Вязьмитин М. І. Сарматські поховання в долині р. Молочної // АП УРСР. Київ, 1966. Т. VII.

Гаглойти Ю. С. Аланы и вопросы этногенеза осетин. Тбилиси, 1966.

Гаглойти Ю. С. Этногенез осетин по данным письменных источников // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.

Габуев Т. А. Ранняя история алан. Владикавказ, 1999.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Ленинград, 1979.

Гадло А. В. Этническая группа барсилы // Историческая этнография: традиции и современность. Ленинград, 1983.

Гадло А. В. Северный Кавказ в IV—X вв. (проблемы этнической истории). Автореф. дисс. ...доктора ист. наук. Москва, 1984.

Гадло А. В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Ленинград, 1991.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа X—XIII вв. Санкт-Петербург, 1994.

Галонифонтибус. Иоанн де Галонифонтибус. Сведения о народах Кавказа (1404 г.). — Из сочинения “Книга познания мира”. Баку, 1980.

Галстян А. Завоевание Армении монгольскими войсками. // Татаро-монголы в Азии и Европе. Москва, 1970.

Гамкрели В. Н. Двалы и Двалетия I—XV вв. Тбилиси, 1961.

Гамкрели В. Н. К истории Грузии рубежа XIII—XIV вв. // Историко-филологические разыскания. Тбилиси, 1975. Т. V.

Гаркавец О. Одна рукописна збірка з історії урумів // Східний світ. 1997. № 1—2.

Гаркавец О. Уруми Надазов'я. Історія, мова, казки, пісні, загадки, прислів'я, писемні пам'ятки. Алма-Ата, 1999.

Гаркави А. Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р. Х.). Санкт-Петербург, 1870.

Гаркави А. Я. О происхождении географических названий на Таврическом полуострове // ИГО. 1873. Вып. XII.

Гвритишвили Д. В. К вопросу об этнической принадлежности “двалов” и о переселении осетин в Картли // Мимохилвели. Тбилиси, 1949. Т. I.

Гевонд В. История халифов. Санкт-Петербург, 1862.

Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки. Санкт-Петербург, 1862. Т. I.

Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. Москва, 1987.

Герасимова М. М., Рудь Н. М., Яблонский Л. Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. Москва, 1987.

Герасимова М. М. Палеоантропология Северной Осетии в связи с проблемой происхождения осетин // ЭО. 1994. № 3.

Герберштейн С. Записки о Московии. Москва, 1988.

Геродот. История в девяти книгах. Ленинград, 1972.

Гинзбург В. В. Антропологический состав населения Саркела — Белой Вежи // МИА. 1963. № 109.

- Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений. Москва, 1940. Т. I.
- Голб Н., Прицак О. Хазарско-еврейские документы X века. Москва—Иерусалим, 1997.
- Головко О. Б. Слов'яни Північного Причорномор'я доби Київської Русі та проблема витоків українського козацтва // УІЖ. 1991. № 11.
- Головко О. Б. Слов'янське населення причорноморських степів XII — першої половини XIII ст. // Українське козацтво: витoki, еволюція, спадщина. Київ, 1993. Вип. 1.
- Голотвин Ж. К., Мататов М. Е. Таты // Вопросы истории. 1986. № 11.
- Голубовский П. История Северной земли до половины XIV ст. Киев, 1881.
- Голубовский П. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. История южнорусских степей IX—XIII вв. Киев, 1884.
- Голубовский П. Половцы в Венгрии. Киев, 1889.
- Гаман Ю. О. Походження та етнополітичний розвиток причорноморських ногайців в XIII—XVI ст. Автореф. дисс. ... канд. іст. наук. Київ, 2002.
- Горленко В. Ф., Бойко М. Д., Куницький О. С. Народна землеробська техніка українців. Київ, 1971.
- Горленко В. Ф. Об этнониме черкасы в отечественной науке конца XVIII — первой половины XIX вв. // СЭ. 1982. № 3.
- Городцов В. А. Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 г. // Тр. XII АС в Харькове 1902 г. Москва, 1905а. Т. I.
- Городцов В. А. Материалы археологических исследований на берегах р. Донца, Изюмского уезда, Харьковской губернии // Тр. XII АС в Харькове 1902 г. Москва, 1905б. Т. I.
- Горский В. О происхождении родоначальника ныне царствующей в Китае династии Цинь и имени народа Маньчжу // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Санкт-Петербург, 1852. Т. I.
- Гребенкин А. Д. Таджики // Русский Туркестан. Москва, 1872. Вып. II.
- Греков Б. Д., Калинин Н. Ф. Булгарское государство до монгольского завоевания // Материалы по истории Татарии. Казань, 1948. Вып. I.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. Москва—Ленинград, 1950.
- Греков И. Б., Шахмагонов Ф. Ф. Русские земли в XIII—XV вв. Москва, 1988.
- Григорович В. Записка антиквара о поездке его на Калку и Калмиус, в Корсунскую землю и на южные побережья Днепра и Днестра. Одесса, 1874.
- Григорьев В. В. О двойственности верховной власти у хазаров. Санкт-Петербург, 1834.
- Грум-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Москва—Ленинград, 1926. Т. II.
- Грушевський М. Історія України-Руси. Київ, 1991. Т. I.
- Грушевський М. Історія України-Руси. Київ, 1992. Т. II.
- Грюнберг А. Л. О месте татского языка среди иранских языков // Вопросы языкознания. 1961.
- Грюнберг А. Л., Давыдова Л. Х. Татский язык // Основы иранского языкознания. Новоиранские языки: западная группа, прикаспийские языки. Москва, 1982.
- Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. Москва, 1989.
- Гутнов Ф. Х. Средневековая Осетия. Владикавказ, 1993.
- Данилюк А. Г. Українська хата. Київ, 1991.
- Данилюк А. Народна архітектура Волинського Полісся. Луцьк, 2002.
- Дашкевич Я. Р. Етноконфесійна ситуація ободіч Великого кордону XIV—XVIII ст. Спроба синтетичного узагальнення // IV сходознавчі читання А. Кримського. Тези міжнародної наукової конференції, присвячені 2000-й річниці християнства. Київ, 2000.
- Дебец Г. Ф. Палеоантропология СССР // ТИЭ. Новая серия. Москва, 1948. Т. IV.

Джанашвили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // СМОМПК. 1897. Вып. XXII.

Джикиев А. Очерк этнической истории и формирования населения Южного Туркменистана. Ашхабад, 1977.

Джиоев М. К. Алания в XIII—XIV вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1982.

Джуртубаев М. О. О самоназвании балкарцев и карачаевцев // Советская молодежь. 1989. 6 октября.

Добродомов И. Г. Цимла // Русская речь. 1965. № 1.

Добродомов И. Г. О некоторых гипполизмах и созвучных словах (Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка) // Труды НИИ языка, истории и экономики при Совмине Чувашской АССР. Чебоксары, 1980а. Вып. 97.

Добродомов И. Г. Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // Советская филология. 1980б. № 2.

Добродомов И. Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология. Орджоникидзе, 1981. Вып. 2.

Добродомов И. Г. Оскол (этимологический этюд) // Советская филология. 1988. № 2.

Добродомов И. Г. Из аланских следов в топонимии европейской части СССР // Имя — этнос — история. Москва, 1989.

Добродомов И. Г. Мордовское название березы и дерева *халинг* страны буртасов // Материалы VI Международного конгресса финноугроведов. Москва, 1990а. Т. II.

Добродомов И. Г. Казань (этимологический этюд) // Топонимика. Москва, 1990б.

Добродомов И. Г. Об одном алано-буртасском имени в эпитафиях волжских булгар XIV века // Ономастика и эпиграфика средневековой Восточной Европы и Византии. Москва, 1993.

Добролюбский А. О. Этнический состав кочевого населения Северо-Западного Причерноморья в золотоордынское время // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982.

Добролюбский А. О. Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья. Киев, 1986а.

Добролюбский А. О. Кочевое и оседлое население степей Северо-Западного Причерноморья в X—XIV вв. // Исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1986б.

Дамбровский О. И., Сидоренко В. А. Солхат и Сурб-Хач. Симферополь, 1978.

Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю // ЗООИД. Одесса, 1867. Т. VI.

Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. Москва, 1976.

Дюмезиль Ж. Скифы и нарты. Москва, 1990.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII—XIV вв. Москва, 1985.

Ельников М. В. Охранные работы на могильнике Мамай-Сурка // Археологічні дослідження в Україні 1999 р. Київ, 2000а.

Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка в Нижнем Поднепровье // Археологічний літопис Лівобережної України. 2000б. Ч. 1—2 (7—8).

Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989—1992 гг.). Запорожье, 2001. Т. I.

Ельников М. В., Дровосскова О. В. Охоронні дослідження 2001 р. на могильнику Мамай-Сурка // Археологічні відкриття в Україні 2000—2001. Київ, 2002.

Еремеев Д. Е. К семантике тюркской этнонимии // Этнонимы. Москва, 1970.

Ермолинская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1910. Т. XXIII.

Ефимова А. М., Калинин Н. Ф., Смирнов А. П. Раскопки городища Великие Болгары в 1945 г. // КСИИМК. 1947. Вып. 17.

Ефимова А. М., Хованская О. С., Калинин Н. Ф., Смирнов А. П. Раскопки развалин Великих Болгар в 1946 г. // КСИИМК. 1947. Вып. 17.

Ефимова А. М. Могильник на Бабьем Бугре городища Болгары // МИА. 1960. №80.

Ефимова А. М. Кладбище на окраине посада города Болгара // Города Поволжья в средние века. Москва, 1974.

Жданко Т. А. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX века // ТИЭ. Новая серия. Москва, 1950. Т. IX.

Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. Москва, 1988.

Забелин И. История русской жизни. Санкт-Петербург, 1876.

Завадська І. А. Християнство в ранньовізантійському Херсонесі (За культовими пам'ятками). Автореф. дис. ... канд. істор. наук. Київ, 2000.

Закарпатська область // Історія міст і сіл УРСР. Київ, 1969.

Закиев М. З. Проблемы языка и происхождения волжских татар. Казань, 1986.

Закиев М. З. Буртасы: кто они? // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Тезисы докладов научной конференции. Пенза, 1990.

Заметки XII—XV вв., относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные к греческому синаксарю // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Горган и Поволжье в IX—X вв. Москва, 1962. Т. I.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Булгары, мадьяры, народы севера, печенеги, русы. Москва, 1967. Т. II.

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. Москва, 1991.

Зеленчук В. С. Очерки молдавской народной обрядности. Кишинев, 1959.

Зеленчук В. С. Молдавский национальный костюм. Кишинев, 1985.

Зіневич Г. П. Матеріали до вивчення антропологічних особливостей черепів з Каїрського могильника XI—XIII ст. // Матеріали з антропології України. Київ, 1960. Вип. 1.

Зиневич Г. П. Очерки палеоантропологии Украины. Киев, 1967.

Зиневич Г. П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. Киев, 1973.

Златарски В. Н. Писмата на цариградския патриарх Николае Мистико до българския цар Симеон // Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1895. Кн. XII.

Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингис-хане и Тамерлане. Санкт-Петербург, 1875.

Иванов А. И. История монголов (Юань-Ши) об асах-аланах // Христианский Восток. Санкт-Петербург, 1913. Т. II. Вып. 3.

Иванюков И., Ковалевский М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. Санкт-Петербург, 1886. Т. I.

Из истории сношений Москвы с Крымом при царе Михаиле Федоровиче. Посольство С. И. Тирбеева в Крым 1626—1628 г. С предисловием Л. М. Савелова // ИТУАК. Симферополь, 1906. № 39.

Изидинова С. Р. Современное состояние и проблемы изучения крымскотатарского языка // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.

Іналджик Г. Знахідка кадійських сіджілів (судових книг) Кримського ханату // Мappa Mundi. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів—Київ—Нью-Йорк, 1996.

Іналджик Г. Османська імперія. Класична доба 1300—1600. Київ, 1998.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1843. Т. II.

Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1871. Т. II.

- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1908. Т. II.
- Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Москва, 1962. Т. II.
- Исследования Великого города. Москва, 1976.
- История Дагестана. Махачкала, 1967. Т. I.
- История СО АССР. Москва, 1959. Т. I.
- История Чехословакии. Москва, 1956.
- Ичалов Г. Х. В глубь столетий. Народы Дагестана в борьбе за независимость в XIII—XV вв. Махачкала, 1988.
- Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв (Документы и материалы XVIII века). Москва, 1957. Т. II.
- Кадырбаев А. Ш. Тюрки и иранцы в Китае и Центральной Азии XIII—XIV вв. Алма-Ата, 1990.
- Калинина Т. М. Сведения ранних ученых Арабского халифата. Москва, 1988.
- Калоев Б. А. Мотив амазонок в осетинском нартовском эпосе // КСИЭ. 1959. Вып. XXXII.
- Калоев Б. А. Обряд посвящения коня у осетин // VII международный конгресс антропологических и этнографических наук (Москва, август 1964 г.). Москва, 1964.
- Калоев Б. А. Осетины. Москва, 1967а.
- Калоев Б. А. Осетины глазами русских и иностранных путешественников (XIII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1967б.
- Калоев Б. А. Данные этнографии и фольклора о происхождении осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967в.
- Калоев Б. А. Осетины. Москва, 1971.
- Калоев Б. А. Материальная культура и прикладное искусство осетин. Москва, 1973.
- Калоев Б. А. Земледелие народов Северного Кавказа. Москва, 1981.
- Калоев Б. А. Похоронные обычаи и обряды осетин в XVIII — начале XIX вв. // КЭС. Москва, 1984а. Т. VIII.
- Калоев Б. А. Поездка к венгерским ясам // СЭ. 1984б. № 6.
- Калоев Б. А. Скотоводство народов Северного Кавказа. Москва, 1993.
- Калоев Б. А. Венгерские аланы (ясы). Историко-этнографический очерк. Москва, 1996.
- Калоев Б. А. Осетино-балкарские этнографические параллели // Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. Москва 1999а.
- Калоев Б. А. Этнографические данные о связях этногенеза осетин со Средней Азией // Калоев Б. А. Осетинские историко-этнографические этюды. Москва, 1999б.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Санкт-Петербург, 1833. Т. IV.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Санкт-Петербург, 1889. Т. IV.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Москва, 1989. Кн. 1. Т. I.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Москва, 1991. Кн. 1. Т. II—III.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Москва, 1992. Кн. 2. Т. V—VIII.
- Караулов Н. А. Сведения арабских географов о Кавказе // СМОМПК. Тифлис, 1901. Т. XXXII.
- Карпини П. История монгалов // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва—Ленинград, 1957.
- Карпов Г. И., Арбеков П. Б. Салыры (Салоры) // Туркменоведение. 1930. №6—7.
- Карсанов А. Н. Средневековые аланы в Днестровско-Дунайском междуречье // ИЮОНИИ. Цхинвал, 1989. Вып. XXXIII.
- Карсанов А. Н. Крымские аланы // Аланы и Кавказ (Alanica II). Владикавказ—Цхинвал, 1992.
- Карсанов А. Н. Ясыня из Волжской Болгарии // Герменевтика древнерусской литературы. Москва, 1994. Сб. 6. Ч. II.

- Кишиш А.* Опыт исследования археологических памятников алан в Западной Европе и Северной Африке // Аланы: история и культура (Alanica III). Владикавказ, 1995.
- Клима Л.* Поволжские финно-угры в письменных источниках I—II тыс. н. э. // Советское финно-угроведение. 1989. № 1.
- Климент Охридски.* Собрание сочинения. София, 1973. Т. 3.
- Кляшторный С. Г.* Согдийцы в Семиречье // СЭ. 1959. № 1.
- Кляшторный С. Г.* Древнетюркские рунические памятники. Москва, 1964.
- Кляшторный С. Г., Султанов Г. И.* Государства и народы евразийских степей в древности и средневековье. Санкт-Петербург, 2000.
- Книга Большому Чертежу.* Москва—Ленинград, 1950.
- Книга Степенная царского родословия* // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1968. Т. XXI.
- Кобычев В. П.* В поисках прародины славян. Москва, 1973.
- Кобычев В. П.* Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. Москва, 1982.
- Ковалевская В. Б.* Кавказ и аланы. Москва, 1984.
- Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921—922 гг. Харьков, 1956.
- Ковальская Н. Г., Руденский Н. Е.* Венгры // Народы мира (Историко-этнографический справочник). Москва, 1988.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание (Юань чао би ши). Москва—Ленинград, 1941.
- Козловский А. А.* Оседлое население Южного Поднепровья в IX—XIV вв. — Диссертация на соискание ученой степени канд. истор. наук. Киев, 1984. // НА ИА НАНУ. Ф. 12. № 607.
- Козловський А. О.* Історико-культурний розвиток Південного Подніпров'я в IX—XIV ст. Київ, 1992.
- Кондораки В.* Подробное описание южного берега Крыма. Николаев, 1867.
- Кондораки В. X.* Универсальное описание Крыма. Николаев, 1873. Т. I—II. Ч. 1.
- Кондораки В. X.* Универсальное описание Крыма. Санкт-Петербург, 1875. Т. I—II. Ч. 8—13.
- Кондукторова Т. С.* Палеоантропологические материалы из средневекового Каменского могильника // СА. 1957. № 1.
- Коков Дж. Н., Шахмурзаев С. О.* Балкарский топонимический словарь. Нальчик, 1970.
- Коковцов П. К.* Еврейско-хазарская переписка в X в. Ленинград, 1932.
- Коновалова И. Г.* Сведения о буртасах в “Географии” ибн-Саида // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Тезисы докладов научной конференции. Пенза, 1990.
- Кононов А. Н.* Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази хана хивинского. Москва—Ленинград, 1958.
- Константин Багрянородный.* Об управлении империей / Под ред. Литаврина Г. Г. и Новосельцева А. П. Москва, 1991.
- Копыл А. Г., Татаринов С. И.* Охранные раскопки городища Маяки на Северском Донце // СА. 1979. № 1.
- Копыл А. Г., Татаринов С. И.* Мусульманские элементы в погребальном обряде праболгар Среднедончя // Ранние болгары и финно-угры в Восточной Европе. Казань, 1990.
- Корж Ф. Е.* Попытки объяснения заимствованных слов в русском языке // Известия Академии наук. Санкт-Петербург, 1907. Сер. VI. Т. I.
- Косміна Т. В.* Сільське житло Поділля (кінець XIX — XX ст.). Київ, 1980.
- Котляр М. Ф.* Русь на Дунаї // УДЖ. 1966. № 9.
- Котляр М. Ф.* Хто такі бродники? // УДЖ. 1969. № 5.
- Кравченко Э. Е., Швецов М. Л.* О могильниках золотоордынской эпохи Подонковья // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов научной конференции. Херсон, 1990. Ч. 3.

- Кравченко Э. Е., Гусев О. А., Давыденко В. В. Ранние мусульмане в среднем течении Северского Донца (по археологическим источникам) // Археологический альманах. Донецк, 1998. № 7.
- Крамаровский М. Г. Солхат—Крым: К вопросу о населении и топографии // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. Ленинград, 1989.
- Крамаровский М. Г. Солхат—Крым: тюркский этнос и городская культура // Проблемы истории Крыма. Тезисы докладов научной конференции. Симферополь, 1991. Вып. 1.
- Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература // Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. Т. IV. Москва—Ленинград, 1957.
- Криганов А. В. Військова справа ранньосередньовічних аланів Подоння // Археологія. 1993. №2.
- Кругликова И. Т. Разведки в Старокрымском районе // КСДПИИМК. 1959. Вып. 74.
- Кримська область // Історія міст і сіл УРСР. Київ, 1974.
- Кримський А. Ю. Хазари. Т. II. // Институт рукописей Национальной библиотеки им. В. Вернадского НАН Украины. Ф. XXXVI. № 65.
- Крымский А. История арабов и арабской литературы. Москва, 1912. Ч. 2.
- Кримський А. Історія Туреччини. Київ—Львів, 1996.
- Кузнецов В. А., Милорадович О. В. Археологические исследования в Северной Осетии в 1959 г. // КСИА. 1961. № 86.
- Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. №106.
- Кузнецов В. А. Рецензия на работу С. А. Плетневой “От кочевий к городам” // СА. 1969. № 2.
- Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971.
- Кузнецов В. А. Аланская культура Центрального Кавказа и ее локальные варианты в V—XIII вв. // СА. 1973. № 2.
- Кузнецов В. А. Аланы и тюрки в верховьях Кубани // Археологический этнографический сборник. Нальчик, 1974. Вып. 1.
- Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе, 1984.
- Кузнецов В. А. Ясы в Венгрии // Изв. Северо-Кавказского научного центра высшей школы (обществ. науки). Ростов-на-Дону, 1985. № 3.
- Кузнецов В. А. Нижний Архыз в X—XII веках. Ставрополь, 1993.
- Кулаковский Ю. Керченская христианская катакомба 491 года // Материалы по археологии России. Санкт-Петербург, 1891. № 6.
- Кулаковский Ю. О христианстве алан // ЗООИД. Одесса, 1897а. Т. XX.
- Кулаковский Ю. Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата // Византийский временник. Санкт-Петербург, 1897б. Т. IV. Вып. 3—4.
- Кулаковский Ю. А. Епископа Феодора “Аланское послание” // ЗООИД. Одесса, 1898а. Т. XXI.
- Кулаковский Ю. А. Христианство у алан // Византийский временник. Санкт-Петербург, 1898б. Т. V. Вып. 1—2.
- Кулаковский Ю. К истории Готской епархии (в Крыму) в VIII веке // ЖМНП. 1898в. Ч. CCCXV.
- Кулаковский Ю. А. Аланы по сведениям классических и византийских писателей. Киев, 1899а.
- Кулаковский Ю. А. Карта Европейской Сарматии по Птоlemeю // Приветствие XI Арх. Съезду. Киев, 1899б.
- Кулаковский Ю. А. Новые данные по истории Старого Крыма // ЗИРАО. Санкт-Петербург, 1899в. Т. X. Вып. 3—4.
- Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 1914.
- Кулаковский Ю. Прошлое Тавриды. Киев, 2002.
- Куник А., Розен В. Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Санкт-Петербург, 1878.

- Куфтин Б. А. Южнобережные татары Крыма // Крым. 1925. № 1.
- Куфтин Б. А. Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова // Мемуары этнографического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. Москва—Ленинград, 1925. Вып. 1.
- Кычанов Е. И. Сведения из “Истории династии Юань” (“Юань ши”) о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). Казань, 2002.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1846. Т. I.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1897. Т. I.
- Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. Ленинград, 1926—1928. Т. I.
- Лавров Л. И. Нашествие монголов на Северный Кавказ // История СССР. 1965. № 5.
- Лазарашвили Г. Р. О времени переселения осетин в Грузию // СЭ. 1966. № 2.
- Лайпанов К. Т. О тюркском элементе в этногенезе осетин // Происхождение осетинского народа. Орджоникидзе, 1967.
- Ламанский В. И. Заметка об ясах и аланах // Труды XI АС. Москва, 1902.
- Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — Помпоний Мела. Землеописание // ВДИ. 1949. № 17.
- Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. Симферополь, 1895. № 23.
- Левин М. Г. Деформация головы у туркмен (К вопросу о туркменской долихоцефалии) // СЭ. 1947. Вып. VI—VII.
- Левицкий Т. “Китаб ар-раут аль-Митар” ибн абу ал-Мунсина ал-Химйари как источник сведений о Восточной, Центральной и Северной Европе // Проблемы востоковедения. 1960. № 3.
- Левченко М. В. Очерки по истории русско-византийских отношений. Москва, 1956.
- Летопись Самовидца. Киев, 1878.
- Лимонов Ю. А. Владимиро-Суздальская Русь. Очерки социально-политической истории. Ленинград, 1987.
- Литвинова Л. В. Палеоантропологический материал из средневекового могильника Мамай-Сурка // Запорозьке козацтво в пам’ятках історії і культури. Секція I, II. Запоріжжя, 1997.
- Литвинова Л. В. Антропологический материал из могильника Мамай-Сурка // Ельников М. В. Средневековый могильник Мамай-Сурка (по материалам исследований 1989—1992 гг.). Запорожье, 2001. Т. I.
- Логашова Б. Р. Азербайджанцы // Народы мира (Историко-этнографический справочник). Москва, 1988.
- Лубсан Данзан. Алтан Тобчи. Москва, 1973.
- Лукин В. Г. Культура Сасанидского Ирана. Москва, 1969.
- Лыткин В. И. Пермско-иранские языковые контакты // Вопросы языкознания. 1975. № 3.
- Люшкевич Д. Ф. Термин “тат” как этноним в Средней Азии, Иране и Закавказье // СЭ. 1971. № 3.
- Люшкевич Ф. Д. Некоторые этнографические данные о татах Ирана // Этническая история народов Азии. Москва, 1972.
- Ляскоронский В. История Переяславской земли с древнейших времен до половины XIII столетия. Киев, 1897.
- Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечевое время. Санкт-Петербург, 1907.
- Мавродин В. В. Очерки истории Левобережной Украины. Ленинград, 1940.
- Мавродин В. В. Очерки по истории феодальной Руси. Ленинград, 1949.
- Магомедов М. Г. Образование Хазарского каганата. Москва, 1983.
- Магомедов А. Х. Семья и семейный быт осетин в прошлом и настоящем. Орджоникидзе, 1962.

- Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968.
- Магомедов А. Х. Взаимодействие культур иранских (скифов, сарматов и алан) и финно-угорских народов // История, этнография и культура народов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1981.
- Мазурский летописец // ПСРЛ. Москва, 1968. Т. XXXI.
- Малкондугев Х. Х. К вопросу о самоназвании карачаевцев и балкарцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография, археология и фольклор. Москва, 2001.
- Марко Поло. "Книга" Марко Поло. Москва, 1956.
- Малов Н. М., Мальшиев А. Б., Ракушин А. И. Религия в Золотой Орде. Саратов, 1998.
- Маркевич А. И. Географическая номенклатура Крыма, как исторический материал // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. II (59).
- Марков Г. Е. Очерк истории формирования северных туркмен. Москва, 1961.
- Маслова Г. С. Народная одежда русских, украинцев и белорусов в XIX — начале XX вв. // Восточнославянский этнографический сборник (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXI.). Москва, 1956.
- Мататов М. Е. К вопросу о татском этносе // СЭ. 1981. № 5.
- Матвеева Л. Юлиан Кулаковский. Киев, 2002.
- Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. Москва—Ленинград, 1936.
- Матейко К. І. Український народний одяг. Київ, 1977.
- Материалы по истории Осетии (XVIII в.) // ИСОНИИ. Орджоникидзе, 1934. Т. VI.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва—Ленинград, 1936. Т. II.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Москва—Ленинград, 1939. Т. I.
- Матузова В. И. Английские средневековые источники. Москва, 1979.
- Махно С. В. Отчет о раскопках в 1954 г. в с. Каирах // НА ИА НАНУ. Ф. э. № 2352.
- Махно С. В. Розкопки могильника і поселень поблизу с. Каїри // АП УРСР Київ, 1961. Т. X.
- Мацулевич Л. А. Аланская проблема и этногенез Средней Азии // СЭ. 1947. Т. VI—VII.
- Меметов А. М. Лексикология крымскотатарского языка. Симферополь, 2000.
- Мерперт Н. Я. О генезисе салтовской культуры // КСИИМК. 1951. Вып. 36.
- Мерперт Н. Я. Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. Т. XXIII.
- Мерперт Н. Я. К вопросу древнейших болгарских племенах. Казань, 1957.
- Мещерский Н. А. История иудейской войны Иосифа Флавия в древнерусском переводе. Москва—Ленинград, 1958.
- Мизиев И. М. Балкарцы и карачаевцы в памятниках истории. Нальчик, 1981.
- Мизиев И. М. Шаги к истокам этнической истории Центрального Кавказа. Нальчик, 1986.
- Мизиев И. М. Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая. Нальчик, 1991.
- Миллер Б. В. Таты, их расселение и говоры // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1929. № 8. Вып. VII.
- Миллер В. Ф. Осетинские эпюды. Москва, 1882. Т. II.
- Миллер В. Ф. Осетинские эпюды. Москва, 1887. Т. III.
- Миллер В. Ф. Археологические экскурсии в Терской области // МАК. 1888. Вып. 1.
- Миллер В. Ф. Археологические разведки в Алуште и ее окрестностях в 1886 году. Москва, 1889.
- Миллер В. Ф. Материалы для изучения еврейско-татского языка. Санкт-Петербург, 1892а.
- Миллер В. Ф. Экскурсы в область русского народного эпоса. Москва, 1892б. I—VIII.
- Миллер В. Ф. Древнеосетинский памятник из Кубанской области // МАК. 1893. Вып. 3.
- Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат // МИА. 1963. № 114.
- Минаева Т. М. Очерки по археологии Ставрополя. Ставрополь, 1965.

Минаева Т. М. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь, 1971.

Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента X—XI вв. Москва, 1963.

Мерзѣ Бадѣй'-дѣвѣн. Маджма' ал-Аркѣм. Москва, 1981.

Михеев В. К. Отчет об археологических раскопках у с. Маяки Славянского р-на Донецкой обл. в 1966 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. №№ 4793—4794.

Михеев В. К. Отчет о работе средневековой археологической экспедиции Харьковского гос. университета в 1971 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. №№ 6086—6087.

Михеев В. К. Подонье в составе Хазарского каганата. Харьков, 1985.

Мовсѣс Каланкатуаци. История страны Алуанк. Ереван, 1984.

Моисей Хоренский. История Армении. Москва, 1858.

Молдаване. Кишинев, 1977.

Московский летописный свод конца XV в. // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1949. Т. XXV.

Мохов Н. А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978.

• Муравьев Н. Путешествие в Туркмению и Хиву в 1819 и 1820 гг. Москва, 1822.

Муромцев І. В. Словотворчі типи гідронімів (басейн Сіверського Дінця). Київ, 1966.

Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Москва, 1972.

Народы Кавказа. Москва, 1960. Т. I.

Нартский эпос. Орджоникидзе, 1957.

Нарты. Эпос осетинского народа. Москва, 1957.

Нарты: осетинский героический эпос. Москва, 1989. Кн. 2.

Немет Ю. Список слов на языке ясов, венгерских алан. Орджоникидзе, 1960.

Никаноровская летопись // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1962. Т. XXV.

Никифор Григора. Римская история Никифора Григоры, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами (1204—1341) // Византийские историки. Санкт-Петербург, 1862. Т. I.

Николаева Т. А. Украинская народная одежда. Среднее Поднепровье. Киев, 1987—1988.

Новгородская Первая летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1848. Т. IV.

Новгородская Первая летопись // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1950.

Новгородская Первая летопись // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1988. Т. IV.

Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Петроград, 1917. Т. IV. Ч. 2.

Новгородская Четвертая летопись // ПСРЛ. Москва, 1929. Т. IV. Ч. 1. Вып. 3.

Новосельцев А. П. Русь и государства Кавказа // Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. Москва, 1968.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. Москва, 1990.

О происхождении балкарцев и карачаевцев. Нальчик, 1960.

Орлов Р. С. Из истории сельского населения Керченского полуострова в XIII—XIV вв. // Памятники древних культур Северного Причерноморья. Киев, 1979.

Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе, 1970.

Отін Е. С. Гідроніми Східної України. Київ—Донецьк, 1977.

Отін Е. С. Непереоформленные личные имена в гидронимии Дона // Восточнославянская ономастика (Материалы и исследования). Москва, 1979.

Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки. Москва, 1979.

Отрощенко В. В., Вовк Т. А. Золотоординський період в історії половців // Етноси України (тюркський світ). Київ, 2000.

Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII—XIX вв. Ашхабад, 1954.

Ошанин Л. В. Тысячелетняя давность долихоцефалии у туркмен и возможные пути ее

происхождения // Известия среднеазиатского комитета по делам музеев, охраны памятников старины, искусства и природы. Ташкент, 1926. Вып. I.

Павлов П. Древнеруските бродници и българската история (XII—XIII в.) // Българо-украински връзки през вековете. София, 1983.

Павлов П. Татарите на Ногай, България и Византия (около 1270—1302 г.) // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1995. Т. IV.

Паллас. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793—1794 годах // ЗООИД. Одесса, 1881. Т. XII.

Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел (Продолжение) // ИТУАК. Симферополь, 1890. № 10.

Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел (Продолжение) // ИТУАК. Симферополь, 1891а. № 11.

Памятники дипломатических сношений Крымского ханства с Московским государством в XVI и XVII вв., хранящиеся в Московском Главном Архиве Министерства Иностранных дел (Продолжение) // ИТУАК. Симферополь, 1891б. № 12.

Патканов К. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ЖМНП. 1883. Ч. ССXXVI.

Патриаршая или Никонова летопись. Патриаршая Девятая. // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1862. Т. IX.

Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1885. Т. X.

Патриаршая Десятая или Никонова летопись // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1965. Т. X.

Паушто В. Г. Внешняя политика Древней Руси. Москва, 1968.

Писулевская Н. Сирийские источники по истории народов СССР. Москва—Ленинград, 1941.

Пиоро И. С. Крымская Готия. Киев, 1990.

Плетнева С. А. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // МИА. 1958. № 62.

Плетнева С. А. Рецензия на книгу: Артамонов М. И. История хазар. Л.: Изд-во ГЭ, 1962 // СА. 1963. № 3.

Плетнева С. А. О юго-восточной окраине русских земель в домонгольское время // КСИА. 1964. Вып. 99.

Плетнева С. А. От кочевий к городам. Салтово-маяцкая культура // МИА. 1967. № 142.

Плетнева С. А. Об этнической неоднородности населения северо-западного хазарского пограничья // Новое в археологии. Москва, 1972.

Плетнева С. А. Половецкая земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. Москва, 1975.

Плетнева С. А. Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья (Археология СССР). Москва, 1981.

Плетнева С. А. Кочевники средневековья (поиски исторических закономерностей). Москва, 1982.

Плетнева С. А. Средневековые “амазонки” в европейских степях // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тыс. н. э. Воронеж, 1983.

Плетнева С. А. Древние болгары в бассейне Дона и Приазовья. // Плиска-Преслав. Прабългарската култура. Материали от българо-съветската среща, Шумен, 1976. София, 1984. Т. II.

Плетнева С. А. Хазары. Москва, 1986.

Плетнева С. А. На славяно-хазарском пограничье. Дмитриевский археологический комплекс. Москва, 1989.

Плетнева С. А. Половцы. Москва, 1990.

- Повесть временных лет. Санкт-Петербург, 1846. Т. I.
- Повесть временных лет / Под ред. Лихачева Д. С. Москва—Ленинград, 1950. Ч. I.
- Повість врем'яних літ. Літопис (за Іпатським списком). Київ, 1990.
- Полесских М. Р. Боевое оружие и снаряжение из могильников Армиевского типа // СА. 1968. № 1.
- Полканов А. И. Крымские караимы. Париж, 1995.
- Поляк А. Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Москва, 1964.
- Пономарьова І. С., Назар'єв Є. І. До питання формування етноніму "tat", що побутує серед етнічних грецьких груп Українського Надазов'я // Сходознавство. Київ, 2000. № 9—10.
- Попов А. И. Буртасы и мордва // Ученые записки ЛГУ (Серия востоковедческих наук. Советское финно-угроведение). 1948. Вып. 2.
- Попов А. И. Названия народов СССР. Ленинград, 1973.
- Протоколы заседаний Таврической ученой архивной комиссии (Заседание 26 мая 1911 г.) / ИТУАК. Симферополь, 1912. № 47.
- Пословицы, поговорки и приметы Крымских татар, собранные А. А. Боданинским, Мартино и О. Мурасовым // ИТУАК. Симферополь, 1915. № 52.
- Приселков М. Д. Троицкая летопись (Реконструкция текста). Москва—Ленинград, 1950.
- Прицак О. Деремела=Бродники // International Journal of Slavic Linguistic and Poetics. 1965. IX.
- Прицак О. Татар: історія одного імені // Мappa Mundi. Збірник наукових праць на пошану Ярослава Дашкевича з нагоди його 70-річчя. Львів—Київ—Нью-Йорк, 1996.
- Прицак О. Предисловие // Бубенок О. Б. Ясы и бродники в степях Восточной Европы (VI — начало XIII вв.). Киев, 1997.
- Пура Я. О. Походження назв населених пунктів Ровенщини. Львів, 1990.
- Пфаф В. Б. Материалы для древней истории Осетии // ССКГ. Тифлис, 1871. Вып. V.
- Пчелина Е. Г. Упоминания о ясах в русских летописях // МИА. 1963. № 114.
- Равдоникас Т. Д. О некоторых типах аланской одежды X—XII вв. // КЭС. Москва, 1972.
- Равдоникас Т. Д. Очерки по истории одежды населения Северо-Западного Кавказа (IV в. до н. э. — конец XVII в.). Ленинград, 1990.
- Радзивилловская летопись // ПСРЛ. Ленинград, 1989. Т. XXXVIII.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Санкт-Петербург, 1893а. Т. I. Ч. 1.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Санкт-Петербург, 1893б. Т. I. Ч. 2.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Санкт-Петербург, 1899. Т. II. Ч. I.
- Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Санкт-Петербург, 1905. Т. III. Ч. I.
- Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. Москва, 1971.
- Райт Дж. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. Москва, 1968.
- Ратич О. О. Археологічні розвідки на Верхньому Дністрі в 1949 р. // АП УРСР. Київ, 1955а. Т. V.
- Ратич А. А. Древнерусский могильник в с. Копачинцы Станиславской обл. // КСИА АН УССР. 1955. № 4.
- Ратич О. Древньоруські археологічні пам'ятки на території західних областей УРСР. Київ, 1957.
- Рашиев Р. За произхода на прабългарите // Studia protobulgarica et mediaevalia europensia. В чест на професор Веселин Бешевлиев. Велико Търново, 1993.
- Рашиев Р. К вопросу о происхождении праболгар // МАИЭТ. Симферополь, 1993. Вып. III.
- Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Москва—Ленинград, 1946. Т. 3.

- Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Москва—Ленинград, 1952. Т. I. Кн. I.
- Рашид-ад-дин*. Сборник летописей. Москва—Ленинград, 1952. Т. I. Ч. 2.
- Рашид-ад-Дин*. Сборник летописей. Москва—Ленинград, 1960. Т. II.
- Рашид ад-Дин*. Джами' ат-Таварих. Критический текст. Москва, 1980. Т. II. Ч. I.
- Рашид ад-Дин*. Джами' ат-Таварих. Тарих-и мугул. Тегран, 1379/1995.
- Рерих Ю.Н.* Les troupes alanes à l'époque mongole // Рерих Ю. Н. Избранные труды. Москва, 1967.
- Риза Сейид Мухаммед*. Ассеб о-ссейар или Семь планет. Казань, 1832.
- Романов В. К.* Битва при р. Калке и ее отражение в русском летописании (Историко-текстологическое исследование). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Москва, 1983.
- Рубрук Г.* Путешествие в восточные страны // Карпини П. История монгалов. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. Москва—Ленинград, 1957.
- Руварц*. Заметка об ясах на Балканском полуострове и в придунайских землях // Живая старина. 1894. Вып. I.
- Руденко С. И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. Москва—Ленинград, 1953.
- Руденский Н. Е.* Венгры // Расы и народы. Москва, 1984. Вып. 14.
- Руссев Н.* Някои проблеми на изучаването на средновековната българска материална култура в междуречието на Дунав и Днестър // Българите в Северното Причерноморие. Велико Търново, 1995. Т. IV.
- Русско-татарский словарь. Москва, 1984.
- Рыбаков Б. А.* Язычество древних славян. Москва, 1981.
- Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. Москва, 1982.
- Рыбаков Б. А.* Начальные века русской истории. Москва, 1987.
- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. Москва, 1988.
- Саркисян Г. Х.* О хронологической канве “Истории Армении” Мовсеса Хоренаци. Москва, 1960.
- Саттаров Г. Ф.* Происхождение полисонима “Казань” // Советская тюркология. 1985. № 5. Сборник некоторых важных известий и официальных документов касательно Турции, России и Крыма. Санкт-Петербург, 1881.
- Сборник сведений в кавказских горах. Тифлис, 1871. Вып. V.
- Свєси́нко́в І.* Поховання XI ст. н. е. в Смі́льниці коло старого Самбора // АП УРСР. Київ, 1949. Т. I.
- Сегеда С.* Антропологічний склад українського народу. Етногенетичний аспект. Київ, 2001.
- Секеринский С.* Очерки к истории Сурожа. Симферополь, 1955.
- Серебренников В. А.* История мордовского народа по данным языка // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965.
- Сифиргалев М. Г.* Заметки о буртасах (К вопросу о происхождении мордвы) // Записки НИИ при Совмине Мордовской АССР. Саранск, 1951. Вып. 13.
- Скржинский М. В.* “Перипл Понта Эвксинского” анонимного автора // Исследования по античной археологии Северного Причерноморья. Киев, 1980.
- Скрипник Л. Г.* Власні імена людей. Словник-довідник. Київ, 1991.
- Словник гідронімів України. Київ, 1979.
- Слово о полку Игореве. Москва, 1987.
- Сміленко А. Т.* Слов'яни та їх сусіди в степовому Подніпров'ї. Київ, 1975.
- Смиленко А. Т.* Славяне и их соседи в степном Поднепровье (История и культура населения во II—XIII вв.). — Диссертация на соискание ученой степени доктора истор. наук. Киев, 1980. // НА ИА НАНУ. Ф. 12. № 597.

Смиленко А. Т. Славяне и их соседи в степном Поднепровье (История и культура населения во II—XIII вв.): Автореф. дисс. ... д-ра. ист. наук. Киев, 1980.

Смиленко А. Т. Население салтово-маяцкой культуры в устье Дуная // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Материалы научной конференции. Пенза, 1992.

Смирнов А. П. Древняя история чувашского народа. Чебоксары, 1948.

Смирнов А. П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957.

Смирнов В. Д. Крымское ханство под верховенством Османской Порты до начала XVIII вв. Санкт-Петербург, 1887.

Снесарев Г. П. Объяснительная записка к “Карте расселения узбеков на территории Хорезмской области (конец XIX — начало XX вв.)” // Хозяйственно-культурные традиции народов Средней Азии и Казахстана. Москва, 1975.

Соколов С. Н. Язык Авесты. Ленинград, 1964.

Советская историческая энциклопедия. Москва, 1961. Т. 1.

Сокращенный летописный свод 1493 г. // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1962. Т. XXIII.

Сокращенный летописный свод 1495 г. // ПСРЛ. Москва—Ленинград, 1962. Т. XXIII.

Соловьев С. М. История России с древнейших времен. Москва, 1959. Кн. I. Т. 1—2.

Сорочан С. Б., Зубарь В. М., Марченко Л. В. Жизнь и гибель Херсонеса. Киев, 2000.

Софиевская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1853. Т. VI.

Страбон. География в 17-ти книгах. Москва, 1964.

Тригач О. С. Етнонімія Птолемеєвої Сарматії. Київ, 1991.

Студенецкая Е. М. Одежда народов Северного Кавказа XVIII—XX вв. Москва, 1989.

Сымонович Э. А. Отчет о работах на черняховских памятниках, проводимых скифской экспедицией ИИМК АН СССР и ИА АН УССР в 1952 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. № 1726.

Сымонович Э. А. Погребения X—XI вв. Каменского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 65.

Татаринов С. И., Копыл А. Г., Колесник А. В., Дегермеджи С. М. Материалы по археологии северо-востока Донецкой обл. — Отчет об археологических раскопках Артемовской экспедиции в 1976 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. №№ 8200—8201.

Татары крымские // Народы мира. Историко-этнографический справочник. Москва, 1988.

Татищев В. Н. История Российская. Москва—Ленинград, 1963. Т. II.

Татищев В. Н. История Российская. Москва—Ленинград, 1964а. Т. III.

Татищев В. Н. История Российская. Москва—Ленинград, 1964б. Т. IV.

Таты // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Эфрон. Санкт-Петербург, 1901. Т. XXXIIа.

Тверская летопись // ПСРЛ. Санкт-Петербург, 1863. Т. XV.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Санкт-Петербург, 1884. Т. I.

Тизенгаузен В. Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Москва—Ленинград, 1941. Т. II.

Тимошевский Г. И. Духовное и гражданское самоуправление. Православные храмы Мариуполя // Мариуполь и его окрестности. Мариуполь, 1892.

Тимошук Б. О. Археологічні пам'ятки с. Васи́лева Чернівецької області // АП УРСР. Київ, 1952. Т. III.

Тихомиров М. Н. Древняя Русь. Москва, 1975.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. Москва, 1958.

Толочко П. П. Древняя Русь. Киев, 1987.

Толочко П. Київська Русь. Київ, 1996.

Толочко П. Кочевые народы степей и Киевская Русь. Киев, 1999.

Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии // ВДИ. 1938. № 1 (2).

- Толстов С. П.* Древний Хорезм. Москва, 1948а.
- Толстов С. П.* По следам древнехорезмийских цивилизаций. Москва–Ленинград, 1948б.
- Толстова Л. С.* Исторический фольклор каракалпаков как источник для изучения этногенеза и этнокультурных связей этого народа // Этническая история и фольклор. Москва, 1977.
- Толстова Л. С.* Отголоски ранних этапов этногенеза народов Средней Азии в ее исторической ономастике // Ономастика Средней Азии. Москва, 1978.
- Толстова Л. С.* Исторические предания Южного Приаралья. Москва, 1984.
- Трофимова Т. А.* Антропологический состав населения г. Болгара в X—XV вв. // Антропологический сборник. Вып. 1. (ТИЭ. Новая серия. Т. XXXIII). Москва, 1956.
- Трубачев О. Н.* Из славяно-иранских лексических отношений // Этимология. 1965. Москва, 1967.
- Трубачев О. Н.* Название рек Правобережной Украины. Москва, 1968.
- Трубачев О. Н.* Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология. 1977. Москва, 1979.
- Туманский А.* Бургас и Бердас // Известия Высших Тифлиских женских курсов. Тифлис, 1914. Кн. 1. Вып. 1.
- Тумманн.* Крымское ханство. Симферополь, 1991.
- Турчанинов Г. Ф.* Еще раз о древнеосетинской Зеленчукской надписи // Этнография Востока. 1958, Т. XII.
- Турчанинов Г. Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Москва, 1971.
- Ураксин З. Г.* Цветовые обозначения в башкирских этнонимах // Башкирские этнонимы. Уфа, 1987.
- Успенский Ф. И.* Образование Болгарского царства. Одесса, 1879.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С.* К вопросу о южной границе Хазарии // Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1970. № 3.
- Федоров Я. А., Федоров Г. С.* Ранние тюрки на Северном Кавказе. Москва, 1978.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Москва, 1966.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. Москва, 1973.
- Феннел Дж.* Кризис средневековой Руси. 1200—1304. Москва, 1989.
- Феофилакт Симокатта.* История. Москва, 1957.
- Филоненко В. И.* К вопросу о происхождении и значении слова “тат” // ИТОИАЭ. Симферополь, 1928. Т. II (59).
- Фильгус В. Е.* Астрахань. Краткий исторический очерк. Астрахань, 1958.
- Фрейман А. А.* Хорезмийский язык. Материалы и исследования. Москва–Ленинград, 1951. Т. 1.
- Фронджуло М. А.* Раскопки в Судак // Феодальная Таврия, 1974.
- Халикова Е. А.* О могильнике “Бабий Бугор” в Болгарах // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. Москва, 1978.
- Хартихай Ф.* Историческая судьба крымских татар // Вестник Европы. Санкт-Петербург, 1866. Т. II.
- Хвольсон Д. А.* Восемнадцать еврейских надгробных надписей из Крыма. Санкт-Петербург, 1866.
- Хвольсон Д. А.* Известия о хазарах, болгарях, мадьярах, славянах и русах Абу-Али Ахмеда Бен Омар ибн-Даста. Санкт-Петербург, 1869.
- Хвольсон Д. А.* Сборник еврейских надгробных надписей из Крыма от IX—XV ст. Санкт-Петербург, 1884.
- Хенинг Р.* Неведомые земли. Москва, 1962. Т. III.

Ходжайов Т. К., Швецов М. Л. Археолого-антропологическое исследование Маяк XIII—XIV вв. // Степи Восточной Европы во взаимодействии Востока и Запада в средневековье. Донецк, 1992.

Холмогорская летопись // ПСРЛ. Ленинград, 1977. Т. XXXIII.

Хоргоши Э. Венгерские ясы в турецких источниках XVI в. // Аланы и Кавказ (Alanica II). Владикавказ, 1992.

Худуд ал-'Алем (рукопись Туманского) с введением и указателем В. Бартольда. Ленинград, 1930.

Хынку И. Лимбарь — средневековый могильник XII—XIV вв. Кишенев, 1976.

Цукерман К. Венгры в стране Леведии: новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836—889 гг. // МАИЭТ. Симферополь, 1998. Вып. VI.

Цуциев А. А. Аланы Средней Азии (I—VI вв. н. э.): проблемы этногенеза. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 1999.

Челеби Э. Книга путешествия. Турецкий автор Эвлия Челеби о Крыме (1666—1667 гг.) / Перевод и комментарии Е. В. Бахревского. Симферополь, 1999.

Ченцова В. Г. Материалы к истории Херсона в средние века // МАИЭТ. Симферополь, 1996. Вып. V.

Черменский П. Н. Народ буртасы по известиям восточных писателей и данным топонимики. // Вопросы географии. 1970. № 83.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения: “Хронография” Феофана, “Бревиарий” Никифора. Москва, 1980.

Чореф М. Я. К вопросу об аланах в средневековом Крыму // Археология и традиционная этнография Северной Осетии. Орджоникидзе, 1985.

Чхао Чху-чанг. К вопросу о взаимоотношениях юаньских и золотоордынских правителей (по данным китайских источников) // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды). Казань, 2002.

Шабульдо М. Витовт и Темура: противники или стратегические партнеры? // Сходознавство. Київ, 1998. № 5.

Шафиев Н. А. История и культура кабардинцев в период позднего средневековья (XIV—XVI вв.). Нальчик, 1968.

Швецов М. Л. Отчет об археологических исследованиях в Донецкой обл. в 1981 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. №№ 10172, 10173, 10175.

Швецов М. Л. Отчет об археологических исследованиях могильника у хут. Зливки в 1983 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. №20959—20960.

Швецов М. Л., Цимиданов В. А., Дубовская О. Р., Кравец Д. П. Отчет Донецкой археологической экспедиции областного лагеря юных археологов об археологических исследованиях многослойного памятника “Зливки” у с. Ильичевка Краснолиманского р-на Донецкой обл. в 1984 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. № 21398.

Швецов М. Л., Кравченко Э. Е. Отчет о спасательных археологических исследованиях на памятнике у с. Маяки и пос. Донецкого Славянского р-на в 1989 г. // НА ИА НАНУ. Ф. э. № 23867.

Швецов М., Кравченко Е. Нові матеріали до історії ісламу в Україні // Історія релігій в Україні. Тези повідомлень наукової конференції. Київ—Львів, 1995.

Шильтбергер И. Путешествие Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1421. / Пер. с нем. Ф. Бруна // Записки Императорского Новороссийского университета. Одесса, 1867. Т. I.

Шрамко Б. А. Древности Северского Донца. Харьков, 1962.

Шушарин В. П. Этническая история Восточного Прикарпатья в IX—XII вв. // Становление раннефеодальных славянских государств. Киев, 1972.

- Шушарин В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья // История СССР. 1978. №2.
- Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров. Москва, 1997.
- Эрдели И. Венгры на Дону // Маяцкое городище. Москва, 1984.
- Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд. Москва, 1981. Вып. 8.
- Юстин. Эпитома сочинения Помпея Трога "Historiae Philippicae" // ВДИ. 1955. № 1.
- Яблонский Л. Т. Некрополи Болгара // Город Болгар. Очерки истории и культуры. Москва, 1987.
- Яворницький Д. І. Дніпрові пороги. Географічно-історичний нарис. Дніпропетровськ, 1989.
- Якобсон А. Л. Средневековый Крым. Москва—Ленинград, 1964.
- Якобсон А. Л. Крым в средние века. Москва, 1973.
- Якубовский А. Ю. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. // Византийский временник. 1927. Ленинград, 1928. Т. 25.
- Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча // ИГАИМК. 1930. Т. VI. Вып. 27.
- Яценко С. А. "Хазары" и "басилы" III—IV вв. в Северо-Западном Прикаспии. По армянским источникам // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа (XIX "Крупновские чтения"). Тезисы докладов научной конференции. Москва, 1996.
- Aboulféda. Géographie. Texte Arabe. Paris, 1840.
- Aboulféda. Géographie. Traduite de l'Arabe en Français. Paris, 1848. L. II.
- Acta Patriarchatus Constantinopolitani // ЗООИД. Одесса, 1863. Т. V.
- Andronic A. Anualni institui de istorie si archeologie // A. D. Xenopol. Iasi, 1973. Т. I.
- Arendt W. W. Türkische Sabel aus VIII—IX Jahrhunderten // Arhaeologia hungarica. 1934. Т. XVI.
- Blau O. Über Volkstum und Sprache der Kumanen // Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft. 1876. Bd. 29.
- Berze Nady. A czodasrarvas mondaja // Ethnographia. Budapest, 1927. ¹ 38.
- Bretshneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910.
- Comsa M. Die Bulgarische Herrschaft Nordeich der Donau wankend des und X jh eichte der Arhaologischen forschungen // Dacia. 1960. IV.
- Constantinus Porphyrogenitus. De ceremoniis aulae Byzantinae. Bonnae, 1829. L. II.
- Dunlop D. M. The history of the Jewish Khazars. 2 ed. New-York, 1954.
- Ferrand G. Le Tufhat al-albab de Abu Hamid al-Andalusi al-Garnati // Jornal Antique. Paris, 1925. CCVII.
- Georgii Pachymeris. Andronic Palaeologus sive Historia Rerum ab Andronico seniore. Venetiis, 1729.
- Golden P. B. Khazar studies. Budapest, 1980. Vol. I.
- Golden P. B. An introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden, 1992.
- Györffy G. Krónikánk és a magyar őstörténet. Budapest, 1984.
- Hampel T. Alter humer der Fruhen Mittelelalters in Ungarn. Budapest, 1905. Th. II.
- Hanuliak M. Hroby pod nahrobmyi Kamenmi v 11-14 storoci // Slovenska Archeologia. Bratislava, 1979. № 37.
- Henkey T. Jászboldogháza népességnék etnikai embertani vizsgálata // Jubileumi Évkönyv. Jászberény, 1974.
- Ibn al-Asir. Al-Kamil fi Tarikh. Beirut, 1978.
- Jagchid S., Hyer P. Mongolia's culture and society. Boulder, Colorado — Folkestone, England, 1979.

- Kálman R.* A jászok eredete és nyelve. Kecskemet, 1977.
- Keenan E. L. Kazan* — 'The Bend' // *Eucharisterion: Essays presented to Omeljan Pritsak on his sixteenth Birthday by his Colleagues and Students.* — Harvard Ukrainian Studies. Cambridge, Mass., 1979.—1989. Vol. III—IV.
- Kolenati F. D.* Reiscerinnerunden. Dresden, 1859.
- Kuharski E.* Żywioł alanski (jaski) w Karpatach Wschodnich. Warszawa, 1938.
- Lewicki T.* Źródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. Wrocław—Kraków, 1956. T. 1.
- Lewicki T.* Ze studiów nad źródłami arabskimi Cześć Siedrzyby i pochodzenie Burtasów. // *Slawa Antiqua.* Poznań, 1965. № 12.
- Lewicki T.* Un peuple iranien peu connu les "Arsija ou Orsiya" // *Hungaro-Turcica. Studies in Honour of János Németh.* Budapest, 1976.
- Lozovan E.* De l'onomastique de l'Orient Latin // *Revue internationale d'Onomastique.* Paris, 1965. № 1.
- Marquart J.* Die Chronologie der alttürkischen Inschriften. Leipzig, 1898.
- Magyar-Orosz szótár.* Budapest, 1986. T. I.
- Minorsky V.* Hudud al-Alam. The regions of the world. London—Oxford, 1937.
- Minorsky V.* The Alan capital Magas and the Mongol Campaigns // *BSOAS.* 1952. Vol. XIV. № 2.
- Minorsky V.* Tat // *E. Brill's First Encyclopaedia of Islam.* 1913—1936. Leiden—New York—Copenhagen—Köln, 1987. Vol. VIII.
- Paloczi-Horvát A.* Pechenegs. Cumans. Iasians. Budapest, 1989.
- Pritsak O.* The Pečenegs. Case of Social and Economic transformation. Cambridge Mass., 1976.
- Pritsak O.* The Khazar Kingdom conversion to Judaism // *Harvard Ukrainian studies.* 1978. Vol. II. №3.
- Pritsak O.* Orientierung und Farbsymbolik. Zu den Farbenbezeichnungen in den altaischen Volkernamen // *Studies in Medieval Eurasian History.* London, 1981.
- Pritsak O.* The Polovcians and Rus' // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.* Wiesbaden, 1982. Vol. II.
- Pulleyblank E. G.* The Consonantal System of Old Chinese. Part II. // *Asia Major.* 1963. Vol. 9. No 2.
- Thomsen T.* Turcica. Concernant l'interprétation des inscriptions turques de la Mongolie et de la Sibirie // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* Helsingfors, 1916. L. XXXVII.
- Saint-Martin V.* Études de géographie ancienne et d'éthnographie asiatique. Paris, 1850. L. II.
- Shneider H. H.* Türkische Namen der Iranier // *Die Welt des Islam, Sonderband.* Leipzig, 1941. 1–34.
- Schütz E.* The Tat People in the Crimea // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae.* Budapest, 1977. T. XXXI.
- Selmeczi L. A.* A Negyszállás jász temető // *Communicationes Archaeologicae Hungariae.* Budapest, 1981.
- Steingass F.* A comprehensive Persian-English dictionary. Beirut, 1998.
- Szabó L.* A jász etnikai csoport. A jász etnikum a jászági műveltségi egység : Kandidátusi értekezés tézisei. Szolnok, 1974.
- Szabó L.* A jász etnikai csoport. A jász etnikum a jászági műveltségi egység néprajza. Szolnok, 1979. T. I.
- Szabó L.* Jászság. Condolat, 1982.
- Tabari.* Tarikh ar-rusul wa-l-muluk. Edition Critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim. Vol. VII.
- Tabari.* Tarikh ar-rusul wa-l-muluk. Edition Critique par Mohammad Abul Fadl Ibrahim. Vol. VIII.

Vasmer M. Die Iraniez in Sudruss land. Leipzig, 1923.

Zakharow A. A. Betrage zur Frage der türkische Kultur der Volkerwanderungszeit // *Arhaeologia hungarica*. 1934. T. XVI.

Zegledi K. Khazar Reids in Transcaucasia in A. D. 762—764 // *Acta Orientalia Academiae Scientarum Hung.* Budapest, 1960. T. XI.

SUMMARY

Oleg Bubenok

The Alans-Ases in the Golden Horde (13-15th centuries)

Introduction. The problem of the late Alans living in the 13-15th centuries in the Golden Horde territory has still been studied insufficiently. Both objective and subjective reasons have prevented from this till recently, and among them – negative treatment of the Mongols' part in history by Eastern-European historians; Marxist approach in Nomadic states studies; inaccessibility of many sources on the late Alans' history etc. In spite of this some aspects of the problem were elucidated both in the works by F. Brun, Yu. Kulakovsky, Z. Vaneev, V. Kuznetsov, M. Jioev and in researches concerning the Golden Horde history by G. Vernadsky, B. Grekov, A. Yakubovsky, G. Fedorov-Davydov, L. Gumilev and others. However up to now the Golden Horde Alans have not been the object of an independent monographic research. Therefore this monograph is called upon to show history of the late steppe and mountainous Euro-Asian Alans as well as elucidate their place in the Golden Horde social, political and economic structures. It is being done for the first time. Written sources of Oriental and European origin, cartographic materials, archaeological, anthropological, ethnographic findings were brought into use in the research. Therefore different research methods were applied. The conception on cyclic development of nomadic societies, different from the evolutionary Marxist idea on phased progress of nomadic society, formed the methodological basis of the research.

Chapter 1 “The Alans and Mongols in the Genghiz Khan Times (end of the 12th – beginning of the 13th century)” is dedicated to the first contacts of the Alans with the Mongols. As far back as genealogic legend on the origin of the Genghiz Khan clan (*borjighin*) containing some information about the clan's original mother – Alanghoa as well as anthropological peculiarities of Genghiz Khan clan representatives allow to assume the roots of the clan to be Sarmatian-Alan. According to P. Carpini report the first passage of arms of the Mongols and Alans occurred in Central Asia under the assault of the city of Ornas, i.e. between 1218 and 1233. According to Islamic sources the second Mongols' and Alans' conflict took place in the Northern Caucasus where the former smashed the united forces of the Alans and Polovcians in 1221-1222. During 1222-1223 winter the Mongols attacked the Alans inhabiting the Sudak area in Crimea. However in 1223 in the battle of the Kalka river between the united forces of the Rus princes and the Polovcians against the Mongols, the Brodniks took the side of the latter; the Alans of the Black Sea steppes could be allotted to them. In the beginning of the 13th century most of the Alans were concentrated in the Northern Caucasus where the political union, association of Alania had been already exposed to disintegration by that time.

Chapter 2 “Mongol Expansion to Eastern Europe and the Northern Caucasus after 1235 and its Consequences for the Ases-Alans” focuses attention on itineraries of the Mongol campaigns led by Khan Batu in 1236-1241. As a result we succeeded in establishment of the As country in 1236-1237 mentioned by Juwayni and Rashid ad-Din not in the Northern Caucasian steppes but on the right bank of the Middle Volga and its correlation with the Burtas territory. As for the Alans living in the steppe area between the Dnieper and Don they could be attacked by the Mongols in early 1238. In late 1238 – early 1239 the Western part of Northern Caucasian Alania was attacked; the Eastern part could be finally subjugated only in the second half of the 13th century. As concerns the Mongol capture of the Crimean and North-Western Black Sea area inhabited by the Alans this period could be approximately designated from 1238 to 1241. However there has not been common opinion on several issues in the Northern Caucasian Alans' history. They are: 1) when did the Alans leave the Caucasian plain – after the Mongol campaigns immediately or after the Timur's campaigns? 2) when did the Alans start resettling on a

mass scale to the Southern Caucasus – after the Mongol or Timur campaigns? 3) when did the mountainous area of Western Alania emptied finally – after the Mongol or Timur campaigns?

Chapter 3 “Timur’s Campaigns against the Golden Horde in the end of the 14th century and Changes of Ethno-Political Situation in the Northern Caucasus” is dedicated just to solving these problems. Therefore such aims were set: 1) to determine boundaries of peoples’ location in the Northern Caucasus before Timur’s campaigns; 2) to trace the itineraries of Timur’s campaigns in the Northern Caucasus; 3) to determine territories of peoples’ settling in the Central Caucasus after the Timur’s forces withdrawal. Information of works by Abu al-Fida, Shami, Yazdi and others was brought for these facts establishment. As a result we managed to ascertain that before Timur’s coming the Northern Caucasian steppes were inhabited by the Cherkesses whereas the Alans-Ases lived in the mountain area of the Northern Caucasus in particular in Elbrus area. Timur’s troops accomplished four armed assaults upon the Northern Caucasus from different starting points in 1387, 1395-1396 and 1400. The peoples of the seaside and mountain area in Dagestan, the Cherkesses and the Alans-Ases in Elbrus area and neighboring mountains were exposed to their attack. As a result after the Timur’s campaigns the Ases as a separate ethnic group had not been mentioned in the Caucasus whereas some growth of the Alans-Ovses population in the Kingdom of Georgia was registered at the same time. However it has still remained a riddle why did Abu al-Fida call the Alans and Ases not only “Christians” but also “Turks” in the beginning of the 14th century?

Chapter 4 “Terms *Alans* and *Ases* in the Ethnic Nomenclature of the Euro-Asia Peoples and Problems of Ethnogenesis of Central Caucasus Population” is dedicated to the diffusion of the ethnic terms *Alan* and *As* among modern Caucasian peoples and among medieval and ancient ethnic groups as well. As a result we succeeded in finding out that not any modern Caucasian people uses terms *Alan* and *As* as its self-name. On the contrary, the neighbors of the Turkophone Karachays and Balkars in the first place designate them in this way where indication about former inhabiting these territories by the Alans and Ases should be seen. The Ossetians as their self-name use terms of the Caucasian origin – *iron*, *digoron*, *tual*. Only the Alans in Eastern Hungary have preserved the ethnic name *Jasz* as their self-name. We managed to ascertain that inhabitants of the Western part of Northern Caucasian Alania called themselves *Ases* and their land *Asia* in the pre-Mongolian period whereas inhabitants of the Eastern part of Northern Caucasian Alania designated themselves Alans. In the Golden Horde period *Asia* lost its population as a result of migration to Europe and the Far East. This contributed to replacement of all other Alans names by the term *As* in the Golden Horde. As concerns the origin of the term *As* there is no call to connect it with the name of the ethnic group of *Arsiya*, because the ethnic name *As* was recorded in the first centuries A.D. in Central Asia, and in the 7th, 8th, 10th centuries in the Northern Caucasus, whereas the ethnic group *al-Arsiya* entered up only in the early 10th century. So data of ethnonymia allow to see in the contemporary Ossetians descendants both of the Alans and mountaineers assimilated by the Alans as well as in the Karachays and Balkars – the Alano-Caucasian population assimilated by the Turks.

Chapter 5 “Integration of the Alans-Ases into the Military-Administrative and Social-Economic Systems of Yuan Empire and the Ulus Juchi” is dedicated to definition of the Alans’ place and role in establishing and progress of Mongol Empire and its component parts. Information of written sources allowed to make the conclusion that the Mongols could not set up their own army and accomplish conquests without participation of the conquered peoples. The Alans conquered by the Djughids in the Northern Caucasus were recommitted to the Emperor Khubilai army and assisted in Southern China conquest. As a result several units of the Emperor Guard were formed of the Alans and they achieved high socio-economic status in the Far East. The Alans’ socio-economic status in the Golden Horde was lower in spite of their regular reinforcement of the Golden Horde army, control of trade etc. The reason for this laid in the fact that, according to the clauses of the-Genghis

Khan Yassa, sedentary population, where the Alans belonged to, should always occupy lower than nomads status in the society.

Chapter 6 “The Alanian Population of Khwarezm in the Golden Horde and after the Mongol Periods” refutes the settled opinion of some scholars about the Alans disappearance as an ethnic group from Central Asia in the early Middle Ages. Information by P. Carpini about the Mongol assault of the city Ornas which the Alans used to live in allows to assert that in the beginning of the 13th century the Alans inhabited Khwarezm; and al-Biruni’s report allows to localize them on the Caspian coast. Unfortunately written sources do not state the Alans in Khwarezm in the Golden Horde period. Nevertheless ethnonymy and toponymy data give every reason to assert that the Alans’ descendants remained up to the beginning of the 20th century not only in Khwarezm but also in the Southern part of Central Asia. It could be explained both by participation of the Central-Asian Alans in forming of the settled Uzbek population in the Khwarezm oasis in the late Middle Ages and affiliation with the Turkman nomadic tribes on the Mangyshlak peninsula.

Chapter 7 “Last Iranophone Population of the Volga-Don Area under the Mongol-Tatar Rule” demonstrates that the Golden Horde culture influenced to the highest degree upon the Alans and their descendants inhabiting the Golden Horde Central provinces; more than upon their tribesmen outside the region. This assertion could be proved by the fact that only the Don area Alans right up to the end of the 14th century remained Christians whereas the Alans living in the cities and settlements of the Siversky Donets, the Lower and Middle Volga basins as early as the beginning of the 14th century were Muslims. Purely economic reasons should be seen in this fact and not deviation of the Mongol leadership from the principle of religious tolerance. The Alans in this region were engaged in trans-continental trade in the first place with Muslim countries that predetermined their conversion to Islam. Just the last fact could promote change of their ethnic self-consciousness that gives grounds to consider the Iranophone Alans and Burtases to be important component in ethnogenesis of the Tatars of the Volga and Don area.

Chapter 8 “The Alans-Ases of the Northern Black Sea Steppes under the Rule of the Golden Horde Khans” touches upon the least studied problem in the history of the Medieval Alans. Analysis of written sources by P. Carpini, G. Pachymeris, J. Barbaro and toponymy data allows to localize the Alans in the 13-15th centuries in the steppes between the Don and Dniester mouths. Findings of archaeological excavations and craniological measuring of Christian burial grounds of the Golden Horde period in the Lower Dnieper area (Kamenka, Blaghoveshchenka, Kairy, Mamay-Surka etc.) allowed to assume that the local Alanian population was formed at least from two components in the 13-14th centuries. The first component at the Kamenka and Blaghoveshchenka burial grounds represented Zlivnik anthropological type and was autochthonous that allowed to connect it with descendants of the Alano-Bulgars, representatives of the Saltov culture. The second component represented in Kairy and partially in Mamay-Surka belonged to alien masculine dolichocranic population connected genetically with the Northern Caucasian Alanian population. The emergence of this type burial grounds dates back to the second half of the 13th century and allows to connect the beginning of their functioning with migration activities of the Golden Horde ruler Noghay. So in the Golden Horde period the number of the sedentary population in the Black Sea area steppes did not decrease but on the contrary increased.

Chapter 9 “The Crimean Alans in the 13-15th Centuries and their Participation in Ethnogenesis of the Peninsula Population” touches upon problems connected with localization of the separate Alan groups on the peninsula, their origin and disappearance. As a result it was established that in the 13-15th centuries the Alans inhabited at least three regions of the peninsula – South-Western, Eastern Crimea and the steppes of the peninsula up to Perekop. The origin of the latter is interesting because for the first time they were reported in the Crimean steppes by G. Rubrouck only in the middle of the 13th century and moreover he called them *As* in contrast to the Alans of the Southern coast. Just this gives us ground to attribute their origin to the Western part of Northern Caucasian Alanian. As

for the origin of two other groups of the Crimean Alans we have grounds for regarding them as “autochthons” of the peninsula having lived there since the first centuries A.D. Since the 15th century the Alans as an ethnic group have disappeared from Crimea as a result of assimilation with neighboring peoples. The converted to Islam Alans-Ases of Crimea steppe area were probably merged by the Crimean Tatars. As for the Alans of Eastern and South-Western Crimea in the late Middle Ages they likely contributed to the forming of the Southern-Crimean ethnic group known as “Tats” whose essential feature was affiliation with the Orthodox Christianity.

Chapter 10 “The Alans-Ases of the North-Western Black Sea Area in the 13-15th Centuries and Problem of their Origin” covers, on the one hand, the undisputed fact of the Alans presence in the Balkan countries during the Golden Horde period, and, on the other hand, pays attention to the problem which is not worked out at all – origin of these Alans. The analysis of late Middle Ages texts allows to state existence of considerable Alanian population in the Dniester and Prut interfluves since the end of the 13th till the end of the 15th century. Besides, we managed to find that two city centers called “Aský Torg” (“As market”) existed in this region – one on the banks of the Prut, the other was in the Dniester mouth. Quite noteworthy that some written sources give evidence of the Alans presence in this region in the first half of the 10th century, whereas there is no information about them afterwards right up to the end of the 13th century. There is every reason to believe that those descendants of Alans were affiliated to the local Brodniks in the end of the 12th - beginning of the 13th centuries. The Christian burial ground near the village of Limbar represented by the Zlivnik anthropological type can be connected with them. Adherents of tradition to bury their deceased under the gravestones appeared in the 11th century in the Upper and Middle Dniester area presumably from Northern Caucasian Alania could also join Brodnik community inhabiting territories on the Transylvania borders. In the second half of the 13th century a considerable amount of the Alans could migrate from the Northern Caucasus; this was mentioned in written sources, and confirmed both by emergence of the Northern Caucasian type toponyms, and probably rocky burial places. It was emergence of the last Alanian group that could be linked with the expansionist activities of the Golden Horde ruler Noghay in the Balkans who resettled the Alans from the Northern Caucasus specially with the purpose of serving in the frontier armed forces and being in trade.

Chapter 11 “The Hungarian Jases and Their Relationship to the Alans-Ases of the Northern Caucasus and Black Sea Area Steppes” is dedicated to the most Western group of the Medieval Iranophone population. As a result we managed to find out that the Alans migrated continually from the Eastern European and the Northern Caucasian steppes to the territory of Hungary. The first migrations of the Sarmatians-Alans to Pannonia could occur in late Antiquity; later on the Alans as the Huns confederates could advance here in the 4th century; late in the end of the 9th century the Alans - the Saltov culture adherents could migrate here together with the Magyars. In the 11-12th centuries the Alans of the North-Western Black Sea area could migrate to Hungary together with the Pechenegs; the last migrations of the Alans are correlated with the Golden Horde period. However one can not agree completely with the opinion that the Jases’ settling in Eastern Hungary resulted from the Polovcian Khan Kotyan migration from the Northern Caucasian steppes together with the confederate Alans in 1238-1240. Written sources allow to localize Kotyan’s camping-ground in the Northern Black Sea steppes and not in the Northern Caucasian steppes. Besides this not any written source mentions the Alans as members of Kotyan’s Horde. The first reliable record about the Jases in Eastern Hungary dates back beginning of the 14th century. Therefore the hypothesis that the Alans migrated to Hungary in the beginning of the 14th century from the territory of neighboring Moldova in consequence of internecine war between Noghay’s sons which they suffered from looks more probable.

Chapter 12 “Historic Parallels in Traditional Culture of the Ossetians and Euro-Asian Steppe Peoples” concentrates attention on the existing coincidences in material

and spiritual culture of the Mongols, Turkophone and Iranophone peoples. This applies to almost perfect identity of plots in Nart Ossetian epos and those of their neighbors, with plots in folklore of the Mongolian peoples, Karakalpaks, Russians, Ukrainians etc. Besides coincidence in the type of dwelling and clothes of the population of the Northern Caucasus and Northern Black Sea area, Volga area, Balkans and Hungary was registered. This can be explained both by the fact that the Alans, the Ossetians' ancestors, settled widely in Euro-Asian steppes in recent times and by the fact that the Mongol and Turk nomadic traditions influenced upon cultures of many sedentary and nomadic peoples in Central-Eastern Europe and Central Asia.

Conclusion. The conducted research allowed to ascertain that the Alans inhabited many regions of the Golden Horde in the 13-15th centuries. Such wide distribution should be connected not with their flight in confusion resulting from massacres inflicted by the Mongols in the Northern Caucasus in 1238-1239 but with two factors as follows. First, the Alans had already widely inhabited Central Asia and Eastern Europe before the Mongol invasion; they kept on living in the former places also in the Golden Horde times. Second, in the second part of the 13th century the Golden Horde rulers started to resettle the Alans from the Northern Caucasus to the remote state provinces with a view to weaken the Alans' forces in the Northern Caucasus and to strengthen their frontier territories. Spreading of the term *As* should be connected just with this fact; the term primarily designated the Western group of the Northern Caucasian Alans. In the Golden Horde the Mongols employed the Alans in military service, for development of commerce and agriculture etc. In spite of the lower social status enjoyed by the sedentary Alans than the status of the nomads in the Golden Horde we have every reason to assert that the Mongols were particularly interested in existence of the Alan settlements all over the Golden Horde territory. It was dispersion of the Alan population outside the Northern Caucasus that resulted in their assimilation by the neighbors after the 15th century.

Translated by T. Prykhodko

СОКРАЩЕНИЯ

АОК — Археологические открытия на Киевщине
АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
АРРСЗО — Археологические раскопки в районе станицы Змейской Северной Осетии
АС — Археологический съезд
БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВДИ — Вестник древней истории
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ЗИРАО — Записки императорского Русского археологического общества
ЗКОИРГО — Записки Кавказского отделения императорского Русского географического общества
ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей
ИГАИМК — Известия Государственной Академии истории материальной культуры
ИГО — Известия Географического общества
ИСОНИИ — Известия Северо-Осетинского НИИ
ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии
ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии
ИЮОНИИ — Известия Юго-Осетинского НИИ
КСДПИИМК — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
КЭС — Кавказский этнографический сборник
МАИЭТ — Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НА ИА НАНУ — Научный архив Института археологии Национальной Академии наук Украины
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СИЭ — Советская историческая энциклопедия
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
ССКГ — Сборник сведений о кавказских горцах
СЭ — Советская этнография
ТИЭ — Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР
УЗСОПИ — Ученые записки Северо-Осетинского педагогического института
УІЖ — Український історичний журнал
ЭО — Этнографическое обозрение
ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
<i>Глава I.</i> Аланы и монголы во времена Чингис-хана (конец XII — начало XIII вв.)	13
<i>Глава II.</i> Экспансия монголов в Восточной Европе и на Северном Кавказе после 1235 г. и ее последствия для аланов-асов	36
<i>Глава III.</i> Походы Тимура против Золотой Орды в конце XIV в. и изменение этнополитической ситуации на Северном Кавказе	61
<i>Глава IV.</i> Термины <i>alan</i> и <i>as</i> в этнической номенклатуре народов Евразии и вопросы этногенеза населения Центрального Кавказа	73
<i>Глава V.</i> Интеграция аланов-асов в военно-административную и социально-экономическую системы империи Юань и Улуса Джучи	92
<i>Глава VI.</i> Аланское население Хорезма в золотоордынский и послемонгольский периоды	117
<i>Глава VII.</i> Позднейшее ираноязычное население Волго-Донья в период господства монголо-татар	140
<i>Глава VIII.</i> Аланы степей Северного Причерноморья под властью ханов Золотой Орды (XIII—XV вв.)	168
<i>Глава IX.</i> Аланы Крыма в XIII—XV вв. и их участие в этногенезе населения полуострова	190
<i>Глава X.</i> Аланы-ясы Северо-Западного Причерноморья в XIII—XV вв. и проблема их происхождения	230
<i>Глава XI.</i> Ясы Венгрии и их отношение к аланам-асам Северного Кавказа и причерноморских степей	253
<i>Глава XII.</i> Исторические параллели в традиционной культуре осетин и народов Евразийской степи	269
Выводы	291
Источники и литература	235
Summary	318
Сокращения	323

Наукове видання

Олег Борисович Бубенок

АЛАНИ-АСИ В ЗОЛОТІЙ ОРДІ (XIII–XV ст.)

російською мовою

Літературний редактор *С. П. Круть*

Комп'ютерна верстка та коректура *О. О. Хамрай*

Художнє оформлення та технічне редагування *О. М. Литвин*

Комп'ютерний набір *Ю. П. Дудка, Я. Є. Ленго*

Підписано до друку 10.03.2004.

Формат 70х108/16. Папір. офс. Умовн. друк. арк. 26,4.

Обліково-вид. арк. 26. Наклад 500 пр. Зам. 19.

Надруковано з оригінал-макету “Істина”

(свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи

до Державного реєстру видавців, виробників

і розповсюджувачів видавничої продукції – серія ДК №521 від 05.07.2001).

04136, Київ, вул. Маршала Гречка, 13.

Тел.: (044) 434-84-06; (044) 449-94-55.

Друкарня Інституту сходознавства ім. А. Кримського НАН України.

01001, м. Київ, вул. Грушевського, 4. Тел.: (044) 235-42-71.

